http://rcin.org.pl

http://rcin.org.pl

http://rcin.org.pl

http://rcin.org.pl

СОЧИНЕНІЯ

Н. К. МИХАЙЛОВСКАГО.

---

http://rcin.org.pl

http://rcin.org.pl

СОЧИНЕНІЯ

Н. К. МИХАЙЛОВСКАГО.

Томъ первый.

INSTYTUT
BADAŃ LITERACKICH PAN
BIBLIOTEKA
00-330 Warszawa, ul. Nowy Świat 72
Tel. 26-68-63

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Ф. С. Сущинскаго.
Екатерининскій каналъ, 168.

1879.

http://rcin.org.pl

Ze zbiorów
Fundacji im. J. J. Michalskich

24.150/1

http://rcin.org.pl

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлагаемое изданіе отнюдь не есть „полное собраніе сочиненій“. Многое изъ написаннаго мною въ теченіе десятилѣтней литературной дѣятельности вовсе не войдетъ въ это изданіе. Многое (главнымъ образомъ статьи: „Что такое прогрессъ?“, „Теорія Дарвина и общественная наука“, „Борьба за индивидуальность“ и нѣкоторыя мелкія замѣтки) будетъ значительно дополнено и сведено въ одну цѣльную работу. Съ нея именно думалъ я начать изданіе, но текущая журнальная дѣятельность поглощаетъ столько времени и силъ, что я, при всемъ желаніи, не могъ до сихъ поръ сдѣлать это сравнительно небольшое дѣло.

Въ виду этого настоящій томъ выпускаю съ нѣкоторою грустью. Однако, хотя вошедшія въ него статьи далеко не составляютъ того, что мнѣ самому изъ моихъ писаній наиболѣе дорого, я испытывалъ все таки чувство извѣстнаго нравственнаго удовлетворенія, просматривая ихъ для отдѣльнаго изданія. Мнѣ кажется, что содержаніе ихъ представляетъ рѣшительный, чисто

http://rcin.org.pl

фактическій démenti тѣхъ глупостей, пошлостей и подлостей, которыми нѣкоторые господа стараются за послѣднее время осыпать или непосредственно меня или направленіе, къ которому я принадлежу. А кромѣ того пріятно было, возобновляя въ памяти вещи, написанныя десять лѣтъ тому назадъ, убѣдиться, что съ тѣхъ поръ, какъ я только выступилъ на тернистый путь журналистики и по сей день я служилъ и служу одной и той-же Правдѣ. Оставляя въ сторонѣ тѣ литературные флюгера, которые только и существуютъ для того, чтобы показывать откуда дуетъ вѣтеръ, я никогда не брошу камнемъ въ людей въ родѣ Бѣлинскаго, мѣняющихъ свои убѣжденія послѣ тяжелой внутренней борьбы, оставляющей иногда незалечимыя раны. Но все таки лучше, если эта подготовительная работа завершена до выступленія на литературное поприще. Это не заслуга, но большое удобство: не отъ чего отрекаться, нечего краснѣть.

Ник. Михайловскій.

http://rcin.org.pl

СОДЕРЖАНІЕ.

Предисловіе. Стр.

Жертва старой русской исторіи 1

Аналогическій методъ въ общественной наукѣ 39

Суздальцы и суздальская критика 111

Преступленіе и наказаніе 193

Вольтеръ-человѣкъ и Вольтеръ-мыслитель 309

Естественный ходъ вещей 395

http://rcin.org.pl

http://rcin.org.pl

Жертва старой русской исторіи *)

Пережитое и передуманное. Воспоминанія Василія Кельсіева. Спб. 1868.
Галичина и Молдавія. Путевыя письма Василія Кельсіева. Спб. 1868.

Г. Кельсіевъ былъ у насъ еще недавно героемъ дня, о которомъ думали, говорили, писали. Исторія г. Кельсіева, дѣйствительно, такова, что ему вполнѣ подобаетъ быть героемъ дня. Судьба его выходитъ совершенно изъ ряду вонъ: человѣкъ былъ девять лѣтъ эмигрантомъ, бросался изъ одного угла Европы въ другой, велъ самую дѣятельную революціонную агитацію, всю душу свою клалъ въ это дѣло, замѣшанъ во множествѣ политическихъ дѣлъ, счастливо пробрался въ Россію съ фальшивымъ паспортомъ, такъ же счастливо ушелъ изъ нея, получилъ неслыханный у насъ титулъ «неосужденнаго государственнаго преступника», полтора года былъ атаманомъ некрасовцевъ въ Добруджѣ, чуть-чуть не попалъ въ черкесскіе султаны, и въ концѣ-концовъ воротился въ Россію, получилъ помилованіе и обратился въ русскаго литератора. Такая странная, пестрая судьба дѣлаетъ г. Кельсіева очень любопытнымъ психологическимъ, если не психіатрическимъ субъектомъ. Понятно, что всѣ

*) 1868, декабрь.

http://rcin.org.pl

взоры обратились на него, какъ только онъ перешелъ русскую границу и даже раньше, какъ только стало извѣстно, что корреспондентъ «Голоса», Ивановъ-Желудковъ есть не кто иной, какъ самъ г. Кельсіевъ. Одни ликовали, другіе скорбѣли. Но затѣмъ, когда г. Кельсіевъ издалъ свои воспоминанія, оказалось, что гора родила мышь и что въ фактѣ возвращенія г. Кельсіева въ Россію нѣтъ поводовъ ни къ скорби, ни къ ликованію. Въ этомъ именно смыслѣ и говорили о воспоминаніяхъ г. Кельсіева нѣкоторыя наши періодическія изданія, вслѣдствіе чего удѣлили особѣ г. Кельсіева по нѣсколько небрежныхъ словъ. Но нынѣ г. Кельсіевъ издалъ другую книгу, въ которой собралъ, въ исправленномъ и дополненномъ видѣ, свои путевыя письма изъ Галиціи и Молдавіи. Изъ этой книги оказывается, что нынѣшнее міросозерцаніе г. Кельсіева, стоящее въ такой рѣзкой противоположности къ его прежнему строю мыслей и чувствъ, есть, повидимому, не минутная вспышка, что оно сидитъ въ немъ глубоко и крѣпко, что онъ готовитъ къ печати новое сочиненіе, иллюстрированное, въ которое должны войдти его археологическія и этнографическія изслѣдованія. Онъ обращается къ гуцуламъ съ такими словами объ этой своей будущей книгѣ: «О, вы, бѣдные Грыньки, Грицки, Ильки, вы не прочтете моихъ строкъ, вы не будете знать, сдержалъ ли я свое обѣщаніе, что буду писать о васъ; а я пишу, какъ мнѣ это ни тяжело, и выйдетъ въ свѣтъ книга, выйдетъ съ картинками, и я постараюсь, чтобы она была переведена на другіе языки, чтобы знали люди ваше горе, вашу слѣпоту». Затѣмъ г. Кельсіевъ издастъ, вѣроятно, еще что-нибудь и тамъ столь же горячо будетъ пропагандировать свои теперешніе взгляды. Нѣкоторыя особенности характера г. Кельсіева ручаются за эту горячность пропаганды и его литературную плодовитость въ теперешнемъ направленіи. Въ виду этого обстоятельства мы считаемъ полезнымъ остановиться на личности г. Кельсіева нѣсколько дольше, чѣмъ это было сдѣлано до сихъ поръ русскою печатью. Мы будемъ имѣть въ виду именно личность г. Кельсіева, а не поднимаемые и затрогиваемые имъ вопросы. Помимо деликатности и щекотливости

http://rcin.org.pl

этого рода вопросовъ, у насъ есть и другія причины для сосредоточенія вниманія исключительно на особѣ автора. Г. Кельсіевъ говоритъ: «Я забирался въ захолустья и трущобы, въ которыя до меня никто изъ нашей пишущей братіи не забирался, а потому пишущая братія (я говорю собственно о дилетантахъ литературы и публицистики) судить меня не можетъ. Изъ захолустьевъ я вынесъ рядъ загадокъ. Разгадать ихъ не могу, а на общій судъ повергнуть дерзаю. Прошу только объ одномъ: чтобы меньше обращали вниманія на мою личность, а больше на вопросы, которые я подымаю». Въ этихъ немногихъ строкахъ (изъ предисловія къ «Галичинѣ и Молдавіи») столько противорѣчій, что мы считаемъ себя въ правѣ просьбы г. Кельсіева не исполнить. Да и какъ ее исполнить? Онъ въ томъ же предисловіи категорически заявляетъ, что съ нимъ можетъ спорить только человѣкъ, побывавшій въ Галиціи, и тутъ же объясняетъ, что не напечатай онъ своихъ путевыхъ нисемъ, у насъ не было бы *ровно ничего, ровно ни одной книги о Галичинѣ* (это напечатано у г. Кельсіева курсивомъ). На чей же, спрашивается, судъ отдаетъ онъ свои «загадки», и кто послѣ этого не дилетантъ по отношенію къ занимающимъ г. Кельсіева вопросамъ? Мы, лично, въ Галиціи не были и даже, откровенно говоря, и не собираемся туда ѣхать. Чтобы видѣть людское «горе и слѣпоту», забраться въ Галицію намъ, русскимъ, надобности, благодаря судьбѣ, нѣтъ. У насъ у самихъ есть «подлиповцы», есть у насъ вологжане, толпами бѣгущіе изъ своихъ деревень, есть много народу, мрущаго съ голода и вязнущаго въ умственной и нравственной грязи. Говоря о затрудненіяхъ, съ которыми строится въ Львовѣ церковь, г. Кельсіевъ замѣчаетъ, что мы, русскіе, могли бы помочь галичанамъ, но что «мы знаемъ все, кромѣ того, что творится на великой Руси». Нѣтъ, мы знаемъ кое-что изъ того, что творится на великой Руси, и чѣмъ ближе мы съ ней будемъ знакомиться, тѣмъ меньше у насъ, вѣроятно, будетъ охоты ѣхать въ Галицію и къ братьямъ-славянамъ вообще. Но мы бы, разумѣется, съ удовольствіемъ узнали что-нибудь о нашихъ дальнихъ соплеменникахъ, хотя бы они намъ

http://rcin.org.pl

и приходились седьмой водой на киселѣ. Мы съ удовольствіемъ позаимствовались бы у г. Кельсіева свѣдѣніями и попытались дать посильныя разгадки на вынесенныя имъ изъ Галиціи, какъ онъ выражается, «загадки». Но, къ величайшему сожалѣнію, никакихъ загадокъ мы у г. Кельсіева не нашли. Загадки, можетъ быть, и были, но напрасно г. Кельсіевъ утверждаетъ, что онъ ихъ разгадать не можетъ. Онѣ для него уже разгаданы, да и, какъ увидимъ, онъ вовсе не такой человѣкъ, чтобы для него въ извѣстные моменты его жизни могли существовать загадки. Вопросы, поднятые имъ, сводятся къ одному вопросу о будущности различныхъ славянскихъ племенъ, такъ что здѣсь то и слѣдуетъ искать загадокъ. Но ничего подобнаго у г. Кельсіева найдти нельзя. Онъ все разгадалъ, все рѣшилъ до мельчайшихъ подробностей. Возьмемъ нѣсколько примѣровъ.

«Вся цѣль и идеалъ славянства состоитъ въ томъ, чтобы слиться, во что бы то ни стало, воедино; слиться въ одинъ народъ, возъимѣть одинъ языкъ, одну азбуку, одну церковь, такъ, чтобы чехъ считалъ бы себя въ Москвѣ такъ же дома, какъ великоруссъ будетъ считать себя дома въ Прагѣ. Задача, стало-быть, весьма нехитрая. Полагаясь на наши грубыя плечи, полагаясь на наши тяжелыя мышцы, братья славяне могутъ къ намъ примкнуть и слѣдовать за нами, зная, что плечо наше не дрогнетъ и мышца наша не встряхнется отъ чужаго удара» («Галичина и Молдавія», стр. 81).

Ради всѣхъ братьевъ-славянъ, объясните, гдѣ тутъ загадка?

«Языкъ этотъ (нашъ русскій) таковъ, что каждый славянинъ долженъ ему учиться. Этотъ языкъ готовится сдѣлаться тѣмъ въ восточной Европѣ, чѣмъ до сихъ поръ былъ языкъ французскій, тѣмъ самымъ, чѣмъ языкъ Данте сдѣлался для итальянцевъ, а языкъ Лютера для нѣмцевъ. Какіе тутъ южноруссы, какіе тутъ сербы, болгары и платдейчеры въ виду тѣхъ великихъ событій, которыя происходятъ въ дни наши, когда всѣ племена соединяются воедино?.. Первое дѣло и первый вопросъ для всѣхъ славянъ въ настоящее время состоитъ въ томъ, какъ бы слиться воедино. Что выйдетъ дальше, про то наши внуки узнаютъ, но

http://rcin.org.pl

для насъ, людей второй половины XIX вѣка, иной задачи быть не можетъ» (l. c., 84).

Неужели и это загадка?

«Насталъ часъ освобожденія нетолько единовѣрныхъ намъ народовъ, но уже и единоплеменныхъ, изъ-подъ чужеземнаго ига» (l. c., 147).

«И пусть идутъ (поляки). Пусть и ихъ бѣдныя головы лягутъ за завѣтъ отцовъ, благо *нынѣшняя война будетъ послѣднею*» (l. c., 328).

«Когда присоединится Галичина къ Россіи, унія въ одинъ день изчезнетъ» (l. c., 107).

«Земля русская почти собрана (недостаетъ только Восточной Галичины и части Венгріи по рѣку Тису); теперь пришло время воскресенію царствъ Греческаго, Болгарскаго, Сербскаго и Румунскаго, которыя *должны* (курсивъ въ подлинникѣ) быть нашими союзниками въ будущемъ» (l. c., 299).

И т. д. Таковы загадки г. Кельсіева, который, очевидно, былъ бы очень плохимъ сфинксомъ. Г. Кельсіевъ утверждаетъ, что онъ ихъ самъ разрѣшить не можетъ и повергаетъ на общій судъ. Мы отказываемся принять участіе въ этомъ судѣ, во-первыхъ, потому, что судить, по принципу aliBi, собственно нечего — загадокъ нѣтъ; а во-вторыхъ, мы въ Галиціи не были, слѣдовательно, не можемъ удовлетворить тѣмъ условіямъ, которыя г. Кельсіевъ требуетъ отъ своихъ судей. Правда, непосредственное знакомство съ краемъ можетъ быть въ значительной степени замѣнено чтеніемъ книжекъ о данной мѣстности, но въ настоящемъ случаѣ такого суррогата у насъ нѣтъ. Единственная книга о Галиціи, какъ говоритъ самъ г. Кельсіевъ, есть его книга, а изъ нея трудно почерпнуть что-нибудь ясное и опредѣленное. Мы опять приведемъ примѣры.

На стр. 11-й г. Кельсіевъ утверждаетъ, что галичане платятъ правительству *треть* своего дохода. Слово *треть* онъ подчеркиваетъ и прибавляетъ еще въ скобкахъ: «Это я не ошибаюсь, что пишу *треть*». А на стр. 137-й уже оказывается, что «подать—*три четверти* (опять подчеркнуто) годоваго дохода»

http://rcin.org.pl

и что «уменьшить ее австрійское правительство не можетъ, потому что оно въ долгахъ по уши». Неужели же такъ въ самомъ дѣлѣ и не можетъ, даже до одной *трети* не можетъ? Хотя бы изъ любезности къ г. Кельсіеву уменьшило, а то онъ только что заявлялъ и подчеркивалъ, что не ошибается въ цифрѣ *треть*...

На стр. 30-й г. Кельсіевъ говоритъ слѣдующее: «Меня особенно рѣзко поразилъ недостатокъ уваженія къ церкви въ народѣ (русинскомъ), при всей его набожности и при всей его исключительно церковной жизни: въ церковь входятъ съ узлами, съ корзинами, съ разными покупками — такой безцеремонности я, помнится, нигдѣ еще не видалъ. Даже причастники явились съ узлами и, только становясь на колѣна передъ царскими вратами, отложили въ сторону свои ноши. Говорятъ, что въ костелахъ дѣлаютъ то же самое, стало-быть это слѣдуетъ приписать католичеству». Это *стало-быть*, очень мило, но не въ томъ пока дѣло. Одинъ русинъ вотъ что разсказывалъ г. Кельсіеву: «Когда москали, дай имъ Боже здоровья, ходили нашего цесаря спасать отъ венгровъ и отъ поляковъ», то поставили, между прочимъ, къ одному русину на постой солдата. «Встаетъ утромъ москаль, вычистилъ аммуницію, хочетъ на службу божію идти и спрашиваетъ хозяина, чего тотъ не собирается. А тотъ смѣется: «чего, говоритъ, я пойду—это все глупость, попы выдумали, чтобы народъ обдирать». Какъ услышалъ это москаль, какъ взялъ хлопа за шиворотъ, какъ отвозилъ тесакомъ—и повелъ въ церковь. «Малый, говоритъ, ты, хохолъ, дурень, не смѣй разсуждать!» Изъ этихъ фактовъ слѣдуетъ, повидимому, вывести, что уніатъ-русинъ особеннаго уваженія къ церкви, по крайней мѣрѣ въ смыслѣ храма, не питаетъ. Но это заключеніе разбивается на стр. 192-й такими словами того же самаго г. Кельсіева: «Въ каждомъ русскомъ селѣ стоитъ церковь, иногда бѣдная, чахлая, но въ воскресенье эта церковь полна народа (съ узлами и корзинками, или безъ оныхъ?). Въ католическомъ селѣ народу въ церкви дѣлать нечего, и, сравнительно, костелъ всегда пустѣе церкви. Народъ ходитъ въ костелъ по-

http://rcin.org.pl

тому, что нельзя же не идти куда-нибудь въ воскресенье. Вѣка ввели это въ потребность, въ привычку, но католикъ въ костелѣ вовсе не то, что православный въ церкви». Одному еврею г. Кельсіевъ прочиталъ такую нотацію, по поводу неблагочестиваго поведенія: «Когда мы молимся, мы не прерываемъ моленья, по крайней мѣрѣ, по часу, и, выходя изъ церкви или вставая съ молитвы, не можемъ такъ легко заговорить о чемъ нибудь житейскомъ, особенно когда нѣтъ крайней надобности. При гостяхъ или если когда какое дѣло есть, мы лучше совсѣмъ не начинаемъ молиться, боясь осквернить высокое чувство молитвеннаго настроенія и нарушить рядъ мыслей о Богѣ чѣмъ-либо житейскимъ, будничнымъ. Мы молимся искренно и *искренно не молимся*, но Христа съ Веліаромъ не смѣшиваемъ». Подъ словомъ *мы* г. Кельсіевъ разумѣлъ въ этой нотаціи христіанъ вообще, изъ которыхъ, пожалуй, можно выкинуть католиковъ, но сомнѣнія нѣтъ, что тѣ русины, которые въ церковь съ узлами ходятъ, Христа съ Веліаромъ не смѣшиваютъ и высокаго чувства молитвеннаго настроенія не оскверняютъ... Таковы сообщаемые г. Кельсіевымъ факты о странѣ, извѣстной изъ русскихъ ему одному. Хотите ли вы знать экономическій бытъ галичанъ— онъ вамъ на одной страницѣ сообщитъ, что они платятъ въ казну треть своего годоваго дохода, а чрезъ нѣсколько страницъ эта треть разростется въ три четверти. Пожелаете ли вы узнать, богомольны ли русины,—г. Кельсіевъ скажетъ *нѣтъ*, а потомъ поправитъ и скажетъ *да*. Можетъ быть, васъ интересуютъ евреи, и вы хотите знать, напримѣръ, честолюбивы ли они? О, г. Кельсіевъ сію минуту разрѣшитъ вамъ этотъ вопросъ. На стр. 224 онъ вамъ категорически объяснитъ, что если христіанинъ, между прочими земными благами, мечтаетъ и о томъ, чтобы «набраться титуловъ», то «и еврею, разумѣется, того же (т.-е. земныхъ благъ вообще и титуловъ въ частности) хочется, но для еврея это не составляетъ существенной потребности; для него роскошь— положительная прихоть». Ваше любопытство удовлетворено, но если вы перевернете одну страницу, то узнаете слѣдующее: «Извѣстно, что никто на свѣтѣ не имѣетъ такой слабости (какъ

http://rcin.org.pl

евреи) дѣлаться баронами. Это у нихъ доходитъ до пункта помѣшательства». Вы разводите руками... Но это, положимъ, мелочь. Давайте же искать у г. Кельсіева фактовъ для рѣшенія вопроса, безспорно важнѣйшаго изъ всѣхъ, какіе только могли представиться автору во время его путешествія по Галиціи. Что польская и русская или русинская національности въ Галиціи не ладятъ,—это дѣло всѣмъ извѣстное. Но если есть борьба, значитъ, есть, были или будутъ побѣдители и побѣжденные. Кто же кого? Русины ли полонизируются, или поляки руссифицируются? и куда тяготятъ или влекутся уніаты—къ православію или къ католицизму? На этотъ счетъ у г. Кельсіева есть своя оригинальная мысль, которою онъ видимо доволенъ, потому что часто повторяетъ ее. Вотъ эта мысль: «Насильственная латинизація и полонизація добилась своего: чаша перелилась черезъ край—русскіе спятъ и видятъ возвратиться къ восточному обряду. Поляки сами проиграли свое дѣло и сами догоняли русиновъ до возвращенія къ русской жизни. Поляки кричатъ, что все это движеніе подвято русскими агентами; а здѣсь даже и говорить-то понашему почти никто не умѣетъ. Нѣтъ, это не наша пропаганда: наши посольства и наши дѣятели даже не знаютъ о здѣшнемъ краѣ. Если и есть здѣсь наша пропаганда, то ее поляки ведутъ, работая противъ насъ, но за насъ. Противъ Рѣчи-Посполитой не Москва, какъ выражаются поляки, — съ Москвою, какъ со всякимъ внѣшнимъ врагомъ, можно бы справиться,— противъ нея религіозные и экономическіе интересы массы. Традиціи и традиціонный образъ дѣйствія приверженцевъ Рѣчи-Посполитой—подпора русской народности. Это очень странно; но это такъ, и это можно вслухъ говорить, потому что поляки неисправимы. У поляковъ все есть, кромѣ политическаго такта». Прекрасно. Значитъ, дѣло Польши и католицизма такъ плохо въ Галиціи, дѣйствуютъ они такъ неумѣло, что русскимъ патріотамъ нечего бояться за русиновъ: они не ополячатся и не окатоличатся, какъ потому, что сами не хотятъ, такъ и потому, что католики-поляки ужъ очень плохи. Но, къ сожалѣнію, г. Кельсіевъ не даетъ читателю успокоиться на этомъ выводѣ, и на

http://rcin.org.pl

37-й стр. разсказываетъ слѣдующій случай. Недалеко отъ Перемышля есть деревня Хлопичи, въ которой есть уніатская церковь, а въ этой церкви есть явленная икона Богородицы. Русины часто ходили молиться этой иконѣ, а за ними потянулись и мазуры—«мазуры, которые вовсе не дѣлаютъ различія между уніею и нашей схизмой и которые вовсе не прочь *смоскалить*». Католическіе священники немедленно устроили для мазурскихъ богомольцевъ придѣлъ въ хлопичской церкви. Дѣло кончилось тѣмъ, что теперь, говорятъ, уніатовъ въ Хлопичахъ почти нѣтъ — большинство крестьянъ обратилось въ католицизмъ. «Чудо у русскихъ, восклицаетъ г. Кельсіевъ, повело къ ополяченію русскихъ—вотъ здѣсь какая сторона!» Дѣйствительно, любопытная должна быть сторона,—не хорошо только, что путешественниковъ съ толку сбиваетъ, ну, и читателей путевыхъ писемъ въ недоумѣніе вводитъ. Но положимъ опять-таки, что случай въ Хлопичахъ—единичный случай, нисколько неопровергающій общаго вывода г. Кельсіева относительно политической и религіозной несостоятельности поляковъ-католиковъ... Впрочемъ, какое ужъ тутъ положимъ. Вотъ другой выводъ г. Кельсіева, изложенный имъ на стр. 345: «Почти во всѣхъ нашихъ губернскихъ городахъ есть костелы, а мы до сихъ поръ еще не смекнули и не замѣтили, что въ этихъ костелахъ недостаетъ *уніатскихъ придѣловъ*. Посмотрите же, какъ распорядительны въ этомъ отношеніи поляки: они въ каждую уніатскую церковь втерли католическіе алтари, и эти алтари сдѣлали свое дѣло: дворянство и большинство мѣщанства западныхъ губерній окатоличилось. Мы—умныя головы—въ этомъ отношеніи *отлично помогаемъ имъ*, хоть святой отецъ въ Римѣ и не цѣнитъ нашихъ заслугъ. Мы кричимъ о русской народности, а въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нашей границы ополячиваются хохлы». Чему же вѣрить? Гдѣ правда въ единственной книгѣ о Галиціи? Поляки ли ведутъ русскую пропаганду, «работая противъ насъ, но за насъ»; «традиціонный ли образъ дѣйствія Рѣчи-Посполитой—подпора русской народности»? или «мы—умныя головы—отлично помогаемъ имъ»?...

http://rcin.org.pl

Итакъ, въ книгѣ г. Кельсіева нѣтъ ни «загадокъ», ни фактовъ, потому что послѣдніе другъ друга стираютъ. Слѣдовательно, предложеніе автора обратить вниманіе не на его личность, а на поднимаемые имъ вопросы, предложеніе это никѣмъ принято быть не можетъ. Личность же г. Кельсіева—другое дѣло, потому что для оцѣнки ея имѣются факты. Издавъ свою автобіографію, г. Кельсіевъ тѣмъ самымъ отдалъ на общій судъ всю свою бурную, богатую самыми экстраординарными приключеніями, жизнь. Г. Кельсіевъ—живое лицо, но, благодаря его книжкѣ, мы можемъ относиться къ нему, какъ къ герою какого нибудь длиннаго, интереснаго и поучительнаго романа. Романъ этотъ дѣйствительно очень интересенъ и поучителенъ. Что касается до героя, который имъ вполнѣ освѣщается, то на этотъ счетъ мы пришли къ тому заключенію, что многотомный романъ г. Кельсіева еще далеко не конченъ. Онъ не успокоится, и передъ нимъ еще длинный рядъ разнообразнѣйшихъ приключеній. Онъ будетъ еще и еще увлекаться, еще и еще проклинать свои увлеченія и называть ихъ ошибками, еще и еще подниматься и падать, и опять подниматься и опять падать. Такъ ему на роду написано, что́ можно безошибочно прочитать въ его воспоминаніяхъ и путевыхъ письмахъ, которыя дышатъ полнѣйшею искренностью, несмотря на то, что авторъ говоритъ подчасъ невѣроятныя вещи. Да, романъ г. Кельсіева не конченъ, и нѣкоторыя ближайшія главы его можно даже предсказать, отнюдь не претендуя на титулъ пророка. Намъ хочется этимъ заняться. Мы разскажемъ прошедшее, настоящее и ближайшее будущее г. Кельсіева. Во всѣ подробности мы, впрочемъ, входить не будемъ. Мы будемъ останавливаться только на тѣхъ моментахъ, которые уясняютъ основную складку ума и характера г. Кельсіева. Дѣло это мы считаемъ небезполезнымъ вотъ почему. Издалъ г. Кельсіевъ книжку, издалъ другую, готовитъ третью, собирается перевести ее на иностранные языки, издастъ четвертую, будетъ готовить пятую и т. д. Игнорировать такой рядъ литературныхъ явленій недобросовѣстно и невыгодно. А между тѣмъ дѣлать каждый разъ выписки, сравнивать одну страницу съ другой, до-

http://rcin.org.pl

казывать, что авторъ никакихъ вопросовъ не ставитъ, а рѣшаетъ, на манеръ Александра Македонскаго, вопросы давно поставленные, рѣшенія свои основываетъ на фактахъ, которые одинъ другому противорѣчатъ,—это и скучно, и длинно. Есть гораздо болѣе удобный путь. Если намъ удастся уловить психическую суть г. Кельсіева, то разъ навсегда опредѣлится значеніе его трудовъ, разъ навсегда уяснятся ихъ фальшивыя струны. Да и въ психологическомъ отношеніи любопытно: былъ человѣкъ эмигрантомъ и соціалистомъ, а очутился панславистомъ; говоритъ человѣкъ: вотъ, говоритъ, вамъ загадки, разгадайте,— а загадокъ нѣтъ, а разгадывать нечего; говоритъ человѣкъ: вотъ я вамъ новые факты принесъ,—а фактовъ нѣтъ. Мы будемъ смотрѣть на г. Кельсіева не съ точки зрѣнія какой нибудь литературной, общественной или политической партіи, а просто въ качествѣ психолога: посмотримъ, чѣмъ, какъ и при какихъ обстоятельствахъ жила душа г. Кельсіева и изъ этихъ данныхъ выведемъ заключеніе о его личности и дальнѣйшей судьбѣ.

Прежде всего замѣтимъ, что и самъ г. Кельсіевъ настоящей своей цѣны не знаетъ, что явствуетъ изъ слѣдующихъ его словъ: «Не безъ причины же я попалъ въ эмиграцію, а другіе въ каторгу и ссылку. Неужели же вина въ государственныхъ преступленіяхъ исключительно личная? Не было даже у насъ доселѣ эмиграціи, а политическіе преступники наши прошлаго или XVII столѣтія носили совершенно другой характеръ и разнились отъ насъ до такой степени, что общаго между нами и какими-нибудь стрѣльцами, Долгорукими, Минихами ничего нѣтъ... Если есть въ насъ сходство съ кѣмъ-нибудь, и если кого мы можемъ назвать своими прародителями, то развѣ Радищева и Новикова». Отсюда видно, что г. Кельсіевъ считаетъ себя прототипомъ всѣхъ русскихъ государственныхъ преступниковъ XIX столѣтія; всѣхъ ихъ онъ ставитъ съ собой на одну доску. Г. Кельсіевъ здѣсь, очевидно, забываетъ декабристовъ и петрашевцевъ, которыхъ судьба натолкнула на политическое преступленіе, разумѣется, совершенно не такъ, какъ его. Но этого мало. Г. Кельсіевъ можетъ служить представителемъ только развѣ ни-

http://rcin.org.pl

чтожнаго числа нашихъ политическихъ преступниковъ, и даже большинство его сверстниковъ, безъ всякаго сомнѣнія, было подвигнуто на преступленіе иными мотивами. Г. Кельсіевъ не имѣетъ собственно никакого права до такой степени обобщать свою личную исторію. А если принять въ соображеніе, что онъ считаетъ себя представителемъ не только нашихъ политическихъ преступниковъ, а и всѣхъ, такъ называемыхъ отрицателей, нигилистовъ всѣхъ оттѣнковъ (а между отрицателемъ и политическимъ преступникомъ можетъ, разумѣется, быть весьма мало общаго), то притязанія его теряютъ уже всякую тѣнь состоятельности. Анализъ условій, при которыхъ развивался г. Кельсіевъ и которыя дали его дѣятельности толчокъ въ извѣстную сторону, покажетъ это какъ нельзя лучше.

Г. Кельсіевъ былъ вскормленъ и вспоенъ литературой карамзинскаго періода и мистиками конца прошлаго и начала нынѣшняго вѣка. Еще совсѣмъ ребенкомъ онъ жадно читалъ и перечитывалъ сочиненія Карамзина, митрополита Платона, Державина, Хераскова, «Сіонскій Вѣстникъ», «Пансалвина или князя тьмы», «Старика вездѣ и нигдѣ», «Гросфильдское аббатство», «Удольфскія таинства» и проч. Понятно, какой слѣдъ должно было оставлять подобное чтеніе на впечатлительной душѣ ребенка. Воображеніе развивалось на счетъ всѣхъ другихъ умственныхъ способностей. Дѣтскій мозгъ не могъ, разумѣется, совладать съ этимъ фантастическимъ міромъ, не могъ разсмотрѣть, что герои этой литературы ходятъ на ходуляхъ, что ихъ высокія чувства и помыслы выкрашены и обмазаны сусальнымъ золотомъ, какъ гнилыя пасхальныя яица. Герои высоки, ихъ чувства и помышленія блестящи, и дѣтская душа рвалась въ этотъ міръ таинственнаго, великаго и прекраснаго. Г. Кельсіевъ и теперь, послѣ столькихъ жизненныхъ бурь и кораблекрушеній, съ замѣтною симпатіей относится къ этому міру. «Литература XVIII и начала XIX вѣка, на которой мнѣ пришлось вырости, — говоритъ онъ, — и которая мнѣ такъ же сродни, какъ и современная, имѣла то странное свойство, что обаятельно отрѣшала читателя отъ всего окружающаго, вводила его въ ворота новаго

http://rcin.org.pl

міра, міра, исполненнаго изящества, геройства, глубокихъ страстей, гдѣ не было ни дрязгъ, ни суеты житейской, и гдѣ не являлся ни одинъ Санхо-Панчо, задававшій, какъ въ нынѣшней литературѣ, вопросы своему Дону-Кихоту, что на какія же деньги благородные рыцари изволятъ странствовать по свѣту? Житейскій вопросъ, вопросъ обыденной жизни для этой литературы не существовалъ, и мѣщанскаго въ ней ничего не было. Она звала къ подвигамъ, она развивала мечтательность и зарождала въ душѣ инстинктъ ко всему высокому и изящному». Таковъ фундаментъ развитія г. Кельсіева. Мы обращаемъ на это обстоятельство особенное вниманіе читателя, равно какъ и на то, что и теперь даже, въ приведенной тирадѣ, написанной въ 1868 г., сквозитъ симпатія въ «насъ возвышающему обману» въ ущербъ «тьмы низкихъ истинъ».

Изъ воспоминаній г. Кельсіева видно, что онъ былъ мальчикъ до крайности мечтательный, и что ни дома, ни въ школѣ не нашлось трезвыхъ элементовъ, достаточно сильныхъ для парализированія такой односторонности. О тогдашнемъ воспитаніи мы имѣемъ очень опредѣленныя и ясныя понятія, и потому можемъ повѣрить г. Кельсіеву на слово, что онъ росъ «внѣ всякаго умственнаго движенія». Всѣ умственныя силы его концентрировались, какъ въ фокусѣ, въ воображеніи, и расходовались на чтеніе вышеозначенныхъ книгъ, къ которымъ прибавились потомъ романы Дюма и русскихъ писателей въ родѣ Кукольника, да на постройку самыхъ невозможныхъ фантазій, гдѣ самъ фантазеръ фигурировалъ въ видѣ какого нибудь героя. Часть дѣтской жизни очень многихъ изъ насъ ушла на подобное неестественное усиленіе воображенія; но недостатокъ парализирующихъ элементовъ и изъ ряду вонъ выходящая впечатлительность г. Кельсіева сдѣлали то, что фантастическая закваска легла въ основаніе всего его умственнаго склада, и все, что потомъ входило въ его жизнь, какъ ингредіентъ его нравственнаго существованія, должно было предварительно перебродить въ этой заквасѣ. Въ ней зародился и развился и политическій червь, точившій г. Кельсіева всю жизнь и точащій его по сіе время. О политическихъ

http://rcin.org.pl

дѣлахъ мальчикъ не имѣлъ, разумѣется, никакого понятія, и г. Кельсіевъ разсказываетъ по этому поводу нѣсколько очень забавныхъ анекдотовъ. Несмотря, однако, на это невѣдѣніе, онъ весьма сочувствовалъ декабристамъ, разсказы о которыхъ окружались въ то время мракомъ таинственности, и которыхъ онъ рисовалъ себѣ въ видѣ заговорщиковъ въ черныхъ плащахъ на красной подкладкѣ, съ кинжалами въ рукахъ и проч. Нечего и говорить, что онъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о томъ, что это были за люди, какія у нихъ были дѣла и проч. Онъ любилъ ихъ «точно такъ же, какъ любилъ всякихъ графовъ С.-Жерменъ, Каліостро, Пиѳагора, египетскіе гіероглифы, Эккартсгаузена и вообще все загадочное и таинственное». Наступилъ 1848 годъ, 1849, Европа забушевала, а тутъ случилась исторія Петрашевскаго. Все это доносилось до юнаго г. Кельсіева урывками, подъ покровомъ таинственности, и его все сильнѣе и сильнѣе манила къ себѣ роль политическаго дѣятеля, то-есть не самая роль, потому что онъ ея не понималъ и не могъ понять, а обстановка этой роли.

Тѣмъ временемъ явилась натуральная школа съ своимъ безпощаднымъ анализомъ и безпощаднымъ зримымъ смѣхомъ сквозь незримыя слезы. Это было совершенно новое міросозерцаніе, діаметрально-противоположное ходульному и мишурному міросозерцанію предшествовавшаго періода литературы, и между ними началась борьба за существованіе въ умахъ русскихъ людей. Г. Кельсіевъ мастерски (съ точки зрѣнія изложенія, въ сущности же довольно сбивчиво) рисуетъ ту психическую раздвоенность, которую ему въ ту пору приходилось выносить. Приводимъ его послѣднія слова: «Вся тогдашняя литература, особенно переводная, на которой мы воспитывались, вся она совершенно шла въ разрѣзъ съ нашей натуральной школой и пріучила насъ видѣть въ себѣ героевъ, думать о заговорахъ, о побѣгахъ изъ тюремъ, услаждать себя мыслью о смерти на плахѣ и мечтать о томъ, какъ будешь рисоваться въ обществѣ въ качествѣ или общественнаго дѣятеля, или вездѣсущаго, всевѣдущаго и до невозможности ловкаго конспиратора Въ полномъ невѣжествѣ обще-

http://rcin.org.pl

ственной жизни, въ полномъ незнаніи ея вопросовъ, при отсутствіи всякой политической практики и опытныхъ политическихъ руководителей, мы росли на французскихъ романахъ, на уваженіи ко всему таинственному и необыкновенному, и на сочувствіи къ заговорамъ и заговорщикамъ и, въ то же время, жадно слѣдили за произведеніями натуральной школы, которая развивала въ насъ способность, если не все, то многое отрицать, и пріучила насъ въ то же время, сначала къ психическому, а потомъ и къ соціальному анализу. Бочка пороху была готова, стоило бросить искру, и искра эта не заставила себя ждать: крымская война гряпула!»

Здѣсь оканчивается періодъ дѣтства г. Кельсіева. Какъ разъ къ началу крымской кампаніи онъ кончилъ курсъ въ коммерческомъ училищѣ. И отсюда начинается рядъ смѣняющихъ другъ друга, взаимно исключающихся увлеченій и покаяній. Вступилъ г. Кельсіевъ въ жизнь, въ интеллектуальномъ отношеніи, какъ его мать родила. Никакой болѣе или менѣе твердой опоры у него не было, — ни научной подготовки, ни сильно развитаго соціальнаго чувства, ни знанія общества и его нуждъ; словомъ, ничего такого, чтобы могло послужить вѣхами на его жизненномъ пути. Не было у него подъ ногами никакой почвы, и стоялъ онъ отъ всего, что волнуетъ живыхъ людей, далеко, далеко въ заоблачномъ мірѣ фантазіи. Натуральная школа только скользнула по его уму и не могла поколебать основной фантастической закваски. Въ другихъ борьба между нашимъ литературнымъ мистицизмомъ и романтизмомъ съ одной стороны и натуральной школой съ другой—не могла долго тянуться. Всѣ, кто способенъ былъ понять новое «вѣяніе», какъ выразился бы А. Григорьевъ, должны были сразу ухватиться за него, какъ за якорь спасенія, они должны были сдѣлать скачокъ, потому что и сама натуральная школа была гигантскимъ скачкомъ. Г-на Кельсіева натуральная школа, быть можетъ, даже заставила еще крѣпче ухватиться за міръ ходуль и сусальнаго золота, хоть онъ и говоритъ, что «понималъ всю вопіющую ложь романтизма». И это совершенно понятно, потому что новое міро-

http://rcin.org.pl

созерцаніе стояло въ слишкомъ рѣзкой противоположности къ этому небывалому, но чудному міру, которымъ г. Кельсіевъ успѣлъ уже насквозь пропитаться; между ними не было никакого перехода, никакой постепенности, которая могла бы пріучить г. Кельсіева смотрѣть на вещи иначе. Его изъ-подъ горячаго крана прямо посадили подъ холодный, — ощущеніе въ высшей степени непріятное, болѣзненное, и ему жаль было своихъ мишурныхъ героевъ. Но онъ переросъ ихъ, возврата къ нимъ уже не было, а фантастическая закваска осталась и требовала себѣ пищи. Пища нашлась, разумѣется.

Опредѣленныхъ стремленій у г. Кельсіева не было никакихъ. Онъ сталъ заниматься восточными языками, но не въ силу пониманія ихъ значенія, не въ силу сознательной потребности, а «вслѣдствіе своего общаго мистическаго и фантастическаго настроенія». Началась крымская кампанія, и г. Кельсіевъ пожелалъ поступить въ военную службу. «Мнѣ мечталось быть юнкеромъ, офицеромъ, говоритъ онъ, идти съ своимъ войскомъ на батарею, на приступъ. Мнѣ казалось, что я могъ бы оказать чудеса храбрости». Г. Кельсіевъ объясняетъ такое свое настроеніе патріотизмомъ и народною гордостью. Но едва-ли не вѣрнѣе объяснить его тою же фантастичностью и разнузданностью воображенія, хотя и патріотизмъ могъ тутъ играть нѣкоторую не важную роль. Г. Кельсіеву хотѣлось подвиговъ, славы, хотѣлось явиться передъ обществомъ и передъ самимъ собой — увѣнчаннымъ лаврами или даже картинно умереть на полѣ битвы. Но онъ на столько уже выросъ, что долженъ былъ для него существовать и вопросъ: за что умереть? Отвѣтъ подсказалъ историческій моментъ: за Россію! И г. Кельсіевъ сдѣлался патріотомъ. Въ военную службу онъ однако не поступилъ. На другой день послѣ того, какъ онъ уже написалъ прошеніе о принятіи его на военную службу, вышло распоряженіе, чтобы всѣхъ вольноопредѣляющихся и вообще новичковъ не пускать въ дѣло, а оставлять въ резервѣ. Умереть картинно на полѣ битвы, воротиться со щитомъ или на щитѣ не представлялось, значитъ, возможности. И г. Кельсіевъ отъ военной

http://rcin.org.pl

службы отказался. Ясно, что патріотизмъ стоялъ у него не на первомъ планѣ. Здѣсь, впрочемъ, сказалось и другое качество г. Кельсіева,—онъ не можетъ отдѣлить слова отъ дѣла. Г. Кельсіевъ — человѣкъ увлекающійся и энергическій. Если онъ предается чему-нибудь, то предается цѣликомъ и беззавѣтно. Въ этомъ его оправданіе и глубокое несчастіе. Эта цѣльность, вмѣстѣ съ его фантастичностью, именно и бросаетъ его отъ одного увлеченія къ другому, противоположному; и въ странномъ сплетеніи этихъ двухъ качествъ лежитъ ключъ къ объясненію всей его нестрой жизни. Г. Кельсіевъ жаждалъ дѣятельности, и дѣятельности не обыденной, а такой, въ которой можно было бы явиться героемъ; драпировка и аксесуары были ему нужны, а до направленія и цѣли этой дѣятельности ему дѣла не было. Направленіе и цѣль опредѣлились помимо его выбора. Но разъ они опредѣлились, онъ уже сталъ искреннимъ патріотомъ, и ему уже не просто картинно умереть хотѣлось, а картинно умереть за отечество. Благодаря фантастически-героическимъ наклонностямъ, его внезапно вспыхнувшій патріотизмъ принялъ очень узкое теченіе. Казалось бы, что вѣдь отечеству можно служить и не саблей только, а г. Кельсіеву какъ будто предстояла дилемма: или военный патріотизмъ или никакого. Да и съ чего жь ему было проникнуться желаніемъ служить родной землѣ какъ-нибудь иначе? Какія тамъ были дѣятельности? Кропотливый трудъ ученаго, чиновника, скромная работа литератора, наконецъ трудъ физическій,—все это такъ мизерно, такъ плоско, такъ мало выдается впередъ, раскрашено такими блѣдными красками, что ему, мечтавшему о блескѣ и величіи, трудно было помириться съ такой незавидной долей. Возможность служить отечеству при трубныхъ звукахъ, среди свиста пуль и въ пороховомъ дыму у него отняли, и онъ такъ же быстро бросилъ свой патріотизмъ, какъ и ухватился за него,—опять засѣлъ за восточные языки. А когда сама жизнь вступила въ число писателей натуральной школы и продиктовала исторіи знаменитую трагикомедію въ духѣ этой школы,—крымскую кампанію, г. Кельсіевъ, какъ теперь самъ утверждаетъ, проявилъ уже полнѣйшее

http://rcin.org.pl

отсутствіе патріотизма. И таковы всѣ его увлеченія до вчерашняго. Какъ фантазеръ, онъ видитъ всегда только одну сторону дѣла, и именно ту, которая открываетъ поле для геройскихъ подвиговъ; какъ человѣкъ энергическій и глубоко честный, онъ отдается односторонне-понятому имъ дѣлу весь, безъ остатка. Равновѣсіе нарушается, и онъ летитъ стремглавъ, проклинаетъ свое увлеченіе, предается отчаянію, а вдали уже мерцаетъ для него какая-нибудь новая приманка,—новое поле для геройскихъ подвиговъ; онъ хватается за него, разыгравшееся воображеніе опять мѣшаетъ ему разсмотрѣть всѣ стороны дѣла, а ухлопываетъ онъ опять-таки себя всего.

Г. Кельсіевъ горько кается за то увлеченіе, съ которымъ онъ, вмѣстѣ съ другими, нападалъ, послѣ крымскихъ неудачъ, на правительство, равно какъ и въ своемъ западничествѣ и нигилизмѣ, которые довели его до эмиграціи. Въ періодъ этого нигилизма онъ вѣроятно столь же горько каялся въ своемъ минутномъ военномъ патріотизмѣ. Но теперь, оглядываясь на свое прошлое, онъ умалчиваетъ объ этомъ покаяніи по очень естественной причинѣ. Онъ оглядывается въ извѣстномъ настроеніи, къ которому его ребяческій патріотизмъ подходитъ ближе, нежели его ребяческій нигилизмъ. Еслибы онъ писалъ свои воспоминанія нѣсколько лѣтъ тому назадъ, они получили бы, разумѣется, совершенно иную окраску, и въ нихъ наиболѣе выдвинулись бы и получили бы наиболѣе, такъ сказать, праздничный, свѣтлый видъ увлеченія и покаянія противоположнаго характера. Мы уже говорили о сбивчивости разсказа г. Кельсіева. Она объясняется очень просто. Г. Кельсіевъ пережилъ и передумалъ нѣсколько міросозерцаній. Вчерашнее замалевываетъ третьегоднишнее, сегодняшнее замалевываетъ вчерашнее. Но мѣстами изъ-подъ позднѣйшаго наслоенія выглядываетъ клочокъ предъидущаго, которое, въ своей общности, уже давно улетучилось изъ головы г. Кельсіева. Вотъ примѣръ. «Не въ Россіи же намъ искать было истины и разрѣшенія всякаго рода загадокъ,—говоритъ авторъ воспоминаній,—не въ Домостроѣ же намъ пускаться, не по Кормчей же устраивать жизнь и не справляться

http://rcin.org.pl

же о государственномъ правосудіи и неправосудіи въ Судебникахъ и въ Уложеніи».—Вы видите, что это говоритъ западникъ и нигилистъ, и говоритъ искренно. Но г. Кельсіевъ уже отрекся отъ западничества и нигилизма, и тутъ же дѣлаетъ такую приписку позднѣйшей формаціи: «Еслибы въ самомъ дѣлѣ въ этихъ Домострояхъ, Кормчихъ, Судебникахъ и Уложеніяхъ заключались какія-нибудь великія истины и еслибы изъ нихъ и можно было позаимствоваться уроками для будущаго и разъясненіями для настоящаго, мы не обратились бы къ нимъ по той весьма простой причинѣ, что эти почтенныя произведенія ума и сердца человѣческаго нетолько никакой репутаціей на Западѣ не пользуются, но извѣстны тамъ менѣе Магабгараты и законовъ Ману. Не знаютъ на Западѣ, стало быть, вниманія не заслуживаетъ».— Здѣсь слышится еще насмѣшливое отношеніе къ Домостроямъ и Кормчимъ, но достается уже и западничеству. А дальше ужъ совсѣмъ въ новомъ духѣ идетъ. Бываетъ и наоборотъ, что старое, уже пережитое и сданное въ архивъ, подкрашивается новымъ. Разсказываетъ, напримѣръ, г. Кельсіевъ о томъ, какъ онъ разговаривалъ съ однимъ евреемъ. Разговоръ происходилъ тогда, когда г. Кельсіевъ еще «вѣрилъ въ Польшу» и полагалъ, что «евреямъ при польскомъ правительствѣ будетъ легче, чѣмъ при нашемъ». И тѣмъ не менѣе, г. Кельсіевъ ухитряется передать свою бесѣду съ евреемъ такимъ образомъ:

«— Да, отвѣчалъ я, вотъ незадолго до моего отъѣзда я былъ въ Лондонѣ на одномъ польскомъ митингѣ, гдѣ слышалъ между прочимъ оратора еврея, уроженца Виленской губерніи. Зачѣмъ онъ попалъ въ Англію, я не знаю; но *этотъ господинъ изволилъ* говорить, что евреи такіе же граждане земли польской, какъ сами поляки, и что еслибы поляки не оскорбляли ихъ, а искренно признали ихъ своими братьями, то еврейская молодежь точно также взяла бы ружья и косы и отправилась бы избивать и изгонять русскихъ, *угнетающихъ* (курсивъ въ подлинникѣ) польскую народность» (Галичина и Молдавія, 216).

Здѣсь le ton fait la musique. Вслушайтесь въ это презрительное «этотъ господинъ изволилъ говорить», всмотритесь въ это

http://rcin.org.pl

курсивомъ напечатанное *унетающихъ*, — и скажите, вѣрно ли передаетъ г. Кельсіевъ свой собственный разговоръ, веденный имъ еще въ то время, когда онъ «вѣрилъ въ Польшу».

Работать надъ всѣми этими своего рода палимпсестами намъ нѣтъ никакой надобности. Приводить въ порядокъ воспоминанія и записки г. Кельсіева мы не будемъ, но реставрація нѣкоторыхъ пробѣловъ для нашей цѣли все-таки необходима. Поэтому мы напоминаемъ г. Кельсіеву пропущенный имъ фактъ—покаяніе по поводу военнаго патріотизма. Особенно горькихъ сѣтованій тутъ вѣроятно не было, потому что дѣло не успѣло зайти слишкомъ далеко, но было вѣроятно что-нибудь въ родѣ насмѣшки надъ самимъ собой. Такимъ образомъ исторія первыхъ лѣтъ общественной жизни г. Кельсіева получаетъ слѣдующій видъ: онъ принимается за изученіе восточныхъ языковъ единственно по свойственному ему стремленію ко всему таинственному и загадочному; затѣмъ то же самое воображеніе его, развитое въ ущербъ другимъ умственнымъ способностямъ, ищетъ для себя пищи въ военной славѣ, каковое стремленіе сплетается съ безсознательнымъ патріотизмомъ; потомъ г. Кельсіевъ кается въ своемъ патріотизмѣ и увлекается отрицаніемъ и западничествомъ. Увлекается онъ ими не сознательно, а опять-таки благодаря все той же фантастичности и порыванію въ область загадочнаго, неизвѣстнаго, но кажущагося по своей таинственности чѣмъ-то великимъ. Оказывается, что однимъ изъ факторовъ, толкнувшихъ его въ нигилизмъ, были «запрещенныя книги», т.-е. не самыя запрещенныя книги, а таинственность ихъ обстановки,—та самая таинственность, ради которой ему въ дѣтствѣ были одинаково милы и декабристы, и Каліостро. Соціалистическія теоріи, напримѣръ, манили его не потому, чтобы онъ когда нибудь задумывался надъ судьбой рабочаго человѣка,—объ этомъ въ его воспоминаніяхъ не говорится ни слова. Онъ добрался до всего того, что у насъ огуломъ окрещивается нигилизмомъ, главнымъ образомъ, путемъ фантазіи, а не анализа, который игралъ тутъ роль второстепенную и, такъ сказать, запоздалую. Свой первый политическій шагъ онъ сдѣлалъ совершенно без-

http://rcin.org.pl

сознательно, единственно потому, что положеніе политическаго дѣятеля разукрашивалось его фантазіей и съ дѣтства влекло его къ себѣ своею поэтической обстановкой, что не мѣшало ему въ антрактѣ рваться къ поэтической обстановкѣ молодаго воина. Въ одинъ прекрасный день, будучи въ Лондонѣ, онъ вдругъ ни съ того ни съ сего является въ наше генеральное консульство и объявляетъ, что не считаетъ себя русскимъ подданнымъ. Объ этомъ своемъ несообразномъ поступкѣ онъ самъ разсказываетъ такъ:

«Никто меня не зналъ, ни во что я не былъ замѣшанъ, впереди мнѣ предстояла довольно недурная дорога, совершенно подходящая къ моей спеціальности, впереди все было свѣтло и даже завидно. Но я все бросилъ нетолько безъ всякой причины, нетолько безъ всякаго внѣшняго толчка, но даже противъ совѣтовъ и желанія редакторовъ «Колокола».

— Зачѣмъ вы хотите быть эмигрантомъ? спрашивали они меня.

— Хочу работать.

— Да работать въ Россіи лучше. Оставаясь на службѣ и живя въ средѣ русскаго общества, хоть бы въ той же Сибири, вы сдѣлаете вдесятеро больше, чѣмъ отрѣзываясь отъ Россіи и оставаясь въ Лондонѣ.

— И все-таки я останусь, потому что мнѣ есть многое что сказать, чего нельзя высказать въ Россіи.

— Да что же именно? Уясните себѣ, для чего вы остаетесь, уясните себѣ, что вы хотите сказать.

— Буду говорить о бракѣ, о христіанствѣ, о личности.

— Но что же именно? Дайте себѣ подробный отчетъ.

«Подробнаго отчета я себѣ дать не могъ и въ то же время не могъ не сдѣлаться эмигрантомъ: *время было такое, такимъ воздухомъ вѣяло*».

Г. Кельсіевъ очевидно ошибается, хотя неправда его вполнѣ добросовѣстная. Въ его эмигрантствѣ повинны совсѣмъ не то время и совсѣмъ не тотъ воздухъ, на которые онъ ссылается. Оно было продуктомъ его личной исторіи, коренившейся въ томъ

http://rcin.org.pl

добромъ старомъ времени, которое породило сказочный міръ, гдѣ съ дѣтства жилъ г. Кельсіевъ, въ томъ добромъ старомъ времени, которое «пріучило его видѣть въ себѣ героя, думать о заговорахъ, о побѣгахъ изъ тюремъ, услаждать себя мыслью о смерти на плахѣ и мечтать о томъ, какъ будешь рисоваться въ обществѣ въ качествѣ или общественнаго дѣятеля, или вездѣсущаго, всевѣдущаго и до невозможности ловкаго конспиратора». Замѣтьте, что если онъ даже и находилъ, что ему есть что сказать, чего нельзя высказать въ Россіи, то все-таки незачѣмъ было идти въ консульство и объявлять о своемъ отреченіи. Онъ могъ бы себѣ смирно сидѣть и писать о бракѣ, о личности, о чемъ угодно. Еслибы онъ написалъ что-нибудь такое, что русскому подданному писать не подобаетъ, дѣло сдѣлалось бы помимо его. Для чего же онъ торопился? А для того, чтобы поскорѣе осуществить свою завѣтную мечту и облечься въ грандіозный костюмъ революціоннаго дѣятеля. Онъ эмигрировалъ для эмигрантства. Взлелѣянный міромъ ходульныхъ и мишурныхъ героевъ, онъ, какъ настоящій ребенокъ, полѣзъ на ходули и налѣпилъ на себя мишурные позументы. И относительно его не была забыта глубокая заповѣдь: «блюдите, да не презрите единаго отъ малыхъ сихъ»,—гг. Герценъ и Огаревъ и разговаривали съ нимъ какъ съ ребенкомъ.

Мы довели г. Кельсіева до его перваго политическаго шага и можемъ теперь оглянуться и посмотрѣть, насколько онъ годится въ представители умственнаго и общественнаго движенія послѣдняго десятилѣтія. Комбинація условій, подъ вліяніемъ которыхъ сложился умственный и нравственный характеръ г. Кельсіева, очевидно, не имѣетъ никакого отношенія къ духу времени, въ которое ему пришлось дѣйствовать. Не будь у его отца на комодѣ старыхъ книгъ, и судьба его получила бы, безъ сомнѣнія, совершенно иное теченіе. Г. Кельсіевъ полагаетъ, что онъ эмигрировалъ, повинуясь духу времени, который заставлялъ людей искать истины на Западѣ. Но, вопервыхъ, духъ времени состоялъ не въ томъ, а во-вторыхъ, если даже предположить, что г. Кельсіевъ искалъ истины на Западѣ, то правдоискательство это

http://rcin.org.pl

все-таки не играло тутъ главной роли. Оно относится къ его эмигрантству точно также, какъ его патріотизмъ относился нѣкогда къ жаждѣ военной славы. Фантастическая закваска сказывалась, эмигрантскіе эполеты надѣть хотѣлось. Г. Кельсіевъ авантюристъ, т.-е. человѣкъ съ сильнымъ воображеніемъ и энергіей, жаждущій сильныхъ ощущеній для самыхъ ощущеній. А такихъ людей, хотя и было много во всѣ времена и у всѣхъ народовъ, но на низшей степени цивилизаціи ихъ всегда больше, чѣмъ на высшей, на которой поле фантазіи необходимо уже. Если намъ замѣтятъ, что духъ времени опредѣлилъ по крайней мѣрѣ категорію похожденій г. Кельсіева, то и это будетъ справедливо только въ малой степени. Онъ и самъ говоритъ о себѣ, что онъ уже «въ болѣе зрѣломъ возрастѣ пускался въ разныя смѣлыя предпріятія, чтобы провѣдать невѣдомые міры въ родѣ Галичины, малоазійскаго русскаго села Майносъ, и не столько въ силу сознательной потребности, сколько по обаянію всѣмъ загадочнымъ, пускался въ десятки разныхъ удалыхъ похожденій». Донъ-Кихотъ, начитавшись рыцарскихъ романовъ, вздумалъ возстановить рыцарскіе нравы какъ разъ наперекоръ духу времени. Когда Гёте написалъ своего Вертера, мечтательные и сантиментальные нѣмцы и нѣмки стали одинъ за другимъ бросаться въ воду безъ всякой видимой причины. Неужели и этотъ фактъ слѣдуетъ объяснить духомъ времени, а не болѣзненно-развитымъ воображеніемъ и стремленіемъ къ геройничанью? Нѣтъ, г. Кельсіевъ, духъ времени въ вашемъ дѣлѣ не причемъ. Вы жертва не новой русской исторіи, какъ вамъ теперь кажется, а старой. Вы развивались наоборотъ какъ разъ въ разрѣзъ духу времени конца пятидесятыхъ и начала шестидесятыхъ годовъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только взять тѣ крайности, до которыхъ дошли нѣкоторые наши отрицатели, разбѣжавшись подъ толчкомъ духа времени: отрицалось искусство, любовь сводилась на половой инстинктъ, словомъ, самымъ азартнымъ образомъ подрубались именно тѣ ходули, на которыхъ воспитывался г. Кельсіевъ. Все это валило черезъ пень колоду, вмѣстѣ съ ходулями сплошь и рядомъ подрубались и ноги. Но таковъ за-

http://rcin.org.pl

конъ реакціи; формула: «уголъ паденія равенъ углу отраженія» имѣетъ приложенія не только въ механикѣ, а и въ психологіи индивидуальной и соціальной. Во всей этой неистовой рубкѣ съ плеча сказывался, однако, духъ времени, состоявшій именно въ потребности трезваго взгляда на жизнь и людскія отношенія. Крымская кампанія развѣяла вѣру въ нашу призрачную мощь. Натуральная школа разбила обаятельный міръ лжи. Эта потребность трезвыхъ взглядовъ дѣйствительно носилась въ воздухѣ и ею опредѣлялся духъ времени. А что нѣкоторые изъ насъ, торопясь снять съ себя напяленные на насъ нашими предками мишурные кафтаны, въ торопяхъ и не замѣтили, какъ сняли съ себя не только эти кафтаны, а и послѣднюю рубашку, даже кожу съ себя содрали и боли сгоряча не чувствовали,—такъ въ этомъ ужь не духъ времени виноватъ, а историческій законъ реакціи.

Дѣло это очень простое и понятное. Г. Кельсіевъ до сихъ поръ не можетъ сдержать своего негодованія, вспоминая о натуральной школѣ. «Впередъ, впередъ рвется душа, — говоритъ онъ, — къ вѣчнымъ идеаламъ, поставленнымъ человѣчествомъ со времени еще старика Гомера, и вдругъ, какъ какимъ холоднымъ вѣтромъ пахнетъ, раздается хохотъ, неумолимый хохотъ Гоголя и въ воображеніи станутъ мелькать Чичиковы, Собакевичи, Ноздревы, высѣченный поручикъ Пироговъ, и станешь прикидывать этотъ хохотъ на своихъ товарищей, на учителей и на воспитателей. Щемящая хандра залѣзаетъ въ душу, самъ видишь свои недостатки и видишь чрезвычайно ясно, потому что дался и усвоился аналитическій методъ, самъ себя разбираешь, самъ себя потрошишь и съ вопіющею, безпощадною ясностью видишь свои недостатки и чувствуешь, какъ силы слабѣютъ, какъ руки опускаются, и понимаешь, что не только далекъ, но даже и не существуетъ этотъ роскошный міръ замковъ, поэзіи, подвиговъ, путешествій».

Общій тонъ воспоминаній и писемъ г. Кельсіева не даетъ мѣста никакимъ сомнѣніямъ насчетъ того, на чьей сторонѣ лежатъ его симпатіи: на сторонѣ ли жесткой, неутѣшительной

http://rcin.org.pl

правды, или на сторонѣ «роскошнаго міра замковъ и подвиговъ». Ему и до сихъ поръ жаль этого развѣяннаго міра, и въ этомъ-то и сказывается неприкосновенность къ нему духа времени. Г. Кельсіевъ называетъ нашихъ отрицателей «правдоискателями» и причисляетъ къ нимъ и себя. Да, духъ времени заключался въ правдоискательствѣ, но г. Кельсіевъ правдоискателемъ не былъ. Другимъ не жаль было величавой и таинственной лжи,— въ этомъ нѣтъ ни вины ихъ, ни заслуги: духъ времени былъ таковъ. А г. Кельсіеву было жаль, потому что духъ *его* времени былъ иной. Натуральная школа явилась какъ бомба въ средѣ русскаго общества и съ одного маху разбила его на козлищъ и овецъ. Одни пошли на право, другіе налѣво. Одни, лизнувъ горечи, ухватились еще крѣпче за свой старый патошный леденецъ; другіе же не могли оторваться отъ этой горечи, потому что въ ней была правда. И здѣсь-то и получили свое начало наши правдоискатели. Г.-же Кельсіевъ выбрался изъ этого искуса такъ, что, оставаясь въ сущности въ своемъ завѣтномъ мірѣ фантазіи, съ формальной стороны примкнулъ къ новому движенію, сдѣлался героемъ во имя новыхъ идей, которыхъ еще не пережилъ, не переварилъ, даже хорошенько не передумалъ. Онъ сѣлъ между двухъ стульевъ. Точно также, онъ сдѣлался когда-то патріотомъ изъ жажды военной славы и геройства. Когда исторія зальетъ насъ своей волной, когда застынетъ все, что теперь бьется и суетится, историкъ нашего общества съ удивленіемъ взглянетъ на г. Кельсіева, какъ посмотрѣлъ бы съ удивленіемъ палеонтологъ на окаменѣлость, найденную имъ не въ той формаціи, въ которой ей отведено мѣсто природою.

Другіе шли инымъ путемъ. Въ другихъ духъ времени дѣйствительно сказывался. Духъ времени разсѣялъ, напримѣръ, образы поселянъ и поселянокъ, мирно срывающихъ полевые цвѣтки и наслаждающихся жизнью подъ отеческимъ кровомъ благодѣтельнаго помѣщика, — образы, которые любилъ малевать предшествовавшій періодъ литературы. Вмѣсто нихъ поднялся мужикъ, мужикъ поротый, грубый, невѣжественный, надъ которымъ надо подумать, чтобы высмотрѣть въ немъ едва тлѣющую

http://rcin.org.pl

искру божію. И намъ и въ голову не могло придти сожалѣніе о мірѣ замковъ, подвиговъ и путешествій. Если мы и оглядывались на прошедшее, такъ только съ допросами: вы скрывали отъ насъ этотъ образъ и малевали вмѣсто него эту куклу? значитъ и вездѣ, и во всемъ вы насъ такъ надували? Такъ прочь же ваше лживое искусство, прочь ваши кумиры! Что у васъ есть еще? любовь? честь? вѣжливость? жертва? родственное чувство? нравственность? патріотизмъ? народность? Вотъ они—смотрите... Все, за что мы ни хватались изъ наслѣдія нашихъ предковъ, оказывалось расписанною и позолоченною ложью, а намъ правда нужна была, во что бы то ни стало. Такъ что г. Кельсіевъ очень вѣрно охарактеризовалъ суть нашего послѣдняго общественнаго броженія, назвавъ его правдоискательствомъ. Но онъ дѣлаетъ ошибку, вопервыхъ, причисляя къ правдоискателямъ себя, а вовторыхъ, утверждая, что духъ времени состоялъ въ исканіи правды на Западѣ. На Западѣ мы искали правды съ самаго Петра Великаго. И во всякомъ случаѣ, «западники» старше «нигилистовъ». Припомните хоть Чаадаева. Отрицатели наши не щадили и Запада, и выгораживали изъ него развѣ только нѣкоторыя философскія системы и соціалистическія теоріи. Но это предметъ, выходящій за предѣлы нашей статьи.

Итакъ, отрицаніе наше вообще вытекало изъ чистаго и свѣтлаго источника, мы опьянѣли уже потомъ. Намъ били по глазамъ, по сердцу безобразія, и мы отдавали удары. Многіе дѣлали это непосредственно, безъ призыва къ намъ какихъ бы то ни было западныхъ теорій, даже смутно представляя ихъ себѣ, наконецъ даже вовсе не зная о ихъ существованіи. О такихъ людяхъ у насъ имѣютъ очень смутное понятіе, потому что русская литература ими мало занимается. Во всякомъ случаѣ, къ нимъ г. Кельсіева причислить нельзя, потому что, если они и не уступятъ ему въ способности отдаваться дѣлу цѣликомъ, то они не геройствуютъ и о красномъ плащѣ съ кинжаломъ не мечтаютъ. Были у насъ и такіе, которые по интенсивности фантазерства, пожалуй, и равны г. Кельсіеву. Но, вопервыхъ, фантазія ихъ тяготѣла къ будущему, а фантазія г. Кельсіева,—къ

http://rcin.org.pl

прошедшему, они ошибались потому, что вырывали клочокъ изъ будущаго и хотѣли его связать съ настоящимъ, которое съ нимъ вовсе не гармонировало; г. же Кельсіевъ вырывалъ клочокъ изъ прошедшаго и его стремился втиснуть въ настоящее, которое и съ его клочкомъ не вязалось. Вовторыхъ, если мы возьмемъ отношенія самихъ фантазеровъ къ ихъ фантазіямъ, то и здѣсь не найдется ничего общаго у г. Кельсіева съ людьми новаго времени, съ правдоискателями. Въ мечтахъ г. Кельсіева на первомъ планѣ стоялъ онъ самъ, закутанный въ фантастическій плащъ, а правдоискатели видѣли прежде другихъ, и потомъ уже себя. Они въ зеркало не смотрѣлись. Они мечтали немедленно осчастливить человѣчество или, по крайней мѣрѣ, Россію, а осчастливить столько народу—это такое счастіе, которое трудно уступить другому кому-нибудь. Каждый изъ нихъ думалъ, разумѣется, и о своемъ *я*, но счастіе этого *я* расплывалось въ общемъ счастіи, сливалось съ нимъ. Мы опять-таки говоримъ о тѣхъ, въ комъ дѣйствительно сказывался духъ времени.

Совершивъ свой первый политическій шагъ, сдѣлавшись эмигрантомъ, г. Кельсіевъ, вѣроятно, нѣсколько времени любовался своимъ эмигрантствомъ, какъ любуется своими эполетами свѣженспеченный прапорщикъ. Другаго дѣла онъ бы, можетъ быть, еще долго не нашелъ себѣ, еслибы ему не попались подъ руку, какъ онъ самъ говоритъ, совершенно случайно, нѣкоторые любопытные документы о раскольникахъ, которые онъ и издалъ въ Лондонѣ. Эта счастливая случайность опредѣлила не только родъ, а и видъ его дѣятельности. Г. Кельсіевъ не могъ удовлетвориться изданіемъ документовъ о раскольникахъ, вопервыхъ, потому, что ему не давало покою воображеніе, а вовторыхъ, потому, что онъ человѣкъ энергическій и увлекающійся цѣликомъ. Какъ онъ выражается, — назвался груздемъ, такъ полѣзай въ кузовъ, то-есть, объявилъ себя эмигрантомъ, такъ дѣйствуй. Мы видѣли, что онъ точно такъ же разсуждалъ и передъ крымской кампаніей: назвался патріотомъ, воиномъ, такъ дѣйствуй. И эмигрантомъ, и воиномъ его побуждала сдѣлаться

http://rcin.org.pl

одна и та же струнка—фантастичность, но затѣмъ онъ уже совершенно слился съ дѣломъ, отдавался ему тѣломъ и душой. Документы о раскольникахъ натолкнули на самыхъ раскольниковъ. Вы видите, что у г. Кельсіева не было и намека на какой-нибудь планъ дѣйствія. Онъ отправился въ Россію съ турецкимъ паспортомъ, испыталъ достаточно сильныхъ ощущеній и уѣхалъ. Мы не знаемъ хорошенько, что онъ собственно дѣлалъ въ Россіи, но легко можетъ быть, что надобности въ его поѣздкѣ не было никакой. Во всякомъ случаѣ, красный плащъ и вообще обстановка имѣли тутъ не послѣднее значеніе.

Вслѣдъ за тѣмъ мы встрѣчаемъ г. Кельсіева въ Турціи въ средѣ раскольниковъ. Сбивчивость его разсказа (такъ красиво и даже художественно въ подробностяхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ сбивчиво въ цѣломъ можетъ писать только такой человѣкъ, какъ г. Кельсіевъ, — le style c'est l'homme) дѣлаетъ невозможнымъ прослѣдить его психическую жизнь за это время. Такъ въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ, что еще въ *1862* и *1863* годахъ «ходъ польскаго возстанія и паденіе нигилистовъ окончательно потрясли въ немъ вѣру въ его идеалы»; а дальше оказывается, что въ *1864* году онъ звалъ къ себѣ въ Добруджу эмигрантовъ изъ Европы для всевозможныхъ соціальныхъ опытовъ. Вообще разсказъ объ этомъ времени, когда въ Кельсіевѣ надламывалась вѣра въ его прежніе кумиры, страдаетъ особеннымъ отсутствіемъ ясности, можетъ быть вслѣдствіе туманности самаго времени. Объ эту пору молнія мысли уже почти не появляется въ бурѣ чувствъ г. Кельсіева. Можно сказать только, что онъ уразумѣлъ несостоятельность своихъ мечтаній и впалъ въ отчаяніе. Наши слова покажутся, можетъ быть, слишкомъ жесткими, но мы все-таки скажемъ, что и здѣсь вѣроятно звенѣла старая струна, что г. Кельсіеву жалко было разстаться съ обстановкой революціи. Мы рѣшаемся даже утверждать, что это былъ одинъ изъ главныхъ факторовъ его отчаянія, потому что иначе онъ не могъ бы поправиться послѣ той страшной ампутаціи, которую онъ совершилъ надъ собой. Какъ бы то ни было, но отчаяніе г. Кельсіева не имѣло предѣловъ. Онъ впалъ

http://rcin.org.pl

уже въ дѣйствительный, заправскій нигилизмъ. Онъ отвернулся отъ всего міра. Онъ «сосредоточился, ушелъ въ себя и пришелъ къ такимъ отрицаніямъ, до какихъ едва-ли кто-нибудь доходилъ». Онъ «проклялъ міръ, родъ человѣческій, мысль, чувство, свои воспоминанія и свои надежды». Это понятно. У него было отнято все. Но это *все*, чему онъ отдавался весь, было не *все*, а *часть*, нѣчто половинчатое и одностороннее. И потому, можно бы было, даже не зная его дальнѣйшей судьбы, предсказать, что онъ опять встанетъ на ноги. Ему нужно было только какъ-нибудь совершенно случайно наткнуться еще на какую нибудь сторону жизни, и онъ такъ же узко, односторонне и пылко ухватился бы и за нее. Такъ и случилось.

Г. Кельсіевъ жилъ въ періодъ этого своего настоящаго нигилизма въ Яссахъ. Онъ все проклялъ, все отринулъ, но не могъ отказаться отъ двухъ вещей: *пить* и *думать*. «Въ періодъ моего діогенства — говоритъ онъ — я никакъ не могъ отказаться отъ передумыванья разныхъ спорныхъ, прежде дорогихъ мнѣ, научныхъ вопросовъ о славянской миѳологіи и филологіи, которыми я занимался въ старое время. Грамматическія формы и обрывки миѳовъ то и дѣло носились у меня въ памяти и невольно сосредоточивали на себѣ мое вниманіе, а отъ мірскаго и житейскаго умъ мой сталъ совершенно свободенъ». Г. Кельсіеву улыбнулась наука и его стало уже опять тянуть на Западъ. Садится онъ въ одинъ прекрасный день на пароходъ. «Куда онъ ѣхалъ, онъ не зналъ. У него не было ни одного плана». Пароходъ сталъ подъѣзжать къ Вѣнѣ, и ему захотѣлось на нее посмотрѣть, такъ, просто, безъ опредѣленной цѣли. Въ Вѣнѣ окончательно развернулись проснувшіяся въ Яссахъ стремленія къ филологіи. Онъ назвался турецкимъ подданнымъ Ивановымъ-Желудковымъ, раскольникомъ хлыстовской секты, сталъ ходить на лекціи въ университетъ и сдѣлался постояннымъ посѣтителемъ Славянской Бесѣды. Здѣсь въ г. Кельсіевѣ совершился необычайный переворотъ, необычайный по своей быстротѣ и по своей рѣзкости. Если принять въ соображеніе, что въ концѣ 1866 года (а можетъ быть и въ началѣ 1867),

http://rcin.org.pl

онъ былъ еще въ Яссахъ и предавался полнѣйшему и настоящему нигилизму, а о парижскомъ покушеніи 25-го мая узналъ уже въ Россіи, на дорогѣ въ Петербургъ, то на самый психическій переворотъ остается изумительно малое число дней. А переворотъ былъ крутой: г. Кельсіевъ изъ нигилиста на манеръ героя повѣсти г. Тургенева «Довольно» превратился въ панслависта... Вотъ какъ живучъ г. Кельсіевъ и какъ быстро становится онъ на ноги. Разбито было все, чѣмъ человѣкъ жилъ девять лѣтъ; упалъ человѣкъ изнеможенный и обезсиленный, и нѣсколькихъ мѣсяцевъ пребыванія въ Вѣнѣ, въ средѣ молодыхъ славянъ, достаточно было для воскресенія его изъ мертвыхъ!... Нѣтъ, чудеса не прекратились, они у насъ воочію совершаются...

Однако, чудеса чудесами, но поискать ихъ причины все-таки не мѣшаетъ. Замѣтьте, что г. Кельсіевъ въ первое время пребыванія своего въ Вѣнѣ наталкивался на такія явленія, отъ которыхъ, какъ онъ самъ говоритъ, его просто коробило. Онъ не считалъ себя русскимъ, стыдился за Россію, а молодые славяне, утверждаетъ онъ, всѣ поголовно обожаютъ ее. Онъ привыкъ уважать «конституціонный порядокъ, свободу личности, федерацію, свободу слова», а молодые славяне все это отрицали и «въ полемическомъ увлеченіи даже доходили до апоѳеоза кнута, самоуправства, нагайки донскихъ казаковъ и предварительной цензуры». И въ такой-то средѣ, которая со всею жизнью г. Кельсіева не имѣла ничего общаго, онъ оріентировался такъ быстро. Онъ указываетъ еще на одинъ элементъ, который дѣлалъ его чужимъ средп славянъ, на свое «невѣжество, которое уже разъ сдѣлало изъ него эмигранта и агитатора, даже помимо согласія Герцена и Огарева». Онъ былъ круглымъ невѣждой относительно славянъ (по крайней-мѣрѣ какъ живыхъ людей) и въ нѣсколько мѣсяцевъ узналъ ихъ, полюбилъ, полюбилъ черезъ нихъ Россію, и опредѣлились для него даже въ будущемъ взаимныя отношенія славянъ и Россіи. Все это было бы, разумѣется, невѣроятно, еслибы это разсказывалъ не г. Кельсіевъ, каждому слову котораго мы безусловно вѣримъ. И каково бы ни было наше личное отношеніе къ тому, чѣмъ жилъ г. Кельсіевъ прежде и

http://rcin.org.pl

чѣмъ онъ живетъ теперь, мы не можемъ отказать ему въ нашемъ, разумѣется условномъ, уваженіи. Да и вся жизнь г. Кельсіева, все его прошлое таково, что мы не можемъ, не смѣемъ ему не вѣрить. То-есть невозможны для насъ сомнѣнія въ его искренности, но это не мѣшаетъ намъ самымъ скептическимъ образомъ относиться къ разсказываемымъ имъ фактамъ. Если онъ намъ скажетъ, что онъ видѣлъ свинью въ ермолкѣ, что на его глазахъ курочка бычка родила и поросеночекъ яичко снесъ, мы ему повѣримъ. Онъ дѣйствительно, значитъ, видѣлъ, но мы, можетъ быть, и усомнимся въ реальномъ существованіи свиньи въ ермолкѣ. Онъ въ этомъ отношеніи совершенно уподобляется тѣмъ наивнымъ гуцуламъ, о которыхъ онъ разсказываетъ: «увѣренность въ людкахъ (гуцульскіе гномы) сдѣлала то, что гуцулы дѣйствительно ихъ видѣли и дѣйствительно съ ними разговаривали и видѣли ихъ красныя шапочки». (Галичина и Молдавія, 256). Г. Кельсіевъ въ своихъ сужденіяхъ восходитъ не отъ частнаго къ общему, а наоборотъ. Не фактами опредѣляется его міросозерцаніе и общее настроеніе, а напротивъ общее настроеніе, почерпнутое изъ области фантазіи, опредѣляетъ вѣсъ, мѣру и цвѣтъ фактовъ. Когда онъ говоритъ, напримѣръ, что вездѣ въ славянскихъ земляхъ, въ Молдавіи, къ кому бы онъ ни обратился, къ чехамъ, галичанамъ, сербамъ, молдаванамъ, отъ всѣхъ онъ слышалъ однѣ и тѣ же похвалы Россіи и одно и то же желаніе подойти подъ скипетръ русскаго царя, когда онъ говоритъ это, мы ему вѣримъ, онъ несомнѣнно слышалъ эти похвалы и желанія. Но въ то же время мы смотримъ на общее настроеніе г. Кельсіева. Настроеніе это состоитъ въ любви къ Россіи и въ увлеченіи мыслью о единствѣ славянъ. Для насъ все становится понятнымъ: къ его общему настроенію подгоняются факты и подгоняются сами собой, невольно. Происходитъ это такимъ образомъ, что г. Кельсіевъ слышитъ только то, что подходитъ къ его міросозерцанію въ данную минуту, и не слышитъ ничего противоположнаго, вслѣдствіе чего именно для него и не существуютъ загадки. Это свойство всѣхъ сильныхъ, но односторонникъ увлеченій. Пріѣзжаетъ, напримѣръ, г. Кельсіевъ въ Россію,

http://rcin.org.pl

пріѣзжаетъ въ самомъ радужномъ настроеніи духа, и отблескъ этой радуги озаряетъ всѣ встрѣчающіеся ему на пути факты. Становой приставъ, обыскивающій его, позволяетъ ему оставить при себѣ складной ножъ. Г. Кельсіевъ сейчасъ же замѣчаетъ: «Можно, спрашивается, обойтись вѣжливѣе? — а только русскіе такъ умѣютъ». Исправникъ встрѣчаетъ его вѣжливымъ вопросомъ; онъ пишетъ: «гдѣ въ западной Европѣ встрѣтите вы такую человѣчность?» Жандармъ объясняетъ другому, что онъ долженъ за порядкомъ смотрѣть, а не драться, г. Кельсіевъ приходитъ въ восторгъ. Пьяный солдатъ произноситъ такую рѣчь:

«Какая же я сволочь? Почему вы говорите, что я сволочь? Я ношу мундиръ, на службѣ состою, значитъ, на государственной службѣ, говорится, на коронной. Такъ развѣ я могу быть сволочью? Развѣ сволочь на службу принимаютъ? Я ношу мундиръ, какъ же я буду сволочь? Сами разсудите, по какому праву вы мнѣ сказали, что я сволочь?» и т. д.

Сами разсудите, по какому праву г. Кельсіевъ приходитъ по поводу этого перла ораторскаго искусства въ восторгъ и видитъ въ немъ свидѣтельство несомнѣннаго русскаго прогресса за послѣднее время? Прогрессъ этотъ дѣйствительно несомнѣненъ, но можемъ увѣрять, если не увѣритъ, г. Кельсіева, что пьяные солдаты у насъ и прежде довольно часто произносили такія рѣчи. Для г. Кельсіева онѣ новость только потому, что онъ прежде смотрѣлъ на нихъ иначе. При томъ же самый этотъ поучительный разговоръ есть, такъ-сказать, мечъ обоюдоострый: если одинъ пьяный солдатъ такъ высоко ставитъ государственную службу, что возмущается, когда его, состоящаго на этой службѣ, обругали сволочью, то вѣдь обругавшій-то сволочью этого значенія государственной службы, значитъ, въ такой же мѣрѣ не понимаетъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ этотъ же фактъ былъ бы вывернутъ г. Кельсіевымъ на изнанку и послужилъ бы для него доказательствомъ крайней неразвитости нашихъ солдатъ. Вся бѣда въ томъ, что онъ имѣетъ уши не для того, чтобы *слышать*, а для того, чтобы *слушать*. Еслибъ эти

http://rcin.org.pl

уши были одинаково отверсты для всѣхъ фактовъ, для всѣхъ сторонъ, г. Кельсіевъ не былъ бы, можетъ быть, ни эмигрантомъ, ни панславистомъ. Эта пригонка къ извѣстному, заранѣе поставленному принципу заводитъ его иногда въ чрезвычайно оригинальныя логическія трущобы.

И такъ, говоримъ мы, мы вѣримъ всѣмъ словамъ г. Кельсіева, но сомнѣваемся иногда въ сообщаемыхъ имъ фактахъ. Когда онъ говоритъ, что онъ въ нѣсколько мѣсяцевъ узналъ бытъ, нужды, желанія и стремленія славянъ, онъ говоритъ совершенно искренно, ему кажется, что онъ дѣйствительно узналъ все это. Но это не мѣшаетъ намъ думать, что онъ ничего этого не знаетъ. Точно также сомнѣваемся мы и въ вѣрности оцѣнки г. Кельсіевымъ причинъ, побудившихъ его возвратиться въ Россію. Впрочемъ, тутъ собственно и сомнѣваться не въ чемъ. Г. Кельсіевъ не столько излагаетъ причины переворота, сколько изумляется ему и благодаритъ за него судьбу. Приходится реставрировать пробѣлъ.

Г. Кельсіевъ, еще будучи въ Вѣнѣ, «началъ догадываться, что наша государственная жизнь слагается двумя путями, что у насъ двѣ потребности, которыя идутъ параллельно и одинаково требуютъ удовлетворенія. Одна изъ нихъ — *внутреннія преобразованія*; другая—*опредѣленіе границъ* сліяніемъ воедино всѣхъ славянскихъ племенъ, въ какой бы формѣ ни совершилось это сліяніе, въ видѣ ли Бѣлградской губерніи, Бѣлградскаго намѣстничества, или въ видѣ Slavischer Bund, United Slavonian State». Мы не повторимъ г. Кельсіеву отрезвляющаго вопроса Санхо-Панчо Донъ-Кихоту: «на какія же деньги благородные рыцари изволятъ странствовать по бѣлу свѣту?» Г. Кельсіевъ этого вопроса не любитъ (вообще, какъ только дѣло дойдетъ до такой холодной и молчаливой штуки, какъ цифры, г. Кельсіевъ совершенно пасуетъ. Поэтому-то ему и кажется, что «мы, при всѣхъ нашихъ долгахъ и финансовыхъ затрудненіяхъ, все-таки богаты», и что не бѣда, еслибъ помощь славянамъ «тяжело отозвалась на нашемъ бюджетѣ». Онъ увѣряетъ даже, что одинъ священникъ въ семь лѣтъ присоединилъ къ

http://rcin.org.pl

православію *двѣсти восемьсотъ* мазуровъ. Понятное дѣло, что это опечатка, но опечатка очень характерная). Но любопытно бы было знать, почему г. Кельсіевъ лично для себя избралъ не скромную дѣятельность по части *внутреннихъ преобразованій*, а грандіозное дѣло *опредѣленія границъ*? Отвѣтъ даетъ вся жизнь г. Кельсіева: онъ выбралъ грандіозное дѣло потому, что оно грандіозно, и отринулъ скромное потому, что оно скромно. Здѣсь же лежитъ и ключъ къ уразумѣнію послѣдняго покаянія и послѣдняго увлеченія г. Кельсіева: грандіозное дѣло нашлось. Г. Кельсіевъ, живя въ средѣ славянъ, прислушивался къ глухому шуму славянскаго вопроса, который въ сотый разъ выдвигается исторіей впередъ, хотя и можетъ разрѣшиться черезъ годъ, а можетъ и черезъ сто лѣтъ. Г. Кельсіевъ сложилъ было съ себя всѣ мечты и проклялъ всѣ свои надежды, потому что не было подъ руками дѣла геропческаго, такого дѣла, отъ котораго могла бы закружиться голова,—судьба подтасовала славянскій вопросъ. Г. Кельсіевъ, благодаря вѣнскимъ студентамъ, додумался до того, что вопросъ не можетъ быть рѣшенъ иначе, какъ слитіемъ съ Россіей. И вотъ опять замелькало передъ нимъ что-то въ родѣ стариннаго краснаго плаща, только на новой подкладкѣ. Чутье авантюриста сказало, что здѣсь есть пожива. Онъ пустился изучать Галицію, или, какъ онъ ее называетъ, «Галичину», «Галицко-Володимірское королевство». «Путешествіе это было довольно опасное». Любопытно слѣдить, какъ г. Кельсіевъ *изучалъ* Галицію. Поѣхалъ онъ туда, какъ онъ увѣряетъ, еще полный сомнѣніями. Онъ «искренно вѣрилъ въ то, что для поляковъ есть возможность существовать отдѣльно». Вѣнскіе студенты отрицали это, но онъ «имъ не вѣрилъ и вѣрить имъ было ему отвратительно». Онъ поѣхалъ, чтобы лично провѣрить вопросъ на мѣстѣ столкновенія русинской и польской національностей. И, однако, изъ втораго его письма, изъ Перемышля, видно, что онъ уже порѣшилъ вопросъ и поѣхалъ въ Галицію съ готовымъ a priori рѣшеніемъ. Онъ уже въ этомъ второмъ письмѣ (а ихъ всѣхъ тридцать-два) «начинаетъ соглашаться съ тѣми историками, которые говорятъ, что гибель Польши была

http://rcin.org.pl

неизбѣжна». Пригонка фактовъ къ пріисканной мѣркѣ производится г. Кельсіевымъ самымъ прозрачнымъ образомъ. Видитъ онъ, напримѣръ, что русины лѣнивы, на подъемъ тяжелы, однимъ словомъ, тюфяки. Онъ объясняетъ это пятисотлѣтнимъ польскимъ гнетомъ и утверждаетъ, что у русина одна мечта, одна мысль—избавиться отъ поляка и отъ еврея, и «онъ ни за что приняться не хочетъ, ожидая, когда наступитъ этотъ желанный часъ». Мы ничего не имѣемъ противъ этого объясненія, потому что въ настоящей статьѣ ни объ чемъ, кромѣ личности г. Кельсіева, не говоримъ и не намѣрены говорить. Но тѣмъ не менѣе для насъ вполнѣ ясно, что это объясненіе пригнанное, ибо на той же страницѣ г. Кельсіевъ высказываетъ предположеніе, что Олегъ такъ охотно промѣнялъ Новгородъ на Кіевъ и такъ хорошо устроился въ теперешней южной Россіи потому, что южноруссы уже тогда были тюфяками. Онъ категорически говоритъ: «Вотъ *откуда пошла есть русская земля* — отъ безсилія хохлацкаго». А мы уже отпраздновали тысячелѣтіе Россіи. Слѣдовательно, южноруссы «ни за что приниматься не хотѣли» еще, по крайней мѣрѣ, за пятьсотъ лѣтъ до пятисотлѣтняго польскаго гнета.

Нечего, значитъ, и говорить о томъ, что г. Кельсіевъ поѣхалъ въ Галицію съ цѣлію провѣрить на мѣстѣ какой бы то ни было вопросъ. — всѣ занимавшіе его вопросы были имъ рѣшены уже въ Вѣнѣ. А поѣхалъ онъ такъ себѣ, — людей посмотрѣть и себя показать, въ особенности послѣднее. Съ чего онъ, напримѣръ, проѣхался къ гуцуламъ? А вотъ съ чего. Увидѣлъ онъ гуцульскіе топоры, которые показались ему очень похожими на топоры бронзоваго періода цивилизаціи. «Отыскать слѣды бронзоваго періода въ XIX вѣкѣ было лестно, говоритъ онъ, но еще лестнѣе было отыскать ихъ у русскихъ», и г. Кельсіевъ поѣхалъ къ гуцуламъ. А гуцулы этими самыми топорами вотъ какія штуки выкидываютъ. «Перепьются иногда и какую нибудь нелюбимую опозоренную дѣвку, которую надо *развѣнчать*, потому что она лишилась невинности, привяжутъ за косу къ столбу и отсѣкутъ ей косу, метая въ нее этими топориками». Поистинѣ

http://rcin.org.pl

слѣды бронзоваго періода! но почему показалось г. Кельсіеву, что ихъ въ XIX вѣкѣ отыскать *лестно* и еще *лестнѣе* отыскать именно у русскихъ,—это извѣстно только Богу и г. Кельсіеву. Вотъ до какого страннаго патріотизма доводитъ г. Кельсіева его стремленіе въ міръ подвиговъ и путешествій. Неужели же онъ въ самомъ дѣлѣ жертва новой, а не старой исторіи? Возьмите любаго пошляка, — мы ужь не говоримъ кого-нибудь покрупнѣе, пошляка возьмите въ родѣ Ситникова, въ которомъ новая исторія отразилась какъ солнечный лучъ въ грязной лужѣ,—и этотъ пошлякъ не скажетъ, что лестно открыть слѣды бронзоваго періода у русскихъ. А г. Кельсіевъ говоритъ это, но у насъ не повернется языкъ назвать его пошлякомъ. Онъ просто несчастный человѣкъ, и корень его несчастія лежитъ въ нашемъ прошедшемъ, въ томъ прошедшемъ, которое сдирало съ мужика послѣдній грошъ на благотворительное дѣло; въ томъ прошедшемъ, которое уносило въ обаятельный міръ подвиговъ и путешествій; въ томъ прошедшемъ, въ которомъ такъ отвратительно переплетались барство и рабство и которое не умѣло сводить прихода съ расходомъ. Туда-то и должны направляться его проклятія и сѣтованія. А если новая исторія и опредѣлила форму, въ которую вылилась старая сущность, то только въ такой же мѣрѣ, въ какой кухонная форма опредѣляетъ фигуру гороховаго киселя: его можно вылить и просто на тарелку, и въ видѣ башни какой-нибудь, но и тутъ и тамъ будетъ все тотъ же кисель гороховый...

Прокатившись такимъ образомъ по Галиціи, г. Кельсіевъ, разумѣется, окончательно убѣдился въ своей мысли о необходимости сліянія славянъ подъ сѣнью Россіи. Затѣмъ онъ попалъ, волею судьбы и графа Голуховскаго, въ Яссы, тамъ объявилъ о своемъ желаніи вернуться въ Россію, потомъ явился въ Скулянскую таможню, но дорогѣ вспомнилъ предсказаніе г. Погодина г. Герцену, что онъ вернется въ Россію, потому что всѣ русскіе бродяги, промотавъ послѣднюю копѣйку и хвативъ для храбрости шкаликъ, сами сдаются становому; сдался и былъ отвезенъ въ Петербургъ. Все это сопровождалось, разумѣется, не

http://rcin.org.pl

малымъ количествомъ сильныхъ ощущеній. Въ Петербургѣ онъ испыталъ новое удовольствіе: «что ни говорите, говоритъ онъ, но есть своего рода удовольствіе обращать на себя общее вниманіе и служить предметомъ толковъ: это какъ-то щекочетъ самолюбіе». Нынѣ онъ занимается славянскимъ вопросомъ и забываетъ, на какія деньги странствуютъ благородные рыцари.

Мы обѣщали предсказаніе. Вотъ оно. Если славянскій вопросъ вспыхнетъ и втянетъ въ себя Россію,—г. Кельсіевъ пойдетъ въ самую середину огня и, можетъ быть, сложитъ свою буйную голову за какихъ нибудь современныхъ представителей бронзоваго періода. Если же окажется, что г. Кельсіевъ не совсѣмъ хорошо узналъ въ нѣсколько мѣсяцевъ нужды и стремленія славянъ; если политическія событія отодвинутъ рѣшеніе славянскаго вопроса или даже рѣшатъ его, но безъ треску и грома; если и это поле для геройскихъ подвиговъ исчезнетъ, — г. Кельсіевъ проклянетъ свое увлеченіе и увлечется... Чѣмъ? этого мы не можемъ предсказать. Спиритизмомъ, можетъ быть, а можетъ быть уѣдетъ въ Южную Америку и сдѣлается претендентомъ на кресло президента Парагвайской республики...

http://rcin.org.pl

http://rcin.org.pl

Аналогическій методъ въ общественной наукѣ *).

(Исторія и методъ. Сочиненіе Александра Стронина. Спб. 1869).

I.

Общественная наука есть «дѣло, которое, вѣроятно, составитъ великій умственный подвигъ ближайшихъ двухъ или трехъ поколѣній мыслителей Европы». Такими словами заключаетъ Стюартъ Милль свою Систему логики. Но развѣ общественная наука еще не существуетъ? Развѣ у насъ нѣтъ науки экономической, науки права со всѣми ея многочисленными развѣтвленіями, науки исторической съ ея подспорьями—археологіей, нумизматикой, сравнительной филологіей и проч.? Безъ всякаго сомнѣнія, все это у насъ есть и, тѣмъ не менѣе, мыслителямъ Европы предоставляется совершить умственный подвигъ—создать общественную науку. Что же это за несуществующая наука и въ чемъ тутъ дѣло? Дать вполнѣ удовлетворительный отвѣтъ на этотъ вопросъ мы не беремся; но намекнуть на отвѣтъ намъ придется, потому что лежащая передъ нами книга г. Александра Стронина имѣетъ въ виду именно уясненіе нѣкоторыхъ пунктовъ

*) 1869, іюль.

http://rcin.org.pl

общественной науки, о чемъ, впрочемъ, довольно трудно догадаться по странному заглавію. Мы прочли эту книгу съ большимъ любопытствомъ, а прочитавъ, тотчасъ же взялись за перо, чтобы представить читателю посильную оцѣнку нѣкоторыхъ основныхъ положеній г. Стронина, по нашему крайнему разумѣнію, достойныхъ особеннаго вниманія. Притомъ же, г. Стронинъ предлагаетъ оригинальную классификацію соціальныхъ наукъ и оригинальный методъ ихъ, и уже по одному этому мы сочли своею обязанностью остановиться подольше на его книгѣ Но этого мало. Какъ мы уже сказали, нѣкоторые взгляды автора заслуживаютъ особеннаго вниманія, ибо въ нихъ отражается весьма важная, хотя, по всей вѣроятности, временная сторона современнаго мышленія вообще.

Прежде всего бросилось намъ въ глаза то обстоятельство, что книжка г. Стронина «посвящается славянскимъ гостямъ Россіи 1867 года». Конечно, всякій воленъ посвящать свои труды кому угодно. Но всякій воленъ также дѣлать изъ посвященія свои заключенія, каковыя, разумѣется, очень затруднительны, когда книжка посвящается частному лицу, но, напротивъ, невольно, сами собой напрашиваются, когда она посвящена людямъ, такъ сказать, публичнымъ, какъ въ настоящемъ случаѣ. Откровенно говоря, мы были изумлены тѣмъ, что «Исторія и методъ» посвящается «славянскимъ гостямъ Россіи 1867 года». Еще болѣе откровенно говоря, это посвященіе не расположило насъ въ пользу труда г. Стронина. Мы думали встрѣтиться въ немъ съ отголосками напускной горячки 1867 г. или съ истертыми тезисами славянофильства. Но мы ошиблись. Въ самомъ концѣ книги наткнулись мы на слѣдующую подозрительную фразу: «Мы пережили въ нашей христіанской эрѣ и ступень древняго востока—въ романскихъ среднихъ вѣкахъ, переживаемъ и ступень Греціи — въ германской новой исторіи, остается ступень Рима—будущность славянства». Это заключительныя слова книги. Но затѣмъ, въ самой книгѣ, на всемъ пространствѣ отъ посвященія до заключенія, есть только одно мѣсто въ духѣ русскихъ хозяевъ (т.-е. людей, принимавшихъ славянскихъ гостей

http://rcin.org.pl

1867 г.; мы дѣлаемъ это поясненіе для непроницательныхъ читателей, могущихъ подумать, что рѣчь идетъ о людяхъ, знающихъ толкъ въ сельскомъ, домашнемъ, государственномъ или иномъ какомъ-нибудь хозяйствѣ). И за исключеніемъ этого мѣста, которое мы въ свое время покажемъ читателю, въ книгѣ г. Стронина нетолько нѣтъ ничего такого, что бы могло нольстить русскимъ хозяевамъ, но есть даже вещи, которыя имъ должны крайне не понравиться. Г. Стронинъ полагаетъ, что исторія, какъ наука, началась собственно съ Бокля; большинство русскихъ хозяевъ, имѣя въ виду историческія работы г. Погодина, Шевырева и проч., съ таковымъ мнѣніемъ автора едва-ли согласится. Русскіе хозяева весьма хлопотали о томъ, чтобы на меню торжественныхъ обѣдовъ въ честь славянскихъ гостей не попадались иностранныя слова, вслѣдствіе чего «салатъ» подвергся гоненію; равномѣрно въ эту знаменитую эпоху были поползновенія изгнать и другія иностранныя слова, каковы: «кассація», «фактъ» и проч.; г. же Стронинъ такъ и сыплетъ иностранными терминами, и притомъ во многихъ случаяхъ имъ самимъ измышленными. Такихъ пунктовъ различія между г. Строниннымъ съ одной стороны и русскими хозяевами съ другой существуетъ весьма достаточно. Поэтому, можно думать, что г. Стронинъ не отъ пріѣзда къ намъ славянскихъ гостей заключилъ о великой будущности славянства, а поступилъ гораздо серьезнѣе, именно: убѣдившись научнымъ путемъ въ великой будущности славянства, порадовался славянскимъ гостямъ и посвятилъ имъ свою книжку. Дѣло, значитъ, сводится къ тому, чтобы опредѣлить тотъ научный путь, которымъ авторъ дошелъ до своего убѣжденія. Мы вправѣ ожидать, что это путь дѣйствительно научный, потому что г. Стронинъ принимаетъ въ соображеніе всѣ новѣйшія общія изслѣдованія по вопросамъ о методахъ и задачахъ общественной науки. Онъ цитируетъ Конта, Милля, Спенсера, Бокля, Риттера, и не цитируетъ почти никого, кромѣ нихъ. Къ сожалѣнію, однако, вглядываясь въ вышеприведенную фразу г. Стронина, можно усомниться въ научности избранныхъ имъ логическихъ путей. У него за періодомъ древняго Востока слѣдуетъ періодъ Греціи, за нимъ

http://rcin.org.pl

періодъ Рима, а затѣмъ первый повторяется въ романскихъ среднихъ вѣкахъ, второй — въ новой германской исторіи, третій наконецъ имѣетъ повториться въ исторіи славянства. Эта идея круговорота — вещь не новая и не оригинальная и — чтобы не ходить далеко—читатель можетъ съ ней встрѣтиться въ недавно вышедшей «Исторіи политическихъ ученій» г. Чичерина, о которой «Отечественныя Записки» отозвались въ № 5-мъ. Это бы еще не бѣда, что идея не новая, но она, кромѣ того, идея скучная и безотрадная. Въ самомъ дѣлѣ, съ чего, напримѣръ, мы съ вами, читатель, начнемъ усердствовать на пользу славянства, когда въ его будущей исторіи повторится исторія Рима. Римъ, какъ извѣстно, развалился, и развалился послѣ всевозможныхъ скандаловъ и мерзостей. Ну, развалится и славянство. Неужто же для этого стоитъ работать? Наконецъ, и это бы еще не бѣда, что идея историческаго круговорота скучна и безотрадна; еслибы она была вѣрна, пришлось бы ей поневолѣ покориться, и стали бы мы, скрѣпя сердце, готовиться къ всемірному владычеству славянства, затѣмъ, къ появленію славянскихъ Калигулъ и Геліогабаловъ, къ набѣгамъ варваровъ и проч. Но что самое важное, идея эта не имѣетъ никакого научнаго основанія, ибо отнюдь не изображаетъ дѣйствительнаго хода вещей. Человѣку приходится терпѣть скуку, испытывать смѣну надеждъ разочарованіями, а разочарованій надеждами и т. п. Но вселенная, міръ, природа — скуки не терпитъ, природа до безконечности разнообразна, а потому и въ исторіи круговоротъ не можетъ быть общимъ правиломъ. Исторію въ этомъ отношеніи можно уподобить богатѣйшему франту, который ни за что не надѣнетъ два раза одну и ту же пару перчатокъ. Объ ней можно сказать то же, что сказалъ Гёте о ея старшей сестрѣ, о природѣ: «Was da ist, war noch nie; war war, kommt nicht wieder».

Объ этомъ, впрочемъ, намъ распространяться незачѣмъ, потому что идея историческаго круговорота не занимаетъ въ соображеніяхъ г. Стронина какого-либо виднаго мѣста; она является въ самомъ концѣ книги нѣсколько неожиданно и даже, можно сказать, ни къ селу, ни къ городу. Рѣчь шла о томъ,

http://rcin.org.pl

что въ виду той пользы, какую людямъ можетъ принести наука, «мысль нѣмѣетъ при представленіи всѣхъ вѣроятностей будущаго и содрогается сердце отъ зависти къ потомству». И вдругъ намъ остается ступень Рима — будущность славянства... Главные взгляды нашего автора хотя и имѣютъ нѣкоторыя точки соприкосновенія съ идеею историческаго круговорота, тѣмъ не менѣе, представляютъ въ общемъ нѣчто иное. Къ этимъ-то главнымъ взглядамъ мы и обратимся, но сперва да позволено намъ будетъ сдѣлать еще одно мелкое замѣчаніе. Г. Стронинъ страдаетъ маніей оригинальной терминологіи. Такъ, онъ различаетъ четыре вида индукціи: «эвидентику», «аттентику», «экспериментику» и «обсерватику», хотя всѣ они весьма удобно вмѣщаются въ установившуюся рубрику опыта и наблюденія. Подъ эвидентикой, напримѣръ, г. Стронинъ разумѣетъ тотъ процессъ мысли, которымъ добыты математическія аксіомы. Но чѣмъ же этотъ индуктивный процессъ отличается отъ иныхъ индуктивныхъ процессовъ? Ничѣмъ не отличается. Дѣло только въ томъ, что факты, выражаемые аксіомами, повторяются въ высшей степени часто, но этимъ только облегчается процессъ. Что же касается до аттентики, то даже довольно трудно понять нетолько, что это за особенная индукція, но и вообще что это за операція. Въ ней, какъ, по крайней мѣрѣ, удостовѣряетъ г. Стронинъ, руководителемъ для изслѣдователя служитъ «одно только вниманіе, наблюденіе однимъ чувствомъ внутреннимъ!» Произнеся это, г. Стронинъ ставитъ восклицательный знакъ, къ которому мы, съ своей стороны, охотно прибавили бы вопросительный. Впрочемъ, г. Стронинъ и самъ говоритъ, что это «наблюденіе внутреннимъ чувствомъ» вещь ненадежная, значитъ, намъ незачѣмъ особенно печалиться о нашемъ непониманіи. Далѣе, людей, изучающихъ законы общественныхъ явленій, г. Стронинъ называетъ почему-то *соціалистами*, хотя слово это имѣетъ во всѣхъ европейскихъ языкахъ гораздо болѣе спеціальное, очень опредѣленное и всѣмъ извѣстное значеніе. Затѣмъ, у него являются такіе термины: «движимость и бытійность» (въ противоположность движенію и бытію), «вещественность и сильственность» (въ противо-

http://rcin.org.pl

положность веществу и силѣ) и проч., и проч., и проч. Та же терминологическая манія играетъ значительную роль и въ классификаціи соціальныхъ наукъ, предлагаемой г. Строниным. Тутъ есть и *хронологія*, и *географія*, и *прагматика*, и *соціономія*, и *соціологія*, и *соціалистика*, и *конституція*, и *пафосологія*, и *паллиатика*, и *юстиція* и проч., и проч., и проч. Да еще изъ нихъ въ составъ, напримѣръ, *исторіологіи*, входятъ: «вопервыхъ, *гинологія*, ученіе о происхожденіи государствъ; вовторыхъ, *эпохологія*, т.-е. ученіе о возрастахъ государственныхъ; втретьихъ, *эрологія*, о великихъ событіяхъ политическихъ; вчетвертыхъ, *этнологія*, о національностяхъ и національныхъ идеалахъ, миссіяхъ, роляхъ; впятыхъ, *прогрессологія*, о путяхъ, мѣрахъ и предѣлахъ прогресса каждаго мѣста, каждаго времени и каждаго элемента; наконецъ (наконецъ!), *фанатологія*, о паденіи и метаморфозѣ или метампсихозѣ государствъ». Или; напримѣръ: «Если теперь ученіе о силахъ психологическихъ правительственныхъ назовемъ *кратологіей* (а если не назовемъ?), то если возьмемъ психологическія силы, это будетъ соціальная *барологія*; общественныя— то физической акустикѣ будетъ отвѣчать ученіе о силѣ слова, *фонетика*; оптикѣ—ученіе о силѣ мысли, *идеологія*; термотикѣ— ученіе о силѣ знанія, *гностика*; магнетикѣ — ученіе о симпатіи и антипатіи и вообще о сантиментальныхъ силахъ, *симпатика*; и электрикѣ — ученіе о силѣ дѣла и вообще о силахъ моральныхъ, *эрготика*». (Вы меня, читатель, пожалуйста, извините за эти двѣ выписки). Все это въ соединеніи съ варварскимъ языкомъ вообще дѣлаетъ книгу г. Стронина весьма неудобочитаемою. Любопытно, что, по мнѣнію нашего достопочтеннаго автора, «необходимо спустить, наконецъ, науку и философію съ облаковъ внизъ, а тѣмъ болѣе, такую науку и такую философію, какъ соціальныя; для нихъ, болѣе чѣмъ для всякихъ другихъ наукъ и философій, нелѣпо становиться въ такую позу, которая внушала бы ужасъ, и заговаривать такимъ языкомъ, который бы нужно было потомъ переводить на обыкновенный языкъ смертныхъ. Это пустяки, будто бы не всякое знаніе, какъ утверждаютъ педанты, можно передать всякой публикѣ и вообще пе-

http://rcin.org.pl

редавать его безъ всякихъ схоластическихъ замашекъ» (441). Если читатель усмотритъ нѣкоторое противорѣчіе между словомъ и дѣломъ г. Строинна, то онъ можетъ утѣшиться тѣмъ, что слово само по себѣ и ученіемъ о силѣ его занимается *фонетика*, а дѣло опять само по себѣ и сила его составляетъ предметъ *эрготики*.

Равномѣрно слѣдуетъ замѣтить и то, что сила мысли особь статья (ученіе о ней есть *идеологія*), а сила слова опять-таки особь статья (*фонетика*); вслѣдствіе чего отнюдь не слѣдуетъ думать, чтобы за всякимъ словомъ такъ ужь и сидѣла какая-нибудь мысль. Есть и просто слова, къ каковымъ мы и причисляемъ большинство терминовъ г. Стронина. Слишкомъ много цвѣтовъ, слишкомъ много цвѣтовъ! говоритъ корыстолюбивый жрецъ Калхасъ въ «Прекрасной Еленѣ». Слишкомъ много цвѣтовъ! скажемъ и мы г. Строинну, ибо всѣ эти *логіи* суть не болѣе, какъ цвѣты, никогда недадущіе плодовъ. Г. Строинъ ищетъ метода соціальныхъ наукъ и ихъ классификаціи и, разумѣется, находитъ и то и другое. Но дѣло въ томъ, что планъ его классификаціи построенъ, если можно такъ выразиться, безъ всякаго плана. Мы будемъ слѣдить за нимъ шагъ за шагомъ.

Книга г. Стронина начинается сравненіемъ между науками естественными и такъ-называемыми нравственными и политическими. При этомъ авторъ высказываетъ нѣсколько не новыхъ и не оригинальныхъ, но совершенно справедливыхъ мыслей о печальномъ состояніи нынѣ существующихъ общественныхъ наукъ и о еще болѣе печальныхъ практическихъ результатахъ ихъ теоретической слабости. Сѣтованія г. Строинна мы раздѣляемъ вполнѣ и думаемъ, что ихъ раздѣляютъ и всѣ мыслящіе люди. Равнымъ образомъ едва-ли можетъ подлежать сомнѣнію и то положеніе г. Стронина, что нынѣ существующія общественныя науки должны ожидать своего обновленія отъ сближенія съ естествознаніемъ. И, разумѣется, не мы станемъ охуждать то стремленіе, которое сказалось въ пронесшемся недавно надъ нашимъ обществомъ страстномъ увлеченіи естественными науками.

http://rcin.org.pl

Общественная наука неизбѣжно должна чѣмъ нибудь позаимствоваться у естествознанія, вопервыхъ, потому, что естествознаніе, какъ наука старшая, успѣло выработать цѣлый арсеналъ логическихъ пріемовъ, а вовторыхъ, потому, что общество управляется, кромѣ своихъ спеціальныхъ законовъ, еще законами, царящими и надъ остальной природой. Но позаимствоваться можно и очень многимъ и очень малымъ. Общественная наука можетъ взять у естествознанія его методы, можетъ перенести къ себѣ его истины цѣликомъ, можетъ, наконецъ, переработать эти истины какимъ-нибудь способомъ. Этотъ вопросъ о размѣрахъ займа, о предѣлахъ вторженія естествознанія въ область общественной науки, къ сожалѣнію, слишкомъ рѣдко возникаетъ въ сознаніи большинства людей, призадумывающихся надъ судьбами человѣчества и ищущихъ имъ новаго, независимаго отъ оффиціальныхъ наукъ, освѣщенія. Эта неосмотрительность порождаетъ множество недоразумѣній, весьма печальныхъ, какъ по теоретическимъ, такъ и по практическимъ своимъ результатамъ. Въ настоящей статьѣ мы, можетъ быть, неоднократно будемъ имѣть случай останавливаться надъ этого рода явленіями нашей умственной жизни. Надо отдать справедливость г. Стронину: онъ категорически ставитъ вопросъ о границахъ естествознанія и общественной науки. Онъ говоритъ о «всеобщихъ намекахъ на то, что исторія или вообще науки нравственныя должны ожидать своего возрожденія отъ естествознанія, что онѣ должны сблизиться съ нимъ, стать на почву его, что историкъ долженъ быть вмѣстѣ и естествоиспытатель, что онъ долженъ усвоить пріемы естествоиспытанія и проч.» Г. Стронинъ отдаетъ этому воззрѣнію должную справедливость, но не успокоивается на этомъ. Онъ спрашиваетъ: «Что же именно имѣютъ означать всѣ эти: сблизиться, стать на почву, усвоить пріемы? Въ чемъ именно сблизиться, на какую стать почву, что усвоить и какъ. Нужна ли намъ помощь естествознанія только для того, чтобъ съумѣть, какъ у Бокля, опредѣлить вліяніе природы на общеество, или же и для чего-нибудь инаго? нужна ли намъ помощь естествоиспытательнаго содержа-

http://rcin.org.pl

нія (добытыхъ имъ знаній) или же помощь его формы (метода) или, наконецъ, и того и другаго вмѣстѣ? равно и тамъ, гдѣ та или другая нужна, какъ и гдѣ должна быть примѣнена она? Всего этого мы до сихъ поръ себѣ не уяснили, къ сознанію не привели» (20). Вотъ что называется отчетливою и обстоятельною постановкою вопроса. Къ сожалѣнію, дальше идетъ уже нѣчто не столь отчетливое и обстоятельное. Дальше идетъ вотъ что. Изъ всѣхъ заявленій въ пользу вмѣшательства естествознанія въ объясненіе явленій общественной жизни, говоритъ г. Стронинъ, «достовѣрно» пока только то, что общественная наука должна усвоить именно методъ естествознанія, «т.-е. именно индукцію, а ни какъ не методъ философіи или математики, т.-е. никакъ не дедукцію». Однако, почему же это «достовѣрно»? Сейчасъ только это было вопросомъ и вдругъ сдѣлалось достовѣрнымъ. Сейчасъ только г. Стронинъ до извѣстной степени скептически относился къ общему голосу людей, желающихъ связать общественную науку съ естествознаніемъ; сейчасъ только онъ заявлялъ, что «всего этого мы до сихъ поръ себѣ не уяснили, къ сознанію не привели», и не успѣло еще притупиться перо, изобразившее эти слова, какъ г. Стронинъ говоритъ: «Принимая этотъ отвѣтъ (что общественная наука должна заимствовать у естествознанія индуктивный методъ) за голосъ всеобщій и доказательствъ въ пользу свою не требующій, мы...» и т. д. Это не особенно послѣдовательно; но слѣдуетъ, кромѣ того, замѣтить, что это и не особенно вѣрно, въ томъ смыслѣ не особенно вѣрно, что общій голосъ отнюдь не требуетъ для общественной науки индуктивнаго метода. Не говоря о прочихъ, Милль, какъ г. Стронину небезъизвѣстно, считаетъ общественную науку наукой дедуктивной. А Милля г. Стронинъ называетъ «знатокомъ методовъ». Вѣрно или невѣрно мнѣніе Милля — это вопросъ особый, но нельзя же не принять въ соображеніе голоса «знатока методовъ», говоря объ «общемъ голосѣ». А Милль не одинъ считаетъ дедукцію пріемомъ, наиболѣе пригоднымъ для общественной науки. Какъ бы, однако, тамъ ни было, но г. Стронинъ, полагая, что онъ повинуется

http://rcin.org.pl

общему голосу, начинаетъ «пробовать различные способы примѣнить къ изученію общества методъ индуктивный». Для этого онъ прежде всего дробитъ индукцію на эвидентику, аттентику, экспериментику и обсерватику, причемъ послѣдняя и оказывается единственнымъ годнымъ для общественной науки видомъ индукціи. Въ переводѣ, какъ выражается самъ г. Стронинъ, «на языкъ смертныхъ», всѣ эти его соображенія сводятся къ той истинѣ, что въ общественной наукѣ опытъ не можетъ играть столь важной роли, какъ въ естествознаніи, вслѣдствіе чего на долю соціологіи остается одно наблюденіе. Истина несомнѣнная, но для которой рѣшительно не стоило сочинять ни эвидентики, ни аттентики.

И такъ, методъ найденъ, — обсерватика, а попросту говоря, наблюденіе. Примѣненіе его «къ изученію соціальному» авторъ начинаетъ съ классификаціи. «Естествознаніе, говоритъ г. Стронинъ, представляетъ въ этомъ отношеніи картину совершенно неизвѣстную въ общественной наукѣ: оно представляетъ собою не одну и ту же науку, какъ исторія, гдѣ все содержаніе стасовано въ одну кучу, но напротивъ цѣлый рядъ отдѣльныхъ наукъ, гдѣ содержаніе это разсортировано по самымъ разнообразнымъ категоріямъ. Правда, было время, когда и естествовѣдѣніе, подобно нынѣшнему обществовѣдѣнію, вмѣщалось также въ одну науку; то тогда оно и похвалиться могло немногимъ» (30). Намъ было очень прискорбно прочесть эти строки, потому что въ нихъ есть, вопервыхъ, передержка; вовторыхъ, обнаруживается непоминаніе задачи общественной науки; втретьихъ, наконецъ, обнаруживается непониманіе принципа классификаціи наукъ вообще. Такъ-какъ съ тѣмъ и другимъ непониманіемъ мы еще встрѣтимся ниже, то теперь посмотримъ только на передержку. Дѣло все шло о томъ, чтобы приложить индуктивный методъ къ общественной наукѣ вообще, и вдругъ г. Стронинъ подтасовываетъ вмѣсто общественной науки исторію. Это вѣдь вещи совершенно различныя. Возьмемъ ли мы систему школьныхъ, оффиціальныхъ общественныхъ наукъ, мы увидимъ, что рядомъ съ исторіей въ нашихъ гимназіяхъ и уни-

http://rcin.org.pl

верситетахъ преподаются юридическія науки, политическая экономія, статистика, географія. Возьмемъ ли мы общественную науку въ томъ смыслѣ, какой придаютъ ей лучшіе умы нашего времени, мы увидимъ, что и съ этой точки зрѣнія исторія есть только часть общественной науки, именно та часть, въ вѣдѣніи которой находятся условія развитія государствъ и народовъ; а часть не можетъ равняться цѣлому. Это говоритъ «эвиденгика». Еслибы г. Стронинъ своего кунстштюка не устроилъ, онъ увидѣлъ бы, что нельзя сказать объ обществовѣдѣніи, какъ оно существуетъ въ настоящее время, чтобы въ немъ все содержаніе было стасовано въ одну кучу; онъ увидѣлъ бы, что факты юридическіе худо ли хорошо ли изучаются юриспруденціей, факты этическіе—системами морали, факты экономическіе — политическою экономіей, факты, способные быть выраженными цифрами,—статистикой и т. д. Да этого нельзя сказать и о школьной исторіи. Чѣмъ другимъ, а ужъ тѣмъ, чтобы въ ней все содержаніе общественной науки было стасовано въ одну кучу, — этимъ школьная исторія не грѣшна; въ ней, какъ понимаетъ и самъ г. Стронинъ разумѣется, не дается мѣста многому, что имѣло бы на него полное право. Слѣдуетъ поэтому думать, что несостоятельность нравственныхъ и политическихъ наукъ зависитъ не оттого, что въ нихъ все содержаніе сбито въ одну кучу, ибо самый фактъ этой скученности не существуетъ. Можно даже думать, что безсиліе нравственныхъ и политическихъ наукъ обусловливается причиною діаметрально противоположною, именно ихъ разобщенностью и спеціализаціей, недостаткомъ синтетическаго начала. По крайней мѣрѣ на это обстоятельство очень явственно указываетъ совершающееся на нашихъ глазахъ преобразованіе исторіи. Несмотря на свою блѣдность, школьная исторія имѣетъ рѣзко опредѣленный спеціальный характеръ. Она занимается разсказываніемъ политическихъ событій, предметъ ея — войны, перемирія и миры, восшествія на престолъ и низверженія съ онаго и т. д. Она не нуждается не только въ естествознаніи, а и ни въ какой изъ существующихъ общественныхъ наукъ; она сама себѣ

http://rcin.org.pl

владыка. Совсѣмъ иное дѣло съ научной исторіей. Эта послѣдняя, желая найти законы, по которымъ формируется умственный, нравственный, экономическій, юридическій, политическій характеръ народа, самымъ тѣснымъ образомъ соприкасается и съ естествознаніемъ и съ науками нравственными и политическими. Г. Стронинъ не узналъ этого предтечи. Г. Стронинъ есть, можно сказать, тотъ самый Севастьянъ, который не узналъ нѣкогда своихъ крестьянъ. Г. Стронинъ ищетъ принциповъ общественной науки, дѣлаетъ при этомъ передержку, подтасовывая вмѣсто общественной науки исторію и, несмотря на то, что искомые имъ принципы, вслѣдствіе именно его передержки, становятся, такъ сказать, передъ его носомъ, — отворачивается отъ нихъ. И совершенно напрасно ссылается при этомъ г. Стронинъ на естествознаніе. Вопервыхъ, кто ему далъ право приводить общественной наукѣ въ примѣръ цѣлое естествознаніе? Естествознаніе есть наука о вселенной, и если г. Стронинъ не придерживается психологическаго дуализма, то онъ долженъ признать, что явленія общественной жизни представляютъ не болѣе какъ одно изъ звеньевъ длинной цѣпи явленій природы. А онять таки «эвидентика» говоритъ, что часть не можетъ равняться цѣлому. Поэтому, если естествознаніе распалось на нѣсколько наукъ, то это еще вовсе не резонъ, чтобы такое же распаденіе было обязательно и для общественной науки, а тѣмъ болѣе для исторіи. Можетъ быть, она и должна быть раздроблена, а можетъ быть и нѣтъ. Да и въ естествознаніи, или по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ отдѣлахъ его, мы замѣчаемъ стремленіе къ «стасованію всего содержанія въ одну кучу». Науки неорганическаго міра готовы слиться, благодаря теоріи единства и метаморфозы силъ; теорія Дарвина нанесла ударъ различнымъ орнитологіямъ, эрпетологіямъ, ихтіологіямъ и пр. Г. Стронинъ вѣроятно имѣлъ въ виду необходимость классификаціи историческаго матеріала. Но классификація научнаго матеріала отнюдь не всегда требуетъ раздробленія науки. Если мы возьмемъ не все естествознаніе, а напримѣръ одну химію, то увидимъ, что она составляетъ одну науку, что не мѣшаетъ ей классифицировать свой матеріалъ на

http://rcin.org.pl

элементы и сложныя тѣла, элементы на органогены, галоиды, щелочные металлы и т. д., а сложныя на кислоты, соли, ангидриды и проч.; кромѣ того существуютъ въ химіи и иныя классификаціи, — гомологическіе, изологическіе ряды и т. д. И все это никого не побуждаетъ дробить химію на отдѣльныя науки. Если г. Строгинъ замѣтитъ, что какъ разъ именно химія-то и раздѣляется на органическую и неорганическую, то мы приведемъ ему на этотъ счетъ мнѣніе одного изъ его любимыхъ авторовъ (выборъ которыхъ дѣлаетъ ему большую честь) — Конта. Мыслитель этотъ, такъ много сдѣлавшій для философіи естествознанія, совершенно не признаетъ самостоятельнаго значенія за органической химіей. Мы очень рады, что наткнулись на этотъ примѣръ, потому что способъ воззрѣнія на него Конта и его аргументація пригодятся намъ дальше. Контъ разсуждаетъ такъ. Между органическими веществами есть такія, для образованія которыхъ не нужно присутствія жизненнаго процесса, составляющаго характеристическій признакъ для всякаго организма; эти вещества, какъ напримѣръ алкоголь, должны быть изучаемы въ общей химіи. Есть наоборотъ и такія вещества, какъ напримѣръ кровь, которыя существуютъ только благодаря жизненному процессу,—ихъ должна изучать физіологія. Такимъ образомъ для органической химіи не остается ничего, хотя Контъ и не думалъ отрицать значенія химіи органическихъ тѣлъ. Онъ говоритъ только, что существованіе органической химіи, какъ отдѣльной науки, незаконно. Изучать химическую сторону, химическія свойства организма—это одно дѣло, и имъ можетъ и должна заняться общая химія. Изучать же организмъ съ химической точки зрѣнія—это другое дѣло и дѣло непозволительное, потому что, по крайней мѣрѣ при наличныхъ своихъ средствахъ, химія не въ силахъ объяснить жизненный процессъ и слѣдовательно цѣлостно ставить вопросы органической жизни и всесторонне осмотрѣть біологическій фактъ не можетъ. А понять явленіе значитъ оцѣнить его со всѣхъ сторонъ, какъ нѣчто цѣлое. Такая-то цѣлостная постановка вопросовъ и всесторонняя оцѣнка фактовъ и составляетъ насущную потребность нравственныхъ и политиче-

http://rcin.org.pl

сихъ наукъ и верховный принципъ грядущей общественной науки.

Получаетъ наконецъ г. Стронинъ свою классификацію. Вотъ она: *Исторія физическая* (антропологія); *исторія земледѣлія, исторія промышленности и исторія торговли* (элементы экономическіе); *исторія религіи, исторія философіи и исторія науки*; *исторія эстетическая* («гдѣ изслѣдуются законы развитія зодчества, ваянія» и проч.), *исторія логическая* («изучаетъ законы появленія, развитія и приложенія методовъ научныхъ, художественныхъ и религіозныхъ») *исторія практическая* («изучаетъ умѣнье дѣйствовать, мастерство общежитія, искусство политическое»); *исторія политическая*, «а въ точнѣйшемъ смыслѣ то, что называется *правовѣдѣніемъ*». Подраздѣленія послѣдней: «исторія каноническая, *право междуцерковное*; исторія интернаціональная, *право международное*; исторія народная, *право междуусобное*; исторія сословій, *право междусословное*, исторія обычаевъ и нравовъ, *право междусемейное*; исторія уголовная, *право междуличное*; исторія гражданская, *право междуимущественное*».

Классификація эта говоритъ сама за себя. Тѣмъ не менѣе, выражаясь еще болѣе откровенно, чѣмъ мы это дѣлали *до* сихъ поръ, мы должны сказать, что сколь безсмысленна эта классификація вообще, столь же уродуетъ ее въ частности и указанное нами смѣшеніе исторіи съ общественной наукой. Г. Стронинъ, какъ отецъ, всей красоты своего дѣтища усмотрѣть не можетъ. Однако, и онъ усматриваетъ, что въ его классификаціи нѣтъ «ни политической экономіи, ни географіи, ни статистики, ни грамматики». Въ этомъ конечно нѣтъ ничего удивительнаго, потому что г. Стронинъ искалъ собственно классификаціи историческаго матеріала, почему исторія экономическихъ элементовъ у него получила свое мѣсто, а политическая экономія нѣтъ. Ну какъ же теперь быть? Возможны были для г. Стронина три исхода изъ такого неловкаго положенія. Вопервыхъ, еслибы онъ крѣпко вѣровалъ въ законность и правильность своихъ пріемовъ, онъ могъ бы совершенно отринуть науки, непопавшія въ его

http://rcin.org.pl

классификацію. Этого г. Стронинъ сдѣлать не рѣшается. И дѣйствительно, было бы по малой мѣрѣ странно не пускать политическую экономію или статистику туда, гдѣ сидятъ, въ качествѣ наукъ, разныя эрготики и междуусобныя права. О другихъ двухъ исходахъ г. Стронинъ говоритъ: «И такъ, или принципъ классификаціи нашей совершенно неудачепъ, или же рядомъ съ нею должна быть еще какая-то классификація, другая система наукъ соціальныхъ, въ которой бы нашли себѣ естественное мѣсто и всѣ вышеозначенныя науки». Къ сожалѣнію, г. Стронинъ и не думаетъ останавливаться на первомъ предположеніи, т.-е. на негодности своей классификаціи; онъ оставляетъ ее неприкосновенною и приступаетъ къ дополнительной классификаціи, построенной уже на совершенно иныхъ началахъ. Къ этого рода эклектическимъ пріемамъ г. Стронинъ обнаруживаетъ особенную склонность.

Обращается г. Стронинъ къ дедукціи и, хотя за нѣсколько страницъ передъ тѣмъ и утверждалъ, что общественная наука отнюдь не должна имѣть никакого дѣла съ методомъ дедуктивнымъ, находитъ, что «уклоненіе отъ него науки общественной немыслимо» (115). Обращается г. Стронинъ къ дедукціи и при этомъ удобномъ случаѣ дѣлитъ ее на «аналитику», «діалектику» и «гипотетику», а послѣднюю опять на гипотетику индуктивную и гипотетику дедуктивную. Ни первая, ни другая, ни третья не оказываются однако пригодными для общественной науки. Читатель готовъ уже придти въ отчаяніе и можетъ утѣшаться только тѣмъ, что какъ-никакъ, а какую нибудь *логію* г. Стронинъ да отроетъ. И дѣйствительно отроетъ. Онъ приводитъ 24 примѣра перенесеній или распространеній законовъ одной науки на другую, и затѣмъ говоритъ. «Такъ-какъ примѣры эти взяты не изъ одной только или изъ двухъ паръ наукъ, а изъ всевозможныхъ отраслей знанія, и такъ-какъ, несмотря на разнообразіе наукъ, фактъ повторяется всюду, то возникаетъ вѣроятность, что *нѣтъ закона той или другой науки, а есть только законъ науки вообще.* А отсюда возникаетъ вѣроятность и того практическаго для прямой нашей цѣли вывода, что *сколько и какихъ*

http://rcin.org.pl

есть до сихъ поръ законовъ у естествознанія, столько же, говоря вообще, и такихъ же должно быть ихъ и у обществознанія. Стоитъ, значитъ, въ такомъ случаѣ только выслѣдить, гдѣ именно и какъ они въ этомъ послѣднемъ проявляются, и обществовѣдѣніе сразу могло бы подняться на ступень научности. А если такъ, то и тайна дедукціи соціальныхъ наукъ была бы открыта: тайна эта была бы методъ *аналогики*». Такое свое умозаключеніе г. Стронинъ именуетъ «чисто индуктивнымъ», и полагаетъ, что оно оправдывается и путемъ дедукціи. Индуктивную часть его умозаключенія, т.-е. 24 примѣра мы сейчасъ разсмотримъ. Что же касается до дедуктивной стороны, то она основывается у г. Стронина на Контовомъ рядѣ основныхъ наукъ, который расположенъ по возрастающей сложности и убывающей общности. Вслѣдствіе этого основныя элементарныя науки могутъ быть представлены въ видѣ описанныхъ другъ около друга концентрическихъ круговъ, изъ которыхъ каждый содержитъ въ себѣ предъидущій и самъ содержится въ послѣдующемъ. Степень сложности явленій каждаго изъ круговъ обусловливается тѣмъ, что въ нихъ, кромѣ ихъ собственной категоріи, напримѣръ въ біологіи—жизни, имѣютъ мѣсто и категоріи предъидущихъ круговъ, т.-е. для той же біологіи категоріи математики—число и протяженіе, категорія механики — движеніе и т. д. Такимъ образомъ во всякомъ порядкѣ явленій повторяются законы предъидущихъ порядковъ. Это-то и убѣждаетъ г. Стронина въ великомъ значеніи его аналогики, которая, между прочимъ, при ближайшемъ разсмотрѣніи, признана г. Строниннымъ за отвергнутую имъ за нѣсколько страницъ «дедуктивную гипотетику». Мы говоримъ *его* аналогика, вопервыхъ потому, что хотя *аналогія* составляетъ, въ особенности въ обыденной жизни, пріемъ очень обыкновенный, но доселѣ никто не пытался возвести его на степень *аналогики*, т.-е. на степень метода, рекомендуемаго для систематическаго употребленія. Вовторыхъ, аналогическій методъ г. Стронина столь трудно характеризовать въ немногихъ словахъ, что самое лучшее для него названіе есть методъ г. Стронина, а въ чемъ онъ состоитъ, читатель увидитъ изъ примѣровъ. Для

http://rcin.org.pl

полученія классификаціи соціальныхъ наукъ путемъ аналогическаго метода, г. Стронинъ беретъ установленный Контомъ рядъ элементарныхъ наукѣ и пріискиваетъ каждой изъ нихъ что нибудь параллельное, сходное, аналогичное въ наукѣ общественной. Что соотвѣтствуетъ въ соціологіи наукѣ чиселъ, ариѳметикѣ и наукѣ протяженія, геометріи? спрашиваетъ г. Стронинъ и отвѣчаетъ: хронологія и географія, потому что одна занимается числами, а другая пространствомъ. Но, говоритъ г. Стронинъ, и та и другая должны быть научнымъ (и именно аналогическимъ) путемъ преобразованы. Такъ хронологія должна «объяснять всѣ свойства временности по отношенію къ общественной жизни, т.-е. объяснять явленія и законы различныхъ историческихъ пропорцій и отношеній, различныхъ общественныхъ прогрессій и уравненій, каковы напримѣръ прогрессіи экономическія, замѣченныя Мальтусомъ, статистическія, замѣченныя Кетле, и каковы, никѣмъ еще незамѣченныя, численныя отношенія періодовъ революцій къ періодамъ реакцій, эпохъ застоя къ эпохамъ реформъ, продолжительности мирныхъ временъ къ временамъ войнъ» и т. д. Словомъ, заключаетъ нѣсколько неудобопонятно г. Стронинъ, «хронологія должна быть съ одной стороны узнанною въ исторіи алгеброю и ариѳметикою, а съ другой непризнанною за таковыя статистикою» (172). Точно также должна быть построена и геграфія. Затѣмъ, что́ въ соціологіи соотвѣтствуетъ механикѣ и астрономіи? Ничего не соотвѣтствуетъ. Надо сочинить. Сочиняются слова: *прагматика и соціономія*. Что соотвѣтствуетъ химіи? Сочиняется слово *конституція* (наука о формахъ общественныхъ). Такимъ же образомъ физикѣ соотвѣтствуетъ *соціалистика* (наука о силахъ общественныхъ). Геологія «легко укладывается въ существующую уже рубрику *археологіи*, такъ что предстоитъ перевести на общественный языкъ только біологію; переводъ же этотъ точнѣе всего исполнится терминомъ *исторіологіи*». Все это тамъ опять само собой дѣлится, политическая экономія, статистика, грамматика и географія находятъ себѣ мѣсто, и г. Стронинъ торжествуетъ. Торжествуетъ онъ на такой манеръ: «классификація

http://rcin.org.pl

эта имѣетъ всѣ свойства повелительности для обществовѣдѣнія, и притомъ повелительности первостепенной, безъ предварительнаго исполненія которой и вся остальная наука обречена была бы на неподвижность. И если бы затѣмъ аналогика не могла ничего уже дать нашей наукѣ, то и тогда она сослужила бы службу свою недаромъ, потому что столько новыхъ точекъ зрѣнія были бы подаркомъ и для всякаго иного вѣдѣнія, болѣе окрѣпшаго и возмужавшаго, чѣмъ вѣдѣніе общества, такъ что роль иниціативности, даръ руководительства этого метода получаетъ здѣсь еще одно себѣ доказательство: онъ обозначаетъ впервые пункты различенія въ безразличной до сихъ поръ и хаотической всеобщности исторіи, онъ указываетъ обществознанію всѣ возможные пути его, даетъ ему весь планъ, всю перспективу работъ, безъ чего и самыя работы были бы немыслимы. Но точно ли вся заслуга метода этимъ и ограничивается? Если методъ такъ достаточно узаконяетъ классификацію, то, въ свою очередь, и классификація не узаконяетъ ли произведшаго ее на свѣтъ метода? Не служитъ ли она въ пользу его такимъ свидѣтельствомъ, какому равное, признаемся (еще бы не признаться!), едва-ли мы до сихъ поръ и имѣли? Аналогія, столь обширная и столь полная, какъ аналогія всѣхъ безъ исключенія научныхъ рубрикъ обществознанія соціальнаго и политическаго, со всѣми безъ исключенія рубриками математики и естествовѣдѣнія, на этомъ одномъ остановиться не можетъ; она необходимо должна проникать и нѣсколько дальше въ глубь, въ параллельность самыхъ законовъ тѣхъ или другихъ наукъ». И г. Стронинъ начинаетъ аналогировать законы естествознанія съ законами явленій общественной жизни.

Читатель понялъ, разумѣется, что мы придаемъ классификаціи г. Стронина столь малое значеніе, что не станемъ вникать въ подробности ея, не станемъ сожалѣть о томъ, что, напримѣръ, соціономіи предписывается обратить вниманіе, между прочимъ, на «отношенія націи къ націи», хотя отношеніями этими уже занимается «исторія интернаціональная, право международное», или что Мальтусовъ законъ имѣетъ мѣсто въ хро-

http://rcin.org.pl

нологіи, а теорія Дарвина аналогируется въ исторіологіи и т. п. Но мы не можемъ умолчать о совершенной несостоятельности самаго принципа этой классификаціи, хотя намъ и очень прискорбно разрушать иллюзіи и самодовольство г. Стронина. Мы говоримъ совершенно искренно. Г. Стронинъ читалъ хорошія книжки, г. Стронинъ много думалъ, г. Стронинъ имѣетъ прекрасныя намѣренія. Все это вызываетъ къ нему наше полное сочувствіе, которое только отчасти парализируется слишкомъ большими его претензіями. И тѣмъ не менѣе книжка его можетъ возбудить только отрицательный интересъ, можетъ показать только, что не слѣдуетъ идти тѣми логическими или, вѣрнѣе, нелогическими путями, какими идетъ г. Стронинъ. При такихъ условіяхъ мы сочли бы гораздо болѣе приличнымъ совершенно не говорить объ «Исторіи и методѣ», если бы употребляемые авторомъ пріемы не представляли ошибки слишкомъ важной и любопытной во многихъ отношеніяхъ. Г. Стронинъ читалъ хорошія книжки, но не совсѣмъ хорошо ихъ понялъ. Такъ онъ не понялъ и одной изъ своихъ исходныхъ точекъ, классификаціи наукъ Конта. Принципъ этой классификаціи состоитъ, какъ извѣстно, въ томъ, что науки расположены въ ней въ порядкѣ возрастающей сложности и убывающей общности; такъ что явленія, подлежащія вѣдѣнію одной изъ наукъ ряда, зависятъ отъ всѣхъ классовъ законовъ, какіе имѣютъ мѣсто во всѣхъ предшествующихъ наукахъ, но не зависятъ отъ законовъ, спеціальныхъ для послѣдующихъ наукъ. Такъ напримѣръ, ариѳметика и алгебра изучаютъ законы чиселъ и представляютъ собою науку наиболѣе простую и наиболѣе общую. Геометрія изучаетъ протяженіе и пользуется законами ариѳметики и алгебры, для которыхъ наоборотъ спеціально-геометрическіе законы протяженія ненужны и немыслимы. Механика руководствуется и законами чиселъ, и законами протяженія, но имѣетъ и свои собственные законы равновѣсія и движенія, которые не могутъ быть сведены ни къ ариѳметическимъ и алгебраическимъ, ни къ геометрическимъ законамъ и т. д. Однимъ словомъ, рядъ наукъ расположенъ такимъ образомъ, что каждая

http://rcin.org.pl

наука пользуется законами всѣхъ предъидущихъ, но не даетъ имъ съ своей стороны ни одного закона въ обмѣнъ. Въ каждой наукѣ оказывается нѣкоторый остатокъ, который входитъ въ составъ слѣдующей науки ряда, но не можетъ быть объясненъ законами наукъ предъидущихъ. Еслибы случилось, что остатокъ этотъ, напримѣръ, факты гистологическіе и морфологическіе, фактъ организаціи въ біологіи,—получилъ физико-химическое объясненіе, то біологія растворилась бы въ низшихъ наукахъ, то-есть, въ наукахъ болѣе простыхъ и общихъ, наука перестала бы существовать. Для послѣдняго члена ряда—соціологіи обязательны законы всѣхъ предъидущихъ членовъ ряда,—и притомъ наиболѣе важны законы ближайшаго члена, біологіи, а наименѣе законы отдаленнѣйшаго члена, математики,—но она имѣетъ также свои собственные законы, не имѣющіе себѣ никакого подобія въ остальныхъ наукахъ. Въ соціологіи есть нѣкоторый свой остатокъ, такой же, какой законы протяженія составляютъ для геометріи, законы равновѣсія и и движенія для механики, законы тяготѣнія для астрономіи и т. д. Свести этотъ остатокъ къ законамъ математическимъ и естественнымъ нѣтъ никакой возможности, какъ невозможно законы протяженія свести къ законамъ чиселъ. Можно только указать точки соприкосновенія спеціально-соціологическихъ законовъ съ законами низшихъ наукъ, показать, какъ они ужи-ваются рядомъ.

Изъ этого слѣдуетъ, вопервыхъ, что предположеніе г. Стронина о томъ, что сколько и какихъ законовъ найдено въ естествознаніи, столько же и такихъ же должно быть въ обществознаніи, что предположеніе это, или вѣрнѣе утвержденіе, не имѣетъ никакого основанія. Должно полагать, что и самъ онъ не станетъ утверждать, что, напримѣръ, законы механики качественно и количественно равны законамъ ариѳметики, алгебры и геометріи; иначе ему придется игнорировать законы равновѣсія и движенія, то-есть, то, что именно и составляетъ суть механики. Предположеніе г. Стронина было бы вѣрно только въ томъ случаѣ, если бы категорія общественности была сведена

http://rcin.org.pl

къ категоріи органической жизни, жизнь — къ физико-химическому процессу, этотъ послѣдній къ процессу механическому, а движеніе — къ законамъ чиселъ и протяженія, на что мы не имѣемъ никакого права разсчитывать.

Далѣе изъ принципа Контовой классификаціи слѣдуетъ, что каждая наука имѣетъ право изучать подлежащія ея вѣдѣнію явленія, гдѣ бы и въ какихъ комбинаціяхъ съ категоріями другихъ наукъ они ни встрѣчались, но не имѣетъ права изучать *всю* комбинацію съ своей точки зрѣнія. Математика, напримѣръ, имѣетъ дѣло съ величинами, и потому математическій анализъ приложимъ вездѣ, гдѣ только есть величины, а онѣ есть вездѣ. Но въ чистомъ видѣ, безъ сопряженія съ какими бы то ни было другими элементами, величины существуютъ только въ математикѣ. Простѣйшее явленіе — движеніе, даже абстрагированное отъ всякихъ другихъ примѣсей, съ какими оно встрѣчается какъ въ конкретныхъ тѣлахъ, такъ и въ категоріяхъ астрономіи, физики, химіи, біологіи и соціологіи, не можетъ быть все безъ остатка сведено къ измѣренію величинъ. Математика можетъ и должна изучать математическую, то-есть, поддающуюся измѣренію сторону движенія, но не можетъ разсматривать всего движенія съ математической точки зрѣнія. Чѣмъ далѣе мы будемъ подвигаться въ рядѣ наукъ, то-есть, чѣмъ сложнѣе и спеціальнѣе будутъ взятыя нами явленія, тѣмъ математическая сторона ихъ будетъ незначительнѣе, и тѣмъ, слѣдовательно, меньше будетъ работы математическому анализу. Тяготѣніе, теплота, электричество, химическій процессъ, жизнь, общественность,—таковъ рядъ основныхъ явленій, слѣдующихъ за движеніемъ въ порядкѣ возрастающей сложности. Математическая сторона астрономіи еще очень обширна, очень значительна она и въ физикѣ, но уже въ химіи значеніе ея быстро убываетъ, въ біологіи и соціологіи оно еще меньше. И это совершенно понятно. Величины есть вездѣ, и вездѣ онѣ могутъ быть измѣряемы, но напримѣръ, въ физикѣ, кромѣ категоріи количества, есть еще категоріи теплоты и электричества, и слѣдовательно, роль математики съуживается; въ химіи прибавляется еще понятіе хими-

http://rcin.org.pl

ческаго сродства, наносящее новый ущербъ значенію математики и т. д. Такимъ образомъ, математика обязана изучать математическую сторону физическихъ явленій, но не можетъ изучать ихъ съ своей спеціальной, математической точки зрѣнія. Еще нелѣпѣе (если только тутъ возможны степени) изучать съ математической точки зрѣнія явленія химическія или біологическія, и наконецъ верхъ нелѣпости изучать съ математической точки зрѣнія соціологическія явленія. Это-то, безъ сомнѣнія, Контъ и имѣлъ виду, отрицая значеніе статистики или, по крайней мѣрѣ, очень важной части ея—теоріи вѣроятностей въ приложеніи къ соціологическимъ вопросамъ. Онъ преслѣдуютъ этого рода работы съ необыкновенною ненавистью и не прощаетъ ихъ ни Лапласу, ни Кондорсэ. Но нападки эти совершенно неосновательны, потому что математика есть не только наука а, какъ и логика, вмѣстѣ съ тѣмъ, орудіе нашего ума. Когда статистикъ высчитываетъ вѣроятное количество преступленій при данныхъ общественныхъ условіяхъ, онъ отнюдь не изучаетъ явленій съ математической точки зрѣнія; здѣсь онъ только при помощи логическихъ и математическихъ пріемовъ открываетъ законъ соціологическій, и притомъ чисто эмпирическій. Цифры, какъ прекрасно выразился Гете, не управляютъ обществомъ, а только показываютъ, какъ оно управляется. Есть, правда, попытки спеціально-математическаго анализа явленій общественной жизни, но онѣ отличаются радикальною нелѣпостью. Къ нимъ принадлежитъ, напримѣръ, одобряемая г. Стронинымъ и заносимая имъ въ отдѣлъ «хронологіи» попытка Кетле опредѣлить среднюю продолжительность жизни государствъ и народовъ. Кетле опредѣлилъ эту продолжительность въ 1461 г. Но, во первыхъ, онъ взялъ только пять древнихъ государствъ, именно ассирійское, египетское, еврейское, греческое и римское; вовторыхъ, при опредѣленіи продолжительности ихъ существованія, онъ руководствовался такими источниками, какъ Histoire ancienne Роллена и Discours sur l'histoire universelle Боссюэта, а со времени Роллена, котораго переводилъ еще потѣшной памяти Тредьяковскій, хронологія, напримѣръ, Египта по-

http://rcin.org.pl

лучила совершенно иной видъ. Втретьихъ, наконецъ — и это самое важное — еслибы даже выводъ Кетле былъ основанъ на данныхъ несомнѣнно вѣрныхъ, то и въ этомъ случаѣ онъ не имѣлъ бы никакого значенія. Продолжительность существованія государствъ обусловливается такимъ множествомъ самыхъ разнообразныхъ элементовъ, — каковы условія почвы и климата, общественное и политическое устройство, эмиграція и иммиграція, физіологическія условія расъ, и проч. и проч. и проч.,— и условія эти такъ разнообразно комбинируются въ каждомъ данномъ частномъ случаѣ, что нетолько нѣтъ возможности уловить общій законъ продолжительности государствъ съ чисто-математической точки зрѣнія, но и самая математическая сторона этого явленія не имѣетъ никакого значенія. Не трудно видѣть, что настоящія статистическія изслѣдованія имѣютъ совсѣмъ другой смыслъ. Здѣсь, съ помощью логическихъ и математическихъ пріемовъ, выясняются условія, порождающія фактъ, условія не математическія, а естественныя и общественныя. Здѣсь математика есть только ключъ къ замку соціологіи, а не самый замокъ. (Эта прекрасная метафора—математика-ключъ и математика-замокъ принадлежитъ Кэри, который, однако, совершенно неосновательно отрицаетъ значеніе математики, какъ науки). Тамъ, гдѣ въ соціологическихъ изслѣдованіяхъ математика начинаетъ играть роль большую, чѣмъ роль ключа, тамъ неизбѣжно является фатализмъ, самый грубый. Пять древнихъ царствъ жили по 1641-му году. Что изъ этого слѣдуетъ? Вы не выдавите изъ этого факта ни одной пригодной капли. И рѣшительно столько же смысла имѣетъ вся хронологія г. Стронина, то-есть, изученіе общественныхъ явленій съ математической точки зрѣнія или, какъ онъ выражается, «объясненіе всѣхъ свойствъ временности по отношенію къ общественной жизни». «Отношенія періодовъ революцій къ періодамъ реакцій, эпохъ застоя къ эпохамъ реформъ», и т. д., хотя и могутъ быть выражены численно, потому что во всѣхъ явленіяхъ есть сторона, могущая подлежать измѣренію, но это численное выраженіе не представляетъ ничего цѣннаго. Иначе пришлось бы

http://rcin.org.pl

допустить, что общество управляется цифрами; а такъ-какъ законы математическіе, какъ наиболѣе простые, подлежатъ наименьшей степени регулированія, то пришлось бы, высчитавъ отношеніе періодовъ революцій къ періодамъ реакцій, сидѣть у моря и ждать погоды; то есть, ждать, пока кончится найденный нами терминъ и начнется другой: 10, положимъ, лѣтъ мира, и затѣмъ 10 лѣтъ войнъ и такъ безъ конца, какъ безъ конца повторяется: 2+2—4, двѣ прямыя пересѣкаются въ одной точкѣ и т. д. Итакъ, изученіе общества съ математической точки зрѣнія немыслимо, изученіе же математической стороны общественныхъ явленій имѣетъ значеніе весьма и весьма второстепенное.

Возьмемъ другую науку, болѣе сложную, напримѣръ, химію. Въ соединеніи съ физикой, механикой и математикой, химія можетъ намъ объяснить нѣкоторыя стороны жизни, но изучать жизнь съ химической точки зрѣнія нельзя. Тѣмъ болѣе справедливо это для отношеній между химіей и соціологіей. Химическій анализъ почвы, напримѣръ, имѣетъ для соціологіи весьма важное значеніе. У г. же Стронина, химія, какъ и всѣ другія науки, выражаясь слогомъ гоголевскаго прикащика, «точно пролетарій какой, все выше своей сферы лѣзетъ». Происходитъ, разумѣется, при этомъ путаница невообразимая. Разсматривая общественныя явленія съ химической точки зрѣнія, онъ находитъ, что, вслѣдствіе химическаго сродства, галлы и франки слились въ одинъ народъ, а кельты, бретонцы, обладающіе болѣе слабымъ сродствомъ, осѣли въ видѣ самостоятельнаго остатка. Аналогія эта ровно ничего не объясняетъ. Здѣсь соціологіи должна помочь не химія, потому что явленіе слитія двухъ расъ есть явленіе не химическое, а гораздо болѣе сложное; объяснить этотъ фактъ намъ можетъ только физіологія, да и то не одна, а при существенной помощи соціологіи; что же касается до химіи, то она должна при изученіи такого сложнаго факта отступить на очень отдаленный планъ, хотя и можетъ оказаться небезполезною. И такими-то ребяческими выводами и заключеніями переполнена вся книжка г. Стронина. Онъ

http://rcin.org.pl

доходитъ до того, что, сравнивая эгоизмъ и альтрюизмъ (такъ Контъ называетъ симпатическіе мотивы, въ противоположность эгоизму) съ одной стороны съ составными частями атмосфернаго воздуха, кислородомъ и азотомъ, съ другой, говоритъ: «самое содержаніе этихъ двухъ, другъ друга умѣряющихъ, газовъ въ обѣихъ атмосферахъ совершенно одинаково, и крайне горючій альтрюизмъ относится къ несгараемому эгоизму, какъ 21:79 (????), то-есть эгоизма и самосохраненія вчетверо (и кто вамъ это только высчиталъ) больше, чѣмъ самоотверженія и любви». «Но — совершенно серьезно продолжаетъ г. Стронинъ — было время, когда пропорція ихъ была еще неблагопріятнѣе» и т. д. (242). Замѣтимъ, между прочимъ, что г. Стронинъ совершенно напрасно называетъ альтрюизмъ горючимъ, а эгоизмъ несгараемымъ. Не говоря уже о томъ, что въ этомъ нѣтъ ни малѣйшаго смысла вообще, прилагательныя эти не имѣютъ смысла даже съ точки зрѣнія безсмыслія аналогіи г. Строннна, ибо аналогичный альтрюизму кислородъ отнюдь горѣть не можетъ.

Такова-то обработка явленій общественной жизни съ химической точки зрѣнія. Въ виду ея остается только руками развести. Но, можетъ быть, плодотворнѣе оцѣнка соціологическихъ явленій съ біологической точки зрѣнія, такъ-какъ біологія представляетъ науку, ближайшую къ соціологіи. Но и здѣсь повторяется тотъ же самый законъ зависимости явленій и завѣдующихъ ими наукъ. Біологическая сторона явленій общественной жизни, т.-е. все, что касается рожденія, жизни, здоровья, болѣзни и смерти отдѣльныхъ біологическихъ недѣлимыхъ, все это можетъ быть изучаемо біологіей, при помощи, разумѣется, собственно соціологическихъ данныхъ. Изученіе же соціологіи съ біологической точки зрѣнія незаконно и должно привести къ ошибочнымъ результатамъ. Образчикъ такого незаконнаго пріема мы указали въ статьѣ «Что такое прогрессъ?» *) Само собою

*) Статья эта войдетъ, въ значительно измѣненномъ видѣ, въ составъ втораго или третьяго тома настоящаго изданія.

http://rcin.org.pl

разумѣется, что г. Стронинъ съ распростертыми объятіями принимаетъ аналогію Спенсера и Дрэпера.

Однако, мы до сихъ поръ еще не разсмотрѣли знаменитыхъ 24-хъ примѣровъ г. Стронина, кои, по его словамъ, представляютъ индуктивное доказательство величія аналогическаго метода. Всѣхъ ихъ разбирать мы, разумѣется, не станемъ, а возьмемъ на удачу штукъ пять-шесть.

«Что такое гипотеза Лапласа, какъ не простое нанесеніе законовъ давно извѣстныхъ *настоящаго* на неизвѣстныя явленія *протедшаго*». (Примѣръ 4). Добрый г. Стронинъ, вѣдь это же не аналогія, а чистѣйшая индукція, да и никакого перенесенія закона изъ одной науки въ другую тутъ, очевидно, нѣтъ.

«Ботаническое открытіе Гёте было также не что другое, какъ продленіе закона *части* на явленіе *цѣлаго*, перестановка закона изъ одной главы ботаники въ другую». (Примѣръ 6). Опять-таки гдѣ же тутъ перенесеніе закона изъ одной науки въ другую? Даже изъ главы-то ботаники въ другую не было никакого перехода, а просто произошло обобщеніе, правда очень крупное, въ области морфологіи.

«При устройствѣ рыбы природа помѣстила плавательныя орудія ея нѣсколько впереди центра тяжести и потомъ на самомъ концѣ животнаго; но не то же ли самое дѣлаетъ и механикъ при построеніи корабля, когда размѣщаетъ свои весла и колеса и свой руль? И такъ законъ зоологіи продолжается и въ области механики или, пожалуй законъ *механики* простирается и въ предѣлахъ *зоологіи*» (примѣръ 10). То-то, что законъ механики простирается и въ предѣлахъ зоологіи, но и тамъ все-таки остается механическимъ закономъ равновѣсія, а не какимъ-нибудь зоологическимъ закономъ. Тутъ нѣтъ перенесенія закона изъ одной науки въ другую, законъ механическій оказывается приложеннымъ не къ иной какой либо, а только къ механической сторонѣ организаціи рыбы.

«Въ эмбріологіи извѣстенъ законъ, по которому каждая функція отправляется послѣдовательно тремя различными органами, изъ которыхъ одинъ первичный, другой переходный и третій

http://rcin.org.pl

окончательный; О. Контъ, вовсе не думая объ эмбріологіи, пришелъ къ такимъ же тремъ органамъ функцій соціальныхъ: теологическому, метафизическому и позитивному; а Льюисъ, въ этомъ законѣ *соціологіи*, не замедлилъ подмѣтить простое примѣненіе закона *эмбріологическаго*, аналогія, которая, по словамъ его, есть одна изъ безчисленнаго множества поразительныхъ аналогій между развитіемъ организма индивидуальнаго и общественнаго». (Примѣръ 19). Льюисъ точно старается провести эту аналогію, но у него она является просто натяжкой, тогда какъ г. Стронинъ, кромѣ того, и Льюиса перевралъ. Льюисъ говоритъ вотъ что: «каждая функція послѣдовательно отправляется *двумя* (иногда и большимъ числомъ) органами, изъ коихъ *одинъ* первичный, переходный, посредствующій; *другой* вторичный, окончательный, постоянный» («Философія наукъ Конта», стр. 37). Откуда же, спрашивается, г. Стронинъ почерпнулъ свѣдѣніе объ эмбріологическомъ законѣ *тройной* смѣны органовъ для каждой функціи?

«Вундтъ въ своей психологіи находитъ, что ощущеніе возрастаетъ какъ логарифмъ раздраженія, а такимъ образомъ законъ *алгебры* не перестаетъ, значитъ, дѣйствовать на явленіяхъ *психологіи*» (примѣръ 24). Ну съ этой штукой мы уже видѣлись въ хронологіи.

Однако, я полагаю, довольно. Эти нѣсколько примѣровъ убѣждаютъ насъ, что не только г. Стронинъ не понимаетъ связи и отношеній между явленіями природы и между науками, но не уяснилъ себѣ даже и того, что такое аналогія; это впрочемъ можно было бы вывести уже изъ того, что г. Стронинъ вздумалъ обратить *аналогію* въ *аналогику*. Есть логическіе пріемы, на столько прочные, что они съ большою выгодою могутъ употребляться систематически въ огромномъ количествѣ случаевъ, т.-е. обратиться въ методъ. Таковы методы индуктивный и дедуктивный, которые, впрочемъ, не легко разграничить. Есть и другіе пріемы, для которыхъ нельзя допустить такого широкаго и систематическаго употребленія, хотя въ извѣстныхъ, относительно узкихъ, предѣлахъ они могутъ примѣняться съ пользою.

http://rcin.org.pl

Такова гипотеза и такова еще болѣе аналогія. Подъ аналогіей разумѣются вещи весьма различныя. Аналогія есть собственно указаніе общихъ чертъ въ различныхъ предметахъ, и потому въ смыслѣ возможности аналогіи нѣтъ предѣловъ: г. Строгинъ проводитъ аналогію и Ньютонъ проводилъ аналогіи, блинъ имѣетъ видъ круга и нуль имѣетъ видъ круга, и т. д. Но въ смыслѣ цѣлесообразности аналогіи могутъ быть предписаны весьма строгіе предѣлы, и притомъ тѣмъ болѣе строгіе, чѣмъ важнѣе цѣль, которая имѣется въ виду при употребленіи аналогіи. Если цѣль эта состоитъ только въ томъ, чтобы сильнѣе выразить какую нибудь мысль, то границы аналогіи еще очень широки, — чѣмъ аналогія (здѣсь она получаетъ названіе метафоры) художественнѣе, образнѣе вызываетъ въ нашемъ умѣ требуемое представленіе, тѣмъ она лучше. На такихъ художественныхъ аналогіяхъ построены всѣ поэтическія сравненія, ругательныя слова въ родѣ «оселъ», «змѣя», «лиса» и т. д., одобрительныя въ родѣ «левъ», «орелъ» и проч. Но уже въ баснѣ и въ большей части народныхъ пословицъ отъ аналогіи требуется нѣчто, кромѣ пластичности. Такъ какъ въ этихъ случаяхъ имѣется въ виду полученіе нѣкотораго вывода изъ аналогіи, то послѣдняя должна указывать сходство отношеній между аналогируемыми предметами. Мы, напримѣръ, говоримъ: «аналогію можно сравнить съ легкимъ казачьимъ отрядомъ, который самъ по себѣ, безъ помощи пѣхоты и артиллеріи, укрѣпленнаго мѣста взять не можетъ». Какова бы ни была эта аналогія съ художественной точки зрѣнія, она удовлетворительно указываетъ на сходство отношеній между аналогіей и другими логическими пріемами съ одной стороны и между тяжелыми войсками и казачьимъ отрядомъ съ другой. Поэтому изъ этой аналогіи возможны нѣкоторые выводы. Мы можемъ развивать свою метафору далѣе, напримѣръ, въ такомъ родѣ: «хотя казачій отрядъ взять крѣпости не можетъ, но можетъ быть съ пользою употребленъ для рекогносцировки и указать пѣхотѣ и артиллеріи слабые пункты крѣпости; слѣдуетъ поэтому думать, что и аналогія можетъ указать направленіе, въ которомъ должны быть

http://rcin.org.pl

произведены наблюденія и опыты». Это называется доводомъ по аналогіи. Само собою разумѣется, что это доказательство весьма слабое и для опредѣленія значенія аналогіи мы должны обратиться къ другимъ логическимъ путямъ. Но иногда можетъ случиться, что нѣкоторыя свойства явленія почему нибудь недоступны нашему изученію, тогда какъ мы имѣемъ полную возможность изучать другое явленіе, аналогичное съ первымъ, т.-е. имѣетъ равенство отношеній между нѣкоторыми извѣстными намъ свойствами обоихъ явленій. Въ такомъ случаѣ мы можемъ, въ предѣлахъ этого равенства отношеній, изучать второе явленіе вмѣсто перваго. Пріемъ этотъ часто употребляетъ Спенсеръ подъ именемъ соціологическаго метода. Для него развитіе недѣлимаго и развитіе общества аналогичны, т.-е. въ пропорціи A: B = B: C, — A есть для него общество, B индивидуальный организмъ, C—органъ. Поэтому, если изученіе физіологическаго факта представляетъ нѣкоторыя затрудненія, какихъ не представляетъ изученіе соотвѣтственнаго факта соціологическаго, Спенсеръ обращается къ послѣднему и сдѣланный имъ выводъ переноситъ на физіологическій фактъ. Это пріемъ собственно совершенно законный, если полное наведеніе по какимъ нибудь причинамъ невозможно и если равенство отношеній, т. е. пропорція A: B=B: C дѣйствительно существуетъ и доказана. При этомъ вовсе нѣтъ надобности утверждать сходство между обществомъ и недѣлимымъ и между недѣлимымъ и органомъ; достаточно сходства отношеній между ними. Уподобленіе общества недѣлимому и недѣлимаго органу представляетъ случай, отличный отъ случая равенства отношеній. Здѣсь предполагается, что въ томъ и другомъ случаѣ имѣютъ мѣсто одни и тѣ же законы. У Спенсера обѣ эти аналогіи употребляются рядомъ, но тѣмъ не менѣе это различные типы аналогій. Горючія вещества обладаютъ большою способностью преломленія, алмазъ также обладаетъ ею. Изъ этого сходства въ степени способности преломленія Ньютонъ заключилъ и о сходствѣ по отношенію къ горѣнію; онъ рѣшилъ, что алмазъ долженъ быть горючъ. Опытъ подтвердилъ его выводъ. Здѣсь равенство отношеній принимаемо

http://rcin.org.pl

въ разсчетъ не было. Ньютонъ предположилъ, что должна существовать нѣкоторая причинная связь между горючестью и способностью преломленія, хотя законъ этой связи не найденъ и по сіе время. Какъ ни блистательно удалася эта аналогія, но еслибы она не могла быть подтверждена опытомъ, мы должны бы были относиться къ ней подозрительно; а еслибы при этомъ изслѣдованія показали, что между горючестью и высокою степенью преломляющей способности нѣтъ никакой причинной связи, то аналогія Ньютона и никуда не годилась бы. Что же стало бы съ нею, еслибы было найдено, что горючесть и способность преломленія дѣйствительно относятся между собой какъ причина къ слѣдствію, а между тѣмъ опытомъ не было бы дознано, что алмазъ горючъ? Аналогія смѣнилась бы настоящимъ выводомъ или наведеніемъ. Слѣдуетъ кромѣ того замѣтить, что аналогія тѣмъ безупречнѣе, чѣмъ существеннѣе входящія въ ея разсчетъ сходныя свойства и чѣмъ значительнѣе объемъ сходства сравнительно съ объемомъ различія. Поэтому аналогія можетъ быть построена только при достаточной оцѣнкѣ не только сходныхъ, а и несходныхъ свойствъ аналогируемыхъ предметовъ. Далѣе слѣдуетъ имѣть въ виду возможность встрѣчныхъ аналогій. Но кромѣ этихъ общихъ правилъ, отъ соблюденія которыхъ зависитъ большая или меньшая степень годности аналогій, послѣднія могутъ быть подчинены еще и инымъ. Слѣдуетъ, *вопервыхъ*, помнить, что аналогія не можетъ доказать, что въ двухъ аналогируемыхъ обстоятельствахъ дѣйствуетъ одинъ и тотъ же законъ. Аналогія только дотуда и существуетъ, докуда не найденъ одинъ законъ, управляющій двумя различными явленіями; разъ причинная связь между схожими и несхожими свойствами явленій формулирована, — аналогія уже не имѣетъ мѣста, она смѣняется индукціей или выводомъ. Роль аналогіи чисто временная, и мы должны стараться по возможности скорѣе перешагнуть черезъ эту ступень, чтобы стать на болѣе прочную почву. Такъ какъ значеніе аналогіи всецѣло зависитъ отъ подтвержденія ея выводовъ опытомъ и наблюденіемъ и отъ возможности замѣны ея индукціей или выводомъ, то наиболѣе цѣнны тѣ аналогіи, ко-

http://rcin.org.pl

торыя наименѣе долговѣчны. Какія же аналогіи наиболѣе удовлетворяютъ этому требованію? Для этого слѣдуетъ обратиться къ классификаціи наукъ. Мы обращаемся къ классификаціи Конта, вопервыхъ, потому, что ее принимаетъ г. Строинпъ, а вовторыхъ потому, что лучшаго выбора онъ и не могъ сдѣлать. Классификація эта говоритъ, что:

Числовыя отношенія управляются нѣкоторыми опредѣленными законами, которые мы называемъ ариѳметическими и алгебраическими.

Явленія протяженія управляются законами чиселъ + нѣкоторыми собственными, геометрическими законами, которые къ законамъ чиселъ не сводятся. Назовемъ эти послѣдніе геометрическимъ остаткомъ A.

Явленія движенія подлежатъ законамъ чиселъ и протяженія + механическій остатокъ B.

Явленія астрономическія зависятъ отъ законовъ чиселъ, протяженія, равновѣсія и движенія + астрономическій остатокъ C.

Явленія физическія предполагаютъ законы чиселъ, протяженія, равновѣсія и движенія, тяготѣнія + физическій остатокъ D.

Явленія химическія управляются законами чиселъ, протяженія, равновѣсія и движенія, тяготѣнія, теплоты и электричества + химическій остатокъ E.

Біологическія явленія подлежатъ законамъ чиселъ, протяженія, равновѣсія и движенія, тяготѣнія, теплоты и электричества, химическаго соединенія и разложенія + біологическій остатокъ F.

Соціологическія явленія зависятъ отъ законовъ чиселъ, протяженія, равновѣсія и движенія, тяготѣнія, теплоты и электричества, химическаго соединенія и разложенія, органической жизни + соціологическій остатокъ G, состоящій изъ спеціальныхъ законовъ явленій общественности.

Остатки A, B, C и т. д. существуетъ только потому, что мы не можемъ усмотрѣть законовъ, общихъ имъ всѣмъ. Еслибы

http://rcin.org.pl

когда-нибудь нашли эти общіе законы, самостоятельное существованіе отдѣльныхъ наукъ прекратилось бы, и мы дѣйствительно имѣли бы право сказать вмѣстѣ съ г. Стронинымъ, что «нѣтъ закона той или другой науки, а есть только законъ науки вообще». По всей вѣроятности, мы никогда не будемъ вправѣ сказать это, а теперь не смѣемъ даже подозрѣвать возможность такого идеальнаго состоянія науки. Весьма любопытно, что хотя г. Стронинъ признаетъ, что нѣтъ закона той или другой науки, а слѣдовательно, нѣтъ математики, физики и т. д., тѣмъ не менѣе, однако, признаетъ эти науки существующими, когда строитъ путемъ аналогическаго метода свою классификацію соціальныхъ наукъ. Мало того, столь либеральный въ своемъ теоретическомъ положеніи, г. Стронинъ въ примѣненіи его оказывается plus royaliste que le roi. Нѣтъ, говоритъ, законовъ отдѣльныхъ наукъ, а когда нужно сочинить какую-нибудь отрасль общественной науки, то онъ готовъ признать существованіе законовъ нетолько математики, физики, а даже барологіи и даже магнетики. Въ числѣ звоновъ, слышанныхъ г. Стронинымъ, есть, повидимому, и механическая теорія міра. И здѣсь, можетъ быть, существуетъ нѣкоторое недоразумѣніе между нами и читателемъ. Аналогическій методъ состоитъ въ объясненіи относительно сложныхъ явленій съ точки зрѣнія явленій низшаго порядка. Мы признаемъ этотъ методъ радикально негоднымъ и очень благодарны г. Стронину за то, что онъ далъ намъ возможность высказать это. Теперь читатель можетъ спросить: развѣ на вѣки вѣчные должны остаться эти рубрики: математика, астрономія, физика, химія, біологія и соціологія? развѣ это предѣлъ, его же не прейдеши? Міръ единъ и всѣ классификаціи его явленій играютъ только временную роль, пока уму нашему не удалось подмѣтить общія черты между несходными явленіями. На это возраженіе читатель можетъ быть не безъ основанія наведенъ громадными обобщеніями послѣдняго времени, стремящимися стереть пограничную черту между качественными различіями и перемѣщеніемъ нѣкоторыхъ частицъ и сводящими такимъ образомъ свѣтъ, теплоту, электричество, химическій процессъ, даже нервную дѣятель-

http://rcin.org.pl

ность и общественныя явленія къ чисто-механическому принципу движенія. Важныя открытія, къ которымъ привело это воззрѣніе, даютъ, повидимому, поддержку аналогическому методу, но въ сущности не даютъ ея вовсе. Безъ всякаго сомнѣнія, механическая теорія міра разрослась изъ аналогій, какъ разростается изъ нихъ всякое обобщеніе, если подъ аналогіей разумѣть вообще указаніе сходныхъ чертъ различныхъ предметовъ. Но здѣсь судьба аналогіи тѣсно связана съ судьбою гипотезы, такъ-какъ для объясненія явленій свѣта, теплоты, электричества и проч., механическая теорія вводитъ въ свои разсчеты цѣлый рядъ гипотетическихъ факторовъ, недоступныхъ нашему наблюденію и совершенно намъ неизвѣстныхъ — эѳиръ, электрическія жидкости, молекулы и т. д. Распространеніе свѣта представляетъ большое сходство съ волнообразнымъ движеніемъ упругихъ жидкостей — вотъ аналогія. Дальнѣйшіе опыты и наблюденія подтверждаютъ намъ, что дѣйствительно распространеніе свѣта слѣдуетъ если не тѣмъ же, то по крайней-мѣрѣ такимъ же законамъ, какими управляется волнообразное движеніе. Но что же такое въ явленіяхъ свѣта волнообразно движется? Свѣтоносный эѳиръ — вотъ гипотеза. Гипотеза эта можетъ помочь намъ при изслѣдованіи свѣтовыхъ явленій, но точнымъ образомъ повѣрить ее нѣтъ никакой возможности. Поэтому явленія свѣта съ явленіями движенія отождествлять нельзя, хотя механическая теорія можетъ объяснить механическія условія свѣта, то-есть физическій остатокъ D остается въ сущности незатронутымъ. Равнымъ образомъ, пока мы не можемъ провѣрить, дѣйствительно ли имѣетъ мѣсто молекулярное движеніе въ химическихъ процессѣ и исчерпывается ли весь этотъ процессъ понятіемъ движенія, до тѣхъ поръ химическія явленія представляютъ для насъ нѣчто отличное отъ механическихъ; химическій остатокъ E все-таки существуетъ. Въ высшей степени остроумные опыты и наблюденія, сдѣланные подъ вліяніемъ механической теоріи, сблизили различныя отрасли физики, объяснили механическую сторону физическихъ и отчасти химическихъ явленій, дали нѣкоторые намеки на объясненіе механи-

http://rcin.org.pl

ческой стороны явленій высшихъ порядковъ. Но говорить, что теорія волнообразнаго движенія совершенно объясняетъ природу свѣтовыхъ явленій, что свѣтъ есть только движеніе совершенно неизвѣстнаго намъ фактора, недоступнаго наблюденію, имѣющаго нѣкоторыя свойства вещества, не имѣя его главныхъ свойствъ — говорить это можетъ только человѣкъ, крайне увлекающійся широтою обобщенія. Пока еще ничто не даетъ намъ права изучать всѣ явленія съ механической точки зрѣнія, то есть употреблять аналогическій методъ, хотя изученіе механическихъ условій явленій несомнѣнно плодотворно. Слѣдуетъ, однако, замѣтить,что какого бы крайняго приверженца механической теоріи мы ни взяли и какъ бы неосновательны его соображенія ни были, для него было бы оскорбительно сравненіе съ г. Стронинымъ.. Имѣя въ виду въ сущности то же положеніе, что и г. Стронинъ, то-есть что нѣтъ закона той или другой науки, а есть законъ науки вообще, крайній приверженецъ механической теоріи совершенно послѣдовательно представляетъ себѣ вселенную, какъ систему движенія; онъ ищетъ во всѣхъ явленіяхъ механическихъ законовъ, изучаетъ всѣ явленія съ механической точки зрѣнія, но уже не становится на точки зрѣнія химическую, астрономическую, біологическую и т. д. Эти точки зрѣнія для него не существуютъ въ томъ видѣ, въ какомъ существуютъ для г. Стронина. И это логично. Мы не считаемъ Контова ряда группъ явленій и соотвѣтствующихъ имъ наукъ за предѣлъ его же не прейдешь. Но какихъ измѣненій онъ можетъ современемъ потребовать — этого теперь себѣ и представить нельзя. До сихъ поръ (за исключеніемъ нѣкоторой перетасовки отдѣловъ физики) классификація эта ничѣмъ не поколеблена. И явленія математическія, физическія, астрономическія, химическія, біологическія и соціологическія мы принуждены признавать различными, имѣющими свои особенные законы.

Признавъ это и помня, что аналогія сама не можетъ доказать, что въ двухъ сравниваемыхъ случаяхъ дѣйствуетъ одинъ и тотъ же законъ, и что аналогія тѣмъ лучше, чѣмъ она

http://rcin.org.pl

быстрѣе смѣняется полнымъ наведеніемъ или выводомъ, мы можемъ опредѣлить относительную цѣнность аналогіи и болѣе спеціальнымъ образомъ. Наиболѣе цѣнны аналогіи, невыходящія изъ предѣловъ одного изъ спеціальныхъ остатковъ A, B и т. д. То-есть, при равенствѣ другихъ условій (объемъ сходства и различія, существенность аналогируемыхъ свойствъ, возможность встрѣчныхъ аналогій), наиболѣе цѣнны аналогіи между явленіями соціологическими и соціологическими, біологическими и біологическими и т. д., и именно спеціально соціологическими, спеціально біологическими. Біологическій остатокъ составляютъ законы организаціи, и потому для біологіи наиболѣе цѣнны аналогіи въ предѣлахъ морфологіи и гистологіи, то-есть аналогіи между тканями, аналогіи между органами, аналогіи между цѣлыми организмами. Сюда относятся, напримѣръ, упоминаемыя г. Строгинымъ ботаническое и анатомическое открытія Гёте. Такого рода аналогіи, будучи заключены въ предѣлахъ явленій, завѣдомо управляемыхъ одними и тѣми же законами—хотя законъ частнаго случая, лежащаго въ основаніи аналогіи, и неизвѣстенъ—могутъ разсчитывать на весьма быструю помощь наведенія или, благодаря теоріи единства типа, вывода. Соціологическій остатокъ составляютъ явленія общественной жизни, и потому для соціологіи могутъ имѣть наибольшее значеніе аналогіи между общественными явленіями, напримѣръ, между различными формами общественности у людей и у животныхъ, или между такими явленіями индивидуальной жизни, которыя зависятъ отъ общественныхъ условій.

Всѣ эти аналогіи, при соблюденіи, разумѣется, общихъ логическихъ правилъ для аналогій, часто совершенно граничатъ съ наведеніемъ.

Совершенно никакой цѣны не имѣютъ аналогіи между нѣкоторымъ спеціальнымъ остаткомъ и явленіемъ низшаго порядка или между двумя спеціальными остатками. Подобныя аналогіи (если только онѣ не аналогіи въ смыслѣ равенства отношеній) не имѣютъ никакой будущности, или, вѣрнѣе, имъ предстоитъ слишкомъ долгая будущность; такъ-какъ явленія двухъ спеці-

http://rcin.org.pl

альныхъ остатковъ наличныя силы науки должны признать не подлежащими какимъ-нибудь общимъ законамъ, то аналогія не имѣетъ никакой надежды смѣниться полнымъ наведеніемъ, а сама открыть общій двумъ явленіямъ законъ она не въ силахъ. Такова аналогія между организмомъ—остаткомъ біологіи, и обществомъ—спеціальнымъ остаткомъ соціологіи. Здѣсь-то аналогія и разростается въ аналогическій методъ.

Внутри этихъ предѣловъ, между аналогіями, немедленно могущими смѣниться полнымъ наведеніемъ, и такими, которыя объ этомъ и мечтать не смѣютъ, можетъ существовать много очень разнообразныхъ комбинацій, перечислить которыя нѣтъ возможности. Мы разсмотримъ хоть одинъ примѣръ. Аналогія между борьбой за существованіе въ природѣ и конкуренціей въ обществѣ до извѣстныхъ предѣловъ законна, такъ-какъ борьба за существованіе является результатомъ біологическихъ законовъ, которые имѣютъ мѣсто и въ обществѣ. Но не всѣ выводы изъ этой аналогіи будутъ для насъ одинаково обязательны. Напримѣръ, мы говоримъ: борьбу за существованіе выдерживаютъ въ большей части случаевъ сильнѣйшіе, лучшіе, наиболѣе развитые представители животнаго и растительнаго царства; такъ-какъ конкуренція въ обществѣ имѣетъ весьма большое сходство съ борьбой за существованіе въ природѣ, то должно думать, что и въ конкуренціи побѣдителями остаются лучшіе, развитѣйшіе представители общества. Такаго вывода мы не имѣемъ права сдѣлать, потому что имъ захватывается соціологическій остатокъ—общественныя отношенія, слѣдовательно соціологическій фактъ разсматривается съ біологической точки зрѣнія, то-есть употребляется незаконный аналогическій методъ. Конкуренція несомнѣнно зависитъ отъ нѣкоторыхъ чисто-біологическихъ законовъ, но общественныя отношенія представляютъ нѣчто не встрѣчающееся въ остальной природѣ, а потому не невозможно, что конкуренція въ обществѣ даетъ не тѣ результаты, что борьба за существованіе въ природѣ.

Мы отнюдь не думаемъ, чтобы какими нибудь правилами можно было удержать отъ ложныхъ аналогій, потому что ана-

http://rcin.org.pl

логія есть продуктъ воображенія. Не думаемъ мы равнымъ образомъ утверждать, чтобы опыты и наблюденія, вызванные самою неправильною, по нашему разсчету, аналогіей, не могли весьма значительно расширить кругъ нашихъ знаній. Это дѣло случая. Но если желаютъ, какъ желаетъ этого г. Строинпъ, получить немедленные выводы изъ аналогіи, то слѣдуетъ помнить существующія границы науки, переступить которыя аналогія, по самому существу своему, не можетъ. Г-нъ же Строинпъ хотя и много толкуетъ о «горизонтальномъ», «вертикальномъ», «концентрическомъ», «прямо-діагональномъ» и «обратно-діагональномъ» «сродствѣ наукъ», и различаетъ три подвида аналогіи: «тождество», «такождество» и «иножество», тѣмъ не менѣе съ беззаботностью мотылька порхаетъ надъ всѣми областями явленій природы, презирая всякія препоны для аналогій. До какой степени г. Строинпъ мало способенъ оцѣнить относительное значеніе той или другой аналогіи, видно изъ слѣдующаго примѣра. Милль въ своей Системѣ логики приводитъ, какъ образчикъ ложной аналогіи, параллель между рожденіемъ, молодостью, старостью и смертью недѣлимыхъ и обществъ. Г-нъ Строинпъ эту аналогію, которую мы на основаніи вышесказаннаго уже a priori могли бы признать негодною, г. Строинпъ ее признаетъ. Милль говоритъ вотъ что: «Упадокъ жизненныхъ силъ въ одушевленномъ тѣлѣ можетъ быть точно приписанъ естественному развитію именно тѣхъ перемѣнъ въ строеніи, которыя, на болѣе раннихъ ступеняхъ, составляютъ ростъ одушевленнаго тѣла до полной зрѣлости. Въ политическомъ же тѣлѣ развитіе этихъ перемѣнъ не можетъ имѣть вообще иного слѣдствія, кромѣ дальнѣйшаго продолженія роста; только прекращеніе этого развитія и начало движенія вспять могли бы составить упадокъ. Политическія тѣла умираютъ, но отъ болѣзни или насильственной смерти: у нихъ нѣтъ старости» (II, 360). Мы не признаемъ за этимъ доводомъ особенной глубины, но тѣмъ не менѣе онъ есть доводъ, который г. Строинну слѣдовало бы опровергнуть. Но этого онъ и не думаетъ сдѣлать, не цитируетъ даже довода, а цѣпляется за послѣднія слова Милля

http://rcin.org.pl

и говоритъ: хотъ Милль и не признаетъ и проч., «но въ дополненіе къ этому достаточно замѣтить, что тотъ же Милль для тѣхъ же обществъ допускаетъ, вопервыхъ, понятіе тѣлъ; вовторыхъ, рожденія; втретьихъ, болѣзни; вчетвертыхъ, смерти, когда говоритъ, напримѣръ, такъ: «Политическія тѣла умираютъ, но только отъ болѣзни или насильственной смерти, а не отъ старости» (246). Принимая въ соображеніе, что г. Стронинъ Миллева доказательства не приводитъ, мы должны сказать, что его придирка стоитъ на границѣ между недобросовѣстностью и несообразительностью. Г. Стронинъ не понимаетъ или нехочетъ понять, что въ приведенныхъ имъ словахъ Милля выраженія «тѣло», «смерть» и т. д. употребляются въ томъ же метафорическомъ смыслѣ, въ какомъ мы его назвали беззаботнымъ мотылькомъ; въ какомъ поэтъ называетъ свою возлюбленную «стыдливой маргариткой», отнюдь не думая, что эту маргаритку слѣдуетъ поливать водой; въ какомъ вы называете глупаго человѣка «пробкой», не имѣя въ виду заткнуть имъ бутылку; въ какомъ вы называете нехорошаго человѣка «свиньей», отнюдь не думая отдать его окорока въ колбасную для копченья. Для химической точки зрѣнія на явленія общественной жизни г. Стронинъ не шутя находитъ нѣкоторую точку опоры въ томъ обстоятельствѣ, что выраженіе — химическое *сродство* заимствовано изъ общественныхъ отношеній; равнымъ образомъ политическая теорія *округленія* границъ радуетъ его, какъ предтеча рѣшенія соціальныхъ вопросовъ съ астрономической точки зрѣнія, ибо намекаетъ на шарообразную форму небесныхъ тѣлъ. При такихъ условіяхъ г. Стронинъ, конечно, смѣло можетъ сказать: «Поле дѣятельности, открываемое аналогическимъ методомъ для наукъ общественныхъ, обширно до неимовѣрности» (151). C'est le mot — до неимовѣрности. Понятное дѣло, что, задавшись мыслью о возможности изученія явленій общественной жизни съ математической, механической, физической, химической, біологической точекъ зрѣнія, можно натворить сколько угодно аналогій. Берете вы соціологическое явленіе и пріискиваете ему аналогію, положимъ, въ

http://rcin.org.pl

механикѣ; не найдется ничего въ механикѣ—ступайте въ физику, химію и т. д.

Напримѣръ, г. Стронинъ говоритъ: «Ничто у историковъ и публицистовъ не повторяется такъ часто, какъ положеніе, что малыя государства рано или поздно поглощаются большими, чему мы и видѣли еще недавно такой ясный примѣръ на Германіи. Но что же такое это эмпирическое обобщеніе, какъ не частный только случай все одного и того же всеобщаго тяготѣнія? и тяготѣнія, управляемаго ничѣмъ инымъ, какъ опять простою же массивностью?» Если вы скажете г. Стронину, что не всегда такъ бываетъ и что, напримѣръ, не Неаполь поглотилъ Сардинію, а Сардинія Неаполь, что въ древности не Грецію поглотила Македонію, а Македонія Грецію и проч., и проч., то г. Стронинъ отвѣтитъ, что здѣсь «астрономическій» законъ парализированъ «соціономическимъ», въ которомъ вмѣсто массивности подставляется богатство, умственная сила и т. д. А астрономическій законъ все-таки остается? Все-таки остается. Такъ.

На стр. 299-й г. Стронинъ разсматриваетъ «съ астрономической точки зрѣнія будущность панславянскаго (собственно говоря, этакого и не бывало) племени». «Внутри этой системы, говоритъ авторъ, огромное, плотное и увѣсистое тѣло, какова Россія, вокругъ дробные, разъединенные, слабые астероиды славянскіе; мало того, самое разстояніе послѣднихъ отъ первой таково, что они соприкасаются съ нею непосредственно и, если раздѣляются въ одномъ мѣстѣ, то только Венгріей; и такъ положеніе таково, что одни находятся во всѣхъ отношеніяхъ въ сферѣ притяженія другаго, и устранить это положеніе значило бы измѣнить всю географію». Это и есть именно мѣсто, о которомъ мы упоминали, какъ о мѣстѣ въ духѣ русскихъ хозяевъ, конечно не ожидавшихъ, что на помощь къ нимъ стремится астрономія. Однако, еслибы какой-либо заклятый врагъ Россіи, — причемъ мы отнюдь не утверждаемъ, чтобы русскіе хозяева были непремѣнно друзьями Россіи, не утверждаемъ по крайней мѣрѣ, чтобы они были друзьями полезными, — еслибы какой-либо врагъ Россіи пожелалъ опровергнуть эту аналогію,

http://rcin.org.pl

то могъ бы сдѣлать это безъ всякаго труда. Вопервыхъ, онъ могъ бы спросить: почему же славянскіе астероиды до сихъ поръ не притянуты Россіею, если они находятся въ сферѣ ея притяженія? Если тѣло попадаетъ въ сферу притяженія земли, то падаетъ на нее немедленно. Почему же славянскіе-то астероиды не падаютъ? Это возраженіе не огорчило бы, разумѣется г. Стронина, даже еслибы онъ его принялъ. Онъ ни мало немедля заставилъ бы «панславянское племя» слиться въ силу химическаго сродства, какъ онъ это и дѣлаетъ относительно галловъ и франковъ. Но врагъ Россіи могъ бы поднять брошенное г. Строниным оружіе—астрономію и съ помощію ея построить какую-нибудь аналогію въ ущербъ Россіи. Онъ могъ бы приложить къ ея будущности, напримѣръ, теорію Лапласа, сравнить окраины Россіи съ экваторіальнымъ поясомъ гипотетическаго первобытнаго вращающагося сфероида; а этотъ экваторіальный поясъ, какъ извѣстно, вслѣдствіе возрастанія центробѣжной силы, отдѣляется, по теоріи Лапласа, отъ общаго ядра въ видѣ кольца, которое и сгущается въ видѣ одного или нѣсколькихъ самостоятельныхъ тѣлъ. Такимъ образомъ врагъ Россіи усмотрѣлъ бы съ «астрономической точки зрѣнія» не слитіе славянскихъ племенъ съ Россіею, а отпаденіе отъ нея ея окраинъ. Излагать въ русскомъ журналѣ выводы враговъ Россіи — вещь непозволительная. Но выводъ нашъ столь нелѣпъ и врагъ Россіи, который пожелалъ бы имъ воспользоваться, былъ бы столь глупъ и слѣдовательно безвреденъ, что за подобное изложеніе вражескихъ аргументовъ Отечественныя Записки, надо полагать, предостереженія не получатъ. И однако, наша аналогія представляетъ не менѣе прочности, чѣмъ аналогія г. Стронина.

Стронинъ говоритъ: «Сплавъ различныхъ металловъ всегда крѣпче и тверже, чѣмъ каждая изъ его составныхъ частей», и находитъ это явленіе аналогичнымъ съ прочностью сплава различныхъ народовъ, каковъ напримѣръ сплавъ англичанъ изъ кельтовъ, бриттовъ, римлянъ и т. д. Слова: «сплавъ крѣпче и тверже» имѣютъ очень неопредѣленный смыслъ, а слова «сплавъ

http://rcin.org.pl

крѣпче» не имѣютъ даже никакого смысла. Однако, такъ-какъ дѣло идетъ о «прочности» народовъ, то нужно думать, что твердость сплава металловъ противополагается г. Стронинымъ его жидкости и газообразности. Но въ такомъ случаѣ законъ относительной твердости сплава металловъ не имѣетъ никакого основанія. Для спаиванія металлическихъ вещей употребляется сплавъ изъ олова и свинца, и этотъ сплавъ плавится при болѣе низкой температурѣ, чѣмъ отдѣльно взятые олово и свинецъ, т.-е. въ этомъ случаѣ составныя части сплава переходятъ изъ твердаго въ жидкое состояніе легче, чѣмъ ихъ сплавъ; онѣ тверже его, какъ выражается г. Стронинъ. Калій плавится при 136° (по Фаренгейту), натрій при 190°, а сплавъ ихъ при обыкновенной уже температурѣ жидокъ. Если вы представите г. Стронину эти и другія подобныя возраженія противъ его аналогіи, онъ, ни мало не смущаясь, перейдетъ къ аналогіи біологической. И здѣсь онъ попадетъ на настоящее мѣсто (хотя смѣшеніе крови можетъ, при извѣстныхъ условіяхъ, и понизить уровень породы); но въ томъ-то и дѣло, что онъ не видитъ никакой разницы между аналогіями никуда негодными и аналогіями въ такой мѣрѣ прочными, что онѣ даже перестаютъ быть аналогіями. Аналогическій методъ весьма часто вводитъ г. Стронина въ противорѣчіе съ самимъ собой. Такъ онъ исповѣдуетъ, что только наука, только знаніе можетъ двигать человѣчество впередъ; у него «сердце содрогается отъ зависти къ потомству», болѣе чѣмъ онъ просвѣщенному; у него «мысль нѣмѣетъ при представленіи вѣроятностей будущаго» значенія науки; онъ не вѣритъ ни въ какія «революціи и реформаціи» и вѣритъ только «въ реформу понятій, въ революцію знаній». И тѣмъ не менѣе, добравшись разными тождествами, такождествами и инождествами до убѣжденія, что знаніе есть теплота, а просвѣщеніе — нагрѣваніе, онъ совѣтуетъ американцамъ позадержать нагрѣваніе. Иначе, говоритъ, сгорите. А мысль, замѣтьте, продолжаетъ нѣмѣть и сердце не перестаетъ содрогаться.

Вамъ надоѣло, читатель? И намъ тоже. Вы негодуете на

http://rcin.org.pl

насъ за то, что мы, подъ предлогомъ какой-то, якобы важной стороны измышленій г. Стронина, столько времени занимали ваше вниманіе очевиднымъ для всякаго вздоромъ. Въ оправданіе наше мы можемъ сказать, что хотя мы пишемъ не о книгѣ г. Стронина, а скорѣе по поводу ея, тѣмъ не менѣе въ видѣ простой благодарности за представленіе случая высказать нѣсколько нелишенныхъ важности мыслей, мы не могли не поговорить и о самой книгѣ. И этотъ долгъ благодарности мы старались уплатить съ наивозможнѣйшею умѣренностью, ибо оставили безъ разсмотрѣнія огромную кучу перловъ остроумія г. Стронина. Онъ даже свой аналогическій методъ аналогируетъ съ чѣмъ-то, ужь не помню. Теперь мы нѣсколько уклонимся отъ книжки г. Стронина, однако, по чувству той же благодарности, все-таки не навсегда оставимъ его.

II.

Лѣтъ съ десятокъ съ хвостикомъ тому назадъ, насъ разбудили вопросы практической жизни. Это было настоящее время, когда и проч. Это было очень давно, хотя и не болѣе, какъ лѣтъ съ десятокъ съ хвостикомъ тому назадъ. Историческая весна начиналась, травка изъ-подъ мерзлой земли пробивалась, весенніе звуки слышались. (Что значитъ примѣръ: мы все метафорами говоримъ). Съ тѣхъ поръ много воды утекло, и текла она въ общихъ чертахъ такъ. Разбуженные практическими вопросами и громомъ крымскихъ пушекъ, мы были замѣчательно единодушны. Но затѣмъ, когда рѣшеніе практическихъ вопросовъ подвинулось ближе, и когда для освѣщенія практической земли мы стали искать точекъ опоры на теоретическомъ небѣ, мы перестали быть единодушными, и въ нашемъ обществѣ можно было ясно различить двѣ группы людей, двѣ группы мнѣній, другъ другу враждебныхъ. Потомъ теоретическое небо очень быстро показалось намъ съ овчинку, и видя, какъ ближній нашъ покрываетъ простаго туза козырной двойкой, мы упи-

http://rcin.org.pl

чали его въ *измахъ*. Потомъ настало затишье, и козырныя двойки перестали покрывать простыхъ тузовъ...

Тѣмъ не менѣе, въ этотъ недавній періодъ полнаго затишья тамъ и сямъ слышались, да слышатся и теперь, какъ эхо, воспоминанія о прошедшемъ въ видѣ болѣе или менѣе остроумныхъ насмѣшекъ, клеветъ, инсинуацій. Отличительное свойство этихъ упражненій состоитъ въ безсмыслін. И въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Жизнь вызвала новыя мысли, новыя чувства, новыя желанія, но вызвала не во всемъ обществѣ. Образовались два противоположныхъ строя взглядовъ. Одинъ изъ нихъ, не успѣвъ еще выясниться и исправить нѣкоторыя, иногда весьма крупныя, но, во всякомъ случаѣ, частныя ошибки своихъ представителей — исчезъ, или почти исчезъ. Цѣпкія руки противниковъ хватались и хватаются безъ разбора за все, за что только есть грамматическая возможность ухватиться, и наровятъ изо всякой случайной мухи сдѣлать обязательнаго слона. Эта неразборчивость даромъ обойтись, разумѣется, не можетъ, и неизбѣжный удѣлъ всѣхъ прибѣгающихъ къ ней есть безсмысленность выводовъ и обвиненій. Такова Немезида логики и исторіи.

Такъ недавно, уже и прежде знаменитый, московскій профессоръ г. Борисъ Чичеринъ, обвинялъ древнихъ софистовъ, а попутно и «нигилистовъ», въ томъ, что они проповѣдывали грубѣйшую корысть и право силы, и тутъ же заявилъ, что софисты первые возстали противъ рабства...

Между прочимъ, въ русскомъ обществѣ явилась мысль, что исторія не есть театръ маріонетокъ, что она не есть и результатъ самопроизвольныхъ прыжковъ самихъ Пьеро и Коломбинъ, что человѣческія дѣйствія вызываются опредѣленными и уловимыми внѣшними причинами и слѣдуютъ одно за другимъ въ извѣстномъ правильномъ порядкѣ. Сама по себѣ эта мысль совершенно безобидна и, повидимому, допускаетъ для своей оцѣнки только одинъ критерій — истину. Можно разсуждать только о томъ, вѣрна ли эта теорія, соотвѣтствуетъ ли она даннымъ исторіи. Но она влечетъ за собой цѣлый рядъ практическихъ

http://rcin.org.pl

выводовъ, и потому въ нашемъ обществѣ заняла достойное мѣсто только въ строѣ міросозерцанія извѣстной группы людей. Другая группа стала утверждать, что ставить человѣка въ зависимость отъ тѣхъ или другихъ слѣпыхъ, безсознательныхъ законовъ, значитъ, унижать его человѣческое достоинство, превращать его въ машину, которая не вѣдаетъ, что творитъ. Профессоръ (бывшій, а можетъ быть и нынѣшній—хорошенько не знаемъ) исторіи въ московскомъ университетѣ, г. Герье, говоря объ историческихъ взглядахъ Бокля, выражается такъ: «Никакіе варвары, ни Атилла, называвшій себя бичомъ божіимъ, ни фанатическія мусульманскія орды, считавшія священнымъ долгомъ истреблять всѣхъ, непризнававшихъ пророчества Мухамеда, не сдѣлали столько зла человѣчеству, сколько могла бы повредить цивилизаціи ложная теорія — что люди и народы въ своихъ дѣйствіяхъ подчинены только естественнымъ законамъ». (Очеркъ развитія исторической науки, стр. 107). Эта краснорѣчивая тирада была произнесена года три тому назадъ съ каѳедры старѣйшаго изъ русскихъ университетовъ; затѣмъ она была напечатана въ «Русскомъ Вѣстникѣ», вмѣстѣ со всею вступительною лекціею г. Герье; далѣе, наконецъ, эта же вступительная лекція, со включеніемъ вышеприведенной краснорѣчивой тирады, была перепечатана и издана отдѣльной брошюрой. Такимъ образомъ достопочтенный профессоръ счелъ нужнымъ трижды предать анаѳемѣ взгляды Бокля, и такое троекратное чуранье казоваго конца московской интеллигенціи весьма знаменательно и поучительно. Г. Герье, предполагая, что противорѣчитъ Боклю, указываетъ въ пику ему на «идеи», какъ на двигательную силу народовъ. Едва-ли какой-нибудь благоразумный человѣкъ — Бокль у comprіs — когда-либо сомнѣвался въ такомъ значеніи идей, что не мѣшаетъ симъ послѣднимъ самимъ подчиняться многоразличнымъ условіямъ. Есть, правда, идеи, для которыхъ, фигурально выражаясь, законъ не писанъ. Эти послѣднія суть, по опредѣленію Гейне, «всякая глупость, которая вамъ взбредетъ въ голову». Но о несуществованіи для нихъ законовъ можно говорить именно

http://rcin.org.pl

только фигурально. Въ сущности идеи самаго г. Герье имѣютъ свои причины. Что же касается до идеи законосообразности человѣческихъ дѣйствій, то она представляетъ собою дѣятеля въ такой мѣрѣ сильнаго, что московскому профессору весьма трудно надолго задержать его вліяніе, хотя бы онъ проклялъ его не три, а триста-тридцать три раза, помноженные на два, каковое умноженіе дастъ 666, то-есть, какъ извѣстно, «число звѣрино». Тѣмъ не менѣе, академическій тормазъ, какъ бы онъ ни былъ незначителенъ, есть все-таки тормазъ. Идея законосообразности человѣческихъ дѣйствій считается вредною, вреднѣе всякихъ бичей божіихъ отъ саранчи до Атиллы, и это заявляется оффиціальнымъ жрецомъ науки. Ложность или истинность теоріи весьма быстро оставляется въ сторонѣ, и вниманіе сосредоточивается на ея вредности. Это — признакъ и хорошій, и дурной: хорошій, потому что указываетъ на силу новыя мысли, требующей для своего побороніа, кромѣ логической рати, еще резерва инсинуацій; дурной, потому что инсинуаціи могутъ сдѣлать свое дѣло. И мы видѣли, что онѣ дѣйствительно сдѣлали свое дѣло. Инсинуаторы (такъ мы называемъ для краткости всѣхъ, переносящихъ вопросы науки на почву вредоносности), докладывая путемъ печати и общественныхъ толковъ обо всемъ подозрительномъ, стрѣляли по двумъ зайцамъ заразъ и ловили рыбу въ совершенно мутной водѣ. Вопервыхъ, они распространяли въ обществѣ страхъ и отнимали у него такимъ образомъ возможность взглянуть трезво на дѣло. И это дѣлали иногда люди, отъ которыхъ всего менѣе можно ожидать подобнаго образа дѣйствій и которые когда то сами горячо ратовали противъ всякихъ инсинуацій. Такъ, если не ошибаемся, въ 1865 году, г. профессоръ Кавелинъ излагалъ, по поводу одной диссертаціи по уголовному праву, что прямой выводъ изъ нѣкоторыхъ бывшихъ тогда въ ходу теорій есть открытый грабежъ, но весьма мало потрудился для опроверженія этихъ теорій. Да еще если-бы эта травля и въ другихъ была такою же случайностію, какъ въ г. Кавелинѣ, такъ жить еще было бы можно. Посвятивъ себя всецѣло сыскнымъ дѣламъ, инсинуаторы и сами не спускались

http://rcin.org.pl

или не поднимались до дѣйствительной критической оцѣнки мнѣній своихъ противниковъ, вслѣдствіе чего послѣдніе слышали слишкомъ много разящихъ обвиненій, и слишкомъ мало возраженій... Результаты понятны. Инсинуаторы вертятся, какъ бѣсы передъ заутреней, а ничтожные въ началѣ промахи ихъ противниковъ обращаются въ крупную ошибку, ибо не встрѣчаютъ никакихъ логическихъ препятствій. Самимъ оглянуться въ жару увлеченія трудно, а когда оглянулись—произошла скандальная перебранка. А тутъ опустился занавѣсъ... Тѣмъ временемъ, оторванныя отъ логики обвиненія, никого въ сущности не убѣждая, но многихъ запугивая, принимаютъ все болѣе и болѣе нелѣпый характеръ, и въ концѣ-концевъ образуютъ такую массу сумбура и противорѣчій, въ которой уже ровно ничего нельзя разобрать. Вредоносность идеи законосообразности человѣческихъ дѣйствій мотивируется въ нашемъ великомъ отечествѣ (а впрочемъ, и не въ немъ одномъ) тѣмъ, что она превращаетъ человѣка въ безсловесное животное, отводитъ ему слишкомъ низкое мѣсто въ міровой табели о рангахъ; сторонники ея «вѣрятъ въ лягушекъ и не вѣрятъ въ принципы», какъ остроумно утверждаетъ Павелъ Кирсановъ. (Мнѣ очень жаль, что я натолкнулся на изъѣденный и переѣденный романъ г. Тургенева, но дѣлать нечего). The Athaeneum, разбирая «Отцовъ и дѣтей», приходитъ къ тому заключенію, что отъ поколѣнія, произведшаго Базарова, нельзя ждать ничего хорошаго. Дѣйствительно, еслибы приговоръ гг. Тургенева и Кирсанова былъ вѣренъ, то-есть, еслибы Базаровъ, на сколько онъ вѣритъ въ лягушекъ и не вѣритъ въ принципы, могъ быть представителемъ общаго смысла движенія русской мысли за послѣднее, или вѣрнѣе, за предпослѣднее время, то это было бы очень горько и безотрадно. Однако, это не только такъ не было, но и не могло такъ быть. Отдѣльныя единицы могли, конечно, какъ и всегда и вездѣ, заблудиться, могло случиться даже, подъ напоромъ совершенно новаго міросозерцанія съ одной стороны, и вышеозначенныхъ инсинуацій съ другой — временное, почти повальное заблужденіе, но это

http://rcin.org.pl

ровно ничего не значитъ. Въ общемъ «вѣра въ лягушекъ», то-есть въ силу естественныхъ законовъ не только не исключаетъ «вѣры въ принсипы», то-есть въ задачи духовной дѣятельности человѣка, но даетъ послѣдней прочныя опоры. Такъ герой другой повѣсти г. Тургенева — «Довольно», къ которому авторъ относится и долженъ относиться гораздо симпатичнѣе, приходитъ къ тому заключенію, что Венера Милосская, пожалуй, «несомнѣннѣе» самыхъ возвышенныхъ и великихъ принсиповъ, и потому «складываетъ на пустой груди ненужныя руки». Люди, дѣйствительно вѣрящіе въ лягушекъ, рѣдко приходятъ къ такимъ рѣшеніямъ. Жизнь можетъ ихъ разбить, но не забить. И это понятно. «Принсипъ» стоитъ одиноко, даже гордится тѣмъ, что онъ ничѣмъ не связанъ, не обусловленъ, а между тѣмъ, человѣкъ уходитъ въ него весь. Подорвался принсипъ, и нечѣмъ жить человѣку, и пуста его грудь, и ненужны его руки. Не то съ «лягушками». Здѣсь ошибка можетъ быть открыта, и міросозерцаніе оттого не шелохнется, потому что допускаетъ повѣрку и исправленіе частностей. Отцомъ новаго взгляда на исторію, взгляда, основаннаго на вѣрѣ въ лягушекъ, слѣдуетъ считать Кондорсэ, въ которомъ, по выраженію Литтре, совмѣщалась жизнь и мысль всего XVIII вѣка. Припомните же личную исторію этого, по истинѣ великаго, но какъ-то странно почти забытаго человѣка; припомните его въ передовыхъ рядахъ революціи, потомъ осужденнаго этою самою революціей, пишущаго въ какой-то каморкѣ, подъ ежеминутнымъ страхомъ смерти, свою, немногими оцѣненную «Картину прогресса человѣческаго разума»; припомните его смерть и завѣщаніе дочери — не мстить его личнымъ врагамъ, такъ-какъ для него личные враги не существуютъ. Господамъ московскимъ профессорамъ исторіи и всякаго права и безправія надо очень высоко поднять голову, чтобы увидѣть все величіе этого человѣка. А Кондорсэ вѣрилъ въ лягушекъ и первый положилъ фундаментъ новѣйшей исторической школѣ. А господа профессора вѣрятъ въ принсипы, и готовы лучше воскресить изъ мертвыхъ Аттилу, чѣмъ допустить, что исторія не есть

http://rcin.org.pl

огромное «съ бухту-барахту». Такъ-то иногда прошедшее, задушивъ въ своихъ цѣпкихъ и неразрушимыхъ объятіяхъ великую жизнь и великую мысль, выдаетъ настоящему сдачу мелочью, мѣдяками новаго чекана...

Но Кондорсэ революціонеръ, красный, крайній, и только ножъ еще болѣе революціонной, красной и крайней гильотины доконалъ его. Какъ смѣть приводить его жизнь и мысль въ оправданіе чего бы то ни было!? Вотъ они ваши образцы, вотъ куда ведутъ ваши законосообразности! Вотъ другой мотивъ обвиненія. Любопытно сопоставить эти оба главные пункта обвинительной рѣчи непризваннаго прокурорскаго надзора. Одинъ пунктъ гласитъ такъ: вы отрицаете свободу человѣческой воли, вы утверждаете, что человѣкъ не выбираетъ и не можетъ себѣ выбрать жизненнаго пути, что, гонимый внѣшними условіями, онъ безсознательно идетъ туда и такъ, куда и какъ толкаютъ его ваши законы; по вашей теоріи человѣкъ не несетъ на себѣ отвѣтственности за свои дѣла, какъ не несетъ ея камень, падающій по закону тяжести на землю; вы отнимаете у него все, что въ немъ есть человѣческаго, и преграждаете ему путь къ духовному развитію; вы говорите, что и завтра, и послѣ-завтра человѣка будутъ толкать ваши естественные законы съ тою же силою и въ томъ же направленіи. Если допустить справедливость этихъ упрековъ, то ученіе, на которое они сыплятся, должно быть признано, если не теоріей полнаго застоя и косности, то, по крайней-мѣрѣ, самымъ грубымъ фатализмомъ. Это именно и есть призывъ къ сложенію ненужныхъ рукъ на пустой груди; это — теорія предопредѣленія, не исправленная и дополненная, а облеченная въ реалистическую съ виду форму, изъ прорѣхъ которой выглядываютъ старыя невыстиранныя тряпки. Это, дѣйствительно, ученіе позорное и опасное, отнимающее у людей будущее и узаконивающее неразрушимость настоящаго. И, однако, сторонники ученія законосообразности обвиняются не въ томъ. Надъ рядами ихъ противниковъ вѣетъ знамя историческаго права и постепенности. Ихъ уличаютъ въ разрушительныхъ стремленіяхъ и въ желаніи перестроить общество на

http://rcin.org.pl

какой либо новый ладъ, удовлетворяющій личнымъ взглядамъ строителей. Но какъ же связать эти два обвиненія: принципъ неприкосновенности и ненарушимости естественныхъ законовъ, которыми управляется общество — и стремленіе нарушить ихъ; низведеніе человѣка до степени неразумнаго животнаго—и постановка разума въ критическое отношеніе къ существующимъ общественнымъ условіямъ; отрицаніе свободы воли—и произвольный выборъ тѣхъ или другихъ основъ общественнаго строя въ замѣнъ существующихъ... Итакъ, не проще ли было, вмѣсто обвиненій, указать на этотъ рядъ противорѣчій. Подобныя операціи предпринимались, однако, слишкомъ рѣдко, если только предпринимались, а тянулись себѣ двухъ-трехстороннія, взаимноисключающіяся инсинуаціи. Понятное дѣло, что не такими пріемами указываются ошибки; понятное дѣло, что они могутъ вести только къ усиленію ошибки, если она была. Мы и въ помышленіи не имѣемъ, чтобы изложенныя два обвиненія были единовременно справедливы относительно кого бы то ни было изъ «новыхъ людей» (къ сожалѣнію, опять выраженіе изъѣзженное, но имѣющее достоинство краткости); не думаемъ мы и того, чтобы они по одиночкѣ когда либо составляли чье-нибудь profession de foi, по крайней-мѣрѣ, въ такомъ грубомъ видѣ. Однако, мы не можемъ сказать, чтобы теоріи «новыхъ людей», и въ особенности позднѣйшихъ, были свободны отъ подобныхъ противорѣчій. Въ общемъ міросозерцаніе ихъ ясно и опредѣленно; здѣсь нашли себѣ мѣсто всѣ лучшія и чистѣйшія, по истинѣ святыя стремленія вѣка. Это былъ призывъ къ добру, къ правдѣ, къ истинѣ, къ счастью; это былъ вызовъ злу, неправдѣ, лжи, страданію. Но въ частностяхъ можно было найти много противорѣчій съ общимъ фономъ, и на этомъ свѣтломъ фонѣ не трудно усмотрѣть эти темныя пятна. Не трудно усмотрѣть и то, что всѣ эти темныя пятна, безъ исключенія, обязаны своимъ происхожденіемъ тому логическому пріему, который г. Стронинъ употребляетъ подъ именемъ аналогическаго метода. А методъ этотъ, какъ мы видѣли, состоитъ въ томъ, что изъ простаго сходства, безъ ука-

http://rcin.org.pl

занія на причинную связь, безъ точнаго опредѣленія объема сходства, дѣлаются заключенія отъ законовъ явленій относительно простыхъ къ законахъ явленій болѣе сложныхъ. Мы видѣли, что при этомъ г. Стронинъ изучаетъ не значеніе астрономическихъ, химическихъ, біологическихъ законовъ для явленій общественной жизни. Это было бы совершенно законно, и могло бы быть очень плодотворно. Г. Стронинъ изучаетъ не то, онъ изучаетъ общественныя явленія съ математической, механической, химической и т. д. точекъ зрѣнія. Мы старались показать (и будемъ имѣть къ этому случай и ниже), что это незаконно и не можетъ быть плодотворно, хотя бы уже просто потому, что, перебравъ всѣ точки зрѣнія низшихъ наукъ, г. Стронинъ не даетъ мѣста точкѣ зрѣнія соціологической. Это равносильно изученію химическихъ явленій со всѣхъ точекъ зрѣнія, кромѣ химической. При этомъ остается безъ объясненія или получаетъ неизбѣжно ложное объясненіе тотъ соціологическій остатокъ, который не можетъ быть сведенъ къ законамъ болѣе простыхъ наукъ и который именно и составляетъ предметъ общественной науки. Всѣ подобныя попытки Контъ отнесъ бы къ метафизическимъ. Мы ихъ называемъ эксцентрическими, потому что въ нихъ упущенъ изъ вида человѣкъ, какъ членъ общества, — обязательный центръ для всякой работы человѣческой мысли, а тѣмъ болѣе въ области соціологіи. Эта идея о центральномъ значеніи человѣка для человѣческой мысли составляетъ, безспорно, resumé всего движенія русскаго общества за послѣднее время, это его философскій смыслъ, тотъ свѣтлый общій фонъ, о которомъ мы говорили. Онъ сказывается не только въ журнальныхъ толкахъ о человѣческихъ задачахъ искусства и науки, а и во всѣхъ практическихъ вопросахъ, уже полурѣшенныхъ. Крестьянская реформа, реформа судопроизводства обнимаются этимъ принципомъ не менѣе, чѣмъ отрицаніе искусства для искусства и науки для науки. Въ цѣломъ, однако, этотъ принципъ былъ недостаточно сознанъ для того, чтобы на свѣтломъ фонѣ не нашли себѣ мѣста темныя пятна, то-есть аналогическій методъ. Мы представимъ на выдержку нѣсколько

http://rcin.org.pl

образчиковъ его примѣненія, и такъ-какъ для насъ здѣсь важно только уясненіе извѣстнаго логическаго пріема, то примѣры мы будемъ брать не только изъ новѣйшей исторіи русской мысли, а и у тѣхъ западныхъ авторитетовъ, которые имѣли на ходъ ея вліяніе. Понятное дѣло, что систематически аналогическій методъ, кромѣ труда г. Стронина, нигдѣ и никогда не употреблялся, но весьма часто употреблялся и употребляется урывками. Мы будемъ имѣть въ виду исключительно примѣненіе его къ вопросамъ общественной жизни.

На вычисленіи средней продолжительности существованія государствъ Кетле мы имѣли образчикъ изученія общественныхъ явленій съ математической точки зрѣнія. Такого рода странности встрѣчаются довольно часто въ статистическихъ изслѣдованіяхъ. Отъ нихъ несвободны и Бокль и Кетле, и Милль справедливо связываетъ этого рода ошибки у Бокля съ ученіемъ о неподвижности нравственнаго элемента въ обществѣ. Статистикѣ выпала завидная роль въ рѣшеніи вопроса о законосообразности человѣческихъ дѣйствій. Даже вопросъ этотъ былъ впервые въ наиболѣе рѣзкой формѣ выставленъ статистикомъ Кетле. Но хотя сочиненія Кетле имѣютъ теперь уже только историческое значеніе, статистика, за недостаточностью матеріаловъ, несмотря на относительно громадныя ея услуги общественной наукѣ, еще очень далека отъ своего идеала. Суть ея, какъ извѣстно, состоитъ въ томъ, что, какъ бы повидимому ни были случайны явленія, разсматриваемыя единично, въ цѣломъ они представляютъ замѣчательную правильность и порядокъ. Слѣдовательно, статистика должна имѣть подъ руками какъ можно больше фактовъ и количествомъ ихъ именно и опредѣляется степень вѣрности статистическихъ обобщеній. Ограниченное число данныхъ часто ведетъ или къ невѣрнымъ выводамъ въ частности относительно обсуждаемаго вопроса, или, что, разумѣется, гораздо хуже, совершенно извращаетъ понятіе законосообразности. Кетле, имѣя въ рукахъ цифры для очень небольшаго времени, впалъ въ нѣсколько частныхъ ошибокъ. Это дѣло, разумѣется, поправимое, тѣмъ болѣе, что выводы статистики пока еще слиш-

http://rcin.org.pl

комъ рѣдко принимаются въ соображеніе при рѣшеніи практическихъ вопросовъ. Но если статистикъ забудетъ, что выведенные имъ законы суть законы эмпирическіе, справедливые только для данныхъ обстоятельствъ времени и мѣста, то ограниченное число фактовъ легко можетъ довесть его до фатализма, причемъ именно и произойдетъ изученіе явленій соціологическихъ съ математической точки зрѣнія. Такъ-какъ рядъ статистическихъ цифръ только при извѣстномъ числѣ данныхъ можетъ выдвинуть изъ-за математическихъ выкладокъ чисто соціологическій фактъ, то вплоть до этого момента достаточности данныхъ, опредѣлить который, разумѣется, очень трудно, мы не имѣемъ права дѣлать никакихъ выводовъ. Если пять древнихъ государствъ существовали каждое по 1641 году, то мы не имѣемъ никакого основанія думать, чтобы какое либо шестое государство должно было прожить именно столько же, ни больше, ни меньше. Если цифра, найденная Кетле, вѣрна, то это значитъ только, что условія, опредѣляющія продолжительность жизни государства, во всѣхъ пяти древнихъ государствахъ были одинаковы, и что если эти условія повторятся гдѣ нибудь въ шестомъ государствѣ вновь, то и это послѣднее просуществуетъ 1641 годъ. Но такъ-какъ математическая выкладка этихъ условій намъ не выяснила, то найденный Кетле фактъ не имѣетъ никакого значенія, и придавать ему значеніе значитъ изучать явленіе съ математической точки зрѣнія и впадать въ фатализмъ; это значитъ чуть-чуть что не возвращаться къ пиѳагорейскимъ понятіямъ о значеніи чиселъ, какъ о причинѣ бытія. Гервинусъ замѣчаетъ, что въ концѣ XIV, XV, XVI, XVII и XVIII вѣковъ происходили великіе политическіе перевороты, изъ чего можно заключить, что и въ концѣ XIX вѣка должно произойти нѣчто подобное. Прямое наблюденіе теперешняго хода европейскихъ дѣлъ можетъ дать очень обильныя подтвержденія послѣднему предположенію, но тѣмъ не менѣе это не болѣе, какъ совпаденіе случайное и любопытное въ такой же мѣрѣ, въ какой случайно и любопытно совпаденіе года рожденія Кювье, Александра Гумбольдта, Наполеона и Веллингтона съ про-

http://rcin.org.pl

хожденіемъ Венеры передъ солнцемъ. Если двадцать лѣтъ къ ряду въ полицію забирается приблизительно одно и то же число пьяныхъ, то изъ этого слѣдуетъ не то, что и въ двадцать первомъ году ихъ будетъ забрано столько же; это можетъ быть, а можетъ и не быть. Двадцатилѣтнее постоянство цифръ свидѣтельствуетъ не объ ихъ неизмѣнномъ фаталистическомъ постоянствѣ, а только о томъ, что впродолженіе двадцати лѣтъ не измѣнились условія, вліяющія на пьянство съ одной стороны, и на бдительность и усердіе полиціи съ другой. Это истина самая простая и очевидная до послѣдней степени. И однако люди, пораженные ясностью статистическихъ выводовъ, не всегда придаютъ имъ должное значеніе. Статистическіе выводы представляютъ процессъ чисто индуктивный, требующій для своего приложенія къ такимъ сложнымъ явленіямъ, какъ факты общественной жизни, непремѣнно помощи дедукціи. Въ такихъ случаяхъ, гдѣ эта помощь, вслѣдствіе недостаточности нашихъ знаній, немыслима, статистика только констатируетъ фактъ. Напримѣръ, она свидѣтельствуетъ, что пропорція мужскихъ и женскихъ рожденій равняется $^{21}/_{20}$, и ни малѣйшаго намека на объясненіе этого факта статистика дать не можетъ. Здѣсь мы не можемъ вывести явленіе изъ причины, и потому должны ограничиться наблюденіемъ самаго явленія: математическій анализъ не выяснилъ намъ тѣхъ біологическихъ и соціологическихъ условій, совокупностью которыхъ порождается статистическій фактъ. Но это не даетъ намъ права разсматривать это явленіе съ чисто математической точки зрѣнія и признавать за нимъ несокрушимую силу. Дальнѣйшія біологическія и соціологическія изслѣдованія могутъ, правда, показать, что законъ, управляющій пропорціей мужскихъ и женскихъ рожденій, есть законъ коренной, столь же неумолимый, какъ и, напримѣръ, законъ смертности для людей. Но тѣ же соціологическія и біологическія изслѣдованія могутъ показать и противное, могутъ показать, что законъ этотъ зависитъ отъ такихъ условій, которыя могутъ быть человѣкомъ измѣнены или устранены. Фатализмъ школы Мальтуса слѣдуетъ объяснить именно этою обработкою

http://rcin.org.pl

соціальныхъ вопросовъ съ математической точки зрѣнія. Г. Стронинъ только грубо доводитъ эту точку зрѣнія до абсурда, когда говоритъ: «Въ математикѣ извѣстны два противоположные способа возрастанія количествъ: прогрессія ариѳметическая и прогрессія геометрическая; въ наукѣ соціальной Мальтусъ нашелъ такую же противоположность въ возрастаніи народонаселенія и въ возрастаніи средствъ жизни, т.-е. формулы чиселъ суть также и формулы событій, законъ *математики* есть столько же и законъ *политической экономіи*» (134). Г. Стронинъ говоритъ здѣсь такую нелѣпость, какой, разумѣется, не скажетъ ни одинъ мало-мальски толковый мальтузіанецъ. Математическій законъ говоритъ только, что геометрическая прогрессія растетъ быстрѣе ариѳметической. Поэтому если мы представимъ себѣ такую комбинацію общественныхъ условій, — а представить себѣ это можно,—что не средства жизни, а народонаселеніе ростетъ въ ариѳметической прогрессіи, а въ геометрической ростетъ не народонаселеніе, а средства жизни, то математическій законъ останется все тотъ же, тогда какъ соціологическій будетъ выворотенъ наизнанку. Г. Стронинъ, повторяемъ, утверждаетъ совершенную нелѣпость, non sens; тѣмъ не менѣе между нимъ и всѣми послѣдователями Мальтуса есть то общее, что они *разсматриваютъ* явленіе съ математической точки зрѣнія; а такъ-какъ математическіе законы, какъ наиболѣе простые, регулированію не поддаются и ариѳметическая прогрессія будетъ до конца вѣковъ возрастать медленнѣе геометрической, то они думаютъ, что и запасы пищи будутъ до конца вѣковъ возрастать медленнѣе народонаселенія. Само собою разумѣется, что чѣмъ послѣдователь Мальтуса толковѣе, тѣмъ больше удаляются, по формѣ, его соображенія отъ такого грубаго представленія. Многіе экономисты даже не признаютъ прогрессій Мальтуса, хотя и остаются его учениками, не признаютъ возможности численнаго выраженія отношеній между ростомъ народонаселенія и средствъ пропитанія.

Когда Кетле говоритъ, что человѣкъ съ неумолимою правильностью уплачиваетъ бюджетъ преступленій; когда такой за-

http://rcin.org.pl

мѣчательный статистикъ, какъ Вагнеръ, говоритъ: «Наблюденія заставляютъ насъ почти думать, что *экономія природы* требуетъ ежегодно опредѣленнаго числа самоубійствъ» (Statistisch-antropologische Untersuchung der Gesetzmässigkeit der scheinbar willkürlichen Handlungen. Hamburg, 1864),—то это можетъ быть разсматриваемо не болѣе, какъ façon de parler. Такъ можно смотрѣть даже на Вагнерово сравненіе нашего общества съ фантастической страной, гдѣ всѣ хорошія и дурныя дѣла совершаются по правительственному предписанію и самоубійцы, преступники и пр. назначаются *по жребію* (S. 44). Но ужь совсѣмъ не façon de parler послѣдняя книга Дюфо, статистика тоже когда-то замѣчательнаго, котораго цитируетъ Вокль, на котораго ссылается Вагнеръ. «Да, говоритъ Дюфо, когда осмотришься кругомъ, когда увидишь все то горе, всѣ тѣ страданія, которыя съ ужасающею правильностью повторяются на землѣ, какъ не подумать, что долженъ же этотъ порядокъ смѣниться иною картиной! Тѣ, кто столько страдаетъ на землѣ, устремляютъ взоры и воздѣваютъ руки къ небу. Они надѣятся, они жаждутъ чего нибудь лучшаго, чѣмъ настоящая жизнь. Да! нужна другая жизнь для незаслуженнаго несчастія, для задавленной добродѣтели. Это законъ нравственнаго равновѣсія судебъ человѣчества, открывающійся наблюденію (qui se revèle à l'observation) и стоящій непоколебимо твердо»... (De la méthode d'observation dans son application aux sciences morales et politiques. Paris 1866, p. 172). Дерптскій профессоръ богословія г. фонъ-Эттингенъ (Die Moralstatistik und die christliche Sittenlehre. Versuch einer Socialethik auf empiricher Grundlage. Erlangen, 1868) тоже признаетъ законосообразность общественныхъ явленій. Когда стала складываться такъ-называемая математическая школа статистиковъ, правовѣрные послѣдователи Ахенваля, недовольные нововведеніемъ, называли школу Кетле рабами цифръ—Tabellenknechte (за что тѣ въ свою очередь обзывали ахенвальцевъ болтунами—Schwätzer). Ахенвальцы и не подозрѣвали, разумѣется, въ какомъ смыслѣ современемъ кличка придется по шерсти математикамъ.

http://rcin.org.pl

Вслѣдствіе двойной роли математики, какъ особаго вида логики и какъ самостоятельной науки, изученіе явленій общественной жизни съ математической точки зрѣнія могло, по недоразумѣнію, найти себѣ не мало сторонниковъ. И мы думаемъ, что они есть и у насъ, хотя не они произносятъ тирады въ родѣ приведенной тирады Дюфо. Но потому-то анализъ явленій общественной жизни съ математической точки зрѣнія и составляетъ темное пятно на свѣтломъ фонѣ. Однако, увлеченіе этою точкою зрѣнія объясняется именно исключительнымъ положеніемъ математики. Что же касается до объясненія соціологическихъ явленій съ механической, астрономической, физической, химической, геологической точекъ зрѣнія, то, сколько намъ извѣстно, оно на всемъ земномъ шарѣ встрѣчается только въ сочиненіи г. Стронина, если не считать, разумѣется, чисто мистическихъ бредней. Исключеніе составляютъ только нѣкоторыя попытки сторонниковъ механической теоріи. Но это объясняется тѣмъ, что понятіе движенія составляетъ простѣйшую элементарную идею какого бы то ни было процесса, и ни одного явленія мы безъ движенія себѣ представить не можемъ. Вообще же говоря, если и употребляются выраженія въ родѣ «химическое сродство душъ или народовъ», «центръ тяжести государства», «параллелограмъ общественныхъ силъ», «историческія формаціи» и проч., то опять-таки въ чисто метафорическомъ смыслѣ, ради художественной пластичности. Поэтому г. Стронинъ стоитъ здѣсь совершенно одиноко.

Нельзя того же сказать объ изученіи явленій общественной жизни съ біологической точки зрѣнія. Здѣсь, какъ и въ математикѣ, опять представляются сильные соблазны, но по иной причинѣ, именно по причинѣ смежности біологіи и соціологіи и множества точекъ соприкосновенія между ними. Поэтому и аналогическій методъ получаетъ здѣсь много случаевъ для своего примѣненія. И здѣсь мы видимъ заблужденія самыя разнообразныя. Блистательный примѣръ этого рода аналогій представляетъ попытка свести соціальный прогрессъ къ развитію органическому и понятіе общества къ понятію организма, т.-е.

http://rcin.org.pl

объяснить съ біологической точки зрѣнія самыя общественныя формы. Мы видѣли, что аналогія эта, отличающаяся радикальною ложностью, ухитряется, однако, свивать себѣ гнѣзда въ весьма замѣчательныхъ умахъ нашего времени. Здѣсь мы замѣтимъ только, что и Контъ не чуждъ этого воззрѣнія, которое повидимому, къ нему пристало меньше, нежели къ кому нибудь; впрочемъ, онъ развиваетъ его весьма мало и при томъ въ «Соціальной статикѣ", безспорно слабѣйшей части всего его курса философіи. Къ этой аналогіи мы, русскіе, особеннаго пристрастія не обнаружили, хотя и можно бы было указать на то, что переводчики и издатели сочиненій Спенсера и Дрэпера не обратили вниманія публики на незаконность этого обобщенія; а въ предисловіи къ русскому переводу Физіологіи Дрэпера имѣются даже, сколько помнится, похвалы идеѣ соціальнаго организма. Идея эта составляетъ точку исхода и для нѣкоторыхъ частныхъ аналогій, какъ, напримѣръ, для сравненія между возрастами недѣлимаго и общества и т. д.

Выше мы сказали, что Контовъ рядъ наукъ расположенъ такимъ образомъ, что каждая изъ нихъ пользуется законами всѣхъ предъидущихъ членовъ ряда, но не даетъ имъ ни одного закона въ обмѣнъ. Мы полагаемъ, что въ такомъ расположеніи заключается главнѣйшее достоинство классификаціи Конта. Однако, относительно этого пункта могутъ быть представлены нѣкоторыя фактическія и съ перваго взгляда очень основательныя возраженія. Бываютъ иногда, повидимому, случаи перенесенія законовъ высшей науки на явленія низшей, т.-е. движеніе, обратное общему ходу. Такимъ случаемъ, напримѣръ, кажется Спенсеру и другимъ (въ томъ числѣ и г. Стронину) распространеніе экономическаго закона раздѣленія труда на явленія развитія организмовъ. Легко, однако, видѣть, что физіологическое раздѣленіе труда, т.-е. раздѣленіе труда между органами одного и того же недѣлимаго, и раздѣленіе труда экономическое, т.-е. раздѣленіе труда между недѣлимыми одного и того же вида—не только не имѣютъ между собою ничего общаго, но даже взаимно исключаются. Гораздо болѣе основатель-

http://rcin.org.pl

ное возраженіе представляется въ словахъ Дарвина, что его теорія есть «приложеніе закона Мальтуса ко всему растительному и ко всему животному царству». Здѣсь выходитъ какъ будто, что соціологія, наука наиболѣе сложная и наименѣе общая, дала законъ біологіи, наукѣ болѣе простой и болѣе общей. Дарвинъ, разумѣется, правъ, когда говоритъ, что его теорія есть распространеніе закона Мальтуса, но и мы правы, утверждая, что высшая наука, пользуясь законами низшихъ, не даетъ имъ, съ своей стороны, ни одного закона. Во первыхъ, сколько намъ помнится, самъ Мальтусъ былъ наведенъ на свою теорію чисто біологическими фактами, и именно, кажется, мыслями Франклина о размноженіи насѣкомыхъ; но это, равно какъ и незнакомство предшественниковъ Дарвина съ Мальтусомъ, большаго значенія имѣть не можетъ. Такъ-какъ соціологическія явленія управляются, кромѣ своихъ собственныхъ законовъ, еще и законами всѣхъ низшихъ наукъ, то естественное дѣло, что на какомъ нибудь соціологическомъ явленіи можетъ быть открытъ и законъ низшей науки, напримѣръ, законъ біологическій. Организація рыбы есть фактъ біологическій и можетъ быть цѣлостно понятъ только съ біологической точки зрѣнія, но вотъ г. Стронинъ замѣтилъ въ этой организаціи механическій принципъ. Заключать изъ этого, что законъ біологіи простирается и въ предѣлахъ механики, какъ заключаетъ это г. Стронинъ, есть нелѣпость, но совершенно вѣрно обратное заключеніе того же г. Стронина, что біологическіе факты подчинены механическимъ законамъ. Можно допустить, что болѣе сложная наука, какова соціологія относительно біологіи или біологія относительно механики, вслѣдствіе ли большей доступности или практическихъ надобностей или иныхъ причинъ, *эмпирически* разработывается иногда раньше низшей науки. При этомъ послѣдняя можетъ получить отъ первой эмпирическую истину, пріобрѣтенную опытомъ или наблюденіемъ. Легко можетъ быть, что нѣкоторые механическіе законы и въ самомъ дѣлѣ получены въ эмпирическомъ видѣ путемъ наблюденія организаціи рыбы. Только въ этомъ смыслѣ и можно сказать, что иногда высшая и болѣе

http://rcin.org.pl

спеціальная наука даетъ законъ низшей и болѣе общей. Но это воззрѣніе крайне поверхностное и могущее вести за собой множество заблужденій, что мы и видимъ на г. Стронинѣ. Мы видѣли, что самостоятельное существованіе наукъ обусловливается только тѣмъ, что въ каждой изъ нихъ есть нѣкоторый остатокъ, который мы не можемъ свести къ законамъ болѣе простыхъ и общихъ наукъ. Поэтому низшая наука входитъ въ высшую всѣми своими частями, какъ напримѣръ механика въ астрономію; высшая же наука можетъ войти въ низшія только тѣми своими частями, которыя не составляютъ ея спеціальнаго остатка. И такъ-какъ этотъ остатокъ и составляетъ собственно существенный предметъ науки, то въ этомъ, болѣе точномъ смыслѣ мы и говоримъ, что высшая наука, пользуясь законами низшихъ, не даетъ имъ съ своей стороны ни одного закона. Наблюдая біологическій фактъ, хоть ту же организацію рыбы, мы видимъ, что она подчинена извѣстнымъ механическимъ законамъ равновѣсія и движенія; но признать эти законы біологическими мы не можемъ, во первыхъ, потому, что они не объясняютъ намъ всего біологическаго факта, а вовторыхъ, потому что они приложимы и къ такимъ явленіямъ, которыя, по свидѣтельству нашихъ чувствъ и нашего сознанія, имѣютъ мало общаго съ организаціей рыбы, напримѣръ къ небеснымъ тѣламъ. И то и другое побуждаетъ насъ признать, что хотя явленія равновѣсія и движенія наблюдались нами на біологическомъ фактѣ, но что они представляютъ собою законы не біологіи, а науки болѣе простой и общей. Точно также, если мы видимъ, что законъ Мальтуса можетъ быть въ лицѣ теоріи Дарвина распространенъ на всю органическую природу, то изъ этого слѣдуетъ заключить, что онъ есть законъ біологическій, а не соціологическій, т.-е. что онъ не захватываетъ того соціологическаго остатка, который не можетъ быть сведенъ ни къ законамъ біологіи, ни къ законамъ какой либо другой низшей науки. Здѣсь мы имѣемъ случай, о которомъ шла рѣчь выше. Самая сложная и самая спеціальная изъ всѣхъ наукъ — соціологія, имѣющая свой опредѣленный кругъ подвѣдомствен-

http://rcin.org.pl

ныхъ ей вліяній, именно явленій общественной жизни, открываетъ эмпирическую истину, которая цѣликомъ входитъ въ науку болѣе общую, біологію. Значитъ ли это, что соціологія дала законъ біологіи, какъ думаютъ многіе, или это значитъ, что біологія сама взяла свой собственный законъ, какъ думаемъ мы,—пусть теперь судитъ читатель. Во всякомъ случаѣ, мы признаемъ, что соціологія дала импульсъ, толчокъ біологіи. Точно также наблюденіе надъ организаціей рыбы могло дать импульсъ механикѣ. Но затѣмъ біологія, какъ наука, могла быть раціонально разработываема только уже послѣ систематизаціи механическихъ фактовъ, которая позволила раціонально объяснить эмпирически найденный нами на организаціи рыбы механическій законъ. Такимъ же образомъ соціологія, давъ эмпирическій толчокъ біологіи, должна ожидать отъ нея раціональной помощи вообще и въ частности для провѣрки закона Мальтуса, какъ закона соціологическаго. Біологія должна отвѣтить на тѣ вопросы, которые ей можетъ задать соціологія, какъ самостоятельная наука. Біологическій законъ борьбы за существованіе несомнѣнно обязателенъ для соціологіи. Но подъ борьбою за существованіе разумѣются вещи чрезвычайно различныя: двѣ собаки въ голодное время, говоритъ Дарвинъ, борятся за существованіе; «растеніе на окраинѣ пустыни борется съ засухой»; «растеніе, производящее ежегодно тысячу сѣмянъ, изъ которыхъ среднимъ числомъ лишь одно достигаетъ зрѣлости, борется съ подобными себѣ и иными растеніями, уже покрывающими почку»; омела, вырастающая на вѣткѣ яблони, борется съ яблоней, но сѣянки омелы борятся и между собою; та же омела борется «съ другими растеніями, посящими ягоды, соперничаетъ съ ними въ привлеченіи птицъ, которыя могли бы разнести ея сѣмяпа». Изъ этого слѣдуетъ, что теорія Дарвина утверждаетъ одинъ, чрезвычайно общій фактъ, именно что всякая индивидуализированная единица отъ послѣдняго лишая до человѣка живетъ, прямо или косвенно, насчетъ другихъ организованныхъ единицъ или насчетъ неорганической природы. При этомъ направленіе борьбы за существованіе, т.-е. устремится

http://rcin.org.pl

ли она въ данномъ недѣлимомъ на недѣлимыя одного съ нимъ вида, или на недѣлимыя другихъ видовъ, или наконецъ на мертвую природу, — это всецѣло зависитъ отъ тѣхъ частныхъ условій, въ которыя недѣлимое попадетъ. Г. Стронинъ совершенно справедливо замѣчаетъ, что самая возможность ежедневно обѣдать обусловливается для насъ борьбою за существованіе. Но г. Стронинъ можетъ добыть себѣ обѣдъ охотой, земледѣліемъ, и въ этомъ случаѣ обѣдъ будетъ результатомъ борьбы съ недѣлимыми другихъ видовъ и съ неорганической природой; можетъ онъ отнять, напримѣръ, у насъ обѣдъ прямо при помощи физической силы, можетъ отнять какъ нибудь косвенно—и такъ-какъ мы имѣемъ счастіе принадлежать къ виду homo sapiens, Linn., къ которому принадлежитъ и г. Стронинъ, то между этими случаями и первымъ будетъ, съ человѣческой точки зрѣнія, нѣкоторая разница. Предметъ соціологіи есть общественность, кооперація, и потому, принимая отъ біологіи законъ борьбы за существованіе, соціологія обязана опредѣлить, какое направленіе принимаетъ борьба подъ вліяніемъ кооперацій; и если существуетъ нѣсколько типовъ кооперацій, то какъ вліяетъ каждый изъ нихъ. Она должна прослѣдить эти вліянія не только въ человѣческомъ обществѣ, а и вездѣ, гдѣ существуетъ кооперація, то-есть и въ пчелиномъ ульѣ, и въ муравейникѣ, и въ колоніяхъ низшихъ животныхъ. При этомъ можетъ встрѣтиться надобность въ рѣшеніи вопроса объ условіяхъ большей или меньшей плодовитости, и этотъ вопросъ соціологія должна передать на разсмотрѣніе физіологіи. Добытые такимъ путемъ законы будутъ дѣйствительно соціологическіе законы и усмотрѣны они будутъ не съ біологической, а съ соціологической точки зрѣнія. Мы надѣемся представить читателю съ точки зрѣнія высказанныхъ здѣсь соображеній болѣе подробную параллель между теоріей Мальтуса и теоріей Дарвина. Здѣсь съ насъ достаточно сказаннаго и нижеслѣдующихъ замѣчаній по поводу взглядовъ одного русскаго писателя на значеніе теоріи Дарвина для соціологіи. Писатель этотъ—г. Бибиковъ; взгляды эти изложены имъ въ статьѣ «Сантиментальная философія» («Критическіе этюды»,

http://rcin.org.pl

этюдъ второй). Мы не видѣли русскаго перевода труда Мальтуса, въ предисловіи къ которому г. Бибиковъ возвращается, какъ намъ говорили, къ сопоставленію теорій Мальтуса и Дарвина; равнымъ образомъ не знаемъ мы ни чтеній г-жи Ройе, ни статьи «Дурные признаки», по поводу которыхъ написанъ этюдъ г. Бибикова; помнимъ только, что «Дурные признаки» принадлежатъ перу г. Страхова. Но это ничего не значитъ. Мы имѣемъ въ виду только вопросъ о границахъ естествознанія и общественной науки и о достоинствахъ того пріема, который употребляется г. Стронинымъ подъ именемъ аналогическаго метода. Далѣе мы наткнулись на то, что методъ этотъ заставлялъ еще недавно людей съ самыми чистыми стремленіями становиться, по недоразумѣнію, въ противорѣчіе съ исповѣдуемыми ими ученіями; что «инсинуаторы» наши, такъ голосисто горланившіе противъ «новыхъ людей», нетолько никогда не указывали и не могли указать на дѣйствительныя частныя ошибки своихъ противниковъ, но своей аргументаціей только напускали туману и способствовали, такъ-сказать, закрѣпощенію ошибки. Статья г. Бибикова даетъ возможность развить эти пункты. Г. Бибиковъ—новый человѣкъ, г. Страховъ — инсинуаторъ. Есть выраженія, до такой степени захватанныя нечистыми руками, что ихъ неловко выговорить. Къ такимъ принадлежитъ и выраженіе «новый человѣкъ». Во всякомъ случаѣ, надо оговориться. По отношенію къ постановкѣ общественныхъ вопросовъ новые люди исповѣдывали и исповѣдуютъ, что явленія общественной жизни повинуются извѣстнымъ законамъ, что школьная наука не знаетъ этихъ законовъ и потому не имѣетъ права на званіе науки, что единственнымъ типомъ науки представляется до сихъ поръ естествознаніе и что выводы, добытые естествознаніемъ, должны имѣть существенное вліяніе на построеніе настоящей общественной науки. Въ статьѣ своей г. Бибиковъ является, въ этомъ смыслѣ, новымъ человѣкомъ. «Дурные же признаки» г. Страхова могутъ служить очень типичнымъ представителемъ пріемовъ гг. инсинуаторовъ. А что такое «инсинуаторъ», мы говорили выше.

Г-жа Ройе, переведшая книгу Дарвина на французскій языкъ,

http://rcin.org.pl

сдѣлала изъ нея нѣсколько выводовъ въ примѣненіи къ общественнымъ вопросамъ. Нѣкоторые изъ нихъ приведены у г. Бибикова въ такомъ видѣ:

«Законъ естественнаго избранія, въ приложеніи къ современному человѣчеству, подрываетъ наши законы политическіе, гражданскіе, нравственные. «Чтобы убѣдиться въ этомъ, говоритъ г-жа Ройе, достаточно указать на преувеличеніе того состраданія, того милосердія, того братства, въ которомъ наша христіанская эра постоянно полагала идеалъ соціальной добродѣтели. На преувеличеніе даже самопожертвованія, состоящее въ томъ, что вездѣ и во всемъ сильные приносятся въ жертву слабымъ, добрые злымъ, существа, обладающія богатыми дарами духа и тѣла — существамъ порочнымъ и хилымъ. Что выходитъ изъ этого исключительнаго и неразумнаго покровительства, оказываемаго слабымъ, больнымъ, неизлечимымъ, даже самимъ злодѣямъ, словомъ всѣмъ, обиженнымъ природой? То, что бѣдствія, которыми они поражены, укореняются и размножаются безъ конца, что зло не уменьшается, а увеличивается и возрастаетъ насчетъ добра. Мало-ли на свѣтѣ этихъ существъ, которыя неспособны жить собственными силами, которыя всею своею тяжестью висятъ на здоровыхъ рукахъ и, будучи въ тягость себѣ самимъ и другимъ членамъ общества, гдѣ проходитъ ихъ чахлое существованіе, занимаютъ на солнцѣ больше мѣста, чѣмъ три индивидуума хорошей комплексіи. Тогда какъ эти послѣдніе нетолько жили бы съ полною силою для удовлетворенія своихъ собственныхъ потребностей, но могли бы произвести сумму наслажденій, превышающую то, что бы они сами потребили. Думали ли когда нибудь объ этомъ серьезно?»

Г. Бибиковъ признаетъ эти положенія г-жи Ройе, какъ логически вытекающія изъ теоріи Дарвина, неподлежащими опроверженію. «Сердиться на нихъ не приходится, не поможетъ». Продолжая ихъ, «г-жа Ройе приходитъ, наконецъ, къ тому заключенію, что такъ-какъ высшія расы произошли постепенно и что, слѣдовательно, въ силу закона прогресса, онѣ предназначены въ дальнѣйшемъ ходѣ замѣстить собою низшія расы, а

http://rcin.org.pl

не смѣшаться и слиться съ ними, причемъ онѣ подверглись бы опасности быть поглощенными этими расами посредствомъ скрещиваній, которыя понизили бы средній уровень породы, то нужно не разъ подумать объ этомъ, прежде чѣмъ провозглашать политическую и гражданскую свободу въ народѣ, состоящемъ изъ меньшинства индо-германцевъ и изъ большинства монголовъ или негровъ. Теорія Дарвина требуетъ поэтому, чтобы множество вопросовъ, слишкомъ поспѣшно рѣшенныхъ, было снова подвергнуто серьезному изслѣдованію. Люди неравны по природѣ, вотъ изъ какой точки должно исходить. Они неравны индивидуально даже въ самыхъ чистыхъ расахъ; а между различными расами эти неравенства получаютъ столь большіе размѣры въ умственномъ отношеніи, что законодатель никогда не долженъ упускать этого изъ виду».

Послѣдніе выводы, по мнѣнію г. Бибикова, «предлагаются на разсмотрѣніе науки и не претендуетъ на категорическое разрѣшеніе».

Г. Страховъ, какъ человѣкъ не безъ образованія, понимаетъ, что теорія Дарвина, хотя и не всѣми европейскими учеными признаваемая и принимаемая, имѣетъ тѣмъ не менѣе за себя столько данныхъ, что онъ, г. Страховъ, вынужденъ признать главныя черты ея «безъ сомнѣнія совершенно точными и вѣрными». Изъ этихъ совершенно точныхъ и вѣрныхъ чертъ теоріи Дарвина г-жа Ройе дѣлаетъ выводы. Выводы эти г. Страхову не нравятся. Что же, вы думаете, дѣлаетъ г. Страховъ? Опровергаетъ выводы, доказываетъ, что они нелогичны, не вытекаютъ изъ «безъ сомнѣнія совершенно точныхъ и вѣрныхъ положеній»? Этотъ вопросъ мы задали собственно для формы, ибо читатель очень хорошо понимаетъ, что никакихъ доказательствъ и опроверженій г. Страховъ не представляетъ. Онъ заявляетъ только: «Изученіе природы не все, что нужно; тому, кто смотритъ на это изученіе, какъ на живую струю, которая можетъ спасти жизнь дряхлѣющей цивилизаціи, слѣдуетъ указать на выводы, сдѣланные изъ великаго открытія природы г-жею Ройе: эти выводы приличны эпохѣ паденія».

http://rcin.org.pl

Это собственныя слова г. Страхова. Г. Бибиковъ приводитъ въ другомъ мѣстѣ слова того же г. Страхова, повидимому, нѣсколько перефразируя ихъ, однако вѣрно передавая ихъ тонъ и смыслъ: «Берегитесь! оглянитесь, куда ведутъ васъ естественные выводы вашей естественной науки, не сдержанной другими, болѣе глубокими основаніями! возвратитесь въ главное русло человѣческаго ума, или вы будете погребены подъ развалинами окружающей васъ жизни. Остерегитесь! дурные признаки! Смотрите, къ чему пришли вы, лишенные теплой вѣры, обойденные безотчетнымъ чувствомъ, вѣчно присущимъ человѣку! Дурные признаки!» Теперь всмотритесь же въ безобразіе этого пріема. A + B = C, говорите вы г. Страхову. Да, отвѣчаетъ онъ, это «совершенно точно и вѣрно». Слѣдовательно, продолжаете вы, A = C — B. Да, отвѣчаетъ г. Страховъ, это выводъ вѣрный, но только «въ эпоху паденія возможны такіе выводы». Неожиданность этого заявленія напоминаетъ слѣдующее мѣсто изъ послѣдней повѣсти Гл. Успенскаго:

— «Дубина!

— «Ну не больно... Не бывалъ дубиной! огрызался водовозъ.

«Этого было довольно, чтобы всѣ оскорбленныя временемъ внутренности Птицыной закипѣли кипучей смолой.

— «Ка-акъ! Мы подлые? восклицала она, захлебываясь отъ гнѣва»

Такъ всегда прорывается безсильная злоба, и эта неожиданность финала именно и составляетъ для нея наиболѣе характерный признакъ. Какъ справедливо говоритъ г-жа Птицына, она въ старое время этого самаго водовоза въ порошокъ бы растерла и по вѣтру развѣяла. И сдѣлала бы она это, конечно, не съ чувствомъ благорасположенія, но отнюдь и не съ такой злобой, съ какой ей теперь приходится повторять: «Мы здѣсь тридцать-восемь лѣтъ живемъ, а не подлые... Не подлячка я... не подлячка!.. У меня сыновья въ Польшѣ, а я не подлая!» Совершенно точно такъ же въ очень старое время гг. Страховы прямо обратились бы къ соотвѣтственнымъ собственноручнымъ исправительнымъ мѣрамъ. Во время, не очень старое, но все-таки старое, они сказали бы, что A = C — B совершенно такой же отвратительный и вредный вздоръ, какъ и

http://rcin.org.pl

самое А + В = С. Нынѣ же, захваченные волною цивилизаціи, они говорятъ, что А + В = С, что и А = С — В, но что послѣднее, оставаясь истиной, не имѣетъ права на существованіе. Они охотно стали бы на точку зрѣнія своихъ предковъ, но первобытная невинность ими уже утрачена, они изгнаны изъ рая, и имъ уже нѣтъ туда возврата. Они поневолѣ должны говорить, что, конечно, дескать, наука... мы съ большимъ уваженіемъ... и положенія ваши, и выводы совершенно вѣрны... А у самого оскорбленныя временемъ внутренности кипятъ кипучей смолой. Какъ хотите, а положеніе это въ такой мѣрѣ непріятно и для чувства собственнаго достоинства оскорбительно, что поневолѣ крикнешь: «Мы здѣсь тридцать-восемь лѣтъ живемъ, а не подлые! Не подлячка я, не подлячка, у меня сыновья въ Польшѣ!» Съ другой стороны, всмотритесь въ положеніе водовоза. Ему приходится, вопервыхъ, заниматься своимъ дѣломъ; вовторыхъ, нарировать ничѣмъ невызванныя ругательства г-жи Птицыной; втретьихъ, наконецъ, доказывать, что онъ и не думалъ отрицать факта пребыванія сыновей г-жи Птицыной въ Польшѣ. Примите далѣе въ соображеніе, что при этой сценѣ можетъ присутствовать городовой, заранѣе предубѣжденный не въ пользу водовоза, что городовой этотъ можетъ на слово повѣрить г-жѣ Птицыной, какъ дамѣ завѣдомо благонадежной. Вы видите, что среди этихъ огней водовозъ легко можетъ потерять хладнокровіе и въ самомъ дѣлѣ сказать, что у г-жи Птицыной нѣтъ сыновей въ Польшѣ, тогда какъ фактъ этотъ, можетъ быть, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Ясно, что г-жѣ Птицыной слѣдуетъ въ этомъ разѣ предъявить какія нибудь документы, аргументы, доказательства. Но такъ-какъ всякіе документы у нея уже давно затерялись, то, вмѣсто предъявленія ихъ, она просто кричитъ: «Городовой!» Такъ поступаетъ и г. Страховъ. Документы о пребываніи его сыновей въ Польшѣ (мы говоримъ, конечно, иносказательно) имъ давно затеряны.

Насъ, однако, интересуетъ здѣсь не столько г. Страховъ, сколько г. Бибиковъ. Г. Бибиковъ видитъ съ одной стороны

http://rcin.org.pl

логическій выводъ изъ признаваемаго имъ естественно-научнаго обобщенія, а съ другой ему приподноситъ г. Страховъ заявленіе о пребываніи своихъ сыновей въ Польшѣ и о своей тридцати-восьмилѣтней давности. Какъ человѣкъ, имѣющій уваженіе къ логикѣ, г. Бибиковъ становится на сторону г-жи Ройе и заявляетъ г. Страхову, что ему никакого дѣла нѣтъ до его сыновей въ Польшѣ и до его давности. Г. Страховъ настаиваетъ. Еслибы онъ не настаивалъ, было бы гораздо лучше. Г. Бибиковъ сосредоточилъ бы свое вниманіе на выводахъ г-жи Ройе и хладнокровно оцѣнилъ и взвѣсилъ бы ихъ. Теперь же вниманіе его раздваивается. Прежде всего онъ хочетъ доказать г. Страхову, что мыслитель этотъ говоритъ несообразности. Онъ это дѣлаетъ. Онъ доказываетъ г. Страхову, что если тотъ признаетъ вѣрнымъ основное положеніе, признаетъ правильнымъ сдѣланный изъ него выводъ, то затѣмъ немыслимо уже возмущаться выводомъ. Безъ всякаго сомнѣнія, г. Страховъ рѣшается продѣлать этотъ кунстштюкъ подъ вліяніемъ чувства, весьма похвальнаго. Выводы г-жи Ройе кажутся ему жесткими и безчеловѣчными, и онъ, вопреки логикѣ, отказывается ихъ принять изъ человѣколюбія. Мы утверждаемъ поэтому, что чувство, руководящее г. Страховымъ, весьма похвально. Сказать же публично, что данное предложеніе составлено во всѣхъ частяхъ его вѣрно, но что тѣмъ не менѣе у меня есть сыновья въ Польшѣ—сказать это публично—это положительно подвигъ самоотверженія. Серьёзно. Однако, такъ-какъ при этомъ еще призывается городовой, то это есть, кромѣ того, инсинуація. Смущенный этою противоестественною смѣсью, увлеченный горячностью спора, при очевидномъ ничтожествѣ своего противника, г. Бибиковъ неосторожно утверждаетъ, что никакихъ сыновей въ Польшѣ и никакой тридцати-восьмилѣтней давности у г. Страхова никогда не бывало.

Г. Страховъ ратуетъ во имя чувства. Г. Бибиковъ видитъ, что это должно быть очень ненадежное чувство, если оно, въ научномъ вопросѣ, не признаетъ авторитета логики. Но, среди тѣхъ трудностей, въ которыя попадаетъ г. Бибиковъ, онъ, къ

http://rcin.org.pl

сожалѣнію, забываетъ, что таково только личное чувство г. Страхова, и, вслѣдствіе этого, говоритъ, что въ вопросахъ науки чувство не должно имѣть никакого участія. Это рѣшеніе съ разбѣгу вводитъ въ его дальнѣйшія соображенія многія противорѣчія, что́, разумѣется, очень прискорбно. Онъ говоритъ, что «сантиментальность боится истины», и что естествознаніе «изгонитъ сантиментальную философію съ площадей и закоулковъ науки. Въ области спеціальныхъ наукъ, математическихъ и естественныхъ, уже теперь нѣтъ мѣста для сантиментальной философіи. Сердись она или не сердись, страдай или радуйся, что въ сѣрнистой кислотѣ человѣкъ задыхается, что камень по закону тяжести падаетъ на голову, что патологическое состояніе разрушаетъ организмъ, что часть меньше цѣлаго, для химіи, для жизни, для физіологіи, для математики— это все равно». «Сердись или не сердись сантиментальная философія, законъ преобладанія естественно избранныхъ, сильныхъ, отстраненія немощныхъ, слабыхъ, вырождающихся всегда существовалъ». «Сантиментальная философія сознательно поставляетъ для себя иной законъ, иную норму, иной идеалъ, чѣмъ тѣ законы и идеалы, которымъ слѣдуетъ природа». Тутъ есть, очевидно, нѣкоторое недоразумѣніе. Конечно, сердиться на то, что въ сѣрнистой кислотѣ человѣкъ задыхается, могутъ только гг. Страховы. Ихъ негодованіе тѣмъ именно и отличается, что всегда становится въ разрѣзъ съ истиной. Но не одни они «сознательно поставляютъ себѣ иной идеалъ, чѣмъ тотъ, которому слѣдуетъ природа». Собственно говоря, природа не слѣдуетъ никакому идеалу; идеалъ есть продуктъ человѣческаго творчества, и въ актѣ этого творчества необходимо участвуетъ и чувство. Дѣло только въ томъ, какъ и куда направляется это чувство. Вы видите, напримѣръ, что извѣстныя обстоятельства аккуратно каждый день вынуждаютъ нѣсколько человѣкъ отправляться въ помѣщеніе, наполненное парами сѣрнистой кислоты, и тамъ задыхаться. Если это вамъ нравится, вы говорите: пусть себѣ отправляются и задыхаются, вашъ идеалъ совпадаетъ съ дѣйствительностью. Если же нѣтъ,

http://rcin.org.pl

то-есть, если чувство ваше возмущается этимъ зрѣлищемъ, у васъ создается извѣстный идеалъ, степень годности котораго всецѣло зависитъ отъ вашей предварительной внутренней работы. Идеалъ вашъ можетъ стать въ совершенное противорѣчіе съ непоколебимымъ закономъ природы, и тогда васъ ожидаетъ печальная будущность. Въ составъ вашего идеала можетъ, напримѣръ входить представленіе о сѣрнистой кислотѣ, которая, оставаясь сѣрнистой кислотой, не мѣшала бы человѣку дышать. Идеалъ этотъ недостижимъ, и потому, если вы человѣкъ крупный, если вы, дѣйствительно, принимаете близко къ сердцу судьбу людей, вынужденныхъ ежедневно отправляться въ помѣщеніе съ парами сѣрнистой кислоты, то можете въ одинъ прекрасный день сойти съ ума или разбить себѣ лобъ. Если же вы калибромъ помельче, то станете негодовать на свойства сѣрнистой кислоты: ахъ, дескать, какъ это печально и нехорошо, что въ сѣрнистой кислотѣ трудно дышать; если же вы еще помельче, то просто скажете, что и вздоръ это совсѣмъ, будто въ сѣрнистой кислотѣ нельзя дышать, хотя надъ собой и не рѣшитесь сдѣлать опытъ. Все это рѣшенія сантиментальной философіи. Но вотъ является другой человѣкъ, не менѣе васъ чувствующій, но болѣе васъ благоразумный. Онъ не отказывается отъ чувства негодованія, но направляется у него оно не на свойства сѣрнистой кислоты, а на тѣ обстоятельства, которыя вынуждаютъ людей задыхаться въ ней. Онъ нетолько не косится на законъ природы, но ищетъ и другихъ, извѣстная комбинація которыхъ могла бы поставить людей внѣ вліянія сѣрнистой кислоты. Точно такъ же и въ вопросѣ о преобладаніи сильныхъ надъ слабыми, здоровыхъ надъ больными, умныхъ надъ глупыми. Если вамъ это нравится, и прекрасно. Если же нѣтъ, то вы, подобно Страхову, заговорите о сыновьяхъ въ Польшѣ. Или же, признавъ преобладаніе сильныхъ, здоровыхъ, умныхъ закономъ природы, вы станете искать тѣхъ законовъ кооперацiи, которыми устранялось бы присутствіе слабыхъ, больныхъ, глупыхъ, то-есть, не отрицая закона конкуренціи, вы постараетесь только вырвать изъ-подъ него почву. Изъ этого

http://rcin.org.pl

видно, что чувство нетолько можетъ уживаться съ истиной, не вступая въ безплодныя пререканія съ нею, но можетъ даже способствовать пріобрѣтенію дальнѣйшихъ истинъ. Г. Бибиковъ понимаетъ все это не хуже насъ и, очевидно, увлекся, единственно только благодаря инсинуаторскимъ пріемамъ г. Страхова. Однако, бѣда родитъ бѣду и противорѣчіе противорѣчіе. Основное положеніе г. Бибикова состоитъ въ томъ, что конкуренція и борьба за существованіе стремятся поднять уровень породы и суть, слѣдовательно, орудія прогресса: сильные выживаютъ, слабые вымираютъ и родъ человѣческій вслѣдствіе этого прогрессируетъ. Слѣдовательно, все слабое должно быть, по справедливости, обречено смерти и страданія слабыхъ совершенно законны. Поэтому, г. Бибиковъ разсуждаетъ такъ: «Когда въ семействѣ много дѣтей, а ѣсть нечего, Мальтусъ простодушно принималъ это за несчастіе. Теперь же мы видимъ, что чѣмъ больше дѣтей, тѣмъ лучше, тѣмъ сильнѣе можетъ дѣйствовать законъ конкуренціи. Слабые погибнутъ, и выдержатъ борьбу только естественно избранные». Кажется вѣдь, какой жесткій приговоръ; г. Бибикокъ даже съ нѣкоторымъ задоромъ ставитъ его передъ г. Страховымъ. Вѣчно будетъ тянуться конкуренція, вѣчно будутъ мереть съ голоду нѣкоторые члены такихъ семействъ, въ которыхъ много дѣтей, но это не бѣда, ибо родъ человѣческій этимъ путемъ прогрессируетъ, такъ-сказать, питаясь мясомъ нѣкоторыхъ представителей человѣчества. Однако, г. Бибиковъ недолго удерживается на этой точкѣ зрѣнія. На вопросъ о томъ, — кто же естественно избранные, г. Бибиковъ указываетъ на вымираніе Меровинговъ, Капетинговъ и другихъ «поколѣній бѣлой кости». Далѣе, принимая на себя защиту словъ г-жи Ройе о неосновательности покровительства «слабымъ, немощнымъ и преступнымъ», онъ чувствуетъ, что тутъ есть что-то неладное, однако удачно справляется съ дѣтьми и преступниками; онъ утверждаетъ, что покровительство имъ отнюдь не противорѣчитъ выводамъ г-жи Ройе, потому что какъ въ ребенкѣ, такъ и въ преступникѣ цѣнится возможность, будущая польза для рода и вида. «То же, прибавляетъ г. Биби-

http://rcin.org.pl

ковъ, слѣдуетъ сказать и о старикѣ. Совѣстно впрочемъ и доказывать подобныя вещи. Ликурговы воззрѣнія на старость не привились и, во имя нашего достоинства, смѣемъ думать, никогда не привьются къ человѣчеству». Это вѣдь ужь, пожалуй, тоже сантиментальная философія. Въ заключеніе г. Бибиковъ говоритъ: «Не слѣдовало ли бы подумать обратно: что мысль и дѣятельность человѣка всегда и безусловно должны бы были направляться на помощь слабости, безсилію, беззащитности изъ за той же пользы для рода? Въ безчисленномъ множествѣ случаевъ такъ и выходитъ—вотъ почему состраданіе и дѣятельная помощь слабымъ, безсильнымъ и беззащитнымъ входятъ такимъ широкимъ элементомъ въ гуманное чувство или, что то же, въ чувство человѣческое, родовое, они даже составляютъ основу для него». Не такъ, значитъ, страшенъ чортъ, какъ его сначала намалевалъ г. Бибиковъ. Однако, противорѣчія его приличны не «эпохѣ паденія», а напротивъ эпохѣ зарожденія, эпохѣ молодой, неустановившейся мысли, но мысли ищущей, мысли, жаждущей истины, эпохѣ чувства самой горячей любви къ человѣчеству. Безъ всякаго сомнѣнія, это безконечно выше тридцати-восьмилѣтней давности г. Страхова, которая значительно способствуетъ сбивчивости въ мысляхъ и взглядахъ «новыхъ людей», только раздражая ихъ своимъ вмѣшательствомъ и нигдѣ не указывая признаковъ заблужденія. Мы надѣемся современемъ показать, что нѣкоторыя стороны кооперація, будучи извѣстнымъ образомъ развиты, имѣютъ свойство, не нарушая непреложнаго закона конкуренціи, выводить людей изъ-подъ его вліянія. При этомъ мы не совсѣмъ сойдемся съ г-жею Роше. Допустимъ, что наши выводы будутъ ясны какъ день; допустимъ, что даже гг. Страховы должны будутъ сказать: да, $A+B=C$ и потому $A=C-B$, это вѣрно. Что же, вы думаете, они перестанутъ кричать о своихъ сыновьяхъ въ Польшѣ и призывать городоваго? Ничуть не бывало.

Мы искренно сожалѣемъ о томъ, что у нашей молодежи вырывались еще недавно фразы въ родѣ: «нравственно то, что естественно», «любовь исчерпывается половымъ влеченіемъ» и т. д

http://rcin.org.pl

Мы искренно рады, что фразы эти такъ рѣдко отзывались на дѣлѣ. Но мы утверждаемъ, что настоящіе виновники всѣхъ этихъ приложеній аналогическаго метода суть господа инсинуаторы. Это ихъ дѣло. Я ищу правилъ жизни, я ищу истины, добра, счастія. Я дѣлаю, положимъ, легкую ошибку. Въ ту же минуту мнѣ предлагаютъ сыновей въ Польшѣ и тридцати-восьмилѣтнюю давность и призываютъ городоваго. Какъ! Эта убогая, искалѣченная, заплесневѣлая мораль, немирящаяся съ знаніемъ и призывающая на помощь городоваго, есть нравственность? Эта дикая похоть, отрѣзывающая человѣка отъ всего міра, есть любовь? Долой же эту нравственность и любовь! Я найду въ природѣ типы другой нравственности и другой любви. Но въ природѣ нѣтъ нравственности. Нравственное, значитъ, желательное; естественное, значитъ, необходимое, — это двѣ различныя категоріи. Человѣкъ обязанъ сочетать ихъ для себя, но найдти сочетаніе ихъ въ природѣ нельзя, а еслибы было возможно, то природа оказалась бы глубоко безнравственною. Въ то время, какъ я страстно ищу нормальнаго сочетанія желательнаго съ необходимымъ, въ то время, какъ я душою и тѣломъ отдаюсь этимъ поискамъ, мнѣ продолжаютъ кричать о тридцати-восьмилѣтней давности и предлагать сыновей въ Польшѣ. Мнѣ приходится огрызаться, искать глазами городоваго, и все-таки преслѣдовать завѣтную мысль. Оглушенный всѣмъ этимъ, я хватаюсь за аналогическій методъ. Вопли о тридцати-восьмилѣтней давности раздаются еще громче, и чѣмъ больше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ. Но на дѣлѣ я все такъ же страстно желаю блага, на дѣлѣ я люблю самою чистою любовью и только изрѣдка въ частностяхъ сбиваюсь на практическомъ пути...

Кто виноватъ и кто правъ? Кто чистъ, несмотря на укоры въ грязи, и кто грязенъ, несмотря на сыновей въ Польшѣ?

---

http://rcin.org.pl

Суздальцы и суздальская критика *).

Физическое основаніе жизни. Новая философія и позитивизмъ. Лекція *Гексли*. („Космосъ". Второе полугодіе. № 2).

Позитивизмъ и современная наука. Огюстъ Контъ и Гексли. *Р. Конгрева*. (Id. № 4).

Позитивизмъ и современная наука. Отвѣтъ *Гексли* Конгреву (Id. № 5).

Было время,—и оно еще и теперь не совсѣмъ кончилось, — когда романисты изображали въ своихъ произведеніяхъ не живыхъ людей, а нѣкоторыя реализированныя отвлеченія. Писатель бралъ какое-нибудь нравственное или умственное качество, положительное или отрицательное, похвальное или непохвальное, тщательно очищалъ его отъ постороннихъ примѣсей и затѣмъ облекалъ соотвѣтственными плотью и кровью. Въ злодѣяхъ, фигурировавшихъ въ подобныхъ произведеніяхъ, никогда, ни разу во всю жизнь не пробивалась ни одна искра божія; на добродѣтельныхъ людяхъ не было и намека на какое либо пятно. И какъ бы все еще недовѣряя своимъ силамъ, все еще недовольный полнотою реализаціи отвлеченія, романистъ придавалъ злодѣю безобразный физическій обликъ и прозвище Ножова, Злодѣева, Воровскаго, Гордячкина, а добродѣтели — ангельскую

*) 1870, апрѣль.

http://rcin.org.pl

красоту и звучное имя графа Добротворова, княгини Великодушиной и проч. Конечно, теперь намъ трудно читать безъ смѣха произведенія, въ которыхъ этотъ эстетическій пріемъ проявляется въ полной силѣ, но не слѣдуетъ забывать, что онъ составлялъ совершенно законный продуктъ своего времени. Здѣсь въ литературѣ, какъ въ зеркалѣ, отразилась вся суть извѣстной ступени общественнаго развитія. Въ этомъ эстетическомъ пріемѣ можно замѣтить, вопервыхъ, послѣднюю, въ своей серіи явленій, отрыжку древняго вѣрованія, что Богъ не одного Каина отмѣтилъ своимъ собственнымъ перстомъ, но отмѣчаетъ вообще людей, какъ порочныхъ, такъ и безпорочныхъ. Далѣе, слѣдуетъ имѣть въ виду, что отцы и дѣды наши, въ силу окружавшихъ ихъ формъ общественности, любили и должны были любить психическую оцѣнку одноцвѣтную и яркую, какъ красная рубаха: одинъ неловкій или недостойный шагъ,—и человѣкъ изъ согрѣшившаго превращался въ грѣшника, изъ сдѣлавшаго глупость—въ глупца; одинъ честный и благородный поступокъ,—и вмѣсто человѣка передъ обществомъ стоитъ ярко вычищенная медаль за спасеніе погибающихъ, и у этой медали нѣтъ оборотной стороны. Барство и рабство, «либо въ зубы, либо ручку пожалуйте»,—вотъ что носилось въ воздухѣ и сказалось въ суздальской работѣ старинныхъ романистовъ. Только съ теченіемъ времени, по мѣрѣ того, какъ исторія заставляла людей становиться ближе другъ къ другу, другъ къ другу, такъ сказать, прижиматься, явилась возможность болѣе многосторонняго психическаго анализа. Мало по малу явилось и окрѣпло убѣжденіе, что одноцвѣтныхъ людей въ жизни не бываетъ, что всѣ мы люди болѣе или менѣе пестрые, на которыхъ окружающія условія иногда самымъ причудливымъ образомъ располагаютъ перемежающіяся и пересѣкающіяся полосы свѣта и тѣни. Разобрать эти полосы свѣта и тѣни, разглядѣть и различить ихъ, не разсѣкая однако въ то же время цѣльной индивидуальности,—такова одна изъ задачъ современнаго искусства. Работа эта нелегкая, и европейская поэзія могла подойти къ ней, только

http://rcin.org.pl

пройдя сквозь горнило байронизма и романтизма съ его знаменитою формулою—le laid c'est le beau.

Очевидно, что альтернатива «или въ зубы или ручку пожалуйте» имѣетъ двоякаго рода корни: незнакомство со степенью вліянія обстоятельствъ на складъ души, и недостатокъ уваженія къ тѣмъ качествамъ, за которыя суздалецъ (употребляю это выраженіе для краткости) желаетъ поцѣловать ручку, равно какъ и недостатокъ ненависти къ качествамъ противоположнымъ, за которыя тотъ же суздалецъ готовъ разбить зубы. Такая постановка вопроса можетъ показаться парадоксальною, но она совершенно вѣрна. О старинныхъ романахъ и господствующей въ нихъ суздальской, одноцвѣтной оцѣнкѣ мы заговорили только для сравненія. Занимаютъ же насъ здѣсь барскія и рабскія отношенія не къ художественнымъ образамъ, а къ системамъ, теоріямъ и къ живымъ людямъ, поскольку они являются носителями и представителями различныхъ философскихъ, научныхъ, общественныхъ системъ и теорій. Если легкомысленный человѣкъ, знакомясь съ рядомъ сочиненій извѣстнаго автора, какъ-нибудь нечаянно наткнется въ нихъ прежде всего на какую-нибудь очевидную ошибку, то онъ, не разбирая, поскольку эта ошибка вяжется съ совокупностью взглядовъ автора, станетъ къ автору въ отношенія барскія; его девизомъ станетъ энергическое «въ зубы». Если, наоборотъ, легкомысленный человѣкъ наткнется на мысль, ясную, какъ божій день, то, хотя бы эта мысль и не занимала особенно виднаго мѣста въ соображеніяхъ автора, легкомысленный человѣкъ лобъ прошибетъ, клапяясь ему. Это еще лучшія изъ барскихъ и рабскихъ отношеній къ мыслителю, потому что легкомысленный человѣкъ можетъ схватить свое «либо въ зубы, либо ручку пожалуйте» просто съ вѣтру. Во всякомъ случаѣ, элементы этой альтернативы тѣ же самые, что и въ суздальской фабрикаціи героевъ старинныхъ романовъ: недостаточное знакомство съ предметомъ, которому человѣкъ покланяется, или который предается имъ оплеванію, и недостатокъ уваженія къ тѣмъ самымъ началамъ, во имя которыхъ, повидимому, поклоненіе и оплеваніе происходятъ. Это

http://rcin.org.pl

основанія, общія для всякаго проявленія принципа такъ-называемой безусловной вмѣняемости,—положительной и отрицательной,—взваливающей на личность безусловную отвѣтственность за все когда либо и при какихъ либо обстоятельствахъ этою личностью сдѣланное. При этомъ промахи и удачныя мысли, ошибки и хорошія дѣла естественно получаютъ несоотвѣтственные ихъ дѣйствительному значенію размѣры, и вышеприведенная альтернатива всплываетъ неизбѣжно. Всѣми силами души желали бы мы предостеречь читателя отъ такого суздальства вообще и отъ такого суздальскаго отношенія къ мыслителямъ въ особенности. Да не подумаетъ однако читатель, чтобы мы приглашали его къ эклектизму. Напротивъ, мы рекомендуемъ ему полную оригинальность и самостоятельность мысли. Эклектизмъ исходитъ изъ того убѣжденія, что во всѣхъ, когда либо существовавшихъ теоріяхъ и системахъ есть извѣстная доля истины и извѣстная доля заблужденія. Мы же твердо вѣримъ, что есть системы и теоріи, въ которыхъ нѣтъ ничего истиннаго. Эклектизмъ, далѣе, строитъ на своемъ основномъ положеніи методъ, который мы, не обинуясь, можемъ назвать однимъ изъ самыхъ плохихъ философскихъ методовъ. Эклектизмъ полагаетъ, что путемъ сопоставленія различныхъ системъ и теорій можетъ быть получена истинная теорія, ибо, при сопоставленіи, заблужденія въ ту и другую сторону взаимно сокращаются и остается только одна чистая истина. Пріемъ этотъ, не говоря о прочихъ его недостаткахъ, вовсе не исключаетъ возможности барскихъ и рабскихъ отношеній къ мыслителямъ. Сравнивайте всевозможныя системы и теоріи, сопоставляйте ихъ сколько хотите,— это дѣло очень полезное, но не надѣйтесь встрѣтить во всѣхъ нихъ истину и не надѣйтесь получить истину при помощи сложенія и вычитанія, къ которымъ сводится вся работа эклектиковъ. Барско-рабскій элементъ даже неизбѣженъ при подобной работѣ, потому что приступать къ ней человѣкъ можетъ, а въ принципѣ даже долженъ, безъ всякихъ собственныхъ убѣжденій и взглядовъ. Тогда какъ отсутствіе барско-рабскаго легкомыслія обусловливается присутствіемъ твердыхъ убѣжденій и глубокаго и искрен-

http://rcin.org.pl

яго уваженія къ тѣмъ началамъ, которыя человѣкъ исповѣдуетъ, которыя онъ признаетъ своими. Еслибы суздальскій романистъ дѣйствительно уважалъ великодушіе, онъ бы непремѣнно увидѣлъ, что его княгиня Великодушина таскаетъ дѣвокъ за волосы; точно также, еслибы онъ дѣйствительно презиралъ порокъ, то никакой надобности валить всѣ шишки на какого-нибудь бѣднаго Макара ему бы не предстояло. Онъ и съ великодушіемъ и съ порокомъ собственно такъ мало даже знакомъ, что каждую минуту дрожитъ, какъ бы ему не промахнуться, и торопливо взваливаетъ гору достоинствъ одесную и гору недостатковъ ошую. Писатель, дѣйствительно уважающій великодушіе, не стѣснится представить его въ образѣ Квазимодо и подслушаетъ его и у разбойника. Суздальскій романистъ трусъ. Всякая трусость есть невѣріе въ свои силы, въ себя, трусость нравственная— невѣріе въ свои идеалы. Конечно, наша старая Русь, представлявшая такой изумительный механизмъ въ видѣ восходящей системы лакеевъ, если смотрѣть на машину снизу, и нисходящей системы баръ, если смотрѣть сверху, не могла способствовать укрѣпленію нравственной смѣлости, но мы можемъ имѣть то печальное утѣшеніе, что и въ старой Европѣ многіе не брезгаютъ легкимъ дѣломъ осуществленія принципа «либо въ зубы, либо ручку пожалуйте». Само собою разумѣется, что осуществленіе это можетъ иногда имѣть мѣсто не по легкомыслію осуществляющаго, а по его злонамѣренности. И не всегда можно отличить легкомысліе отъ злонамѣренности, тѣмъ болѣе, что послѣдняя можетъ иногда получить довольно благовидную наружность, представляя продуктъ временнаго личнаго раздраженія, а не постояннаго злостнаго, сознательнаго, систематическаго напиранія въ извѣстную сторону.

Суздалецъ—трусъ. Но, въ предѣлахъ, огороженныхъ его трусостью, онъ смѣлъ до... чего хотите. Онъ не посмѣетъ подсмотрѣть великодушіе въ разбойникѣ, но та беззавѣтная храбрость, съ которою онъ наваливаетъ добродѣтели на издыхающаго подъ этою ношею графа Добротворова, та беззавѣтная смѣлость, съ которою онъ валитъ шишки на бѣднаго Макара, — по истинѣ

http://rcin.org.pl

изумительна. Суздалецъ не посмѣетъ найти свѣтлую точку ни въ доктринѣ, находящейся почему-нибудь въ опалѣ, ни въ ея живыхъ представителяхъ, но храбрость его граничитъ съ геройствомъ, когда онъ начинаетъ по своему бомбардировать подлежащихъ бомбардированію. Суздалецъ—это заяцъ съ львиной гривой. Это весьма топорной работы музыкальный инструментъ, способный воспроизводить только двѣ ноты, но въ то же время способный всякаго оглушить усернымъ воспроизведеніемъ этихъ двухъ нотъ. Ревность онъ имѣетъ не по разуму. Все или ни чего — вотъ съ какимъ требованіемъ подходитъ онъ ко всякому ученію, ко всякой школѣ, ко всякой партіи, ко всему, однимъ словомъ, къ чему онъ только подходитъ. Какой тебя краской съ ногъ до головы вымазать, красной или желтой? «Въ зубы или ручку пожалуйте?» — вотъ вопросы, постоянно волнующіе суздальца. И какъ только суздалецъ — какой бы то ни было степени, отъ легчайшаго легкомыслія до тяжеловѣснѣйшей недобросовѣстности — примется за свое малярное дѣло, вы тотчасъ же по пріемамъ его узнаете, что въ его духовномъ нутрѣ не хватаетъ именно той свѣтлой краски, которую онъ столь усердно и широко расточаетъ, а присутствуетъ, напротивъ, та темная краска, на которую онъ впрочемъ не менѣе щедръ. Нарисовалъ вамъ романистъ одноцвѣтнаго графа Добротворова,—будьте увѣрены, что романистъ во всю свою жизнь ни одного добраго дѣла не сдѣлалъ, даже не знаетъ и понять не можетъ, какъ эти самыя добрыя дѣла дѣлаются.

Въ прошломъ году въ журналѣ «Заря» была напечатана, если не великая, какъ полагаетъ сама «Заря», то очень большая статья г. Данилевскаго «Европа и Россія». Въ главѣ, напечатанной въ майской книжкѣ, г. Данилевскій желаетъ опредѣлить «различіе въ психическомъ строѣ» народовъ славянскихъ съ одной стороны и романо-германскимъ съ другой. Къ дѣлу этому онъ приступаетъ, повидимому, съ большою осторожностью. Онъ говоритъ, что нельзя такъ-себѣ, зря, ухватиться за какую-нибудь этнографическую особенность и на ней выстроить цѣлый народный характеръ, что въ этомъ случаѣ нельзя довѣряться даже са-

http://rcin.org.pl

мымъ добросовѣстнымъ и наблюдательнымъ путешественникамъ, ибо, справедливо разсуждаетъ г. Данилевскій, одинъ путешественникъ случайно наталкивается на одно свойство, другой столь же случайно встрѣчаетъ другое, и трудно судить, которое изъ этихъ свойствъ для даннаго народа наиболѣе характеристично. Для открытія въ народномъ характерѣ дѣйствительно національныхъ и притомъ достаточно важныхъ чертъ, слѣдуетъ обратиться къ исторіи народа. Если намъ удастся прослѣдить во всей исторической жизни народа одну какую-нибудь особенность, проявляющуюся такъ или иначе, но постоянно, то можно утвердительно сказать, что эта особенность и важная и характерная. Такъ разсуждаетъ г. Данилевскій, разсуждаетъ прекрасно, и вы никакъ не ожидаете, что это не болѣе, какъ приготовленіе къ суздальской работѣ. Немедленно вслѣдъ за своимъ прекраснымъ разсужденіемъ г. Данилевскій заявляетъ: «Одна изъ такихъ чертъ, общихъ всѣмъ народамъ романо-германскаго типа, есть *насильственность* (Gewaltsamkeit)». Затѣмъ г. Данилевскій ровно на *четырехъ* страницахъ комкаетъ полторы тысячи лѣтъ европейской исторіи для доказательства своего положенія, и *четыре* же страницы употребляетъ на прогулку по исторіи русской для изысканія въ ней слѣдующаго: «вообще не интересъ составляетъ главную пружину, главную двигательную силу русскаго народа, а внутреннее, нравственное сознаніе, медленно подготовляющееся въ его духовномъ организмѣ, но всецѣло обхватывающее его, когда настаетъ время для внѣшняго практическаго обнаруженія и осуществленія». Таковъ путь, избранный г. Данилевскимъ для рѣшенія важнаго и многотруднаго вопроса о преобладающихъ чертахъ всего романо-германскаго и всего славянскаго міра, за все время ихъ существованія. Почтенный сочинитель полагаетъ, что это путь единственный, за неимѣніемъ такой статистики, которая могла бы числами выразить относительную частость или рѣдкость проявленія того или другаго качества, въ томъ или въ другомъ народѣ. Кое-какая статистика этого рода, впрочемъ, имѣется, но, къ сожалѣнію, она не разрѣшаетъ подлежащаго вопроса съ суздальскою смѣлостью трусости или трусостью смѣ-

http://rcin.org.pl

лости. По этому поводу я разскажу анекдотъ. Разъ какъ-то я былъ въ здѣшнемъ университетѣ на защищеніи магистерской диссертаціи. Въ диссертаціи находилась, между прочимъ, статистическая таблица, приведшая въ большое изумленіе одного изъ оффиціальныхъ оппонентовъ. «Помилуйте, — укорялъ онъ магистранта, — вы говорите, что въ Баденѣ приходится одинъ подсудимый на 245 жителей, а въ Ганноверѣ 1 на 12. Вѣдь и то Германія, и это Германія», и оппонентъ развелъ руками. Магистрантъ отвѣтилъ, что цифры эти заимствованы имъ изъ извѣстнаго труда Легуа и что Германія Германіи рознь... Оппонентъ былъ изъ любителей суздальской живописи: коли — молъ—называешься ты Германіей, то ведп себя погермански, а то что это за безпорядки? только мыслителей съ толку сбиваешь... Но я припоминаю опять анекдотъ. Одному древнему скептику показывали въ храмѣ изображенія людей, которые исполнили обѣты, данные ими богамъ въ минуту кораблекрушенія. «Неужели — спрашивали скептика жрецы — неужели ты и теперь не вѣришь въ нашихъ боговъ? Ты видишь, — вотъ сколько людей спаслось обѣщаніемъ совершить богоугодное дѣло». Скептикъ отвѣчалъ вопросомъ: «А гдѣ изображенія тѣхъ, которые, давши обѣты, все-таки погибли?» Скептикъ былъ не изъ суздальцевъ... Возвратимся къ г. Данилевскому. Становится этотъ публицистъ на западной окраинѣ Россіи, беретъ въ руки компасъ и, опредѣливъ съ помощію его, гдѣ находится востокъ и гдѣ западъ, мажетъ западъ мрачною краскою насильственности, а востокъ свѣтлой краской кротости; къ первому обращается съ энергическимъ «въ зубы», ко второму съ заискивающимъ «ручку пожалуйте». На вяземскихъ пряникахъ выпечатываютъ надпись «сія каврижка вяземская». Едва-ли на работѣ г. Данилевскаго требуется выпечатать: «сія работа суздальская». Вопросъ теперь въ томъ: дѣйствительно ли г. Данилевскій столь уважаетъ кротость и ненавидитъ насильственность, какъ то, повидимому, слѣдуетъ заключить по его суздальскимъ пріемамъ? и дѣйствительно ли г. Данилевскій столь любитъ Россію, какъ онъ о томъ говоритъ? Вынужденнымъ нахожусь отвѣчать отрицательно. Если-

http://rcin.org.pl

бы г. Данилевскій дѣйствительно очень любилъ Россію, онъ не сталъ бы утверждать такую неправду (потому что это въ самомъ дѣлѣ неправда), будто, мы, русскіе, колонизировали Сибирь совершенно мирно, тунгусовъ и остяковъ не били, въ рабство не обращали и вообще насильственно съ ними не поступали. Совсѣмъ бы ему не понадобилось въ такомъ количествѣ сыпать шишки добродѣтели на Макара русской исторіи, да и самъ Макаръ въ нихъ не нуждается. Прошелъ онъ свою тысячу лѣтъ, видѣлъ всякаго ненастья вдоволь, не мудрено, что и спотыкаться ему приходилось. Зачѣмъ-же г. Данилевскому шишки добродѣтели понадобились? Очевидно, что онъ любитъ не Россію, какъ она есть, а Россію нарумяненную и набѣленную, а это ужь что за любовь. Россія можетъ обратиться къ г. Данилевскому съ извѣстными словами, такъ много смѣшившими генерала Бетрищева: полюби насъ черненькими, а бѣленькими-то насъ и всякій полюбитъ. И въ самомъ дѣлѣ, еслибы мы дѣйствительно тунгусовъ не били, такъ отчего же и имъ насъ не любить? Въ такой же малой мѣрѣ г. Данилевскій любитъ кротость и ненавидитъ насильственность, ибо онъ рекомендуетъ намъ взять, завоевать, освободить, а всѣ эти дѣйствія по необходимости насильственны.

И такъ всегда бываетъ съ суздальскою работою. Древній греческій философъ Эмпедоклъ выдавалъ себя за бога и, чтобы скрыть свою смерть, бросился въ жерло Этны. Всѣ концы были такимъ образомъ спрятаны, и люди думали, что Эмпедоклъ вознесся на небо. Но изверженіе Этны выдало его тайну, выбросивъ его мѣдную сандалію. Такъ-то и съ суздальцами: у каждаго изъ нихъ есть своя Этна и своя мѣдная сандалія. За послѣднее время наша литература обогатилась десятками двумя романовъ, въ которыхъ извѣстная часть нашей молодежи изображается проводящею время въ различныхъ глупыхъ, преступныхъ и скандальныхъ занятіяхъ. Сія работа суздальская, это несомнѣнно, смѣлость трусости и трусость смѣлости достигаютъ здѣсь своей кульминаціонной точки. Но полагаете ли вы, что романисты, съ такимъ азартомъ изобличающіе, напримѣръ, любо-

http://rcin.org.pl

страстныя наклонности своихъ героевъ, дѣйствительно проникнуты искреннимъ отвращеніемъ къ связаннымъ съ этими наклонностями порокамъ и преступленіямъ? Полагаете ли вы, что они столь дорожатъ цѣломудріемъ, какъ это можно бы заключить изъ поверхностнаго обзора ихъ суздальской рьяности? Вы не полагаете? И я тоже не полагаю. Еще бы помѣщикъ Петръ Петровичъ Пѣтухъ въ моментъ заказыванія повару пирога на четыре угла, въ моментъ сладострастнаго причмокиванія и приговариванія задыхающимся голосомъ: «да поджарь... да подрумянь... да осетровыхъ щекъ положи» и проч.; еще бы милѣйшій Пѣтухъ сталъ утверждать, что онъ ненавидитъ пироги на четыре угла!

Весьма любопытно присутствовать при столкновеніи двухъ суздальцевъ различной масти, т.-е. когда одинъ посуздальски предаетъ оплеванію тотъ самый предметъ, которому другой, тоже посуздальски, поклоняется; если, напримѣръ, одинъ суздалецъ говоритъ, что практическимъ выводомъ изъ всѣхъ «новѣйшихъ теорій» является необходимость воровать яблоки, что непохвально, а другой суздалецъ утверждаетъ, что практическій выводъ дѣйствительно таковъ, но что воровать яблоки похвально; или если одинъ суздалецъ заявляетъ, что всѣ, положимъ, «нигилисты» стремятся къ изнасилованію или обольщенію дѣвицъ, а другой говоритъ, что ни одинъ «нигилистъ» никогда ничего подобнаго не совершалъ. Въ послѣднемъ случаѣ оба суздальца понимаютъ подъ словомъ «нигилизмъ» не какую-нибудь ясно опредѣленную и обозначенную теорію, а случайную совокупность часто совсѣмъ не вяжущихся между собою идей и поступковъ, не химическое, такъ сказать, соединеніе, а простую смѣсь. Очевидно, что еслибы дебатирующіе суздальцы близко принимали къ сердцу вопросъ объ отношеніяхъ между мужчинами и женщинами, то они не допустили бы существованія соотвѣтственной части «нигилизма» въ видѣ простой смѣси, а разобрали бы дѣло какъ слѣдуетъ. Еслибы суздалецъ — защитникъ нигилизма, какъ простой смѣси, дѣйствительно горячо желалъ честныхъ и свободныхъ отношеній между полами, то ему не-

http://rcin.org.pl

зачѣмъ было бы отрицать факты. Всякому клубничному романисту — обличителю нигилизма онъ могъ бы безъ малѣйшей трусости сказать: да, между тѣми, кого называютъ и кто самъ называется нигилистами, есть глупцы и негодяи, но что же изъ этого слѣдуетъ? Если кто нибудь, начитавшись Прудона, вздумалъ, что онъ можетъ совершенно правомѣрно воровать яблоки, то какое до этого дѣло Прудону и мнѣ, уважающему Прудона? Если подъ знаменемъ христіанства горѣли инквизиціонные костры, то только суздалецъ будетъ опираться на это обстоятельство для пораженія христіанства; только суздалецъ будетъ отрицать самый фактъ инквизиціи, воображая при своей трусости, что такою смѣлостью онъ дѣйствительно защищаетъ христіанство; и только суздалецъ станетъ защищать инквизицію. Искренній христіанинъ, какъ и искренній нехристіанинъ, найдутъ себѣ болѣе солидныя точки опоры въ самомъ христіанствѣ.

Суздальцы всѣхъ оттѣнковъ — народъ крайне вредный. Соединяя въ себѣ заячью натуру съ львиной гривой, они напускаютъ туману во всякое дѣло. По отношенію къ мыслителямъ и отдѣльнымъ мыслямъ, къ которымъ они обращаются съ своимъ «либо въ зубы, либо ручку пожалуйте», суздальцы способны возбудить къ себѣ чувство самаго живаго негодованія и омерзѣнія. Мыслитель работаетъ двадцать, тридцать лѣтъ. Устаетъ, наконецъ, его измученная работой голова; безсонныя ночи, нерадостные дни дѣлаютъ свое дѣло, умъ слабѣетъ, и мыслитель сбивается съ дороги, впадаетъ, положимъ, въ мистицизмъ. И вотъ на могилѣ этого несчастнаго труженика поднимаются суздальскія сатурналіи. Одни суздальцы начинаютъ бить лбомъ передъ именемъ великаго покойника и молятся на его печальныя заблужденія такъ же аляповато-усердно, какъ и на добытыя имъ истины. Другіе суздальцы хватаются за его ошибки и вопятъ: что можетъ выдти путнаго изъ Виѳлеема? что можетъ сказать истиннаго человѣкъ, который говоритъ такую-то и такую-то безсмыслицу? Это просто помѣшанный! О, суздалецъ! шапку долой передъ этимъ помѣшаннымъ, шапку передъ нимъ

http://rcin.org.pl

ты долженъ снять, потому что его свалила работа, до которой тебѣ какъ до звѣзды небесной далеко. Пусть суздальцы продѣлываютъ свою пляску скомороховъ, если безсонныя ночи и нерадостные дни мыслителя убиты съ начала до конца на проведеніе дикой идеи, нелѣпыхъ положеній. Но если въ работахъ мыслителя, помимо его заблужденій, бьетъ широкой струей свѣтлая истина и если суздальцы здѣсь начинаютъ свою сатурналію и, хватаясь за заблужденіе, задергиваютъ имъ весь рядъ работъ мыслителя, то да будетъ имъ стыдно. Да будетъ имъ стыдно особенно у насъ, въ Россіи, если они по легкомыслію или въ виду какихъ-либо сторонникъ цѣлей извращаютъ факты и, выставляя на показъ одну сторону дѣла, загораживаютъ дорогу другой сторонѣ.

Между западными мыслителями есть нѣсколько такихъ, которымъ судьба точно будто выдала патентъ на привиллегію служить мишенью для суздальскихъ упражненій. Къ нимъ принадлежитъ, напримѣръ, Фурье. Заговоривъ объ его теоріяхъ, суздалецъ непремѣнно сейчасъ же съѣдетъ на анти-китовъ и анти-львовъ, на превращеніе морской воды въ лимонадъ и проч. Но едва-ли кто привлекаетъ къ себѣ вниманіе суздальцевъ въ такой мѣрѣ, какъ Огюстъ Контъ. Кто только его не лягалъ и не лягаетъ! Я сказалъ выше, что любопытно бываетъ присутствовать при столкновеніи двухъ суздальцевъ разной масти. Но еще любопытнѣе, когда въ дѣло замѣшается третій суздалецъ; когда суздалецъ, указывая публикѣ на битву двухъ другихъ суздальцевъ, говоритъ: вотъ, милостивые государи, поучительная битва, изъ которой можно вывести весьма важныя заключенія. Изъ такого сраженія можно дѣйствительно вывести многія любопытныя заключенія, но отнюдь не тѣ, которыя подразумѣваются рекомендующимъ суздальцамъ. Недавно русская публика имѣла случай присутствовать при подобной битвѣ суздальцевъ на страницахъ журнала «Космосъ», пріютившаго у себя полемику Гёксли и Ковгрева о Контѣ и положительной философіи. Первымъ суздальцемъ является здѣсь — говорю это съ величайшимъ сожалѣніемъ — Гё-

http://rcin.org.pl

ксли, вторымъ—Конгревъ, третьимъ—редакція «Космоса». Дѣло происходило такъ. Гёксли въ одной своей публичной лекціи пренебрежительно отозвался о философіи Конта; англійскій позитивистъ Конгревъ поднялъ перчатку; Гёксли отвѣчалъ Конгреву, окончательно выругавъ Конта, а редакція «Космоса» помѣстила у себя эту полемику, снабдивъ ее своими примѣчаніями. Меня кто-то упрекнулъ въ печати за то, что я начинаю свои статьи съ мелочей. Фактъ, сознаюсь, указанъ вѣрно, но происходитъ онъ не вслѣдствіе излишней придирчивости, а просто потому, что пріятно смести съ дороги мелкій соръ и знать, что съ мелочами дѣло уже покончено. Начинаю и на этотъ разъ съ мелочей, именно съ примѣчаній редакціи.

Первое примѣчаніе гласитъ такъ: «Въ этой статьѣ англійскій естествоиспытатель высказываетъ свое мнѣніе о пресловутомъ позитивизмѣ вообще и о философіи О. Конта въ частности. Мы уже показали, впрочемъ только мимоходомъ, что мы невысоко ставимъ позитивизмъ Конта и его послѣдователей, вошедшій у насъ въ моду, вѣроятно вслѣдствіе невѣжественнаго незнакомства съ болѣе удовлетворительными философскими направленіями. Предлагаемая статья можетъ служить подтвержденіемъ нашихъ взглядовъ на позитивизмъ, которые мы намѣрены были изложить въ особой статьѣ съ цѣлью опредѣлить истинный размѣръ, обыкновенно слишкомъ преувеличиваемый, заслугъ и достоинствъ позитивизма. Авторитетъ Гёксли избавитъ насъ отъ необходимости быть слишкомъ подробными въ нашихъ разъясненіяхъ и доказательствахъ, что было бы нужно въ виду нашихъ противниковъ, не очень разборчивыхъ на полемическіе пріемы, всегда уклоняющихся отъ сущности дѣла и могущихъ по обыкновенію объяснять наши сужденія о позитивизмѣ и Контѣ какими-нибудь несущественными мотивами, или же повести такую рѣчь, что «Контъ-де слишкомъ либералъ, что мы не можемъ подробно и ясно изложить его либеральныхъ заслугъ и радикальныхъ взглядовъ (изложить *что?* или *чего?*), поэтому принуждены бываемъ не договаривать, ставить точки; отчего наши статьи и кажутся слишкомъ

http://rcin.org.pl

вздорными и невѣжественными, а на дѣлѣ онѣ очень либеральны». Авось либо имя Гёкслп остановитъ это нахальство либеральничающихъ невѣждъ, желающихъ прикрываться пустыми и пошлыми словопзверженіями».

Авторитетъ Гёкслп дѣйствительно авторитетъ очень почтенный. Но, вопервыхъ, авторитетъ авторитетомъ, а взвѣшивать то, что онъ говоритъ, все-таки не мѣшаетъ. Я постараюсь это сдѣлать ниже, не ставя никакихъ точекъ и не уклоняясь отъ сущности дѣла. Вовторыхъ, авторитету Гексли, столь презрительно, какъ увидимъ, отзывающагося о Контѣ, можно противопоставить авторитеты не менѣе солидные. Напримѣръ:

«Одинъ современный писатель, сдѣлавшій болѣе, чѣмъ кто либо, для возвышенія научнаго уровня исторіи, презрительно отзывается о ней въ слѣдующихъ словахъ: «L'incohérante compilation de faits déjà improprement qualifiée *d'histoire*». *Comte, Philosophie positive*, vol. V, p. 18. Въ методѣ и выводахъ этого великаго творенія есть многое, съ чѣмъ я не могу согласиться, но было бы несправедливо отрицать его необыкновенныя достоинства» (Бокль: «Исторія цивилизаціи въ Англіи», изд. Тиблена. I, 4).

«Но никто изъ названныхъ писателей не взглянулъ такъ философически на этотъ законъ (законъ опредѣленныхъ пропорцій въ химіи), какъ Контъ, «Philosophie positive» vol. III. pp. 133—176. Это одна изъ лучшихъ главъ его глубокаго, но плохо понятаго сочиненія» (id. 44).

«Этотъ замѣчательный отрывокъ Смита едва-ли много читается въ настоящее время; но его очень хвалитъ одинъ изъ величайшихъ философовъ нашего времени, Контъ. «Phil. pos.», vol. VI, p. 319. (Id. 183).

Контъ, въ своемъ «Курсѣ положительной философіи», «ясно, полно и удобопонятно изложилъ и отчасти создалъ то, что назвалъ положительной философіей» (Милль, О. Контъ и позитивизмъ, 7).

«Въ виду этого онъ предпринялъ ту изумительную систематизацію философіи всѣхъ предшествующихъ наукъ отъ мате-

http://rcin.org.pl

матики до физіологіи, систематизацію, которая одна, еслибы онъ не сдѣлалъ ничего другаго, поставила бы его, во мнѣніи людей понимающихъ, въ число главныхъ мыслителей вѣка... Касательно первыхъ пяти основныхъ наукъ своего ряда, Контъ достигъ предположенной цѣли съ успѣхомъ, которому едва-ли можно достаточно надивиться. Даже менѣе изумительную часть его общаго обозрѣнія — томъ о химіи и біологіи, который уже тогда стоялъ ниже дѣйствительнаго состоянія этихъ наукъ и находится далеко позади нынѣшняго положенія ихъ — даже этотъ томъ намъ никогда не случалось открывать безъ того, чтобы не почувствовать каждый разъ всей обширности умозрѣній, заключенныхъ въ немъ, и не убѣдиться, что путь поставить эти науки на совершенно-раціональную ногу, далеко еще не вполнѣ усвоенный большинствомъ занимающихся разработкою ихъ, нигдѣ такъ успѣшно не былъ указанъ (id. 49, 50).

«Въ своемъ ‹Cours de philosophie positive› Огюстъ Контъ сдѣлалъ для XIX столѣтія то же, что Бэконъ сдѣлалъ для XVII: онъ выразилъ въ этомъ великомъ твореніи всѣ прогрессивныя стремленія предыдущихъ вѣковъ». (Льюисъ: «Исторія философіи», 804).

«Cours de philosophie positive» представляетъ намъ величайшую философскую систему, какая когда-либо существовала, такъ-какъ эта система есть самая вѣрная изъ всѣхъ; нѣкоторыя неизбѣжныя несовершенства въ подробностяхъ не заставятъ насъ забыть совершенства цѣлаго и мы должны быть признательны великому мыслителю, выработавшему эту систему» (id., 814).

Самъ Спенсеръ, наконецъ, къ которому Гёксли относится съ такимъ уваженіемъ и который такъ некрасиво придирчиво относится къ Конту, долженъ сознаться, что Контъ «представилъ общее изложеніе воззрѣній и метода, выработаннаго наукой» («О причинахъ разногласія съ Контомъ», 37); что «вмѣсто смутной и неопредѣленной идеи Контъ далъ міру идею опредѣленную и въ высокой степени выработанную; что въ развитіи этой концепціи онъ выказалъ замѣчательную широту

http://rcin.org.pl

воззрѣній, много оригинальности, громадную плодовитость мышленія, необычайную силу обобщенія» (39). «Вѣрная или ошибочная — говоритъ тотъ же Спенсеръ — но система Конта породила въ цѣломъ несомнѣнно важные и благотворные перевороты въ мышленіи многихъ умовъ и породитъ такіе же результаты въ еще большемъ числѣ умовъ. Не менѣе несомнѣнно и то, что не малое число мыслителей, уклоняющихся отъ общихъ воззрѣній Конта, было горячо возбуждаемо его соображеніями. Цѣлостное представленіе научнаго знанія и метода— вѣрно ли оно было построено или ошибочно—не могло не расширить въ значительной степени пониманія многихъ читателей. Контъ имѣлъ еще ту особенную заслугу, что онъ освоилъ людей съ идеей соціальной науки, основанной на другихъ наукахъ. Я убѣжденъ, что помимо этихъ благотворныхъ результатовъ общаго характера и силы философіи Конта, на страницахъ его труда разсѣяно множество широкихъ идей, которыя цѣнны не только какъ стимулы мысли, но и по дѣйствительной своей истинѣ» (64).

Такъ говорятъ о Контѣ первокласные европейскіе мыслители, относящіеся къ нему совершенно независимо. Я нарочно не цитировалъ ни одного изъ людей, признающихъ себя учениками Конта, хотя и между ними, напримѣръ, Литтре самъ представляетъ авторитетъ почтенный, тѣмъ болѣе, что признавая себя открыто ученикомъ Конта, онъ относится къ своему учителю не посуздальски, не такъ, какъ, напримѣръ, Конгревъ. Правда, Гёксли нашелъ въ философіи Конта «весьма мало и даже рѣшительно ничего такого, что имѣло бы какую нибудь научную цѣнность, и взамѣнъ того нашелъ много особенностей, столь же противныхъ самой сущности науки, какъ и все, что есть противонаучнаго въ католическомъ ультрамонтанствѣ». Правда, Гёксли есть одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ современныхъ ученыхъ и, въ качествѣ таковаго, заслуживаетъ полнаго уваженія. Но сомнѣваюсь, чтобы кто-либо поставилъ его даже рядомъ съ цитированными выше людьми по силѣ мысли, за исключеніемъ развѣ Льюиса, да и тотъ въ дѣлѣ

http://rcin.org.pl

философіи имѣетъ больше правъ быть выслушаннымъ. Во всякомъ случаѣ, если Милль, Бокль, Льюисъ, да и Спенсеръ могутъ быть зачислены въ штатъ «либеральничающихъ невѣждъ» и уличены въ «невѣжественномъ незнакомствѣ съ болѣе удовлетворительными философскими направленіями», то я право предпочитаю лучше остаться съ ними, чѣмъ идти на суздальскія пиршества ученой и нелиберальничающей редакціи «Космоса». Если имѣть въ виду авторитеты, и если Бокль и Милль, при всей своей независимости по отношенію къ Конту, и Спенсеръ, при всей своей придирчивости, находятъ, что вопросъ о зависимости общественной науки отъ наукъ низшихъ Контомъ въ общемъ поставленъ и разрѣшенъ правильно; и если тутъ же, рядомъ, напримѣръ, г. Жуковскій заявляетъ, что Контъ «высказывалъ довольно дѣтскія мысли насчетъ сближенія нравственнаго знанія съ точными пріемами изслѣдованія» (см. статью «Рикардо и его теорія цѣнности» во 2-мъ № «Космоса»), то, при всемъ уваженіи къ авторитету г. Жуковскаго, я осмѣливаюсь склоняться на сторону авторитетовъ Бокля, Милля и Спенсера. Надо замѣтить, что Гёкели и самъ сылается на авторитеты. Такъ онъ ссылается на Милля, и мы увидимъ, что онъ дѣлаетъ это недобросовѣстно; на Спенсера, и мы увидимъ, что оба они впадаютъ въ одну и ту же ошибку; наконецъ, на Уэвеля. Относительно послѣдняго я припоминаю положительное заявленіе Милля (въ «Логикѣ»), что Уэвель не понялъ Конта ни на волосъ. Одинъ изъ соредакторовъ «Космоса», г. Антоновичъ, въ предисловіи къ своему переводу «Исторіи индуктивныхъ наукъ» Уэвеля, считаетъ его мыслителемъ неважнымъ. Поэтому, подстрекаемый авторитетами Милля и г. Антоновича, я долженъ признать авторитетъ Гёкели, отчасти опирающійся на авторитетъ Уэвеля, довольно сомнительнымъ. Прошу г. Антоновича извинить мнѣ разговоръ о его переводѣ «Исторіи индуктивныхъ наукъ». Я знаю, что онъ долженъ ему напомнить то печальное время, когда онъ, г. Антоновичъ, еще не имѣлъ права разсылать во всѣ стороны эпитеты «невѣжественный», «полупросвѣщенный», «портящій дурнымъ перево-

http://rcin.org.pl

домъ хорошія книги», и проч. Нынѣ г. Антоновичъ это право имѣетъ...

Вступительное примѣчаніе редакціи насчетъ авторитета есть единственное, достойное нѣкотораго вниманія. Я противопоставилъ авторитету Гёкели другіе авторитеты, разсмотрю ниже возраженія Гёкели, но къ примѣчаніямъ редакціи «Космоса» болѣе уже не возвращусь, развѣ какъ-нибудь мимоходомъ. Примѣчанія эти кропаются по такому рецепту: берется фраза противника и между различными частями ея предложеній вставляются *оскобленныя* (поставленныя въ скобкахъ) энергическія, восклицательно-препинательнаго свойства *слова, слова, слова*, какъ говоритъ Гамлетъ Полонію. Напримѣръ, одна изъ моихъ вышенаписанныхъ фразъ можетъ получить отъ почтенной редакціи «Космоса» такую обработку: «Во всякомъ случаѣ (*ужъ будто и во всякомъ?!*), если Милль, Бокль, Льюисъ, да и Спенсеръ могутъ быть зачислены (*нѣтъ, это вы можете быть зачислены, а не они*) въ штатъ «либеральничающихъ невѣждъ» (*вздоръ и ложь!*) и уличаемы въ «невѣжественномъ незнакомствѣ съ болѣе удовлетворительными философскими направленіями» (*какое низкое предположеніе!*), то я право предпочитаю лучше остаться съ ними, чѣмъ идти на суздальскія пиршества ученой и нелиберальничающей редакціи «Космоса» (*никто васъ и не приглашаетъ*)». Манера эта, сильно напоминающая критическіе пріемы гг. Антоновича и Посторонняго Сатирика въ «Современникѣ», есть, надо правду сказать, манера довольно плохая и довольно бездоказательная, а потому отъ обзора примѣчаній редакціи «Космоса» къ полемикѣ Конгрева и Гёкели я себя считаю вправѣ уволить.

Одинъ мой знакомый говоритъ, что отвѣтъ Гекели Конгреву написанъ будто съ просонокъ. Я нахожу это замѣчаніе очень вѣрнымъ и характернымъ. Статья написана именно будто въ томъ состояніи, когда человѣкъ только-что проснулся, неясно различаетъ окружающіе предметы и не можетъ себѣ дать яснаго отчета, что́ собственно онъ видѣлъ во снѣ и что́ существуетъ въ дѣйствительности. Еслибы такую статью написалъ кто-ни-

http://rcin.org.pl

будь другой, напримѣръ, кто-нибудь изъ почтенныхъ редакторовъ «Космоса», то никто не обратилъ бы на нее большаго вниманія, и всякій только пожалъ бы плечами и улыбнулся. Но такъ-какъ подъ статьей стоитъ уважаемое имя Гёксли, то нѣтъ сомнѣнія, что она задѣнетъ за живое и не такихъ людей, какъ Конгревъ. По всей вѣроятности, она вызоветъ, можетъ быть даже уже вызвала, солидныя возраженія и преимущественно въ англійской печати. До сихъ поръ мнѣ удалось видѣть только одно возраженіе Гёксли въ видѣ короткой замѣтки, напечатанной въ журналѣ «La philosophie positive» (septemrre octobre 1869) и подписанный Г. В. (G. W.). Я приведу здѣсь эту замѣтку, не потому, чтобы придавалъ ей какое-нибудь особенное значеніе—ни ссылаться, ни вообще какъ-нибудь опереться на нее я не имѣю намѣренія, а просто потому, что полемика Гёксли и Конгрева у русской публики передъ глазами, быть можетъ ею многіе заинтересовались, и слѣдовательно лишній документъ здѣсь не помѣшаетъ. Вотъ эта замѣтка:

«Въ рѣчи о «физическомъ основаніи жизни», читанной г. Гёксли въ Эдимбургѣ и переведенной въ «Revue des cours scientifiques» (17-го іюля 1869), я не безъ удивленія встрѣтилъ слѣдующее мѣсто: «Изучая характеристическія черты положительной философіи, я нашелъ въ ней очень мало и могу даже сказать ничего такого, что имѣло бы хоть какую-нибудь научную цѣнность и, наоборотъ, нашелъ много такихъ особенностей, которыя въ такой же мѣрѣ противны самому существу науки, какъ и все, что есть противонаучнаго въ ультрамонтанскомъ католичествѣ». Признаюсь, мнѣніе это показалось мнѣ до такой степени плоскимъ, хотя оно и высказано человѣкомъ, пользующимся въ своей спеціальности справедливымъ уваженіемъ, что я большаго значенія ему не придалъ; я думалъ, что это одна изъ тѣхъ бутадъ, какія часто проскакиваютъ у ученыхъ, когда они начинаютъ говорить о вещахъ, имъ незнакомыхъ. Но г. Гёксли счелъ нужнымъ распространиться о своихъ взглядахъ въ любопытной статьѣ, напечатанной въ «Fortnightly Review» (1-го іюня 1869 г.), гдѣ онъ приходитъ къ заключе-

http://rcin.org.pl

нію, что позитивная философія есть не болѣе, какъ сплетеніе противорѣчій и нелѣпостей. Конечно, всякій вправѣ высказывать свои мнѣнія о той или другой философской доктринѣ; но, чтобы не попасть въ комическое положеніе, надо по крайней мѣрѣ имѣть обстоятельное понятіе о предметѣ, подлежащемъ сужденію. Г. же Гёксли, повидимому, не особенно близко знакомъ не только съ позитивной философіей, но и съ философіей вообще; скажу болѣе—онъ не знаетъ, что такое *философія*. Прошу извиненія у г. Гёксли, но я и себѣ оставляю свободу мнѣнія и, какъ и онъ, я постараюсь доказать утверждаемое мною цитатами изъ его рѣчи и изъ его статьи. Я заимствую у него даже ту форму аргументаціи, которую онъ употребляетъ, критикуя позитивизмъ.

«I. *Я говорю, что г. Гёксли не знаетъ, что такое философія.* Прежде всего я замѣчу, что въ обѣихъ лежащихъ передо мною статьяхъ онъ ни разу ясно не говоритъ, что онъ разумѣетъ подъ философіей; а между тѣмъ это было бы очень важно. Приходится искать опредѣленія философіи въ изложеніи его философскихъ идей, что представляетъ большія затрудненія. То изъ его словъ слѣдуетъ заключить, что философія есть, по его мнѣнію, «*духъ* новой науки»; то эта же самая новая философія обращается въ «оцѣнку границъ физическаго изслѣдованія»: то, наконецъ, задача философіи сводится къ изученію фактовъ и ихъ законовъ. Я не буду говорить о томъ, на сколько эти странныя опредѣленія другъ другу противорѣчатъ; но мнѣ важно показать, что ни одно изъ нихъ не можетъ служить опредѣленіемъ *философіи*. Въ самомъ дѣлѣ, г. Гексли, говоря о философіи, думаетъ только о наукѣ. Но наука не всегда же существовала. Не относятся ли къ философіи политеизмъ, католицизмъ и всѣ другія системы вѣрованія, ничего не заимствовавшія у науки? Не относятся ли къ философіи многочисленныя метафизическія школы, которыя такъ долго царили на землѣ? Я понимаю, что объ этихъ теоріяхъ можно отозваться какъ о плохой философіи, но я не понимаю, какъ можно давать философіи такое опредѣленіе, которое исключаетъ все, сдѣланное

http://rcin.org.pl

прошедшими вѣками. До тѣхъ поръ, пока г. Гёксли не выразитъ намъ своихъ мнѣній объ этомъ предметѣ болѣе обстоятельно, я считаю себя вправѣ говорить, что онъ не знаетъ, что такое философія.

«П. *Я говорю, что онъ незнакомъ съ исторіей философіи вообще.* Да и какое же тутъ знакомство, когда онъ не чувствуетъ надобности въ опредѣленіи области философіи? Но кромѣ этого отрицательнаго доказательства, у меня есть и положительныя. Онъ на каждомъ шагу толкуетъ о *новой философіи*, которую проситъ не смѣшивать съ философіей Конта и которую приписываетъ Юму. Но Юмъ, писавшій въ XVIII вѣкѣ, есть философъ не особенно *новый*, и неужели 80 лѣтъ послѣ смерти шотландскаго скептика прошли совершенно безслѣдно? Г. Гёксли объ этомъ не подумалъ. Ему просто надо было противупоставить авторитету Конта другой авторитетъ; онъ взялъ Юма, который былъ у него подъ рукой. Это, конечно, проще и удобнѣе, чѣмъ изучать всю массу новыхъ идей, принесенныхъ XIX вѣкомъ, но простые и удобные пріемы въ философіи не всегда наилучшіе. Оцѣнилъ ли по крайней мѣрѣ г. Гёксли настоящую цѣною характеръ философіи Юма, великаго мыслителя, котораго онъ является панегиристомъ и котораго я глубоко уважаю? Вотъ отрывокъ изъ рѣчи одного англійскаго епископа, который г. Гёксли считаетъ выраженіемъ духа *новой* философіи: «Всякая наука основывается на изученіи фактовъ, наблюденныхъ чувствами. Преданія старыхъ философій помрачили нашъ опытъ, примѣшавъ къ нему много вещей, находящихся внѣ чувственнаго воспріятія; и наша наука останется несовершенною, пока окончательно не исчезнутъ эти примѣси. Метафизика, напримѣръ, говоритъ намъ, что такой-то наблюденный фактъ есть причина, а такой-то—дѣйствіе этой причины; но строгій анализъ показываетъ, что чувства наши не наблюдаютъ ни причинъ, ни дѣйствій: они свидѣтельствуютъ, что такой-то фактъ слѣдуетъ за другимъ фактомъ, и послѣ извѣстнаго числа опытовъ они убѣждаются, что второй фактъ непремѣнно слѣдуетъ за первымъ; слѣдовательно понятіе причины и дѣйствія мы

http://rcin.org.pl

должны замѣнить понятіемъ непзмѣнной послѣдовательности. Старая философія учитъ насъ опредѣлять предметъ различеніемъ его существенныхъ свойствъ отъ свойствъ случайныхъ; но опытъ не знаетъ ни существеннаго, ни случайнаго; онъ видитъ только, что извѣстные признаки принадлежатъ предмету и, послѣ извѣстнаго числа наблюденій, свидѣтельствуетъ, что одни изъ этихъ признаковъ всегда бываютъ въ предметѣ, тогда какъ другіе могутъ иногда и отсутствовать. Такъ-какъ всякое знаніе относительно, то понятіе о необходимости должно быть изгнано вмѣстѣ со всѣми другими преданіями». Какъ! Такъ вы это-то называете новой философіей? эти общія мѣста, давно извѣстныя, непринадлежащія даже и Юму, потому что въ XVIII вѣкѣ ихъ можно было встрѣтить вездѣ, и въ настоящее время отрицаемыя только какою нибудь горстью отсталыхъ метафизиковъ? Но если новая философія характеризуется только этимъ, то гдѣ же разница между новѣйшимъ пантеизмомъ Фейербаха, матеріализмомъ, детерминизмомъ, позитивизмомъ? Тѣнь Давида Юма, которая, по мнѣнію г. Гёксли, должна содрогнуться при видѣ забвенія его заслугъ въ философіи, едва-ли можетъ себя чувствовать польщенною такимъ панегирикомъ. Юмъ сдѣлалъ больше, а главное нѣчто лучшее, и, если бы онъ очутился среди насъ, онъ, безъ сомнѣнія, весьма изумился бы тому, что послѣ ста лѣтъ изученія и прогресса, столь общія и ходячія идеи торжественно украшаются именемъ новой философіи. Но допустимъ на мгновеніе, что въ этомъ дѣйствительно состоитъ истинная философская система и что Юмъ открылъ ее, какъ Колумбъ Америку, хотя не трудно было бы показать, что она открыта уже Галилеемъ и во всякомъ случаѣ была защищаема Тюрго, Кантомъ, Дидро, Кондорсе, по крайней мѣрѣ такъ же хорошо какъ и Юмомъ. Но должны ли опыты шотландскаго философа считаться неподвижнымъ и непогрѣшимымъ евангеліемъ и не прибавили ли къ нему чего-нибудь работы нашего вѣка. Должно ли вычеркнуть труды Сенъ-Симона, Бэна, Милля, я не упоминаю о Контѣ, потому что г. Гёксли утверждаетъ, что онъ не сдѣлалъ ничего новаго. Это весьма странное смѣшеніе неважныхъ

http://rcin.org.pl

общихъ идей съ вопросами о методѣ, составляющими настоящую область философіи. Въ виду такого совершеннаго незнакомства съ исторіей философіи, въ виду этого записыванія въ счетъ Юму такихъ вещей, которыхъ не чуждъ и Аристотель, не имѣю ли я право сказать, что г. Гёкели взялся не за свое дѣло?

«III. Отсюда уже очевидно, что г. Гёкели не въ состояніи оцѣнить роль положительной философіи. А потому и критика его ограничивается пріисканіемъ въ шести толстыхъ томахъ курса Конта противорѣчій и частныхъ ошибокъ. Извѣстно, что критиковать философское сочиненіе и находить въ немъ противорѣчія очень легко, когда въ ходъ пускается пріемъ, который столь часто употребляется г. Дюпанлу въ его многочисленныхъ брошюрахъ и который состоитъ въ выдергиваніи отдѣльныхъ фразъ и пришиваніи ихъ одну къ другой. Но даже и въ этомъ столь легкомъ дѣлѣ г. Гёкели не обнаружилъ особеннаго искусства. Вотъ примѣръ. Онъ говоритъ, что достаточно самаго поверхностнаго знакомства съ физикой, чтобы видѣть, какъ скудны были знанія Конта и неудачны его оцѣнки; и въ доказательство онъ приводитъ, между прочимъ, его нападки на Юнга и Френеля за ихъ гипотезу эѳира, составляющую «основаніе новѣйшей физики». Но въ рѣчи его я нахожу слѣдующее мѣсто: «Если существуетъ физическая необходимость, то она состоитъ въ томъ, что камень, предоставленный самому себѣ, падаетъ на землю. Но что въ сущности мы знаемъ и что *можемъ* знать объ этомъ послѣднемъ явленіи? Только то, что, по всеобщему человѣческому опыту, камни, поставленные въ извѣстныя условія, всегда падали на землю». Такимъ образомъ гипотеза тяготѣнія должна быть исключена, «какъ фантомъ, порожденный нашимъ собственнымъ воображеніемъ», а совершенно аналогичная гипотеза, объясняющая явленія свѣта, должна служить основаніемъ «новѣйшей физикѣ»! Можетъ ли далѣе этого простираться презрѣніе къ логикѣ и къ здравому смыслу? Такъ-какъ г. Гёкели заводитъ здѣсь рѣчь о физическихъ наукахъ и приглашаетъ всѣхъ математиковъ, физиковъ и проч. согласиться съ нимъ, что книга Конта не имѣетъ ни-

http://rcin.org.pl

какого значенія, то да позволено мнѣ будетъ сослаться на авторитетъ, котораго онъ, безъ сомнѣнія, отрицать не станетъ. «Намъ хотѣлось бы—говоритъ Брьюстеръ въ давно уже извѣстномъ трудѣ (Edimb. Review 1838) — представить читателю нѣсколько образцовъ того способа, который г. Контъ употребляетъ для обработки этихъ трудныхъ и представляющихъ глубокій интересъ вопросовъ, его простого, но сильнаго краснорѣчія, его высокой умственной силы, его исторической точности, безпристрастія его оцѣнокъ, полнаго отсутствія личныхъ и національныхъ предразсудковъ. Читатель на каждомъ шагу чувствуетъ, что по лабиринту астрономическихъ открытій его ведетъ проводникъ надежный и искусный, самъ коротко знакомый со всѣми труднѣйшими мѣстами этого лабиринта. Философъ, состарѣвшійся на службѣ наукѣ, не можетъ желать имѣть лучшаго историка и цѣнителя». Я думаю, что въ физическихъ наукахъ авторитетъ Брьюстера стоитъ по крайней мѣрѣ не ниже авторитета Гёкели.

«Я не буду возражать на замѣчанія г. Гёкели о Контовомъ законѣ трехъ фазисовъ и о его классификаціи наукъ, потому что замѣчанія эти и не новы, и основаны на соображеніяхъ, въ высшей степени поверхностныхъ. Притомъ-же цѣль моя состоитъ не столько въ защитѣ позитивной философіи отъ нападокъ англійскаго профессора, сколько въ указаніи, какъ мало онъ знакомъ съ предметомъ, о которомъ говоритъ. Истинная оригинальность философіи Конта заключается не столько въ *доктринѣ*, сколько въ *методѣ*; новость ея главнѣйше заключается въ доказательствѣ того великаго факта, составляющаго главный пунктъ новой философіи, что положительный методъ приложимъ къ соціальнымъ явленіямъ наравнѣ со всѣми другими естественными явленіями. Ничего этого г. Гёкели не видѣлъ и не понялъ. Онъ не замѣтилъ, что Контъ былъ бы невозможенъ безъ труловъ его непосредственныхъ предшественниковъ, между которыми естественно находится и Давидъ Юмъ. Онъ не понялъ, что величіе Юма только укрѣпляется такою

http://rcin.org.pl

философіею, которая позволяетъ безпристрастно отнестись къ исторіи человѣческой мысли.

«При видѣ первоклассныхъ ученыхъ, которымъ вдругъ приходитъ въ голову приняться за рѣшеніе вопросовъ, отъ которыхъ ихъ спеціальныя занятія всегда держали ихъ въ отдаленіи, я всегда спрашиваю себя: какой злой духъ толкнулъ ихъ на эту дорогу? какой злой духъ толкнулъ ихъ изъ области, гдѣ они трудятся такъ блистательно, въ такую, гдѣ ихъ труды не могутъ подняться даже до уровня посредственности? Этотъ же вопросъ я задалъ себѣ и по прочтеніи двухъ статей г. Гёкели».

Нѣкоторыя обстоятельства побуждаютъ насъ нѣсколько дополнить приведенный въ этой замѣткѣ отзывъ Брьюстера о Контѣ. Брьюстеръ не только хвалилъ Конта, а и порицалъ его труды. Такъ въ той же статьѣ онъ говоритъ, напримѣръ: «установивъ физическія науки въ слѣдующемъ порядкѣ: барологія, термологія, акустика, оптика и электрологія, авторъ нашъ, въ отдѣльныхъ лекціяхъ, обращается къ выясненію общей идеи каждой изъ этихъ отраслей. Лекціи эти запечатлѣны тою-же солидностію, какъ и весь трудъ, и содержатъ весьма поучительныя и цѣнныя разсужденія. Мы должны однако сознаться, что лекція объ оптикѣ насъ совершенно не удовлетворила. Это сухой экстрактъ изъ прошедшей и настоящей исторіи науки. Авторъ бѣгло, поверхностно и недостаточно справедливо относится къ блестящимъ открытіямъ своихъ соотечественниковъ (Малю, Араго, Біо и Френеля). Хотя и здѣсь встрѣчаются указанія вѣрныя, однако мы должны признать, что авторъ недостаточно знакомъ съ новѣйшими пріобрѣтеніями оптики, и это видно изъ его частыхъ нападокъ на теорію волненія, въ которой онъ видитъ фантастическую идею, способную задержать дальнѣйшее развитіе науки. Эта важная ошибка, которую мы не ожидали встрѣтить у такого сильнаго мыслителя, зависитъ отъ двухъ причинъ: одна заключается въ томъ, что авторъ не признаетъ научными гипотезы, относящіяся къ способу возникновенія явленій; другая причина та, что авторъ незнакомъ съ

http://rcin.org.pl

важностію, которою обладаетъ въ настоящее время теорія волненія въ дѣлѣ предвидѣнія и объясненія явленій. Хотя теорія волненія и принимаетъ *эѳиръ*, невидимый, невѣсомый, присущій всѣмъ тѣламъ и простирающійся отъ нашего глаза до послѣднихъ предѣловъ звѣзднаго неба, но тѣмъ не менѣе, насколько она объясняетъ весьма сложныя и необъяснимыя инымъ образомъ явленія, поскольку она способствуетъ предвидѣнію весьма важныхъ фактовъ, теорія волненія должна заключать въ себѣ, хотя бы она и была ложна какъ физическая теорія, нѣчто дѣйствительно соотвѣтствующее истинной причинѣ свѣта. Въ этихъ границахъ теорія волненія заслуживаетъ быть принятою въ качествѣ драгоцѣннаго орудія и замѣчательной и плодотворной философской конценціи». Г. Г. В. не привелъ этой части отзыва Брьюстера вѣроятно просто потому, что она ему не была нужна и могла бы отвлечь его въ сторону частнаго вопроса объ отношеніи Конта къ гипотезѣ эѳира. Я же привожу ее въ предупрежденіе какихъ либо суздальскихъ уличеній и толкованій и оберегаю при этомъ не себя—потому что не причисляю себя ни къ одной изъ фракцій позитивистовъ,—а самихъ-же позитивистовъ: эта часть отзыва заимствована мною изъ книги «Auguste Comte et la philosophie positive» позитивиста Литтре, одного изъ редакторовъ того самаго журнала «La philosophie positive», въ которомъ напечатана замѣтка г. Г. В. Значитъ, на этомъ по крайней мѣрѣ пунктѣ, позитивисты уличенію въ передержкахъ не подлежатъ.

Читатель замѣтилъ можетъ быть одну любопытную особенность въ статьѣ г. Г. В.: въ ней ни разу не упоминается имя Конгрева. Гёксли полемизируетъ съ Конгревомъ, позитивистомъ, ученикомъ Конта, и журналъ, спеціально посвященный распространенію и развитію идей Конта, относится къ полемикѣ о Контѣ такъ, какъ будто бы въ ней и не принималъ никакого участія Конгревъ, товарищъ и единомышленникъ. Дѣло въ томъ, что Конгревъ и журналъ «La philosophie positive», хотя и ученики Конта, но вовсе не товарищи и не единомышленники. Мало того, если «La philosophie positive» на своихъ

http://rcin.org.pl

странпцахъ никогда не допускаетъ ни полемики, ни даже упоминанія о единомышленникахъ Конгрева, то единомышленники эти напротивъ относятся къ сотрудникамъ позитивистскаго журнала крайне враждебно и о розни своей съ ними напоминаютъ при каждомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ. Разъясненіе этого обстоятельства для нашей цѣли, т.-е. для оцѣнки критики позитивизма Гёксли, весьма важно. Кстати, мы опредѣлимъ, по возможности ясно, и свои собственныя отношенія къ Конту.

Дѣятельность Конта относится къ первой половинѣ нашего вѣка: родился онъ въ 1798 году, умеръ въ 1857, первое сочиненіе его «Plan des travaux nécessaires pour reorganiser la société» напечатано въ 1822 году, послѣднее «Synthèse subjective ou Système Universel des Conceptions propre á l'Etat Normal de l'Humanité»— въ 1856 году. Въ то время, когда началась и ясно обозначилась философская карьера Конта, Европа въ умственномъ отношеніи представляла въ высшей степени пеструю, разношерстную картину. Слабые остатки философіи XVIII вѣка и католическая реакція де-Местра и Бональда; положительная наука и Священный Союзъ; доктринеры и нѣмецкій «Sturm und Drang Periode»; Гегель и соціалисты; промышленность и Кузенъ съ братіею, — все это рвало на клочки умственныя силы, тянуло ихъ въ разныя стороны и мутило старую Европу, собиравшуюся отдохнуть послѣ великаго погрома революціи и имперіи. Надъ всею этою пестротой царила одна глубокая, коренная рознь, рознь практической дѣятельности и теоретической, жизни и науки. Разразилась іюльская революція. Одинъ изъ друзей Гёте бѣжитъ къ великому поэту поговорить объ этомъ вопросѣ дня. Поэтъ-натуралистъ встрѣчаетъ его словами: «Ну, что вы думаете объ этомъ великомъ событіи? Изверженіе волкана произошло; все въ огнѣ, и теперь ужь не можетъ быть рѣчи о сдѣлкахъ». Разговоръ продолжается въ томъ же тонѣ, но черезъ нѣсколько минутъ оказывается, что Гёте говоритъ не объ «этихъ людяхъ», а о знаменитомъ спорѣ между Кювье и Жоффруа де-Сентъ-Илеромъ, происходившемъ во французской академіи, по вопросу объ измѣняемости видовъ, за нѣсколько дней до революціи. —Гегель до-

http://rcin.org.pl

казываетъ, что все истинное въ идеѣ истинно и объективно. На это ему замѣтили, что не все равно *имѣть* тысячу долларовъ или *думать*, что имѣешь ихъ. Гегель презрительно отвѣтилъ насчетъ долларовъ, что «daran ist philosophich nichts zu erkennen». Развивая свое знаменитое положеніе, что бытіе и небытіе тождественны, тотъ же Гегель задаетъ себѣ вопросъ: все ли равно, что мой домъ существуетъ и не существуетъ, что существуетъ воздухъ и не существуетъ и т. п.? И отвѣчаетъ такъ: «Въ этихъ примѣрахъ подразумѣваются частныя цѣли, напримѣръ, полезность, и на основаніи этихъ частныхъ цѣлей спрашивается: все ли мнѣ равно, существуютъ ли извѣстныя полезныя вещи или нѣтъ? Но философія есть именно такое ученіе, которое должно освободить человѣка отъ безчисленнаго множества конечныхъ стремленій и цѣлей, и сдѣлать его на столько равнодушнымъ къ нимъ, что для него дѣйствительно должно быть все равно, существуютъ эти вещи или нѣтъ».—И нетолько съ практическою жизнью такъ рѣзко и безповоротно разошлась тогдашняя философія. Она и науки знать не хотѣла и въ лицѣ Шеллинга и Гегеля апплодировала Гётеву возстанію противъ Ньютоновой теоріи цвѣтовъ. А Гете, въ подтвержденіе своихъ доводовъ, аргументировалъ, между прочимъ, такимъ образомъ: «Какъ-будто что-нибудь существуетъ только когда это можно доказать математически. Глупо было бы, еслибы кто-нибудь не вѣрилъ любви своей возлюбленной, потому что она не можетъ доказать ее по математикѣ». Поэзія, въ свою очередь, обращалась съ такими репримандами, напримѣръ, въ лицѣ Шиллера къ астрономіи:

Schwatzet mir nicht so viel von Nebelflecken und Sonnen!
Ist die Natur nur gross, weil sie zu zählen euch gibt?
Euer Gegenstand ist der erhabenste freilich im Raume;
Aber, Freunde, im Raum wohnt das Erhabene nicht!

Въ сферѣ практическихъ вопросовъ шла та же всесторонняя грызня, хотя время это можетъ быть названо временемъ единовременнаго существованія, въ политикѣ, въ наукѣ, въ философіи,

http://rcin.org.pl

молочныхъ зубовъ и гнилыхъ зубовъ мудрости. Одни элементы, какъ католицизмъ де-Местра, нѣмецкая метафизика, доживая свои послѣдніе дни, напрягали всѣ силы и достигали предсмертно колоссальнаго развитія. Другіе, какъ соціализмъ, только прорѣзывались и принимали колоссальные размѣры по своей молодости, не заботясь о томъ, что въ нихъ можетъ быть подрублено положительною наукою и практическою жизнью.

Контъ былъ пораженъ этой умственною анархіею. Я не говорю, чтобы онъ обратилъ особенное вниманіе именно на приведенные мною примѣры разладицы, случайно взятые изъ умственной жизни Германіи — съ этою жизнью Контъ былъ знакомъ весьма мало и то изъ вторыхъ рукъ. Но разладица носилась въ воздухѣ и такъ или иначе сказывалась вездѣ. Такая ужь историческая станція была, станція на пути отъ 1789 къ 1848 и дальнѣйшимъ годамъ. Люди, расходившіеся въ своихъ теоретическихъ посылкахъ, приходили къ приблизительно одинаковымъ практическимъ результатамъ; люди, согласные въ исходномъ принципѣ, расходились на практикѣ. Въ историческую колесницу Европы впряглись лебедь, щука и ракъ. Въ области спеціально политическихъ вопросовъ свободно мыслящіе люди распадались на двѣ группы, какъ ихъ тогда называли, «критическую» и «органическую». Первые хотѣли политическихъ реформъ, вторые—соціальныхъ. Контъ принадлежалъ сначала къ первымъ, но черезъ нѣсколько времени по выходѣ изъ политехнической школы онъ сблизился съ Сенъ-Симономъ, однимъ изъ главныхъ вожаковъ «органистовъ». Впослѣдствіи Контъ чуть не проклиналъ время своего сближенія съ Сенъ-Симономъ и утверждалъ, что этотъ эпизодъ изъ его жизни имѣлъ пагубное вліяніе на его развитіе. Это одна изъ тѣхъ несправедливостей, какихъ такъ много говорилъ и дѣлалъ Контъ. Такъ-какъ въ полемикѣ Гёкели и Конгрева рѣчь идетъ и о нравственномъ характерѣ Конта, то можетъ быть не лишне будетъ замѣтить, что, какъ человѣкъ, Контъ былъ далеко ниже мыслителя. Не то, чтобы на его имени лежало какое нибудь крупное пятно, какое нибудь черное или преступное дѣло. Нѣтъ, съ нимъ въ этомъ отношеніи нѣтъ никакой возможности

http://rcin.org.pl

сравнивать, напримѣръ, Бэкона. Напротивъ, всѣ нравственно неодобрительные поступки Конта запечатлѣны какою-то странною, почти ребяческою наивностью. Тѣмъ не менѣе мы должны съ большимъ сожалѣніемъ признать, что его нравственный уровень былъ несравненно ниже уровня его умственной силы. Какъ бы то ни было, года черезъ три Контъ совершенно разошелся съ Сенъ-Симономъ и въ дальнѣйшемъ развитіи его ученія, какъ при жизни, такъ и по смерти самого Сенъ-Симона, не только не принималъ никакого участія, но имѣлъ съ сенъ-симонистами нѣсколько очень враждебныхъ столкновеній. Съ этихъ поръ, Контъ весь отдался одной великой работѣ, отъ которой не отступалъ до самой своей смерти. Конечная цѣль его состояла въ реорганизаціи общества, цѣль, занимавшая его еще въ почти дѣтскомъ возрастѣ. Но, пройдя ступени вѣры въ дѣйствительность реформъ политическихъ и въ болѣе глубокіе, но внѣ положительныхъ знаній стоящія реформы соціальныя, Контъ убѣдился наконецъ, что прочная и коренная реорганизація общества можетъ имѣть мѣсто только по установленіи строго-научнымъ путемъ законовъ общественныхъ явленій. Мысль о необходимости новаго общественнаго порядка, и притомъ порядка, основаннаго на безспорныхъ началахъ науки, развита Контомъ съ такою небывалою силою и обстоятельностью, что даже въ высшей степени враждебный и въ высшей степени несправедливый къ нему Гёкели принужденъ сказать: «Изъ изученія сочиненій Конта я вынесъ убѣжденіе, — за возбужденіе котораго я вѣчно ему буду благодаренъ,—что устройство общества на новыхъ и исключительно научныхъ началахъ есть не только практическое предпріятіе, но и единственный политическій предметъ, въ самомъ дѣлѣ заслуживающій нашихъ усилій и нашей борьбы» (Космосъ, № 5, стр. 78). Чрезъ всю дѣятельность Конта, не исключая и его позднѣйшихъ заблужденій, свѣтлою нитью проходитъ одна простая, но глубокая идея: необходимость такъ экономизировать силы природы и человѣка, чтобы трата ихъ вознаграждалась соотвѣтственною прибылью. Я не утверждаю, чтобы онъ гдѣ нибудь такимъ именно образомъ формулировалъ свою задачу, но

http://rcin.org.pl

присутствіе этой идеи для меня очевидно и въ его анализѣ трехъ методовъ мышленія, и въ его законѣ трехъ фазисовъ, и въ классификаціи наукъ, и въ постройкѣ философій отдѣльныхъ наукъ, и въ переходѣ къ утвержденію необходимости субъективнаго метода въ общественной наукѣ, во множествѣ, наконецъ, частностей его позднѣйшихъ и въ цѣломъ ниже всякой критики стоящихъ сочиненій. Въ виду этой идеи, можетъ быть имъ самимъ смутно сознаваемой (въ чемъ я, впрочемъ, отнюдь не убѣжденъ) или по крайней мѣрѣ въ виду болѣе спеціализированнаго выраженія этой идеи,—въ виду необходимости новаго и правильнаго, въ смыслѣ науки, общественнаго порядка, Контъ предпринялъ и совершилъ дѣло, по истинѣ гигантское. Требовалось опредѣлить границы человѣческой природы и заставить людей принять какъ для теоретической, такъ и для практической дѣятельности, такой девизъ: только то, что могу, но все, что могу. Для этого Контъ подвергъ строгому анализу тѣ способы мышленія, разнохарактерностью которыхъ обусловливалась умственная анархія общества. Такихъ способовъ оказалось три: теологическій, метафизическій и положительный. Затѣмъ Контъ опредѣлилъ ихъ преемственную связь и относительное значеніе, а равно и отношеніе ихъ къ другимъ факторамъ общественной жизни. Требованіе экономіи умственныхъ силъ само собою должно было отодвинуть назадъ какъ стремленіе проникнуть въ сущность явленій, познать вещи въ себѣ, такъ и излишнюю спеціализацію знаній. Корабль человѣческой мысли былъ нагруженъ страшно, черезъ край; въ составъ груза входило много въ высшей степени драгоцѣнныхъ вещей, но много было и совершенно негоднаго баласта; вдобавокъ все это валялось въ безпорядкѣ и затрудняло управленіе ходомъ корабля. Задача слѣдовательно была двойная: выкинуть за бортъ человѣческой мысли всю неподлежащую ея вѣдѣнію область непознаваемаго, и расположить познаваемое, если можно такъ выразиться, по линіи наименьшаго сопротивленія. Первая половина задачи рѣшена Контомъ такимъ образомъ: ни сущности явленій, ни дѣйствительной ихъ первичной причины мы не знаемъ и, по природѣ своей, знать не можемъ; мы знаемъ

http://rcin.org.pl

только самыя явленія, поскольку они подлежатъ наблюденію и опыту, и тѣ постоянныя взаимныя отношенія, въ которыя они, по свидѣтельству нашего опыта, другъ къ другу становятся, и самое это знаніе только относительное. Имѣлъ ли Контъ относительно этой доктрины предшественниковъ? Имѣлъ очень многихъ. Предшественниковъ не имѣлъ только извѣстный первый портной. Приставать къ Конту на этомъ общемъ пунктѣ съ вопросомъ: что ты сказалъ новаго? и сообразно съ этимъ выдвигать ту или другую сторону суздальской альтернативы «либо ручку пожалуйте, либо въ зубы» — есть величайшая нелѣпость. Прогрессъ положительныхъ философскихъ идей не имѣетъ никакого сходства съ прогрессомъ огнестрѣльныхъ оружій и освѣтительныхъ снарядовъ, при какомъ мы нынѣ присутствуемъ: здѣсь дѣйствительно вооружили вы сегодня армію ружьями Шасспо и купили свѣчку Шандора, завтра — если вы хотите быть au courant, слѣдить за прогрессомъ, бросайте Шасспо и Шандора и покупайте Врадія и не знаю еще кого; послѣ завтра опять бросайте и опять покупайте и т. д. Такое коловращеніе постоянной смѣны *метафизическихъ* системъ дѣйствительно имѣетъ мѣсто въ исторіи философіи. Ибо метафизикъ черпаетъ свой матеріалъ изъ самаго себя, изъ собственной личности, и, исчернавъ себя до дна, т.-е. превратившись въ выѣденное яйцо, передаетъ своимъ наслѣдникамъ право сызнова начать такое самоѣденіе. Но не то бываетъ съ положительною, научною стороною философскихъ системъ. Контъ выразилъ въ своей основной доктринѣ условія, необходимыя для истинно научнаго изслѣдованія, и потому естественно, что всѣ предъидущія научныя работы необходимо удовлетворяли требованіямъ положительной философіи, иначе онѣ не были бы научными. Такимъ образомъ всѣ люди науки до Конта были его практическими предшественниками. Но онъ имѣлъ и теоретическихъ предшественниковъ. Отдѣлить область непознаваемаго отъ области доступнаго человѣческому вѣдѣнію было задачею многихъ умовъ даже въ глубокой древности, и для того, чтобы прослѣдить всю филіацію этой идеи слѣдуетъ, быть можетъ, подняться

http://rcin.org.pl

до древнѣйшихъ скептиковъ, до Пиррона, современника Александра Македонскаго. Но слѣдуетъ замѣтить, что большинство этихъ предшественниковъ не могли остановиться во время и, вмѣстѣ съ баластомъ, выбрасывали за бортъ и вещи первой необходимости. Сомнѣнія въ возможности познать нумены, вещи въ себѣ, вещи, каковы онѣ дѣйствительно, а не только какови они намъ представляются, сомнѣнія эти и совершенное отрицаніе этой возможности сплошь и рядомъ вели къ сомнѣніямъ и къ прямому отрицанію неизмѣнности причинной связи, существованія внѣшняго міра и проч. Чисто діалектическимъ путемъ нетрудно добѣжать до такихъ выводовъ, и въ метафизической системѣ они могутъ занять свое законное мѣсто; но съ точки зрѣнія науки и положительной философіи такіе выводы могутъ быть разсматриваемы только какъ попытки поднять кверху обѣ ноги заразъ. Были наконецъ еще болѣе близкіе предшественники, которымъ удалось подойти вплотную къ опредѣленію естественныхъ рамокъ умственной дѣятельности человѣка. Между ними Юмъ занимаетъ очень видное мѣсто. Однако между нимъ и Контомъ есть одна важная разница. Юмъ утверждалъ—какъ видитъ читатель изъ приведенной въ статьѣ г. Г. В. выписки изъ рѣчи англійскаго епископа, на которую Гексли указываетъ какъ на доктрину Юма и «новой философіи».— что не только мы не знаемъ причинъ явленій, а только ихъ послѣдовательность и сосуществованіе, но что собственно и нѣтъ такихъ причинъ, которыя бы не были продуктами другихъ причинъ. Съ точки зрѣнія скептической философіи Юма это былъ выводъ справедливый. Съ точки же зрѣнія положительной философіи причины эти не подлежатъ ни утвержденію, ни отрицанію. Въ окончательномъ результатѣ мы должны признать вмѣстѣ съ Миллемъ, что «основаніе философіи Конта отнюдь не составляетъ его исключительной собственности: это общее наслѣдіе вѣка, хотя далеко неусвоенное многими даже сильными умами. Такъ называемая положительная философія есть не новѣйшее изобрѣтеніе Конта, но простое признаніе традицій всѣхъ великихъ научныхъ умовъ, открытія которыхъ сдѣлали людей тѣмъ, что они суть. Самъ

http://rcin.org.pl

Контъ никогда и не смотрѣлъ иначе на свое ученіе, но онъ сдѣлалъ его *своимъ*, способомъ его обработки». (Auguste Comte et le positivisme, par J. Stuart Mill. Paris, 1868, p. 9. Цитирую по французскому переводу, потому что русскій сдѣланъ очень плохо). Милль справедливо замѣчаетъ далѣе, что для основательнаго знакомства съ предметомъ, мы должны знать не только что онъ есть, но и въ чемъ состоятъ особенности отрицающихъ его, борящихся, соперничающихъ съ нимъ предметовъ. Контъ исполнилъ эту работу, разграничивъ и подвергнувъ анализу теологическое и метафизическое міросозерцанія. Но этого мало. Дѣло не только въ томъ, чтобы ясно опредѣлить область непознаваемаго и опредѣлить и отбросить теологическія и метафизическія объясненія явленій. Мы не знаемъ и не можемъ знать нуменовъ, вещей въ себѣ, мы знаемъ только феномены въ ихъ связи послѣдовательности и сосуществованія; но самые эти феномены, какъ представители различныхъ (феноменально различныхъ) областей познаваемаго, имѣютъ различныя степени сложности и потому требуютъ для своего изслѣдованія различныхъ пріемовъ. Требуется слѣдовательно расположить весь матеріалъ познаваемаго, какъ я выразился, по линіи наименьшаго сопротивленія. Требованіе это Контомъ блистательно удовлетворено при помощи его классификаціи наукъ. Мы увидимъ ниже, до какой степени не понялъ этой классификаціи Гёксли. Раздѣливъ науки на абстрактныя и конкретныя и предоставивъ будущему классификацію послѣднихъ, какъ въ настоящее время еще недостаточно опредѣлившихся, Контъ сосредоточилъ свое вниманіе на наукахъ абстрактныхъ. Порядокъ, въ которомъ онъ ихъ расположилъ, извѣстенъ: математика, астрономія, физика, химія, біологія и соціологія. Соціологія—цѣль жизни Конта, оказалась такимъ образомъ наверху лѣстницы, размѣрами и высотой своей способной оттолкнуть каждаго. Но, разъ убѣдившись, что общественная наука можетъ быть построена не иначе, какъ на основаніи низшихъ наукъ, Контъ не задумался подняться по этой лѣстницѣ, не пытаясь однако скрыть отъ себя трудности предпринятаго имъ дѣла. Шагъ за шагомъ прошелъ онъ эту тяже-

http://rcin.org.pl

лую дорогу и написалъ послѣдовательно одну за другою философіи шести наукъ своего ряда. Это не курсы математики, астрономіи, физики и т. д., потому что главное вниманіе въ нихъ устремлено на анализъ пріемовъ, наиболѣе пригодныхъ для той или другой науки, для изслѣдованія той или другой группы явленій; задача эта можетъ только отчасти входить въ обыкновенные, такъ называемые курсы, имѣющіе главною цѣлью передачу результатовъ науки, а не изслѣдованіе ея методовъ. Здѣсь же, при изложеніи философіи отдѣльныхъ наукъ, Контъ имѣлъ случай на каждой изъ нихъ повѣрить свой законъ трехъ фазисовъ. Нечего и говорить, что такая громадная работа не могла обойтись безъ частныхъ ошибокъ. Тутъ нѣтъ ничего удивительнаго. Удивляться надо тому, что сумма ошибокъ все-таки такъ ничтожна.

Контъ былъ уже близокъ къ берегу. Онъ уже съ замѣчательнымъ успѣхомъ справился съ соціальной динамикой, довольно неудачно съ соціальной статикой. Онъ даже счастливо ступилъ на берегъ, провозгласивъ необходимость субъективнаго метода въ общественной наукѣ. Жизнь и наука готовы были сблизиться, наука о природѣ и наука общественная—слиться въ одно цѣльное и живое міросозерцаніе. Но множество причинъ помѣшало осуществленію этого великаго дѣла. Страшная работа мысли (до какой степени напряженно работалъ Контъ, можно видѣть изъ того, что весь первый томъ его «Курса» написанъ въ три мѣсяца), семейныя непріятности (послѣ нѣсколькихъ лѣтъ не особенно счастливой жизни Контъ развелся съ женой; трудно судить эти duels domestiques, какъ выражается Контъ въ одномъ письмѣ къ Миллю, но по отзывамъ, какъ самого Конта, такъ и другихъ, его жена была прекрасная женщина), гнетущая бѣдность (онъ перебивался уроками математики, иногда журнальной работой, получалъ одно время субсидію отъ трехъ англійскихъ почитателей, между которыми не безынтересно видѣть извѣстнаго автора исторіи Греціи—Грота)—все это постепенно подломило необыкновенныя умственныя силы Конта. Онъ сошелъ съ ума еще въ 1826 году, при самомъ началѣ публичныхъ лекцій,

http://rcin.org.pl

составившихъ впослѣдствіи курсъ положительной философіи. Лекціи эти были имъ возобновлены только черезъ два года. Сумасшествіе не оставило, повидимому, никакихъ слѣдовъ. Но, послѣ развода съ женой, онъ, какъ свидѣтельствуютъ нѣкоторыя указанія, подвергся новому душевному разстройству, которое не было такъ сильно, какъ первое, но продолжалось до конца его жизни. Этому, кажется, помогло отчасти и запоздалое чувство любви къ г-жѣ де Во. Я укажу, наконецъ, еще на одну важную причину неудачи Конта въ области соціологіи: какъ уже было замѣчено выше, Контъ соединялъ съ громадными умственными силами довольно ординарный, чтобы не сказать болѣе, нравственный характеръ. Его общественный идеалъ былъ очень не высокъ, а разъ принятъ субъективный методъ въ общественной наукѣ, обстоятельство это, и помимо сумасшествія, должно было крайне невыгодно повліять на все построеніе «Позитивной политики». Низкій уровень его общественнаго идеала сказался не только въ «Позитивной политикѣ», а и въ самыхъ раннихъ его произведеніяхъ и въ «Курсѣ положительной философіи», когда онъ еще держался за объективный методъ. Какъ бы то ни было, въ своемъ новомъ направленіи Контъ шелъ очень быстро. Скоро онъ провозгласилъ новую религію, объявилъ себя первосвященникомъ, создалъ культъ, составилъ новый календарь и надѣлалъ бездну глупостей, давшихъ впослѣдствіи столь обильную пищу суздальцамъ различныхъ мастей. Мы не будемъ приводить примѣровъ, это и грустно и ненужно; для всякаго непредубѣжденнаго человѣка должно быть очевидно, что послѣдніе годы жизни Конта ставить ему въ счетъ нельзя. Ученики Конта распались на двѣ группы. Одни, которыхъ можно назвать собственно позитивистами, остались вѣрными идеямъ «Курса положительной философіи»; другіе — ихъ можно, пожалуй, назвать контистами—приняли всего Конта цѣликомъ, отъ первой до послѣдней строки. Это—суздальцы. Къ нимъ относятся въ Англіи Бриджъ, Конгревъ, Бертонъ, во Франціи—Робине, Блиньеръ и другіе. Къ Литтре и другимъ позитивистамъ контисты относятся крайне враждебно, называютъ ихъ отще-

http://rcin.org.pl

пенцами, еретиками. Позитивисты, въ свою очередь, изъ деликатности никогда не говорятъ о контистахъ. Такимъ образомъ, эти двѣ фракціи учениковъ Конта отнюдь не должны быть смѣшиваемы, и подняться на это дѣло можетъ только суздальская критика. Поэтому, когда Гёкели громитъ Конгрева, одного изъ самыхъ ярыхъ контистовъ, поскольку послѣдній отстаиваетъ вторую половину философской дѣятельности Конта, то позитивистамъ до этого обстоятельства дѣла весьма мало, и они имѣютъ право примѣнить къ этому обстоятельству слова самого Гёкели, съ которыми онъ обращается къ англійскому прелату насчетъ Конта. Они могутъ сказать: «Пусть почтенный профессоръ сокрушаетъ Конгрева тяжестью своей діалектики и разрываетъ его на куски, какъ новаго Агага; мы не будемъ пытаться остановить его руку».

Мнѣ бы хотѣлось теперь опредѣлить, для ясности дѣла, свои собственныя отношенія къ позитивизму. Я буду кратокъ, тѣмъ болѣе, что не разъ уже имѣлъ случай касаться нѣкоторыхъ наиболѣе выдающихся пунктовъ ученія Конта. Вмѣстѣ съ обѣими фракціями учениковъ Конта, я принимаю основныя положенія позитивизма о границахъ изслѣдованія, положенія, ни мною и ни однимъ, по крайней мѣрѣ, позитивистомъ (контисты, можетъ быть, есть и такіе, да и то не ручаюсь) не передаваемыя въ исключительную собственность Конта. Его классификацію наукъ я признаю одною изъ величайшихъ философскихъ концепцій, какія когда-либо являлись на свѣтъ божій и надѣюсь показать, что Гёкели не понялъ ни ея, ни Контова анализа различныхъ научныхъ методовъ. Законъ трехъ фазисовъ, не удовлетворяющій меня окончательно, я признаю, однако, обобщеніемъ въ высшей степени замѣчательнымъ, а нападки на него Гёкели — въ такой же степени неосновательными. Затѣмъ мы расходимся съ обѣими фракціями учениковъ Конта. Соглашаясь съ контистами, что Контъ поступилъ правильно, перейдя къ субъективному методу въ общественной наукѣ, мы тѣмъ самымъ расходимся съ позитивистами, которые утверждаютъ необходимость въ соціологіи метода объективнаго, и нѣ-

http://rcin.org.pl

которыя попытки приложенія этого метода мы считаемъ совершенно неудовлетворительными. Соглашаясь съ позитивистами въ томъ, что «Позитивная политика» Конта есть произведеніе до послѣдней степени слабое (позитивисты полагаютъ, что слабость эта есть результатъ примѣненія субъективнаго метода, мы же приписываемъ ее другимъ причинамъ),—мы тѣмъ самымъ расходимся съ суздальцами-контистами, принимающими и религію, и культъ, и календарь Конта и проч. Еще одно обстоятельство. Въ ближайшей связи съ закономъ трехъ фазисовъ находится вѣрованіе Конта и позитивистовъ, что, слѣдя за прогрессомъ умственнымъ, мы можемъ получить ясное понятіе о прогрессѣ и другихъ общественныхъ факторовъ. Литтре, впрочемъ, принимаетъ, кажется, это вѣрованіе съ довольно большими ограниченіями. Когда я познакомился съ великимъ произведеніемъ Конта, я имѣлъ на этотъ счетъ свои собственные, достаточно уже установившіеся взгляды; я полагалъ именно и полагаю, что законовъ прогресса слѣдуетъ искать въ развитіи самой общественности, то есть въ развитіи и послѣдовательной смѣнѣ различныхъ формъ кооперацiи. Знакомство съ Контомъ меня въ этомъ не разубѣдило. Эти личныя строки внушены мнѣ желаніемъ показать, что мною не руководятъ никакія фракціонныя соображенія. При томъ же, опровергая возраженія Гёкели, я не буду имѣть повода указать на пункты своего разногласія съ доктринами позитивистовъ, а мнѣ не хотѣлось бы, чтобы мнѣ была приписана большая доля согласія съ ними, чѣмъ какая существуетъ на самомъ дѣлѣ.

Занимающая насъ полемика была вызвана слѣдующими словами Гёкели: «Я нашелъ въ вашихъ газетахъ (Гёкели читалъ публичную лекцію въ Эдимбургѣ) краснорѣчивую рѣчь о *границахъ физическаго изслѣдованія*, которую за день до этого произнесъ предъ членами философскаго института извѣстный прелатъ англійской церкви. Эта рѣчь вращается около этого же предмета границъ философскаго изслѣдованія, и я никакъ иначе не могу лучше высказать здѣсь мои собственныя мысли объ этомъ предметѣ, какъ поставивши ихъ въ параллель съ мысля-

http://rcin.org.pl

ми, которыя архіепископъ йоркскій высказалъ столь просто и вообще столь точно. Но, да позволено мнѣ будетъ сдѣлать здѣсь предварительное замѣчаніе о фактѣ, который особенно меня удивилъ. Примѣняя къ этому опредѣленію границъ физическаго изслѣдованія, которое я вмѣстѣ со многими учеными считаю вѣрнымъ, названіе *новой философіи*, архіепископъ начинаетъ свою рѣчь отождествленіемъ этой *новой философіи* съ положительной философіей Огюста Конта (на котораго онъ смотритъ, какъ на основателя ея) и затѣмъ сильно нападаетъ на этого философа и на его ученія. Пусть почтенный прелатъ сокрушаетъ Огюста Конта тяжестью своей діалектики и разрываетъ его на куски какъ новаго Агага; я не буду пытаться остановить его руку. Когда я изучалъ характеристическія черты положительной философіи, то нашелъ въ ней весьма мало, я могу даже сказать рѣшительно ничего такого, что имѣло бы какую нибудь научную цѣнность, и, взамѣнъ того, нашелъ много особенностей, столь же противныхъ самой сущности науки, какъ и все, что есть противонаучнаго въ католическомъ ультрамонтанствѣ. Вообще философію Огюста Конта, мнѣ кажется, можно охарактеризовать практически, назвавши ее католицизмомъ безъ христіанства. Но что можетъ быть общаго между философіей Огюста Конта и *новой философіей*, какъ ее опредѣляетъ архіепископъ въ слѣдующемъ мѣстѣ своей рѣчи (слѣдуетъ характеристика «новой философіи», сдѣланная архіепископомъ йоркскимъ и приведенная у насъ выше, въ замѣткѣ г. Г. В). Въ этомъ отрывкѣ дѣйствительно указаны черты, которыя могутъ характеризовать духъ *новой философіи*, если разумѣть подъ этимъ словомъ духъ новой науки; но я не могу не удивляться, когда подумаю, что образованное и ученое общество Эдимбурга могло безъ малѣйшаго протеста слушать, что основателемъ этихъ ученій называютъ Огюста Конта. Никто не обвинитъ шотландцевъ въ томъ, что они вообще забываютъ своихъ національныхъ знаменитостей; но тѣнь Давида Юма не должна ли была задрожать во гробѣ, когда въ четырехъ шагахъ отъ дома, въ которомъ онъ жилъ, вы могли слушать безъ вы-

http://rcin.org.pl

раженія ропота, какъ его характеристическія доктрины приписываются французскому писателю, который жилъ 60 лѣтъ спустя и тяжелыя и многословныя сочиненія котораго такъ мало напоминаютъ силу мысли и удивительную точность слога того, котораго я не боюсь назвать превосходнѣйшимъ мыслителемъ XVIII вѣка, хотя этотъ вѣкъ произвелъ и Канта?» («Космосъ», № 2-й, стр. 162 и слѣд.).

Спрашивается теперь, съ чего архіепископъ йоркскій взялъ, что указанныя имъ доктрины, которыя Гексли признаетъ основаніями «новой философіи», принадлежатъ Конту. Положимъ, что архіепископъ грубо заблуждается, указывая на Конта, какъ на основателя этихъ доктринъ, или отдавая ихъ ему въ исключительное владѣніе. Но вѣдь какое-нибудь основаніе архіепископъ имѣлъ же, и основаніе это, безъ сомнѣнія, было очень основательное: архіепископъ, безъ сомнѣнія, просто изложилъ общую часть ученія Конта, какъ понялъ ее при чтеніи сочиненій Конта. Гексли и не отрицаетъ, чтобы нѣчто, близко подходящее къ его *новой философіи*, не находилось въ сочиненіяхъ Конта. Онъ только возмущается тѣмъ, что забыто право первородства Юма. Итакъ, существенные элементы «новой философіи» у Конта изложены, допустимъ даже, что они завалены кучей несообразностей, допустимъ, что Контъ ихъ просто выписалъ у Юма; а Гексли, какъ видно изъ его отвѣта Конгреву, не думаетъ уличать Конта въ заимствованіи у Юма и дѣлаетъ даже предположеніе, что Контъ Юма и не читалъ. Но если такъ и если духъ новой философіи есть духъ новой науки, то какой смыслъ имѣетъ заявленіе Гексли, что онъ не нашелъ у Конта *рѣшительно ничего* такого, что имѣло бы научную цѣнность? Вопросъ этотъ мы, впрочемъ, задаемъ только мимоходомъ и большой важности ему не придаемъ, какъ не придавалъ вѣроятно особеннаго значенія и Гексли своей первой внезапной вылазкѣ противъ Конта. Что касается до филіаціи идей положительной философіи, я говорилъ объ этомъ выше. Вопросъ о спеціальныхъ отношеніяхъ философіи Юма къ философіи Конта я не могу рѣшить собственными силами, такъ-какъ знакомъ

http://rcin.org.pl

съ сочиненіями Юма изъ вторыхъ рукъ. Но, признавая себя въ этомъ дѣлѣ судьей не компетентнымъ, я, однако, оставляю за собой право выбрать себѣ судью компетентнаго. Я выбираю Милля, авторитетъ котораго въ дѣлѣ философіи стоитъ безспорно выше авторитета Гёксли. У Милля же я читаю слѣдующее. Отмѣтивъ Бэкона, Декарта и особенно Ньютона, какъ близко подошедшихъ, въ болѣе отдаленныя времена, къ уразумѣнію основной доктрины положительной философіи, Милль говоритъ, что «во всей своей общности она была впервые схвачена Юмомъ, который забѣжалъ нѣсколько далѣе Конта», именно отрицая нетолько возможность познанія, а и самое существованіе причинъ и сущностей. «Между прямыми наслѣдниками Юма, говоритъ далѣе Милль, писатель, наилучше изложившій и защищавшій основную доктрину Конта, есть докторъ Томасъ Броунъ. Доктрина и духъ философіи Броуна вполнѣ позитивны, и нѣтъ лучшаго приготовленія къ позитивизму, какъ первая часть его лекцій» («A. Comte et le positivisme», 9). Кажется, ясно, что, по Миллю, по крайней мѣрѣ, патріотическое воззваніе Гексли къ жителямъ Эдинбурга не особенно основательно. Развѣ, можетъ быть, и Милля обличитъ въ недостаткѣ патріотизма? Но не съ однимъ Миллемъ придется это сдѣлать. Льюисъ, напримѣръ, въ своей исторіи философіи воздаетъ должную дань почтенія и удивленія генію Юма, но въ концѣ концовъ открыто становится въ ряды позитивистовъ и приноситъ Конту дань уваженія еще большую. Насколько я могу судить о философіи Юма, я думаю, что къ Конту могутъ быть *по малой мѣрѣ* примѣнены уже цитированныя мною слова его противника, Спенсера, именно что «вмѣсто смутной и неопредѣленной идеи, Контъ далъ міру идею опредѣленную и въ высокой степени выработанную».

Приведенныя слова Гексли вызвали отвѣтъ Конгрева. Это, какъ уже сказано, суздалецъ, то-есть человѣкъ, могущій сослужить пріятелю службу только на манеръ прославленнаго медвѣдя, слишкомъ неразумно отгонявшаго мухъ отъ лица человѣка. Его статью, уснащенную примѣчаніями редакціи «Космоса», мы обойдемъ совсѣмъ, какъ незаслуживающую никакого впима-

http://rcin.org.pl

нія. Справедливость требуетъ, однако, сказать, что статья положительнаго суздальца Конгрева, по своему сдержанному и приличному тону, составляетъ рѣзкій контрастъ съ энергическими, хотя довольно безтолковыми, восклицательно-препинательнаго свойства примѣчаніями отрицательныхъ суздальцевъ—редакціи «Космоса».

Отвѣтъ Гёкели Конгреву начинается очень игриво. Гёкели вспоминаетъ о томъ времени, когда онъ впервые сталъ читать Конта, съ разными шуточками прибауточками. Но оставляя въ сторонѣ вопросъ о степени остроумія этихъ шуточекъ и прибауточекъ, мы съ сожалѣніемъ должны сказать, что здѣсь же Гёкели дѣлаетъ первый шагъ на скользкомъ пути суздальской критики. Передо мной лежитъ книга нѣкоего Пуату «Les philosophes français contemporains et leurs systèmes religieux» (Paris, 1864); книжка очень поверхностная и написанная въ защиту началъ, нынѣ выживающихъ свои предпослѣдніе дни въ Римѣ. И, однако, этотъ Пуату обнаруживаетъ въ своихъ сужденіяхъ о позитивизмѣ гораздо менѣе суздальства, чѣмъ Гёкели. Онъ говоритъ, напримѣръ: «Положительная или позитивная философія прошла нѣсколько фазисовъ. Сначала она желала ни болѣе, ни менѣе, какъ реорганизовать всѣ науки и создать новую, верховную науку—науку соціальную. Но скоро основатель позитивизма не удовлетворился этою цѣлью, его соблазнила роль пророка; онъ выдумалъ *позитивную* религію, провозгласилъ ея догматы и составилъ катехизисъ. Наконецъ, — и этотъ третій періодъ продолжается до сихъ поръ, — позитивная философія благоразумно отказалась отъ этихъ гордыхъ претензій и обратилась просто въ научную форму скептицизма» (devint une forme savante du scepticisme) (85). Это очень неглубокое сужденіе, но не суздальское: авторъ не свалилъ въ одну кучу все, что обыкновенно называется позитивизмомъ, а усмотрѣлъ въ немъ вещи, между собою очень различныя. Передо мною лежитъ другая книга, извѣстная книга Луи Рейбо о «современныхъ реформаторахъ». Въ ней я читаю: «Философія Конта — философія только по имени. Это просто механическій переходъ

http://rcin.org.pl

отъ геометріи, черезъ физику и химію, къ человѣку и человѣчеству. Здѣсь все автоматично и искусственно. Нѣсколько позже Контъ обратился, онъ имѣлъ видѣніе, какъ Павелъ на дорогѣ въ Дамаскъ, онъ проникся религіознымъ чувствомъ и возвратился къ идеямъ догмы и культа. Но и здѣсь его преслѣдуетъ гордость. Онъ хочетъ создать нѣчто новое вмѣсто того, чтобы довольствоваться готовымъ. Печальное извращеніе мысли, оправдываемое только болѣзненнымъ состояніемъ мозга». Это тоже не особенно глубоко, но суздальства здѣсь все таки меньше, чѣмъ у Гёксли. Гёксли и не думаетъ различать «позитивистовъ» и «контистовъ», первую половину дѣятельности Конта и вторую. Глумясь надъ намѣреніемъ Конта «réorganiser, sans Dieu ni roi, par le culte systématique de l'Humanité»—«разрушенное зданіе современнаго общества», Гёксли нисколько не обращаетъ вниманія на то, что значительнѣйшая и вліятельнѣйшая часть позитивистовъ, учениковъ Конта, не имѣетъ ничего общаго съ его культомъ человѣчества. Это, очевидно, тотъ самый суздальскій критическій пріемъ, который былъ недавно въ такомъ ходу у нашихъ отечественныхъ суздальцевъ—романистовъ и публицистовъ. Къ этому именно пріему должны быть отнесены слова редакціи «Космоса»: «благодаря ему, у насъ затаптывались мысли самыя здравыя, начинанія самыя благія, и люди, наиболѣе искренніе, наиболѣе проникнутые желаніемъ добра и истинной пользы, столь легко смѣшивались въ одинъ разрядъ съ площадными повѣсами» (№ 2. Предисловіе редакціи къ статьѣ «Рикардо и теорія цѣнности»).

А тотъ украдкою киваетъ на Петра!

Но, можетъ быть, Гексли не зналъ, что позитивисты распадаются на два лагеря и что Контъ, въ послѣдніе годы своей жизни, находился въ состояніи полной невмѣняемости? Нѣтъ, Гёксли это зналъ, потому что онъ говоритъ, что читалъ книгу Литтре, въ которой имѣется подробное изложеніе дѣла; потому что онъ упоминаетъ (правда, только однажды) о «людяхъ, ста-

http://rcin.org.pl

рающихся провести разграничивающую линію между общимъ духомъ «положительной философіи» и духомъ «политики» и послѣдующими сочиненіями». Знакомство это слѣдуетъ, быть можетъ, видѣть и въ словахъ его: «я отъ души радъ, что попалъ въ руки Конгрева, а не въ руки кого нибудь изъ его сотоварищей, способности и сила которыхъ хорошо извѣстны мнѣ, и которые повели бы противъ меня иную систему атаки, которую было бы не такъ легко отразить». Посмотримъ же на возраженія Гёкели. Они раздѣляются на четыре параграфа, озаглавленные такъ: 1) «Позитивизмъ есть католичество безъ христіанства»; 2) «Законъ трехъ фазисовъ развитія науки»; 3) «Классификація наукъ»; 4) «Позитивизмъ противенъ самой сущности науки».

Первый и послѣдній параграфы, несмотря на различіе заглавій, трактуютъ объ одномъ и томъ же, именно о той плоскости общественнаго идеала Конта, о которой мы уже упоминали выше. Что общественный идеалъ Конта весьма приближался къ организаціи католичества—это не подлежитъ никакому сомнѣнію: онъ и самъ говорилъ, что воюетъ только съ *доктриной* католичества, считая его *организацію* достойною многолѣтія. Но какое это отношеніе имѣетъ къ основнымъ положеніямъ Конта? Гекели, отправляясь отъ соціологическихъ заблужденій Конта и въ частности именно отъ его принципа новой духовной власти, нытается ихъ несостоятельностью доказать «противонаучность» всей положительной философіи. Это крайне легкомысленно, посуздальски легкомысленно. Отправляясь отъ совершенно вѣрной идеи, что общественная наука можетъ быть построена не иначе, какъ при существенной и непосредственной помощи біологіи, Спенсеръ приходитъ къ заключенію, что общество есть организмъ. Считая такое представленіе объ обществѣ въ высшей степени превратнымъ и ненаучнымъ, долженъ ли я, имѣю ли я какое нибудь логическое право отбросить и исходную точку Спенсера? Это значило бы «все или ничего», «либо въ зубы, либо ручку пожалуйте». Другое дѣло было бы, еслибы Гекели доказалъ существованіе органической связи между всѣми частями ученій Конта. Но Гекели этого не сдѣлалъ и не могъ сдѣлать, потому что какъ

http://rcin.org.pl

никакъ, а Юма онъ въ Контѣ все-таки встрѣтилъ бы. Гекели ссылается, правда, на свидѣтельство самого Конта, что его философія и политика связаны неразрывно, но свидѣтельство Конта не имѣетъ здѣсь ровно никакого значенія, ибо всякій мыслитель полагаетъ, что всѣ части его ученія составляютъ одно неразрушимое цѣлое. Постороннему же, безпристрастному наблюдателю очень не трудно увидѣть бѣлыя нитки. Рѣшая вопросъ на суздальскій манеръ Гекели, можно пожалуй сказать, что доктрины столь любезнаго ему Юма находятся въ органической связи съ консервативными и даже прямо ретроградными политическими убѣжденіями этого знаменитаго философа. И безъ сомнѣнія самъ Юмъ находилъ, что между его философіей и его ненавистью къ политической свободѣ никакой розни нѣтъ. Но кто же бы ему повѣрилъ? Я, по крайней мѣрѣ, охотнѣе повѣрю слѣдующей не суздальской, но мѣткой характеристикѣ Бокля: «Проницательный геній Юма подсказалъ ему, что въ философіи и въ чисто отвлеченныхъ сторонахъ религіозныхъ ученій ничего не можетъ быть сдѣлано безъ смѣлой и ничѣмъ не стѣсняемой свободы изслѣдованія. Но тутъ рѣчь шла о свободѣ его собственнаго класса, о свободѣ мыслителей. Сухость его мысли не дозволила ему распространить свое сочувствіе за предѣлы мыслящихъ классовъ, т.-е. классовъ, съ чувствами которыхъ онъ непосредственно вѣдался. Это доказываетъ, что его политическія ошибки произошли не отъ недостаточности изслѣдованій, какъ вообще полагали, а скорѣе отъ холодности темперамента. Вотъ что останавливало его на пути и сообщило его сочиненіямъ странный видъ—видъ твореній глубокаго и оригинальнаго мыслителя половины XVIII вѣка, защищающаго практическія доктрины столь нелиберальныя, что осуществленіе ихъ немедленно приводило бы къ деспотизму, и въ то же время защищающаго такія смѣлыя и свѣтлыя отвлеченныя доктрины, которыя стояли не только далеко впереди его вѣка, но, въ извѣстной степени, опережаютъ и нашъ вѣкъ» (Исторія цивилизаціи. II, 386). Пріятно остановиться на этихъ свѣтлыхъ строкахъ послѣ аляповатыхъ, суздальскихъ выходокъ Гёкели. Вы съ разу видите, что Бокль, такъ отчетливо

http://rcin.org.pl

разглядѣвшій въ Юмѣ полосы свѣта и тѣни, знаетъ цѣну свѣту и тѣни, дѣйствительно любитъ свѣтъ и дѣйствительно не любитъ тьмы. Сомнѣваюсь, чтобы кто-нибудь вывелъ подобное же заключеніе и о Гексли, по его размашистому обращенію съ Контомъ. Защищать политическій идеалъ Конта мы ни въ какомъ случаѣ не намѣрены и изъ выходокъ Гексли, наполняющихъ первый и четвертый параграфы его возраженій, отмѣтимъ только одну, побочную. Гёксли, признавая себя некомпетентнымъ въ вопросахъ соціологическихъ, что впрочемъ не мѣшаетъ ему бесѣдовать очень развязно и объ нихъ, ссылается на авторитетъ Милля, который разобралъ мнѣнія по этому предмету Конта и «съ силой» и «съ строгостью, по временамъ доходящею даже до презрѣнія». Это положительно ложь, не столько въ словахъ (хотя и тутъ собственно «презрѣніе» изобрѣтено самимъ Гёксли), сколько въ тонѣ и въ недомолвкѣ. Книга Милля о Контѣ переведена на русскій языкъ, и каждый читатель можетъ убѣдиться, что Милль съ величайшимъ уваженіемъ относится къ Конту вообще и къ его заслугамъ въ соціологіи въ частности. Правда, Милль, вмѣстѣ со всѣми благомыслящими людьми, со включеніемъ и прямыхъ учениковъ Конта, совершенно отвергаетъ вторую половину дѣятельности Конта, почти исключительно посвященную разработкѣ соціологіи. Но, не говоря уже о томъ, что и здѣсь Милль относится къ Конту не посуздальски, и здѣсь находитъ многія цѣнныя мысли и указанія,—Милль принимаетъ всю соціальную динамику Конта, принимаетъ методъ, предложенный имъ для соціологіи (а съ философской точки зрѣнія, на которую Гёксли никакъ не можетъ подняться, вопросъ о методѣ есть вопросъ о наукѣ), признаетъ, наконецъ, образцовымъ Контовъ анализъ отношеній соціологіи къ низшимъ наукамъ.

Второй и третій тезисы Гёксли—несостоятельность и противорѣчивость закона трехъ фазисовъ и классификаціи наукъ—для насъ гораздо интереснѣе. Третій параграфъ Гёксли начинаетъ съ указанія нѣкоторыхъ частныхъ ошибокъ въ шести томахъ курса положительной философіи. Дѣло это не трудное, такъ что Гёксли могъ бы, по всей вѣроятности, найти такихъ

http://rcin.org.pl

ошибокъ гораздо больше, чѣмъ нашелъ: онъ ихъ приводитъ только четыре — одну изъ второго тома, двѣ изъ третьяго и одну изъ шестого. Двѣ изъ нихъ могли бы быть до извѣстной степени оспариваемы, но дѣло не въ этомъ. Мнѣ хочется только указать, въ параллель мнѣнію Гексли о несостоятельности Контовыхъ предсказаній вѣроятной будущности той или другой отрасли знанія—его замѣчательное указаніе на вѣроятную будущность и историческое значеніе науки о языкѣ (помнится, въ примѣчаніи къ одной изъ лекцій четвертаго тома) Послѣ этого указанія четырехъ ошибокъ, Гексли переходитъ къ разбору закона трехъ фазисовъ. Онъ утверждаетъ, что все когда-либо объ этомъ законѣ Контомъ сказанное, есть не что иное, какъ рядъ противорѣчій, не говоря уже о томъ, что законъ этотъ находится въ противорѣчіи съ дѣйствительнымъ ходомъ вещей. Для доказательства этого положенія Гексли дѣлаетъ, вопервыхъ, довольно длинную выписку изъ перваго тома курса положительной философіи, суть которой заключается въ слѣдующихъ словахъ: «Этотъ великій основной законъ, по моему мнѣнію, можетъ твердо опираться какъ на раціональныхъ доводахъ, почерпнутыхъ изъ изученія нашей организаціи, такъ и на исторической провѣркѣ, основанной на внимательномъ изученіи прошедшаго. Этотъ законъ заключается въ томъ, что каждое изъ нашихъ основныхъ понятій и каждая отрасль нашихъ знаній проходитъ послѣдовательно три различные теоретическіе фазиса: фазисъ теологическій или фиктивный; фазисъ метафизическій или отвлеченный; фазисъ научный или положительный. Инымп словами, человѣческій умъ по своей природѣ послѣдовательно употребляетъ, въ каждомъ изъ своихъ изслѣдованій, три метода философствованія, *характеры которыхъ существенно различны и даже радикально противоположны другъ другу* (курсивъ, какъ въ этой, такъ и въ слѣдующей выпискѣ, принадлежитъ Гексли). Отсюда три рода философій, *взаимно исключающихъ другъ другу*, или три главныя системы воззрѣній на совокупность явленій». По Гексли, изложеніе это резюмируется такъ: «а) человѣческій разумъ въ силу неизмѣнной необходимости подчиненъ закону, который можетъ быть

http://rcin.org.pl

доказанъ a priori, на основаніи сущности самаго разума; и съ другой стороны, если справиться въ исторіи, мы увидимъ, что разумъ всегда подчинялся этому закону. b) Каждая отрасль человѣческихъ знаній проходитъ три фазиса, начиная непремѣнно съ перваго. c) Эти три фазиса взаимно исключаютъ другъ друга, такъ-какъ они существенно и даже радикально противоположны между собою». Затѣмъ Гексли дѣлаетъ другую длинную выписку, изъ четвертаго тома Контова курса, гдѣ дѣло идетъ вотъ о чемъ: «Собственно говоря, теологическая философія, даже во время нашего индивидуальнаго и общественнаго дѣтства, не могла быть строго всеобщею, т.-е. въ отношеніи къ нѣкоторымъ родамъ явленій, *наиболѣе простые и обыкновенные факты всегда объяснялись естественными причинами, вліяніемъ естественныхъ законовъ, а не безусловнымъ произволомъ сверхъестественныхъ силъ*. Напримѣръ, знаменитый Адамъ Смитъ въ своихъ философскихъ опытахъ весьма удачно замѣтилъ, что нигдѣ и никогда не изобрѣтался богъ тяжести. *То же самое вообще происходитъ въ отношеніи къ предметамъ, даже болѣе сложнымъ, къ явленіямъ элементарнымъ и до того привычнымъ, что совершенная неизмѣняемость ихъ дѣйствительныхъ отношеній должна была поражать самаго наименѣе подготовленнаго наблюдателя*. Въ нравственномъ и общественномъ мірѣ, къ которому положительной философіи тщетно загораживали путь нѣкоторые противники, необходимо существовало во всѣ времена понятіе объ естественныхъ законахъ по отношенію къ простѣйшимъ явленіямъ вседневной жизни, чего очевидно требовалъ общій ходъ нашего реальнаго, индивидуальнаго и общественнаго существованія, такъ какъ невозможна была бы никакая предусмотрительность, еслибы всѣ явленія человѣческой жизни постоянно приписывались сверхъестественнымъ силамъ. *Нужно замѣтить даже объ этомъ предметѣ, что, напротивъ того, первоначальное неполное понятіе о первыхъ естественныхъ законахъ, присущихъ индивидуальнымъ или общественнымъ актамъ, фиктивно перенесенное на всѣ явленія внѣшняго міра, послужило, какъ видно изъ предшествующихъ нашихъ объясненій,*

http://rcin.org.pl

съ самаго начала основнымъ принципомъ теологической философіи *)... *Такимъ образомъ первоначальный зародышъ положительной философіи въ сущности такъ же первобытенъ, какъ и зародышъ теологической философіи, хотя онъ могъ развиться только значительно позже послѣдней.* Такое понятіе крайне важно для нашей соціологической теоріи; оно показываетъ ея совершенную раціональность». Отрывокъ этотъ Гёкели резюмируетъ такъ: «а) На дѣлѣ человѣческая наука не подчинялась неизмѣнно закону трехъ фазисовъ, слѣдовательно необходимость этого закона не можетъ быть доказана апріористическимъ путемъ. b) Значительная часть нашихъ понятій всякаго рода вовсе не проходила всѣхъ трехъ фазисовъ и въ особенности перваго, какъ говоритъ намъ самъ Контъ. c) Положительный фазисъ съ первыхъ же шаговъ человѣческаго мышленія болѣе или менѣе одновременно существовалъ съ теологическимъ фазисомъ». Сравнивая оба свои резюме *a*, *b*, *c* (резюме, по истинѣ, абецедарныя), Гёкели находитъ, что они другъ другу противорѣчатъ. Это справедливо, но это дѣло Гёкели, а не Конта. При поверхностномъ обзорѣ двухъ вырванныхъ Гёкели изъ курса отрывковъ, дѣйствительно можетъ показаться, что они противорѣчатъ другъ другу, но весьма поверхностный обзоръ составляетъ для этого необходимое условіе. Контъ доказываетъ справедливость своего закона на огромномъ количествѣ фактовъ. Гекели не послѣдовалъ за нимъ въ этомъ пути, что было бы хотя неизмѣримо труднѣе, чѣмъ вырывать два клочка, но за то и неизмѣримо основательнѣе. Положимъ, что Гёкели не считалъ нужнымъ терять такъ много времени, но, если человѣкъ берется критиковать цѣлую философскую систему, то для него обязательно, по крайней мѣрѣ, познакомиться съ духомъ этой системы. И еслибы Гёкели дѣйствительно изучилъ духъ положительной философіи, то онъ увидѣлъ бы, что параграфы а) его обоихъ резюме не имѣютъ съ точки зрѣнія положительной философіи никакого значенія, ибо съ этой точки зрѣнія апріорпстическія доказательства

*) Не имѣя подъ руками Контова курса, я, къ сожалѣнію, не могу исправить эту фразу, очевидно, переведенную безбожно.

http://rcin.org.pl

«на основаніи сущности самаго разума» — не существуютъ, не то что они вѣрны или не вѣрны, а просто не существуютъ. Онъ увидѣлъ бы далѣе, что положительная философія, опять-таки по самому духу своему, абсолютныхъ рѣшеній не даетъ. И если положительная философія выдвигаетъ законъ трехъ фазисовъ, то она дѣлаетъ это не зря, а указываетъ на тѣ условія, которыя направляютъ послѣдовательною смѣною теологическаго, метафизическаго и положительнаго міросозерцаній. И если мы видимъ, что въ такомъ-то данномъ случаѣ одинъ изъ фазисовъ отсутствуетъ и вмѣстѣ съ тѣмъ отсутствуютъ и тѣ условія, которыми онъ въ другихъ случаяхъ вызывается, то обстоятельство это не только не даетъ права обвинять Конта въ противорѣчіяхъ, а напротивъ блистательно поддерживаетъ Контовъ анализъ. Познакомившись съ духомъ положительной философіи, Гёксли замѣтилъ бы, что было бы совершенно противно этому духу утверждать, что три фазиса смѣняютъ другъ друга съ тою безпощадностью и внезапностью, какую старые геологи приписываютъ фазисамъ исторіи земли; а внимательнѣе и добросовѣстнѣе читая Конта, Гёксли убѣдился бы, что Контъ никогда ничего подобнаго не утверждалъ. По Конту теологическое, метафизическое и положительное міросозерцанія, исключая другъ друга *логически*, въ принципѣ. — *фактически* смѣняютъ другъ друга только въ извѣстные моменты развитія. Гексли очень смущенъ тѣмъ обстоятельствомъ, что взаимно исключающіяся міросозерцанія существуютъ единовременно, и я понимаю, что съ суздальской точки зрѣнія это невозможно. Но Контъ стоялъ не на суздальской точкѣ зрѣнія. Онъ ясно видѣлъ, что для того, чтобы смѣнить другъ друга не въ силу откровенія или созерцанія собственнаго духа, а въ силу реальнаго хода вещей, три взаимно исключающіяся системы убѣжденій необходимо должны существовать единовременно. Эти три фазиса взаимно вытѣсняются, но для этого они должны бороться, а борьба предполагаетъ единовременное существованіе по крайней мѣрѣ двухъ враждебныхъ элементовъ. Замѣчательное философское безсиліе Гёксли, особенно замѣтное, какъ увидимъ ниже, въ его критикѣ Конто-

http://rcin.org.pl

вой классификаціи наукъ, достаточно проявляется и здѣсь. Онъ никакъ не можетъ отдѣлить логическій порядокъ отъ порядка эмпирическаго и потому сомнѣвается въ возможности практическаго сосѣдства логически взаимно исключающихся вещей. Но такое сосѣдство, къ сожалѣнію, возможно встрѣтить на каждомъ шагу. Не только въ извѣстномъ историческомъ періодѣ теологическое, метафизическое и положительное міросозерцанія могутъ безпрепятственно уживаться рядомъ, они могутъ уживаться даже въ одной и той же личности и все-таки логически исключать другъ друга. Тому живой примѣръ соотечественникъ и товарищъ Гёкели по наукѣ — Оуэнъ, научныхъ, положительныхъ заслугъ котораго никто не станетъ отрицать, что не мѣшаетъ однако ему погрязать въ то же время въ міросозерцаніи довольно первобытномъ. Что касается до исключеній изъ закона трехъ фазисовъ, на которыя Гёкели, по самому же Конту, указываетъ съ столь нобѣдоноснымъ видомъ, то къ нимъ должны быть приложены правила критики, общія для всѣхъ исключеній. А такихъ правилъ два. Вопервыхъ, какъ велико число этихъ исключеній сравнительно съ числомъ случаевъ, подходящихъ подъ законъ Конта?—Число это ничтожно. Вовторыхъ, какъ велико логическое значеніе этихъ исключеній? Опровергаютъ они законъ трехъ фазисовъ логически, или же могутъ быть приведены съ нимъ въ соглашеніе?—Могутъ, ибо, какъ мы уже упоминали, законъ трехъ фазисовъ, какъ добытый не супранатуральнымъ и не метафизическимъ путемъ, покоится цѣликомъ на анализѣ естественныхъ и историческихъ условій; и поэтому если условій, необходимыхъ, съ точки зрѣнія самаго закона трехъ фазисовъ, для порожденія теологическаго, напримѣръ, объясненія данный случай не представляетъ, то отсутствіе теологическаго фазиса является здѣсь исключеніемъ, только подтверждающимъ основанія закона. При опредѣленіи умственнаго характера той или другой эпохи, той или другой ступени развитія науки, той или другой личности, слѣдуетъ имѣть въ виду относительное значеніе элементовъ, привходящихъ въ эту эпоху, эту ступень, эту личность. Древніе римляне, безъ всякаго сомнѣнія, сообразова-

http://rcin.org.pl

лись въ своемъ земледѣліи и садоводствѣ съ естественными законами; они, пожалуй, знали эти законы. Но не могу же я признать, что они находились въ положительномъ фазисѣ развитія, если я знаю, что они, невольно игнорируя свои собственные труды, приписывали все дѣло особой покровительницѣ плодовъ—Церерѣ, человѣка, уничтожившаго жатву, приносили этой самой Церерѣ въ жертву и пр. У меня есть знакомый татаринъ, человѣкъ очень практическій, очень хорошо, повидимому, понимающій, что деньги онъ добываетъ неустаннымъ шляньемъ съ халатами по Петербургу. Но, право, я боюсь отнести міросозерцаніе моего Камаля къ положительному фазису, тѣмъ болѣе, что онъ объяснилъ мнѣ недавно, почему онъ не хочетъ взять билета котораго нибудь изъ внутреннихъ займовъ съ выигрышами: «Аллахъ захочетъ, такъ и безъ билета выиграешь».

Кромѣ приведенныхъ, Гексли ссылается еще на одно мѣсто у Конта, которое, по его, Гёкели, мнѣнію, уличаетъ Конта въ противорѣчіи. Вотъ это мѣсто: «Истинный духъ всякой теологической и метафизической философіи состоитъ въ томъ, что для нихъ принципомъ, объясняющимъ явленія внѣшняго міра, служитъ наше непосредственное воспріятіе человѣческихъ явленій; между тѣмъ какъ положительная философія, напротивъ, всегда отличается тѣмъ, что она необходимо и раціонально подчиняетъ понятіе о человѣкѣ понятію о мірѣ». Противорѣчіе съ прежними цитатами Гёкели видитъ въ томъ, что здѣсь «три фазиса на практикѣ сведены къ двумъ». У меня есть персикъ, яблоко и слива. Ни того, ни другаго, ни третьяго вы никогда не видали. Я описываю вамъ ихъ, разсказываю, чѣмъ они другъ отъ друга отличаются, говорю, что это плоды различные. Но затѣмъ объясню вамъ, что персикъ и слива могутъ у насъ произрастать только въ оранжереяхъ, тогда какъ яблоки ростутъ и въ нашемъ климатѣ на открытомъ воздухѣ. Ради всѣхъ святыхъ, скажите мнѣ, неужели же я впалъ въ противорѣчіе съ самимъ собой и забылъ о различіяхъ, существующихъ между персикомъ и сливой? Я утверждаю, что объектъ зоологіи есть міръ животныхъ, ботаники—міръ растеній, минералогіи — мине-

http://rcin.org.pl

ралы. Затѣмъ я утверждаю, что зоологія и ботаника изучаютъ представителей органической жизни, а минералогія завѣдуетъ неорганическими формами вещества. Неужели мои тезисы противорѣчатъ другъ другу? Есть три міросозерцанія: одно полагаетъ, что человѣкъ есть цѣль природы, другое видитъ цѣли природы внѣ человѣка, третье отрицаетъ существованіе цѣлей природы; первыя два допускаютъ цѣлесообразность устройства вселенной, послѣднее отрицаетъ ее. Неужели и это противорѣчіе?

И послѣ этой суздальской оцѣнки закона трехъ фазисовъ Гёксли заявляетъ, что «люди науки не имѣютъ обыкновенія обращать особенное вниманіе на «законы», устанавливаемые подобнымъ образомъ!» Въ Гёксли, по крайней мѣрѣ, заслуженномъ и уважаемомъ человѣкѣ науки, такая гордость совершенно неумѣстна.

Гёксли противопоставляетъ исторической теоріи Конта свою собственную. Можетъ быть, она окажется и прекрасною, когда Гёксли разовьетъ ее подробнѣе и провѣритъ фактами. Но въ томъ видѣ, какъ она теперь напечатана, я не думаю, чтобы она была достойна особеннаго вниманія «людей науки». Это впрочемъ ихъ дѣло. Я съ своей стороны скромно замѣчу, что какъ послѣ Пушкина всякій можетъ безъ искры таланта и оригинальности написать довольно гладкіе русскіе стихи, такъ и послѣ Конта всякій можетъ указанные имъ элементы, теологическій, метафизическій и положительный, расположить въ на видъ оригинальную схему. Гёксли не вноситъ въ построеніе Конта никакого новаго принципа, не дѣлаетъ въ немъ никакой поправки, а только перекрещиваетъ положительный фазисъ въ «физицизмъ», а фазисъ теологическій въ «антропоморфизмъ». Я сказалъ, что онъ не дѣлаетъ въ теоріи Конта никакой поправки, и это справедливо, если не считать поправкою то обстоятельство, что онъ спуталъ строго различаемые у Конта порядокъ логическій и порядокъ эмпирическій. Три маленькія разгонистаго шрифта странички «Космоса», на которыхъ Гёксли противопоставляетъ закону трехъ фазисовъ свою собственную теорію, я прочиталъ не только не съ предубѣжденіемъ, а ско-

http://rcin.org.pl

рѣе съ чувствомъ совершенно противоположнымъ, потому что самъ невполнѣ удовлетворенъ закономъ трехъ фазисовъ. Но я долженъ былъ совершенно разочароваться въ своихъ ожиданіяхъ.

Обратимся къ критикѣ классификаціи наукъ. Здѣсь мы встрѣтимъ еще болѣе полное выраженіе философскаго и критическаго безсилія Гёксли. Классификація наукъ Конта, какъ и законъ трехъ фазисовъ, по мнѣнію Гёксли, противорѣчитъ и самой себѣ и фактамъ. Контъ различаетъ, какъ извѣстно, науки абстрактныя, отвлеченныя и конкретныя, описательныя. Предметъ первыхъ есть «раскрытіе законовъ, управляющихъ различнаго рода явленіями въ примѣненіи ко всѣмъ случаямъ, какіе только можно представить себѣ». Вторыя «заключаются въ примѣненіи этихъ законовъ къ дѣйствительной исторіи различныхъ существъ». «Это весьма ясно можно видѣть — цитируетъ Гёксли Конта — если сравнить общую біологію съ зоологіею и ботаникою въ собственномъ смыслѣ Въ самомъ дѣлѣ, изслѣдовать законы жизни вообще и опредѣлить способъ жизни каждаго живаго тѣла въ частности — двѣ совершенно различныя вещи. *Эта вторая задача необходимо основана на первой*». Эти послѣднія слова, отмѣченныя мною курсивомъ,—критикуетъ Гёксли — показываютъ, что познанія Конта по физической наукѣ далеко неточны и что они заимствованы единственно изъ книгъ. Какъ! «спеціальное изслѣдованіе живыхъ существъ основано на общемъ изученіи законовъ жизни!» Такъ-какъ Конгревъ сообщаетъ намъ, что онъ посвятилъ себя физіологіи, я готовъ отказаться отъ своего мнѣнія; но нѣкоторое понятіе, которое я имѣю объ этихъ вопросахъ, приводитъ меня къ заключенію, что еслибы Контъ практически мало-мальски былъ знакомъ съ біологической наукой, онъ далъ бы совершенно обратный видъ своей фразѣ и призналъ бы, что мы не можемъ имѣть объ общихъ законахъ жизни другаго знанія, кромѣ того, которое основано на спеціальномъ изученіи живыхъ существъ. Слѣдовательно Контъ въ высшей степени неудачно выбралъ свой примѣръ».

Осмѣливаюсь утверждать, что Контъ выбралъ свой примѣръ чрезвычайно удачно. Осмѣливаюсь утверждать, что еслибы Гёксли

http://rcin.org.pl

оказывалъ побольше уваженія къ логикѣ и внимательнѣе и добросовѣстнѣе читалъ сочиненія Конта—онъ никогда бы не написалъ приведенныхъ строкъ. Осмѣливаюсь утверждать, что строки эти въ высшей степени дурно рекомендуютъ критическій талантъ Гёксли. Но такъ-какъ примѣръ біологіи справедливо уважаемому біологу Гексли оказывается мало доступнымъ, то я возьму сначала другой. Различныя физическія и химическія причины образовали неорганическія формы вещества, называемыя минералами. Всѣ существующіе на землѣ минералы составляютъ предметъ минералогіи, науки конкретной, описательной по преимуществу. Эта конкретная наука находится въ зависимости отъ абстрактныхъ наукъ, и именно химіи, физики и математики (отъ послѣдней зависитъ, по крайней-мѣрѣ, кристалологія). Но химія, напримѣръ, изучаетъ химическія свойства тѣлъ не только минераловъ, а и органическихъ тѣлъ, и такихъ неорганическихъ, которыя въ природѣ не встрѣчаются, а приготовляются въ лабораторіяхъ искусственно. То же самое относится и къ физикѣ, и къ математикѣ. И такъ конкретная наука—минералогія, и науки абстрактныя — математика, физика и химія преслѣдуютъ цѣли различныя. Теперь вопросъ въ томъ: имѣлъ ли бы право Контъ сказать, что «задача минералогіи необходимо основана на задачахъ физики, химіи и математики», другими словами, что конкретная наука покоится на выводахъ соотвѣтственныхъ абстрактныхъ наукъ, а не наоборотъ? По Гёксли, онъ не имѣлъ бы этого права, и Гёксли могъ бы сослаться на то обстоятельство, что еще Аристотель наблюдалъ и изучалъ минералы, безъ всякой помощи химіи, которая явилась гораздо позже. Но въ такомъ случаѣ Гёксли вновь пришлось бы смѣшать логическій порядокъ съ эмпирическимъ и эмпирическіе законы съ раціональными, какъ онъ это и дѣлаетъ относительно конкретной и абстрактной біологіи. Эмпирическимъ закономъ называется такой, который завѣдомо истиненъ относительно нѣкоторыхъ случаевъ, но не можетъ быть правомѣрно распространенъ на случаи сосѣдніе, ибо мы не знаемъ, какими причинами этотъ законъ обусловливается. Напримѣръ, спиртьная кислота и морфинъ содержатъ въ себѣ много

http://rcin.org.pl

азота и, представляя въ другихъ отношеніяхъ весьма мало сходства, оба оказываются сильными ядами. Наблюденіе это совершенно вѣрное, но пока оно остается на этой эмпирической ступени и не разложено на болѣе простые элементы, до тѣхъ поръ мы не имѣемъ никакого права утверждать, что какое-нибудь третье тѣло съ огромнымъ содержаніемъ азота тоже непремѣнно ядовито. Дальнѣйшіе, гораздо болѣе сложные опыты и наблюденія могутъ убѣдить насъ, что всѣ сильно азотистыя тѣла ядовиты, но только въ такомъ случаѣ, если эти опыты и наблюденія разъяснятъ намъ, почему азотъ въ этихъ случаяхъ оказывается элементомъ, вреднымъ для организма. Когда мы узнаемъ эту причинную связь между разстройствомъ организма и присутствіемъ сильно азотистыхъ веществъ, законъ перестанетъ быть эмпирическимъ, обратится въ раціональный, и мы, узнавъ, что такое-то вещество содержитъ много азота, будемъ имѣть полное право сказать, что это вещество ядовитое. Легко можетъ оказаться, что ядовитость морфина и синильной кислоты обусловливается вовсе не размѣромъ содержанія въ нихъ азота, а какими-нибудь другими ихъ свойствами, отъ нашего наблюденія до сихъ поръ ускользавшими. Ясно, что пока относительно извѣстной группы явленій мы имѣемъ въ своемъ распоряженіи только эмпирическіе законы, наука этихъ явленій не существуетъ, хотя опытовъ и наблюденій можетъ быть накоплено уже достаточно. Аристотель могъ, конечно, изучать и наблюдать минералы, могъ открыть даже нѣкоторые грубые эмпирическіе законы въ этой области, но минералогія, какъ наука, можетъ получить значеніе не иначе, какъ по установленіи законовъ математики, физики и химіи, то-есть тѣхъ абстрактныхъ наукъ, которыя разсматриваютъ извѣстную группу свойствъ тѣлъ въ примѣненіи ко всевозможнымъ случаямъ. Точно такъ же конкретная біологія, состоящая изъ зоологіи, ботаники и палеонтологіи, существовала раньше біологіи абстрактной, но существовала только въ эмпирическомъ видѣ, то-есть существовала, какъ сборникъ матеріаловъ, и не существовала, какъ наука. Гёксли только смѣшонъ, когда онъ предлагаетъ Конту дать его оцѣнкѣ взаимныхъ отношеній между

http://rcin.org.pl

абстрактною и конкретною біологіею обратный видъ. Контъ никогда и не думалъ отрицать, что «мы не можемъ имѣть объ общихъ законахъ жизни другаго знанія, кромѣ того, которое основано на спеціальномъ изученіи живыхъ существъ». Контъ прямо и неоднократно указываетъ,—и это неизбѣжно вытекаетъ изъ основныхъ положеній его философіи,—что конкретныя науки начали развиваться раньше абстрактныхъ, но неизбѣжно *послѣ* абстрактныхъ принимаютъ дѣйствительно научный характеръ, то-есть вырываются изъ фазиса отрывочныхъ наблюденій и эмпирическихъ законовъ. Гёксли опять-таки только смѣшонъ, когда говоритъ: «И если отвлеченныя науки обнимаютъ собою воображаемые случаи примѣненія законовъ, изслѣдуемыхъ каждою изъ нихъ, то неужели онѣ не обнимаютъ и предметовъ конкретныхъ наукъ, которые, конечно, легко представить себѣ уже по одному тому, что они существуютъ?» Это возраженіе не имѣетъ и тѣни основательности. Каждая отвлеченная наука занимается только извѣстною группою свойствъ тѣлъ, то есть предметовъ конкретныхъ наукъ. Физика занимается физическими свойствами тѣлъ органическихъ и неорганическихъ, химія—химическими, біологія изслѣдуетъ только законы жизни, и въ этомъ смыслѣ абстрактныя науки обнимаютъ собою не «воображаемые», а всевозможные случаи примѣненія своихъ законовъ. И опять-таки все дѣло въ томъ, что Гексли смѣшиваетъ эмпирическіе законы съ раціональными, на которые, съ теченіемъ времени, эмпирическіе законы разлагаются. А между тѣмъ, въ этомъ именно обстоятельствѣ лежитъ полное логическое и историческое оправданіе какъ Контова раздѣленія наукъ на абстрактныя и конкретныя, такъ и его классификаціи абстрактныхъ наукъ. Гёксли имѣлъ полное право согласиться или несогласиться съ основнымъ принципомъ этой классификаціи, лежащимъ именно въ различеніи эмпирическихъ обобщеній отъ обобщеній строго-научныхъ. Затѣмъ, въ качествѣ добросовѣстнаго критика, онъ долженъ бы былъ посмотрѣть, какъ Контъ исполнилъ поставленную имъ себѣ задачу. Но Гёксли не только не сдѣлалъ этого, а даже именно слона-то и не примѣтилъ. Онъ не выразилъ ни согласія, ни несогласія

http://rcin.org.pl

съ основнымъ взглядомъ Конта, онъ объ немъ просто умолчалъ. Быть можетъ, онъ его проглядѣлъ? Въ первомъ случаѣ это недобросовѣстно, а во второмъ Гёкели не обнаружилъ большой проницательности. И по истинѣ злой духъ толкнулъ его въ область философской критики, въ которой онъ такъ слабъ.

Читатели, я очень хорошо вижу неловкость своего положенія, я очень хорошо понимаю, что многіе изъ васъ увидятъ въ моемъ разборѣ возраженій Гёкели то суздальское «разрушеніе авторитетовъ», которое было у насъ когда-то въ модѣ, и которому немало послужила и нынѣшняя редакція «Космоса». Иному изъ васъ можетъ показаться весьма дерзкимъ мое обращеніе съ первокласснымъ европейскимъ ученымъ, пользующимся огромнымъ и заслуженнымъ кредитомъ. Но, читатель, я, во-первыхъ, уже сослался на исключающіе мнѣнія Гёкели о Контѣ авторитеты первоклассныхъ европейскихъ мыслителей; во-вторыхъ, я не приглашаю васъ вѣрить мнѣ на слово: имѣяй очи видѣти, да видитъ; въ-третьихъ, наконецъ, я ни на минуту не желалъ бы поколебать вашего уваженія къ ученымъ трудамъ и заслугамъ Гёкели. Да избавитъ меня Богъ отъ такого суздальства. Но да избавитъ меня Богъ и отъ того противоположнаго суздальства, которое обнаружила редакція «Космоса», обращаясь къ статьѣ Гёкели къ суздальскимъ «ручку пожалуйте». Ниже я скажу свое мнѣніе о поведеніи въ этомъ дѣлѣ редакціи «Космоса», а теперь замѣчу только, что эта въ другихъ случаяхъ столь многоглаголивая и много-примѣчающая редакція не снабдила статей Гёкели ни однимъ примѣчаніемъ, за исключеніемъ вступительнаго, насчетъ авторитетовъ. Не то, чтобы я считалъ примѣчанія этой редакціи очень цѣнными, но было бы очень желательно знать мнѣніе ея о нѣкоторыхъ частныхъ взглядахъ Гёкели, было бы даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ для нея обязательно выразить свое мнѣніе. Такъ, вѣроятно, не я одинъ и ждалъ, и желалъ встрѣтить примѣчаніе редакціи къ слѣдующей тирадѣ Гёкели, по поводу мнѣнія Конта, что «всякое научное образованіе, неначинающееся изученіемъ математики, грѣшитъ въ своемъ основаніи»: «Обра-

http://rcin.org.pl

зованіе, весь секретъ котораго заключается въ переходахъ отъ легчайшаго къ болѣе трудному, отъ конкретнаго къ отвлеченному, должно идти по Конту совершенно инымъ путемъ и переходить отъ отвлеченнаго къ конкретному!» Было бы весьма любопытно знать мнѣніе редакціи «Космоса», на сколько легокъ предлагаемый Гекели путь изученія, напримѣръ, физики или астрономіи безъ знакомства съ математикой. Это было бы желательно знать въ виду разъясненія собственныхъ взглядовъ редакціи на педагогическій порядокъ наукъ. Когда-то, когда «Космосъ» издавался еще въ видѣ еженедѣльной газеты, въ немъ была категорически выражена нынѣ опровергаемая Гекели мысль, что образованіе должно начинаться съ математики. Поэтому читатели «Космоса» должны находиться въ нѣкоторомъ недоумѣніи. И недоумѣніе это должно усиливаться еще путаницею, вносимою сюда напечатанными въ «Космосѣ» статьями «Рикардо и его теорія цѣнности» и «Новѣйшія изслѣдованія по вопросу народонаселенія». Въ статьяхъ этихъ, имѣющихъ цѣлію обработку общественной науки при непосредственной помощи математики, обнаруживается крайнее шатаніе по вопросу о значеніи математики вообще и ея роли въ общественной наукѣ въ особенности. Статьи эти поучительны во многихъ отношеніяхъ. Мы скажемъ о нихъ нѣсколько словъ собственно потому, что и въ нихъ трактуется о Контѣ и положительной философіи. «Такъ называемая позитивная философія—говорится въ предисловіи редакціи къ статьѣ «Рикардо и его теорія цѣнности»—резонируя въ лицѣ Огюста Конта на тему нравственныхъ вопросовъ, чуждыхъ послѣднему по его образованію и мало знакомыхъ ему въ существѣ, могла считать безнадежнымъ, чтобы масса пестрыхъ и зыбкихъ, на первый взглядъ, явленій нравственной и психической области могла когда-нибудь быть подчинена такому же точному измѣренію, классификаціи и дисциплинѣ, какъ и рядъ другихъ, болѣе простыхъ на видъ фактовъ. Этой философіи, говоримъ мы, несмотря на свое названіе позитивной философіи, простительно было оставаться философіей глазомѣра и всего менѣе позитивной философіей въ дѣлѣ

http://rcin.org.pl

нравственныхъ фактовъ». Затѣмъ редакція «Космоса» намекаетъ на то, что ей извѣстны «спеціальныя изслѣдованія дѣйствительно позитивнаго характера. правда, немногочисленныя, но драгоцѣнныя въ нравственной литературѣ, можетъ быть вовсе незнакомыя ни русскому читателю, ни русской журналистикѣ», и что эти одной редакціи «Космоса» (по крайней мѣрѣ, въ Россіи) извѣстныя изслѣдованія «давно отвели свое надлежащее историческое мѣсто и старымъ взглядамъ на этотъ предметъ позитивистовъ, да и самой позитивной философіи Конта». Къ сожалѣнію, это указаніе слишкомъ таинственно, почтенная редакція не пожелала подѣлиться съ русскою публикою своимъ драгоцѣннымъ секретомъ. А между тѣмъ, для нея, повидимому, было нравственно обязательно опубликовать свой секретъ. Статья Гекели едва-ли разобьетъ «вошедшій у насъ въ моду» позитивизмъ, и потому если редакція «Космоса» признаетъ его въ такой мѣрѣ зловреднымъ, то ей надлежало выдвинуть свою тяжелую артиллерію. Тѣмъ не менѣе русская публика приглашается къ построенію храма богу, вѣдомому только двумъ русскимъ жрецамъ науки, на подобіе аѳинскаго храма богу невѣдомому. А это тѣмъ печальнѣе, что въ ближайшую связь съ этимъ невѣдѣніемъ и вхожденіемъ въ моду позитивизма редакція «Космоса» ставитъ существованіе у насъ «полупросвѣщенныхъ резонеровъ», «наивныхъ болтуновъ на политическія темы», которые, правда, только смѣшны почтенной редакціи «Космоса», но которые въ то же время «въ тягость своему родному брату», которые суть «враги обществу, Каины его лучшихъ дней», которыхъ, наконецъ, по нѣсколько фантастическому предположенію редакціи, «не родила бы родная мать, еслибы она могла ясно видѣть дѣло, которое они дѣлаютъ». (Всѣ эти выраженія заимствованы мною изъ того же предисловія къ статьѣ «Рикардо и его теорія цѣнности»). Въ чемъ же, однако, дѣло, и что скрывается подъ этою, черезъ чуръ уже таинственною мантіею олимпійскаго величія? Въ чемъ состоятъ тѣ «дѣтскія мысли на счетъ сближенія нравственнаго знанія съ точными пріемами

http://rcin.org.pl

изслѣдованія», которыя высказывалъ Контъ, и въ чемъ не дѣтскія мысли, конхъ на этотъ счетъ держится редакція «Космоса»?

Начнемъ съ послѣднихъ. «Космосъ» полагаетъ, что всякая отрасль знанія начинаетъ свои изслѣдованія при помощи методовъ болѣе или менѣе грубыхъ, несовершенныхъ, — словомъ, «ограничивается общими способами врожденнаго глазомѣра». Но наступаетъ наконецъ для науки такой моментъ, когда ей приходится прибѣгнуть къ «вооруженнымъ пріемамъ изслѣдованія», каковые пріемы сводятся къ математическому анализу явленій. Нравственныя и политическія науки находятся до нынѣ на ступени «способа глазомѣра», но способу этому наступаетъ конецъ и въ этой области. Такъ въ наукѣ экономической — экономисты и соціалисты исчерпали всѣ средства, какія можетъ дать способъ глазомѣра, и потому наукѣ приходится «выбирать между праздным перебалтываніемъ стараго или пріемомъ новыхъ методовъ». Такимъ образомъ «Космосъ» сводитъ всѣ методы изученія явленій къ двумъ: къ «способу врожденнаго глазомѣра» и къ математическому методу, оставляя не разъясненнымъ, въ чемъ именно тотъ и другой состоятъ. Подъ «способами врожденнаго глазомѣра», очевидно, слѣдуетъ разумѣть вещи весьма и весьма различной научной цѣнности. Допустимъ, что упоминаемый, хотя и неразъясняемый «Космосомъ» математическій методъ есть нѣчто опредѣленное и для всѣхъ наукъ въ извѣстномъ моментѣ развитія обязательное. Но біологія и нравственныя и политическія науки, до сихъ поръ въ этотъ моментъ не вступавшія, прошли, однако, немало ступеней, существенно различныхъ. Сравнительно анатомическая точка зрѣнія, вивисекція, микроскопъ, химическій анализъ, — не суть ли это все ступени «способа врожденнаго глазомѣра» въ біологіи? Съ другой стороны, пиѳагорейцы совали математику всюду; знаменитый, хотя слишкомъ часто страдавшій бѣлою горячкою Эдгаръ Поэ сопрягалъ математику съ поэзіей; Мальтусъ выразилъ важный соціологическій законъ двумя пропорціями. Но былъ ли въ этихъ случаяхъ прилагаемъ таинственно рекомендуемый «Космосомъ» математическій методъ, и если былъ, то

http://rcin.org.pl

вѣрно ли? «Космосъ» даже и не говоритъ о методѣ, а разсказываетъ, что есть, де, способы врожденнаго глазомѣра, а есть и болѣе вооруженные пріемы, пріемы математическіе. Въ виду этого тумана читателю поневолѣ должны придти въ голову вопросы: да на сколько же приложеніе математики къ высшимъ наукамъ гарантируетъ насъ отъ ошибокъ, свойственныхъ «врожденному глазомѣру»? Какимъ образомъ это приложеніе должно происходить? Правда, «Космосъ» даетъ примѣры этого приложенія, и именно къ теоріи цѣнности и къ вопросу народонаселенія. Но примѣры эти не только ничего не объясняютъ, а, какъ увидимъ, напускаютъ туману еще пущаго.

Я сказалъ, что біологія не вступала въ моментъ «вооруженныхъ пріемовъ», и прибавлю теперь, что она въ него и не можетъ вступить, если подъ «вооруженными пріемами» разумѣть математическій анализъ. «Космосъ» смотритъ на это дѣло иначе. «Въ настоящее время—говорится въ томъ же курьезномъ предисловіи—всѣ болѣе разработанныя отрасли знанія или вступили въ прямой союзъ съ высшими способами анализа, или стремятся къ тому, и только развѣ въ нашей литературѣ можно встрѣтить такія мнѣнія, по которымъ чѣмъ сложнѣе наука, тѣмъ менѣе она нуждается въ совершенныхъ методахъ, въ доказательство чего и указывается на физіологію и химію, не имѣющихъ будто бы никакого касательства къ математикѣ. Но такія наивныя вещи возможны развѣ въ нашей литературѣ. Сами физіологи очень хорошо знаютъ, что тѣ отдѣлы физіологіи, которые болѣе другихъ разработаны, какъ, напримѣръ, физіологія зрѣнія, всѣ основаны на математикѣ». Мнѣ пріятно заявить, что почтенный авторъ, столь мальтретируя литературу, къ которой принадлежитъ самъ, дѣлаетъ ошибокъ почти столько же, сколько говоритъ словъ. Конечно, было бы нелѣпо утверждать, что сложнѣйшія науки не нуждаются въ совершенныхъ методахъ. Но, во-первыхъ, никто этого въ нашей литературѣ и не утверждалъ, не утверждали по крайней мѣрѣ тѣ, въ кого авторъ мѣтитъ; а во-вторыхъ, авторъ впадаетъ здѣсь въ такъ-называемое круговое умозаключеніе (petitio principii), ибо вопросъ именно въ

http://rcin.org.pl

томъ и состоитъ, насколько совершеннымъ орудіемъ можетъ служить математика въ высшихъ наукахъ. Въ нашей литературѣ говорилось нѣсколько (очень впрочемъ немного) разъ не то, что біологія и соціологія не нуждаются въ совершенныхъ методахъ, а то, что математическій анализъ въ этихъ областяхъ неприложимъ. Ошибается авторъ и въ томъ, что «такія наивныя вещи возможны развѣ въ нашей литературѣ». Нѣтъ, онѣ не только возможны, а и существуютъ и въ западной литературѣ. Я не буду ссылаться на самаго Конта, ибо ученая редакція «Космоса» убѣждена въ его невѣжествѣ, но вотъ что говоритъ писатель, когда-то пользовавшійся большимъ уваженіемъ этой редакціи: «Въ томъ же сочиненіи (въ Курсѣ Конта), особенно въ третьемъ томѣ, вполнѣ разобраны предѣлы приложимости математическихъ началъ къ развитію другихъ наукъ. Подобныя начала, очевидно, не примѣнимы тамъ, гдѣ причины, опредѣляющія какой либо родъ явленій, такъ мало доступны нашему наблюденію, что мы не можемъ, соотвѣтственнымъ наведеніемъ, обнаружить ихъ численные законы; или гдѣ причины до того многочисленны и представляютъ такую сложную смѣсь, что еслибъ даже законы ихъ были извѣстны, то вычисленіе совокупнаго дѣйствія превзошло бы силу исчисленія, въ теперешнемъ его состояніи и вѣроятномъ будущемъ; наконецъ, гдѣ сами причины постоянно измѣняются, какъ напримѣръ въ физіологіи и еще болѣе, если это возможно, въ соціальной наукѣ. Математическія рѣшенія физическихъ вопросовъ становятся прогрессивно болѣе трудными и несовершенными, по мѣрѣ того, какъ вопросы теряютъ свой отвлеченный и гипотетическій характеръ и приближаются къ той сложности, которая дѣйствительно существуетъ въ природѣ. Это до того справедливо, что за предѣлами явленій астрономическихъ и наиболѣе сходныхъ съ ними, математическая точность достигается обыкновенно въ «ущербъ реальности изслѣдованія». Даже въ астрономическихъ вопросахъ, «несмотря на удивительную простоту ихъ математическихъ началъ, нашъ слабый умъ оказывается неспособнымъ успѣшно прослѣдить логическія сочетанія законовъ, опредѣляющихъ явленія, — какъ

http://rcin.org.pl

скоро мы пытаемся одновременно сообразить болѣе двухъ или трехъ существенныхъ вліяній» (Philosophie Positive. III, 414—416). Какъ замѣчательный примѣръ этого, не разъ уже была приводима задача о трехъ тѣлахъ: полное рѣшеніе такого, сравнительно простаго вопроса было не по силамъ самымъ проницательнымъ математикамъ. Поэтому мы можемъ себѣ представить, какъ призрачна была бы надежда съ пользою примѣнить математическія начала къ явленіямъ, зависящимъ отъ безчисленнаго множества частичекъ тѣла, — напримѣръ, къ явленіямъ химіи и, еще болѣе, физіологіи. По подобнымъ же причинамъ начала эти остаются непримѣнимы къ еще сложнѣйшимъ изслѣдованіямъ, предметами которыхъ служатъ явленія общественныя и государственныя» (Милль. Система логики. II, 156). Правда, логика Милля есть сочиненіе не новое, хотя и едва-ли замѣненное чѣмъ нибудь болѣе новымъ, но Милль выражаетъ тотъ же взглядъ и въ недавней своей книгѣ о Контѣ и позитивизмѣ, которую я уже не разъ цитировалъ. И такъ, «Космосъ» ошибается, утверждая, что такія наивныя вещи возможны развѣ только въ нашей литературѣ. Я думаю вопрочемъ, что здѣсь ошибки не было; я думаю, «Космосъ» зналъ, что онъ говоритъ неправду; кто у насъ не читалъ логики Милля? а гг. Антоновичъ и Жуковскій, безъ сомнѣнія, прочли ее съ тѣмъ добросовѣстнымъ вниманіемъ, которое ихъ столь характеризуетъ вообще и котораго наконецъ требовалъ и самый предметъ книги. Я думаю, что «Космосъ» сказалъ неправду изъ скромности. Дѣйствительно, подняться на неизмѣримую высоту надъ русской литературой, увидѣть въ ней Капновъ, которыхъ бы не родила родная мать и проч. — это дѣло немудреное. Но уличать одного изъ виднѣйшихъ мыслителей Европы «въ нахальствѣ либеральничающихъ невѣждъ, желающихъ прикрываться пустыми и пошлыми словоизверженіями», — это было бы уже слишкомъ сильно, и «Космосъ» снисходительно скрылъ грѣхъ провинившагося мыслителя. Я даже думаю, что, намекая на какія-то таинственныя, ей одной извѣстныя изслѣдованія, поражающія позитивизмъ на смерть, редакція «Космоса» говоритъ

http://rcin.org.pl

неправду опять-таки изъ скромности: эти «драгоцѣнныя» изслѣдованія принадлежатъ, по всей вѣроятности, самой редакціи. Присутствіе при такой скромности соотечественниковъ доставило мнѣ большое удовольствіе. Съ другой стороны пріятно было за «Каиновъ, которыхъ бы не родила родная мать», ибо въ сосѣдствѣ Милля они должны себя чувствовать все-таки недурно.

Классифицировать какіе бы то ни было предметы, а слѣдовательно и науки можно въ виду очень разнообразныхъ цѣлей и на основаніи очень разнообразныхъ принциповъ. Всякая классификація въ извѣстной мѣрѣ искусственна, и достоинство и значеніе ея должны быть измѣряемы, вопервыхъ, важностью предположенныхъ цѣлей, а вовторыхъ тѣмъ, насколько классификація этихъ цѣлей достигаетъ. Классификація наукъ Конта имѣетъ тройную цѣль: расположить доступныя человѣку явленія въ порядкѣ ихъ возрастающей сложности и убывающей общности; представить послѣдовательность логическаго и историческаго порядка, въ которомъ различныя отрасли знанія опираются другъ на друга, и наконецъ представить іерархію наукъ въ педагогическомъ отношеніи. Цѣлямъ этимъ Контова классификація наукъ удовлетворяетъ вполнѣ, если не считать двухъ-трехъ частностей, которыя не могли быть аранжированы сообразно всѣмъ тремъ цѣлямъ классификаціи заразъ; таково, напримѣръ, довольно произвольное расположеніе различныхъ отдѣловъ физики. Кстати, «Космосъ» смущенъ «физіологіей зрѣнія, которая вся основана на математикѣ», но смущеніе это совершенно тщетно, ибо та часть физіологіи зрѣнія, которая «основана на математикѣ», т.-е. оптика, имѣетъ свое мѣсто, по классификаціи Конта, въ физикѣ, а ни Контъ, ни Милль и ни какой Каинъ никогда не отрицали, что физика есть одна изъ тѣхъ немногихъ наукъ, въ которыхъ математика играетъ весьма важную роль; напротивъ, и Контъ, и Милль, и Каины на это обстоятельство всегда указывали. Гексли, отзвонивъ свой суздальскій звонъ по поводу раздѣленія наукъ на абстрактныя и конкретныя,—звонъ несложный, мы привели все, что говоритъ по этому поводу Гексли, — возраженій противъ Контовой классификаціи наукъ абстракт-

http://rcin.org.pl

ныхъ самъ не дѣлаетъ, а ссылается на возраженія Спенсера. Спенсеръ же въ своихъ опытахъ о «Генезисѣ наукъ» и о «Классификаціи наукъ» дѣйствительно выставляетъ много возраженій противъ классификаціи Конта, но построены они главнымъ образомъ на томъ же смѣшеніи эмпирическаго и строго-научнаго состоянія нашихъ знаній, въ которое впадаетъ и Гёксли, говоря объ отношеніяхъ конкретныхъ и абстрактныхъ наукъ. Контъ никогда не думалъ утверждать, чтобы его линейная филіація наукъ изображала практическое развитіе всѣхъ нашихъ знаній, какова бы ни была ихъ относительная цѣнность. Контъ, напротивъ, неоднократно говоритъ, что всѣ отрасли нашего знанія должны были зародиться если не единовременно, то во всякомъ случаѣ не въ томъ строго логическомъ порядкѣ, на какомъ построена его классификація наукъ. Эмпирическій порядокъ развитія знанія представляетъ собственно полнѣйшій безпорядокъ, въ которомъ, повидимому, нѣтъ никакой возможности ориентироваться. Какое нибудь грубое, «по способу врожденнаго глазомѣра», біологическое наблюденіе дѣлается въ извѣстномъ мѣстѣ и при извѣстныхъ обстоятельствахъ, особенно благопріятныхъ; наблюденіе это уносится педагогическимъ путемъ въ другія мѣста, переносится въ другія обстоятельства, и здѣсь оно становится зародышемъ нѣкоторыхъ законовъ механики, отъ которыхъ въ свою очередь возможенъ прыжокъ къ какому нибудь эмпирическому соціологическому обобщенію и т. д., и т. д. Мнѣ недавно случилось слышать или читать мнѣніе, что идея общественнаго равенства, составляющая, по Спенсеру, основаніе соціологіи, и изобрѣтеніе вѣсовъ, существенно помогли другъ другу. Я не буду разбирать, насколько это мнѣніе справедливо, но во всякомъ случаѣ очевидно, что подобную неожиданную помощь отъ области весьма отдаленной легко могла получать каждая отрасль нашихъ знаній. Контъ, разумѣется, понималъ это очень хорошо. Онъ не только говорилъ объ этомъ, но даже указывалъ на необходимость обратить особенное вниманіе на нѣкоторые случаи того, что можно бы было назвать возвратнымъ движеніемъ наукъ; именно тѣхъ случаевъ, когда высшая и бо-

http://rcin.org.pl

лѣе сложная наука оказываетъ косвенную или непосредственную помощь низшей и болѣе простой наукѣ. Я уже говорилъ объ этомъ въ статьѣ объ «аналогическомъ методѣ въ общественной наукѣ». Но великая заслуга Конта, безспорно свидѣтельствующая о необыкновенной философской силѣ его ума, состоитъ въ томъ, что онъ съумѣлъ уловить въ этой пестрой и сложной сѣти руководящую нить. Не претендуя на формулировку движенія знанія вообще, которое никакой формулировкѣ и не поддается, Контъ указалъ ту зависимость, въ которой находятся другъ отъ друга науки абстрактныя, не какъ сборники матеріаловъ, отрывочныхъ наблюденій, эмпирическихъ законовъ, т.-е. законовъ грубыхъ, подлежащихъ разложенію на болѣе простые элементы, законовъ, справедливыхъ только въ извѣстныхъ узкихъ предѣлахъ, — а *какъ науки*. Біологія, какъ собраніе безсвязныхъ наблюденій и опытовъ, грубыхъ обобщеній, практическихъ медицинскихъ правилъ, эмпирическихъ законовъ, не только могла, а и должна была существовать раньше низшихъ наукъ, но, какъ наука, она опирается на нихъ и слѣдуетъ за ними и логически, и педагогически, и исторически. Отцомъ соціологіи Контъ считаетъ еще Аристотеля, но, какъ наука, соціологія не существуетъ и по сіе время, и появится она только тогда, когда люди, изучающіе общественную жизнь и ея законы, обопрутся на законы біологіи. Въ этомъ именно указаніи на совпаденіе логическаго порядка развитія наукъ съ порядкомъ историческимъ, понятымъ не «по способу врожденнаго глазомѣра», состоитъ главное достоинство Контовой классификаціи, столь дурно оцѣненное Спенсеромъ, а вслѣдъ за нимъ и Гекели. Цитированный мною выше, для сравненія съ Гекели, Нуату приводитъ изъ сочиненія Литтре «Paroles de philosophie positive» слѣдующее краткое резюме классификаціи Конта: «Безъ математики невозможны ни астрономія, ни физика; химія безсильна безъ помощи физики; безъ химіи непонятенъ важнѣйшій жизненный фактъ— питаніе; а исторія, соціологія невозможны безъ помощи законовъ біологическихъ». Нуату по этому случаю иронически замѣчаетъ, что, дескать, Аристотель и Монтескье никуда, значитъ,

http://rcin.org.pl

не годятся и что, значитъ, для управленія народами необходимо ознакомиться съ «важнѣйшимъ жизненнымъ фактомъ, съ питаніемъ». Иронія Пуату очень плоска, но въ сущности она одного происхожденія съ возраженіями и Спенсера и Гексли. Не говоря уже о томъ, что знакомство съ фактомъ питанія весьма и весьма не лишнее дѣло для управленія народами, Контъ никогда не утверждалъ, чтобы даже довольно важныя соціологическія изслѣдованія не могли имѣть мѣста помимо біологіи. Людямъ практическимъ, людямъ, поставленнымъ въ необходимость дѣйствовать или обсуждать чужія дѣйствія, некогда дожидаться строго научной постановки общественныхъ вопросовъ. Они руководствуются запасомъ своего практическаго опыта, личнаго и историческаго, и поневолѣ стоятъ на почвѣ эмпирической. Но наука общественная все-таки невозможна безъ существенной помощи біологіи. Остальныя науки могутъ, правда, оказать нѣкоторыя услуги, какъ напримѣръ, химія анализомъ почвы, но услуги эти будутъ всегда по необходимости второстепеннымъ. Что же касается до математики, то ея роль въ общественной наукѣ совершенно ничтожна, что блистательно подтверждается двумя вышеупомянутыми статьями «Космоса». Такимъ образомъ съ точки зрѣнія классификаціи наукъ Конта «вооруженнымъ пріемомъ» въ общественной наукѣ должно считаться примѣненіе къ ней не математическаго анализа, а законовъ жизни, законовъ біологическихъ. Пусть читатель познакомится съ превосходнымъ изложеніемъ идеи этой зависимости соціологіи отъ біологіи у Конта, и онъ изумится той дерзости—я готовъ бы былъ сказать тому нахальству, еслибы желалъ состязаться съ «Космосомъ» въ энергіи ругани — съ которою «Космосъ» толкуетъ о «дѣтскихъ» мысляхъ Конта, противопоставляя имъ свои недоваренныя разсужденія о «способахъ врожденнаго глазомѣра» и математическомъ анализѣ общественныхъ явленій. Но Контъ не у всѣхъ подъ руками, онъ не переведенъ на русскій языкъ, да наконецъ пусть за нимъ останется роль подсудимаго. Прочтите изложеніе той же идеи у Спенсера, отрывочныя замѣчанія по этому же предмету у Гэккеля,—и вы увидите,

http://rcin.org.pl

до чего можетъ довести людей суздальская альтернатива «либо въ зубы, либо ручку пожалуйте». Тотъ подозрительный пафосъ, съ которымъ «Космосъ» третируетъ «Капновъ», проникая даже въ возможное настроеніе ихъ матерей въ моментъ ихъ рожденія; тотъ не менѣе подозрительный апломбъ, съ которымъ гг. Антоновичъ и Жуковскій относятся къ одному изъ величайшихъ мыслителей новѣйшаго времени,—разрѣшаются невѣроятно комическимъ образомъ. Едва-ли бо́льшаго посмѣянія достойна была извѣстная спица, которая надѣлала весьма много шуму, но моря не зажгла.

Поломавшись надъ Контомъ, понегодовавъ на Капновъ, «Космосъ» приступаетъ наконецъ къ замѣнѣ, въ области политической экономіи, «способа врожденнаго глазомѣра» математическимъ— я не скажу методомъ, но, положимъ, математическими пріемами. Авторъ находитъ, что это именно и есть путь, на который должна вступить нынѣ политическая экономія. «Тутъ — говоритъ авторъ—*прежде всего*—старыя экономическія школы должны будутъ найдти свое категорическое выраженіе, а слѣдовательно и свою надлежащую оцѣнку» и т. д. Но я тщетно ждалъ, что будетъ послѣ этого *прежде всего*. Когда съ такою помпою возвѣщается новый методъ въ наукѣ и на всѣ стороны разсыпаются, какъ бы изъ рога изобилія, упреки въ невѣжествѣ, мы вправѣ ожидать, что намъ разскажутъ, въ чемъ состоитъ новый методъ, т. е. тотъ путь, которымъ, по мнѣнію предлагающаго, могутъ быть получены законы извѣстнаго цикла явленій. Но никакихъ подобныхъ разъясненій намъ не даютъ. Далѣе, мы вправѣ ожидать, что если ужъ авторъ не хочетъ пускаться въ теоретическія разсужденія о своемъ методѣ, то онъ покажетъ намъ его по крайней мѣрѣ практически, изслѣдуя и находя, при его помощи, какіе либо законы явленій. Но и подобнаго ничего намъ не даютъ. Намъ говорятъ только, что «Мальтусъ указалъ на законъ размноженія народонаселенія, какъ на раціональную причину неравномѣрнаго распредѣленія продукта въ обществѣ, а на ренту — какъ на естественный налогъ, при посредствѣ котораго совершалась цивилизація»; что Рикардо «разработалъ

http://rcin.org.pl

самый процессъ учета, самый порядокъ, какимъ распредѣленіе достигало того конца, въ которомъ оно нуждалось по теоріи Мальтуса»; что Рикардо «придалъ своей обработкѣ ту строгость, точность и законченность, которыя почти граничили съ аналитическимъ построеніемъ системы, математической формулировкой экономическихъ теоремъ»; что самъ Рикардо не далъ этихъ формулъ, но что онѣ «легко могутъ быть построены изъ его положеній и примѣровъ» и что наконецъ «мы (Космосъ) примемъ этотъ трудъ на себя». Но, милостивые государи, гдѣ-же тутъ новый методъ? Вы просто взялись выразить математическимъ языкомъ теорію Рикардо, и ничего больше вы и не дѣлаете. Я не утверждаю, чтобы это было безполезно, но гдѣ-же обѣщанный переворотъ въ наукѣ и исчезновеніе экономистовъ и соціалистовъ? Рикардо дошелъ до своей теоріи «способомъ врожденнаго глазомѣра», но онъ могъ бы заказать любому математику перевести ее на математическій языкъ, отъ чего она нисколько не измѣнилась бы. Надо, впрочемъ, сказать, что передъ нами только отрывокъ изъ труда автора и что переворота слѣдуетъ искать, повидимому, не здѣсь, а въ томъ сравненіи между различными экономическими теоріями, которое должно имѣть мѣсто по переводѣ ихъ на математическій языкъ. Если такова дѣйствительно мысль автора, то это конечно пріемъ, болѣе достойный названія новаго метода. Однако, методъ этотъ, сильно напоминающій эклектическій методъ въ философіи, едва-ли достоинъ названія метода хорошаго. Получили вы рядъ математическихъ формулъ, выражающихъ, положимъ, теоріи цѣнности Рикардо, Прудона, Кэри и проч. Но такъ-какъ писателями этими ихъ теоріи получены «по способу врожденнаго глазомѣра», то сравнивать вамъ приходится не иное что, какъ результаты глазомѣрнаго способа, математически выраженные, т.-е. нисколько непзмѣненные, а только приведенные къ «своему категорическому выраженію». Слѣдовательно мы въ сущности ни на шагъ не подвинулись впередъ, и можетъ только показаться, что мы облегчили себѣ возможность сравненія. Но и это облегченіе довольно сомнительно, ибо сравненіе голыхъ формулъ ни къ чему

http://rcin.org.pl

повести не можетъ. Формулы могутъ здѣсь имѣть только то достоинство, что онѣ вкратцѣ покажутъ, что, положимъ, мѣновая цѣнность, по изслѣдованіямъ такого-то, сдѣланнымъ «по способу врожденнаго глазомѣра», слагается изъ такихъ-то и такихъ-то элементовъ, обусловливается такими-то и такими-то моментами и находится къ нимъ въ такихъ-то и такихъ отношеніяхъ; по изслѣдованіямъ, тоже глазомѣрнымъ, другаго автора, эти элементы и отношенія группируются иначе; по третьему автору ихъ слѣдуетъ расположить опять иначе, вычеркнуть одинъ изъ элементовъ, введенныхъ въ построеніе другими, и ввести новый, другими не указанный и т. д. Но если мы захотимъ подвергнуть всѣ эти изслѣдованія анализу, то ни въ какомъ случаѣ намъ математика здѣсь не поможетъ, а придется намъ обратиться къ исходнымъ точкамъ изслѣдованій и провѣрить ихъ какимъ нибудь инымъ способомъ; придется посмотрѣть, вѣрны-ли были ихъ посылки, правильно ли выведены заключенія, вѣрны-ли наблюденія и вообще факты, легшіе въ основаніе теоріи и т. д. Обращеніе къ математическимъ формуламъ для краткаго выраженія извѣстнаго положенія отнюдь не составляетъ новости и не разъ бывало употребляемо и въ политической экономіи, и въ біологіи. Но употребленію математическихъ формулъ никто и никогда не придавалъ значенія переворота въ наукѣ, потому что оно и дѣйствительно никакого переворота учинить не въ силахъ. Лейкартъ предложилъ для плодовитости формулу:

$$F = \frac{m}{n},$$

гдѣ F есть степень плодовитости, m—количество пластическаго матеріала, прибывающаго въ организмъ матери, n — количество матеріала, потребляемаго новою особью. Очевидно, что формула эта есть не болѣе, какъ выраженныя уравненіемъ нѣсколько печатныхъ страницъ, ничего къ нашимъ знаніямъ, какъ формула, не прибавляющая. Математическая формулировка не устранила недостатковъ «способа врожденнаго глазомѣра», она не ввела, напримѣръ, вліянія мужскаго организма на степень плодовитости.

http://rcin.org.pl

Очевидно также, что еслибы вы, на основаніи другихъ наблюденій, получили другую формулу для степени плодовитости, то сравненіе ея съ формулою Лейкарта не повело бы ни къ чему, а пришлось бы вамъ сравнивать свои наблюденія и опыты съ наблюденіями и опытами Лейкарта. По Гэккелю, степень наслѣдственности, т.-е. степень сходства потомковъ съ родителями, прямо пропорціональна времени, въ теченіи котораго приплодъ находится въ связи съ организмомъ матери, и обратно пропорціональна разницѣ размѣровъ между организмами матери и приплода. Обозначая степень наслѣдственности буквою H, время связи—t, размѣръ материнскаго организма—v, размѣр ъорганизма новорожденнаго—v', я получу формулу:

$$H = \frac{t}{v - v'}$$

Я могу сдѣлать эту формулу болѣе точною, вводя въ нее вмѣсто абсолютнаго числа дней непосредственной связи родительскаго организма и организма приплода (t)—отношеніе этого времени къ средней продолжительности жизни недѣлимаго. Но ни эта и никакая другая чисто математическая поправка ни на волосъ не измѣнятъ закона, предлагаемаго Гэккелемъ и не введутъ въ него вліянія отцовскаго организма на степень наслѣдственности. За этой поправкой никакъ уже невозможно обращаться къ математикѣ. Равнымъ образомъ поправка эта не получится сравненіемъ безчисленнаго множества подобныхъ же голыхъ формулъ.

Во всякомъ случаѣ очевидно, что въ предлагаемомъ «Космосомъ» переводѣ экономическихъ теорій на математическій языкъ нѣтъ никакого математическаго анализа, нѣтъ никакого новаго метода, нѣтъ устраненія «способа врожденнаго глазомѣра» и не предвидится наконецъ отъ этого перевода ни исчезновенія, ни примиренія соціалистовъ и экономистовъ. Это просто упражненія въ математикѣ. Если ужь «Космосу» такъ желательно примѣненіе математическаго анализа къ явленіямъ общественной жизни, то ему слѣдовало бы внять голосу Гексли. «Соціальныя явленія,

http://rcin.org.pl

говоритъ Гёкслп, суть результаты взаимныхъ дѣйствій, происходящихъ между членами общества, т.-е. между людьми и между ними и міромъ, въ которомъ они живутъ. Но на языкѣ физической науки, употребляющей матеріалистическій языкъ, потому что того требуетъ сущность предметовъ этой науки, — поступки людей, насколько ихъ можетъ изучать наука, суть результаты молекулярныхъ измѣненій матеріи, изъ которой мы состоимъ; и эти измѣненія когда нибудь попадутъ въ область изслѣдованій физика». Не раздѣляя этой надежды Гёкслп, я не могу однако отказать его требованіямъ отъ общественной науки въ невѣроятно громадныхъ логическихъ преимуществахъ передъ требованіями «Космоса». Сведите соціальныя явленія къ молекулярной механикѣ, если можете, и тогда прилагайте къ нимъ математическій анализъ, а до тѣхъ поръ не толкуйте о математическомъ методѣ и—послушайтесь Конта—поищите для соціологіи «вооруженныхъ пріемовъ» въ области біологіи. Чтеніе Конта убѣдило бы васъ, можетъ быть, также, что есть огромная разница между математическими упражненіями на готовыя соціологическія темы и математическимъ анализомъ общественныхъ явленій. Первыя возможны, но не особенно цѣнны; второй былъ бы вѣроятно очень цѣненъ, но онъ невозможенъ.

Нѣсколько иной характеръ имѣетъ статья «Новѣйшія изслѣдованія по вопросу народонаселенія». Здѣсь нѣтъ предисловія отъ редакціи, и можетъ быть по этому самому, нѣтъ никакихъ Капновъ, никакихъ уличеній Конта въ необразованности, никакихъ толковъ о переворотахъ въ наукѣ и вообще никакого туману. Авторъ просто разсказываетъ, какъ, почему и къ какимъ выводамъ относительно движенія народонаселенія приходили статистики. Но для насъ интересно въ этой статьѣ собственно только слѣдующее любопытное признаніе: «По своему существу вопросъ о приростѣ населенія, какъ слагающійся собственно изъ двухъ вопросовъ, вопроса о плодовитости и вопроса о смертности, есть вопросъ чисто-физіологическій. Но физіологія не даетъ никакого отвѣта на эти два частные вопроса. Она ничего не знаетъ о кривыхъ, по которымъ совершается развитіе жизненной

http://rcin.org.pl

силы или вѣрнѣе живучести въ организмѣ, и объ естественной мѣрѣ плодовитости. Поэтому общественная наука не имѣла никакихъ основаній, на которыхъ она могла бы приступить къ рѣшенію вопроса чисто-теоретическимъ способомъ. Ей предстояло основать всѣ средства свои на эмпирическихъ данныхъ; вопросъ изъ чисто-физіологическаго, какимъ онъ былъ по существу, долженъ былъ стать вопросомъ статистики. А извѣстное дѣло, въ какой дальній ящикъ откладывается рѣшеніе вопроса, разъ оно сводится на эмпирическій путь. Въ эмпирическихъ данныхъ изслѣдователь получаетъ рядъ послѣднихъ результатовъ, въ которыхъ скрывается сложное дѣйствіе иногда весьма разнообразныхъ причинъ, вскрыть и измѣрить которыя составляетъ дѣло величайшей трудности. Поэтому-то всѣ попытки теоретическаго построенія закона народонаселенія остаются до сихъ поръ совершенно тщетными. Основныя *постоянныя* вопроса,—представленія о такихъ основныхъ величинахъ, какъ напримѣръ естественная мѣра плодовитости, остаются крайне смутны и неопредѣленны. Въ этомъ отношеніи мы остаемся еще при той неопредѣленности, которою долженъ былъ довольствоваться знаменитый Лапласъ въ то время, какъ приступилъ къ своимъ вычисленіямъ по статистикѣ народонаселенія».

Итакъ, общественная наука, вооруженная «вооруженными пріемами» математики, но неимѣющая возможности опереться на біологію, на законы жизни, не можетъ подвинуться дальше эмпирическихъ законовъ. Но, милостивые государи, за что же вы такъ напустились на Конта, такъ презрительно относитесь къ его «дѣтскимъ» мыслямъ насчетъ сближенія нравственныхъ и политическихъ наукъ съ науками низшими, такъ тонко намекаете на никому кромѣ васъ неизвѣстныя изслѣдованія, убивающія позитивизмъ, такъ гнѣвно обрушиваетесь на позитивистовъ; за что и зачѣмъ вы все это продѣлываете, когда въ концѣ концовъ приходите къ тѣмъ же заключеніямъ, какія далъ и Контъ? Вы сами видите, что «вооруженные пріемы» математики нисколько не гарантируютъ насъ въ общественной наукѣ отъ «способа врожденнаго глазомѣра». Зачѣмъ же

http://rcin.org.pl

вы уподобились неблагоразумной синицѣ, пообѣщавшей исполнить дѣло, неисполнимое не только для нея, синицы, но неисполнимое вообще? Ни одинъ позитивистъ не отрицаетъ статистики, какъ средства для полученія болѣе или менѣе грубыхъ эмпирическихъ законовъ, которыми практика, бѣдная даже этими несовершенными средствами, можетъ руководствоваться въ извѣстныхъ предѣлахъ. Но это средства тѣмъ не менѣе все-таки несовершенныя; несмотря на помощь математики, они остаются на степени «способовъ врожденнаго глазомѣра». И Контъ былъ совершенно правъ, упрекая Кетле, когда тотъ придалъ статистикѣ несоотвѣтственное названіе соціальной физики. Статистика, по самому существу своему, ограничивается добываніемъ эмпирическихъ законовъ при помощи математическихъ пріемовъ. Соціальная же физика, соціологія, общественная наука должна подняться выше и этихъ пріемовъ, и добываемыхъ ими законовъ и опереться на біологію. За что же вы, милостивые государи, обругали Конта и позитивистовъ? за что подняли противъ нихъ свой столь стремительный и столь неудачный походъ? Зачѣмъ вы такъ хвалились, идучи на рать, когда вамъ приходится столь постыдно возвращаться? Эхъ, кабы за всякою мантіей олимпійскаго величія и за всякимъ таинственнымъ покрываломъ Изиды да было соотвѣтственное содержаніе... Кабы всякой бодливой коровѣ, да Богъ рога даровалъ... И въ какое же время «Космосъ» вздумалъ называть «дѣтскими» соображенія Конта объ относительномъ значеніи математики и біологіи для общественной науки! Въ то самое время, когда мы, можетъ быть, находимся уже наканунѣ дѣйствительнаго и глубокаго переворота въ общественной наукѣ, переворота, имѣющаго быть произведеннымъ именно біологіею, а не математикой. И переворотъ этотъ отнюдь не ограничится законами народонаселенія, хотя начнется, по всей вѣроятности, съ нихъ. Стоитъ только вдуматься хоть въ вышеприведенную формулу плодовитости Лейкарта, которая, несмотря на свою неполноту, приблизительно все-таки вѣрна, чтобы убѣдиться въ этомъ. Теорія же Дарвина несомнѣнно окончательно выведетъ общественную науку

http://rcin.org.pl

на новый широкій и плодотворный путь. Я не хочу прикрываться мантіей олимпійскаго величія и таинственнымъ покрываломъ Изиды. Я не хочу сказать, что я знаю вполнѣ, какъ и какія именно новыя перспективы откроетъ біологія общественной наукѣ и какъ именно повліяетъ она въ частности на экономическія теоріи; я не хочу сказать, что у меня въ рукахъ есть ключъ къ этой загадкѣ, разрѣшеніе которой такъ желательно и уже такъ близко. Этого ключа въ настоящую минуту нѣтъ ни у кого, а тѣмъ болѣе у меня, простаго журнальнаго работника. Но я радуюсь, имѣя случай указать русской читающей молодежи тотъ путь, которымъ она, поставленная въ болѣе благопріятныя условія, можетъ дойти до великой задачи. Точно также радуюсь я, имѣя возможность защищать такую философію, какъ философія положительная, хотя—повторяю—я не позитивистъ, если разумѣть подъ позитивистами ту или другую фракцію учениковъ Конта. И я увѣренъ, что еслибы мать моя могла предвидѣть дѣло, которое я дѣлаю, она не отказалась бы родить меня. Я думаю даже, что это предвидѣніе облегчило бы ея муки.

Я началъ суздальцами, суздальцами и кончу. Я не стану касаться суздальства Гёкели, потому что оно для насъ мало интересно и, какъ суздальство европейское, безъ сомнѣнія, найдетъ себѣ должную оцѣнку въ Европѣ. На Западѣ позитивизмъ имѣетъ уже нѣкоторые корни, и такія плохія статьи, какъ статья Гёкели, отнюдь не могутъ тамъ отвлечь отъ позитивизма то вниманіе, которое онъ къ себѣ все болѣе и болѣе привлекаетъ. Доктрины Конта завоевываютъ себѣ въ Европѣ все болѣе и болѣе прочное мѣсто, что можно видѣть уже изъ того почтенія, съ которымъ къ нимъ относятся люди, далеко не вполнѣ съ Контомъ солидарные. Мы привели выше мнѣнія о Контѣ и позитивизмѣ Бокля, Милля, Льюиса, Спенсера, но уваженіе къ Конту далеко не ограничивается Англіею и этими блестящими именами. Я только что прочелъ главу о Контѣ и позитивизмѣ въ исторіи философіи Дюрпнга («Kritische Geschichte der Philosophie von ihren Anfängen bis zur Gegenwart», Berlin, 1869), просмотрѣлъ замѣчательную книгу Ланге — «Исторія матеріа-

http://rcin.org.pl

лизма» («Geschichte des Materialismus und Kritik seiner Bedeutung in der Gegenwart», 1866) и вижу, что «либеральничающіе невѣжды, невѣжественно незнакомые съ болѣе удовлетворительными философскими направленіями и желающіе прикрываться пустыми и пошлыми словоизверженіями», существуютъ и въ Европѣ. Почтительное отношеніе къ Конту и его доктринамъ въ Ланге достойно особеннаго вниманія. Очевидно, въ западной Европѣ прошло уже то время, когда можно было морочить людей, сваливая въ одну кучу обѣ половины дѣятельности Конта и навязывая всѣмъ позитивистамъ религію Конта и его общественные идеалы. Другое дѣло у насъ въ Россіи, а потому поведеніе редакціи «Космоса» въ этомъ отношеніи заслуживаетъ болѣе спеціальной оцѣнки.

Весь крестовый походъ «Космоса» противъ Конта и позитивизма мотивируется тѣмъ, что «позитивизмъ вошелъ у насъ въ моду». Во вниманіе къ возможнымъ печальнымъ послѣдствіямъ этого заблужденія, «Космосъ» печатаетъ статьи Гексли, въ которыхъ не указывается на то, что существуютъ двѣ совершенно различныя формы позитивизма; печатаетъ возраженіе суздальца-контиста Конгрева, прямо объясняя, что такъ именно, какъ Конгревъ, разсуждаютъ и всѣ позитивисты, хотя самъ Гексли упоминаетъ, что есть позитивисты посильнѣе Конгрева, и заявляетъ при этомъ, что къ такому напечатанію онъ, «Космосъ», побуждается «долгомъ безпристрастія», тогда какъ долгъ безпристрастія требовалъ отъ него совсѣмъ не того; далѣе «Космосъ» печатаетъ отрывокъ изъ отзыва одного французскаго журнала о предлежащей полемикѣ, въ каковомъ отзывѣ значится, что вотъ-де позитивизмъ стремится сдѣлаться религіей и за это наказуется отъ руки Гексли; наконецъ, «Космосъ» уснащаетъ статью Конгрева оскобленными примѣчаніями, въ которыхъ заботливо поучаетъ насъ, что слѣдуетъ заниматься наукой, а не «мистическими соціологическими построеніями Конта». Все это заставляетъ меня пригласить «Космосъ» сознаться, что если его и нельзя прямо уличить въ лжесвидѣтельствѣ, то во всякомъ случаѣ онъ продѣлываетъ передъ русскою публикою крайне-недо-

http://rcin.org.pl

бросовѣстную мистификацію. «Космосъ» дѣйствуетъ такъ, какъ будто бы у насъ кто-нибудь стремится къ установленію новой духовной власти въ смыслѣ нечальныхъ фантазій несчастнаго Конта въ періодъ его сумасшествія; какъ будто у насъ гдѣ-нибудь исповѣдуется «культъ человѣчества», кто-нибудь поклоняется «великому существу», «великому фетишу» и «великой средѣ», кто-нибудь промѣнялъ православные святцы на календарь Конта и т. д. «Космосъ» дѣлаетъ ложный доносъ. Еслибы кто-либо изъ членовъ редакціи «Космоса» остановилъ меня на улицѣ и сталъ бы мнѣ съ пафосомъ объяснять: «Да развѣ вы не знаете, какъ постыдно воровать платки изъ кармана?! развѣ вы не знаете, что это дѣяніе преслѣдуется и человѣческимъ и божескимъ правосудіемъ?!»—то на меня, безъ сомнѣнія, стали бы подозрительно смотрѣть прохожіе, а городовой, пожалуй, и въ часть потащилъ бы. Такимъ образомъ, я испыталъ бы на себѣ всѣ послѣдствія ложнаго доноса, хотя редакторъ «Космоса» ни разу не сказалъ мнѣ прямо: милостивый государь, вы украли у меня носовой платокъ, или: я видѣлъ, какъ вы украли носовой платокъ. «Космосъ» дѣлаетъ ложный доносъ. Онъ дѣлаетъ его, вопервыхъ, властямъ предержащимъ, указывая имъ, что вотъ такіе-то люди стремятся къ ниспроверженію установленныхъ общественныхъ и религіозныхъ порядковъ; тогда какъ никто къ ихъ ниспроверженію не стремится. Я не говорю, чтобы «Космосъ» хотѣлъ сдѣлать этотъ ложный доносъ, но тѣмъ не менѣе, онъ его дѣлаетъ. Но уже не подлежитъ никакому сомнѣнію, что «Космосъ» сознательно дѣлаетъ ложный доносъ обществу на небольшую группу людей, болѣе или менѣе прикосновенныхъ къ позитивизму. Доносъ «Космоса», повторяю, ложенъ. Если не считать статей г. Ватсона въ «Современникѣ» и статьи покойнаго Писарева «Историческія идеи Огюста Конта» въ «Русскомъ Словѣ», которыя написаны уже довольно давно, то вотъ къ чему сведется все вхожденіе у насъ въ моду позитивизма. Въ майской книжкѣ «Современнаго Обозрѣнія» была напечатана статья «Задачи позитивизма и ихъ рѣшеніе», въ которой авторъ, г. П. Л., отдавая должную дань уваженія заслугамъ Конта,

http://rcin.org.pl

относится тѣмъ не менѣе критически къ обѣимъ половинамъ его философской дѣятельности; авторъ указываетъ даже, что въ позитивизмѣ, какъ онъ существуетъ нынѣ, есть важный органическій недостатокъ, мѣшающій ему обратиться въ цѣльную философскую систему. Писалъ о Контѣ и позитивизмѣ и я, въ «Отечественныхъ Запискахъ». Но мои отношенія къ позитивизму указаны выше. Гг. Лесевича и де-Роберти («Политико-экономическіе этюды») тоже нельзя заподозрить въ культѣ человѣчества и поклоненіи великому существу, великому фетишу и великой средѣ, ибо оба они очень отчетливо различаютъ «Курсъ положительной философіи» отъ «Позитивной политики» и другихъ сочиненій Конта. Г. Лесевичъ, помнится, даже посвятилъ цѣлую статью указанію отношеній, существующихъ между позитивистами и контистами. Вотъ и все, если не считать перевода на русскій языкъ книжекъ Льюиса и Милля о Контѣ, которыя собственно принадлежатъ не нашей литературѣ, да наивной рецензіи книжки г. де-Роберти, помѣщенной въ журналѣ «Дѣло». И такъ усиленныя приглашенія «Космоса» бросить поклоненіе великому фетишу, бросить религію Конта и его мистическія соціологическія построенія, приглашенія эти, представляя ложный доносъ, оказываются вмѣстѣ съ тѣмъ въ такой же мѣрѣ безсмысленными, какъ извѣстная пѣсня о томъ, какъ «Ѳедоръ вишни воровалъ въ своемъ огородѣ». Суздальская критика, презирающая всякія препоны для одноцвѣтной оцѣнки личности, партіи, школы, философской системы, очень удобна, но она можетъ завести человѣка въ мѣста, весьма нехорошія. Суздальская критика, какъ уже было говорено, коренится въ томъ обстоятельствѣ, что начала и интересы, повидимому, съ такимъ жаромъ защищаемые суздальцемъ на словахъ, на дѣлѣ имъ и понимаются и принимаются къ сердцу въ степени далеко меньшей. И это обнаруживается и въ суздальскомъ походѣ противъ позитивизма, предпринятомъ «Космосомъ».

«Космосъ» сталъ издаваться въ прошломъ году, сначала въ видѣ еженедѣльной газеты. Въ первой же статьѣ перваго нумера, трактовавшей о необъятности и величіи вселенной, кос-

http://rcin.org.pl

моса. «Космосъ» отъ этой необъятности и величія въ одинъ прыжокъ перешелъ къ гг. Хану, Скарятину и еще кому-то. Одинъ рецензентъ замѣтилъ новому журналу, что популярно-научное обозрѣніе, столь убѣжденное въ необъятности и величіи космоса, могло бы пренебречь гг. Ханомъ и Скарятинымъ. «Космосъ» отвѣчалъ на это, что дѣйствительно, миссія его состоитъ не въ пререканіяхъ съ гг. Ханомъ и Скарятинымъ, но что тѣмъ не менѣе необъятность и величіе космоса не помѣшаютъ ему строго осуждать журналистику «либеральную» и въ особенности «Отечественныя Записки» и «Петербургскія Вѣдомости». И дѣйствительно, необъятность и величіе космоса не помѣшали: въ особенности «Отечественныя Записки» были строго обсуждаемы и осуждаемы. Затѣмъ появилась извѣстная книжка гг. Антоновича и Жуковскаго, изъ которой видно, что редакторы «Космоса» недовольны г. Некрасовымъ, а такъ-какъ г. Некрасовъ участвуетъ въ «Отечественныхъ Запискахъ», то расходившаяся суздальская логика, по принципу «либо въ зубы, либо ручку пожалуйте», требовала распространенія недовольства и на «Отечественныя Записки», которыя и были обруганы шушерой и шелухой. На этомъ дѣло не остановилось—суздальская логика никакихъ предѣловъ не знаетъ — и началась ругань на Конта и позитивистовъ, ибо объ нихъ съ уваженіемъ говорилось въ «Отечественныхъ Запискахъ». Но разъ на суздальскій зубокъ попалъ Контъ, тутъ уже и рѣчи быть не можетъ о томъ, чтобы разсмотрѣть въ немъ полосы свѣта и тѣни: валяй все въ одну кучу, какая тутъ невмѣняемость; и вотъ Конту—«въ зубы», Гёкслн — «ручку пожалуйте». Все это въ порядкѣ вещей, но тѣмъ не менѣе все это ясно свидѣтельствуетъ, что интересы науки, столь азартно «Космосомъ» защищаемые, на дѣлѣ не особенно ему дороги. Милостивые государи, я самъ готовъ воздать должное г. Некрасову, какъ одному изъ замѣчательнѣйшихъ нашихъ поэтовъ, но все-таки полагаю, что крайне неосновательно сосредоточить во всемъ космосѣ свое вниманіе на личности г. Некрасова; крайне неосновательно направлять теченіе «Космоса», имѣя въ виду только

http://rcin.org.pl

это средоточіе. Въ космосѣ и кромѣ г. Некрасова есть многое, достойное вниманія.

Съ вашими силами, господа, и съ вашимъ рвеніемъ я бы, чѣмъ Конгрева оскобленными словами осыпать, слѣлалъ вотъ что: взялъ бы книжку Милля о Контѣ и позитивизмѣ (только не русскій переводъ, онъ плохъ и съ пропусками), — которая, какъ уже сказано, относится къ Конту съ уваженіемъ, но критически, да и представилъ бы разборъ ея русской публикѣ. Но, замѣтьте, не слѣдуетъ дѣлать возраженій такого сорта: «Я (*вздоръ и ложь*) хочу (*мало ли бы вы чего захотѣли*) показать (*ничего вы, кромѣ своего невѣжества, не покажете*)» и проч. Эта штука стара, ее бросить пора. Равнымъ образомъ ругаться не слѣдуетъ. Если вы скажете, что вотъ такой-то «невѣжественъ», «Каинъ», «либеральничающій невѣжда», то вы этимъ ничего не докажете, не докажете даже того, чтобы вы обладали обширными познаніями.

Я пересмотрѣлъ свою статью, чтобы увидѣть, не уклонился ли я гдѣ-нибудь отъ сущности дѣла. Нѣтъ, кажется, нигдѣ не уклонился. Не поставилъ ли я гдѣ нибудь многоточія, этого столь нелюбимаго «Космосомъ» знака препинанія? Въ многоточіяхъ грѣшенъ, ихъ у меня два:

1) «Прошу извиненія у г. Антоновича за разговоръ о его переводѣ «Исторіи индуктивныхъ наукъ» Уэвеля. Я знаю, что разговоръ этотъ долженъ ему напоминать то печальное время, когда онъ еще не имѣлъ права разсыпать во всѣ стороны уличенія въ невѣжествѣ. Нынѣ г. Антоновичъ это право имѣетъ»...

2) «Кабы всякой бодливой коровѣ да Богъ рога даровалъ»...

Я надѣюсь, что редакція «Космоса» не посѣтуетъ на меня за эти два многоточія, и потому съ спокойнымъ духомъ ставлю третье: Эмпедоклъ такъ и остался бы во мнѣніи древнихъ грековъ богомъ, еслибы Этна не выбросила его мѣдной сандаліи; по этой сандаліи всѣ узнали, что Эмпедоклъ былъ простымъ смертнымъ, желавшимъ провести своихъ соотечественниковъ...

---

http://rcin.org.pl

http://rcin.org.pl

Преступленіе и наказаніе *)

«Русскіе уголовные процессы». Изд. Александра Любавскаго. Томы I—V. Спб. 1866—1868.

I.

Старикъ Платонъ въ своей «Республикѣ» часто проводитъ остроумныя параллели между медициной и юриспруденціей. И ту и другую онъ изгоняетъ изъ своего идеальнаго государства. Онъ съ величайшимъ презрѣніемъ относится къ «заемной» справедливости и къ заемному здоровью и требуетъ правды и здоровья неподдѣльныхъ. Въ его идеальной «Республикѣ» врачи и юристы существуютъ, но это врачи и юристы въ совершенно особенномъ смыслѣ, такъ-какъ преступленій и болѣзней въ «Республикѣ» нѣтъ: неисправимые воспитаніемъ уроды, какъ физическіе такъ и нравственные, избиваются. Платоновскіе врачи душъ и тѣлесъ только укрѣпляютъ здоровое и не должны осквернятся соприкосновеніемъ съ болѣзнію нравственной или физической. До пониманія этихъ болѣзней они должны дойти не столько опытомъ и наблюденіемъ, сколько размышленіемъ, должны вывести понятіе болѣзни изъ понятія здоровья.

*) 1869, апрѣль и май.

http://rcin.org.pl

Старый мудрецъ твердо вѣрилъ, что его идеальное государство когда-нибудь и гдѣ-нибудь существовало, существуетъ или будетъ существовать въ дѣйствительности. Иначе, говоритъ онъ устами Сократа или Сократъ его устами, иначе мы были бы смѣшны съ своими толками о желательномъ, но невозможномъ. Платонъ не смѣшонъ конечно, хотя его Республикѣ и не суждено было осуществиться и хотя желательное теперь имѣетъ вообще мало сходства съ желательнымъ Платона. Но какимъ горькимъ смѣхомъ расхохотался бы онъ самъ, еслибы ему удалось какимъ-нибудь чудомъ собрать свои развѣянныя по всему міру частицы и подняться изъ могилы теперь, черезъ двѣ слишкомъ тысячи лѣтъ, тѣмъ же мудрымъ Платономъ и съ тѣмъ же идеаломъ въ головѣ. Онъ увидѣлъ бы, что тепершніе врачи душъ, точно по его предписанію, знать не хотятъ нравственной болѣзни, преступленія, и боятся осквернить себя изученіемъ его. — Значитъ, мой идеалъ реализировался? спросилъ бы онъ: значитъ, у васъ нѣтъ преступленій, нѣтъ заемной правды? А это что же? — И старикъ показалъ бы на громадныя тюрьмы, изъ-за рѣшотчатыхъ оконъ которыхъ выглядываютъ то тупыя, то озлобленныя блѣдныя лица; на висѣлицы съ висящимъ на перекладинѣ, судорожно бьющимся человѣческимъ полутрупомъ; на зданія судовъ, изъ которыхъ несутся бойкія, звонкія рѣчи прокуроровъ и адвокатовъ; на безчисленное количество томовъ кодексовъ, сводовъ, уложеній, трактатовъ права, учебниковъ и спеціальныхъ юридическихъ сочиненій. — Это это? спросилъ бы онъ, и не скоро бы понялъ наше объясненіе. Намъ пришлось бы разсказывать ему, что заемная правда у насъ все еще не вывелась, какъ и заемное здоровье; что проценты, уплачиваемые нами на нее, возросли со временъ Платона до поразительно круглой цифры; что мы дѣйствительно мало занимаемся преступленіемъ, но не потому, чтобы у насъ его не было, какъ въ его идеальномъ государствѣ, а потому, что мы очень усердно занимаемся изученіемъ наказанія; что это странное явленіе есть результатъ маленькихъ недоразумѣній. Старый мудрецъ еще разъ осмотрѣлся бы, оглядѣлъ бы

http://rcin.org.pl

результаты маленькихъ недоразумѣній и, махнувъ рукой, опять разсыпался бы прахомъ въ своей тысячелѣтней могилѣ.

Онъ не покусился бы даже провести свою любимую параллель между медициной и юриспруденціей. И въ самомъ дѣлѣ, такая параллель теперь рѣшительно невозможна. Врачъ, изучающій только свойства лекарствъ, оставляя совершенно въ сторонѣ свойства и причины болѣзней, былъ бы смѣшонъ и уже, разумѣется, не могъ бы похвастаться обширной практикой. Тогда какъ ни для кого не смѣшна и не удивительна наука уголовнаго права, предписывающая, подобно медицинѣ, кровопусканіе, ампутаціи, діэту и проч., и вмѣстѣ съ тѣмъ вовсе не изучающая соотвѣтственныхъ болѣзней. И не смѣшна она намъ не только потому, что самая сущность предмета невеселаго характера, а гораздо болѣе потому, что мы совершенно сжились съ такимъ порядкомъ вещей. Возьмите любое изложеніе уголовнаго права, и вы увидите, что вся книжка занята теоріей наказанія и нѣсколько общихъ мѣстъ о преступленіи занимаютъ какой-нибудь десятокъ страницъ. Перечтите всю нашу криминалистическую литературу, — и переводную и оригинальную, — откладывая все, что касается анализа преступленій, направо, а все, что излагаетъ и объясняетъ теорію и практику репрессіи — налѣво; налѣво отъ васъ окажется нѣчто въ родѣ башни вавилонской, а направо—нѣсколько тощихъ книгъ. То же самое встрѣтите вы и въ иностранной литературѣ, т.-е. пропорція будетъ та же. Хотя тамъ найдется нѣсколько сочиненій, замѣчательныхъ по разработкѣ причинъ, мотивовъ и свойствъ нѣкоторыхъ преступленій, но они рѣшительно тонутъ въ массѣ сочиненій, занимающихся теоріями наказанія и коментаріями на положительныя законодательства. Только одна отрасль мотивовъ преступленія, правда очень обширная—душевныя болѣзни — разработана хоть сколько нибудь, а между тѣмъ и она разработана слишкомъ мало. И изучаются душевныя болѣзни не криминалистами, а медиками. Криминалисты же даже очень рѣдко принимаютъ въ соображеніе медицинскія изслѣдованія этого рода, а нѣкоторые даже прямо заявляютъ свою независимость отъ

http://rcin.org.pl

нихъ. Такъ англійскій криминалистъ Джемсъ Стифенъ утверждаетъ, что сумасшествіе съ точки зрѣнія уголовнаго права совсѣмъ не то, что съ точки зрѣнія медицины, и что умопомѣшательство не можетъ служить поводомъ къ отклоненію вмѣненія. «Представьте себѣ — говоритъ онъ—что каждый изъ сумасшедшихъ узнаетъ, что онъ можетъ убивать, калѣчить, грабить всякаго встрѣчнаго безнаказанно» (Уголовное право Англіи въ краткомъ изложеніи). Здѣсь субъективная сторона преступленія совершенно поглащается голымъ фактомъ, якобы вопіющимъ о возмездіи, какъ поглащаются библейскія тучныя коровы коровами тощими. Такое отвращеніе отъ изученія преступленія было бы даже смѣшно, если бы не было такъ грустно. Оно ведетъ, разумѣется, ко многимъ очень печальнымъ послѣдствіямъ. Прежде всего уголовная политика представляетъ, вслѣдствіе этого, любопытный въ наше время примѣръ искусства (уже само собою разумѣется не изящнаго), неимѣющаго соотвѣтствующей науки, изъ которой практика могла бы черпать правила для своего поведенія. Вообще говоря, искусство, т. е. рядъ практическихъ правилъ, старше науки, т.-е. ряда строго выясненныхъ законовъ, управляющихъ фактами. Люди, побуждаемые своими насущными потребностями, но, не имѣя достаточнаго количества знаній, сначала просто практикуютъ. Затѣмъ, уже по мѣрѣ накопленія знаній, получается ясное понятіе законосообразности извѣстнаго рода явленій, ихъ причинной связи: является наука и, вызванная искусствомъ, уже сама ведетъ за собой практику. Искусство, техника представляетъ первые шаги человѣческой мысли, шаги почти безсознательные, въ потемкахъ, ощупью. Здѣсь все дѣло въ случайностяхъ, догадкахъ, въ самомъ ограниченномъ опытѣ и наблюденіи. Въ этомъ-то и заключается, между прочимъ, секретъ всѣхъ затерянныхъ секретовъ. Еслибы напримѣръ, знаменитый греческій огонь былъ продуктомъ научной химіи, то способъ его приготовленія никогда не могъ бы затеряться. Такъ-какъ всѣ части науки тѣсно связаны между собой, то, если и предположить случайное изчезновеніе нѣкоторыхъ звеньевъ этой цѣпи,—остальныя звенья неизбѣжно на-

http://rcin.org.pl

ведутъ на пополненіе пробѣла. Дѣло другое—искусство, не пытающееся открыть и изучить связь между явленіями и довольствующееся чисто эмпирическими свѣдѣніями. Донаучный періодъ техники продолжается до тѣхъ поръ, пока выяснятся законы причинной связи явленій. И понятно, что чѣмъ явленія сложнѣе, тѣмъ труднѣе уловить управляющіе ими законы и тѣмъ, слѣдовательно, продолжительнѣе донаучный періодъ. Искусство счета и количественной мѣры имѣетъ дѣло съ самыми простыми явленіями, и мы видимъ, что это искусство сравнительно очень быстро сформировалось въ науку, въ которой уже въ очень ранній періодъ цивилизаціи представляется могучій двигатель для породившей ее практики. Наоборотъ, явленія общественной жизни, какъ наиболѣе сложныя, только недавно стали давать матеріалъ для науки. А по нѣкоторымъ ихъ отраслямъ чисто техническій, донаучный періодъ тянется до сихъ поръ. Таково именно положеніе уголовнаго права. Оно не изучаетъ мыслящаго, чувствующаго и желающаго человѣка въ его отношеніяхъ къ другимъ мыслящимъ, чувствующимъ и желающимъ людямъ, а предписываетъ ему нѣчто; слѣдовательно его, наравнѣ съ политикой и этикой, слѣдуетъ отнести къ соціальнымъ искусствамъ, неимѣющимъ соотвѣтственныхъ наукъ или науки. Такую науку уголовное право можетъ получить, только изучая преступленія, отъ чего оно упорно отказывается. Не имѣя никакого разумнаго основанія, обстоятельство это допускаетъ только историческое объясненіе.

Наказаніе родилось изъ личной мести (у древнихъ римлянъ слово vindicta означало и мщеніе и наказаніе; понѣмецки Rache—месть, Gerechtigkeit — справедливость). Нѣсколько случайныхъ опытовъ показали, что въ томъ или другомъ случаѣ то или другое наказаніе, удовлетворяя чувству мести, вмѣстѣ съ тѣмъ производитъ и извѣстное дѣйствіе на наказаннаго. Человѣкъ похитилъ чужую вещь, обладатель похищеннаго поймалъ его на мѣстѣ преступленія, прибилъ, и похититель не повторилъ своего покушенія. А убилъ жену В, а тотъ убилъ въ отмщеніе его жену и послѣ этого А не покушался болѣе вредить членамъ

http://rcin.org.pl

семейства В. Но эти первые шаги уголовнаго права, результата весьма естественнаго въ дикарѣ чувства личной мести, были необходимо нетверды, и возмездіе сплошь и рядомъ не давало ожидаемыхъ послѣдствій. Воръ, побуждаемый холодомъ и голодомъ, шелъ опять воровать, хотя бы подъ угрозою новыхъ побоевъ. Семейства А и В., движимыя болѣе сильнымъ психическимъ факторомъ, чѣмъ страхъ быть убитымъ, продолжали истреблять другъ друга. Но наконецъ рядъ опытовъ, удачныхъ и неудачныхъ, могъ привести къ какимъ нибудь эмпирическимъ выводамъ, т.-е. показать, что при такихъ то условіяхъ такое-то возмездіе производитъ такое-то дѣйствіе. Затѣмъ отъ этихъ эмпирическихъ результатовъ былъ бы уже одинъ шагъ до изученія свойствъ и причинъ преступленія. Этого не случилось и не могло случиться по многимъ причинамъ. Вопервыхъ, чувство мести представляетъ въ первобытномъ человѣкѣ элементъ до такой степени сильный, что никакой опытъ не можетъ убѣдить его въ безполезности или даже вредѣ ея въ томъ или другомъ случаѣ. Первобытный человѣкъ мститъ непосредственно не думая въ ту минуту о возможныхъ результатахъ. Далѣе отсутствіе понятія причинной связи явленій не позволяетъ ему оріентироваться въ массѣ фактовъ, изъ которыхъ нѣкоторые особенно способны сбить его съ толку. Общій духъ времени таковъ, что человѣкъ видитъ въ себѣ центръ вселенной, а всѣ силы природы представляются ему не болѣе какъ радіусами, соединяющими этотъ центръ съ окружностью нѣкотораго магическаго круга, въ родѣ Олимпа или другаго сборища боговъ: для человѣка и розы и шипы, для него и пѣсня соловьиная и громъ небесный, для него и буря и затишье, и день и ночь. Это антропоцентрическое міросозерцаніе и нѣсколько случайныхъ совпаденій ведутъ къ тому, что человѣкъ сплетаетъ свою личную месть съ карою разгнѣваннаго божества. Поэтому съ дальнѣйшимъ развитіемъ общества право наказанія переходитъ въ руки власти, какъ представительницы божества на землѣ. Идея наказанія тѣсно сплетается съ вѣрованіями, а исполненіе

http://rcin.org.pl

его съ религіозными обрядами. Тутъ не можетъ быть и рѣчи объ изученіи преступленія, и посланныя счастливымъ случаемъ наказанія прилагаются къ дѣлу по преданію. Единственный критерій состоитъ въ правилѣ: мѣра за мѣру, око за око, зубъ за зубъ, за жизнь—жизнь, за рану—рана (мы дѣлаемъ самый бѣглый очеркъ и не входимъ въ подробности въ родѣ возможности откупаться отъ наказанія жертвою или денежною пенею.

Антропоцентрическое міросозерцаніе смѣнилось эксцентрическимъ *). Съ одной стороны мысль человѣческая, доселѣ принимавшая безъ всякаго анализа все добро и зло, которое ей посылали антропоморфизированныя силы природы, бросается, по закону реакціи, въ другую крайность и стремится уразумѣть самую сокровенную сущность вещей; отбрасываетъ въ явленіяхъ все относительное и ищетъ только абсолютнаго. Съ другой стороны, по тому же закону реакціи, духъ заявляетъ о своей безусловной свободѣ. Идея мстящаго божества и кровной мести, продолжая дѣйствовать, даютъ рядомъ съ собой мѣсто, повидимому, новой идеѣ абсолютной справедливости. Въ этотъ періодъ уголовное право тоже не могло спускаться съ заоблачной высоты абсолютнаго до изученія относительныхъ грѣховъ человѣка. Съ этой выси поднебесной былъ едва замѣтенъ комъ грязи, который называется землей и на которомъ стопутъ, падаютъ и умираютъ люди. Здѣсь преступленіе разсматривалось только съ метафизической, трансцендентальной точки зрѣнія, какъ нарушеніе всеобщей воли волею индивидуальною, какъ одно изъ проявленій саморазвивающейся идеи и проч. Изученія же преступленія, какъ явленія конкретнаго, здѣсь нечего искать и слѣдовъ. Кантъ, напримѣръ, училъ, что возмездіе, воздаяніе зломъ за зло есть идея присущая человѣку, категорическій императивъ. Здѣсь, очевидно, антропоцентрическое представленіе мстящаго божества только замѣщено метафизическимъ принципомъ абсолютной справедливости, что, по отношенію къ преступленію, не измѣняетъ дѣла. И дѣйствительно, напримѣръ, какъ по за-

*) Терминъ этотъ получитъ свое объясненіе во второмъ или третьемъ томѣ.

http://rcin.org.pl

конамъ Ману, имѣющимъ антропоцентрическое происхожденіе, соблазнившій замужнюю женщину наказывается кастраціей, такъ и по метафизической теоріи Канта изнасилованіе наказывается оскопленіемъ. Какъ по закону Моисееву око за око, зубъ за зубъ, какъ по закону Солона тому, кто выкололъ глазъ у кривaго, выкалываются оба глаза, такъ и по ученію Канта личныя оскорбленія искупаются соотвѣтственнымъ униженіемъ оскорбителя передъ оскорбленнымъ. И тамъ и тутъ берется только голый фактъ преступленія въ его объективности; субъективная же сторона,—мотивы преступленія, состояніе преступника и проч..— не принимается и не можетъ приниматься въ соображеніе. Взвѣшивать ее значило бы нарушить основаніе системы — мѣра за мѣру, усомниться или въ божественной правдѣ или въ прочности безусловной справедливости. Точно также и у другаго свѣтила нѣмецкой философіи, Гегеля, для котораго право, отрицаніе права—преступленіе, и отрицаніе преступленія и примиреніе съ правомъ—наказаніе представляютъ только звенья трихотоміи, трехчленнаго діалектическаго развитія идеи.

Этими метафизическими построеніями уголовнаго права кровная месть, реальный психическій фактъ, возведена въ общественный принципъ посредствомъ концентраціи ея въ рукахъ власти, что совершенно извращаетъ ея смыслъ и лишаетъ ее всякаго реальнаго основанія. Мстить или желать мстить можетъ только личность, будетъ ли это личность реальная или воображаемая, въ родѣ антропоморфизированной силы природы, но не общество. Но и въ личности чувство мести сглаживается по мѣрѣ развитія личности. Нѣкоторые мыслители совершенно не метафизическаго покроя (Бентамъ *) считаютъ месть побужденіемъ неизгладимымъ. Но несправедливость этого положенія очевидна. Человѣкъ мститъ только тогда, когда не можетъ понять мотивовъ возмущающаго его дѣйствія. Какъ только мотивы эти поняты, какъ только человѣкъ пережилъ мыслью весь процессъ, которымъ произошелъ непріятный для него фактъ, — чувство

*) Теперь надо прибавить Дюринга.

http://rcin.org.pl

мщенія не существуетъ. Человѣкъ мысленно всталъ на мѣсто преступника, увидѣлъ, что при данныхъ условіяхъ преступленіе непремѣнно должно было явиться, и для него желаніе отмстить замѣняется просто желаніемъ не допустить новаго повторенія непріятнаго факта, устранить породившія его условія. Мѣрило развитія человѣка есть именно эта способность переживать мыслью чужую жизнь. Понять значитъ простить, какъ говоритъ Сталь. Поэтому чувство мести, столь сильное у животныхъ и даже у дикаря, теряетъ значительнѣйшую долю своей интенсивности въ человѣкѣ цивилизованномъ. Вслѣдствіе этого, въ то время, какъ уголовныя теоріи возводили фактъ личной мести въ общественный принципъ, на практикѣ дѣло шло обратнымъ путемъ по естественному ходу цивилизаціи: правомѣрность осложнялась цѣлесообразностью и даже вытѣснялась ею. Сложная сѣть историческихъ событій, задавая правительствамъ практическія задачи, ввела, помимо возмездія, утилитарныя цѣли въ отправленіе уголовнаго правосудія. Но, оставляя въ сторонѣ свойства этихъ цѣлей, не трудно уже a priori видѣть, что, за незнаніемъ свойствъ и причинъ преступленій, вѣруя по преданію въ силу наказаній, завѣщанныхъ еще антропоцентрическимъ періодомъ, практика должна была во всякомъ случаѣ на каждомъ шагу ошибаться. А здѣсь ошибка, кромѣ недостиженія данной цѣли, равняется напрасно пролитой крови, напрасно загубленной въ тюрьмѣ и на каторгѣ жизни, напрасно задавленнымъ мыслямъ и чувствамъ...

Идеалистическія системы великихъ нѣмецкихъ философовъ обнимали собой все сущее, весь міръ, со включеніемъ человѣка и человѣческихъ отношеній. Поэтому, и идея абсолютной справедливости прилагалась ими нетолько къ области правонарушеній, а и къ области самого права. Но по мѣрѣ того, какъ рушилось величественное зданіе идеалистической философіи со всѣми его пристройками, подпорками и украшеніями, наиболѣе сильные умы, которые были бы въ состояніи создать новую всеобъемлющую систему, искали себѣ другихъ поприщъ. Соединенныя волны науки и жизни, подмывшія основанія идеалистическихъ системъ,

http://rcin.org.pl

выставили новыя данныя и иныя задачи, за разработку которыхъ и взялись лучшіе умы. Среди обломковъ рухнувшаго зданія остались люди помельче, которые не могли охватить мыслью все, что охватывала мысль Кантовъ, и потому удовлетворялись тѣми или другими обломками: одинъ ухватился за идею прекраснаго, другой за справедливость, третій за нравственность, не будучи въ состояніи связать эти обломки съ тѣмъ, что лежало за предѣлами ихъ спеціальнаго міросозерцанія. Спеціализированныя и изолированныя другъ отъ друга идеи прекраснаго, справедливаго, добраго, полезнаго, истиннаго породили множество узенькихъ теорій, ничѣмъ между собою несвязанныхъ и подчасъ даже враждебныхъ другъ другу. Если стройныя, цѣльныя, всеобъемлющія идеалистическія системы, несмотря на ложность основанія, отличались, именно благодаря своей цѣльности, особенною устойчивостью, то обособившіеся, разрозненные обломки ихъ ни въ какомъ случаѣ не могли выдержать напора точныхъ знаній и практической жизни. Явились, между прочимъ, и метафизики-юристы, и даже еще уже—метафизики-криминалисты, которые, считая себя представителями идеи справедливости, прилагали ее, однако, только къ спеціальной сферѣ человѣческихъ отношеній. Считая достойнымъ возмездія всякое нарушеніе существующаго въ данный историческій моментъ общественнаго порядка, они не думали приложить тотъ же масштабъ справедливости къ самому этому порядку со стороны, напримѣръ, отношеній экономическихъ. Результатомъ такой спеціализаціи идеи справедливости было, очевидно, внутреннее противорѣчіе и не только объ абсолютной, но и о какой бы то ни было справедливости тутъ собственно и рѣчи быть не могло. Справедливость есть здѣсь только декорумъ, полученная по наслѣдству красивая, но безполезная кукла, къ которой привыкли, хотя и утратили ея смыслъ. И вотъ обезсиленныя внутреннимъ противорѣчіемъ уголовныя теоріи дѣлаютъ уступку жизни: осложняются утилитарными принципами. Являются теоріи субъективныя, имѣющія въ виду, помимо удовлетворенія абстрактной справедливости, земныя цѣли,—устрашеніе, самозащиту общества, исправленіе,

http://rcin.org.pl

и проч. Къ тому же результату, какъ мы видѣли, еще раньше пришли и положительныя законодательства, понуждаемыя практическими требованіями. Какъ только общество подросло, сформировалось, санкціонировало извѣстный порядокъ, оно уже не удовлетворяется въ дѣлѣ наказанія отвлеченною справедливостію, а видитъ въ немъ гарантію существующаго порядка, причемъ справедливость играетъ ту же второстепенную роль, какъ и въ субъективныхъ уголовныхъ теоріяхъ. Такимъ образомъ и въ теоріи, и на практикѣ понятіе справедливости съузилось, спеціализировалось, и въ то же время осложнилось утилитарными началами. Отбросивъ декорумъ, мы видимъ, что съ этой точки зрѣнія наказаніе есть условіе, насильственно подставленное въ жизнь члена или членовъ общества съ цѣлью подѣйствовать на нихъ извѣстнымъ образомъ въ интересахъ существующаго порядка, отклонить ихъ отъ извѣстнаго, порицаемаго закономъ образа дѣйствія. Такъ именно смотрятъ или, по крайней мѣрѣ, должны смотрѣть на наказаніе современныя уголовныя теорія и практика. Это опредѣленіе наказанія не имѣетъ ничего общаго съ понятіями антропоцентрическаго и метафизическаго періодовъ. И какъ тогда ни теорія, ни практика не нуждались въ изученіи преступленія, такъ наоборотъ теперь изученіе это неизбѣжно и необходимо. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя вліять на тотъ или другой образъ дѣйствія человѣка, не зная его причинъ и свойствъ. Разъ допущена какая бы то ни была утилитарная цѣль, наказаніе перестаетъ быть цѣлью и становится средствомъ для полученія извѣтныхъ результатовъ. А для того, чтобы толкнуть человѣка наказаніемъ направо, а не налѣво, мы должны очевидно свести наказаніе и преступленіе на очную ставку, взвѣсить возможно точно и то, и другое, и затѣмъ смотрѣть, можетъ-ли получиться отъ столкновенія этихъ элементовъ ожидаемый результатъ. Требуется построить такой параллелограммъ соціальныхъ силъ, составляющія котораго представляли бы одна—силу наказанія, другая — силу причинъ соотвѣтственнаго преступленія; равнодѣйствующая этого параллелограмма и представитъ направленіе, которое приметъ воля преступника.

http://rcin.org.pl

Казалось бы, что теперь, по крайней мѣрѣ, наступило время изученія преступленія. Но криминалисты продолжаютъ прятаться за окопы справедливости и свободы воли. А между тѣмъ, принципъ справедливости давнымъ-давно ими самими умаленъ до того, что его трудно разсмотрѣть невооруженнымъ глазомъ, и толкуютъ они объ немъ единственно по недоразумѣнію. Что же касается до свободы воли, то на этомъ пунктѣ криминалисты опять-таки представляютъ собою жертву другаго недоразумѣнія. Уголовная политика имѣетъ цѣлью произвести извѣстный практическій результатъ рядомъ извѣстныхъ дѣйствій. Слѣдовательно, она, какъ и всѣ первобытныя искусства, хоть смутно, но должна предполагать нѣкоторую неизвѣстную ей причинную связь между своими операціями и ихъ практическими результатами. Если криминалистъ и признаетъ на словахъ волю человѣка совершенно свободною, то на дѣлѣ самымъ существованіемъ своимъ утверждаетъ, что воля эта можетъ быть извѣстнымъ образомъ направлена. Либо человѣкъ свободенъ, и тогда на него не дѣйствуетъ и наказаніе; либо онъ не свободенъ, и тогда кромѣ наказанія на него дѣйствуютъ и другіе факторы, которые могутъ оказаться сильнѣе наказанія. Простой здравый смыслъ требуетъ, чтобы эти факторы были изучаемы, по крайней мѣрѣ, наравнѣ съ наказаніемъ. И только этимъ путемъ уголовное право и можетъ выбиться изъ опутывающихъ его противорѣчій и оправдать носимый имъ титулъ науки. Наука есть рядъ законовъ, выведенныхъ изъ возможно большаго количества фактовъ одного и того же порядка, съ цѣлью предвидѣть имѣющіе случиться факты, на основаніи фактовъ прошедшаго и настоящаго. Прошедшее и настоящее даютъ матеріалъ, наука переработываетъ этотъ матеріалъ, помощью извѣстныхъ процессовъ, и отсюда заключаетъ о будущемъ. Стало быть, гдѣ нѣтъ законовъ, тамъ не можетъ быть науки. И если духовная сторона человѣка и общественныя отношенія не подлежатъ какой бы то ни было правильности и законосообразности, то немыслимы и науки нравственныя и политическія вообще, и наука уголовнаго права въ особенности. Въ существѣ вещей уголовное право и признаетъ человѣческія

http://rcin.org.pl

дѣйствія подлежащими нѣкоторой законосообразности, такъ-какъ оно признаетъ, что, напримѣръ, страхъ наказанія долженъ извѣстнымъ образомъ погнуть волю человѣка. Все дѣло, значитъ, только въ открытомъ и сознательномъ признаніи того, что уже признается скрытно и безсознательно, чѣмъ исключается возможность систематическаго развитія признанной мысли. Криминалисты, отстаивая идею свободы воли, ежеминутно ими самими подтачиваемую, и раздѣляя такимъ образомъ весь міръ на двѣ рѣзко разграниченныя половины, изъ которыхъ въ одной все правильно и законосообразно, а въ другой царитъ вѣчный хаосъ,—криминалисты очевидно смущаются только сложностью соціальныхъ явленій и неизбѣжнымъ здѣсь вмѣшательствомъ субъективныхъ элементовъ. Отъ факта естественнаго мы не требуемъ, напримѣръ, справедливости, которая, однако, вертится на языкѣ даже у всякаго негодяя, когда рѣчь идетъ о фактѣ соціальномъ. Мы не возмущаемся тѣмъ, что какое-нибудь растеніе безпощадно глушитъ своихъ слабыхъ сосѣдей. Каждая индивидуализированная единица въ природѣ дѣйствуетъ какъ слѣпая сила, уступая только большей силѣ; мы видимъ это, и говоримъ: таковъ законъ природы. И даже отъявленному поборнику искусства для искусства не можетъ придти въ голову мысль написать романъ, картину, элегію, драму на тему—борьба за существованіе въ природѣ, безотносительно къ человѣку. Никто не рѣшится говорить о нравственномъ кодексѣ двукопытныхъ или о принципѣ справедливости у многокопытныхъ. Едва-ли даже какой-нибудь завзятый моралистъ отважится упрекать цвѣтокъ въ наглости и безстыдствѣ за то, что онъ выставляетъ напоказъ свои убранные лепестками половые органы. Между тѣмъ, съ человѣческой (гуманной) точки зрѣнія природа, дѣйствительно, представляетъ рядъ рабовъ и эксплуататоровъ, безконечную цѣпь насилій и разврата. Мудрено, однако, стать на гуманную точку зрѣнія, говоря о природѣ. Даже пресловутыя общества покровительства животнымъ существуютъ собственно въ интересахъ человѣка, а не собакъ и кошекъ. Даже пиѳагорейцы, не ѣвшіе мяса, все-таки, кушали растенія, и ни ихъ, ни

http://rcin.org.pl

индусовъ не спасло отъ этого варварства вѣрованіе въ переселеніе душъ. Съ другой стороны, если мыслящіе люди признали фактическую вѣрность теоріи Дарвина, то тѣ же, именно тѣ же мыслящіе люди съ негодованіемъ отвертываются отъ слѣпой силы, какъ общественнаго принципа. Такимъ образомъ, когда объектомъ нашего мышленія является природа, мы относимся къ ней какъ и всѣ естественные дѣятели, мы просто становимся въ ряды этихъ дѣятелей, не связывая себя относительно ихъ никакими обязательствами. Наоборотъ, когда человѣкъ, какъ мыслящій субъектъ, дѣлается вмѣстѣ съ тѣмъ и мыслимымъ объектомъ, мы становимся на гуманную точку зрѣнія. Послѣднее нетолько не противорѣчитъ первому, но самымъ тѣснымъ образомъ съ нимъ связывается. Въ самомъ дѣлѣ, если по естественному, неизбѣжному закону всякая индивидуализированная единица въ природѣ прямо или косвенно живетъ насчетъ единицъ болѣе слабыхъ, то неизъятъ изъ этого закона и человѣкъ, какъ недѣлимое и какъ членъ общества. Онъ борется съ природой, давитъ ее, какъ и она съ нимъ борется и давитъ его. Но въ той мѣрѣ, въ какой людскіе интересы совпадаютъ въ виду этой борьбы, людямъ нуженъ миръ, а не борьба. Вслѣдствіе этого между членами группы съ совпадающими интересами устанавливаются особенныя правила, называемыя правилами нравственности, справедливости, и не прилагаемыя ими къ единицамъ, не входящимъ въ составъ группы. Кругъ людей, съ интересами которыхъ совпадаютъ интересы данной личности, можетъ быть болѣе или менѣе обширенъ, смотря по степени развитія личности, т.-е., опять-таки по степени легкости, съ которою личность переживаетъ мыслью чужую жизнь. Это можетъ быть одна личность, семья, родъ, община, народъ и, наконецъ, человѣчество.

Итакъ, различіе фактовъ естественныхъ и соціальныхъ, какъ предметовъ человѣческаго вѣдѣнія, состоитъ только въ томъ, что къ первымъ мы относимся совершенно объективно, тогда какъ къ послѣднимъ, наоборотъ, не можемъ не относиться субъективно. Это-то различіе, только по тому отношенію, въ какомъ

http://rcin.org.pl

всегда становился, становится и будетъ становиться человѣкъ къ фактамъ естественнымъ и соціальнымъ, это-то субъективное различіе либръ-арбитристы принимаютъ за различіе объективное, заключающееся въ самихъ фактахъ. Субъективное различіе не исключаетъ понятія законосообразности человѣческихъ дѣйствій. Самому закону борьбы за существованіе, очевидно, подлежатъ и факты соціальные, какъ и естественные. Но, во имя сложныхъ интересовъ человѣчества, мы, сознательно или безсознательно повинуясь законамъ природы, можемъ ихъ до извѣстной степени регулировать; подчиняясь имъ, можемъ въ предѣлахъ этого подчиненія подчинять ихъ себѣ. И законы, управляющіе наиболѣе сложными и, слѣдовательно, наиболѣе измѣнчивыми явленіями, каковы явленія общественной жизни, допускаютъ это подчиненіе въ гораздо большей степени, нежели законы явленій простѣйшихъ и менѣе измѣнчивыхъ. Разумъ познаетъ законы явленій и регулируетъ ихъ въ виду извѣстныхъ цѣлей. Такимъ образомъ, разумъ человѣческій кладетъ къ подножію человѣчества весь міръ, и человѣкъ опять становится центромъ вселенной. Но это не тотъ объективно-антропоцентрическій періодъ, когда міромъ, въ пользу или во вредъ человѣка, заправляли внѣшнія силы. Это и не эксцентрическій періодъ индивидуальнаго произвола, когда человѣкъ и его интересы забывались для отвлеченныхъ идей прекраснаго, нравственнаго, истиннаго или справедливаго. Это періодъ субъективно-антропоцентрическій, періодъ, когда на мѣсто Олимпа становится разумъ человѣческій. Олимпъ, какъ чуждый человѣку, могъ посылать ему съ одинаковымъ величіемъ и безучастностью и добро и зло, и ведро и ненастье, и гнѣвъ и милость. Разумъ человѣческій не гнѣвается и не караетъ, потому что онъ есть способность понимать явленія; онъ работаетъ только на счастіе человѣчества, потому что это его собственное счастіе. Здѣсь человѣкъ побѣдилъ природу, потому что понялъ свою зависимость отъ нея.

И если цѣль наказанія уничтожить преступленія, т.-е. побѣдить тѣ враждебныя человѣку силы, подъ вліяніемъ которыхъ онъ убиваетъ, воруетъ, грабитъ, насилуетъ и проч., то такая

http://rcin.org.pl

цѣль можетъ быть достигнута не иначе, какъ изученіемъ этихъ силъ и этого вліянія, т.-е. изученіемъ преступленій. Только такое изученіе можетъ дать уголовной политикѣ научную опору и способствовать возстановленію той справедливости, относительно которой криминалисты находятся въ такомъ двусмысленномъ положеніи.

II.

Разъ признана законосообразность и причинная связь человѣческихъ дѣйствій (а она признается въ лицѣ криминалистовъ даже сторонниками идеи свободной воли), изученіе преступленій дѣлается не только возможнымъ, но и необходимымъ, и на очередь становится вопросъ о методѣ. Мы не считаемъ нужнымъ говорить о непригодности метафизическаго метода, рѣшающаго задачи слишкомъ широко для того, чтобы эти рѣшенія могли имѣть какое-нибудь значеніе. Далѣе сложность явленій общественной жизни и другія свойственныя имъ условія не допускаютъ приложенія къ нимъ опыта. Такимъ образомъ, орудіемъ для изученія преступленій является одно наблюденіе, причемъ пригодными для этого методами представляются методы отвлеченный и конкретный. Для уясненія ихъ относительнаго значенія возьмемъ какой нибудь примѣръ. Представительница отвлеченнаго метода, уголовная статистика констатируетъ, напримѣръ, такой фактъ. Наклонность къ супругоубійству развита у женщинъ сильнѣе, нежели у мужчинъ, несмотря на то, что 1) склонность къ убійству вообще у женщинъ слабѣе и что 2) убійство родственниковъ наказывается строже простаго убійства. Этотъ выводъ изъ голыхъ рядовъ цифръ убѣждаетъ насъ, что пока обстоятельства не перемѣнятся, женщины будутъ оказываться убійцами вообще рѣже, нежели мужчины, а супругоубійцами чаще, и что для устраненія этого съ перваго взгляда парадоксальнаго факта существующая система наказанія безсильна. Если мы затѣмъ примемъ въ соображеніе съ одной стороны относительную

http://rcin.org.pl

физическую слабость женщины, а съ другой — ея положеніе въ семьѣ, то, соединивъ нашу индукцію съ выводомъ изъ этихъ данныхъ, мы получимъ полное объясненіе факта. Но при этомъ объясненіи мы имѣли въ виду только три фактора: почти чисто космическій — физическую слабость женщины, и факторы соціальные — извѣстное наказаніе и положеніе женщины въ семьѣ. Тогда какъ на самомъ дѣлѣ въ основаніи взятыхъ нами рядовъ цифръ лежатъ не только эти элементы, и процессъ статистическаго обобщенія только отвлекъ для насъ три вышеозначенные, наиболѣе вліятельные фактора. Конкретный методъ ставитъ, наоборотъ, передъ нами явленіе во всей его цѣлости. Представимъ себѣ, что тѣ же ряды цифръ облеклись въ плоть и кровь, что передъ нами лежитъ обстоятельная исторія каждой единицы изъ этихъ рядовъ. Въ этомъ случаѣ сдѣлать вышеприведенный выводъ будетъ для насъ гораздо труднѣе, потому что при каждомъ единичномъ наблюденіи вниманіе наше будетъ разбиваться факторами, не столь сильными въ цѣломъ, въ примѣненіи ко всему циклу явленій, но весьма значительными для отдѣльныхъ фактовъ. Напримѣръ, въ данномъ случаѣ женщина могла убить мужа по причинамъ, или вовсе необусловливающимся складомъ семейной жизни, или имѣющимъ къ нему только косвенное и отдаленное отношеніе; мотивами преступленія могли быть религіозный фанатизмъ, психическая болѣзнь, желаніе захватить имущество и т. д. Всѣ эти второстепенныя условія въ цѣломъ нейтрализируются, и ярко вырѣзывается струна, звучащая наиболѣе сильно. Да если мы даже представимъ себѣ рядъ случаевъ, наиболѣе близко подходящихъ къ среднему, выраженному статистическимъ обобщеніемъ, то-есть рядъ исторій супругоубійствъ, вызванныхъ единственно безобразіемъ строя семейной жизни, то общій выводъ все-таки затруднится самою цѣлостью представленія. Только болѣе или менѣе высоко развитая личность съумѣетъ встать послѣдовательно на мѣсто преступницъ и убѣдиться, что фактъ долженъ былъ совершиться. Для наблюдателя, стоящаго на низкомъ уровнѣ развитія, такое проникновеніе чужою жизнью немыслимо, а потому для него неуловимы

http://rcin.org.pl

и законосообразность, и причинная связь наблюдаемыхъ имъ фактовъ. Отвлеченный же методъ, стирая частности и замыкая явленіе въ математическую формулу, кладетъ на него очевидную для всѣхъ и каждаго печать закоиности. Поэтому отвлеченный методъ не требуетъ особенной работы мысли. Статистика, какъ выразился, помнится, Лапласъ, есть рѣзко выраженный здравый смыслъ; выводъ самъ, такъ сказать, выглядываетъ изъ-за цифръ и представляется сознанію готовымъ тутъ же, на мѣстѣ. Конкретный методъ представляетъ мысли несравненно больше затрудненій. Въ этомъ случаѣ ей приходится оріентироваться въ массѣ разнородныхъ явленій, найти путеводную нить среди запутанной комбинаціи сложныхъ вліяній. Но за то отвлеченный методъ, имѣющій дѣло главнымъ образомъ съ категоріей количества, съ мертвыми цифрами, не въ состояніи передать оттѣнковъ явленія; качественныя различія статистика можетъ намѣтить только болѣе или менѣе грубо, равнымъ образомъ и процессъ, которымъ совершился фактъ, можетъ быть найденъ только конкретнымъ методомъ. Если послѣдній и затрудняетъ (но не исключаетъ) возможность общихъ выводовъ, то взамѣнъ того онъ предотвращаетъ ихъ односторонность и отмѣчаетъ тѣ элементы, которые не даются анализу отвлеченнаго метода. Такимъ образомъ, оба метода взаимно пополняютъ другъ друга, и для успѣха великаго дѣла изученія преступленій они должны идти рука объ руку и служить другъ другу повѣркой. Матеріалы для отвлеченнаго метода суть данныя уголовной статистики, а для метода конкретнаго—уголовные процессы. И тѣ и другіе представляются одинаково важными.

Уголовной статистики у насъ пока еще вовсе нѣтъ, и хоть на такое «нѣтъ» судъ и есть, но теперь намъ объ этомъ говорить не приходится. Взамѣнъ статистики, со времени судебной реформы у насъ появилось множество сборниковъ уголовныхъ процессовъ. Мы было-порадовались этому наплыву, но сборники эти всѣ составлены до такой степени безтолково, до такой степени безъ всякаго пониманія ихъ значенія, что разочарованіе наступало немедленно. Особенно обрадовались мы предпріятію, задуманному г. Лю-

http://rcin.org.pl

бавскимъ. Онъ издалъ, кромѣ весьма плохаго «Сборника замѣчательныхъ уголовныхъ процессовъ» иностранныхъ, пять томовъ «Русскихъ уголовныхъ процессовъ», изъ которыхъ въ четырехъ первыхъ помѣщены дѣла, рѣшенныя еще въ старыхъ судебныхъ учрежденіяхъ. Эти пять томовъ заключаютъ въ себѣ до 170 печатныхъ листовъ довольно убористаго шрифта, и собрано г. Любавскимъ около трехсотъ дѣлъ, — цифры довольно почтенныя. При видѣ этой библіотеки, мы только руки потирали, особенно имѣя въ виду то обстоятельство, что г. Любавскій не хочетъ на этомъ остановиться и издастъ, можетъ быть, еще пять, а можетъ быть и пятьдесятъ томовъ. Понятное дѣло, что сборникъ русскихъ уголовныхъ дѣлъ имѣетъ для насъ, русскихъ, особенное значеніе. Наконецъ-то, думали мы, наконецъ-то вырѣжутся передъ нами наши темныя силы и встанутъ во весь ростъ, ясно, со всѣми подробностями. Наконецъ-то мы увидимъ, чего намъ нужно и чего не нужно, чего намъ недостаетъ и что для насъ лишнее, чѣмъ мы недовольны, что насъ гнететъ, потому что картина преступленій, совершающихся въ данномъ обществѣ, есть картина его нуждъ и немощей. Наконецъ-то прочтемъ мы на кровавыхъ страницахъ нашей домашней, невидной исторіи, насколько правы наши отечественные вѣчные Панглоссы народныхъ началъ и органическаго развитія, Панглоссы временные, такъ сказать, дофевральскіе, Панглоссы современные и всякіе другіе. Можетъ быть, думали мы, тутъ же, въ этихъ пяти объемистыхъ томахъ найдемъ мы и рецепты или по крайней мѣрѣ полновѣсныя указанія на тѣ стороны нашего общественнаго и экономическаго быта, въ которыхъ беретъ начало родникъ нашихъ преступленій. Но по мѣрѣ того, какъ мы перечитывали сборники г. Любавскаго, надежды наши блѣднѣли, вяли и окончательно превратились въ «цвѣтокъ засохшій, безуханный» задолго до послѣдняго тома. Надобно обладать особеннымъ искусствомъ, чтобы такъ безтолково напичкать 170 листовъ, какъ это сдѣлалъ г. Любавскій. Слѣдуетъ еще замѣтить, что г. Любавскій не имѣлъ ни предшественниковъ, ни конкуррентовъ и потому могъ полною рукою черпать изъ кла-

http://rcin.org.pl

дезя нашихъ грѣховъ. Разбросанныя кое-гдѣ по спеціальнымъ изданіямъ дѣла, именно по своей разбросанности, имѣютъ ничтожное значеніе; притомъ же г. Любавскій перепечаткою не стѣсняется,—и совершенно резонно.

Мы напрасно бились, стараясь угадать, какими планами и соображеніями руководствовался г. Любавскій въ своемъ изданіи. Безпорядочность изданія доказывается даже наименѣе безпорядочнымъ (по однородности матеріала) третьимъ томомъ, который весь наполненъ процессами психическихъ больныхъ. Это безспорно предметъ въ высшей степени важный, но изъ четырехъ томовъ дѣлъ, рѣшенныхъ при старомъ судопроизводствѣ, очень неосновательно занимать цѣлый томъ подобными процессами. Психическія болѣзни представляютъ явленіе, общее всѣмъ вѣкамъ и народамъ, и русскихъ психическихъ болѣзней нѣтъ, тогда какъ существуютъ чисто русскія общественныя отношенія. Поэтому г. Любавскому слѣдовало или издать нѣсколько томовъ процессовъ психическихъ больныхъ, не ограничиваясь рамками Россіи, а просто выбирая случаи, наиболѣе важные, какъ изъ нашей, такъ и изъ западной уголовной практики; или же онъ долженъ былъ касаться этихъ процессовъ, по крайней-мѣрѣ, не въ ущербъ дѣйствительно русскимъ уголовнымъ дѣламъ. Прежде всего, казалось бы, ему слѣдовало собрать побольше процессовъ, наиболѣе характеристическихъ для Россіи, т. е. по преступленіямъ, у насъ болѣе частымъ, но онъ, кажется, и не подумалъ о томъ, что собственно значитъ заглавіе «Русскіе уголовные процессы». Наиболѣе распространено у насъ нарушеніе уставовъ о казенныхъ лѣсахъ (изъ отчета министра юстиціи за 1864 г. видно, что по преступленіямъ этого рода приговоренныхъ было 31,078 человѣкъ) и воровство-кража (22,591), а между тѣмъ дѣлъ перваго рода мы у г. Любавскаго вовсе не нашли, а втораго сравнительно очень не много. Наоборотъ смертоубійство, занимающее у насъ въ ряду преступленій одно изъ послѣднихъ мѣстъ (по отчету за 1864 г., приговоренныхъ 1,912), имѣетъ въ сборникахъ весьма многочисленныхъ представителей. Изъ этого можно бы было заключить, что г. Любавскій выбираетъ преиму-

http://rcin.org.pl

щественно «интересные», эффектные процессы. Можетъ быть, и такъ, но въ сборникахъ можно найти множество дѣлъ, не интересныхъ ни въ какомъ смыслѣ, даже въ смыслѣ эффекта. Таковы, напримѣръ, въ четвертомъ томѣ дѣла № 11 и особенно № 10. Въ 1864 г. на Амурѣ погибъ вельботъ, причемъ утонуло четыре матроса. Командиръ портовъ Восточнаго океана, равно какъ и морской генералъ-аудиторіатъ нашли, что въ этомъ дѣлѣ виноватыхъ нѣтъ, потому что вельботъ «встрѣтилъ бурунъ и сильную толчею, отчего онъ мгновенно наполнился водой по банки». Нѣтъ, значитъ, ни преступленія, ни наказанія, а г. Любавскій и это дѣло заноситъ въ свои сборники. Съ другой стороны изъ дѣлъ, напримѣръ, по возмущеніямъ крестьянъ массами помѣщено всего одно, да и то, неизвѣстно для чего, сокращено до послѣдней возможности; а кажется, этого рода дѣла имѣютъ нѣкоторое право занять болѣе обширное мѣсто въ «Сборникѣ русскихъ уголовныхъ процессовъ».

Издавая свой первый сборникъ (иностранныхъ процессовъ), г. Любавскій утверждалъ, что онъ желаетъ, вопервыхъ, «нѣкоторымъ образомъ подготовить общество къ слушанію доклада дѣлъ въ новыхъ судебныхъ мѣстахъ», и вовторыхъ, удовлетворить любопытству читателей съ точки зрѣнія психологическаго интереса. Во введеніи къ первому тому русскихъ процессовъ говорится: «сомнѣваться въ пользѣ и своевременности подобнаго изданія едва-ли возможно; съ одной стороны съ нынѣшняго года начинается отправленіе нашего уголовнаго правосудія на основаніяхъ совершенно отличныхъ отъ прежняго, а потому представляется не лишнимъ подвести «итогъ» предшествовавшей дѣятельности нашихъ судебныхъ мѣстъ; съ другой же стороны уголовныя дѣла, разрѣшенныя при прежнихъ формахъ судопроизводства, не утратили своего значенія и нынѣ, несмотря на осуществленіе судебной реформы, такъ-какъ сущность преступленій, совокупность ихъ признаковъ, опредѣляемыхъ закономъ, и ихъ общечеловѣческое значеніе съ точки зрѣнія соціальной и психологической,—остались безъ измѣненія». Введеніе ко второму тому гласитъ, между прочимъ, такъ: «Въ настоящее время

http://rcin.org.pl

тѣмъ болѣе является необходимымъ ознакомиться съ уголовными дѣлами нашего отечества, что почти каждое полноправное лицо можетъ быть призвано въ качествѣ присяжнаго засѣдателя къ постановленію приговора о судьбѣ своего ближняго; чтеніемъ же уголовныхъ процессовъ, представляющихъ юридическій интересъ, пріобрѣтается *навыкъ*: въ разрѣшеніи вопросовъ о вмѣняемости, въ распознаніи уловокъ, употребляемыхъ подсудимыми для своего оправданія или для оговора невиннаго, въ изслѣдованіи мотивовъ, иногда тщательно скрываемыхъ, побудившихъ къ преступленію, въ обсужденіи доказательственности уликъ» и т. д. Во введеніи къ пятому тому (первый томъ «Новыхъ русскихъ уголовныхъ процессовъ») г. Любавскій говоритъ о недовѣріи, съ которымъ, какъ ему кажется, была встрѣчена нашимъ обществомъ судебная реформа, и прибавляетъ: «Лучшимъ отвѣтомъ на всѣ эти сомнѣнія и отзывы можетъ служить ознакомленіе съ современною практикою новыхъ судебныхъ учрежденій и въ частности съ уголовными процессами, напечатанными въ настоящемъ томѣ. Изъ этого ознакомленія каждый безпристрастный читатель вынесетъ убѣжденіе, что новыя судебныя учрежденія, существующія еще столь недавно, оказались вполнѣ пригодными къ условіямъ нашего быта, что дѣла въ нихъ рѣшаются: устно, публично и быстро, безъ медленности и проволочекъ, столь свойственныхъ прежнему порядку, наконецъ, что для приведенія въ дѣйствіе судебныхъ учрежденій нашлись: даровитые судьи, прокуроры и присяжные повѣренные, во многомъ не уступающіе судебнымъ дѣятелямъ Западной Европы». Далѣе, напримѣръ, дѣло предводителей дворянства Подольской губерніи, подносившихъ въ 1862 г. извѣстное всеподданнѣйшее прошеніе, дѣло это помѣщено г. Любавскимъ потому, что оно «служитъ для русской читающей публики любопытнымъ свидѣтельствомъ: той аберраціи мышленія и политической безтактности, которыми столь часто отличаются польскіе дѣятели во всемъ, что касается отношеній западныхъ и польскихъ губерній къ Россіи». Помѣщая дѣла о генералѣ Бюрно (1848 г.) и генералѣ Кохановичѣ (1855 г.), г. Любавскій такъ объясняетъ ихъ значеніе: «Дѣла

http://rcin.org.pl

эти будутъ интересны не для однихъ военныхъ, но и для всѣхъ русскихъ, которымъ дорога честь русскаго оружія. Ознакомленіе съ этими дѣлами наглядно убѣдитъ читающую публику, что малодушіе и робость, составляющія столь рѣдкое явленіе въ нашихъ войскахъ, навлекаютъ на виновныхъ не только нареканіе общественнаго мнѣнія, но и преслѣдованіе по всей строгости законовъ уголовныхъ. Русскіе же военачальники, ознаменовавшіе себя покореніемъ Кавказа и геройскою защитою Севастополя, не могутъ потерять въ глазахъ общества только потому, что въ средѣ ихъ оказались отдѣльныя личности, лишенныя распорядительности и энергіи». Дѣло о бѣгломъ солдатѣ Докулевскомъ для г. Любавскаго «весьма назидательно, какъ изображающее картину бѣдствій, ожидающихъ въ Западной Европѣ тѣхъ изъ польскихъ уроженцевъ, которые предпочитаютъ службѣ законному правительству — исполненное лишеній, униженій и лживыхъ изворотовъ скитальчество въ странахъ чуждыхъ». И т. д., и т. д.

Такимъ образомъ цѣли, имѣвшіяся г. Любавскимъ въ виду при изданіи сборниковъ, разнообразны до послѣдней степени. То онъ желаетъ подготовить (?) читателей къ слушанію доклада дѣлъ въ новыхъ судебныхъ мѣстахъ; то полагаетъ, что чтеніе процессовъ можетъ замѣнить чтеніе романовъ (?), и потому выбираетъ процессы, отличающіеся *психическимъ* интересомъ; то думаетъ доставить присяжнымъ засѣдателямъ случай пріобрѣсти навыкъ въ обсужденіи уловокъ преступника, доказательственности уликъ и проч., для чего выбираетъ процессы, имѣющіе чисто *юридическій* интересъ; то ему хочется доказать, что дѣла въ нашихъ новыхъ судебныхъ мѣстахъ рѣшаются «устно, публично, быстро» и что у насъ есть даровитые судьи, прокуроры и адвокаты, «во многомъ не уступающіе судебнымъ дѣятелямъ Западной Европы»; то становится для него на первомъ мѣстѣ цѣли патріотическія и онъ печатаетъ процессъ, характеризующій, по его мнѣнію, «аберрацію мышленія» поляковъ; то, наконецъ, цѣли педагогическія, въ виду которыхъ онъ стремится показать выгоды служенія законному правительству и т. д. Положимъ,

http://rcin.org.pl

что все это цѣли весьма почтенныя; но свидѣтельствуя въ пользу благонамѣренности издателя, ихъ рознь и количество свидѣтельствуютъ въ то же время о нѣкоторой его безалаберности. У семи нянекъ дитя безъ глазу, у книги со многими смыслами ихъ собственно нѣтъ ни одного. Мы полагали, что наткнемся на общій смыслъ сборниковъ въ оглавленіи, думая, что г. Любавскій представитъ здѣсь посильную классификацію преступленій. Принятыя имъ въ основаніе классификаціи свойства преступленій и опредѣлили бы планъ изданія. Но порядокъ, въ которомъ расположены процессы, просто поразителенъ. Такъ первый томъ имѣетъ слѣдующія рубрики: *А*) *по обвиненію супруговъ въ убійствѣ или покушеніи на убійство. Б*) *разные случаи убійства. В*) *Разные процессы.* Какой смыслъ имѣетъ эта классификація? Рубрика *В* очевидно обнимаетъ собою обѣ предъидущія, точно также какъ въ рубрикѣ *Б* заключается и рубрика *А*. И дѣйствительно, напримѣръ, дѣла подъ №№ XIX и XX, отнесенныя къ «разнымъ случаямъ убійства», оказываются дѣлами по обвиненію супруговъ въ убійствѣ или покушеніи на убійство, и слѣдовательно должны быть отнесены къ рубрикѣ *А*. Точно также безсмысленно и безцѣльно раздѣленіе рубрики *В* на три отдѣленія. Это все равно, какъ еслибы мы вздумали описывать ну хоть самовары что ли и для удобства раздѣлили бы ихъ на *А*) самовары изъ желтой мѣди, *В*) самовары мѣдные и *С*) самовары металлическіе. Эти рубрики ничѣмъ не хуже рубрикъ г. Любавскаго. И это онъ называетъ «расположеніемъ, по возможности, въ систематическомъ порядкѣ» (введеніе къ первому тому). Столь же безобразно сгруппированы процессы и въ остальныхъ томахъ. Напримѣръ, въ четвертомъ томѣ напечатано, безъ всякихъ уже попытокъ классификаціи, 58 дѣлъ, которыя почти всѣ разрѣшены военнымъ генералъ-аудиторіатомъ. Затѣмъ, кромѣ этого, чисто формальнаго признака, дѣла эти не имѣютъ между собою ничего общаго. Здѣсь свалены въ кучу дѣла по упущеніямъ по службѣ, по дуэлямъ, по жестокому обращенію съ подчиненными, по расхищенію казеннаго имущества, по кражамъ,

http://rcin.org.pl

грабежамъ, по самозванству, изнасилованію, контрабандѣ, убійству, кровосмѣшенію, двоеженству, святотатству и т. д.

Изъ такого отсутствія плана слѣдуетъ заключить, что его у г. Любавскаго и не было; онъ помѣщалъ въ сборники все, что подвертывалось подъ руку. Есть, говорятъ, повара такіе, что валятъ въ кушанье все, что попадется, — лукъ, перецъ, капусту, кардамонъ, — лишь бы горячо вышло. Г. Любавскій, по всей вѣроятности, придерживался того же правила, а что горячо выйдетъ, въ этомъ ему и сомнѣваться нечего было: за это ручались и постоянные вкусы публики къ пикантнымъ разсказамъ, и вкусы временные, въ виду судебной реформы. Нажить лишнюю копейку, пользуясь настроеніемъ общества,—желаніе очень естественное. Но издателямъ надо же и честь знать. Если публика набрасывается, вслѣдствіе какихъ бы то ни было побужденій, на уголовные процессы, — прекрасно, давайте ей процессы и наживайте копейку; но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы процессы эти надо было издавать безъ всякаго смысла. Мы осмѣливаемся преподать г. Любавскому на будущее время нѣсколько практическихъ совѣтовъ, потому что считаемъ затѣянное имъ дѣло въ принципѣ въ высшей степени важнымъ и полезнымъ. Самое лучшее было бы, разумѣется, еслибы г. Любавскій поручилъ составленіе сборниковъ кому-нибудь потолковѣе, но этого онъ по всей вѣроятности не захочетъ сдѣлать. Хорошо бы было также, еслибы г. Любавскій самъ выработалъ себѣ какую нибудь опредѣленную руководящую нить, но этого онъ, по всей вѣроятности, не можетъ сдѣлать. Поэтому мы совѣтовали бы г. Любавскому дѣйствовать на чистоту, не мудрствуя лукаво и отбросить всякія тенденціи. Можетъ быть, тогда лучше будетъ. Это вѣдь иногда бываетъ. Говорятъ, что Людовикъ XVI имѣлъ всегда въ виду исторію Карла I и, дабы избѣжать его участи, поровилъ всегда выбрать путь, противный тому, по которому шелъ король англійскій. Тѣмъ не менѣе, Людовикъ XVI погибъ на эшафотѣ, а между тѣмъ,—кто знаетъ,—можетъ быть и уцѣлѣлъ бы, еслибы не задавался никакимъ планомъ. Съ Іаковомъ II было, говорятъ, нѣчто въ этомъ же родѣ. Обращая

http://rcin.org.pl

вниманіе г. Любавскаго на эти поучительные примѣры, мы повторяемъ ему нашъ совѣтъ: faute de mieux бросить всякіе планы и тенденціи. Если онъ желаетъ заявить свой патріотизмъ, отдать должную дань храбрости русскихъ войскъ и даровитости русскихъ прокуроровъ и адвокатовъ, предостеречь эмигрантовъ или что нибудь въ этомъ родѣ,—Боже мой! — есть столько прекрасныхъ и вполнѣ современныхъ періодическихъ изданій, гдѣ онъ все это можетъ изложить гораздо обстоятельнѣе и краснорѣчивѣе. А то, напримѣръ, дѣло подольскихъ предводителей дворянства, помѣщенное г. Любавскимъ ради цѣлей весьма одобрительныхъ и благонамѣренныхъ, но нѣсколько побочныхъ, не имѣетъ никакого интереса. Фактъ всѣмъ извѣстенъ, показанія подсудимыхъ всѣ одинаковы, а они занимаютъ больше печатнаго листа, притомъ же и самое дѣло было уже напечатано, и перепечатано г. Любавскимъ безъ всякихъ дополненій. Или, напримѣръ, дѣла, напечатанныя въ пятомъ томѣ (процессы гг. Пынина и Жуковскаго, Суворина, Гаевскаго и Яковлева, Протопопова). Г. Любавскимъ они перепечатаны, какъ онъ объясняетъ, для того, чтобы разсѣять недовѣріе къ новому суду. Но вѣдь дѣла эти извѣстны, они были уже напечатаны много разъ, и, если они могутъ отпарировать предполагаемый г. Любавскимъ пессимизмъ, то ужь отпарировали; а если не могутъ, такъ зачѣмъ же ихъ печатать? Г. Любавскому и вообще слѣдуетъ нѣсколько поукротить себя. Человѣкъ онъ, должно быть, пылкій, порока и неправды не терпитъ, поэтому нѣтъ-нѣтъ, да и вставитъ вдругъ, что называется, ни къ селу ни къ городу свое примѣчаніе; и примѣчаніе, вслѣдствіе надо полагать пылкости и необдуманности, болѣе или менѣе нелѣпое. Читаете вы, напримѣръ, слѣдующее: «Во время нахожденія въ плѣну Кохановичъ обращался съ просьбою къ французскому правительству о вознагражденіи его за вещи, оставленныя въ Кинбурнѣ и потомъ утраченныя». Послѣ этихъ словъ вы видите звѣздку, т.-е. знакъ примѣчанія (*) и, путеводимые этою звѣздою, лѣзете въ нижній этажъ страницы для прочтенія такой выноски издателя: «*Не можемъ не замѣтить*, насколько подобная просьба, обращенная къ враж-

http://rcin.org.pl

дебному правительству, несовмѣстна съ званіемъ русскаго генерала». Вы пожимаете плечами и идете дальше. Читаете дѣло объ оскорбленіи въ церкви чиновникомъ Матвѣевымъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Писарева. Опять звѣзда указуетъ на примѣчаніе издателя: «*Не можемъ не замѣтить*, что со стороны дѣйств. стат. совѣт. Писарева, какъ губернатора, было весьма неблагоразумно снизойти въ церкви до личныхъ объясненій съ чиновникомъ Матвѣевымъ, который былъ извѣстенъ въ губерніи своими буйными поступками. Но это конечно, нисколько не уменьшаетъ вины Матвѣева». Вы опять пожимаете плечами и принимаетесь за процессъ объ убійствѣ подпоручицы Варвары Петровой; опять натыкаетесь на звѣзду, и онять неугомонный г. Любавскій жужжитъ въ примѣчаніи: «*Не можемъ не указать* на эту смѣлость преступницы, явившейся къ квартальному надзирателю по совершеніи убійства». Приводя рѣчь прокурора судебной палаты, г. Тизенгаузена, по дѣлу гг. Пынина и Жуковскаго, г. Любавскій опять говоритъ въ выноскѣ: «*Не можемъ не признать* рѣчи г. прокурора — образцомъ ораторскаго краснорѣчія». По дѣлу г. Протопопова г. Любавскій тоже «*не можетъ не выразить* сожалѣнія, что въ судъ не былъ вызванъ въ качествѣ эксперта профессоръ Балинскій. Точно также, по поводу рѣчи защитника г. Протопопова, г. Любавскій «*не можетъ не замѣтить*, сколь мало эти доводы съ юридической точки зрѣнія выдерживаютъ критику и какъ легко они могли быть обращены противъ подсудимаго». По поводу одного убійства, совершеннаго въ припадкѣ бѣшенства, г. Любавскій торопится доложить: «*Не можемъ не указать*, какъ часто врачи гадательныя предположенія и слухи, безъ надлежащей провѣрки, выдаютъ за факты». Излагая исторію одной дуэли, издатель опять-таки «не можетъ не заклеймить низкій поступокъ Адамовича презрѣніемъ». Вы наконецъ теряете терпѣніе. Ахъ, почтеннѣйшій, говорите вы, неужто ужь вы утерпѣть не можете?—Не могу, отвѣчаетъ г. Любавскій, характеръ ужь такой, не могу не указать. — И начинаетъ указывать и на то, что статья г. Жуковскаго «Вопросъ молодаго поколѣнія» написана

http://rcin.org.pl

«со всѣми признаками полемическаго памфлета, съ желчнымъ увлеченіемъ, и любопытна лишь какъ образецъ: рѣзкой, безцеремонной печатной брани»; и на то, что г. Жуковскій «принадлежитъ къ тѣмъ прямодушнымъ писателямъ, которые съ полною откровенностью и безъ прикрасы высказываютъ свое мнѣніе»; и на то, что «*нѣтъ сомнѣнія*, что какое-то предопредѣленіе соединяетъ убійцу съ жертвою преступленія и способствуетъ открытію злодѣяній» (т. I. стр. 401) и еще на разныя, разныя разности. Иногда г. Любавскій буквально ни съ того, ни съ сего вдругъ заявитъ, что вопреки мнѣнію медицинскаго совѣта, онъ убѣжденъ, что такой-то поступокъ подлежитъ вмѣненію, и никакихъ дальнѣйшихъ поясненій не даетъ; а то такъ столь же неожиданно и кратко поддержитъ своимъ авторитетомъ рѣшеніе сената, что—дескать—это рѣшеніе мы не можемъ не признать правильнымъ, а иной разъ такъ и не признаетъ правильнымъ, или уличитъ какую нибудь губернскую врачебную управу въ безграмотности. Это, г. Любавскій, все бросить надо, потому что это баловство одно. Давайте только факты, одни факты, и скажутъ вамъ читатели за это большое спасибо и деньги дадутъ, само собою разумѣется. А зачѣмъ же мѣшать собственные порывы благородныхъ чувствъ съ повѣстью чужихъ грязныхъ и кровавыхъ дѣлъ.

Еще одинъ примѣръ того, до какой степени г. Любавскій отвлекается соображеніями, совершенно посторонними. Имена нѣкоторыхъ дѣйствующихъ лицъ процессовъ обозначены сокращенно, напримѣръ, К*, Ла—въ, князь Че—кій. Мы понимаемъ такую осторожность относительно лицъ, по суду оправданныхъ, но вотъ, напримѣръ, князь Борисъ Че—кій за разные, въ высшей степени неблаговидные поступки лишенъ правъ состоянія и отданъ въ солдаты. Почему же г. Любавскій удостоилъ скрыть его имя, а тутъ же рядомъ прописываетъ полныя имена другихъ преступниковъ, виновныхъ въ дѣлахъ гораздо менѣе позорныхъ? Имена тутъ, разумѣется, ничего не значатъ и не бѣда, еслибы ихъ и вовсе не было; но почему г. Любавскій дѣлаетъ исключеніе для князя Че—каго? Въ нѣкоторыхъ случаяхъ г. Любав-

http://rcin.org.pl

скій идетъ въ своей скромности еще дальше. Напримѣръ, тайный совѣтникъ Анастасій Жадовскій обвинялся, между прочимъ, въ покушеніи на мужеложство. Г. Любавскій набрасываетъ покровъ таинственности на это преступленіе и выражаетъ его такимъ образомъ: «муж—ство». Можетъ быть г. Любавскій скажетъ, что онъ имѣлъ въ виду общественное приличіе, щадилъ скромность читателя. Но мы не думаемъ, чтобы эти соображенія имѣли какой-нибудь смыслъ въ подобномъ изданіи. А главное, г. Любавскій и самъ не всегда ихъ придерживается и, говоря, напримѣръ, о преступленіяхъ крестьянина Якова Максимова, очень развязно прописываетъ даже все слово «скотоложство», которое, если ужь на то пошло, еще болѣе способно оскорбить общественное приличіе и еще менѣе щадитъ скромность читателей. Спрашивается, почему же тайный совѣтникъ Анастасій Жадовскій можетъ обвиняться не иначе, какъ въ «муж—ствѣ», въ то самое время, какъ крестьянинъ Яковъ Максимовъ обвиняется въ «скотоложствѣ»? Очевидно, тутъ есть какія-то отдаленныя, одному г. Любавскому извѣстныя и доступныя соображенія.

Мы старались показать всю первостепенную важность и значеніе изученія преступленій. Г. Любавскій не понимаетъ этой важности, и, не смотря на то, что за ненмѣніемъ предшественниковъ и конкурентовъ, находился относительно русскихъ уголовныхъ процессовъ въ исключительно выгодныхъ условіяхъ, увлекаемый всевозможными, неидущими къ дѣлу указаніями и соображеніями, издалъ пять безобразныхъ томовъ. Тѣмъ не менѣе матеріалъ самъ по себѣ такъ богатъ, что, помимо воли издателя, въ сборники вошли многіе чрезвычайно характерные процессы. Краткимъ изложеніемъ ихъ мы и займемся. Не наша вина, если изложеніе это будетъ скудно и фактами и выводами.

Мы начнемъ съ дѣлъ, характеризующихъ отношенія помѣщиковъ къ крестьянамъ при крѣпостномъ правѣ. На это у насъ есть многія причины. Вопервыхъ, крѣпостное право представляетъ въ нашемъ недавнемъ прошломъ наиболѣе выдающуюся

http://rcin.org.pl

черту, и вліяніе его сказывается въ такихъ сферахъ, которыя повидимому стоятъ внѣ всякой связи съ отношеніями помѣщиковъ къ крестьянамъ и крестьянъ къ помѣщикамъ. Далѣе, мы живемъ въ такое время, когда особенно полезно оглянуться назадъ. Лѣтъ десять тому назадъ статьи по всѣмъ вопросамъ, начиная съ государственнаго управленія и кончая скотоводствомъ, начинались словами: «въ настоящее время, когда» и проч. Періодъ этотъ прошелъ, но и нынѣ, если статьи и не начинаются этими утѣшительными словами, то каждый повторяетъ ихъ довольно часто по крайней-мѣрѣ мысленно. То было «настоящее время, когда прогрессъ, желѣзныя дороги, гласность, акціонерныя компаніи, пароходство и проч.», а теперь— «настоящее время, когда мировые судьи, земство, гласное судопроизводство, этнографическія выставки и проч.». Въ такіе любопытные періоды исторіи человѣкъ ходитъ гоголемъ, подбоченясь, разсматриваетъ въ зеркалѣ свою физіономію и посыпаетъ душистой пудрой неблаговидные прыщи. Гордо поднявъ голову, спрашиваетъ онъ: кто на ны? мы ли не мы и сапоги ли у насъ не со скрипомъ. — Человѣкъ весь живетъ настоящимъ временемъ, прошедшее онъ забылъ, а потому не думаетъ и о будущемъ. А между тѣмъ прошедшее не сквозь землю провалилось и плѣнительное настоящее имъ въ значительной степени опредѣляется. Поэтому, если у насъ за плечами, въ нашемъ прошедшемъ есть какой нибудь крупный общественный фактъ, опредѣлявшій въ свое время строй общества, то нѣтъ возможности предположить, чтобы съ прекращеніемъ факта исчезли и всѣ составлявшіе его элементы. Они иначе сгруппировались, получили новый видъ, но они существуютъ, и уничтожить ихъ не можетъ никакое законодательство Въ періоды «настоящаго времени, когда» и проч. это забывается. Поэтому тѣ десятка полтора уголовныхъ дѣлъ, возникшихъ изъ крѣпостныхъ отношеній, которыя мы находимъ въ сборникахъ г. Любавскаго, являются очень кстати.

http://rcin.org.pl

Ш.

Въ 1851 г., 7-го декабря въ имѣніи помѣщицы Карцовой Херсонской губ., Бобринецкаго уѣзда) зарѣзался одиннадцатилѣтній мальчикъ, крестьянинъ Бѣликъ. Какъ водится, наряжено было слѣдствіе, по которому оказалось, что Бѣликъ зарѣзался изъ страха наказанія за сдѣланное имъ воровство. Дѣло было такъ. 5-го декабря мужъ помѣщицы, поручикъ Иванъ Карцовъ зашелъ на конюшню и услышалъ при этомъ бряцаніе въ карманѣ кучера Тимоѳея Шраменки, крѣпостнаго человѣка г-жи Карцовой. Карцовъ пожелалъ узнать, что звенитъ въ карманѣ у кучера, и велѣлъ его обыскать; найдено было два полуимперіала и двугривенный. На вопросъ, откуда у него столько денегъ, Шраменко объяснилъ, что получилъ ихъ отъ бывшихъ недавно у Карцова гостей. Карцовъ не повѣрилъ, и 7-го декабря сталъ опять распрашивать Шраменку о происхожденіи денегъ. Шраменко отвѣчалъ, что скажетъ объ этомъ наединѣ съ нимъ, помѣщикомъ. При этомъ находился и одиннадцатилѣтній Бѣликъ, бывшій всегда при Карцовѣ для прислуги. Когда Карцовъ повелъ Шраменку къ себѣ, то Бѣликъ шелъ за ними, но, не войдя въ комнаты, остался въ сѣняхъ. Шраменко объяснилъ Карцову, что деньги онъ получилъ отъ Бѣлика 5-го декабря, завернутыми въ тряпку, причемъ Бѣликъ, говоря, что въ тряпкѣ *три двугривенныхъ*, просилъ его, Шраменку, купить въ ближнемъ селеніи *20 бубликовъ и 10 кремней*. Тогда Карцовъ сталъ звать Бѣлика, но того въ сѣняхъ уже не было. Бѣлика стали искать и нашли въ канавѣ недалеко отъ дома, зарѣзавшимся. При немъ найдена бритва, которая, равно какъ и деньги, найденныя у Шраменки, по показанію Карцова, украдены у него.

Потому-ли, что личность Карцова освѣщалась этимъ событіемъ нѣсколько подозрительнымъ свѣтомъ, или по чему другому, но Бобринецкій земскій судъ опредѣлилъ произвести повѣрку слѣдствія на мѣстѣ своему временному отдѣленію. На передопросѣ 21 марта Тимоѳей Шраменко сдѣлалъ доносъ на поручика

http://rcin.org.pl

Карцова по множеству уголовныхъ дѣлъ. Карцовъ преданъ въ іюлѣ 1852 уголовному суду, а 1 мая 1853 государь императоръ повелѣлъ судить его военнымъ судомъ. Тутъ открылся цѣлый рядъ страшныхъ преступленій и многолѣтняго беззавѣтнаго, жестокаго произвола. Надо замѣтить, что Карцовъ управлялъ имѣніемъ жены двадцать лѣтъ.

Относительно себя Тимоѳей Шраменко показалъ слѣдующее. Года три тому назадъ онъ былъ въ бѣгахъ отъ жестокаго съ нимъ обращенія Карцова, который, въ бытность его въ Одессѣ, «билъ его обнаженною саблею среди улицы за то, что показатель не привелъ ему на ночь дѣвки. По поимкѣ-же изъ бѣговъ онъ снова претерпѣвалъ безвинно частыя наказанія». Кромѣ того Шраменко указалъ на многія другія, почти невѣроятныя жестокости, и одни изъ первыхъ уликъ были предъявлены родными Карцова. Корнетъ Грамашевскій, женатый на дочери подсудимаго, въ отзывѣ своемъ объяснилъ, что «проживая нѣкоторое время въ домѣ его (Карцова), онъ былъ частью свидѣтелемъ самъ, частью узналъ ужасныя происшествія, вслѣдствіе которыхъ онъ вынужденъ просить защиты. Карцовъ, дойдя до высшей степени жестокости, нѣсколько разъ съ пистолетомъ кидался на жену свою, требуя отъ нея, чтобы она отписала на него половину своего имѣнія, и угрожая убить ее за невыполненіе этого требованія. Кромѣ того Карцовъ, продавая всю движимость, приводилъ имѣніе жены въ раззореніе и до того жестокъ съ крестьянами, что въ то время, какъ онъ, Грамашевскій, жилъ въ домѣ его, едва ли хотя одинъ изъ дворовыхъ людей оставался впродолженіе дня ненаказаннымъ». Жена Карцова показала, что, кромѣ безпрестанныхъ жестокихъ побоевъ, мужъ «обваривалъ ее кипящею водой и жегъ свѣчой, а когда она не соглашалась отдать ему половину своего имѣнія, то Карцовъ угрожалъ убить ее изъ пистолета» при свидѣтеляхъ. «Обыкновенная его угроза состояла въ словахъ: «убью тебя и твою дочь и надѣлаю человѣческаго мяса.» Вслѣдствіе такого обращенія и жестокостей мужа своего, она не смѣла распоряжаться ни хо-

http://rcin.org.pl

зяйствомъ, ни крестьянами, съ которыми Карцовъ обращался весьма жестоко; онъ водилъ крестьянъ въ цѣпяхъ и рогаткахъ».

По слѣдствію оказалось, что крестьяне и особенно дворовые Карцовой очень часто брались на цѣпь, заковывались въ кандалы, причемъ надѣвались имъ на шею рогатки. Люди съ рогатками на шеѣ ходили даже на барщину. Одинъ сосѣдъ помѣщикъ видѣлъ, какъ крестьянинъ въ цѣпяхъ покрывалъ крышу дома соломой. Одного крестьянина Карцовъ наказалъ розгами до 200 ударовъ за то, что отъ плуга почью ушли двѣ пары воловъ въ деревню. За это же преступленіе потерпѣлъ такое же наказаніе еще одинъ крестьянинъ, и Карцовъ собственноручно поливалъ потомъ разсѣченныя мѣста перцовкой, приговаривая: «не кричите, вотъ я васъ полью перчичкой». Мать донесшаго на Карцова Шраменки, не выдержавъ каторжной жизни, бѣжала вмѣстѣ съ другими, но послѣ трехлѣтняго бродяжничества была возвращена на мѣсто жительства. Карцовъ высѣкъ ее, посадилъ на цѣпь и надѣлъ на шею желѣзную рогатку, въ которой она пробыла сряду до пяти недѣль, исполняя постоянно и господскую службу. Потомъ рогатка была съ нея снята, но съ цѣпи ее спускали только на день, на работы, и это тянулось ни больше ни меньше какъ пять лѣтъ. Цѣпью она приковывалась за ногу. Улучивъ минуту, Шраменкова, съ рогаткой на шеѣ, бросилась разъ въ воду, но ее вытащили. Карцовъ прибилъ ее и опять посадилъ на цѣпь, отъ которой она освободилась только за три года до самоубійства Бѣлика. Крестьянинъ Яковлевъ содержался четыре года на господской кухнѣ заклепаннымъ въ кандалахъ и закованнымъ цѣпью за шею, умеръ въ такомъ положеніи и кандалы и цѣпь сняли съ него уже съ мертваго. Утонченная жестокость Карцова, придумавшаго поливаніе сѣченаго тѣла водкой (да еще не простой, а настоенной на перцѣ), внушила ему остроумную мысль не допустить жену Яковлева до трупа мужа. Такъ она его и не видала, потому что страдалецъ не былъ даже погребенъ, а зарытъ какъ собака. За то жена Яковлева имѣла покрайней-мѣрѣ печальное счастіе присутствовать при смерти сына, который, какъ и отецъ (и вмѣ-

http://rcin.org.pl

стѣ съ нимъ, на одной кухнѣ), содержался на цѣпи тоже четыре года. Послѣ смерти мужа, она вымолила у Карцова къ себѣ больнаго сына. Снять съ него цѣпь ни она, ни другіе, безъ приказа барина, не рѣшались. «Видя, что черезъ цѣпь нельзя было снять штановъ съ сына, больнаго и опухшаго, показательница разорвала штаны и посадила его въ ванну съ цѣпью. На другой день пошла къ Карцову и выпросила у него со слезами освобожденіе отъ цѣпи». Скоро Карцовъ потребовалъ Яковлева опять къ себѣ во дворъ и однажды такъ избилъ его цѣпомъ, что онъ вскорѣ послѣ того и умеръ. Кромѣ Шраменковыхъ и Яковлевыхъ, многіе другіе сидѣли на цѣпи и въ рогаткахъ по нѣскольку лѣтъ. Независимо отъ сего, Карцовъ не пускалъ крестьянъ исповѣдываться и причащаться, и заставлялъ ихъ исповѣдываться или другъ у друга или у сосѣдняго еврея, что и исполнялось при немъ, Карцовѣ. Передерживалъ онъ кромѣ того бродягъ, совершалъ незаконные (по возрасту брачущихся) браки, бралъ съ собой крестьянокъ въ баню, словомъ—не стѣснялся ничѣмъ. За всѣ эти двадцатилѣтніе подвиги Карцовъ сосланъ въ каторжную работу на десять лѣтъ.

Вотъ первый экземпляръ русскихъ преступниковъ. Правъ г. Любавскій, утверждая, что русская уголовная практика интересна не менѣе, если не болѣе, практики иностранной. Еще бы! «Еслибы существовалъ такой человѣкъ, какъ старикъ Ченчи въ драмѣ Шелли, говоритъ Гризингеръ («Душевныя болѣзни», стр. 52), то у него, конечно, можно было бы всякій разъ предсказать рѣшеніе въ пользу зла, какъ неизбѣжное; но такихъ людей нѣтъ». А это что же, вотъ этотъ самый поручикъ Иванъ Карцовъ, сужденный отъ Р: Х. въ 1853 году? Это вѣдь уже почти «настоящее время, когда» и проч. захватываетъ. А что же раньше было? Волосъ дыбомъ становится при одной мысли о томъ, какіе стоны и проклятія замерли тамъ, въ нашемъ прошедшемъ, какіе чудовищные образы стоятъ за нами... Карцовъ созданъ самимъ общественнымъ положеніемъ его. Спрашивается, какое возмездіе можетъ искупить эти двадцать лѣтъ мучительства, сколько лѣтъ и какъ долженъ стонать Карцовъ, чтобы,

http://rcin.org.pl

по принципу абсолютной справедливости, заглушить стоны замученныхъ имъ? Едва-ли кто-нибудь возьмется сдѣлать этотъ разсчетъ. Далѣе, какой психическій переворотъ долженъ пережить Карцовъ, чтобы характеръ его, впродолженіе двадцати лѣтъ складывавшійся въ одномъ направленіи, получилъ толчокъ въ противоположную сторону? Ясно, что ничто, кромѣ кореннаго измѣненія самыхъ основъ ихъ соціальнаго положенія, не въ силахъ было вывести Карцовыхъ. Мы говоримъ *Карцовыхъ*, потому что поручикъ Иванъ Карцовъ, разумѣется, не единственный экземпляръ въ своемъ родѣ. И въ тѣхъ же сборникахъ г. Любавскаго мы можемъ прочитать дѣянія его братьевъ по духу. Въ концѣ сороковыхъ годовъ судился помѣщикъ Дмитрій Трубицынъ за такія дѣла. Одного крестьянина обокрали, и Трубицынъ подозрѣвалъ въ этомъ крестьянъ же Никитина и Ѳедорова. Чтобы добиться отъ нихъ сознанія, Трубицынъ «приказалъ прикащику своему, бывшему въ годовомъ отпуску рядовому лейб-гвардіи семеновскаго полка Петру Дмитріеву, вѣшать каждаго изъ нихъ порознь на перекладинѣ каретнаго сарая за палецъ до тѣхъ поръ, пока не сознаются въ кражѣ. Посему Дмитріевъ, приведя Никитина въ каретный сарай, привязалъ тамъ къ указательному его пальцу правой руки пропущенную черезъ перекладину ременную свору и съ помощью дворовaго человѣка Николая Игнатьева подтягивалъ его кверху болѣе двухъ часовъ времени. Дмитріевъ, вымогая сознаніе, билъ Никитина по лицу. Горбатовы (сосѣдніе помѣщики) смотрѣли на истязаніе изъ окна квартиры Трубицына, а самъ Трубицынъ для наблюденія выходилъ на крыльцо. Затѣмъ, когда съ пальца соскочилъ ремень вмѣстѣ съ тѣломъ и Никитинъ отъ боли упалъ на землю, то Дмитріевъ, привязавъ свору вторично за кисть лѣвой руки, тянулъ ее кверху черезъ перекладину не менѣе получаса и, вынудивъ такимъ образомъ сознаніе, отвелъ его въ квартиру Трубицына, гдѣ ему дѣвкою Анною Филиповою поврежденный палецъ былъ обмытъ виномъ и обвязанъ тряпкою». Точно также было вынуждено сознаніе и у Ѳедорова, съ тою только разницей, что его вѣшали на гитарной струнѣ, которая, отъ удара Ѳедорова Дмитріевымъ по

http://rcin.org.pl

лицу, оборвалась. Прекрасный, слабый полъ, въ лицѣ супруги Трубицына, не оказалъ въ этомъ дѣлѣ особенной мягкости: г-жа Трубицына посылала свою служанку въ сарай смотрѣть на истязаніе, говоря, что она будетъ съ подвластными ей женщинами поступать точно также.

Любопытно слѣдить за тѣнью, которая ложится въ этихъ дѣлахъ отъ помѣщиковъ на крестьянъ. Крѣпостные Карцова и Трубицына обращаются въ совершенныхъ звѣрей и позорная въ глазахъ народа роль палача исполняется ими безпрекословно. Они прячутъ отъ слѣдователей тѣ самыя цѣпи и рогатки, которыя носили на своихъ шеяхъ. Какъ говоритъ старикъ Гомеръ:

«Жребій печальный тяжелаго рабства избравъ человѣку,
Лучшую доблестей въ немъ половину Зевесъ истребляетъ».

Трубицынъ и Карцовъ даже во время производства слѣдствія стращали тѣхъ изъ своихъ дворовыхъ, которые были орудіями пытки, тѣмъ, что за сознаніе сошлютъ ихъ въ Сибирь или засѣкутъ. Мудрено ли, что при такихъ условіяхъ крестьяне Карцова двадцать лѣтъ терпѣли и страдали молча, и терпѣли бы еще больше, еслибы сравнительно неважный случай — самоубійство Бѣлика—не вызвалъ слѣдствія.

Замѣчательно, что почти во всѣхъ, найденныхъ нами у г. Любавскаго процессахъ по жестокому обращенію помѣщиковъ съ крестьянами, выдается одна общая черта. Крестьяне терпятъ, терпятъ и, наконецъ, какое-нибудь пустое дѣло, начатое по иниціативѣ администраціи, вызываетъ цѣлые вороха жалобъ и раскрываетъ ряды гнуснѣйшихъ злоупотребленій. Напримѣръ, дѣло о жестокостяхъ тайнаго совѣтника Жадовскаго началось такъ. Полицейскій десятскій деревни Чишмы, Оренбургской губерніи, донесъ бирскому земскому исправнику, что Жадовскій на почтовой станціи въ означенной деревнѣ производитъ буйство, бьетъ писаря и ямщиковъ, стрѣляетъ изъ ружья въ народъ и выбилъ изъ одиннадцати рамъ стекла. Это было въ 1855 году. Какъ только началось это дѣло изъ-за разбитыхъ стеколъ, молчавшіе до тѣхъ поръ, забитые крестьяне стали

http://rcin.org.pl

одинъ за другимъ жаловаться на жестокое обращеніе съ ними Жадовскаго. Скоро этихъ жалобъ накопилось столько, что 17-го апрѣля того же года оренбургскій губернаторъ призналъ нужнымъ произвести по нимъ слѣдствіе. Жалобы были такого рода: «Крестьянскія жены Пелагеи Михайлова, Прасковья Григорьева, Аграфена Филипова, Авдотья Ильина и Александра Власова за священническимъ увѣщаніемъ показали, что онѣ, бывъ дѣвицами, растлѣны въ комнатахъ Жадовскаго, первыя двѣ по его приказанію кучеромъ Портновымъ, третья Яковомъ Ерусланомъ, *при наблюденіи барина*, а послѣднія двѣ самимъ Жадовскимъ. Затѣмъ многія женщины показали, что Жадовскій и на нихъ имѣлъ подобные виды, но не успѣлъ». «Мужья растлѣнныхъ подтвердили, что жены ихъ не имѣли дѣвства и что нѣкоторымъ изъ показателей дозволялъ баринъ жениться съ условіемъ въ первую ночь привести къ нему жену». «Ѳома Исаевъ показалъ, что лѣтъ 8 тому назадъ Жадовскій предлагалъ ему склонить на муж—ство бывшаго при немъ мальчика Егора Молчанова, на что онъ, Исаевъ, не рѣшился. Вотчимъ и мать того мальчика показали, что они отъ Егора объ этомъ получили письмо, за что послѣдній былъ впослѣдствіи отправленъ въ депо и отданъ въ солдаты. Яковъ Ерусланъ объяснилъ, что на спросъ его, за что баринъ отправляетъ его, Егорова, въ депо, послѣдній отвѣчалъ, что за отказъ въ муж—ствѣ. Мальчикъ Егоръ Борисовъ показалъ, что, домогаясь сего, Жадовскій сначала отправилъ его въ костромское имѣніе, потомъ держалъ подъ арестомъ въ пожарной командѣ годъ и три мѣсяца, гдѣ наказалъ розгами три раза и, наконецъ, отдалъ въ солдаты». «Крестьяне села Анастасьева показали, что весною 1855 г. Жадовскій безплатно отягощалъ ихъ вывозомъ и разсадкою деревьевъ, тогда какъ сосѣдніе крестьяне занимались пашнею и посѣвомъ. Это подтвердили управляющій имѣніемъ и вотчинная контора». Тогда же Жадовскій «уничтожилъ ворота и часть изгородей около озимыхъ крестьянскихъ полей, чрезъ что далъ свободный доступъ скоту и воспретилъ сгонять его». Это подтверждено управляющимъ и бирскимъ предводителемъ дворян-

http://rcin.org.pl

ства. Крестьяне «Петровъ и Горошковъ за священническимъ увѣщаніемъ показали, что распоряженіе о запечатаніи ихъ домовъ послѣдовало по неудачному преслѣдованію Жадовскимъ у перваго несовершеннолѣтней дочери, а у втораго молодой снохи. Что касается до запечатанія домовъ у Филиппова и Савельева, то причины, по объясненію женъ ихъ, имъ неизвѣстны. Обстоятельство это подтвердили односельцы и предводитель дворянства въ рапортѣ начальнику губерніи». Три крестьянина показали, что, по приказанію Жадовскаго, у нихъ заколото у одного два теленка, у другаго двѣ свиньи, а у третьяго коза и свинья, при выходѣ ихъ на площадь. Кромѣ того, крестьяне показали, что изъ запаснаго магазина Жадовскимъ былъ взятъ ихъ хлѣбъ на винокуреніе, въ количествѣ 1,915 пудовъ. «Крестьянинъ Иванъ Ламакинъ объявилъ, что неизвѣстно почему чрезъ управляющаго отобраны у него: 5 лошадей съ упряжью, одна корова, 10 овецъ, 10 куръ и 200 аршинъ холста, а впослѣдствіи возвращены ему только одна лошадь, корова и двѣ овцы; у Никиты Парфенова—двѣ лошади, три коровы, теленокъ и двое саней; у Ѳедора Максимова—лошадь, съ платою за нее 17 р. асс. и 10 пуд. муки, тогда какъ за лошадь давали ему 120 рублей, у Павла Евстигнѣева — изба, и сверхъ сего у многихъ другихъ крестьянъ было взято 36 лошадей для поѣздки въ Москву на 13 недѣль безъ всякой платы, а крестьянину Куленкову не дано вознагражденія за лошадь, павшую въ дорогѣ. Отъ изнуренія многія другія лошади по возвращеніи пали. Это подтвердила и вотчинная контора». Весною изъ села Анастасьина бѣжало 39 человѣкъ крестьянъ, напуганныхъ проектомъ ихъ раскасспрованія. А раскасспрованы они были въ именномъ спискѣ, написанномъ рукою Жадовскаго, такъ: въ рекруты 34 человѣка, въ ополченіе 21, въ Сибирь 6, въ костромское имѣніе 5 и, кромѣ того, Жадовскій уполномочилъ довѣренностью своего прикащика отдать 93 крестьянъ въ солдаты. Изъ числа подвергшихся этому распоряженію, подъ увѣщаніемъ священника, показали: одинъ, что онъ назначенъ въ солдаты «за непредставленіе послѣ брака *невинною* (творительный падежъ) жены своей къ барину»; дру-

http://rcin.org.pl

гой—«за отказъ послѣ первой ночи въ совокупленіи съ женой, а прочіе за разные маловажные поступки, нѣкоторые же неизвѣстно за что». Жадовскій билъ крестьянъ палкой и розгами, нѣкоторымъ обрилъ половину головы и бороды за ничтожные проступки. Дворовый Илья Соколовъ показалъ, что «женившись на дѣвкѣ Евстигнѣевой, за недачу ея Жадовскому для любодѣянія, онъ былъ битъ Жадовскимъ на каждой станціи, когда проѣзжалъ изъ Москвы въ Малоярославецъ, и жестоко избитымъ оставленъ былъ въ такомъ положеніи, на что показатель жаловался городничему. Малоярославецкій городничій ссылку Соколова подтвердилъ». По освидѣтельствованіи Соколова оказалось, что «носъ у него въ непормальномъ положеніи, на переносьи опухоль, выше правой брови красноватая опухоль съ гноевиднымъ струпомъ, на головѣ съ правой стороны три струпа, за правымъ ухомъ опухоль въ полъ-орѣха». Крестьяне показали, что помѣщикъ обременяетъ ихъ работами и запрещаетъ имъ заниматься сторонними заработками, отчего они впали въ крайнюю нищету, тѣмъ болѣе, что контора платила имъ прежде отъ 50 к. до 5 р. въ годъ, а нынѣ и того не платитъ. Отъ оброка Жадовскій не освобождалъ даже «больныхъ и немощныхъ».

Вотъ что всплыло на верхъ послѣ дѣла о разбитыхъ на почтовой станціи стеклахъ. Замѣчательно, что Жадовскій, совершенно такъ же, какъ и Карцовъ, приводилъ въ свое оправданіе то обстоятельство, что крестьяне двадцать лѣтъ (даже цифра одна и та же) на него не жаловались. До чего доходила забитость крѣпостныхъ и страхъ передъ помѣщикомъ, можно видѣть изъ дѣла о помѣщикѣ Викторѣ Страшинскомъ, судженномъ за злоупотребленіе помѣщичьей власти, сопровождаемое развратнымъ поведеніемъ.

Страшинскій представляетъ собою типъ, болѣе близкій къ Жадовскому, чѣмъ къ Карцову. Въ то время, какъ Карцовы и Трубицыны изощряются въ пыткахъ, поливаютъ сѣченыя мѣста перцовкой, водятъ людей на цѣпяхъ, въ кандалахъ и рогаткахъ, подвѣшиваютъ ихъ за пальцы на струнахъ,—Жадовскій и Страшинскій направляютъ свое творчество главнымъ образомъ въ

http://rcin.org.pl

сферы клубнички. О подвигахъ Страшинскаго было произведено три слѣдствія. Первое слѣдствіе было начато въ 1845 г., по распоряженію земскаго исправника, на основаніи словеснаго извѣщенія священника села Мшанцъ, о производимыхъ Страшинскимъ изнасилованіяхъ и растлѣніяхъ крестьянскихъ дѣвушекъ. При слѣдствіи сельскій сотникъ показалъ, что Страшинскій или требуетъ крестьянокъ къ себѣ въ село Тхоровку, или пріѣзжаетъ самъ въ Мшанцъ и насилуетъ ихъ. Указанныя сотникомъ 16 крестьянокъ показали, что онѣ, дѣйствительно, растлѣны баріномъ, и что онѣ жаловались на это своимъ роднымъ; указали онѣ и на тѣхъ, кто ихъ приводилъ къ помѣщику. Но тѣ не подтвердили этой ссылки. Отцы и матери (кромѣ одной) также отозвались, что они ни объ чемъ въ этомъ родѣ не слыхали. Наконецъ, и сами крестьянскія дѣвушки отказались отъ своего оговора, равно какъ и священникъ села Мшанцъ. Повальнымъ обыскомъ поведеніе Страшинскаго одобрено, самъ онъ отъ всего отрекся, ссылаясь на свою старость (65 лѣтъ) и на то, что село Мшанцъ принадлежитъ не ему, а его дочери, и потому крестьянамъ, какъ ему не принадлежащимъ, покрывать его не для чего. Тѣмъ дѣло и кончилось. Смѣло можно предположить, что родители изнасилованныхъ женщинъ отперлись отъ фактовъ, и сами женщины отказались отъ своего перваго показанія изъ страха барскаго гнѣва, на помощь къ которому явились еще, можетъ быть, услуги слѣдователей. Такое предположеніе оправдывается возникновеніемъ новыхъ дѣлъ того же рода. Въ томъ же году, старшій засѣдатель махновскаго земскаго суда донесъ мѣстному исправнику, что Страшинскій обременяетъ крестьянъ села Кумановки барщиной, и что онъ изнасиловалъ дочерей двухъ тамошнихъ крестьянъ. Исправникъ потребовалъ изнасилованныхъ и ихъ родителей въ земскій судъ, но Страшинскій ихъ не выдалъ. Тогда исправникъ поручилъ становому разузнать о дѣлѣ на мѣстѣ. Становой донесъ, что Страшинскій не оставилъ невинною ни одной дѣвушки въ Кумановкѣ. По распоряженію губернатора назначено было слѣдствіе, которое опять-таки кончилось ничѣмъ, потому что изна-

http://rcin.org.pl

силованныя женщины заявили почти всѣ, что онѣ Страшинскаго и въ глаза не видали. Кумановскіе жители показали также, что крестьяне Страшинскаго обременяемы барщиной не были. Разсмотрѣвъ это слѣдствіе, кіевскій губернаторъ нашелъ, что оно «произведено было безъ всякаго вниманія и съ видимымъ намѣреніемъ оправдать Страшинскаго». Поэтому губернаторъ приказалъ переслѣдовать дѣло, а Страшинскій былъ задержанъ въ Бердичевѣ и отданъ подъ надзоръ тамошней полиціи. Новые слѣдователи повели, вѣроятно, дѣло совсѣмъ иначе, потому что изнасилованныя женщины показали теперь, что онѣ, дѣйствительно, были изнасилованы Страшинскимъ. Родители и мужья ихъ также отреклись отъ своихъ прежнихъ показаній, оправдывающихъ помѣщика. Равнымъ образомъ и повальный обыскъ оказался на этотъ разъ не столь благопріятнымъ для Страшинскаго. Но онъ ни въ чемъ не сознавался, ссылаясь по прежнему на свою старость и на то обстоятельство, что крестьяне, до сихъ поръ, на него не жаловались. Тѣмъ временемъ отъ ободренныхъ крестьянъ, по обыкновенію, посыпались жалобы, и въ 1847 году начато было новое слѣдствіе о противозаконныхъ дѣйствіяхъ Страшинскаго въ селѣ Тхоровкѣ. Тхоровцы единогласно показали, что Страшинскій «угнетаетъ ихъ повинностями, жестоко обращался съ ними, жилъ блудно съ женами ихъ, лишалъ невинности дѣвокъ, изъ которыхъ двѣ умерли отъ изнасилованія, и что онъ растлилъ, между прочимъ, двухъ дѣвочекъ, прижитыхъ имъ самимъ съ женщиной Присяжниковой. Жены и дочери показателей, въ числѣ *86* человѣкъ, объяснили, что онѣ дѣйствительно были растлѣны Страшинскимъ насильно, однѣ на 14-лѣтнемъ возрастѣ, а другія по достиженіи только 13 и даже 12 лѣтъ. Изъ нихъ 47 человѣкъ разсказываютъ событія, происходившія далѣе, нежели за десять лѣтъ; 30 крестьянокъ показали, что онѣ изнасилованы Страшинскимъ менѣе, чѣмъ за десять лѣтъ, шесть — за два и за три года, а семь—за годъ до начатія дѣла. Многія изъяснили, что Страшинскій продолжалъ съ ними связи и послѣ ихъ вы-

http://rcin.org.pl

хода замужъ, а нѣкоторыя показали, что заставлялъ ихъ присутствовать при совокупленіи съ другими».

Такимъ образомъ, въ одной Тхоровкѣ, по показанію крестьянъ, изнасиловано Страшинскимъ, впродолженіе десяти лѣтъ, восемдесятъ-шесть женщинъ, и крестьяне молчали. Любопытно, что несмотря на увѣщанія слѣдователей, крестьяне отказались подписать эти свои показанія, ссылаясь на поданныя ими въ томъ же году просьбы въ сквирское духовное правленіе и кіевскому митрополиту, въ которыхъ они жаловались и на жестокое обращеніе, и на изнасилованіе женщинъ. «Затѣмъ слѣдователи просили о присылкѣ военной команды для усмиренія крестьянъ (?)» *).

Надо еще замѣтить, что, кромѣ этихъ слѣдствій, Страшинскій находился подъ судомъ еще въ 1832 г. за изнасилованіе крестьянокъ села Мшанцъ, но былъ оправданъ.

Что касается до возраста Страшинскаго, приводившагося имъ, какъ аргументъ въ его пользу, то уголовная статистика свидѣтельствуетъ, что возрастъ 60 — 80 лѣтъ есть одинъ изъ первыхъ по степени наклонности къ растлѣнію. Наслѣственное удовлетвореніе половаго чувства вообще обусловливается физическою силой, поэтому, изнасилованіе рѣдко встрѣчается въ старческомъ возрастѣ. Но, если половая дѣятельность получаетъ извращенное направленіе и если притомъ человѣкъ сохранилъ ее до старости, то, за отлетомъ красныхъ дней молодости, приходится пускать въ ходъ насиліе. Поэтому растлѣніе, т.-е. изнасилованіе малолѣтнихъ, требующее гораздо меньшей затраты силы и иногда даже вовсе ея не требующее, есть у стариковъ преступленіе очень обыкновенное. Видоизмѣненіе этого закона крѣпостными отношеніями понятно. Омутъ барства и рабства, съ которымъ мы раздѣлались только въ 1861 году, такъ сказать, настежь отворялъ ворота этому вліянію возраста. Вслѣдствіе отсутствія умственныхъ интересовъ, у Страшинскихъ половое раздраженіе замирало очень поздно, гораздо позже об-

*) Этотъ вопросительный знакъ, надо отдать справедливость г. Любавскому, поставленъ имъ.

http://rcin.org.pl

щаго физическаго разслабленія. Далѣе, для изнасилованій они и не нуждались въ физической силѣ, суррогатомъ которой являлось ихъ соціальное положеніе Одна изъ крестьянокъ Страшинскаго показала, что при сопротивленіи ея баринъ привязалъ ее къ кровати, а когда она вырвалась, то призвалъ другую женщину и велѣлъ держать. Спрашивается, къ чему Страшинскимъ физическая сила? Для нихъ не существовало собственно различіе между изнасилованіемъ и растлѣніемъ, да не существовало и самое изнасилованіе, въ смыслѣ злоупотребленія собственною физическою силою. Если не хватаетъ всемогущаго барскаго слова, Страшинскій зоветъ дворню въ свою спальню и въ присутствіи ея находитъ даже какое-то особенное удовольствіе. Жадовскій заставлялъ своихъ дворовыхъ при себѣ насиловать крестьянокъ. Страшинскій заставлялъ ихъ присутствовать при своихъ собственныхъ подвигахъ. И во всякомъ случаѣ у нихъ подъ руками всегда была толпа холоповъ, руками которыхъ они могли сдѣлать все, на что не хватало ихъ собственныхъ старческихъ, дрожащихъ рукъ. Эти прятки за изсѣченныя спины крѣпостныхъ доходили иногда даже до комизма. Такъ прапорщикъ Соболевъ (1843 г.), *идя на грабежъ* табачнаго магазина въ Москвѣ, причемъ *убилъ двухъ человѣкъ и ранилъ третьяго*, взялъ съ собой своего крѣпостнаго человѣка для того, *чтобы, по возвращеніи изъ магазина въ позднее время, не могъ кто либо обидѣть его*, Соболева.

Омутъ крѣпостничества съ безпощадною силою затягивалъ въ себя стариковъ и дѣтей, мужчинъ и женщинъ. Мы уже видѣли, какъ супруга господина Трубицына посылала своихъ служанокъ, примѣра ради, смотрѣть на истязанія крестьянъ. Эта дама ограничилась въ этомъ случаѣ пассивною ролью. Но вотъ, напримѣръ, госпожа Свѣчинская, жена майора, проживавшая въ Петербургѣ въ 1858 году, значитъ, въ «настоящее время, когда» и проч., бывающая въ Павловскѣ, словомъ, дама совершенно бонтонная. Тѣмъ не менѣе дворовая женщина Свѣчинской, Шилова, обратилась къ петербургскому военному генералъ-губернатору съ жалобой на жестокое обращеніе помѣщицы съ ней и съ

http://rcin.org.pl

другими крѣпостными. Петербургскій уѣздный предводитель дворянства, на распоряженіе котораго препровождена была эта жалоба, увѣдомилъ генералъ губернатора, что Свѣчинская, *«огорченная* неисполненіемъ Шиловою ея приказанія, нанесла ей собственноручно побои, выщипавъ при этомъ у нея пукъ волосъ и затѣмъ отправила ее въ полицію, а оттуда въ рабочій домъ, и что имъ, предводителемъ дворянства, сдѣлано было г-жѣ Свѣчинской внушеніе, чтобы она не дозволяла себѣ наказывать своихъ крѣпостныхъ людей дома, а въ случаѣ проступка, отсылала ихъ для наказанія въ мѣстную полицію». Послѣ того Шилова опять подала просьбу, въ которой говорилось, что Свѣчинская, узнавъ о ея первой жалобѣ, вновь избила ее до того, что она находится для излеченія въ больницѣ чернорабочихъ. Тогда военный генералъ-губернаторъ приказалъ произвести формальное слѣдствіе. На слѣдствіи Шилова показала слѣдующее. Въ 1851 г. она была отпущена Свѣчинскою на оброкъ. Въ началѣ 1857 г., когда она была нянькою у нѣкихъ Скаловскихъ, Свѣчинская потребовала ее къ себѣ. Но Скаловскіе не отпустили ее до пріисканія другой няньки, такъ что Шилова явилась къ своей барынѣ только 30-го апрѣля. Свѣчинская, «не принимая отъ нея никакихъ объясненій, зазвала ее къ себѣ въ спальню и, притворивъ двери, стала жестоко бить ее, вырвала пукъ волосъ и, бросивъ ее на землю, топтала ногами, а потомъ окровавленную вытолкнула ее въ кухню». «8-го августа Свѣчинская, возвратившись изъ Павловска, бранила показательницу за принесеніе жалобы, а на третій день послѣ того била, щипала и толкала въ грудь и спину за замѣченныя будто въ домѣ неисправности; наканунѣ же била ее въ кухнѣ». Другая дѣвушка показала, что Свѣчинская и съ ней обращается жестоко, «ежедневно почти безвинно бьетъ и прежде била палкой, которую въ побояхъ объ нее изломала». Крѣпостной мальчикъ, бывшій въ услуженіи у Свѣчинской, показалъ, что она «бьетъ его почти ежедневно за всякую малую вину, а часто и совсѣмъ безвинно, руками и камышевкою, которою выколачивается пыль». Слѣдователь, донося объ этомъ петербургскому военному генералъ-губернатору, при-

http://rcin.org.pl

бавилъ, что «жестокое обращеніе Свѣчинской съ живущими при ней дворовыми людьми вполнѣ подтверждается истощеннымъ и болѣзненнымъ видомъ послѣднихъ, а въ особенности мальчика Павла, у котораго отъ побоевъ опухли лицо и голова». Тѣмъ не менѣе тверское собраніе предводителей и депутатовъ дворянства на разсмотрѣніе котораго было передано это слѣдствіе, «принявъ во вниманіе, что *жалобъ на помѣщицу Свѣчинскую отъ крестьянъ ея не было* и что поступки ея слѣдствіемъ совершенно не доказаны, *но вмѣстѣ съ тѣмъ изъ дѣла видно, что она имѣетъ весьма строптивый характеръ*, положило: не учреждая надъ имѣніемъ Свѣчинской опеки, обязать ее не имѣть при себѣ въ услуженіи крѣпостныхъ людей, а въ случаѣ ея упорства въ дачѣ подписки, выдать людямъ ея паспорты». Но Свѣчинская этимъ рѣшеніемъ осталась недовольна. И это очень понятно: если жалобъ на нее не было и если побои ея не доказаны, то какимъ образомъ изъ дѣла можетъ быть видно, что она «имѣетъ весьма строптивый характеръ»? Свѣчинская подала жалобу въ сенатъ. Но тутъ подоспѣло 19 февраля 1861 г.

Госпожа Свѣчинская была дама, очевидно, образованная. Развлекаясь столичными удовольствіями, она не могла сосредоточиться на изобрѣтеніи наказаній и дѣйствовала средствами болѣе или менѣе вульгарными: щипалась, дралась и т. п. Внутри Россіи дамы были не столь просты.

17-го декабря 1857 г. летичевскій становой приставъ получилъ донесеніе, что «крестьянка Агафья Евичева, по приказанію *арендной* владѣлицы села Горбасова Кобельской, поставлена была 10-го декабря на колѣни и вслѣдствіе того 15-го числа выкинула четырехмѣсячный зародышъ». Дѣло было такъ. Евичева послала Кобельской, черезъ свою воспитанницу, четыре мотка напряденныхъ за барщину нитокъ. Одинъ мотокъ оказался тоньше другихъ, и Кобельская послала его перемѣнить. Но Евичева, не имѣя болѣе пеньки, мотка не перемѣнила и пошла съ нимъ сама къ Кобельской, надѣясь ее уговорить. Евичева говорила по этому поводу такъ громко, что Кобельская обидѣлась и велѣла ее отодрать на конюшнѣ. Евичеву повели, но встрѣ-

http://rcin.org.pl

тивъ на дорогѣ управляющаго. она объяснила ему, что она беременна. Снисходя къ такому положенію, Кобельская, какъ дама сердобольная, отмѣнила порку и велѣла вмѣсто того поставить Евичеву въ конюшню на колѣна. Поставили. Госпожа Кобельская наблюдаетъ изъ окна и вдругъ видитъ, что Евичева поднимается съ колѣнъ. Она немедленно отдаетъ приказаніе подсыпать ей подъ колѣна гороху и приставляетъ сторожа. Такъ показали и Евичева и Кобельская. Только первая говорила, что она простояла на горохѣ два часа, а Кобельская утверждала, что только полчаса. Послѣ наказанія Евичева отправилась въ Летичевъ для принесенія жалобы земскому исправнику, котораго не застала. Затѣмъ черезъ нѣсколько дней она почувствовала боли и наконецъ выкинула. По мнѣнію летичевскаго городоваго врача, «выкинутіе Евичевою плода было случайное; умеръ же плодъ отъ болѣзненнаго состоянія маточнаго рукава, которое, вѣроятно, произошло отъ простуды и моральнаго потрясенія, *начавшихся еще съ постановленія Евичевой на колѣна* и отъ новой простуды и напряженія во время слѣдованія ея въ Летичевъ, а болѣе всего вслѣдствіе непринятія ею никакихъ мѣръ, при ощущеніи боли, въ теченіе послѣднихъ трехъ дней, *изъ чего заключить слѣдуетъ, что поставленіе Евичевой на колѣни не должно считать причиною выкинутія ею плода*». При слушаніи дѣла во 2-мъ отдѣленіи 5-го департамента и во второмъ общемъ собраніи сената, мнѣнія сенаторовъ раздѣлились. То, по которому дѣло получило окончательное рѣшеніе, было мотивировано слѣдующимъ образомъ: «Подсудимая Кобельская, по собственному сознанію ея, виновна въ самоуправствѣ. Принимая во вниманіе съ одной стороны, что мѣра взысканія и самый способъ онаго представляются по беременному состоянію Евичевой *неосторожными и даже нѣсколько жестокими*; а съ другой, что взысканіе это по заключенію врача не было причиною выкинутія плода, слѣдуетъ Кобельскую за самоуправство подвергнуть взысканію двадцати-пяти руб. сер., а по обвиненіи въ причиненіи Евичевой выкинутія плода, на осн. 304 ст. XV т. кн. 2, оставить свободною».

http://rcin.org.pl

Надо замѣтить, что Кобельской, какъ владѣвшей селомъ Горбасовымъ только на правѣ аренды, и совсѣмъ не полагалось наказывать крестьянъ, ей не принадлежавшихъ. Но понятія по этой части были у насъ до того спутаны, что трудно рѣшить, при комъ хуже жилось крестьянамъ: при помѣщикахъ ли, или при разныхъ арендаторахъ, управляющихъ, приказчикахъ и т. п. Дворянинъ Бортновскій, въ бытность экономомъ въ трехъ деревняхъ помѣщицы Шеміотъ, какъ выражено въ рѣшеніи генералъ-аудиторіата, «обращался съ нѣкоторыми крестьянами *довольно сурово* и при взысканіяхъ съ нихъ за проступки наносилъ имъ побои руками по лицу и головѣ и палкою по разнымъ частямъ тѣла, отчего двое крестьянъ были больны».

Точно также «довольно сурово» распоряжался крестьянскими спинами управляющій имѣніемъ отставнаго ротмистра Евреинова (Новгородской губерніи, Боровичскаго уѣзда), Мирецкій, который не имѣлъ даже отъ помѣщика никакихъ формальныхъ довѣренностей. Но Мирецкій поплатился за это жизнью: крестьяне избили его до того, что онъ черезъ нѣсколько часовъ послѣ того умеръ. Зачинщикомъ этого дѣла былъ староста, который подговаривалъ крестьянъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Тошно намъ жить отъ этого управляющаго, больно сѣчетъ, никому нѣтъ спуску, поучимъ его для пользы общества, побьемъ и мы его, но не такъ, чтобы до смерти, а чтобы помнилъ и берегся». Крестьяне подстерегли Мирецкаго ночью и били его комлями еловыхъ вѣхъ. Когда одинъ изъ бившихъ нашелъ, что пора и перестать, потому что управляющій того и гляди умретъ, тотъ же староста говорилъ: «небось здоровъ, вынесетъ». Въ преступленіи своемъ крестьяне чистосердечно сознались, заявляя однако, что они и не думали убивать управляющаго, а хотѣли только поучить его. По дѣлу Бортновскаго довѣрительницѣ его, помѣщицѣ Шеміотъ сдѣлано было внушеніе, чтобы она наблюдала за дѣйствіями управляющихъ имѣніемъ. Евреиновъ жилъ въ томъ же имѣніи, гдѣ подвизался Мирецкій, и тѣмъ не менѣе ничего не видалъ или не хотѣлъ видѣть, пока Мирецкій не былъ убитъ. То же самое видимъ мы и въ дѣлѣ объ убійствѣ управ-

http://rcin.org.pl

ляющаго Матковскаго, на дѣйствія котораго крестьяне жаловались помѣщику Рутковскому, но Рутковскій на жалобы эти не обращалъ никакого вниманія. Во время производства слѣдствія крестьяне показали, что убитый Матковскій «былъ строгъ и неумолимъ, бралъ къ себѣ дѣвочекъ и отпускалъ ихъ беременными». Не выдержалъ наконецъ крестьянинъ Неумывака, находившійся у Матковскаго въ должности сторожа. Неумывака показалъ, что онъ «часто претерпѣвалъ отъ управляющаго жестокіе побои; наканунѣ преступленія Матковскій побилъ его за то, что много дохло поросятъ; побои, нанесенные ему, были *не жестокіе*, но совершенно незаслуженные, и потому онъ рѣшился своему управителю за это отомстить». Уже изъ одного этого признанія убійцы въ томъ, что претерпѣнные имъ въ послѣдній разъ побои не были жестоки, видно, что они составляли звено очень длинной цѣпи жестокостей. Терпѣлъ, терпѣлъ человѣкъ, да и сорвалъ наконецъ сердце изъ-за пустяковъ. Здѣсь такъ и сквозитъ распущенность и безхарактерность забитаго дворовaго. Тотъ же психическій процессъ можно наблюдать и въ убійцѣ генералъ-майора Осоргина (1853 г.). Крестьянинъ Ивановъ показалъ, что «лишилъ жизни своего помѣщика (выстрѣломъ изъ ружья) за то, что онъ, въ теченіе двухлѣтняго пребыванія показателя при господскомъ дворѣ, преслѣдовалъ его взысканіями, усчитывалъ въ матеріалахъ, запрещалъ работать для себя, а наконецъ въ одинъ праздничный день не позволилъ быть въ церкви и занялъ работою въ кузницѣ. Этотъ послѣдній случай рѣшительно ожесточилъ его противъ Осоргина». Слѣдствіемъ открыто очень немного фактовъ относительно образа жизни Осоргина и его управленія крестьянами и имѣніемъ. Большая часть спрошенныхъ по этому пункту отозвались объ Осоргинѣ хорошо. Но казенные крестьяне сосѣдняго села, въ числѣ 46 человѣкъ, объяснили, что «крестьяне и дворовые люди Осоргина при разговорахъ выражали неудовольствіе на него, будто онъ имѣлъ страсть къ прелюбодѣйной связи съ ихъ женами и дѣвками». Три крестьянки и одна проживавшая въ господскомъ домѣ мѣщанка показали, что онѣ дѣйствительно были въ связи

http://rcin.org.pl

съ убитымъ, но по собственному согласію. Легко можетъ быть, что центръ тяжести мотивовъ убійства лежалъ въ учрежденіи этого гарема, тѣмъ болѣе, что прикосновенными къ дѣлу убійства оказались еще двое дворовыхъ людей *). Вообще слѣдствіе по этому дѣлу не отличается особенною обстоятельностью. Какъ производились въ доброе старое время слѣдствія, — это всѣмъ извѣстно. Но до какихъ предѣловъ доходили безобразія прежняго суда и слѣдствія и какую опору находило въ нихъ крѣпостное право, лучше всего видно изъ возмутительнаго дѣла о крестьянинѣ Винцѣ Ивановѣ (по прозванію Войткинѣ), сужденномъ за возмущеніе противъ помѣщика. Войткинъ не посягалъ на убійство помѣщика, не пытался поучить его, какъ «поучили» Мирецкаго крестьяне Евреинова. Онъ обратился съ жалобой къ властямъ предержащимъ; но, бывъ уличенъ въ лжесвидѣтельствѣ и возмущеніи крестьянъ противъ помѣщика, лишенъ всѣхъ правъ состоянія, получилъ сорокъ ударовъ плетьми, клейменъ и сосланъ въ каторжную работу на шесть лѣтъ, съ тѣмъ, чтобы быть потомъ поселеннымъ въ Сибири навсегда. Отбывъ шесть лѣтъ каторги и будучи затѣмъ поселенъ въ Тобольской губерніи, Войткинъ въ 1856 г. вошелъ въ правительствующій сенатъ съ прошеніемъ о пересмотрѣ его дѣла, указывая при этомъ на нѣкоторыя подробности незаконно произведеннаго надъ нимъ слѣдствія. По пересмотрѣ дѣла Войткинъ оказался невиннымъ!... А между тѣмъ первоначальный приговоръ былъ, какъ слѣдуетъ, подписанъ членами витебской уголовной палаты, утвержденъ начальникомъ губерніи и пропущенъ губернскимъ прокуроромъ безъ протеста.

Это безобразное дѣло началось прошеніемъ рѣжицкаго помѣщика Боуфала, поданнымъ имъ въ 1846 г. въ земскій судъ. Въ прошеніи этомъ Боуфалъ излагалъ, что крестьянинъ Войткинъ изъ имѣнія Подоля, состоящаго въ общемъ владѣніи про-

*) Любопытна, между прочимъ, въ этомъ дѣлѣ слѣдующая подробность. Пунктъ 2-й рѣшенія генералъ-аудиторіата гласитъ: „Отобранное отъ подсудимаго Иванова ружье, которымъ онъ совершилъ убійство, согласно мнѣнію генералъ-адъютанта Перовскаго, уничтожить".

http://rcin.org.pl

сителя съ братьями, съ нѣкотораго времени сталъ нерадивъ и дерзокъ; что лѣтомъ 1846 г. Войткинъ, вѣроятно, изъ мести за смѣну его съ должности сельскаго войта, сталъ возмущать крестьянъ, собралъ съ нихъ деньги, на которыя нанялъ какого то писаря для написанія прошенія, въ которомъ оклеветалъ своихъ помѣщиковъ; что затѣмъ Войткинъ, въ сообществѣ съ другимъ крестьяниномъ, скрылся изъ имѣнія и подалъ прошеніе генералъ-губернатору; что генералъ-губернаторъ приказалъ сдѣлать по этому поводу подробное дознаніе, которымъ не открыто никакого злоупотребленія помѣщичьей власти. Затѣмъ онъ, Боуфалъ, узналъ, что оба возмутителя находятся въ сосѣдней корчмѣ, куда и отправилъ людей для арестованія ихъ. При этомъ Войткинъ оказывалъ сопротивленіе и говорилъ возмутительныя вещи. На другой день проситель, Боуфалъ, отправилъ какъ Войткина, такъ и его сообщника, въ земскій судъ, но по дорогѣ они были отбиты толпою крестьянъ, подъ предводительствомъ брата Войткина. Извѣщая объ этомъ земскій судъ, Боуфалъ просилъ сдѣлать распоряженіе объ отысканіи Войткина и его сообщника и поступить съ ними, въ примѣръ прочимъ, по всей строгости законовъ. Недѣли черезъ полторы Боуфалъ самъ представилъ въ рѣжицкій земскій судъ пойманныхъ Войткина и сообщника его, Казимірова. На допросѣ, отобранномъ въ тотъ же день, Войткинъ показалъ, что онъ, «находя помѣщичье управленіе отяготительнымъ по причинѣ строгаго съ крестьянами обращенія, жестокихъ наказаній, излишнихъ и чрезмѣрныхъ работъ, недостаточнаго продовольствія крестьянъ и настойчиваго взысканія съ нихъ съ непомѣрными интересами (процентами) ссудъ хлѣбныхъ и денежныхъ, рѣшился искать защиты у правительства». По согласію съ остальными крестьянами, онъ принялъ на себя ходатайство, общество собрало для него около 40 р. с. на расходы. Вмѣстѣ съ Казимировымъ они ушли изъ Подоля и просили какого-то солдата написать имъ прошеніе. Въ ожиданіи результатовъ, онъ, Войткинъ, скрывался въ окрестностяхъ Подоля и былъ задержанъ въ сосѣдней корчмѣ, а на другой день освобожденъ своимъ братомъ. Этотъ допросъ по-

http://rcin.org.pl

мѣченъ 10-мъ сентября. Въ допросномъ листѣ отъ 30-го числа значится уже совершенно другое. Войткинъ отрекается отъ своего перваго показанія и объясняетъ слѣдующее: «Будучи по выбору Боуфала сдѣланъ сельскимъ войтомъ, онъ, пользуясь добротою и благосклонностью къ нему помѣщика, пристрастился къ винѣ и изъ корысти сталъ злоупотреблять довѣріемъ помѣщика; такимъ образомъ онъ сдалъ въ Ригѣ господскій ленъ не тому купцу, которому велѣно было помѣщикомъ, а другому, по собственному произволу, чѣмъ причинилъ помѣщику убытку до 50 р. с... (далѣе Войткинъ взводитъ на себя еще проступокъ, о которомъ его никто не спрашивалъ и который къ настоящему дѣлу не относится). Когда за эти проступки и другіе, менѣе важные, заключающіеся въ обмѣрахъ, обвѣсахъ и дерзкихъ отвѣтахъ, помѣщикъ, наконецъ, удалилъ его отъ должности войта, показатель хотя и чувствовалъ, что заслуживаетъ этого, но, однакоже, изъ ненависти, рѣшился отомстить помѣщику; съ этою цѣлью, рѣшившись взвести на него клевету, сталъ вооружать крестьянъ противъ помѣщичьей власти, представляя имъ свободу въ самыхъ живѣйшихъ краскахъ» и т. д. О прошеніи, поданномъ имъ генералъ-губернатору, Войткинъ выражается такъ: «Все написанное въ той просьбѣ было ложь и несправедливость, ибо помѣщикъ всегда былъ съ крестьянами ласковъ, снисходителенъ, справедливъ и истинно отечески заботился о благѣ крестьянъ; при помкѣ его, Войткина, какъ въ первый, такъ и во второй разъ, онъ точно сопротивлялся и въ азартѣ готовъ былъ сказать всякому для него непріязненному, что отмститъ поджогомъ или убійствомъ, *въ исполненіи чего при случаѣ не остановился бы, по злости и неудавшемуся замыслу*». Наконецъ, уже совершенно ни къ селу, ни къ городу, Войткинъ объявляетъ о сдѣланной имъ будто бы у одного крестьянина кражѣ. Это любопытное показаніе, представляющее образецъ самаго страннаго самобичеванія, подтверждено многочисленными свидѣтелями. Свидѣтели показывали, между прочимъ, что они «постигли злобный нравъ» подсудимаго, и что онъ «пристрастенъ къ пьянству, воровству, ссорамъ и дракамъ, характера злоб-

http://rcin.org.pl

наго, гордъ, своенравенъ, никому не хочетъ покориться,—однимъ словомъ, человѣкъ негодный». Эти показанія изложены такимъ образомъ, что прописано показаніе только одного крестьянина, а объ остальныхъ сказано, что они показали то же самое. За неграмотностью показателей, руку приложилъ дворянинъ съ очень неразборчивой фамиліей. Изъ дѣла видно, что Войткинъ далъ подписку въ томъ, что пристрастныхъ допросовъ ему не дѣлали, но въ подлинномъ дѣлѣ такой подписки нѣтъ. О томъ, куда дѣвались сообщникъ Войткина, Казиміровъ, и его братъ—въ дѣлѣ, какъ оно напечатано г. Любавскимъ, тоже не говорится.

На основаніи всего этого витебская уголовная палата и постановила вышеприведенное рѣшеніе. Правительствующій сенатъ, по пересмотрѣ дѣла вслѣдствіе прошенія Войткина, указавъ на поразительныя упущенія, допущенныя по этому дѣлу, нашелъ, что здѣсь не только вполнѣ нарушена форма, но что и сущность обстоятельствъ, изложенныхъ въ допросахъ, какъ подсудимаго, такъ и свидѣтелей, не имѣетъ никакой достовѣрности; что, наконецъ, еслибы даже и можно было признать эти показанія правильными относительно формы и несомнѣнными по содержанію, то и въ такомъ случаѣ Войткинъ подлежалъ бы только 40 ударамъ розогъ, а не 40 ударамъ плетей, клейменію и ссылкѣ въ каторжную работу на 6 лѣтъ. Прошеніе Войткина признано заслуживающимъ полнаго вниманія. Но вслѣдствіе несостоявшагося законнаго большинства голосовъ, дѣло это перешло изъ втораго общаго собранія въ государственный совѣтъ, который рѣшилъ: «1) Ссыльно-поселенцу Войткину возстановить гражданскія права и, не вмѣняя понесеннаго наказанія въ безчестіе, водворить его съ семействомъ на жительство въ Сибири (во вниманіе къ неудобству и даже вреду возвращенія его на родину съ неизгладимыми клеймами) на счетъ членовъ витебской уголовной палаты, по назначенію для того удобнаго мѣста главнымъ начальствомъ края и согласно съ его собственнымъ выборомъ. 2) Сверхъ издержекъ на водвореніе Войткина въ новомъ мѣстѣ его жительства, взыскать съ членовъ витебской уго-

http://rcin.org.pl

ловной палаты шестьсотъ рублей въ вознагражденіе Войткина за понесенное наказаніе, и 3) начальника и членовъ уголовной палаты отъ слѣдующаго имъ по закону выговора освободить, за силою всемилостивѣйшаго манифеста 26-го августа 1856 г.; разсмотрѣніе же дѣйствій губернскаго прокурора предоставить министру юстиціи».

Таковъ оплотъ, который крѣпостное право, можно сказать, наканунѣ своей смерти, находило въ администраціи. По поводу дѣла Войткина, г. Любавскій замѣчаетъ, что «повтореніе подобнаго колебанія правосудія едва-ли возможно въ настоящее время въ западныхъ губерніяхъ, гдѣ судебныя мѣста наполнены уже не польскимъ шляхетствомъ, а благонадежными русскими дѣятелями». Что теперешніе русскіе дѣятели въ западныхъ губерніяхъ благонадежны,—это г. Любавскій опять-таки могъ бы доказывать гдѣ-нибудь въ иномъ мѣстѣ. Но что достаточно было совершенно-неблагонадежныхъ русскихъ дѣятелей и въ коренной Россіи, — въ этомъ сомнѣваться трудно. Курьезное замѣчаніе г. Любавскаго наводитъ насъ на такой вопросъ: почему большинство лицъ, дурно окрашенныхъ въ перечисленныхъ нами процессахъ—польскаго происхожденія (Страшинскій, Бортновскій, Боуфалы, Кобельская, Матковскій, Мирецкій)? Положимъ, что количество поляковъ и русскихъ, злоупотреблявшихъ помѣщичьею властью, пропорціонально общему числу тѣхъ и другихъ. Почему же у г. Любавскаго варвары-помѣщики и управляющіе точно наподборъ почти всѣ поляки? Благо ему, если это дѣло случая, и г. Любавскій валитъ въ свои сборники рѣшительно все, что ему только попадалось подъ руки. Но если здѣсь сказывается тенденціозность издателя, то на что же это похоже? Эти дѣла имѣютъ громадный интересъ уже просто какъ историческіе матеріалы, а роль историческаго закройщика, кромсающаго исторію по послѣдней модѣ,— это роль скверная. Вообще нельзя не пожалѣть, что изданіемъ русскихъ уголовныхъ процессовъ не занялся кто-нибудь другой. Впрочемъ, время еще есть, и г. Любавскій конкурентъ не особенно сильный. Онъ такъ торопился доказать даровитость нашихъ прокуроровъ и

http://rcin.org.pl

адвокатовъ, что издалъ по старымъ дѣламъ всего четыре тома, изъ которыхъ половина не имѣетъ никакого значенія ни въ юридическомъ, ни въ соціальномъ, ни въ психологическомъ, ни въ историческомъ и ни въ какомъ другомъ отношеніи. Безъ всякаго сомнѣнія, одними дѣлами, возникшими изъ крѣпостныхъ отношеній, можно было наполнить цѣлые томы; и тогда затхлая атмосфера нашего прошедшаго встала бы передъ нами какъ живая. Мы увидѣли бы всѣ тѣ дѣвичьи, доморощенные гаремы, конюшни, всѣ тѣ углы и закоулки барскихъ домовъ и людскихъ, гдѣ складывались уродливые типы нашихъ отцовъ и дѣдовъ; мы увидѣли бы ихъ живьемъ, а не въ поэтическихъ образахъ, гдѣ явленіе можетъ быть угадано, а можетъ быть и нѣтъ. Мы вложили бы персты свои въ раны гвоздиныя, а теперь если есть что-нибудь несомнѣнное и для всѣхъ очевидное въ сборникахъ г. Любавскаго, такъ это безтолковость издателя.

Во второй половинѣ апрѣля и первой половинѣ мая 1858 года между крѣпостными крестьянами Витебской губерніи и особенно Себежскаго уѣзда распространился слухъ, что тѣ изъ нихъ, которые будутъ впродолженіе трехъ лѣтъ работать на желѣзной дорогѣ, освободятся изъ крѣпостной зависимости и затѣмъ будутъ поселены въ Тобольской губерніи. Какъ и откуда пошелъ этотъ слухъ—неизвѣстно. Было высказано предположеніе, что слухъ этотъ былъ первоначально распущенъ прикащиками, пріискивавшими людей для работы на желѣзныхъ дорогахъ, но слѣдствіемъ ничего не открыто. Какъ бы то ни было, но крестьяне распродали имущество, скотъ и цѣлыми партіями направились на Петербургъ. При этомъ нѣкоторые изъ нихъ думали принести жалобу Государю Императору на притѣсненія своихъ помѣщиковъ, особенно тягостныя въ виду повсемѣстнаго недостатка продовольствія и неурожаевъ. Земская полиція не могла остановить этого движенія, и потому на помощь ей были призваны инвалидныя команды и рота гарнизоннаго батальйона. Но и это не помогло, потому что крестьяне шли партіями отъ 500 до 2,000 человѣкъ, и были вооружены ружьями, топорами, косами, дубинами. Наконецъ для водворенія порядка командированы

http://rcin.org.pl

были два полка подъ непосредственнымъ начальствомъ флигель-адъютанта полковника Опочинина. Произошло нѣсколько кровавыхъ стычекъ. Такъ 9 мая 400 человѣкъ крестьянъ наткнулись въ Невельскомъ уѣздѣ на команду витебскаго гарнизоннаго батальона и понятыхъ казенныхъ крестьянъ; при этомъ убитъ одинъ унтеръ-офицеръ, а со стороны крестьянъ убиты двое и четверо ранены. 9-го же мая чиновникъ дрисенскаго земскаго суда Шульцъ, помѣщикъ Храповицкій и семь человѣкъ нижнихъ чиновъ настигли въ лѣсахъ Дрисенскаго уѣзда одиннадцать семействъ крестьянъ, причемъ убита одна крестьянка, одѣвшаяся въ мужскомъ платьѣ. 17-го числа въ Невельскомъ уѣздѣ 30 человѣкъ карабинернаго герцога Мекленбургскаго полка напали на партію крестьянъ, изъ которыхъ одинъ былъ убитъ на мѣстѣ, а другой раненъ. Такихъ стычекъ было много. Но наконецъ крестьяне были, подъ воинскимъ конвоемъ, возвращены на мѣсто жительства, а зачинщики и предводители разосланы по острогамъ. Затѣмъ были приняты мѣры (неизвѣстно какія) къ устройству хозяйства крестьянъ. По донесенію полковника Опочинина, водвореніе крестьянъ было кончено вездѣ успѣшно. «Крестьяне просили у помѣщиковъ прощенія и обѣщали примѣрнымъ поведеніемъ загладить свою вину, приписывая прошедшее заблужденіе примѣру сосѣдей и совѣтамъ злыхъ людей. Впрочемъ, можно было замѣтить, что они болѣе сожалѣютъ о разстройствѣ своего хозяйства, чѣмъ раскаиваются въ непокорности помѣщикамъ и мѣстнымъ властямъ. Вообще не только въ волновавшихся уѣздахъ, но и въ сосѣдственныхъ—Городецкомъ и Витебскомъ, умы въ броженіи и мысли о свободѣ отъ крѣпостной зависимости посѣяны вездѣ въ самомъ превратномъ видѣ, такъ что народная молва перетолковываетъ въ этомъ смыслѣ каждую правительственную мѣру и даже каждое дѣйствіе частныхъ лицъ».

Вотъ и все, что мы находимъ у г. Любавскаго объ этомъ въ высшей степени интересномъ дѣлѣ (подлинное дѣло имъ «изложено по возможности кратко, чтобы не затруднять читателя излишними подробностями, затемняющими только суще-

http://rcin.org.pl

ство дѣла»), и затѣмъ другихъ дѣлъ этого рода въ сборникахъ не имѣется, такъ что, если мы разскажемъ еще процессъ помѣщика Чуфар—скаго, то исчерпаемъ сборники г. Любавскаго до дна со стороны преступленій, обусловливавшихся крѣпостными отношеніями. А Чуфар—скій обвинялся въ насильственномъ обвѣнчаніи своей крестьянки, при чемъ самъ держалъ надъ нею вѣнецъ, схвативъ ее одною рукою за косу.

Итакъ, вотъ первая группа русскихъ преступниковъ,—помѣщики и крестьяне въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ,—на сколько она освѣщается сборниками г. Любавскаго. Едва-ли нужно что-нибудь прибавлять къ этимъ фактамъ, кромѣ другихъ фактовъ. Мы охотно пополнили бы пробѣлы сборниковъ, но такія пополненія для журнальной статьи будутъ во всякомъ случаѣ либо слишкомъ ничтожны, либо слишкомъ велики. Далѣе мы увидимъ, не выходя опять-таки за предѣлы изданія г. Любавскаго, верхній и нижній элементы крѣпостнаго права въ другихъ сферахъ преступленія. Мы увидимъ, какъ житье насчетъ чужаго пота и крови порождало утонченныя до безобразія понятія о чести, утонченный развратъ, утонченные способы казнокрадства, утонченное воровство—на верху; а положеніе вьючнаго вола—тупую жестокость, суевѣріе, невѣжество—внизу. Совмѣстное существованіе этихъ контрастовъ нашего недавняго прошлаго весьма поучительно. Намъ приходятъ на память попавшіяся намъ какъ-то на глаза слова передовой статьи одной нашей газеты: «рухнулъ старый порядокъ, которымъ всѣ были довольны и на который никто не жаловался». Если намъ не измѣняетъ память, то почтенная газета выразилась буквально такъ, а смыслъ-то фразы несомнѣненъ. А что же, вѣдь и въ самомъ дѣлѣ не жаловались, по двадцати лѣтъ не жаловались. И замѣчательно, что Страшинскіе, Жадовскіе, Трубицины, и проч. тоже вѣдь говорили, что не жаловались...

http://rcin.org.pl

IV.

Послѣ сказаннаго нами о г. Любавскомъ, читателю не покажется страннымъ, что тѣ соображенія, въ которыя онъ иногда пускается относительно причинъ того или другаго факта, поражаютъ своею... ну, своею неожиданностью.

Рядовой бѣлицкой конно-этапной команды Ѳедоровъ самовольно отлучился съ мѣста своей службы (1843 г.), но на другой же день самъ явился въ канцелярію гродненскаго гарнизоннаго батальона и былъ арестованъ. При обыскѣ Ѳедорова, за обшлагомъ его шинели нашли его руки записку, написанную кровью и гласившую такъ: «Рукописаніе сіе дано въ томъ, что я отрекся уже отъ матери, отца и родственниковъ всѣхъ своихъ, отъ бѣлаго свѣта и всего, что есть на ономъ, и матушки сырой земли, отъ Бога и лица Его, теперь проклинаю Его; а я предался нечистымъ духамъ, то-есть діаволамъ, за деньги и ихъ услуги, срокомъ на тридцать лѣтъ, въ чемъ и подписуюсь своею кровью мизинца лѣвой своей руки, апрѣля 22-го дня 1843 г. Иванъ Ѳедоровъ руку приложилъ, не Богу, а чорту». По слѣдствію оказалось, что Ѳедоровъ имѣлъ несчастіе не понравиться своему непосредственному начальнику, поручику Данилову (командиру бѣлицкой конно-этапной команды), который прежде всего отягощалъ его службою; а такъ-какъ Ѳедоровъ не успѣвалъ, какъ слѣдуетъ, заниматься перепискою въ канцеляріи и въ то же время бывать въ караулахъ и препровождать арестантовъ, то за разныя неизбѣжныя упущенія Даниловъ сѣкъ Ѳедорова розгами и билъ по лицу. Кромѣ того, у Ѳедорова не было мундира, въ чемъ былъ виноватъ только самъ Даниловъ; это не мѣшало, однако, Данилову совершенно противозаконно требовать, чтобы Ѳедоровъ обзавелся мундиромъ на свой собственный счетъ. Даниловъ, наконецъ, даже прямо говорилъ Ѳедорову: «бѣги или утопись въ Нѣманѣ». Ѳедоровъ поступилъ въ бѣлицкую конно-этапную команду 22-го октября 1842 г. и полгода терпѣлъ всякія невзгоды и тычки. Стало, наконецъ,

http://rcin.org.pl

невмоготу, и онъ рѣшился продать душу чорту, но и это не помогло; Даниловъ былъ попрежнему неумолимъ. Ѳедоровъ рѣшилъ жаловаться на своего начальника, для чего и отлучился изъ команды. Кажется, дѣло ясное, что загубило Ѳедорова; но г. Любавскій ухитряется свалить въ этомъ дѣлѣ отвѣтственность на грамотность. Онъ говоритъ: «Не знай Ѳедоровъ грамоты: а) Даниловъ не могъ бы возложить на него, сверхъ общихъ служебныхъ занятій, переписки по канцеляріи и имѣлъ бы менѣе поводовъ преслѣдовать его; б) Ѳедоровъ не могъ бы написать своею кровью записку, которая судомъ признана была содержащею въ себѣ богохуленіе». Этотъ перлъ остроумія изображенъ на стр. 149 втораго тома. Спѣшимъ, впрочемъ, замѣтить, что г. Любавскій, какъ видно изъ другихъ его замѣчаній и примѣчаній, отнюдь не противникъ грамотности, да и неблаговидность поведенія Данилова имъ сознается; такъ что смыслъ и значеніе приведеннаго вывода, какъ выражается въ другомъ мѣстѣ самъ г. Любавскій, остается тайною между нимъ и Богомъ. Остается такою тайной даже и то, почему онъ не поднялся въ своей проницательности одной ступенькой выше и не ищетъ причины поведенія Ѳедорова въ существованіи у него рукъ или ногъ. Дѣйствительно, не будь у Ѳедорова рукъ—а) Даниловъ не могъ бы отягощать его службой, и б) Ѳедоровъ не могъ написать своей росписки чорту.

Въ сторону, однако, шутки и шутника-издателя. Дѣло Ѳедорова наводитъ на очень грустныя соображенія. Крестьянинъ какого нибудь Трубицына или Карцова, вынесши всякія рогатки и цѣпи, сдается въ солдаты и попадаетъ такимъ образомъ изъ Сциллы въ Харибду, и трудно рѣшить, которая изъ нихъ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, ужаснѣе. Въ нашемъ недавнемъ прошломъ солдаты были тѣ же крѣпостные, но надъ ними висѣлъ еще Дамокловъ мечъ неумолимой военной дисциплины. Военные начальники были тѣ же помѣщики, съ тою разницею, что они не были связаны уже никакими общими матеріальными интересами съ своими подчиненными. Поэтому въ солдатѣ образъ человѣческій, если это только возможно, признавался еще

http://rcin.org.pl

менѣе, чѣмъ въ мужикѣ. Г. Любавскій находитъ, что такой порядокъ вещей долженъ существовать и нынѣ. По поводу дѣла о барабанщикѣ Пейсихѣ Шкабло, которое мы приводимъ ниже, онъ говоритъ: «дѣло это доказываетъ самымъ наглядным образомъ, что по дѣламъ о преступленіяхъ, совершаемыхъ военными, не можетъ быть допущено постановленіе рѣшеній по внутреннему убѣжденію, такъ-какъ нѣтъ сомнѣнія, что присяжные оправдали бы Шкабло, что, очевидно, послужило бы къ поколебанію воинской дисциплины». Вопросъ о предѣлахъ дисциплины и о томъ, насколько можетъ она колебаться оправданіемъ невиннаго, вопросъ этотъ завелъ бы насъ слишкомъ далеко. Мы ограничимся однимъ замѣчаніемъ. Шкабло—преступникъ; Ефремовъ, офицеръ, вызвавшій его своими незаконными дѣйствіями на незаконную реакцію—тоже преступникъ. Оба они потерпѣли наказаніе. Если оправданіе Шкабло можетъ поколебать воинскую дисциплину, подавая примѣръ безнаказанности другимъ Шкабламъ, то безусловная неизбѣжность вмѣненія за нарушеніе правилъ дисциплины, какова бы ни была субъективная подкладка этого нарушенія, не расширяетъ ли поприще для преступныхъ дѣйствій Ефремовыхъ? А оно и безъ того, по крайней мѣрѣ было, достаточно широко, какъ видно изъ слѣдующихъ случаевъ.

8-го мая 1846 года оказалось, что изъ кладовой симбирскаго уѣзднаго казначейства украдены деньги, принадлежавшія симбирскому приказу общественнаго призрѣнія, въ количествѣ болѣе 30,000 р. с. и билетовъ кредитныхъ учрежденій на 166,000 р. с. Деньги были украдены черезъ проломанное дно сундука, въ которомъ хранились. По распоряженію симбирскаго губернатора Булгакова, была учреждена слѣдственная коммисія; для содѣйствія ей были посланы изъ Петербурга чиновники отъ корпуса жандармовъ, отъ министерства внутреннихъ дѣлъ и отъ военнаго министерства. Кромѣ того, личное участіе въ этомъ дѣлѣ приняли нарочно пріѣхавшіе въ Симбирскъ командовавшій въ то время корпусомъ внутренней стражи генералъ-лейтенантъ Тришатный и окружной генералъ 4-го округа внутренней стражи, генералъ-лейтенантъ Мандрыка, хотя они къ составу слѣдствен-

http://rcin.org.pl

ной коммиссіи не принадлежали. Подозрѣніе въ кражѣ пало на солдатъ, стоявшихъ на часахъ у дверей кладовой съ 4-го по 8-е мая, потому что 4-го мая казначей видѣлъ сундукъ съ деньгами въ цѣлости. Начались допросы. Подозрѣніе пало прежде всего на рядоваго Васильева, стоявшаго на часахъ у кладовой ночью на 6-е мая. Подозрителенъ онъ показался потому, что выразилъ нѣкоторое замѣшательство и измѣнился въ лицѣ. Его арестовали и «кормили соленою рыбой, не давая пить». Какъ тутъ было не сознаться, и Васильевъ объявилъ, что онъ дѣйствителѣно укралъ деньги; но когда его стали допрашивать, куда онъ дѣвалъ деньги или кому ихъ передалъ, — Васильевъ сталъ путаться въ показаніяхъ. Наконецъ, онъ былъ допрошенъ въ присутствіи генерала Мандрыки, «подъ тѣлеснымъ наказаніемъ» и показалъ, какъ на своихъ сообщниковъ, на рядовыхъ Дикова, Рѣзцова и Казанжу. Генералъ Мандрыка принялся пытать оговоренныхъ и такъ энергически повелъ дѣло, что оговоренные дѣйствительно признали свое участіе въ кражѣ. Изъ нихъ особенно досталось, кажется, Рѣзцову. Рѣзцовъ, измученный пытками, два раза покушался на самоубійство, вслѣдствіе чего на него и на другаго его товарища были надѣты кожаные рукава, какіе надѣваются на сумасшедшихъ. Наконецъ, Рѣзцовъ былъ доведенъ до того, что призналъ найденный у него его собственный сундукъ за тотъ, изъ котораго были украдены деньги. Лица, видѣвшія казенный сундукъ въ кладовой, тоже показали, что найденный у Рѣзцова есть именно тотъ самый. Кажется, всѣ улики были на лицо: собственное сознаніе, находка сундука у одного изъ подсудимыхъ. Что же касается до того, что подсудимые никакъ не могли или не хотѣли не только отдать деньги, но даже показать, куда они дѣвались, то это обстоятельство генералы Тришатный и Мандрыка приписывали единственно упорству солдатъ и «загрубѣлости ихъ чувствъ». Изъ дѣла, какъ оно напечатано у г. Любавскаго, не видно, какъ долго тянулась эта азіатская расправа. Слѣдствіе началось въ 1846 г., а въ 1853 г. всѣ вышеозначенные рядовые, «по открытіи ихъ невинности, отъ суда освобождены», и найденъ

http://rcin.org.pl

былъ и настоящій казенный сундукъ. Мы имѣли уже случай привести, по поводу дѣла крестьянина Винцы Иванова, мнѣніе г. Любавскаго о невозможности «колебанія правосудія» тамъ, гдѣ есть «благонадежные русскіе дѣятели». Смѣемъ думать, что генералы Мандрыка и Тришатный не иностранцы. Тѣмъ не менѣе слѣдователи были преданы военному суду. Но къ этому времени главныхъ вожаковъ этого безобразнаго дѣла, губернатора Булгакова и генераловъ Тришатнаго и Мандрыки уже не было въ живыхъ. Когда умерли эти усердные, хотя и непризванные представители правосудія — неизвѣстно, а послѣ нихъ несчастнымъ солдамъ было, кажется, легче, но въ какой мѣрѣ легче и сколько этого относительно легкаго времени надо вычесть изъ 6—7 лѣтъ дѣла о кражѣ, — опредѣлить, по матеріаламъ г. Любавскаго, нельзя. О томъ, какое значеніе имѣла въ этомъ дѣлѣ дисциплина, можно заключить изъ слѣдующаго. а) «Статскій совѣтникъ Денисовъ докладывалъ губернатору о незаконныхъ дѣйствіяхъ Тришатнаго и Мандрыки; но губернаторъ занретилъ вмѣшиваться въ распоряженія ихъ и самъ вынуждалъ нижнихъ чиновъ къ сознанію стѣснительнымъ содержаніемъ и угрозами, требуя, чтобы они возвратили деньги. б) Коллежскій ассесоръ Горскій, замѣтивъ что Рѣзцовъ покушался на самоубійство отъ наказанія, объявилъ объ этомъ прокурору; но, вслѣдъ затѣмъ, оговоренъ былъ Рѣзцовымъ въ участіи въ кражѣ и, по приказанію губернатора, былъ взятъ безъ всякихъ оправданій и отданъ подъ строжайшій караулъ, какъ дѣйствительный преступникъ. в) Губернскій прокуроръ, сообщивъ губернатору о подобныхъ жестокостяхъ послѣ покушенія Рѣзцова на самоубійство, настаивалъ объ освидѣтельствованіи его; но губернаторъ никакого распоряженія съ своей стороны по этому предмету не сдѣлалъ, а передалъ протестъ прокурора генералу Мандрыкѣ, который въ формальномъ отзывѣ губернатору призналъ это представленіе прокурора нелѣпымъ, сообщивъ при этомъ губернатору, что какъ нижніе чины, сознавшись въ кражѣ денегъ, не хотятъ отдать ихъ по загрубѣлости чувствъ, то онъ, по порученію корпуснаго командира, прибылъ въ Симбирскъ единствен-

http://rcin.org.pl

но для того, чтобы содѣйствовать слѣдственной коммиссіи къ открытію похищенныхъ денегъ; но, къ крайнему сожалѣнію, узналъ, что прокуроръ, подъ видомъ строгаго наблюденія законовъ, вооружается противъ дѣйствій къ приведенію преступниковъ въ полное сознаніе и тѣмъ замедляетъ ходъ дѣла. г) Черезъ мѣсяцъ послѣ покушенія Рѣзцова на самоубійство, генералъ Мандрыка, въ присутствіи статскаго совѣтника Коренева, батальоннаго командира Врочинскаго, помощника его Громкау и другихъ чиновниковъ, освидѣтельствовалъ Рѣзцова; но въ составленномъ объ этомъ актѣ скрылъ бывшіе на Рѣзцовѣ знаки наказанія, назвавъ ихъ «слѣдами подсохшей чесотки», противъ чего и медицинскіе чиновники не смѣли протестовать. За ключеніе генералъ-аудиторіата по этому дѣлу было формулировано такимъ образомъ: «Подсудимыхъ статскихъ совѣтниковъ Денисова и Коренева и штабсъ-капитана Рутковскаго, *за то, что они*, производя въ 1846 г. слѣдствіе о кражѣ... *допустили вмѣшательство въ это дѣло лицъ, непринадлежащихъ къ слѣдственной коммиссіи и не остановили употребленныхъ сими лицами недозволенныхъ мѣръ* къ вынужденію..., а бывшихъ командира симбирскаго гарнизоннаго батальона Врочинскаго и помощника его подполковника Громкау *за приведеніе въ исполненіе распоряженій означенныхъ лицъ о тѣлесномъ наказаніи нижнихъ чиновъ*.. на основаніи 374 ст. улож. о наказ. уголовн. и испр., слѣдовало бы наказать.., *но*.. какъ всѣ вообще незаконныя мѣры при производствѣ слѣдствія произошли отъ злоупотребленія главныхъ ихъ начальниковъ (Булгакова, Тришатнаго и Мандрыки), *вмѣшательство которыхъ въ розысканіе слѣдователи едва-ли отклонить могли, особенно Врочинскій, Громкау и Рутковскій, состоявшіе подъ непосредственнымъ начальствомъ Тришатнаго и Мандрыки*, то... опредѣленное имъ взысканіе не считать препятствіемъ къ правамъ и преимуществамъ, прежнею службою пріобрѣтеннымъ» и т. д. Намъ предстоитъ разсказать читателю еще много поучительныхъ страницъ изъ русской уголовной лѣтописи. Поэтому предоставляемъ ему самому сопоставить подчеркнутыя нами мѣста изъ рѣшенія генералъ-аудиторіата и

http://rcin.org.pl

вдуматься въ тотъ cercle vicieux, въ который попали слѣдователи. Переходимъ къ другимъ дѣламъ.

Въ мартѣ 1848 г., въ селѣ Курковичѣ (Черниговской губерніи, Стародубскаго уѣзда) стояла рота Софійскаго морскаго полка. Рядовой этой роты Кабаненко бѣжалъ, но черезъ два дня пойманъ. Ротный командиръ, штабсъ-капитанъ Матвѣевъ, сталъ его немедленно допрашивать у себя на квартирѣ о причинѣ побѣга. Допросъ производился слѣдующимъ оригинальнымъ способомъ: Матвѣевъ нанесъ Кабаненко «нѣсколько ударовъ кулакомъ по лицу и головѣ. Когда же Кабаненко сказалъ, что бѣжалъ отъ страха наказанія за потерю зимнихъ панталонъ, то Матвѣевъ, схвативъ его и грозя убить, билъ головою о печь, такъ что проломилъ ему голову, и изъ раны полилась кровь. Несмотря на это, Матвѣевъ отправилъ Кабаненка для наказанія въ манежъ и велѣлъ собрать туда для этого всѣхъ нижнихъ чиновъ, находившихся въ ротномъ штабѣ, болѣе 70 человѣкъ. Въ манежѣ Матвѣевъ снова допрашивалъ Кабаненку о причинѣ побѣга, и когда тотъ повторилъ, что бѣжалъ отъ страха наказанія за потерю панталонъ, то Матвѣевъ приказалъ сперва фельдфебелю, а потомъ унтеръ-офицерамъ и рядовымъ наказывать его. Наказаніе произведено розгами и палками безъ счета. При этомъ самъ Матвѣевъ, взявъ съ ружья штыкъ, билъ имъ Кабаненку по спинѣ такъ сильно, что сломилъ конецъ штыка? а потомъ, передавъ штыкъ одному изъ нижнихъ чиновъ, приказалъ и ему бить Кабаненка тѣмъ же штыкомъ. Послѣ этого Матвѣевъ, приказавъ Кабаненкѣ встать, опять допрашивалъ его о причинѣ побѣга, а когда тотъ отвѣчалъ тоже, что бѣжалъ по случаю потери панталонъ, то Матвѣевъ приказалъ возобновить наказаніе, и нижніе чины наказывали его по прежнему безъ счета. Затѣмъ Матвѣевъ приказалъ отвести Кабаненку на квартиру и бить его дорогой. Не перенеся такихъ побоевъ, Кабаненко упалъ; а Матвѣевъ, сочтя это за притворство, возвратилъ его въ манежъ и, нанеся ему своеручно по лицу побои, приказалъ снова наказывать розгами и палками. Наконецъ, Кабаненко бывъ выведенъ изъ манежа, не могъ идти, а Матвѣевъ, сочтя

http://rcin.org.pl

это за притворство, возвратилъ его въ манежъ, опять нанесъ ему побои по лицу и еще наказалъ его розгами и палками. Послѣ этого Кабаненко не могъ уже встать и перенесенъ нижними чинами на ротный дворъ, гдѣ черезъ нѣсколько часовъ умеръ». Во время слѣдствія по этому дѣлу обнаружилось, что это уже не первый подвигъ Матвѣева въ этомъ родѣ. Одному фельдфебелю, по его приказанію, дано было 500 розогъ за то, что «во фронтѣ у одного рядоваго высунулась портянка изъ сапога». Одного унтеръ-офицера Матвѣевъ такъ наказалъ розгами, неизвѣстно за что, что онъ лежалъ въ лазаретѣ. Одного рядоваго, только по подозрѣнію въ кражѣ, Матвѣевъ билъ по лицу и замахнулся на него топоромъ. Солдатъ успѣлъ отскочить и жаловался батальонному командиру, но тотъ не обратилъ на жалобу вниманія, а Матвѣевъ, узнавъ о ней, жестоко отодралъ солдата...

6-го марта 1843 г. происходило ученье 4-го кадреннаго батальона пѣхотнаго принца Карла Прусскаго полка. Присутствовавшій на ученьи генералъ-маіоръ Леманъ былъ недоволенъ горнистами Петровымъ и Тимоѳеевымъ, которые не могли надувать свои рожки и такъ неудачно передавали сигналы, что ученье изъ-за этого остановилось. Горнисты ссылались на холодъ. Генералъ Леманъ приказалъ подать палокъ. Палокъ не оказалось. Тогда Леманъ, какъ онъ говоритъ, «не могши оставаться равнодушнымъ», или, какъ выражено въ рѣшеніи генералъ-аудиторіата, «въ порывѣ негодованія», приказалъ наказать обоихъ горнистовъ *шомполами*, каковое наказаніе строго запрещено. Показанія относительно числа ударовъ разнорѣчивы. Самъ Леманъ показалъ, что Тимоѳееву дано около пятнадцати ударовъ, а Петрову 45—50. Послѣдній послѣ наказанія упалъ и былъ отправленъ, за неимѣніемъ госпиталя, въ лазаретный околодокъ, откуда, впрочемъ, черезъ нѣсколько дней (относительно этого пункта показанія тоже разнорѣчатъ, что нѣсколько странно, такъ-какъ во всякой больницѣ, а тѣмъ паче въ казенной, дни пріема и выпуска больныхъ записываются) былъ выпущенъ уже совершенно здоровымъ. Въ объясненіяхъ своихъ по этому дѣлу

http://rcin.org.pl

Леманъ излагалъ, между прочимъ, что «былъ во многихъ сраженіяхъ, командуя съ похвалой почти 10 лѣтъ одною бригадою и въ послѣднее время дивизіею; прослуживъ слишкомъ 30 лѣтъ, онъ сроднился съ воинскою субординаціею, знаетъ сколь опасны и вредны слѣдствія малѣйшаго послабленія по службѣ; онъ свидѣтельствуется всею 32-лѣтнею службою своею, что наказаніе горнистовъ шомполами сдѣлано было не по какой-либо злобѣ или жестокости: возложенная на него строгая отвѣтственность за исправность ввѣренныхъ ему частей того требовала. Если онъ увлекся желаніемъ видѣть части въ томъ блестящемъ состояніи, въ которомъ имѣлъ счастіе представлять ихъ на смотрахъ, и за что удостоился даже личныхъ благоволеній Государя Императора, и если, погорячившись, вмѣсто палокъ, которыхъ въ то время не случилось, велѣлъ дать нѣсколько шомполовъ единственно для того, чтобы не уронить порядка службы и заставить каждаго исполнять свои обязанности,—то въ сей неосторожности, вынужденной крайностью обстоятельствъ, въ коихъ неотлагательною строгостью должно было показать примѣръ, онъ, генералъ-майоръ Леманъ, признаетъ себя виновнымъ, и въ такомъ невольномъ поступкѣ, сдѣланномъ въ порывѣ усердія къ службѣ, полагается на безпредѣльное милосердіе Его Императорскаго Величества» и т. д.

Легко можетъ быть, что генералъ Леманъ былъ по натурѣ человѣкъ въ высшей степени мягкій, но тѣмъ не менѣе, весьма сомнительно, чтобы за нимъ не водилось и другихъ грѣховъ въ родѣ описаннаго, хотя и онъ, и другіе утверждали, что это первый случай. Грѣхи несомнѣнно были, но какіе же это собственно грѣхи? Леманъ—генералъ смотровъ и парадовъ, генералъ шагистики, одинъ изъ тѣхъ генераловъ, въ которыхъ замирало сердце при видѣ стройныхъ шеренгъ, маршировавшихъ въ три пріема (Леманъ упоминалъ, между прочимъ, о многихъ сраженіяхъ, въ которыхъ онъ участвовалъ, но корпусный командиръ далъ объ немъ довольно двусмысленный отзывъ въ этомъ отношеніи, говоря о его тридцатилѣтней службѣ «не безъ военныхъ заслугъ»). Эта исчезнувшая порода чрезвы-

http://rcin.org.pl

чайно любопытна въ психологическомъ отношеніи. Нужна была совершенно оригинальная комбинація условій для произведенія людей, которые бы всю душу свою уложили въ «три пріема», которые бы только и жили, и дышали, что на ученьи. Мы знавали подобныхъ экземпляровъ вида homo sapiens. Между ними были люди дѣйствительно очень мягкіе, но они становились совершенными звѣрями передъ фронтомъ. Несчастные горнисты, безъ всякаго сомнѣнія, изо всѣхъ силъ надували свои горны, когда раздался грозный голосъ Лемана и, тѣмъ не менѣе, онъ объясняетъ, что избилъ ихъ шомполами для того, «чтобы не уронить порядка службы и заставить каждаго исполнять свои обязанности». И онъ по всей вѣроятности вѣрилъ въ то, что говорилъ. Сторонники безусловной идеи «трехъ пріемовъ», Леманы, какъ и всякіе сторонники всякихъ безусловныхъ идей, усѣвшись на своего конька, были безпощадно послѣдовательны; на немъ они могли заскакать, заткнувъ уши и зажмуря глаза, за тридевять земель въ тридесятое царство, а что тамъ дѣлалось по сторонамъ—до этого имъ не было никакого дѣла. Для Лемана былъ немыслимъ вопросъ — почему не трубили горнисты? они не трубили и конецъ. Фактъ совершился, и доискиваться причинъ его значитъ нѣкоторымъ образомъ унижать безусловную идею трехъ пріемовъ. Девизъ Лемановъ — «хоть тресни, да полѣзай». Для подобныхъ поклонниковъ формы нѣтъ и грѣховъ. Леманъ признавалъ себя виновнымъ только въ томъ, что онъ «въ порывѣ негодованія» пустилъ въ ходъ, вмѣсто законныхъ палокъ, незаконные шомпола, т. е. нарушилъ форму. А избей онъ тѣхъ же горнистовъ до полусмерти (до смерти тоже незаконно) палками, его совѣсть была бы чиста и онъ спокойно прочиталъ бы молитву на сонъ грядущій. Поэтому-то и становится вѣроятнымъ, что въ предѣлахъ установленной формы Леманъ и прежде не отличался особенною гуманностью въ дѣлахъ службы, хотя могъ быть прекраснымъ семьяниномъ и проч. Тотъ же Леманъ судился еще по другому дѣлу. Въ отсутствіе его, въ его квартирѣ застрѣлился бывшій у него ординарцемъ унтеръ-офицеръ. До свѣдѣнія шефа жандармовъ дошло, что ор-

http://rcin.org.pl

динарецъ у Лемана былъ безсмѣнный и что застрѣлился онъ изъ страха наказанія за пропажу съ квартиры Лемана топора и простыни. По произведенному слѣдствію не оказалось обстоятельствъ, которыя подтвердили бы это предположеніе о причинѣ самоубійства ординарца, и причина эта такъ и не была открыта. Но Леманъ все-таки судился за держаніе бѣзсмѣннаго ординарца. Можно навѣрное сказать, что Лемана тяготило главнымъ образомъ обвиненіе въ держаніи безсмѣннаго ординарца, то-есть опять-таки въ нарушеніи формы. Фактъ самоубійства, хотя бы въ немъ и играло какую нибудь роль поведеніе Лемана, мучилъ его, вѣроятно, не столько, если мучилъ. Недаромъ же въ его формулярномъ спискѣ значилось, что полки его бригады «находимы были при смотрахъ въ отличномъ во всѣхъ частяхъ устройствѣ», и не даромъ онъ самъ говорилъ, что «въ службѣ единственно поставлялъ всю цѣль своего существованія». И цѣль его существованія была дѣйствительно служба, а не что-либо другое, не служеніе, напримѣръ, отечеству на полѣ брани. Эта послѣдняя цѣль у Лемановъ отошла на самый задній планъ и цѣлью ихъ сдѣлалось средство. При такой перетасовкѣ цѣлей и средствъ человѣкъ необходимо становится уже и жестче.

Но Леманъ все-таки относительно крупная личность. И благо, если наверху сидѣлъ такой чистокровный идеалистъ, поклонникъ формы, убившій въ себѣ всякіе, похвальные и непохвальные, человѣческіе помыслы и стремленія. Леманъ, съ высоты своего абсолюта трехъ пріемовъ, не видалъ личности: сегодня онъ человѣка расцалуетъ за мастерское исполненіе своего дѣла, а завтра запоретъ шомполами. На службѣ онъ никого ни любитъ, ни ненавидитъ. Но куда дѣваться при систематическомъ преслѣдованіи, какое испытывалъ, напримѣръ, отъ Данилова Ѳедоровъ, которому даже самъ чортъ не помогъ? Побѣгъ? Но Кабаненко былъ пойманъ и Матвѣевъ забилъ его до смерти. Жалоба? Но сослуживецъ Кабаненки жаловался, на жалобу не обратили вниманія, а Матвѣевъ выпоролъ доносчика. Самоубійство? Но пожарный Линскій (1848 г.) былъ снятъ съ петли,

http://rcin.org.pl

приведенъ въ чувство и присужденъ: «за отлучку отъ команды, пьянство и *покушеніе на самоубійство*, по лишеніи имѣемой имъ нашивки за безпорочную службу, наказать розгами, давъ сто лозановъ, а за *посягательство на свою жизнь* предать церковному покаянію по усмотрѣнію духовнаго начальства». Понятное дѣло, что при такихъ условіяхъ были нерѣдко случаи противозаконныхъ протестовъ нетолько пассивныхъ, но и активныхъ. Не всѣ и не всегда, разумѣется, умѣли покорно подставлять свою шею или искать выхода въ самоубійствѣ. Кромѣ забитыхъ находились и разбитые, которые, махнувъ на все рукою и вполнѣ сознавая, что ихъ ждетъ каторга и нѣсколько тысячъ шпицрутеновъ, рѣшались противопоставить кулакъ кулаку.

Иногда реакція эта получала совершенно неожиданно громадные размѣры. Въ 1860 г. въ Балтійскомъ морѣ взорвало на воздухъ клиперъ «Пластунъ», состоявшій подъ командой лейтенанта барона Дюстерло. При этомъ погибло 75 человѣкъ. Назначенная по этому дѣлу слѣдственная коммиссія выразила, между прочимъ, предположеніе, и въ пользу этого предположенія существуетъ достаточно данныхъ, что взрывъ былъ произведенъ умышленно однимъ изъ служившихъ на клиперѣ, съ которымъ командиръ обращался варварски жестоко. «Командовавшій клипероиъ и старшій офицеръ считали побои, наносимые собственными руками, дѣломъ обыкновеннымъ». «Строгость командира и старшаго офицера нерѣдко доходила до того, что, кромѣ тѣлесныхъ наказаній, Савельева (подозрѣваемое лицо) ставили на ванты, привязывали къ бушприту и били по лицу, такъ что рѣдкій день могъ ему пройти безъ обидъ». «Понятно, заключаетъ слѣдственная коммиссія, что такая жизнь, впродолженіе многихъ лѣтъ, могла довести человѣка до отчаянія». Передъ самымъ взрывомъ старшій офицеръ приказалъ Савельеву идти на бакъ для наказанія. Ближайшій начальникъ командира барона Дюстерло далъ объ немъ такой отзывъ: «Дюстерло былъ изъ числа такихъ капитановъ, у которыхъ на суднѣ безъ приказанія ихъ ничего не дѣлается, а понятія его о морскомъ уставѣ были таковы, что нетолько смыслъ, но и его букву онъ требо-

http://rcin.org.pl

валъ безъ всякаго послабленія. Въ рѣшительную минуту я никогда не желалъ бы имѣть лучшаго товарища». Что касается до фактическихъ доказательствъ того, какъ баронъ Дюстерло понималъ смыслъ и букву морскаго устава, то вотъ одинъ примѣръ: одному матросу онъ далъ сто линьковъ за то, что тотъ плюнулъ на палубу. Мы полагаемъ, что тотъ, кто такъ часто прибѣгалъ къ такимъ рѣшительнымъ мѣрамъ, оказался бы въ рѣшительную минуту очень плохъ.

Фельдфебель лейб-гвардіи егерскаго полка, Максимъ Тищенко, завѣдывалъ школою кантонистовъ, которыхъ обучалъ фронтовой службѣ. Начальникомъ школы былъ полковой казначей капитанъ Горбуновъ. Горбуновъ часто билъ Тищенку и въ школѣ и у себя на квартирѣ, и Тищенко все терпѣлъ. Наконецъ, приходитъ Горбуновъ 19-го сентября 1843 г. въ школу и видитъ, что на столѣ испорченъ лакъ — Тищенко битъ; шинели на кантонистахъ неисправны—Тищенко битъ; гимнастическіе аппараты не на мѣстѣ — Тищенко битъ; постель у одного кантониста нечиста—Тищенко въ четвертый разъ битъ; фехтовальные снаряды не въ порядкѣ— Тищенко въ пятый разъ битъ; чехолъ на кровати разорванъ — Тищенко въ шестой разъ битъ... Не выдержалъ, наконецъ, Тищенко и отвѣсилъ Горбунову публично два удара по лицу. При этомъ онъ сказалъ- «Теперь дѣлайте, что хотите. Вы у меня въ головѣ не оставили косточки не разбитой; погубили вы мое семейство; я пропалъ, и вамъ нехорошо». Кто умѣетъ читать не на манеръ гоголевскаго Петрушки, тотъ пойметъ, сколько въ этихъ простыхъ словахъ силы; какъ великъ долженъ былъ быть психическій нарывъ у Тищенки и сколько времени онъ нарывалъ, пока, наконецъ, не прорвался 19-го сентября 1843 г.

Но опять-таки Горбуновъ по дѣламъ службы свирѣпствовалъ. Онъ не хуже Лемана могъ приводить въ свое оправданіе порывы усердія къ службѣ и негодованія, желаніе видѣть ввѣренную ему часть въ блистательномъ порядкѣ и проч. Дѣло барабанщика Шкабло будетъ еще почище. Барабанщикъ Шкабло, еврей, находясь постоянно въ командѣ мастеровыхъ, состоялъ подъ непосредственнымъ начальствомъ завѣдывавшаго командой

http://rcin.org.pl

подпоручика Ефремова. Зданіе, гдѣ въ обыкновенное время помѣщались мастерскія, было отведено подъ молельню для солдатъ изъ евреевъ. 29-го сентября 1845 году въ этой молельнѣ происходило еврейское богослуженіе. Вдругъ врывается Ефремовъ и «съ ругательствомъ и непристойными словами» начинаетъ гнать всѣхъ вонъ, а мастеровымъ велитъ приниматься за работу. Евреи продолжаютъ молиться и не трогаются съ мѣста. Тогда Ефремовъ созвалъ людей и выгналъ евреевъ силой. При этомъ самъ Ефремовъ «гасилъ и ломалъ свѣчи, рвалъ съ молившихся одежды, сбилъ съ ногъ служившаго за жреца и столкнулъ съ мѣста кивотъ съ заповѣдями»; наконецъ всталъ у дверей и билъ всѣхъ проходившихъ мимо него. Въ этотъ день у евреевъ былъ праздникъ и они отъ служебныхъ обязанностей были освобождены, но Ефремовъ усадилъ ихъ за работу. 12-го октября былъ опять праздникъ, но Ефремовъ опять заставилъ евреевъ работать. Кромѣ того онъ строго наказывалъ ихъ за самые ничтожные проступки, объясняя при этомъ, что онъ «истребитель жидовъ» и «уничтожитъ ихъ праздники и законъ». 13-го октября Ефремовъ намѣревался наказать трехъ мастеровыхъ изъ евреевъ, въ томъ числѣ барабанщика Пейсиха Шкабло, за то, что они накануѣ не явились на вечернюю перекличку, въ чемъ, какъ оказалось, всѣ трое, и въ особенности Шкабло, виноваты не были, потому что были заняты другимъ дѣломъ. Начинается порка. Ефремовъ обращается къ Шкаблу и говоритъ ему, что его онъ такъ отдеретъ, что его на простынѣ въ лазаретъ снесутъ. Ни въ чемъ не виновный Шкабло проситъ прощенія. Но Ефремовъ вмѣсто прощенія начинаетъ его бить кулакомъ по лицу. Тогда Шкабло бросился на Ефремова, сорвалъ у него съ плечъ эполетъ и убѣжалъ съ нимъ прямо на гауптвахту. Тамъ онъ объявилъ о своемъ поступкѣ, но эполетъ не хотѣлъ отдавать ни дежурному по полку, ни караульному офицеру, ни самому полковому командиру. «Пускай отнимутъ насильно», говорилъ Шкабло. Спрашивается почему ему этого хотѣлось, тогда какъ онъ самъ на себя донесъ? Почему онъ далѣе не давалъ отвѣтовъ въ военно-судной коммиссіи, учрежденной при полку, и прямо объявлялъ, что не хо-

http://rcin.org.pl

четъ при полку судиться? Это объяснилось только тогда, когда началось слѣдствіе о дѣяніяхъ самаго Ефремова при московскомъ ордонансъ-гаузѣ, куда былъ вытребованъ и Шкабло. Тамъ онъ на первомъ же допросѣ, признаваясь во всемъ, показалъ, что онъ для того не отдавалъ эполета и не отвѣчалъ на полковомъ судѣ, «чтобы поступокъ его не былъ скрытъ передъ начальствомъ, и Ефремовъ не могъ бы попрежнему продолжать свои беззаконныя дѣйствія». Это показаніе освѣщаетъ закулисныя стороны дѣла. Съ перваго раза можетъ показаться, что Ефремовъ бѣшеный маніакъ, пунктъ помѣшательства котораго составляетъ «истребленіе жидовъ»,—до такой степени дико его поведеніе, и что его поступки представляютъ слѣдовательно просто единичное уродливое явленіе, къ которому никто кромѣ его не причастенъ. Страннымъ можетъ показаться только то обстоятельство, что съ 29-го сентября по 13-е октября его буйство не было остановлено никѣмъ изъ начальства, такъ-какъ невѣроятно, чтобы такого сора кто-нибудь изъ солдатъ не вынесъ изъ избы. Изъ показанія Шкабла слѣдуетъ заключить, что соръ дѣйствительно былъ вынесенъ, но что начальство соблаговолило смести его въ задній уголъ забвенія и такимъ образомъ погладило Ефремова по головѣ. Такимъ образомъ Ефремовъ встрѣчалъ, значитъ, даже косвенное одобреніе и подъ эгидою его пошелъ уже, какъ говорится, звонить во вся. Силенъ былъ, видно, гнетъ обстоятельствъ, если Шкабло рѣшился идти на такое дѣло, какъ оскорбленіе начальника, только подъ однимъ условіемъ, — чтобы поступокъ его сдѣлался извѣстнымъ. Значитъ, иначе и нельзя было вывести на свѣтъ божій дѣла Ефремова, какъ цѣною своей свободы и крови. И Шкабло—эта жертва очищенія — получилъ тысячу шпицрутеновъ и былъ отданъ навсегда въ арестантскія роты, а ему наказаніе было еще смягчено въ виду возмутительнаго поведенія Ефремова. По поводу этого-то дѣла г. Любавскій и выразилъ свое глубокомысленное соображеніе о необходимости безусловнаго вмѣненія преступленій, совершаемыхъ лицами военнаго званія...

http://rcin.org.pl

V.

Иередъ нами прошелъ еще рядъ русскихъ преступниковъ, очень небольшой, потому что больше ничего характеристическаго мы у г. Любавскаго не нашли. Но и этого немногаго достаточно для уясненія нѣкоторыхъ общихъ причинъ преступленій этого рода. Здѣсь сказался, вопервыхъ, уже отмѣченный нами элементъ. Людямъ даютъ по 500 розогъ за то, что во фронтѣ у солдата высовывается портянка изъ сапога; разорванные чехлы и неисправныя шинели ведутъ людей на каторгу... Наши поздніе скептическіе потомки не повѣрятъ нашимъ разсказамъ, а между тѣмъ, этотъ періодъ очень четко записанъ на спинахъ солдатъ. И только такой страшный ударъ, какъ крымская кампанія, могъ заставить насъ нѣсколько очнуться и приблизиться къ пониманію той простой истины, что машина всегда и во всемъ машина. Систематически, съ дѣтства, въ военно-учебныхъ заведеніяхъ всѣхъ сортовъ, гнули и жали молодую душу, подсовывая ей все одну и ту же пищу. И черствѣла и черствѣла молодая душа, грубѣла и грубѣла шкура до тѣхъ поръ, пока ея уже не могъ пробить никакой стонъ, пока ей не становились недоступными никакая человѣческая мысль и никакое человѣческое чувство. Казалось бы, что человѣкъ, вынесшій самъ горе и побои, не пойдетъ ихъ раздавать другимъ. Такъ оно обыкновенно и бываетъ съ людьми, но не такъ бываетъ съ машинами. Молотъ бьетъ наковальню, — перекуйте молотъ въ наковальню, а наковальню въ молотъ, — и работа не остановится. Замѣчено, что солдаты, дослужившіеся до офицерскаго чина и получившіе возможность расправы, отличаются особенною жестокостью. И у кого повернется языкъ обвинить ихъ за это?

Далѣе, крѣпостное право, эта основная мелодія нашей государственной и общественной жизни, повторяющаяся въ ней безчисленное множество разъ среди другихъ аккордовъ, — эта мелодія звучитъ и здѣсь. Солдатъ былъ мужикомъ, слѣдовательно, вещью, предметомъ купли, продажи и мѣны, который можно

http://rcin.org.pl

было и съ кашей ѣсть и во щи лить. Этотъ взглядъ на мужика естественно переносился и на солдата, да и самъ солдатъ, какъ и мужикъ, съизмала задавленный и забитый, не могъ высоко цѣнить свою личность. Если же солдату удавалось пробиться наверхъ, то онъ чувствовалъ себя не въ своей тарелкѣ и совершенно запутывался въ тѣхъ противорѣчіяхъ, въ которыя его поставила судьба. У г. Любавскаго помѣщенъ одинъ очень любопытный въ этомъ отношеніи процессъ.

Во время стоянки русскаго фрегата «Полканъ» въ Испаніи, между офицерами фрегата, подпоручикомъ Грицко и прапорщикомъ Шелухинымъ, произошла дуэль, на которой Шелухинъ былъ убитъ. Во время слѣдствія Грицко объяснилъ, что въ Смирнѣ на фрегатъ былъ принятъ очень дурной уголь, такъ что когда фрегатъ шелъ подъ парами, то уголь выходилъ очень скоро. Грицко высказалъ мысль, что если подуетъ противный вѣтеръ, то угля пожалуй и не хватитъ. Шелухинъ сталъ надъ нимъ смѣяться. На другой день Шелухинъ опять завелъ этотъ разговоръ объ углѣ и, обратясь къ одному изъ офицеровъ, сказалъ: «а вѣдь это скандалъ дѣйствительно, если у насъ не хватитъ угля». Далѣе бесѣда получила видъ такого діалога:

Грицко Шелухину: «Такъ васъ сильно безпокоитъ, что у насъ не хватитъ угля? Если у насъ не хватитъ угля, то мы пойдемъ подъ парусами, вотъ и все; что же уголь-то мучитъ васъ такъ сильно?»—Однако, не слишкомъ-то пріятно лавировать подъ парусами, всякій старается придти скорѣе. «Хорошо, но все же до угля вамъ дѣла нѣтъ».—Да что вы кричите-то; вы думаете, что вы сильнѣе меня и думаете испугать меня и взять кулакомъ что ли? «Послушайте, если меня задѣнутъ кулакомъ, я буду отвѣчать кулакомъ; если меня ударятъ ножомъ, то я отвѣчу имъ же: что же дѣлать — характеръ такой».—Да, вы храбры, а вотъ еслибы вамъ пришлось стать на дастанцію. «Если мнѣ придется стать на дистанцію, то я стану». — Да вы неисправимы. «Не хотите ли вы меня исправить?» — Да, и я васъ исправлю. «Послушайте, вотъ уже третій разъ какъ вы ко мнѣ пристаете; къ чему это? Ступайте лучше учить французовъ говорить рѣчи».—

http://rcin.org.pl

Ну, послѣ этого вы свинья. «А послѣ всего этого вы Шелухинъ *мужикъ*».

Вслѣдствіе этого Шелухинъ вызвалъ Грицко на поединокъ и былъ убитъ. Комизмъ приведеннаго нами діалога до такой степени великъ, что подъ нимъ необходимо должна скрываться какая нибудь трагическая нитка, соединяющая комическое начало съ печальнымъ концемъ. Эта нитка скрывается въ бранномъ словѣ *мужикъ*, которое Шелухинъ такъ близко принялъ къ сердцу. Шелухинъ происходилъ изъ купеческаго званія и службу свою началъ на купеческихъ судахъ въ качествѣ простого матроса. А впослѣдствіи, какъ объяснялъ одинъ изъ свидѣтелей, «по производствѣ въ офицеры, сдѣлался членомъ общества людей, воспитанныхъ въ кадетскихъ корпусахъ, привыкшихъ къ жизни между товарищами, съ которой онъ, Шелухинъ, вовсе не былъ знакомъ. Поэтому часто ему казалось, что хотятъ напоминать ему объ его происхожденіи и онъ дѣлалъ безъ всякой видимой причины дерзости людямъ, которые нисколько не желали оскорбить его». Согласно съ этимъ и остальные офицеры фрегата показали, что Шелухинъ былъ дерзокъ и «безпокойнаго характера». Не трудно видѣть, что за человѣкъ былъ Шелухинъ и какую роль игралъ онъ въ обществѣ господъ офицеровъ. Жизненная лямка до ранъ и синяковъ натерла ему мозгъ и совершенно изуродовала его. Ему не давала покою виднѣвшаяся въ его прошедшемъ матросская куртка, и онъ думалъ, что и всѣ чужіе взоры устремлены на нее. Поэтому онъ подцѣплялъ и записывалъ у себя въ памяти малѣйшее подобіе намеку на его прошлое. Что же касается до офицерскаго общества, то оно, какъ видно изъ показаній, держало себя отъ него вдали, что, разумѣется, усугубляло подозрительность и мнительность Шелухина. Но вмѣстѣ съ тѣмъ офицеры побаивались его запальчивости и спускали ему многое, чего не спустили бы, можетъ быть, другому. Такъ напримѣръ, когда офицеры играли разъ въ кафе на бильярдѣ, въ комнату вошелъ подвыпившій Шелухинъ и безъ всякой видимой причины смѣшалъ шары, а когда ему была замѣчена неблаговидность такого поступка, то

http://rcin.org.pl

его едва удержали отъ дракп. Вслѣдствіе этой отчужденности съ одной стороны и очевиднаго для него страха передъ нимъ съ другой, Шелухинъ, съ своей idée fixe въ головѣ, не зналъ какъ ему вести себя и весь ушелъ въ болѣе или менѣе странныя бравады. Что же касается до послѣдней его выходки, то въ приведенномъ выше поучительномъ діалогѣ есть темныя для насъ мѣста (напр. «ступайте учить французовъ говорить рѣчи»), которыя были однако, по всей вѣроятности, совершенно ясны и оскорбительны для Шелухина. Доканало же его слово *мужикъ*, въ которомъ онъ увидалъ намекъ на свое прошлое, и, какъ совершенно вѣрно замѣчаетъ издатель, дуэлью онъ хотѣлъ доказать, что онъ не мужикъ...

Дуэль не имѣетъ у насъ той исторической почвы, на которой она выросла на Западѣ. У насъ не было рыцарства съ его поэтической обстановкой, съ его поклоненіемъ женщинѣ, съ его своеобразными понятіями о чести и храбрости. Наши древніе поединки не имѣютъ ничего общаго съ дуэлью, какъ она развилась на Западѣ и какъ она существуетъ теперь во всей Европѣ. Тѣмъ не менѣе дуэль привилась у насъ вполнѣ и представляетъ одно изъ немногихъ преступленій, къ мотивамъ котораго, если не законодательство (а отчасти и оно), то судебная власть относится съ особеннымъ уваженіемъ. Такъ по дѣлу Грицки и Шелухина, морской генералъ-аудиторіатъ рѣшилъ, что, на основаніи 403 и 404 ст. кн. Св. угол. пост., Грицко, какъ принявшій вызовъ Шелухина, долженъ бы быть лишенъ чина, дворянства и орденовъ и отданъ въ солдаты; а секунданты—подвергнуться шестимѣсячному аресту. Но далѣе въ рѣшеніи морскаго генералъ-аудиторіата сказано: «подчинялись условнымъ понятіямъ о чести, чтобы не уронить себя въ общественномъ мнѣніи, Грицко считалъ себя обязаннымъ принять вызовъ. Подобное убѣжденіе, не оправдывая преступности подсудимаго, не можетъ однако не быть принято во вниманіе; подъ вліяніемъ тѣхъ же понятій о чести, секунданты не рѣшились донести начальству». Вслѣдствіе этого Грицко былъ присужденъ къ аресту

http://rcin.org.pl

въ крѣпости на гауптвахтѣ на шесть мѣсяцевъ, а секунданты на одинъ.

Первая дуэль Лермонтова (съ барономъ де-Барантомъ) имѣла ближайшимъ поводомъ ссору на балу, во время которой де-Барантъ сказалъ, что «еслибы онъ находился въ своемъ отечествѣ, то зналъ бы, какъ кончить это дѣло». На это Лермонтовъ возразилъ, что «въ Россіи слѣдуютъ правиламъ чести столь же строго, какъ и вездѣ, и что русскіе меньше другихъ позволяютъ оскорблять себя безнаказанно». И смягчающимъ (весьма значительно) для Лермонтова обстоятельствомъ послужило его «желаніе поддержать честь русскаго офицера». Черезъ годъ Лермонтовъ былъ убитъ на второй дуэли. А за три года передъ тѣмъ воспѣлъ смерть Пушкина:

Погибъ поэтъ, невольникъ чести....

Въ дѣлѣ о дуэли между Римскимъ-Корсаковымъ и Козловымъ (1857 г.) любопытно то обстоятельство, что отецъ Козлова не только не препятствовалъ дуэли, но самъ передалъ вызовъ Римскому-Корсакову на томъ основаніи, что «нашелъ поединокъ единственнымъ способомъ возстановить честь сына». Генералъ-аудиторіатъ, на точномъ основаніи закона, полагалъ разжаловать дуэлистовъ въ рядовые съ лишеніемъ дворянства, чиновъ и орденовъ. Но затѣмъ были приняты въ соображеніе смягчающія обстоятельства: «хотя Козловъ первый подалъ поводъ къ происшедшему поединку, но притомъ нельзя не принять во вниманіе, какъ юношескій возрастъ его, такъ и то, что онъ, считая поединокъ единственнымъ средствомъ оправдать себя во мнѣніи общества и сослуживцевъ, послѣ распространившихся о немъ невыгодныхъ слуховъ, былъ поддерживаемъ въ этомъ убѣжденіи совѣтами отца. Не менѣе того заслуживаетъ снисхожденія и поручикъ Римскій-Корсаковъ, который по ложному, но болѣе или менѣе принятому понятію о чести былъ поставленъ въ затруднительное положеніе—отказаться отъ поединка». Въ концѣ концовъ Козловъ и Корсаковъ были опредѣлены тѣмъ же чиномъ въ армію.

http://rcin.org.pl

По поводу дуэли Станишевскаго и Пожидаева (1860 г.) генералъ-аудиторіатъ также замѣтилъ, что поединокъ произошелъ «единственно подъ вліяніемъ хотя ложныхъ, но вкоренившихся въ нравы нашп убѣжденій о необходимости омывать кровью частныя оскорбленія, не подлежащія по существу своему преслѣдованію закона».

Поручикъ Канужевъ, вызывая поручика Медвѣдева на дуэль (1862 г.), по мнѣнію генералъ-аудиторіата, «дѣйствовалъ подъ вліяніемъ укоренившагося въ нравахъ нашихъ убѣжденія, что тяжкія личныя оскорбленія должны быть омываемы кровью», вслѣдствіе чего Канужевъ былъ освобожденъ отъ слѣдовавшаго ему по закону уголовнаго наказанія.

Дѣло о поединкѣ Беклемишева и Неклюдова, надѣлавшее въ свое время столько шуму, чрезвычайно любопытно во многихъ отношеніяхъ. Вопервыхъ, это была первая дуэль въ Сибири, такъ что многіе коренные сибирякп даже не понимали, въ чемъ дѣло, какъ удостовѣряетъ рапортъ предсѣдательствующаго въ совѣтѣ главнаго управленія Восточной Сибири къ главному начальнику III отдѣленія собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи. Вовторыхъ, въ обществѣ ходили толки, будто Неклюдовъ убитъ измѣннически, вслѣдствіе чего судебная власть разработала это дѣло до мельчайшихъ подробностей. А потому и наша терпимость по отношенію къ поединкамъ особенно ярко очерчивается этимъ дѣломъ.

По мнѣнію правительствующаго сената, обида дѣйствіемъ, нанесенная Беклемишеву Неклюдовымъ, такова, что «законъ не отвергаетъ въ подвергшемся ей права вызова на поединокъ (ст. 2,050 1-й кн. XV т.), а тѣсно связанный съ понятіемъ о чести и почти общій предразсудокъ ставитъ то же лицо почти въ необходимость смыть наложенное на него пятно тѣмъ способомъ, который, по общему понятію, признается единственно возможнымъ къ искупленію чести». Затѣмъ дѣло идетъ объ опредѣленіи мѣры наказанія, слѣдующаго Беклемишеву, причемъ дѣлаются очень остроумныя соображенія относительно неприложимости къ дуэли увеличивающихъ вину обстоятельствъ,

http://rcin.org.pl

перечисленныхъ въ ст. 141-й 1-й книг. XV т. 1) Умыселъ и обдуманность въ дѣйствіяхъ преступника не могутъ быть принимаемы въ соображеніе. потому что это необходимые элементы дуэли. 2) Точно такъ же и на томъ же основаніи не могутъ въ этомъ случаѣ служить увеличивающими вину обстоятельствами и званіе преступника и степень его образованія, «ибо преступленіе это столь связано съ понятіемъ, свойственнымъ исключительно людамъ образованнымъ, что выведенныя выше обстоятельства представляются въ семъ случаѣ скорѣе причиною объясняющею, а слѣдовательно уменьшающею преступность. 3) Настойчивость на предложенныхъ болѣе или менѣе тяжелыхъ условіяхъ дуэли также въ нѣкоторой степени неизбѣжна при поединкахъ... Къ тому же самыя условія поединка, по существу дѣла, должны были соотвѣтствовать вполнѣ обидѣ и быть тѣмъ тяжелѣе, чѣмъ больше самая обида; притомъ же еслибы и было доказано, что Беклемишевъ настойчиво стремился къ своей цѣли, то подобная настойчивость могла бы быть поставлена ему въ вину и отнесена къ его жестокости тогда только, когда бы онъ не имѣлъ никакого повода къ поединку и еслибы онъ, вызывая своего противника на поединокъ, тѣмъ самымъ не удовлетворялъ, такъ сказать, необходимости слѣдовать побужденіямъ чести и общему обычаю».

Трудно отнестись снисходительнѣе къ преступленію и болѣе проникнуться положеніемъ преступника. Надо еще замѣтить, что, если ни умыселъ, ни высшая степень образованности, ни употребленіе особенныхъ усилій для преодолѣнія препятствій къ совершенію преступнаго дѣйствія, — если всѣ эти, по нашему закону вообще, отягчающія вину обстоятельства—по отношенію къ дуэли въ каждомъ частномъ случаѣ таковыми признаны быть не могутъ, потому что составляютъ необходимые ея элементы, то eo ipso, по общему духу законодательства,—а по скольку въ немъ выразился народный юридическій смыслъ и по этому смыслу,—дуэль должна бы была быть поставлена въ число преступленій наиболѣе тяжкихъ. Дѣйствительно, она неизбѣжно заключаетъ въ себѣ всѣ тѣ элементы, которые въ другихъ пре-

http://rcin.org.pl

ступленіяхъ могутъ быть и не быть и въ случаѣ своего присутствія вызываютъ болѣе тяжкую кару. И тѣмъ не менѣе мы имѣемъ цѣлый рядъ приговоровъ по дѣламъ о дуэляхъ съ самыми гуманными указаніями на смягчающіи обстоятельства. Понятное дѣло, что такое отношеніе судебной власти къ дуэли, при отсутствіи парализующихъ элементовъ, могло только способствовать натурализаціи у насъ этого совершенно чуждаго нашимъ нравамъ преступленія. Мы отнюдь ничего не имѣемъ собственно противъ смягченія репрессивныхъ мѣръ противъ поединковъ, и не особенно тоскуемъ о петровскомъ законодательствѣ, которымъ предписывалось дуэлистовъ «безъ милости повѣсити живаго и мертваго за ноги». Мы желали бы, напротивъ, чтобы гуманное и добросовѣстное изслѣдованіе «объясняющихъ и слѣдовательно уменьшающихъ вину» обстоятельствъ получило самое широкое приложеніе ко всякаго рода уголовнымъ дѣламъ, чего при старомъ судопроизводствѣ и при старыхъ порядкахъ вообще и быть не могло. За нами, на рукахъ нашей исторіи осталась безобразная куча соціальныхъ контрастовъ. Общество было разбито въ общихъ чертахъ на двѣ группы, изъ которыхъ каждая жила своею отдѣльною нравственною, умственною и экономическою жизнью и не понимала жизни другой группы. Для отдѣльныхъ дробей русской интеллигенціи взаимное пониманіе было возможно, потому что дроби эти ежеминутно сливались и сталкивались въ учебныхъ заведеніяхъ, на службѣ и т. д. Но вся интеллигенція въ цѣломъ не хотѣла и не могла знать, чѣмъ живутъ тѣ, которые, по выраженію одной недавно попавшейся намъ подъ руку русской книженки, «какъ пчелы собираютъ для насъ медъ». Точно также и для «пчелъ» было недоступно пониманіе жизни «интеллигенціи». Правда, на ихъ пониманіе и запроса не было. Пусть крестьянинъ, рабочій, мѣщанинъ, купецъ средней руки изумляется и возмущается поведеніемъ Лемана,—а еслибы онъ смѣлъ свое сужденіе имѣть, онъ непремѣнно изумился и возмутился бы, потому что мотивы этого поведенія для него совершенно чужды и непонятны,—интеллигенція, изъ среды которой вышелъ Леманъ и для которой были ясны его порывы усердія и негодованія,

http://rcin.org.pl

нашла «объясняющія и слѣдовательно уменьшающія вину» обстоятельства, и онъ, собственно говоря, наказанія не потерпѣлъ. Пусть сибиряки съ изумленіемъ останавливаются передъ дуэлью, не понимая, за что и для чего люди убиваютъ другъ друга,— интеллигенція, знающая цѣну условій чести, разберетъ дѣло. Каждому изъ членовъ ея самому случалось или могло случиться быть въ положеніи оскорбленнаго въ виду общественнаго мнѣнія, жадно слѣдящаго за подобными скандалами и съ презрѣніемъ отворачивающагося отъ человѣка, несмывшаго оскорбленія своею или чужою кровью. Поэтому интеллигенціи понятны всѣ движенія души дуэлиста,—это плоть отъ плоти и кость отъ кости ея, а понять значитъ простить. Совсѣмъ въ другомъ свѣтѣ представляется отношеніе стараго суда къ преступленіямъ низшихъ слоевъ общества. Это были для него явленія большею частью непонятныя и ясно обрисовывалась только объективная сторона дѣла: человѣкъ зарѣзалъ, человѣкъ нанесъ смертельныя раны, человѣкъ поджегъ, укралъ и т. д. Поэтому «объясняющія и слѣдовательно уменьшающія вину» обстоятельства необходимо рѣдко выступали здѣсь на сцену. Вѣковыя перегородки, заслонявшія другъ отъ друга интеллигенцію и «пчелъ», не дозволяли интеллигенціи проникнуться жизнью народа и собственной, такъ сказать, шкурой прочувствовать тотъ гнетъ условій, который велъ къ преступленію не менѣе неумолимо, чѣмъ страхъ общественнаго презрѣнія и нареканія велъ къ дуэли дуэлиста. Интеллигенція наталкивалась въ преступленіяхъ нижнихъ этажей общественнаго зданія только на голые факты; причины фактовъ были для нея заслонены туманомъ ея собственныхъ воззрѣній и понятій. Она не видѣла и не могла видѣть почвы, на которой выросли эти факты, они висѣли для нея на воздухѣ, и, при видѣ тупаго звѣрства, безпробуднаго пьянства и страшнаго невѣжества въ средѣ «пчелъ», ничего, кромѣ словъ кары и угрозы, не приходило ей на языкъ. Чтобы видѣть тѣ пружины, подъ вліяніемъ которыхъ явился возбудившій ея ужасъ и негодованіе фактъ, интеллигенція должна бы была мысленно стать на мѣсто преступника и шагъ за шагомъ пройти его невеселую темную

http://rcin.org.pl

жизнь. А возможно ли это было для нея, выросшей въ совершенно иныхъ условіяхъ, съ молокомъ матери всосавшей условныя понятія о чести и презрѣніе къ тому, что тамъ внизу копошится, обливаясь потомъ, и постепенно вязнетъ въ нравственномъ болотѣ, подъ бременемъ непомѣрнаго труда и невѣжества? Во всякомъ случаѣ, это было возможно для немногихъ избранныхъ. Большинство же, даже предположивъ полную добросовѣстность, по самой силѣ вещей не могло стать на совершенно чуждую ему точку зрѣнія.

Въ 1855 году въ Новогрудскомъ уѣздѣ свирѣпствовала холера. Крестьяне деревни Окоповичъ «прибѣгали къ частому употребленію водки, какъ единственному средству, способному, если не предохранить ихъ отъ холеры, то по крайней мѣрѣ заставить менѣе чувствовать свое безвыходно бѣдственное положеніе». Разъ двое крестьянъ везли хоронить своихъ только что умершихъ дѣтей. По дорогѣ къ печальной процессіи присоединилось еще нѣсколько человѣкъ, и между прочими крестьянинъ Казакевичъ, сотскій и крестьянка Манькова, старуха. Манькову уговорили идти на похороны сотскій и Казакевичъ. Они имѣли въ виду вмѣстѣ съ дѣтскими трупами похоронить и ее, такъ-какъ они слышали, что самое вѣрное средство прогнать холеру состоитъ въ томъ, чтобы закопать въ землю живую старуху и что дѣло это уже испытанное. И Манькову дѣйствительно похоронили съ дѣтьми... Но холера не прекратилась и вслѣдъ за Маньковой свела въ могилу всѣхъ главныхъ дѣятелей ужасныхъ похоронъ. Остался въ живыхъ одинъ Казакевичъ, на котораго и обрушилось наказаніе. Приговоръ по этому дѣлу Минской уголовной палаты гласитъ такъ: «.... Казакевича, виновнаго (въ сообществѣ съ другими лицами) въ убійствѣ съ обдуманнымъ заранѣе намѣреніемъ крестьянки Маньковой, зарытіемъ ее живою въ землю—по предразсудку, что чрезъ это прекратится смертность отъ холеры, на основанія ст. улож. 21-й степени 3,125-й и 1,925-й, лишивъ всѣхъ правъ состоянія, наказать публично въ городѣ Новогрудкѣ черезъ палача плетьми семьюдесятью ударами съ наложеніемъ клеймъ и потомъ сослать въ каторжную

http://rcin.org.pl

работу въ рудникахъ на двѣнадцать лѣтъ; но, не приводя заключенія сего въ исполненіе, по необычайности совершеннаго Казакевичемъ преступленія, представить это дѣло, на основаніи 158-й статьи улож., на благоусмотрѣніе правительствующаго сената». Сенатъ утвердилъ рѣшеніе палаты.

Преступленіе дѣйствительно «необычайное», страшное преступленіе. Но нѣтъ-ли какихъ нибудь «объясняющихъ и слѣдовательно уменьшающихъ вину» обстоятельствъ въ страшномъ положеніи крестьянъ, дрожащихъ ежеминутно за свою жизнь, за жизнь своихъ женъ и дѣтей, въ той паникѣ, которую они испытали отъ холеры, и наконецъ въ предразсудкѣ, дикомъ, варварскомъ, нелѣпомъ, но вѣдь въ другихъ случаяхъ дикіе, варварскіе, нелѣпые предразсудки принимаются же въ соображеніе при оцѣнкѣ факта? Почему-же въ одномъ случаѣ предразсудокъ, ведущій къ убійству, объясняетъ и слѣдовательно уменьшаетъ вину преступника, а въ другомъ ничего не объясняетъ?

Въ нѣкоторыхъ нашихъ губерніяхъ народъ имѣетъ совершенно своеобразный взглядъ на лѣсную собственность: онъ твердо увѣренъ, что лѣсъ — божій, и что поэтому имъ можетъ пользоваться всякій, кто только въ немъ нуждается. Незаконная порубка лѣса весьма часто коренится въ этомъ убѣжденіи и въ такомъ случаѣ представляетъ фактъ, аналогичный съ дуэлью по убѣжденію, съ тою разницей, что дуэль у насъ есть явленіе наносное, а приведенный взглядъ на лѣсную собственность коренной русскій. И тѣмъ не менѣе извѣстное дворянское убѣжденіе, лежащее въ основѣ дуэли, служитъ къ оправданію дуэлиста, хотя оно еще болѣе дико, чѣмъ крестьянское убѣжденіе, изъ котораго выростаетъ лѣсная порубка; а послѣднее никогда и нигдѣ не было принимаемо въ соображеніе при опредѣленіи мѣры наказанія. И это очень понятно, потому что то хоть дико да свое, а это чужое.

Такимъ образомъ вся тяжесть взаимнаго непониманія обру-

http://rcin.org.pl

нивалась, по отношенію къ занимающимъ насъ вопросамъ, на нижніе слои общества. Нынѣ въ принципѣ какъ контрасты эти, такъ и это непониманіе готовы исчезнуть. Мы говоримъ — въ принципѣ, потому что въ нѣсколько лѣтъ не можетъ расшататься то, что росло и крѣпло вѣками. И не одинъ годъ энергической борьбы предстоитъ еще подрастающей Россіи, и богъ знаетъ, какъ она поведетъ эту борьбу... Можно однако съ нѣкоторою вѣроятностью предсказать нѣкоторыя ближайшія фазы нашего общественнаго развитія. Отмѣна крѣпостнаго права уничтожила наиболѣе грубые и рѣзкіе контрасты, выставивъ новый общественный принципъ свободнаго труда съ одной стороны и призвавъ съ другой къ труду тѣхъ, кто прежде не имѣлъ объ немъ понятія. Остальныя реформы имѣютъ тотъ же смыслъ, и весьма видная въ этомъ отношеніи роль предстоитъ суду присяжныхъ. Каково бы ни было юридическое значеніе этого института, его громадное политическое значеніе несомнѣнно. Имъ дается голосъ доселѣ безмолвнымъ общественнымъ элементамъ, элементамъ, доселѣ только судимымъ и никогда не судившимъ, вмѣстѣ съ чѣмъ расширяется область «объясняющихъ и слѣдовательно уменьшающихъ вину» обстоятельствъ. То, что было непонятно и необъяснимо для однообразнаго состава стараго суда и слѣдовательно безусловно подлежало репрессіи, можетъ оказаться совершенно понятнымъ и объяснимымъ для суда присяжныхъ. Возможенъ, разумѣется, и обратный случай. Такъ именно по дѣламъ о дуэляхъ трудно ожидать отъ суда присяжныхъ (смотря, впрочемъ, по составу его въ каждомъ частномъ случаѣ) снисхожденія, какимъ отличался старый судъ. Сибиряки, непонимавшіе изъ-за чего и для чего дерутся Беклемишевъ съ Неклюдовымъ, едва-ли вразумились бы доводами адвоката и, по всей вѣроятности, видѣли бы тутъ простое убійство, а на вопросъ о смягчающихъ обстоятельствахъ отвѣчали бы отрицательно. Но уровень взаимнаго пониманія вообще долженъ необходимо возвыситься. Мы, впрочемъ, полагаемъ, что система, принятая нашимъ старымъ судомъ относительно дуэлей (это дѣйствительно была система, хотя совер-

http://rcin.org.pl

шенно безсознательная, непосредственная, обусловливающаяся единственно тождествомъ понятій суда и подсудимыхъ) имѣла крайне неблагопріятные результаты. Каждый приговоръ формулировался такимъ образомъ, что имъ еще пуще разжигались укоренившіеся взгляды на необходимость въ извѣстныхъ случаяхъ дуэли, и понятное дѣло, что въ виду цѣлаго ряда такихъ приговоровъ, не принять вызова становилось еще труднѣе. Общество видѣло, что сама судебная власть смотритъ на дуэль, какъ на необходимую дань извѣстному предразсудку, который вслѣдствіе этого получалъ въ его глазахъ высшую санкцію. А между тѣмъ, судъ поступалъ несомнѣнно гуманно и справедливо. Совершенно точно также гуманно и справедливо поступаютъ французскіе присяжные, находя въ стыдѣ, нищетѣ и проч. мотивы для смягченія наказанія и даже оправданія огромнаго процента матереи-дѣтоубійцъ. Но тѣмъ не менѣе число дѣтоубійствъ растетъ во Франціи необычайно быстро. Ясно, что здѣсь, кромѣ удовлетворенія чувствъ справедливости и гуманности, требуется еще прямое воздѣйствіе на самый корень явленія, что выходитъ изъ области суда, но составляетъ существенную задачу уголовной политики. А для этого опять-таки нужно изученіе причинъ преступленія и затѣмъ пріисканіе средствъ для парализированія этихъ причинъ. Поэтому, рядомъ съ оправдательными приговорами по дѣламъ о дуэляхъ должны были бы идти мѣропріятія, цѣль которыхъ есть установленіе правильныхъ понятій о чести и безчестіи. Если принять въ соображеніе, что дуэль есть у насъ явленіе наносное и что мы въ этомъ отношеніи находимся въ положеніи гораздо болѣе выгодномъ, чѣмъ Западная Европа, то нетрудно видѣть, что она у насъ не можетъ отличаться особенною живучестью, хотя дѣйствовать на нее непосредственно весьма трудно. Какъ атрибутъ «благородства» и одинъ изъ символовъ отличія отъ «подлыхъ» классовъ, она въ значительной степени колеблется уже реформами послѣдняго десятилѣтія.

Дуэль у насъ принимаетъ иногда формы необыкновенно комическія. Такова, напримѣръ, несостоявшаяся дуэль майора Щедро и поручика Артемовскаго-Гулака (1860), исторію кото-

http://rcin.org.pl

рой мы, впрочемъ, передавать не будемъ. А разскажемъ лучше о томъ, какъ подпоручикъ Правиковъ зарѣзалъ генералъ-майора Казачковскаго (1846 г.). Въ апрѣлѣ 1845 г., Правиковъ по какому-то случаю «за неприличіе» выслалъ изъ офицерскаго общества унтеръ-офицера изъ вольноопредѣляющихся Петрова. За Петрова вступились два офицера и требовали, чтобы Правиковъ стрѣлялся съ Петровымъ. Но какъ въ этотъ разъ, такъ и при слѣдующихъ настояніяхъ товарищей Правиковъ отказался «отъ столь неравной по званію противниковъ дуэли», за что наконецъ Петровъ далъ ему пощечину. Правиковъ жаловался полковому командиру Казачковскому, который назначилъ слѣдствіе. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Казачковскій старался убѣдить его покончить дѣло домашнимъ образомъ и для удовлетворенія его обѣщалъ унтеръ-офицера Петрова высѣчь. Правиковъ согласился и подалъ рапортъ о прекращеніи своего иска. Но обѣщанія своего высѣчь Петрова Казачковскій не исполнилъ, такъ что Правиковъ подвергся общимъ насмѣшкамъ. Въ августѣ того же года Правиковъ жаловался на такой образъ дѣйствія Казачковскаго. Но дѣло кончилось тѣмъ, что Правиковъ былъ отправленъ на службу въ другой батальонъ. По прибытіи туда, онъ опять два раза жаловался, и на этотъ разъ Петровъ понесъ незначительное наказаніе, а Правиковъ за принесеніе жалобъ мимо ближайшаго начальства былъ арестованъ на двѣ недѣли и прикомандированъ къ другому полку. Послѣ этого онъ опять жаловался, но удовлетворенія все-таки не получилъ, а только еще разъ былъ прикомандированъ уже къ третьему полку. Тогда Правиковъ, послѣ самовольной отлучки съ мѣста службы, скрывательства и другихъ рискованныхъ дѣлъ, добрался до Казачковскаго и зарѣзалъ его кинжаломъ, за что и былъ сосланъ въ каторжную работу въ рудники на вѣки. Слѣдовавшей ему по закону смертной казни Правиковъ избѣжалъ, кажется, благодаря запутанности дѣла.

Правиковъ есть жертва нашихъ условныхъ понятій о чести, и жертва главнымъ образомъ въ виду не длиннаго ряда годовъ непроглядной жизни на каторгѣ, а въ виду одного того несча-

http://rcin.org.pl

стнаго года, который прошелъ со времени полученной имъ пощечины до убійства Казачковскаго.

Его ударилъ солдатъ, и его заставляютъ съ нимъ драться,— и то, и другое мучитъ его, какъ «благороднаго» человѣка, потому что ставитъ въ безвыходное для него противорѣчіе: съ одной стороны, какъ «благородный» человѣкъ, онъ долженъ смыть пощечину кровью,— съ другой, опять-таки какъ «благородный» человѣкъ,—онъ этого сдѣлать не можетъ. Далѣе (мы забыли объ этомъ разсказать), одинъ изъ офицеровъ-заступниковъ ударившаго его унтеръ-офицера предлагаетъ ему драться съ нимъ, заступникомъ. Правиковъ соглашается, но заступникъ не является на назначенное мѣсто—новое оскорбленіе. Затѣмъ Правиковъ желаетъ, чтобы Петрова выдрали, ему обѣщаютъ это, но Петрова не дерутъ, а надъ нимъ смѣются. Онъ жалуется разъ, другой, третій, но изъ этого ничего не выходитъ. Измученный этой нравственной пыткой, онъ рѣшается на самоубійство, какъ видно изъ найденной въ его бумагахъ записной книжки; но откладываетъ свое намѣреніе, и центромъ тяжести его помысловъ и стремленій дѣлается мщеніе насмѣявшемуся надъ нимъ Казачковскому. Сначала онъ хотѣлъ прибить Казачковскаго, когда встрѣтилъ его разъ вечеромъ одного, что и записано имъ самимъ въ той же памятной книжкѣ. Казачковскаго онъ, однако, не прибилъ, потому что «нападеніе на дорогѣ безъ свидѣтелей, счелъ я съ своей стороны неблагороднымъ». Затѣмъ, онъ отправляетъ докладную записку на имя военнаго министра и всеподданнѣйшую жалобу, но, не дождавшись результата этихъ послѣднихъ законныхъ путей къ своему удовлетворенію, убиваетъ Казачковскаго. Одна уже сосредоточенность относительно цѣли при разбросанности въ выборѣ средствъ показываетъ, чего натерпѣлся въ этотъ годъ Правиковъ. Его преслѣдуетъ, какъ тѣнь Банко, полученная имъ отъ солдата пощечина; онъ больше ни объ чемъ не думаетъ, и цѣлью его жизни становится выходъ изъ мучительнаго положенія. Онъ бросается во всѣ двери, безпорядочно, безтолково, лишь бы найти этотъ желанный выходъ, и наконецъ черезъ трупъ Казачковскаго вы-

http://rcin.org.pl

ходитъ прямо на каторгу... Это для него во всякомъ случаѣ выходъ, и, если онъ думалъ, въ моментъ приговора, о только что прожитомъ годѣ психическихъ мукъ и предстоящихъ годахъ каторги,—будущее окрашивалось въ его глазахъ, безъ сомнѣнія, болѣе привлекательнымъ свѣтомъ, чѣмъ прошедшее. Онъ не захотѣлъ бы вернуться назадъ...

VI.

Откуда же это презрѣніе «благороднаго» человѣка къ человѣку «подлаго званія», беззавѣтное и совершенно искреннее презрѣніе, заводящее благороднаго человѣка и въ тундры сибирскія, и въ непроходимыя нравственныя дебри? Да все оттуда же. Благородный человѣкъ не знаетъ подлаго и не можетъ знать, потому что они родятся, ростутъ, живутъ и умираютъ въ условіяхъ, діаметрально противоположныхъ. Поэтому благородный человѣкъ видитъ только внѣшнюю сторону поведенія подлаго человѣка; тогда какъ въ поведеніи человѣка своего круга онъ можетъ прослѣдить всѣ тончайшіе изгибы субъективной подкладки факта; мало того, онъ часто, даже противъ своего желанія, не можетъ не видѣть этихъ изгибовъ, потому что самъ бѣгаетъ, бѣгалъ или готовится бѣжать по той же дорожкѣ. Поэтому для него затруднительно критическое отношеніе къ поведенію такого же, какъ онъ самъ, благороднаго человѣка. Индивидуальныя различія вносятъ, разумѣется, сюда извѣстную, вообще весьма значительную долю разлада. Но тѣмъ не менѣе есть достаточно пунктовъ, на которыхъ въ данный историческій моментъ сходится большинство благородныхъ людей. И такъ-какъ пункты эти обязаны своимъ происхожденіемъ тѣмъ исторически сложившимся условіямъ, среди которыхъ растутъ благородные люди, то понятно, что такихъ пунктовъ тѣмъ больше, чѣмъ больше сходства въ общественномъ положеніи благородныхъ людей, и чѣмъ меньше сходства въ положеніи благородныхъ людей съ одной стороны и людей подлыхъ съ другой. Эти-то пункты и

http://rcin.org.pl

получаютъ первенствующее значеніе въ глазахъ благородныхъ людей, и естественно, что они, при извѣстномъ уровнѣ развитія, относятся съ презрѣніемъ ко всему, что къ этимъ пунктамъ непричастно. Напримѣръ, благородный человѣкъ выработалъ себѣ чистоплотность, которою подлый человѣкъ, за недостаткомъ мыла и свободнаго времени, обзавестись не успѣлъ. Благородный человѣкъ такъ сроднился съ идеей чистоплотности, такъ привыкъ видѣть на своемъ умывальномъ столикѣ кусокъ мыла и удѣлять часть своихъ досуговъ на мытье, что ему и въ голову не приходитъ возможность отсутствія этого мыла и этихъ досуговъ. Онъ видитъ немытаго человѣка и презираетъ его, потому что привыкъ уважать чистоплотность, а не привыкъ вдумываться въ положеніе человѣка безъ мыла и досуга. Извѣстенъ совѣтъ, если не ошибаемся, какой-то французской королевы жителямъ города Парижа питаться, по случаю голода, кандитерскими пирожками. Еслибы жители добраго города Парижа пропзвели какой-нибудь кавардакъ (кажется, такъ и было) по случаю голода, то означенная королева, безъ сомнѣнія, отнеслась бы съ презрѣніемъ къ людямъ, которые, не желая довольствоваться пирожками, производятъ кавардакъ. Это примѣръ, можетъ быть, слишкомъ рѣзкій. Но тѣмъ не менѣе большинство благородныхъ людей, сжившись съ извѣстнымъ порядкомъ, всосавъ его въ плоть и кровь, совершенно невольно переносятъ требованія, законныя относительно ихъ, въ такія сферы, гдѣ они дѣлаются совершенно незаконными. И, однако, незаконности этой благородные люди не замѣчаютъ и награждаютъ чуждыя имъ сферы презрѣніемъ. Чѣмъ, далѣе, пункты въ родѣ чистоплотности исключительнѣе для нѣкоторой группы, тѣмъ они, такъ-сказать, обязательнѣе для каждаго отдѣльнаго ея члена, тѣмъ легче онъ съ ними сживается, и тѣмъ понятнѣе становится для него все, что совершается въ средѣ, въ которой царятъ усвоенные имъ пункты и къ которой онъ самъ принадлежитъ. Поэтому, если въ этой средѣ и совершается какой-нибудь фактъ, неблаговидный даже съ его точки зрѣнія, онъ имъ не слишкомъ возмущается. Онъ знаетъ причины этого факта, онъ ихъ ощупалъ и обнюхалъ съ пеленокъ, сроднился

http://rcin.org.pl

съ ними, самъ испытываетъ на себѣ ихъ вліяніе, и возмущаться противъ такого факта значило бы нѣкоторымъ образомъ возмущаться противъ самого себя. Но пропорціонально этому отождествленію исключительныхъ интересовъ, понятій и взглядовъ группы съ своими собственными, благородный человѣкъ теряетъ способность понимать явленія, происходящія за предѣлами его святилища. Такъ что, если онъ тамъ встрѣчаетъ неблаговидный фактъ, то для него только то и ясно, что это фактъ неблаговидный, достойный презрѣнія. Здѣсь онъ, совершенно невольно, ставитъ каждое лыко въ строку. Встрѣчаетъ благородный человѣкъ пьянаго. Если этотъ пьяный тоже благородный человѣкъ, то первый благородный человѣкъ, вообще говоря, не посмотритъ на него съ отрицательнымъ чувствомъ. Онъ знаетъ, что благородный человѣкъ можетъ напиться съ горя, и знаетъ, съ какого именно горя, знаетъ, что его можетъ одолѣвать утонченная болѣзнь, въ родѣ taedium vitae, что онъ можетъ напиться по случаю чьего-нибудь пріѣзда или отъѣзда, по случаю именинъ, крестинъ, родинъ, и т. д. Все это причины для благороднаго человѣка ясныя, знакомыя, дѣйствіе которыхъ онъ самъ не разъ испытывалъ. Но вотъ идетъ пьяный мужикъ. Этотъ съ чего напился? Есть у него, разумѣется, свои радости и горести, но благородный человѣкъ ихъ не знаетъ, оцѣнить не можетъ, а между тѣмъ твердо помнитъ, что пьянство порокъ. Слѣдовательно, если тотъ пьяный благородный человѣкъ достоинъ сожалѣнія или сочувствія, то этотъ пьяный мужикъ можетъ возбудить только презрѣніе. Какъ знаніе причинъ явленія стираетъ значеніе самаго явленія, такъ незнаніе ихъ дѣлаетъ фактъ болѣе выдающимся, болѣе рѣзко бросающимся въ глаза. Солнечное затмѣніе есть для первобытнаго человѣка предметъ ужаса, можетъ быть негодованія на божества, оставившія его ни съ того ни съ сего въ потемкахъ; фактъ его поражаетъ. Но разъ онъ узналъ причины затмѣнія, оно становится для него, такъ сказать, на ноги и онъ не ужасается и не негодуетъ. Въ томъ именно и состоитъ великое объединяющее значеніе науки и знанія вообще, что оно вырываетъ почву изъ-подъ ненависти, презрѣнія, ужаса, негодо-

http://rcin.org.pl

ванія. И тѣмъ именно христіанская мораль въ своемъ чистомъ видѣ и высока, и прочна, что ея задача та же самая. Это геніальная, по истинѣ божественная программа обновленія міра, потому что лежащая въ основаніи ея любовь требуетъ именно обновленія человѣка, какъ недѣлимаго и какъ члена общества. Любовь пропорціональна взаимному пониманію, а взаимное пониманіе обратно пропорціанально количеству и рѣзкости контрастовъ. Поэтому христіанская мораль воспринимаетъ положительныя стороны всѣхъ половинчатыхъ, кастовыхъ нравственныхъ ученій,—морали браминовъ, кшатріевъ и паріевъ, но не принимаетъ ихъ отрицательныхъ сторонъ. Высоко и цѣлостно развитая личность, не дворянинъ, не мужикъ, не мѣщанинъ, не сапожникъ, не офицеръ, а просто человѣкъ все проститъ, потому что все поймете. Но онъ не удовольствуется голымъ прощеніемъ, потому что видитъ причины зла. Такихъ людей нѣтъ, читатель, но они будутъ. Это даже тургеневскій Уваръ Ивановичъ знаетъ.

Князь Че—кій купилъ за 10,000 руб. у музыканта московскихъ театровъ Аршинина его несовершеннолѣтнюю дочь и лишилъ ее невинности, отчего она помѣшалась и вслѣдъ затѣмъ умерла. Помѣшательство и смерть Аршининой произошли, какъ показало медицинское свидѣтельство, отъ насильственнаго, чрезмѣрнаго совокупленія. Въ дѣлѣ есть данныя, обрисовывающія Че—каго самымъ отвратительнымъ свѣтомъ. Уличенъ и судимъ онъ былъ только за любодѣяніе съ Аршининой, лишеніе ея дѣвства съ ея согласія, укрывательство означеннаго насильственнаго чрезмѣрнаго совокупленія, ложныя показанія, клеветы на покойницу и склоненіе своихъ крѣпостныхъ къ утайкѣ истины. Но есть и другія, недоказанныя подробности. Князь Че—кій увлекался въ томъ, что далъ Аршининой какое то остро-возбуждающее средство въ видѣ питья; что лишивъ ее невинности, онъ, въ своемъ присутствіи, допустилъ своихъ гостей удовлетворить на ней свою животную страсть. Увертывался, лгалъ и клеветалъ князь Че—кій на судѣ самымъ безсовѣстнымъ образомъ. И тѣмъ не менѣе поведеніе князя Че—каго навѣрное пока-

http://rcin.org.pl

жется «благороднымъ» людямъ столь постыднымъ и позорнымъ, какъ поступокъ отца Аршинина. Въ пользу Че—каго будутъ говорить его молодость, кипучая кровь и т. д. Мы боимся сказать банальную истину, если прибавимъ, что найдутся люди, которые назовутъ Че—каго даже молодцомъ, хватомъ, а у многихъ старцевъ, при чтеніи его процесса, потекутъ слюнки. Но не найдется извиненія отцу, соблазнившемуся на 10,000. Это будетъ, конечно, въ значительной степени лицемѣріе, потому что многіе изъ тѣхъ, кто броситъ камнемъ въ голыша Аршинина, сами продавали дочерей, хоть для законнаго сожительства. Теперь спросите же «подлаго» человѣка,—на чьей сторонѣ будетъ его сочувствіе: на сторонѣ ли развращеннаго до мозга костей мальчишки князя Че—каго, пропитавшагося духомъ барскихъ оргій, имя котораго г. Любавскій такъ любезно скрываетъ, или на сторонѣ жалкаго музыканта, кормившаго семью на какіе нибудь полтора десятка рублей въ мѣсяцъ и вздумавшаго вдругъ разбогатѣть или даже обогатить свою дочь (судя по фактамъ, это вѣрнѣе) цѣною ея чести? Въ то время, какъ благородный человѣкъ съ необычайною легкостью переживетъ мысленно жизнь Че—каго, и поставивъ такимъ образомъ себя на его мѣсто, не найдетъ слова кары и негодованія, въ это время передъ подлымъ человѣкомъ пройдетъ вся жизнь Аршинина, голодные и холодные дни и годы, семья, ежеминутное шествіе «сквозь строй жизненныхъ обстоятельствъ», затѣмъ щемящая внутренняя борьба, наконецъ, страшное, всескупляющее отчаяніе, — и подлый человѣкъ проститъ Аршинину, но не проститъ князю Борису Че—кому... А у васъ, читатель, вотъ еще два подсудимыхъ, кромѣ Че—каго и Аршинина: подлый человѣкъ и благородный человѣкъ...

И такъ, презрѣніе благороднаго человѣка къ человѣку подлаго званія сводится къ простому непониманію, растущему паралельно и пропорціонально узкому пониманію своихъ собственныхъ интересовъ и отождествленію себя съ группой исключительныхъ понятій. Но если это презрѣніе и имѣетъ свои причины, то затѣмъ остается еще вопросъ объ его основательности

http://rcin.org.pl

т.-е. о томъ, на сколько въ дѣйствительности благородный человѣкъ стоялъ выше подлаго въ нашемъ недавнемъ прошедшемъ, которымъ мы въ настоящей статьѣ только и заняты. Требуется узнать, на сколько условія жизни благородныхъ людей были способнѣе выработать людей нравственныхъ, нежели условія жизни людей подлыхъ. Не наше дѣло отвѣчать на этотъ вопросъ уже просто потому, что у насъ подъ руками только плохіе сборники г. Любавскаго и нѣтъ статистическихъ данныхъ, въ этомъ случаѣ необходимыхъ. Мы можемъ указать только нѣкоторые, весьма скудные матеріалы для отвѣта на этотъ вопросъ, и при томъ, по смыслу нашей скромной и невеселой задачи, матеріалы односторонніе. Повѣсти о блистательныхъ подвигахъ нашихъ дворянъ на сушѣ и на морѣ, на полѣ брани и въ мирной гражданской жизни, на поприщѣ филантропіи и науки, науки и искусства,—этой праздничной повѣсти нѣтъ мѣста среди мрачной исторіи тѣхъ, кого переѣхали колеса тріумфальной колесницы русской исторіи и кого мы взялись представить читателю. При томъ же лицевая сторона всѣмъ извѣстна, и разсказомъ о доблестяхъ нашихъ дворянъ никого не удивишь. А главное мы имѣемъ дѣло только съ изнанкой, только съ темными сторонами русской жизни и потому не только русскими Аристидами, Сократами и Мильтіадами не можемъ заняться, но даже тѣми простыми смертными, кои, не отличаясь какими-либо особыми доблестями, мирно пользовались предоставленными имъ закономъ правами. Все это, разумѣется, затрудняетъ возможность общихъ выводовъ. Положимъ, мы захотимъ посмотрѣть на взаимныя отношенія членовъ дворянской семьи. Здѣсь мы должны бы были принять въ соображеніе, вопервыхъ, подвиги необычайной преданности и непреоборимой вѣрности, каковые несомнѣнно были, есть и будутъ. Но эти свѣтлые факты для насъ не существуютъ. Кстати, и къ счастію, Монтіоновской преміи за добродѣтель у насъ не даютъ, и русской добродѣтели приходится въ тиши удовлетворяться сознаніемъ своего величія. Далѣе мы должны бы были заняться такими семьями, въ которыхъ хотя россіянки и не умираютъ на гробахъ своихъ супруговъ, но тѣмъ не менѣе

http://rcin.org.pl

папенька пользуется предоставленнымъ ему правомъ любить маменьку, а маменька—предоставленнымъ ей правомъ бояться папеньки. Но и эти сѣренькія картинки не укладываются въ предназначенныя нами себѣ рамки. Такъ что намъ только и остается, что разсказывать мрачныя страницы жизни, обведенныя зловѣщей черной траурной каемкой. Да вдобавокъ и выборъ представляется намъ не особенно богатый. Воспользуемся однако тѣмъ, что есть.

Въ октябрѣ 1855 г. калужскій помѣщикъ Черновъ проживалъ въ Москвѣ. Черновъ былъ человѣкъ очень богатый. Разъ кондукторъ желѣзной дороги принесъ къ нему на квартиру письмо и посылку, состоявшую изъ ящика въ аршинъ длины и въ три четверти аршина ширины и вѣсившую около четырехъ пудъ. На конвертѣ письма, кромѣ адреса, было написано: «При семъ слѣдуетъ посылка. Если Чернова въ Москвѣ нѣтъ, то записку распечатать и исполнить, что въ ней сказано». Распечатавъ письмо, Черновъ прочиталъ слѣдующее: «Посылка сія съ документами, если не застанетъ уже Чернова въ Москвѣ, то надлежитъ ее отправить къ нему и по телеграфу дать отвѣтъ. Въ полученіи же сей посылки за четырьмя печатями снабдить посланнаго надлежащею росписью безъ упоминанія о приложенныхъ документахъ, буде записка будетъ нераспечатана. Марья Жукова». Внизу было приписано: «Чернову отыскать меня можно въ Дрезденѣ или у Шевалье, съ тѣмъ чтобы на дняхъ мы могли видѣться и переговорить обо всемъ подробно». Кромѣ того въ конвертѣ былъ особый запечатанный пакетъ съ надписью: «ключъ въ собственныя руки». Почеркъ былъ Чернову незнакомый, никакой Марьи Жуковой онъ не зналъ, посылка и документы вѣсили четыре пуда,—все это показалось Чернову подозрительнымъ и потому онъ далъ знать объ этомъ случаѣ полиціи. Квартальный надзиратель, въ присутствіи шести свидѣтелей, вскрылъ ящикъ. Тамъ оказалась запертая шкатулка съ выдвижной крышкой. Надзиратель отперъ шкатулку приложеннымъ къ посылкѣ ключомъ и затѣмъ потянулъ къ себѣ выдвижную крышку. Послышался трескъ, а вслѣдъ за тѣмъ ящикъ съ оглушительнымъ уда-

http://rcin.org.pl

ромъ взорвало и всѣ присутствующіе получили незначительныя раны осколками дерева и стекла; дверь въ комнатѣ выбило, полъ былъ поврежденъ, а на стѣнахъ найдены сплющенныя свинцовыя пули. Въ числѣ обломковъ посылки оказались битыя бутылки, пистолетный стволъ, пистолетъ, мѣдная кастрюля и проч. Ясно было, что на жизнь Чернова покушались посредствомъ адской машины. Началось слѣдствіе. Черновъ заявилъ, что онъ никакой Жуковой не знаетъ, ни на кого подозрѣнія не имѣетъ, но полагаетъ, что это дѣло личной къ нему мести или желанія воспользоваться его имуществомъ послѣ его смерти. Въ гостинницахъ Дрезденъ и Шевалье ничего подозрительнаго не оказалось. Имѣя въ виду предположенія Чернова о желаніи воспользоваться его имуществомъ послѣ его смерти, какъ о вѣроятномъ мотивѣ покушенія, слѣдственная коммиссія отправила одного изъ своихъ членовъ для секретнаго дознанія въ калужское имѣніе Чернова, гдѣ у Чернова были жена и дѣти. Жена Чернова отозвалась совершеннымъ недоумѣніемъ на счетъ личности преступника. Слѣдственная коммиссія между тѣмъ нашла въ бумагахъ Чернова письмо отъ какой-то женщины, въ которомъ ему дѣлались попреки за отказъ дать взаймы денегъ; далѣе авторъ письма говорилъ, что въ рукахъ у него есть тайна, отъ которой «зависитъ вся жизнь» Чернова, но тайны этой онъ ему не сообщитъ въ отместку за недачу денегъ. Черновъ объяснилъ, что письмо это онъ получилъ незадолго до покушенія отъ нѣкоей вдовы поручика Шабловской. Шабловскую отыскали. Она объяснила, что у нея есть знакомая дѣвица дворянка Луковичъ, которой очень хотѣлось познакомиться съ Черновымъ, и что эта Луковичъ разсказывала ей слѣдующее: одинъ молодой человѣкъ предлагалъ ей, Луковичъ, нанять дачу, помѣстить туда «дѣвицъ вольнаго обращенія» и заманить туда Чернова, пользуясь его слабостью къ женскому полу; затѣмъ, молодой человѣкъ предполагалъ напоить Чернова до пьяна и, когда онъ уснетъ, обобрать его. Это-то и была тайна, о которой Шабловская писала Чернову. Отыскали дворянку Луковичъ. Она показала, что планъ обобрать Чернова былъ ей предложенъ отставнымъ штабсъ-рот-

http://rcin.org.pl

мистромъ Телепневымъ, и выразила подозрѣніе на него и относительно присылки адской машины. Отыскали Телепнева, и онъ скоро признался, что адскую машину приготовилъ и послалъ Чернову дѣйствительно онъ. Но затѣмъ относительно причинъ, побудившихъ его покуситься на жизнь Чернова, онъ давалъ такія разнорѣчивыя показанія, что добраться въ нихъ до истины можно, только принимая въ соображеніе показанія другихъ прикосновенныхъ къ дѣлу лицъ, въ особенности жены Чернова. Дѣло было въ сущности такъ. За два года передъ покушеніемъ Телепневъ познакомился съ Черновой подъ именемъ князя Кочубея и произвелъ на нее сильное впечатлѣніе. Такъ что когда онъ признался, что онъ самозванецъ, она тѣмъ не менѣе бывала у него на квартирѣ въ Калугѣ, въ Москвѣ и въ Петербургѣ. Тутъ происходили у нихъ довольно странные разговоры о возможности для Черновой овдовѣть, и Телепневъ даже предлагалъ разныя средства для ускоренія этого событія, — отраву, дуель. Трудно рѣшить, какъ Чернова принимала эти предложенія,— въ видѣ ли шутки, или въ видѣ серьезныхъ намековъ, или наконецъ просто пропускала ихъ мимо ушей. Несомнѣнно только то, что она Телепнева любила, а тому хотѣлось жениться на деньгахъ ея мужа. Дѣло кончилось адской машиной, и Чернова оставлена въ подозрѣніи въ томъ, что она «подъ вліяніемъ непріязни къ мужу съ намѣреніемъ не донесла о умыслѣ Телепнева на его жизнь».

Штабъ-лекарь Николаевъ обвинялся въ утопленіи жены своей, урожденной баронессы Шлиппенбахъ (1850 г.?). Мотивомъ убійства предполагались семейныя ссоры Николаевыхъ по поводу связи Николаева съ крестьянкой Фіоной Савельевой. Николаевъ по суду въ убійствѣ не изобличенъ, и потому мы приведемъ только часть переписки Николаева съ женой и тёщей. Переписка эта относится къ тому времени, когда Николаева, вслѣдствіе семейныхъ передрягъ, уѣхала въ имѣніе матери. Мы приведемъ только два письма. 1) «Ma chère femme, писалъ Николаевъ, вамъ извѣстно, что я отмѣнно недоволенъ былъ вашей прислугой, а вы, по расположенію своему къ ней, не дѣлали имъ ни-

http://rcin.org.pl

какого препятствія; посему я вынужденнымъ нашелся ее перемѣнить и отослать обратно, откуда она ко мнѣ пришла. Я нанялъ Фіону съ ея мужемъ. Сдѣлай одолженіе, прошу тебя, молю тебя, не говори мнѣ никогда, не клевещи, что у меня нехороша услуга, колдуньи, колдуньи!... ничего не видя отъ этихъ людей худаго, нельзя такъ безпокоить и огорчать son mari. Я терпѣлъ и мучился четыре мѣсяца, пора быть и концу. Когда поѣдешь ко мнѣ, возьми съ собой одну женщину или дѣвку чесать тебѣ головку и распоряжайся ею какъ тебѣ хочется, а мое хозяйство, нашъ столъ поручи своему mari. Adieu ma femme».

2) Письмо Николаевой къ мужу: «Ты пишешь, что жена должна повиноваться мужу, но и мужъ долженъ беречь жену, а ты меня убилъ; ты прежде времени хочешь свести меня въ могилу. Одинъ Богъ видитъ, проходитъ ли день, чтобы я не плакала; грустно видѣть, что не любовь твоя ко мнѣ заставляетъ тебя послать за мной, а то что нужна тебѣ Фіона; она будетъ хозяйничать, а я буду портить хозяйство, поправленное Фіоной. Развѣ ты не можешь нанять кромѣ ея, я сама готова быть работницей, не сходить со двора, только быть покойной, а я не могу быть покойной и жить когда будетъ эта женщина у тебя. Господи, какъ больно получать удары отъ близкихъ себѣ. Я на дняхъ пріѣду, и если Фіоны не будетъ, то я не только готова жить, но быть слугой твоей; а если, какъ говоришь, что безъ Фіоны тебѣ и меня не нужно, то тогда ясно будетъ видно, что *тебѣ жена не нужна*. Ты скучаешь самъ отъ себя, а я грущу отъ тебя, болѣю сердцемъ о своемъ несчастіи; все мое упованіе на Владычицу, она мнѣ возвратитъ тебя. Ужасно читать твое письмо и знать цѣль его, что тебѣ нужна *я для Фіоны*. Я бы очень желала сказать до свиданія, но я очень несчастна, чтобъ вѣрить въ счастіе, счастіе не для меня, цалую тебя, такъ—какъ люблю тебя».

Утопилъ ли Николаевъ жену или не утопилъ, но уже эти два письма характеризуютъ ту драму, которая ежедневно разыгрывалась въ домѣ Николаевыхъ. А вотъ что пишетъ своей женѣ, женщинѣ двумя головами крупнѣе его, герой другой

http://rcin.org.pl

драмы, также не приведенной въ ясность: «Съ встрѣтившимся товарищемъ я заѣхалъ въ свой трактиръ, тамъ мы выпили бутылку хересу, другую, третью; тогда стало невесело, а чего-то досадно; дождь не переставалъ, а увеличивался, духъ же нашъ хотѣлъ бодрствовать. Мы отправились къ мадамъ С—ной *), несмотря, что первый часъ ночи и лошади до нельзя измокли... Недоставши тамъ ничего выпить и закусить сладенькимъ, поѣхали въ другое мѣсто, но какъ третій часъ ночи, получили отказъ. Тогда мы отправились въ домъ къ Потапову, напились чаю, выпили графинъ наливки и я, весь обмокшій, въ грязи, въ 6 часовъ утра возвратился домой, легъ спать». Письмо оканчивается такъ: «Наслаждайся, мой вѣрный другъ, пріятностью и удовольствіемъ, сколько можешь и сколько времени захочешь. Награди въ дружеской бесѣдѣ съ своей сестрой прошедшимъ воспоминаніемъ о своихъ печальныхъ проведенныхъ дняхъ, когда радостныхъ намъ съ тобой фортуна не подарила. Цалую тебя, душа моя, отъ чистаго сердца, больше разъ, нежели здѣсь письменныхъ словъ. Прощай еще другъ мой, цалую тебя мысленно, послаще чѣмъ на яву». Въ добавленіе къ этому мы только повторимъ, что эти пошлыя любезности и собственноручные разсказы мужа о своихъ похожденіяхъ получала женщина недюжинная...

Помѣщикъ корнетъ Отраховичъ (1845 г.), имѣя или по крайней-мѣрѣ намѣреваясь имѣть на сторонѣ любовныя шашни, смертельно ранилъ свою жену. Здѣсь въ особенности любопытенъ процессъ приготовленія къ убійству. Отраховичъ выпилъ графинъ водки, вливъ туда предварительно спирту. Затѣмъ за ужиномъ пилъ вино и подчивалъ имъ и жену, говоря при этомъ: «можетъ быть, намъ завтра ничего не будетъ нужно». Послѣ ужина онъ принесъ въ спальню ружье, зарядилъ его и поставилъ въ уголъ. Потомъ онъ легъ съ женою въ постель, шутилъ съ ней, цаловалъ ее и прощался, говоря, что цалуетъ ее въ послѣдній разъ,—«только тебѣ и жить». Она хотѣла поцаловать дѣтей,

*) Что-то въ родѣ публичнаго дома.

http://rcin.org.pl

но онъ сказалъ, что завтра самъ ихъ за нее поцалуетъ. Она наполовину боялась, наполовину принимала все это за шутку, пока Отраховичъ, взявъ ружье, не скомандовалъ «разъ, два, три» и не всадилъ ей зарядъ дроби въ грудь...

Супруги Ломоносовы жили въ первое время послѣ свадьбы мирно и счастливо. Но скоро начали бѣгать между ними черныя кошки. Съ одной стороны Ломоносовъ, управлявшій имѣніями жены, надѣлалъ долговъ и привелъ дѣла въ разстройство. Съ другой, — мужъ подозрѣвалъ жену въ любовной связи сначала съ гувернеромъ Ретте, а потомъ съ капитаномъ Карауловымъ, что, впрочемъ, положительно не доказано, но и не опровергнуто. Наконецъ супруги разъѣхались. Но Ломоносовъ продолжалъ любить и ревновать. Разъ осенью 1848 г. Ломоносова возвращалась изъ гостей ночью въ коляскѣ съ гувернанткой своего сына и капитаномъ Карауловымъ. Когда коляска въѣхала во дворъ, Ломоносова увидѣла на крыльцѣ мужа. Произошло замѣшательство, которое разрѣшилось тѣмъ, что Ломоносовъ выстрѣлилъ изъ пистолета въ коляску, но не попалъ ни въ кого. Дѣло это интересно главнымъ образомъ по тѣмъ разнообразнымъ положеніямъ, въ которыя встали относительно его различныя инстанціи судебной власти. Московскій надворный судъ полагалъ, «на основаніи 111, 121 и 1,922 ст. улож., лишить Ломоносова всѣхъ правъ состоянія и вмѣсто ссылки въ каторжную работу въ рудникахъ безъ срока, перейдя, согласно 144 ст. улож. (ст. 163), къ слѣдующему непосредственно затѣмъ роду наказаній, сослать на поселеніе въ Сибирь». — Московская уголовная палата нашла, что слѣдуетъ «подвергнуть Ломоносова, по силѣ 1,245 ст. улож. изд. 1845 г. (1,300 ст. изд. 1857 г.), денежному взысканію въ 20 рублей». Такъ-какъ въ силу рѣшенія надворнаго суда Ломоносовъ былъ уже въ это время подъ стражей, а по рѣшенію уголовной палаты онъ относительно покушенія оставлялся въ подозрѣніи, то палата постановила, освободивъ его, отдать на поруки.—Московскій военный генералъ-губернаторъ, представляя это дѣло въ сенатъ, находилъ, что сюда ближе подходитъ ст. 1,965 улож. изд. 1845 г.,

http://rcin.org.pl

а потому полагалъ: «выдержать Ломоносова въ тюрьмѣ 4 мѣсяца».—1 отдѣленіе 6 департамента сената заключило: «выдержать Ломоносова въ тюрьмѣ 3 мѣсяца». — Исправляющій должность оберъ-прокурора, къ просмотру котораго поступило сенатское опредѣленіе, предложилъ: «признавъ Ломоносова подлежащимъ наказанію по 1,922 ст. улож., участь его, во вниманіе къ особеннымъ обстоятельствамъ, повергнуть на всемилостивѣйшее воззрѣніе государя императора». — По непринятію предложенія оберъ-прокурора, дѣло перешло на разсмотрѣніе общаго собранія, гдѣ произошло разногласіе. — Министръ юстиціи полагалъ, «лишивъ Ломоносова всѣхъ правъ состоянія, сослать его въ каторжную работу въ рудникахъ безъ срока», и таковое заключеніе было принято высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ государственнаго совѣта. Но затѣмъ послѣдовали высочайшія повелѣнія: 1) 7-го марта 1853 г. объ отправленіи Ломоносова, вмѣсто каторжной работы, на поселеніе въ Якутскую область съ воспрещеніемъ выѣзда изъ нея; 2) 13-го апрѣля 1853 г. объ отдачѣ Ломоносова въ солдаты безъ выслуги; 3) 30-го іюня 1853 г. о совершенномъ помилованіи Ломоносова, такъ-какъ онъ оказался къ военной службѣ неспособнымъ...

Эти, какъ выражается въ другомъ мѣстѣ г. Любавскій, «колебанія правосудія» весьма характеристичны: они показываютъ, какъ произведено было слѣдствіе.

Просматривая въ сборникахъ г. Любавскаго соотвѣтствующія приведеннымъ уголовныя дѣла, возникшія въ крестьянской семьѣ, мы не найдемъ между тѣми и другими никакой качественной разницы: мотивы одни и тѣ же, и различіе не идетъ дальше формы, въ которую выливаются факты. Такъ крестьяне не прибѣгаютъ къ помощи адскихъ машинъ, а рѣшаютъ дѣло топоромъ. Утонченное звѣрство, съ какимъ Отраховичъ заигрывалъ съ женой передъ тѣмъ, какъ убить ее, — здѣсь тоже не встрѣчается. Что же касается до разницы количественной, то она можетъ быть опредѣлена только статистическимъ путемъ. Замѣчательно, что изо всѣхъ дворянскихъ супругоубійствъ, разсказанныхъ у г. Любавскаго, нѣтъ ни одного, въ которомъ

http://rcin.org.pl

признаннымъ убійцей оказалась бы женщина; наоборотъ, въ крестьянской семьѣ, опять-таки насколько она освѣщается сборниками г. Любавскаго, жены составляютъ большинство убійцъ. Эти случайно, кое-какъ собранные факты ничего, разумѣется, не доказываютъ. Но мы думаемъ, что и строго провѣренныя статистическія данныя подтвердили бы это обстоятельство, что однако отнюдь не говоритъ въ пользу особенной нравственности женщинъ образованныхъ классовъ и особенной безнравственности крестьянскихъ женъ. Еслибы указанная нами количественная разница была доказана, то объясненія ея слѣдовало бы искать въ той дряблости русской женщины, цивилизовавшейся при помощи крѣпостнаго права, которая не допускала ее до такой рѣшительной, открытой мѣры, какъ убійство. У цивилизованной женщины были скрытые, косвенные пути, какіе не существовали для крестьянки; а у крестьянки были здоровыя руки, покрытыя такими же мозолями, какъ и руки мужика, какихъ не было у барыни. Поэтому въ то время, какъ крестьянка убивала своего мужа, — барыня съ своимъ разъѣзжалась или падувала его. О сравнительной нравственности или безнравственности этихъ двухъ выходовъ изъ лабиринта семейной жизни мы судить не беремся; да и какъ судить выходы изъ лабиринта? Трудное это дѣло. Намъ приходитъ на память страстная ненависть, съ которою Бѣлинскій отнесся сначала къ такъ-называемому женскому вопросу вообще и къ Жоржъ-Зандовскимъ идеямъ эмансипаціи женщинъ въ частности. Это былъ промахъ, отъ котораго Бѣлинскій и самъ скоро отказался, но промахъ геніальнаго человѣка. Основанія этого вопроса совершенно не ладили со всѣмъ строемъ нашей тогдашней жизни, звучали въ немъ нестерпимымъ диссонансомъ. Бѣлинскій, очевидно, прикинулъ выработанныя Западомъ идеи къ окружавшимъ его, современнымъ ему фактамъ и отступилъ съ негодованіемъ: это была бы ложка меду въ кадкѣ дегтю. Онъ только и видѣлъ въ первое время, что эту противоестественную смѣсь, и потому проклялъ и медъ. Эмансипація дворянокъ прежде эмансипаціи милліоновъ крестьянъ! Было отчего отшатнуться, и отшатнуться не ради какихъ-либо произвольныхъ,

http://rcin.org.pl

педантическихъ понятій о порядкѣ прогресса, но ради живаго внутренняго смысла самыхъ явленій. Всякое освобожденіе совершается или путемъ непосредственнаго вмѣшательства власти, или помощью собственнаго труда и слѣдовательно знанія. Что касается до перваго элемента, то по отношенію къ женскому вопросу онъ не могъ играть важной роли, а трудъ и знаніе... но интеллигенція наша, т.-е. тѣ слои нашего общества, куда только и могли залетать разныя идеи, безъ всякаго труда и знанія были обезпечены самымъ порядкомъ вещей. Такимъ образомъ отъ Жоржъ-Зандовской идеи на русской почвѣ осталась бы одна голая идея свободы чувствъ, которая, при наличныхъ условіяхъ, незамедлила бы превратиться въ простой развратъ, разбавленный либеральной водицей... Мы видѣли просто душевладѣлицъ, яркихъ типовъ душевладѣлицъ-женъ мы у г. Любавскаго не нашли. Но вотъ душевладѣлица-мать.

Въ Москвѣ проживала вдова гвардейскаго капитана, Екатерина Леонтьева. Прежде она жила въ своемъ ярославскомъ имѣніи, но была оттуда выслана по Высочайшему повелѣнію за жестокое обращеніе съ крестьянами и право распоряжаться ими было у нея отнято. Но, если она лишилась, такимъ образомъ, возможности поучать мѣрами кротости крестьянъ, за то у нея оставались дѣти, на которыхъ и сосредоточилась ея материнская любовь. Въ 1851 году московскій военный генералъ-губернаторъ получилъ извѣстіе о крайне жестокомъ обращеніи Леонтьевой съ своимъ девятилѣтнимъ сыномъ Ѳедоромъ. Для удостовѣренія въ справедливости этихъ слуховъ, московскій уѣздный предводитель дворянства, въ сопровожденіи достаточнаго количества постороннихъ лицъ, отправился на квартиру Леонтьевой. Девятилѣтняго сына Леонтьевой нашли запертымъ въ деревянномъ шкапѣ, въ дѣвичьей. «Руки его были связаны сзади по локтямъ бумажнымъ снуркомъ. Блѣдный, изнуренный и худой, онъ былъ одѣтъ въ одной только рубашкѣ, обутъ въ туфляхъ и покрытъ каленкоровымъ чехломъ съ дивана. При медицинскомъ свидѣтельствѣ, на правой сторонѣ лба его былъ замѣченъ шрамъ около вершка и опухоль величиною въ лѣсной

http://rcin.org.pl

орѣхъ; на правой кисти шесть тонкихъ кровавыхъ полосъ; на верхней части праваго предплечія два возвышенія отъ дикаго мяса съ окружной краснотой, происшедшія отъ несовершенно зажившихъ ранъ; на лѣвой кисти три зажившіе шрама, подъ правымъ колѣномъ три красныя пятна, на голени выше лѣвой ступени красноватая полоса и тонкая полоса на ступени, на мизинцѣ лѣвой ноги опухоль и краснота, на дѣторолномъ членѣ головка обнажена и крайняя плоть заворочена». Доктора нашли, что изнуреніе и худосочіе мальчика зависятъ отъ плохаго питанія и жестокаго съ нимъ обращенія. Оказалось слѣдующее. Леонтьева терпѣть не могла всѣхъ своихъ дѣтей и грозила «извести всю Леонтьевщину». Старшіе сыновья съ ней не жили; дочь взялъ къ себѣ, по ея просьбѣ, дядя, потому, что у матери ей жить было невыносимо. Младшаго сына, Ѳедора, Леонтьева постоянно держала въ чуланѣ, въ которомъ, вслѣдствіе щелей въ доскахъ, было холоднѣе, чѣмъ на открытомъ воздухѣ. Оттуда она его выпускала только на ночь и клала спать на голый полъ со связанными руками и привязывала къ мебели; кормила она его небольше двухъ разъ въ день «корками хлѣба, намоченными въ помояхъ». Била она сына страшно и не разъ прямо говорила, что ненавидитъ его, сведетъ въ могилу, что «ей скучно, когда она его не бьетъ». У мальчика развилась привычка къ онанизму, чему, по мнѣнію докторовъ, способствовало запираніе его въ шкафъ и въ чуланъ. Мать «рвала своими ногтями его дѣтородный членъ и прикладывала къ оному горчицу минутъ на 10 и болѣе». Кромѣ того у Леонтьевой былъ и сподвижникъ, поручикъ князь Оболенскій, часто бывавшій у нея въ качествѣ жениха. Разъ, за то, что Ѳедоръ «выпилъ квасъ», Оболенскій до того сѣкъ его, что самъ усталъ и потребовалъ для освѣженія холодной воды, а въ другой разъ ранилъ его полусаблей.

Мы предоставляемъ читателю представить себѣ эту самую мадамъ Леонтьеву обуреваемою идеею свободы чувствъ и жаждущею эмансипаціи. Въ такомъ предположеніи нѣтъ ничего невѣроятнаго, ибо эта мегера получила воспитаніе въ пансіонѣ... Да, эмансипація душевладѣлицы вещь забавная. Не болѣе впрочемъ

http://rcin.org.pl

забавная, чѣмъ политическая свобода душевладѣльцевъ, составляющая завѣтный идеалъ нѣкоторыхъ нынѣ дѣйствующихъ россійскихъ публицистовъ. Любопытно, что эти самые публицисты наиболѣе склонны къ разглагольствованіямъ о необходимости исторической постепенности въ развитіи общества. А между тѣмъ ихъ идеалъ есть нѣчто въ родѣ Колосса Родосскаго, одна нога котораго должна стоять въ XVIII, а другая въ XX вѣкѣ. Къ счастію или къ несчастію, идеалу этому трудно осуществиться; и если одной ногѣ Колосса случится застрять въ XVIII вѣкѣ, то другая будетъ навѣрное тамъ же.

VII.

До сихъ поръ мы ходили съ читателемъ по лужамъ русской крови, натекшей то изъ изодранной спины мужика и солдата, то изъ прострѣленной груди благороднаго дуэлиста, то изъ горла жены, перерѣзаннаго рукой мужа. Мы видѣли образцы возмутительнаго презрѣнія къ человѣку и обращенія съ нимъ какъ съ вещью. Посмотримъ теперь на отношенія русскаго человѣка къ предмету безкровному и безтѣлесному—къ казнѣ.

Кто-то назвалъ Россію страной казнокрадства. Надо сознаться, что въ этомъ нелестномъ для насъ мнѣніи есть своя доля правды. Вездѣ, разумѣется, растрата казеннаго и общественнаго имущества имѣетъ своихъ болѣе или менѣе многочисленныхъ представителей, но едва-ли гдѣ нибудь преступленіе это такъ приглядѣлось, такъ въѣлось въ кровь, какъ у насъ. Не говоря уже о временахъ болѣе отдаленныхъ, мы и теперь то и дѣло слышимъ, что тамъ предводитель дворянства, здѣсь предсѣдатель управы растратили общественныя суммы и что общество не только не возмутилось такимъ опустошеніемъ своихъ кармановъ, но, во вниманіе къ превосходнымъ качествамъ ума и сердца растратившаго, приняло на себя обязанность пополнить растраченное. Это очень характеристическая терпимость, такъ терпятъ корсиканцы вендетту. Мы отлично понимаетъ, что обо-

http://rcin.org.pl

красть Ивана Ивановича нехорошо, Петра Петровича обокрасть тоже дурно, но, какъ народу сѣверному, скудно одаренному воображеніемъ, намъ трудно справиться съ понятіемъ объ обществѣ, личности идеальной, у которой нѣтъ ни глазъ, ни ушей, ни рта, а между тѣмъ есть деньги. Съ понятіемъ о казнѣ справиться, разумѣется, еще труднѣе, и намъ о ней достовѣрно только то и извѣстно, что «казна богата». Казна представляется русскому сознанію въ видѣ чудовищныхъ размѣровъ сундука, набитаго деньгами, изъ котораго можно черпать полною горстью, потому что такъ или иначе, а убыль пополнена будетъ. Причины такого страннаго воззрѣнія должны быть достаточно глубоки. Замѣчательно, что въ артеляхъ весьма рѣдки случаи растраты артельныхъ денегъ выборнымъ казначеемъ. Это объясняется, разумѣется, тѣмъ, что артель имѣетъ опредѣленную цѣль, одинаковую для каждаго артельщика порознь и для всѣхъ вмѣстѣ. Сознавая свою солидарность съ общимъ дѣломъ, ни одинъ изъ нихъ не рѣшается повредить этому дѣлу, потому что это его собственное дѣло. Въ обширномъ государствѣ, раскинувшемся отъ Перми до Тавриды въ горизонтальномъ направленіи и отъ дуэлистовъ до зарывающихъ живыхъ старухъ — въ вертикальномъ,—такое сознаніе солидарности и такая общность задачъ, разумѣется, возможны въ гораздо меньшей степени. Та экономическая и общественная рознь, съ которой мы только что начинаемъ въ принципѣ развязываться, необходимо мѣшала русскому человѣку вдуматься въ источники казенныхъ доходовъ и проникнуться сознаніемъ единства интересовъ, комбинирующихся въ высшемъ государственномъ интересѣ. Тамъ, гдѣ считалось правомѣрнымъ прямое и хроническое житье на счетъ чужаго труда, немыслимо было искреннее и глубокое сознаніе мерзости косвеннаго и, такъ сказать, остраго житья на счетъ трудоваго гроша податныхъ сословій. Душная крѣпостная атмосфера сказалась и здѣсь. И мы не знаемъ ничего поразительнѣе совмѣстнаго существованія у насъ такихъ двухъ чертъ, какъ самыя крайнія теоріи формальнаго, политическаго, горизонтальнаго объединенія Россіи, собиранія земли русской и даже земель сла-

http://rcin.org.pl

вянскихъ и иныхъ съ одной стороны, и полное отсутствіе сознанія единства вертикальнаго, внутренняго, экономическаго и общественнаго съ другой. Это совмѣстное существованіе такихъ контрастовъ поразительно отнюдь не потому, чтобы они были трудно совмѣстимы; напротивъ, благодаря рѣзкости этихъ двухъ чертъ нашей общественной физіономіи, поразительна именно ихъ очевидная, глубокая внутренняя связь. Это масло къ кашѣ, соль къ хлѣбу. Тамъ, гдѣ весь патріотизмъ ушелъ въ барабанно-географическіе взгляды на величіе страны, гдѣ территоріальное расширеніе признается миссіей государства, тамъ, значитъ, порвана внутренняя связь между отдѣльными частями народа. Тамъ забыта та половина народа, который придется одной отдуваться за эту миссію, которая одна понесетъ и кровь свою и свои деньги на осуществленіе миссіи. Тамъ любовь къ отечеству есть любовь къ географическому понятію, т.-е. къ чему-то такому, что не можетъ ни страдать, ни наслаждаться. А любить, дѣйствительно любить можно именно только то, что страдаетъ и наслаждается, потому что любить значитъ переживать страданіе и наслажденіе любимаго предмета. Патріотизмъ, въ буквальномъ значеніи слова, есть любовь отраженная, продуктъ рефлексіи. Не русскую же природу мы любимъ, мерзлую и скупую, не эти сѣренькіе, плюгавые ландшафты. Если они намъ и дороги, то не сами по себѣ, а потому, что тутъ полегли кости милліоновъ близкихъ намъ людей, что земля эта полита дорогими намъ кровью и потомъ. Пусть же не говорятъ о своемъ патріотизмѣ тѣ, которые присвоиваютъ себѣ его монополію. Они меньше чѣмъ кто нибудь имѣютъ на это право. Любить страну нельзя: можно любить людей, живущихъ въ ней, и любимъ мы ихъ тѣмъ крѣпче, чѣмъ мы къ нимъ ближе, чѣмъ понятнѣе намъ ихъ радости и горести, чѣмъ болѣе эти радости и горести совпадаютъ съ нашими собственными, чѣмъ, слѣдовательно, наше собственное положеніе имѣетъ больше сходства съ ихъ положеніемъ. Такое сходство положеній играло до сихъ поръ, какъ извѣстно, на Руси православной не особенно важную роль и проявлялось только въ нѣкоторыхъ экстренныхъ случаяхъ. Бы-

http://rcin.org.pl

вало всѣмъ тяжело, но не бывало всѣмъ легко. О солидарности интересовъ тутъ и рѣчи быть не могло. А потому одна половина народа совершенно безсознательно, неумышленно привыкла смотрѣть на деньги, трудъ и кровь другой половины, какъ на пѣшки, которыя она можетъ какъ угодно двигать для осуществленія своей личной фантазіи, — будь эта фантазія грандіозный политическій планъ, или просто желаніе имѣть пару содержанокъ. И политическіе фантазеры, гордо держащіе знамя Россіи, какими бы демократами они ни прикидывались, и казнокрады,— да простится намъ это сопоставленіе, — одинаково смотрятъ на казну, какъ на неисчерпаемый сундукъ и одинаково игнорируютъ источники его пополненія. Патріоты, въ смыслѣ любовниковъ географическаго понятія, и казнокрады—кровные братья. И оба эти явленія, какъ слѣдствія одной и той же причины, всегда и вездѣ сопутствуютъ одно другому. Припомните великій Римъ, даже не императорскій, а еще республиканскій Римъ, въ которомъ позорный ярлыкъ казнокрадства былъ нерѣдко пришитъ даже непосредственно къ славнѣйшимъ именамъ, обладатели которыхъ наиболѣе раздвинули предѣлы своего отечества. Сципіонъ Африканскій былъ казнокрадъ въ прямомъ смыслѣ слова, Сципіонъ Африканскій, увернувшійся отъ суда гордой и цинической выходкой: «отечеству даютъ отчетъ не въ деньгахъ, а въ дѣлахъ»...

Однако, да проститъ намъ и читатель наше отступленіе. Мы увлеклись нашей нехитрой параллелью, безъ которой, сознаемся, смѣло могли бы обойтись. Пусть Сципіоны преступники, не только какъ прямые казнокрады, а и какъ герои Африканскіе,— въ качествѣ героевъ ихъ будетъ судить потомство. А наше дѣло—представить читателю нѣсколько штукъ настоящихъ казнокрадовъ, которымъ одинаково трудно дать отечеству отчетъ какъ въ деньгахъ, такъ и въ дѣлахъ. Изъ личностей этого рода, фигурирующихъ въ сборникахъ г. Любавскаго, мы начнемъ съ неопытнаго, увлекающагося юноши и окончимъ почтеннымъ, убѣленнымъ сѣдинами старцемъ, который «знаковъ тьму отличій нахваталъ».

http://rcin.org.pl

Повѣсть юности очень коротка. Мичманъ Славичъ, будучи отправленъ для сопровожденія казеннаго груза изъ Кронштадта въ Николаевскъ на Амурѣ (1863 г.), неисправностью судна былъ задержанъ въ Бразиліи, въ Ріо-Жанейро. Тамъ Славичъ былъ введенъ русскимъ посланникомъ въ высшій кругъ общества, который, какъ и всякій высшій кругъ общества, живетъ сыто, пьяно и богато. Славичъ былъ такъ молодъ (ему было 22 года), искушеній было такъ много, казна такъ богата,—и Славичъ надавалъ векселей на морское министерство, по которымъ и было уплачено больше 18,000 рублей.

Славичъ, какъ молодой казнокрадъ, составляетъ исключеніе. Большая часть преступленій этого рода, какъ свидѣтельствуетъ по крайней мѣрѣ западная уголовная статистика, выпадаетъ на долю людей старыхъ, что совершенно понятно. Не говоря уже о нѣкоторыхъ качествахъ молодости, облегчающихъ ей жизнь и устраняющихъ надобность въ незаконныхъ путяхъ, молодые казнокрады составляютъ относительную рѣдкость уже просто потому, что кругъ ихъ дѣятельности и степень ввѣренной имъ власти обыкновенно очень ограничены. Для казнокрадства требуется болѣе или менѣе импонирующее общественное положеніе, достаточно ограждающее отъ подозрѣній и достаточно вліятельное для вовлеченія въ соучастіе или, по крайней мѣрѣ, для полученія молчаливаго согласія очень многихъ людей. Такъ что даже самый размѣръ казнокрадства необходимо пропорціоналенъ чину.

Мы не будемъ входить въ подробности дѣла о командирѣ тульскаго оружейнаго завода, генералъ-майорѣ Лазаревичѣ, все несчастіе котораго состояло въ томъ, что въ семи верстахъ отъ Тулы находилось имѣніе его жены, а при имѣніи былъ винокуренный заводъ; такъ что, благодаря этой близости разстоянія, Лазаревичъ слилъ ихъ воедино: нужны для винокуреннаго завода жены сѣно, люди, чугунъ, лошади — Лазаревичъ всѣмъ этимъ заимствовался изъ казеннаго имущества оружейнаго завода и изъ общественнаго имущества оружейниковъ.

Минуя затѣмъ дѣло о растратѣ въ 1852 г. въ одесскомъ

http://rcin.org.pl

коммерческомъ судѣ и казначействѣ 240,000 рублей, любопытное только по множеству прикосновенныхъ къ нему лицъ, мы переходимъ къ знаменитому дѣлу-монстръ, къ дѣлу Политковскаго.

Въ 1821 г. на службу въ цензурномъ комитетѣ поступилъ юноша, только что окончившій курсъ въ благородномъ пансіонѣ при московскомъ университетѣ — Политковскій. Юноша быстро пошелъ по служебной лѣстницѣ въ гору. Въ 1828 году онъ пожалованъ въ камеръ-юнкеры. Въ 1831 поступилъ начальникомъ перваго отдѣленія канцеляріи «комитета 18-го августа 1814 года»; затѣмъ назначенъ правителемъ канцеляріи комитета, пожалованъ въ камергеры, переименованъ въ директоры канцеляріи. Жилъ онъ, приводя всѣхъ въ изумленіе своею роскошью, и умеръ мирно, окруженный общимъ уваженіемъ, украшенный многочисленными орденами и въ чинѣ тайнаго совѣтника. Но тотчасъ послѣ его смерти, послѣдовавшей въ 1853 г., какъ въ «комитетѣ 18-го августа 1814 г.», такъ и въ домѣ покойнаго поднялась кутерьма. Начальникъ счетнаго отдѣленія комитета, коллежскій совѣтникъ Таракановъ, явился въ квартиру предсѣдателя комитета, генерала У—а (неизвѣстно, для чего г. Любавскій скрылъ имя этого, ни въ чемъ неповиннаго генерала) и объявилъ ему, что покойный директоръ съ 1834 г. по 1853 растратилъ комитетскихъ денегъ 952,000 руб. На слѣдующій же день была назначена слѣдственная коммисія, которая немедленно принялась за дѣло. У казначея комитета Рыбкина найденъ былъ конвертъ, запечатанный печатью Политковскаго и адресованный его рукой на имя начальника счетнаго отдѣленія Тараканова. Въ конвертѣ нашли такую собственноручную записку Политковскаго: «Симъ свидѣтельствую, что въ разное время взято мною заимообразно отъ Ивана Ѳедоровича Рыбкина 930,000 руб. сер.—8-го іюля 1851 года». Но по приведеніи въ ясность счетовъ и суммъ комитета, оказался недочетъ не въ 930,000 и не въ 952,000, а въ 1.005,000 р., а затѣмъ по новомъ тщательномъ разсмотрѣніи перепутанныхъ книгъ и вѣдомостей комитета, цифра эта возрасла до 1.108,550 р. сер.

http://rcin.org.pl

Политковскій началъ свои захваты еще будучи начальникомъ отдѣленія, и началъ сравнительно довольно робко. Въ 1834 г. онъ взялъ у казначея Рыбкина казенныхъ денегъ 26,200 р. ас. и изъ нихъ скоро отдалъ 21,700 р. Но поступивъ на должность правителя, а потомъ директора канцеляріи, Политковскій сталъ дѣйствовать уже гораздо безцеремоннѣе: въ 1835 г. взялъ онъ 51,000, въ 1836 — 98.000, изъ которыхъ возвратилъ 75,500, въ 1837 взялъ 33,000 и т. д. Политковскій велъ это дѣло чрезвычайно ловко, такъ что предсѣдатель и члены комитета относились къ нему съ полнѣйшимъ довѣріемъ. Что же касается болѣе мелкихъ чиновниковъ, знавшихъ о грабительствѣ Политковскаго, то относительно ихъ онъ пускалъ въ ходъ самыя разнообразныя средства; то увѣрялъ ихъ, что отдастъ казенныя деньги, когда получитъ какой-то фантастическій долгъ, то осыпалъ ихъ наградами, то выдавалъ деньги за молчаніе и платилъ даже женамъ своихъ умершихъ сообщниковъ, то пугалъ ихъ тѣмъ, что дѣло зашло уже слишкомъ далеко. Отчетность была поэтому ведена самымъ безпорядочнымъ образомъ, и Политковскій почти двадцать лѣтъ могъ, не навлекая на себя ни малѣйшаго подозрѣнія, распоряжаться суммами комитета, какъ своимъ карманомъ. Растрата производилась систематически и ежемѣсячно представлялись, куда слѣдуетъ, акуратно составленныя фальшивыя вѣдомости. Поощряемые примѣромъ начальника, подчиненные съ своей стороны ловили рыбу въ мутной водѣ и самостоятельно, безъ вѣдома Политковскаго. Такъ начальникъ счетнаго отдѣленія Тараканов, казначей Рыбкинъ и бухгалтеръ Путвинскій при повѣркѣ капиталовъ комитета въ 1850 г. «нашли по книгамъ излишніе 50,000 р. сер.»—нашли и раздѣлили между собой. Независимо отъ сего, они получали отъ щедротъ Политковскаго значительныя суммы; такъ Рыбкинъ получилъ въ разное время около 50,000; умершему бухгалтеру Горбунову Политковскій обѣщалъ 15,000 и часть этихъ денегъ уже успѣлъ уплатить его женѣ и т. д.

Сюда же относится, въ сборникахъ г. Любавскаго, и дѣло Гаевскаго и Яковлева, котораго мы разсказывать не будемъ,

http://rcin.org.pl

такъ-какъ оно происходило, такъ сказать, на дняхъ и еще живо у всѣхъ въ памяти. Кстати и статья наша уже очень растянулась, а намъ хотѣлось бы остановиться еще на одной группѣ фактовъ, быть можетъ, наиболѣе интересныхъ.

Преступленіе есть самый характеристичный, безспорный и для всѣхъ осязательный симптомъ общественнаго разстройства или неустройства. Это Аріаднина нить, по которой мы можемъ добраться до Минотавра сквозь лабиринтъ существующихъ фактовъ. И потому изученіе преступленія представляетъ одинъ изъ важнѣйшихъ пунктовъ отправленія для всевозможныхъ соціологическихъ изслѣдованій, будутъ ли эти изслѣдованія имѣть своимъ объектомъ забытое прошлое, существующее настоящее или желательное будущее. Это самый точный термометръ для общественной температуры. Малѣйшее уклоненіе отъ идеальной нормы, и въ этомъ кровяномъ термометрѣ кровь поднимается. Пусть страна цвѣтетъ и благоухаетъ, пусть торговля ее захватываетъ полъ-міра, пусть сосѣди завидуютъ ея промышленности и боятся ея солдатъ, загляните въ ея уголовную лѣтопись: вы зайдете за кулисы, и многое изъ того, что вы принимали за восхитительный ландшафтъ, окажется грубо намалеванной декораціей. Жалко вамъ станетъ восхитительнаго ландшафта — не отходите отъ декораціи, всмотритесь въ нее ближе, пристальнѣе, и вы увидите, чего ей недостаетъ, чтобы сдѣлаться образцовой картиной, и тогда вы уже не пожалѣете восхитительнаго ландшафта. Но на это до сихъ поръ мало охотниковъ. Цеховымъ криминалистамъ, въ вѣдѣніи которыхъ находится преступленіе, и въ голову не приходитъ заняться разработкой этого богатѣйшаго рудника. А между тѣмъ даже съ ихъ точки зрѣнія, съ которой только и видно, что наказаніе, даже съ этой спеціальной точки зрѣнія преступленіе открываетъ широкую перспективу для плодотворныхъ выводовъ. Мы не отрицаемъ значенія наказанія, какъ мѣры, способной въ нѣкоторыхъ случаяхъ дать волѣ преступника извѣстное направленіе. Но для этого извѣстное преступленіе должно быть поставлено на очную ставку съ наказаніемъ и на основаніи этого сопоставленія должна быть произве-

http://rcin.org.pl

дена оцѣнка наказанія не какъ правоваго института вообще, но какъ средства для полученія извѣстнаго результата. Въ какой мѣрѣ можетъ и можетъ ли вообще такое-то наказаніе повліять на устраненіе такого-то преступленія? Смѣемъ думать, что такіе вопросы не чужды задачѣ криминалистовъ; смѣемъ думать, что вопросы эти просты и законны; смѣемъ думать, что есть возможность дать на эти вопросы удовлетворительные отвѣты. И однако криминалисты не задаютъ ихъ себѣ, не задаютъ даже въ тѣхъ случаяхъ, когда самый ходъ событій устраиваетъ вышеозначенную очную ставку извѣстнаго преступленія съ соотвѣтствующимъ (по положительному законодательству) наказаніемъ и самымъ очевиднымъ образомъ показываетъ ихъ несоотвѣтственность.

Какъ-то недавно намъ случилось прочитать въ газетахъ такой разсказъ. Женщина, присутствовавшая при совершеніи смертной казни, по возвращеніи домой безъ всякаго повода зарѣзала у себя кого-то дома, кажется, своего ребенка. Мы не помнимъ подробностей и даже не знаемъ хорошенько, гдѣ произошелъ этотъ случай — у насъ или за границей. Уголовная практика знаетъ относительно значительное число такихъ загадочныхъ явленій. Видъ наказанія иногда не только не производитъ желаемаго устрашающаго и опозоривающаго дѣйствія, но напротивъ какъ-будто наталкиваетъ на подражаніе палачу, вызываетъ непреодолимую жажду крови *). Уровень нашихъ психологическихъ познаній не захватываетъ этихъ явленій, хотя тамъ и сямъ можно встрѣтить намеки на попытки ихъ объясненія. Такова психологическая система Адама Смита, хотя ею далеко не охватываются всѣ этого рода факты. Таковы прямыя слова Кетле, что «иногда источникъ преступленій лежитъ въ духѣ подражательности, въ высшей степени присущей человѣку и обнаруживающейся во всемъ». («Соціальная система»). А между тѣмъ явленія этого порядка аналогичны, можетъ быть, даже съ такимъ

*) «Опыты показываютъ, что нерѣдко казни имѣютъ пагубное вліяніе на зрителей и побуждаютъ ихъ самихъ къ совершенію убійствъ». (Миттермайеръ: «Смертная казнь»).

http://rcin.org.pl

обыденнымъ фактомъ, какъ зѣвота при видѣ зѣвающаго. Есть много фактовъ, ничего не дающихъ для положительнаго вывода, но очень ясно намекающихъ на возможность широкаго отрицательнаго обобщенія. Мы напомнимъ только нѣсколько случаевъ, приведенныхъ въ извѣстной книгѣ Миттермайера. Однажды, въ Англіи былъ казненъ поддѣлыватель ассигнацій и трупъ его былъ отданъ его родственникамъ; впослѣдствіи оказалось, что эти родственники прятали въ ротъ трупа ассигнаціи собственной фабрикаціи, не менѣе фальшивыя, чѣмъ тѣ, которыя сдѣлали изъ него трупъ. Когда въ Бостонѣ, послѣ долгаго неупотребленія смертной казни, казнили одного поджигателя, то съ этого времени поджоги усилились и въ самомъ Бостонѣ и въ окрестностяхъ, и, какъ оказалось, всѣ послѣдующіе поджигатели присутствовали при казни перваго. Одинъ священникъ разсказывалъ, что изъ 167 человѣкъ, которыхъ онъ напутствовалъ передъ казнью, 161 присутствовалъ при совершеніи казней. И т. д. Еслибы хотя тѣ умственныя силы, которыя и понынѣ направлены на постройку теорій наказанія и коментированіе положительныхъ законодательствъ, еслибы хотя эти силы получили надлежащее теченіе, мы бы, можетъ быть, теперь уже не бродили въ человѣческой, т.-е. своей собственной душѣ какъ въ потемкахъ и не наталкивались бы ежеминутно на страшные, кровавые вопросительные знаки. Но во всякомъ случаѣ, если мы не можемъ, при наличныхъ нашихъ знаніяхъ, подвести итогъ фактамъ въ родѣ вышеприведенныхъ, то мы можемъ однако смѣло утверждать тотъ очевидный фактъ, что во всѣхъ этихъ случаяхъ наказаніе своей цѣли не достигаетъ и является только напрасною тратой крови. Есть однако нѣкоторыя спеціальныя области явленій этого рода, относительно которыхъ мы можемъ, не ограничиваясь эмпирическимъ выводомъ, отвѣтить и на вопросъ—почему? Какъ на образецъ такого отвѣта можно указать на извѣстную брошюру Гизо о смертной казни за политическія преступленія.

Но положимъ, что это факты все болѣе или менѣе рѣдкіе и потому ускользающіе отъ анализа, хотя криминалисты обязаны бы были зорко слѣдить и за ними. Но у нихъ подъ руками есть

http://rcin.org.pl

другой источникъ для сопоставленія преступленія и наказанія, источникъ несравненно болѣе богатый. Мы говоримъ о рецидивѣ. Громадный во всѣхъ государствахъ процентъ рецидивистовъ, т. е. впадающихъ въ преступленіе во второй разъ, въ третій и т. д., самымъ недвусмысленнымъ образомъ указываетъ на нѣкоторую неурядицу въ существующихъ общественныхъ отношеніяхъ. Это огнемъ написанныя слова: ману, фекелъ, фаресъ, для прочтенія которыхъ не требуются даже переводчики. Возьмемъ безобидный примѣръ—дуэль. Человѣкъ подрался на дуэли, потерпѣлъ наказаніе, и опять дерется и опять потерпѣлъ наказаніе, и въ третій разъ дерется. Ясно, что есть въ обществѣ нѣкоторая сила, неумолимо толкающая его все на одну и ту же дорогу. Прямое дѣло изучить эту дорогу и затѣмъ загородить ее. Но этого отъ криминалистовъ собственно и требовать нельзя по самому свойству ихъ soi disant науки. Уголовное право, считающее преступленіемъ только нарушеніе существующаго порядка, не можетъ вдаваться въ анализъ этого порядка, потому что непзбѣжно можетъ наткнуться на какіе-нибудь отрицательные выводы и слѣдовательно вступить въ число преступниковъ. Но въ этомъ существующемъ порядкѣ есть однако нѣкоторая область, подлежащая вѣдѣнію уголовнаго права, это уголовное законодательство. Поэтому криминалисты могли бы изъ повторенія дуэли вывести хоть заключеніе о несостоятельности существующихъ противъ нея репрессивныхъ мѣръ. Но они и этого не дѣлаютъ и самый дальній пунктъ, до котораго добѣжали передовые криминалисты въ этомъ направленіи, есть улучшеніе тюремной системы. Спасибо, конечно, и за то. Но вообще рецидива представляетъ для криминалистовъ только предлогъ къ разглагольствованіямъ объ испорченной волѣ и необходимости противопоставить ей энергическій отпоръ. Затѣмъ они распливаются въ поискахъ за метафизическими основами усиленія наказанія за повтореніе: одни указываютъ, какъ на такую основу, на обнаруженное преступникомъ сугубое неуваженіе къ закону; другіе на закоренѣлость преступника; третьи на усиленную опасность общества и т. д. Эти старанія подвести теоретическое основаніе подъ и безъ того

http://rcin.org.pl

прочно стоящую практику составляютъ собственно всю суть уголовнаго права. А такъ-какъ на практикѣ еще съ объективно-антропоцентрическаго періода рецидива вызываетъ усиленіе наказанія, то и всѣ криминалисты признаютъ повтореніе обстоятельствомъ, усиливающимъ вину. Только одна школа составляетъ въ этомъ случаѣ исключеніе, но она поддерживаетъ свое положеніе только метафизическими доводами о нарушеніи правила non bis in idem. Затѣмъ о коренномъ преобразованіи законодательства страны, переполненной рецидивистами, нѣтъ и рѣчи. А изученіе рецидивы не съ формальной, юридической, а съ общественной точки зрѣнія уже совершенно выходитъ за предѣлы задачъ криминалистовъ, и для нихъ причины повторенія дальше личности преступника не идутъ.

Но понятно, что изученіе рецидивы, какъ общественнаго явленія, есть дѣло громадной важности. А потому мы съ большимъ прискорбіемъ должны сказать, что г. Любавскій обратилъ на это обстоятельство очень мало вниманія, что, впрочемъ, вполнѣ гармонируетъ съ общею безтолковостью его изданія. Изъ тѣхъ немногихъ случаевъ повторенія, какіе мы нашли въ сборникахъ, мы приведемъ только два, въ которыхъ фактъ рецидивы осложняется еще однимъ любопытнымъ явленіемъ.

Мы привели уже достаточно фактовъ, свидѣтельствующихъ о не особенной привлекательности солдатскаго житья въ прошлое царствованіе. Рядовой Ягодкинъ, помаявшись подъ начальствомъ какого-нибудь Ефремова, Мандрыки или Данилова, возъимѣлъ отвращеніе къ службѣ и въ 1828 г. сдѣлалъ первую попытку бѣжать. За это, а равно и за «жалобу на своего капральнаго унтер-офицера», Ягодкинъ получилъ 100 палокъ. Онъ однако не получилъ вслѣдствіе этого должнаго уваженія къ службѣ и въ 1832 году бѣжалъ, но былъ пойманъ и получилъ 200 палокъ. Въ томъ же году онъ опять бѣжалъ, и за это наказанъ шпицрутенами черезъ пятьсотъ человѣкъ одинъ разъ. Въ 1835 и 1837 гг. онъ тоже бѣгалъ и оба раза получилъ по пятисотъ шпицрутеновъ. Въ 1839 г. онъ былъ три раза высѣченъ за кратковременныя отлучки и пьянство. Но ни палки, ни шпиц-

http://rcin.org.pl

рутины не выбили изъ него желанія разстаться со службой; они только убѣдили его, что побѣгъ есть плохое или по крайней-мѣрѣ рискованное средство для достиженія этой цѣли. Ягодкинъ сталъ придумывать средство повѣрнѣе и додумался наконецъ до того, что если онъ совершитъ какое-нибудь крупное преступленіе, то его сошлютъ въ Сибирь на каторгу, что и избавитъ его отъ службы. Продумавъ эту мысль, онъ вышелъ 22-го апрѣля 1842 г. изъ казармы, захвативъ съ собой ножъ, съ намѣреніемъ убить перваго встрѣчнаго. Онъ продалъ бывшую на немъ рубаху и на вырученныя деньги хватилъ «для смѣлости» водки. Когда онъ вышелъ изъ кабака, на встрѣчу ему попалась знакомая дѣвушка, которую онъ и рѣшился принести въ жертву, но это ему не удалось. Потомъ онъ встрѣтилъ маленькую дѣвочку, но и та случайно избѣжала опасности. Наконецъ онъ наткнулся на семилѣтняго мальчика и, заманивъ его подальше отъ жилыхъ строеній, зарѣзалъ. Въ убійствѣ онъ не запирался, а прямо указалъ на его дѣйствительные поводы.

Подобныя явленія ясно указываютъ на то, что на вѣсахъ судьбы преступника чашка неудобствъ его общественнаго положенія перевѣшиваетъ чашку неудобствъ наказанія, и вѣра во всемогущество репрессіи значительно колеблется такими фактами. Человѣкъ самъ ищетъ извѣстнаго наказанія и совершаетъ съ полнымъ знаніемъ дѣла именно то преступленіе, за которое это наказаніе полагается. И это не минутная вспышка, а дѣло вполнѣ обдуманное, дѣло математическаго разсчета. Вотъ другой случай.

Въ 1845 году арестанты курскаго тюремнаго замка, Самофаловъ, Струковъ и Ретинскій зарѣзали смотрителя замка, отставнаго прапорщика Безика. По собраннымъ о подсудимыхъ свѣдѣніямъ оказалось, что они всѣ трое судились уже: Самофаловъ за первый побѣгъ изъ крѣпостной работы, за воровство и *взведеніе на себя смертоубійства*; Струковъ за четвертый побѣгъ изъ военной службы, перемѣну имени и *взведеніе на себя двухъ смертоубійствъ*; Ретинскій за первый изъ службы побѣгъ, воровство, перемѣну имени и *взведеніе на себя смертоубійства*. Разсмо-

http://rcin.org.pl

трѣвъ дѣло объ убійствѣ Безпка въ связи съ прежнимъ поведеніемъ убійцъ, генералъ-аудиторіатъ нашелъ, что они взводили на себя небывалыя убійства съ единственною цѣлью попасть за нихъ въ Сибирь. А когда ложность ихъ самообвиненій была открыта, они рѣшились совершить все съ тою же цѣлью настоящее убійство. На этомъ основаніи генералъ аудиторіатъ рѣшилъ наказать подсудимыхъ шпицрутенами каждаго черезъ тысячу человѣкъ по шести разъ и, вмѣсто ссылки въ Сибирь, которой они желали подвергнуться, обратить въ ближайшую крѣпость въ арестанты всегдашняго разряда, а для удержанія ихъ на будущее время отъ преступленій приковать всѣхъ троихъ къ тележкамъ.

Въ дѣлахъ этого рода поразительна безпомощность практики, благодаря односторонности теоретическихъ постановокъ вопроса объ отношеніи наказанія къ преступленію. Отмѣна наказанія для того, чтобы не исполнилось желаніе преступника, составляетъ очень плохой выходъ изъ затрудненія. Но это единственный, возможный для практики. Онъ санкціонируется и теоріей. И эта безпомощность практики будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока криминалисты не выйдутъ изъ своихъ узенькихъ рамокъ и не примутся, не мудрствуя лукаво, за скромное, но великое дѣло изученія преступленія, то-есть корней его въ общественномъ строѣ и законовъ явленій души человѣческой.

Читатель не ожидалъ, разумѣется, найти въ нашемъ бѣгломъ очеркѣ точныхъ указаній въ этомъ смыслѣ. Мы взялись просто передать нѣсколько поучительныхъ, по нашему мнѣнію, страницъ изъ русской уголовной лѣтописи, какія встрѣтились въ сборникахъ г. Любавскаго. Затѣмъ мы хотѣли показать необходимость изученія преступленія, какъ общественнаго явленія. А къ формулѣ нашей: количество преступленій прямо пропорціонально количеству и рѣзкости соціальныхъ контрастовъ — въ этой формулѣ мы еще будемъ имѣть случай возвратиться.

---

http://rcin.org.pl

Вольтеръ-человѣкъ и Вольтеръ-мыслитель *)

Романы и повѣсти Ф. М. Вольтера. Переводъ Н. Н. Дмитріева. Спб. 1870.

Voltaire, Sechs Vorträge von David Strauss. Leipzig, 1870.

I.

Намъ кажется нѣсколько страннымъ, что издатель или переводчикъ повѣстей Вольтера не снабдилъ своей книги предисловіемъ. Въ этомъ отношеніи непремѣнно слѣдовало бы руководствоваться благимъ примѣромъ г. Бибикова, трудолюбиваго издателя «классическихъ писателей конца прошлаго и начала нынѣшняго вѣка», который, между прочимъ, готовитъ къ изданію, какъ видно изъ объявленій, и собраніе сочиненій Вольтера и, безъ сомнѣнія, постарается при этомъ случаѣ объяснить историческое значеніе «царя мысли» XVIII вѣка. Относительно Вольтера это нужнѣе, чѣмъ относительно кого-либо, и его повѣсти и романы отнюдь не могутъ подлежать въ этомъ отношеніи исключенію. По своей живой, впечатлительной, отзывчивой натурѣ, Вольтеръ не могъ служить такъ-называемому чистому искусству и запереться въ магическій кругъ «звуковъ сладкихъ и молитвъ». Въ формы повѣсти, философскаго трак-

*) 1870, сентябрь и октябрь.

http://rcin.org.pl

тата, трагедіи, полемической статьи онъ вливалъ всегда всего себя со всѣми волновавшими его въ данную минуту мыслями и чувствами, и потому его мнѣнія о различныхъ вопросахъ науки и жизни могутъ быть усмотрѣны изъ его бельлетристическихъ произведеній столь же наглядно ясно, какъ изъ «Traité de Métaphysique», изъ «Essai sur les Moeurs» или изъ статей «Философскаго Словаря». Мало того, онъ часто, какъ, напримѣръ, въ «Исторіи Женни», въ разсказѣ «Уши графа Честерфильда» и проч., прямо вставляетъ цѣлые научные и философскіе трактаты въ формѣ діалога. Спеціально эстетическому суду повѣсти и романы Вольтера не подлежатъ. Въ этомъ отношеніи могутъ быть сдѣланы только кое-какія неважныя замѣчанія. Такъ, Штраусъ указываетъ, какъ на любимый пріемъ Вольтера, странствованія героевъ по самымъ разнообразнымъ государствамъ, народамъ («Свѣтъ, какъ онъ есть», «Исторія путешествій Скарментадо», «Похвальное слово разуму»), даже по разнымъ частямъ свѣта («Кандидъ», «Письма Амабеда», «Исторія Женни»), даже, наконецъ, по разнымъ мірамъ («Микромегасъ»). Но пріемъ этотъ, предоставляющій въ распоряженіе сатирика такую широкую канву, отнюдь не составляетъ какой-нибудь особенности Вольтера, потому что употреблялся и до него и послѣ него, и особенно въ сатирѣ. Можно замѣтить, вмѣстѣ съ Геттнеромъ, что всѣ почти повѣсти Вольтера имѣютъ фантастическій характеръ, сюжетъ и краски заимствованы въ нихъ, большею частью, изъ восточныхъ сказокъ, вслѣдствіе чего нельзя искать въ нихъ характеровъ, типовъ. Исключеніе составляетъ только «Простодушный» (вѣрнѣе было бы перевести французское Ingénu русскимъ «дитя природы»). Но все это не важно. Форма у Вольтера всегда отступаетъ на задній планъ; это видно уже изъ того, что не найдется ни одной литературной формы, за которую бы онъ не брался, а между тѣмъ содержаніе онъ въ нихъ вкладывалъ всегда одно и то же. Не даромъ онъ самъ говорилъ, что въ литературѣ всѣ роды хороши, кромѣ скучнаго, и онъ дѣйствительно всѣ, кромѣ скучнаго, и перепробовалъ. Важно то, что всѣ повѣсти и романы Вольтера, говоря нынѣшнимъ

http://rcin.org.pl

языкомъ, тенденціозны, и притомъ разработываютъ преимущественно вопросы философскіе и научные. Понятное дѣло, что эта тенденціозность не можетъ уже удовлетворить людей, переживш[и]хъ и передумавшихъ со времени Вольтера такъ много. Многіе изъ вопросовъ, занимавшихъ Вольтера, не занимаютъ насъ вовсе, многіе рѣшаются съ совсѣмъ иной точки зрѣнія. Словомъ, вообще говоря, бельлетристическія произведенія, переведенныя г. Дмитріевымъ, имѣютъ для насъ только историческое значеніе. А между тѣмъ они такъ остроумны, такъ ловко сдѣланы, что могутъ внести нѣкоторую путаницу въ головы иныхъ читателей. Вотъ почему мы думаемъ, что предисловіе къ книгѣ г. Дмитріева было бы необходимо. Но оно было бы нужно еще въ виду и другихъ причинъ.

Относительное значеніе такъ-называемой литературы просвѣщенія и ея отдѣльныхъ представителей далеко не установлено. Историки философіи обыкновенно относятся свысока къ этой блестящей плеядѣ талантовъ, укоряя ихъ въ поверхностности, легкомысліи и недостаткѣ оригинальности. Если эти упреки и справедливы до извѣстной степени, то историки дѣлаютъ, тѣмъ не менѣе, непростительную ошибку, удѣляя такъ мало вниманія литературѣ просвѣщенія. Одинъ уважаемый русскій писатель справедливо замѣчаетъ по этому поводу: «Послѣдній блестящій рядъ философскихъ системъ въ Германіи возникъ на профессорскихъ каѳедрахъ и, представляясь безусловнымъ идеаломъ философскаго движенія всѣмъ историкамъ философіи, заставляетъ ихъ смотрѣть съ пренебреженіемъ на всякое стремленіе къ цѣльному міросозерцанію и послѣдовательной практикѣ жизни, несходное съ построеніями Канта, Фихте, Шеллинга или Гегеля. Подобныя стремленія даже вовсе исключаются изъ исторіи философіи. Такъ Куно Фишеръ отъ Лейбница перешелъ прямо къ Канту, едва коснувшись великаго движенія XVIII вѣка, охватившаго всю Европу, и даже для Френсиса Бэкона отвелъ *особое* мѣсто. Но исторія философіи очень съуживаетъ свою область, ограничиваясь системами, созданными личностями, и скользя надъ міросозерцаніями, охватывающими цѣлые классы

http://rcin.org.pl

населенія, проявляющимися въ сотнѣ литературныхъ произведеній и проникающими въ самую жизнь общества (что далеко не всегда бываетъ съ личными системами философовъ).» (Очеркъ исторіи физико-математическихъ наукъ, составленный по лекціямъ, читаннымъ въ лабораторіи артиллерійской академіи, 90). Въ такомъ отношеніи къ литературѣ просвѣщенія грѣшна большая часть историковъ философіи, не исключая и знакомаго русской публикѣ Льюиса, стѣсненнаго, впрочемъ, планомъ своей *біографической* исторіи философіи. Историки литературы, какъ ближе соприкасающіеся съ живою дѣйствительностью, смотрятъ на дѣло иногда нѣсколько иначе, и у Геттнера читатель можетъ найти вполнѣ спокойный и безпристрастный очеркъ литературы и философіи XVIII вѣка. Но это все-таки явленіе рѣдкое и, вообще говоря, въ обществѣ не только русскомъ, а и европейскомъ, господствуютъ самыя странныя и сбивчивыя понятія о литературѣ просвѣщенія. Гораздо болѣе мальтретированія историковъ философіи этому обстоятельству способствуетъ историческое положеніе литературы просвѣщенія въ виду революціи 1789 года. Если историки философіи совершенно игнорируютъ значеніе просвѣтителей, то, съ другой стороны, весьма многими людьми исповѣдуется противоположное мнѣніе, будто бы литература просвѣщенія породила революцію и повинна даже въ террорѣ.

XVIII вѣкъ представляетъ поразительное зрѣлище. То было время Екатерины, Фридриха-Великаго, Тюрго, Леопольда Тосканскаго, Іосифа II, Аранды, Струэнзе, Помбаля, Густава III; время дружбы между государями и философами; время знаменитой «революціи сверху» и «просвѣщеннаго деспотизма»; удивительное время, когда каждый государь желалъ быть или казаться философомъ, а философы пользовались вліяніемъ, которому могли бы позавидовать государи. За государями тянулись высшіе классы, не подозрѣвая результатовъ движенія, а только-что начинавшая поднимать голову буржуазія привѣтствовала просвѣтителей, какъ плоть отъ плоти своей. «Даже въ Татаріи (?)—какъ разсказываютъ записки Дома (Dohm's Denkwürd.,

http://rcin.org.pl

ч. 3, стр. 56)—хотѣли для пользы народнаго воспитанія перевести на татарскій языкъ французскую Энциклопедію» (Геттнеръ, «Исторія литературы XVIII вѣка», 423). Наше отечество не отставало въ этомъ отношеніи. Извѣстны дружескія сношенія и переписка императрицы Екатерины съ Вольтеромъ, Дидро, д'Аламберомъ. Сто лѣтъ тому назадъ большая часть романовъ и повѣстей Вольтера, нынѣ переведенныхъ г. Дмитріевымъ, была уже издана порусски. И надо замѣтить, что предки наши переводили и читали эти повѣсти, повидимому, съ большимъ тактомъ, умѣньемъ и любовью; такъ по нѣскольку изданій вытерпѣли переводы лучшихъ романовъ, каковы «Кандидъ», «Простодушный»; такъ, далѣе, напримѣръ, «Кривой носильщикъ», «Cosi Sancta, маленькое зло ради большаго блага», разсказы неважные, хотя по обыкновенію остроумные, въ которыхъ фривольный, даже просто клубничный элементъ наиболѣе бросается въ глаза и не искупается, какъ въ другихъ повѣстяхъ, ни глубиною содержанія, ни мѣткостью сатиры — вовсе не были переведены нашими предками и являются нынѣ порусски въ первый разъ. Никогда еще критическая мысль не завоевывала себѣ во всей исторіи человѣчества такого блистательнаго положенія. Никогда борьба съ рутиной теологической, политической, философской, научной не достигала такой живости и напряженности. Покровительствуемая сверху, поддерживаемая самымъ фактомъ шатанія оригинальной структуры средневѣковаго механизма, она имѣла, сверхъ того, цѣлую массу необычайно талантливыхъ представителей, несоздавшихъ никакой стройной, оригинальной философской системы, но взамѣнъ того съумѣвшихъ бросить на почву общественнаго сознанія огромное количество умственнаго фермента, незамедлившаго сдѣлать свое дѣло. Нелѣпо утверждать, что первая французская революція была порожденіемъ литературы просвѣщенія. Великія историческія событія не бываютъ результатомъ одной причины или даже одного ряда причинъ: Москва загорѣлась не отъ копеечной свѣчки. Великія событія всегда оказываются лежащими въ точкѣ соприкосновенія равнодѣйствующихъ цѣлой системы па-

http://rcin.org.pl

раллелограмовъ соціальныхъ силъ. Революція была подготовлена рядомъ отрицательныхъ моментовъ, заключавшихся въ политическихъ и экономическихъ порядкахъ Франціи и Европы, и тѣми же моментами была вызвана и дѣятельность Вольтера, энциклопедистовъ и Руссо. Но несомнѣнно, что эта дѣятельность играла роль фермента и ускорила движеніе. Несомнѣнно также, что *принципы* революціи логически вытекаютъ изъ сѣмянъ, посѣянныхъ просвѣтителями. Этого было достаточно, чтобы реакція, вызванная ужасами революціи, наложила свою неумѣлую, неуклюжую лапу и на литературу просвѣщенія. Всякая крутая реакція необходимо слѣпа, нелогична и неразборчива, необходимо слишкомъ размашисто ворочаетъ переданной исторіею въ ея руки метлой и сметаетъ въ одну кучу вещи, неимѣющія между собой ничего общаго. Неопредѣленныя очертанія призрака «неблагонамѣренности» и «неблагонадежности» застилаютъ реакціонерамъ глаза, и сквозь этотъ туманъ они теряютъ всякую способность различать дѣйствительные размѣры и значеніе явленій. Само собою разумѣется, что рядомъ съ этою неспособностью—видѣть, неизбѣжно фигурируетъ и нежеланіе смотрѣть. Такова была и реакція, вызванная французской революціей. Не только у всѣхъ Татарій внезапно отпала охота переводить Энциклопедію, но всѣ просвѣтители поголовно не замедлили превратиться въ атеистовъ и террористовъ, нарушителей и разрушителей. Вольтеръ и Анахарсисъ Клотцъ, Ла-Метри и Робеспьеръ, Маратъ и Гольбахъ оказались заметенными въ одинъ уголъ, надъ которымъ высился ярлыкъ «неблагонамѣренности». Путаница дошла до того, что, напримѣръ, у насъ въ Россіи именно самый умѣренный, хоть можетъ быть и самый яркій, представитель литературы просвѣщенія—Вольтеръ обратился въ «чудище обло, озорно, огромно, стозѣвно и лаяй», чуть не въ поджигателя и во всякомъ случаѣ въ «вольтерьянца». А это слово было еще не такъ давно такъ же страшно и позорно, какъ теперь страшна и позорна кличка «нигилистъ», и, надо прибавить, такъ же безсмысленно. Быть можетъ, одни вольтеровскія кресла уцѣлѣли отъ этого погрома. Реакція, разумѣется,

http://rcin.org.pl

не хотѣла и не могла оцѣнить ясно совокупность фактовъ, изъ которыхъ вышли различныя стороны революціи. Она не давала себѣ труда припомнить, напримѣръ, указанія благороднаго Вобана или Буагильбера, задолго до лихорадочной дѣятельности просвѣтителей страшными красками обрисовавшихъ положеніе Франціи и почти предсказывавшихъ революцію. Реакціонеры не давали себѣ труда подумать о томъ, въ какихъ дѣйствительно отношеніяхъ стоитъ терроръ къ литературѣ просвѣщенія. Помимо изученія самыхъ произведеній литературы XVIII вѣка, рвеніе реакціонеровъ могло бы быть, повидимому, остановлено множествомъ фактовъ, просто бьющихъ по глазамъ. Безъ всякаго сомнѣнія, гражданскій идеализмъ, такъ сильно сказавшійся въ періодъ революціи и антропологическій и космологическій реализмъ, болѣе или менѣе послѣдовательно проводившійся французскими философами XVIII вѣка, родные братья, такіе же братья, какими на противоположной сторонѣ являются философскій идеализмъ и гражданскій матеріализмъ. Но это родство исключительно логическое, принципіальное, и эмпирическія условія могутъ совершенно разорвать его въ данной личности. Французская литература просвѣщенія ничего оригинальнаго не создала; она питалась англійскою мыслью, Локкомъ и Ньютономъ, то не подвигаясь дальше ихъ ни на шагъ, то логически слѣдуя впередъ по пути, указанному англичанами. Вся задача просвѣтителей состояла въ томъ, чтобы популяризировать англійскія идеи, разсыпать ихъ по всей Европѣ, оживить ихъ и вывести изъ нихъ нѣкоторыя слѣдствія, передъ которыми остановились англійскіе философы. Почему же въ Англіи матеріализмъ и родственныя съ нимъ міросозерцанія были не только не революціонны въ области дѣйствія, но, напротивъ, въ большинствѣ случаевъ строго консервативны и даже прямо ретроградны? До Локка и Ньютона Англія выставила Гоббза — матеріалиста и вмѣстѣ рьянаго сторонника абсолютизма въ политикѣ. Послѣ нихъ явился Юмъ, отчасти, такъ-сказать, отданный Англіи Франціей,—и этотъ крайній революціонеръ въ области мысли былъ политическій консерваторъ. Вотъ этого-то реакціонеры не ви-

http://rcin.org.pl

дѣли или не хотѣли видѣть. Скажутъ, можетъ быть, что дѣло именно въ логическомъ родствѣ между просвѣтителями и революціей. Но это родство не идетъ дальше принциповъ революціи 89 года и нисколько не касается ихъ фактическаго осуществленія, способовъ и формъ ихъ введенія въ жизнь. Спрашивается: кто же изъ людей, уважающихъ свое достоинство, рѣшится отказать въ уваженіи этимъ принципамъ въ ихъ абстрактной формѣ? Даже г. Скарятинъ любилъ излагать въ покойной «Вѣсти», что «будущее принадлежитъ демократіи, но» и проч. Далѣе реакціонеры представляли себѣ всю литературу просвѣщенія, какъ нѣчто совершенно однородное, сплошное, тогда какъ на самомъ дѣлѣ этой однородности должны быть указаны относительно очень тѣсные предѣлы: Вольтеръ презиралъ доктрины Ла-Меттри, Ла-Меттри не могъ не смѣяться надъ ученіями Руссо, Руссо съ ужасомъ сторонился отъ Гельвеціуса, Вольтеръ и Дидро расходились въ самыхъ существенныхъ вопросахъ и т. д. Защита свободы мысли, проповѣдь терпимости, борьба съ рутиной — вотъ единственное, правда очень широкое поле, общее всѣмъ безъ исключенія представителямъ литературы просвѣщенія, и затѣмъ литература эта представляетъ цѣлый арсеналъ доводовъ въ пользу самыхъ разнообразныхъ теологическихъ, политическихъ и философскихъ тезисовъ. Мало того, Дидро, напримѣръ, прошелъ нѣсколько ступеней развитія, существенно между собою различныхъ. И тѣмъ не менѣе именно съ реакціи начала нынѣшняго столѣтія невѣроятно усилилась мода огульнаго уличенія въ неблагонамѣренности и неблагонадежности вообще, тогда какъ прежде имѣлись болѣе спеціальныя и гораздо яснѣе очерченныя обвиненія. Есть вѣчный полемическій пріемъ, состоящій въ томъ, чтобы возвышать мнѣнія противника въ квадратъ, въ кубъ и т. д. Такъ, напримѣръ, если мой противникъ не признаетъ догмата папской непогрѣшимости, то я могу съ большимъ удобствомъ обозвать его атеистомъ; если онъ говоритъ о крестьянскомъ самоуправленіи, я могу рекомендовать его, какъ республиканца и т. п. Пріемъ этотъ существуетъ испоконъ-вѣку и можетъ быть еще Адамъ пустилъ его въ ходъ, обвиняя Еву

http://rcin.org.pl

предъ лицомъ Бога и тѣмъ прикрывая собственный грѣхъ. Но онъ получилъ особенную силу и значеніе съ начала нынѣшняго вѣка, когда всѣ расшатанные революціей общественные элементы, забывъ свою исконную вражду и несовмѣстимость, протянули другъ другу руки и заключили до поры до времени миръ. До революціи было ясно, что строго-монархическій принципъ враждебенъ феодализму и дворянскимъ привиллегіямъ, Людовикъ XIV доказалъ это всѣмъ своимъ царствованіемъ; до революціи было ясно, что свѣтская и духовная власть уже вышли изъ равновѣсія средневѣковой доктрины двухъ мечей и стоятъ другъ противъ друга въ качествѣ враговъ. Реакція, вызванная революціей, сгладила эти шероховатости, прикрыла хворостомъ логическія пропасти. И вотъ мы видимъ, что революціонеръ и атеистъ, даже демократъ и атеистъ, республиканецъ и матеріалистъ, матеріалистъ и проповѣдникъ безнравственности отождествляются, свертываются въ какой-то безсмысленный, фантастическій клубокъ, въ которомъ сами свертыватели не разберутъ ни конца, ни начала. Обвиненія во всевозможныхъ *измахъ* сыплятся даже на людей, неповинныхъ ни въ одномъ изъ нихъ, сыплятся единственно по недоразумѣнію и невѣжеству, по легкости, съ которою дѣйствуетъ расходившаяся метла реакціи. Послѣдующія событія, выдвинувъ буржуазію на мѣсто дворянства, не выдавили, однако, окончательно послѣдняго; поставивъ фабриканта и купца на мѣсто, дотолѣ нераздѣльно занимаемое крупнымъ поземельнымъ собственникомъ, они сдѣлали элементъ воинствующій элементомъ торжествующимъ, и такимъ образомъ прибавили свою ленту къ фантастическому клубку. Къ ряду страшныхъ *измовъ* прибавились новые *измы*, и теперь обществу еще труднѣе оглянуться, вернуться къ источникамъ этой нелѣпой исторіи и по достоинству оцѣнить значеніе литературы просвѣщенія.

Даже мыслящіе люди, сознающіе тотъ несомнѣнный фактъ, что въ средѣ самой литературы просвѣщенія шла живая борьба, что здѣсь проходитъ нѣсколько существенно различныхъ и сталкивающихся между собою теченій, не всегда умѣютъ опредѣлить истинное значеніе этихъ теченій. Такъ, недавно вышедшая

http://rcin.org.pl

книга г-жи Ройе (De l'origine de l'homme. Paris. 1870) занимается неблагодарнымъ дѣломъ полемики съ Руссо и восхваленія Вольтера, сводя ихъ ученія на очную ставку съ теоріей Дарвина. Дѣло ведется въ такомъ тонѣ, что вотъ, дескать, у насъ есть два знамени—Вольтеръ и Руссо, и далѣе доказывается, что первое несравненно важнѣе и плодотворнѣе втораго. При этомъ совершенно упускается изъ виду, что знамена Вольтера и Руссо давно уже для насъ необязательны; что по нѣкоторымъ пунктамъ къ намъ ближе Вольтеръ, а по другимъ—Руссо; что, не говоря уже о томъ, что Вольтеръ осыпалъ градомъ насмѣшекъ одного изъ предшественниковъ Дарвина—Демалье, наиболѣе выдающіяся части его міросозерцанія отнюдь не совпадаютъ съ современною наукою и философіею. Съ другой стороны, мы полагаемъ, что Руссо, своими выдающимися доктринами, совершенно примыкаетъ къ правильно понятой теоріи Дарвина. Вообще къ Вольтеру несправедливы. Одни видятъ именно въ немъ воплощеніе разрушительныхъ стремленій XVIII вѣка, тогда какъ онъ былъ, напротивъ, человѣкомъ середины во всѣхъ вопросахъ, волновавшихъ его современниковъ. Другіе, напротивъ, преувеличиваютъ его значеніе, видя въ немъ дѣйствительно «царя мысли» XVIII вѣка, что также несправедливо. Вольтеръ былъ дольше и больше всѣхъ просвѣтителей на виду—вотъ, по нашему мнѣнію, причина этихъ незаслуженныхъ обвиненій и восхваленій. Онъ первый началъ борьбу или, лучше сказать, первый послѣ Бейля и англійскихъ мыслителей. Онъ прожилъ 85 лѣтъ, начавъ работать съ 20-ти. Онъ былъ въ сношеніяхъ чуть не со всѣми европейскими государями; благодаря своему богатству, могъ жить роскошно, быть, какъ онъ самъ себя называлъ, l'aubergiste de l'Europe, имѣть свой театръ, давать балы и проч. Это внѣшнія причины. Рядомъ съ ними стояли причины внутреннія. Его юркость, увертливость, его энергія, страшная полемическая сила и уничтожающее остроуміе, наконецъ, его умѣнье облекать свои мысли въ легкую, остроумную форму — въ этомъ онъ положительно не имѣлъ соперниковъ—дѣлали изъ него для Европы и всевидящее и всѣми видимое око. Не только тихая

http://rcin.org.pl

жизнь Дидро, а и мрачныя приключенія Руссо не могутъ идти ни въ какое сравненіе съ бурною, блестящею жизнью Вольтера. И физическія условія, въ родѣ продолжительности жизни, и счастливыя особенности ума, и даже несчастныя особенности характера—все способствовало славѣ Вольтера въ ущербъ извѣстности другихъ просвѣтителей. Теперь мало уже читаютъ писателей XVIII вѣка, и фигура Вольтера часто по преданію заслоняетъ собою главнымъ образомъ Дидро, который, съ неменьшимъ талантомъ, усердіемъ, многосторонностью и успѣхомъ, преслѣдуя общую задачу вѣка, былъ, однако, въ то же время гораздо смѣлѣе и послѣдовательнѣе въ развитіи своихъ основныхъ идей.

При имени Вольтера въ насъ невольно поднимается представленіе смѣлаго, неустрашимаго бойца. Но такое представленіе соотвѣтствуетъ истинѣ только при извѣстныхъ, весьма значительныхъ ограниченіяхъ. Вольтеру не трудно было быть смѣлымъ, когда онъ, благодаря своему вліянію въ высшихъ сферахъ, могъ, напримѣръ, по дѣлу Каласа или Сирвена, поднять на ноги цѣлую Европу. Но, съ другой стороны, онъ слишкомъ дорожилъ связанными съ этимъ вліяніемъ благами. Вольтеру ничего не стоило, когда ему, напримѣръ, захотѣлось попасть въ академію, льстить іезуитамъ, отрекаться отъ своихъ идей и т. д. (см. Штраусъ, .стр. 108 и слѣд.). Нѣтъ ничего удивительнаго, что онъ, при малѣйшей опасности, отпирался отъ своихъ книгъ, скрывалъ свое авторство и даже возвелъ этотъ образъ дѣйствія въ систему; онъ писалъ Гельвеціусу: «Не нужно никогда ставить своего имени; я не написалъ даже и Pucelle». (Геттнеръ). Но мы, главнымъ образомъ, имѣемъ въ виду не этого рода недостатокъ смѣлости, а недостатокъ смѣлости мысли. При этомъ мы вовсе не имѣемъ въ виду мѣрять міросозерцаніе Вольтера современной мѣркой и уличать его въ томъ, что онъ не дошелъ до выводовъ, сдѣланныхъ позднѣйшими поколѣніями, отчасти благодаря его же дѣятельности. Нѣтъ, это было бы нелѣпо и несправедливо. Мы сравниваемъ Вольтера только съ его современниками, съ другими просвѣтителями. Вольтеръ раз-

http://rcin.org.pl

суждаетъ почти всегда съ заднею мыслью, совершенно посторонней предмету изслѣдованія, и эта задняя мысль иногда совершенно неожиданно останавливаетъ его логическую нить и сворачиваетъ ее въ сторону. И если мы захотимъ искать причинъ такой непослѣдовательности и недостатка смѣлости, то найдемъ ихъ въ несчастномъ нравственномъ характерѣ Вольтера. Вопросъ о томъ, насколько пятна на нравственномъ характерѣ Вольтера отразились на его литературной дѣятельности, занималъ многихъ, что очень естественно: дѣятельность эта была такъ блестяща, характеръ этотъ былъ такъ тусклъ. Въ какомъ отношеніи они находятся другъ къ другу? Отвѣты получаются большею частію неудовлетворительные, потому что значеніе нравственнаго элемента то преувеличивается, то слишкомъ съуживается, а иногда и совершенно отрицается. Штраусъ справедливо говоритъ, что нельзя разрубать человѣка на двое и, подобно Фридриху-Великому, предоставить весь свѣтъ Вольтера въ распоряженіе его таланта, а всю тьму взвалить на характеръ. Но Штраусъ ограничивается, къ сожалѣнію, неопредѣленнымъ указаніемъ, что и умственный элементъ въ Вольтерѣ небезупреченъ, да и нравственный—не сплошная тьма. Онъ не пытается опредѣлить точки соприкосновенія этихъ элементовъ, моменты ихъ границъ, не знаетъ ихъ взаимныхъ вторженій.

XVIII вѣкъ боролся за свободу мысли и терпимость противъ рутины, преданія и фанатизма. Ничто не должно ускользать отъ критики, отъ свободнаго изслѣдованія, ничто не должно отзываться неподсудностью разуму, ничто не должно быть принято на вѣру,—таковъ общій девизъ всѣхъ просвѣтителей. Во имя его Руссо требовалъ отчета у всего величественнаго зданія цивилизаціи въ цѣломъ; во имя его Дидро и энциклопедисты допрашивали все, чѣмъ жила старая Европа; во имя его, Вольтеръ боролся съ догматизмомъ религіи. Дружная, горячая борьба на этомъ общемъ полѣ составляетъ великую заслугу XVIII вѣка вообще и въ частности Вольтера. Его лихорадочное участіе въ дѣлахъ Каласа, Сирвена и проч. свидѣтельствуетъ, что онъ не ограничивался словесною борьбою и только проповѣдью терпи-

http://rcin.org.pl

мости. Очевидно, что онъ отдался этому дѣлу весь и работалъ не только словомъ, а и дѣломъ. Преслѣдуя въ общемъ одну и ту же широкую цѣль, просвѣтители поодиначкѣ болѣе или менѣе спеціализировали свои задачи. Вольтеръ избралъ борьбу съ религіознымъ догматизмомъ и фанатизмомъ. Здѣсь лежитъ центръ тяжести его дѣятельности, тотъ пунктъ, къ которому примыкаютъ всѣ другія стороны его міросозерцанія. Съ раннихъ лѣтъ Вольтеръ вышелъ на эту дорогу и уже въ первыхъ его произведеніяхъ идетъ живая борьба противъ фанатизма и притязаній духовенства. Вольтеръ былъ неистощимъ въ формахъ этой борьбы: лирическое стихотвореніе, докладная записка, трагедія, памфлетъ—все шло въ дѣло. Но наиболѣе удавались Вольтеру тѣ маленькіе разсказы, которые вошли въ составъ книги г. Дмитріева. Никто лучше Вольтера не умѣлъ опошлить проявленія религіознаго фанатизма, никто не писалъ такихъ злыхъ и остроумныхъ карикатуръ. Прочтите, напримѣръ, хоть «Исторію путешествій Скарментадо» (Романы и повѣсти, 123). Молодой человѣкъ отправляется путешествовать. Въ Англіи онъ встрѣчаетъ слѣдующее: «Благочестивые католики рѣшились, для блага церкви, взорвать на воздухъ короля, королевское семейство и весь парламентъ и освободить Англію отъ еретиковъ. Мнѣ указали мѣсто, на которомъ, по повелѣнію блаженной памяти королевы Маріи, дочери Генриха VIII, было сожжено болѣе пятисотъ ея подданныхъ. Одинъ ирландскій священникъ увѣрялъ меня, что это былъ прекрасный поступокъ: вопервыхъ, потому, что убитые были англичане; а вовторыхъ, потому, что они никогда не пили святой воды и не вѣрили въ вертепъ святаго Патрика. Онъ крайне удивлялся тому, что королева Марія до сихъ поръ не причтена къ лику святыхъ; но онъ надѣялся, что это случится, какъ только у кардинала племянника будетъ побольше свободнаго времени». Скарментадо ѣдетъ въ Голландію, попадаетъ въ Гагѣ на казнь Барневельдта и спрашиваетъ, не измѣнилъ ли онъ отечеству. «Онъ сдѣлалъ гораздо хуже—отвѣчалъ мнѣ проповѣдникъ въ черной мантіи—онъ думалъ, что добрыми дѣлами можно спастись такъ же хорошо, какъ и вѣрою. Вы понимаете,

http://rcin.org.pl

что если подобныя мнѣнія утвердятся, то республика не можетъ существовать, а чтобы предупредить этотъ соблазнъ, необходимы строгіе законы». Одинъ глубокомысленный туземный политикъ замѣтилъ мнѣ со вздохомъ: «Ахъ, милостивый государь, хорошимъ временамъ придетъ когда-нибудь конецъ; усердіе этого народа—случайное: по существу своего характера, онъ склоненъ принять гнусный догматъ терпимости; одна мысль о томъ, что это когда-нибудь случится, приводитъ меня въ трепетъ». Отправляется Скарментадо въ Испанію и застаетъ въ Севильѣ праздникъ. На огромной площади, усыпанной пародомъ, стоялъ высокій тронъ, предназначенный для короля и его семейства, а напротивъ его стоялъ другой, еще болѣе высокій. На него взошелъ великій инквизиторъ, благословляя короля и народъ. «Затѣмъ, покорно вошло цѣлое войско монаховъ, бѣлыхъ, черныхъ, сѣрыхъ, обутыхъ и босыхъ, бородатыхъ и безбородыхъ, съ остроконечными капюшонами и безъ нихъ; за монахами слѣдовалъ палачъ; наконецъ, полицейскіе чиновники и вельможи сопровождали около сорока человѣкъ, покрытыхъ мѣшками, разрисованными чертями и пламенемъ: то были іудеи, несоглашавшіеся отречься отъ Моисея, христіане, женившіеся на кумахъ, или неноклонившіеся образу Богородицы въ Атохѣ, или нежелавшіе отдать свои наличныя деньги въ пользу братьевъ-іеронимитовъ. Прежде всего набожно пропѣли нѣсколько прекрасныхъ молитвъ, затѣмъ, преступниковъ сожгли на медленномъ огнѣ, что, казалось, послужило къ великому назиданію всей королевской фамиліи». Затѣмъ, Скарментадо самъ попадаетъ за нѣсколько менѣе чѣмъ неосторожныхъ словъ въ тюрьму инквизиціи, платитъ штрафъ, узнаетъ, что «испанцы въ Америкѣ сожгли, зарѣзали и утопили до десяти милліоновъ туземцевъ, обращая ихъ въ христіанскую вѣру», и ѣдетъ въ Турцію. Тамъ онъ застаетъ грызню между латинскими и греческими христіанами, попадаетъ въ непріятныя исторіи, потому что латиняне подозрѣваютъ его въ сочувствіи къ грекамъ и наоборотъ. Наконецъ, «утромъ явился имамъ, чтобы совершить надо мной обрядъ обрѣзанія, и такъ-какъ я нѣсколько сопротивлялся, то кади той части города,

http://rcin.org.pl

въ которой я жилъ, будучи человѣкомъ добросовѣстнымъ, предложилъ мнѣ посадить меня на колъ». Дѣло окончилось штрафомъ. Скарментадо ѣдетъ въ Персію, гдѣ попадаетъ, какъ между двухъ огней, между партіями «чернаго и бѣлаго барана». Въ Китаѣ его также съ двухъ сторонъ осадили «преподобные отцы іезуиты» и «преподобные отцы доминиканцы», враждующіе изъ-за уловленія китайскихъ душъ и т. д. Въ «Письмахъ Амабеда» пускается въ ходъ другой пріемъ. Рядомъ съ разсказомъ о насиліяхъ и мерзостяхъ, совершенныхъ монахами надъ молодымъ индусомъ Амабедомъ и его невѣстой, осмѣивается историческая теорія Боссюэта, по которой въ древности существовалъ только одинъ историческій народъ—еврейскій, какъ предтеча христіанства. Въ «Бѣломъ быкѣ» опять новый пріемъ. Пользуясь свободой, предоставляемой ему фантастичностью и восточнымъ колоритомъ разсказа, Вольтеръ безъ всякой видимой надобности вплетаетъ змѣя-соблазнителя и другія библейскія фигуры.

Это, впрочемъ, составляетъ единственный пунктъ, на которомъ Вольтеръ является крайнимъ радикаломъ. Мы сейчасъ увидимъ, что это обстоятельство не только не мѣшало, а и помогало ему быть весьма умѣреннымъ во всѣхъ другихъ вопросахъ, быть, что-называется, человѣкомъ золотой середины. Онъ очень хорошо понималъ всю трудность предпринятой имъ борьбы и искалъ союзниковъ. Союзники были указаны и личными вкусами Вольтера, и его положеніемъ въ обществѣ, и, наконецъ, колоритомъ историческаго момента. Союзники эти были ни болѣе, ни менѣе, какъ европейскія правительства. «Революція сверху» и «просвѣщенный деспотизмъ» никогда не клали на исторію такой печати, какъ въ XVIII вѣкѣ; вмѣстѣ съ литературой просвѣщенія, съ философскимъ движеніемъ,—это наиболѣе характеристическая черта прошлаго столѣтія. Свободномыслящіе государи и министры въ родѣ Тюрго, Помбаля, Аранды очень тяготились тѣмъ, слишкомъ высокимъ положеніемъ, которое занимало въ государствѣ духовенство. Будучи отчасти проникнуты тѣми же идеями, которыя разносили по свѣту просвѣтители, находясь даже отчасти подъ прямымъ вліяніемъ просвѣтителей, они они-

http://rcin.org.pl

рались, кромѣ философскихъ соображеній, на государственныя нужды. Такимъ образомъ философы и правительства дѣйствительно были союзниками, и, напримѣръ, уничтоженіе ордена іезуитовъ было дѣломъ ихъ обоюдныхъ усилій. Вольтеръ очень хорошо понималъ цѣну такого оборонительнаго и наступательнаго союза противъ общаго врага. «Не подумали о томъ — писалъ онъ въ 1765 году къ д'Аламберу, — что дѣло королей есть вмѣстѣ и дѣло философовъ; а между тѣмъ, ясно, что мудрецы, непризнающіе двухъ властей, составляютъ хорошую опору королевской власти». Или въ 1768 году: «Философы воротятъ когда-нибудь государямъ все то, что у нихъ отняли папы, но государи, пожалуй, все-таки будутъ посылать философовъ въ Бастилію; такъ мы убиваемъ быковъ, обрабатывавшихъ наши поля» (Штраусъ, стр. 323). Опасеніе, выраженное въ послѣднихъ строкахъ, не особенно смущало Вольтера. Онъ былъ совершенно удовлетворенъ современными ему европейскими порядками. Это видно изъ нѣкоторыхъ его повѣстей (см., напримѣръ, «Вавилонскую принцессу», «Похвальное слово разуму») и изъ многихъ другихъ его собственноручныхъ показаній. Такъ въ 1767 году онъ писалъ д'Аламберу: «Благословимъ революцію, совершившуюся въ умахъ за послѣдніе 15—20 лѣтъ; она превзошла мои ожиданія». Или въ томъ же году и къ тому же: «Клянусь Богомъ, вѣкъ разума наступилъ. Вѣчная благодарность тебѣ, о, природа!» (Штраусъ, стр. 321).

Просвѣщенный деспотизмъ и революція сверху имѣютъ въ себѣ нѣчто обаятельное и нѣчто дѣйствительно цѣнное. Недаромъ эта идея играетъ такую важную роль въ надеждахъ и планахъ общественныхъ реформаторовъ, желающихъ быстраго движенія впередъ. Реформаторы эти очень хорошо понимаютъ, что свобода есть понятіе отвлеченное и получаетъ практическое значеніе только сообразно тому реальному содержимому, которое вкладывается въ идею свободы. Тогда какъ такъ-называемые либералы бьютъ тревогу при всякомъ разговорѣ о правительственномъ вмѣшательствѣ, какія бы цѣли оно ни имѣло, а съ другой стороны, благодаря отвлеченному характеру идеи

http://rcin.org.pl

свободы, связываютъ съ нею помощью различныхъ діалектическихъ нитей такія явленія, ни цѣли, ни результаты которыхъ отнюдь не служатъ дѣту торжества свободы. Къ которой изъ этихъ политическихъ фракцій долженъ быть отнесенъ Вольтеръ? Безъ всякаго сомнѣнія, ни къ которой, потому что въ его время вопросъ о границахъ правительственнаго вмѣшательства не занималъ и не могъ занимать общество въ такой мѣрѣ, чтобы онъ могъ быть теоретизированъ. Физіократы только что обрисовывали «новую науку», то-есть политическую экономію. Ни экономическая теорія laissez faire, ни соотвѣтственныя ей якобы либеральныя политическія теоріи, ни противоположныя имъ ученія еще не развертывались. Повидимому, Вольтеръ былъ ближе къ сторонникамъ правительственнаго вмѣшательства, чѣмъ къ чистокровнымъ либераламъ. Но всѣ подобныя сближенія, сводящіяся къ тому, что человѣка прошлаго столѣтія мѣрятъ мѣркою настоящаго, необходимо слишкомъ поверхностны. Притомъ-же, Вольтера вопросы политическіе и общественные занимали въ несравненно меньшей степени, чѣмъ вопросы философскіе. Онъ занимался ими только изрѣдка и между прочимъ, не углублялся въ нихъ такъ, какъ въ вопросы о конечныхъ цѣляхъ, о добрѣ и злѣ, о душѣ, и проч. Благодаря этому съ одной стороны, и тому, что довлѣющій самому себѣ либерализмъ еще не обособился, какъ самостоятельное политическое направленіе, мы встрѣчаемъ въ сочиненіяхъ и перепискѣ Вольтера самыя противорѣчивыя вещи. Любопытнѣе всего отношенія Вольтера къ монархическому принципу. Историческая роль этого принципа очевидна. Пока онъ занятъ отрицательной работой, приниженіемъ феодальныхъ элементовъ, изъ которыхъ онъ самъ вышелъ и которыхъ ему слѣдуетъ опасаться, — онъ представляетъ собою принципъ необходимо прогрессивный. Вольтеръ, важный баринъ, помѣщикъ, камергеръ и кавалеръ, но тѣмъ не менѣе вышедшій изъ средняго сословія и всегда принадлджавшій ему по общему складу своего ума, не могъ не понимать этого. И мы дѣйствительно видимъ въ Вольтерѣ рядомъ съ уваженіемъ къ монархическому принципу отрицательное отношеніе къ такимъ движе-

http://rcin.org.pl

ніямъ, какъ, напримѣръ, фронда, въ которыхъ теперь многіе публицисты увидѣли бы, можетъ быть, нѣчто либеральное, но которыя въ невинное время отсутствія либерализма были въ глазахъ всѣхъ просто дворянскими, феодальными движеніями. Позволяю себѣ сдѣлать небольшое отступленіе. Я пишу эти строки въ Германіи, въ началѣ августа. Кругомъ слышатся патріотическія рѣчи нѣмцевъ о единствѣ Германіи; южно-германскія государства, фактически проглоченныя Пруссіей еще въ 1866 году и неизбѣжно имѣющія быть проглоченными и формально не въ 1871, такъ въ 1881, въ 1891 году, признали casus foederis и дерутся съ французами за единую Германію. Представляетъ ли эта въ сотый разъ всплывающая идея единства Германіи принципъ прогрессивный? Ходячій либерализмъ, если только онъ не руководится какими-нибудь сторонними, мѣстными соображеніями, необходимо отвѣчаетъ на этотъ вопросъ утвердительно. Но рѣшенія ходячаго либерализма, хотя бы онъ и не имѣлъ въ виду сторонннхъ соображеній, и смотрѣлъ на событія съ высоты птичьяго полета, не заслуживаютъ никакого довѣрія. Глубокій и оригинальный умъ Прудона выставилъ діаметрально противоположное рѣшеніе вопроса. Онъ полагаетъ именно, что объединеніе Германіи и объединеніе Италіи, представляя теченіе встрѣчное федеративному принципу, суть явленія регрессивныя. Но въ стотысячный разъ должно оказаться, что всѣ подобныя абсолютныя рѣшенія такъ же слабы въ политикѣ, какъ слабы они въ философіи и въ наукѣ. Въ стотысячный разъ должно оказаться, что всякій политическій фактъ, какъ и всякій другой фактъ, обставленъ многочисленными *если* и требуетъ оцѣнки относительной. Федерація для федераціи такъ же малоцѣнна, какъ и объединеніе для объединенія. Исчезновеніе Георговъ и Франциковъ не составляетъ большой потери и съ точки зрѣнія правильно понятаго федеративнаго принципа. Еслибы въ каждомъ швейцарскомъ кантонѣ сидѣло по Лудовику или Франциску, то, какъ свидѣтельствуютъ всѣ историческія аналогіи, они (кантоны) необходимо подверглись бы нѣкоторому объединительному процессу и затѣмъ уже только могли бы принять свой теперешній

http://rcin.org.pl

видъ. Объединеніе составляетъ въ извѣстный моментъ необходимое и дѣйствительно прогрессивное явленіе, но опять-таки не безусловно прогрессивное, потому что тутъ же является вопросъ: можетъ ли Пруссія или Пьемонтъ, т.-е. вообще объединяющее начало вести объединенные элементы впередъ по пути развитія? Сообразно отвѣту на этотъ вопросъ, можно или желать немедленнаго объединенія, или желать, чтобы исторія отложила этотъ процессъ, пока объединяющій элементъ не выростетъ. Разъ объединеніе, помимо нашихъ желаній или нежеланій, произошло, мы должны смотрѣть, куда ведетъ объединенные народы Пруссія или Пьемонтъ. Роль монархическаго принципа совершенно аналогична роли объединяющаго государственнаго элемента и даже часто совершенно примыкаетъ къ нему. Представимъ себѣ, напримѣръ, обширную федерацію русскихъ помѣщиковъ, изъ которыхъ каждый чинитъ у себя дома судъ и расправу, чеканитъ монету, объявляетъ войну и заключаетъ миръ, издаетъ законы и проч. Такая федерація несомнѣнно совершенно удовлетворила бы нашихъ либераловъ изъ партіи покойной «Вѣсти» и даже могла бы быть съ точки зрѣнія чистокровнаго либерализма не безъ успѣха поддерживаема. Однако, еслибы одинъ изъ членовъ этой фантастической федераціи сталъ постепенно возвышаться и, наконецъ, поглотилъ бы своихъ соперниковъ, то это было бы явленіемъ не только очень естественнымъ, а и несомнѣнно прогрессивнымъ; инымъ путетъ развитіе страны и не могло бы совершаться. Такъ именно и выросъ монархическій принципъ на Западѣ. Но разъ отрицательная работа кончена, разъ феодальное дворянство унижено силою оружія или обращено въ служилое сословіе, прогрессивная задача монархическаго принципа усложняется. Онъ можетъ вести народъ впередъ, остановиться на мѣстѣ, идти назадъ, идти въ ту или другую сторону. Монархамъ и вообще правительствамъ европейскимъ въ XVIII вѣкѣ не приходилось уже стоять къ остаткамъ феодализма въ такомъ отношеніи, въ какомъ стоялъ Людовикъ XIV, и всѣ свои силы направлять къ тому, чтобы, по выраженію Фридриха Вильгельма I, «gegen die Auctorität der Junkers

http://rcin.org.pl

ihre Souveränität wie ein Rocher von Bronce zu stabiliren». Рядомъ съ этою отрицательною дѣятельностію правительствъ XVIII стотѣтія выступаетъ и дѣятельность творческая, которая всегда направляется главнымъ образомъ на низшіе слои общества, какъ на наиболѣе нуждающіеся въ обновленіи, и въ обновленіи которыхъ наиболѣе нуждается и само общество. Вольтеръ присутствовалъ при этомъ движеніи, видѣлъ его очень близко, но истиннаго его значенія во всемъ его объемѣ понять не могъ. Для этого онъ слишкомъ спеціализировалъ задачу своей жизни, сведя ее на борьбу съ догматизмомъ. Правда, онъ говорилъ и о справедливомъ распредѣленіи налоговъ, и о язвѣ крѣпостнаго права, и о смягченіи уголовныхъ кодексовъ, но все это только слабыя струи въ бурной рѣкѣ его дѣятельности. Да и то, напримѣръ, относительно налоговъ его преимущественно бѣсили привиллегіи именно духовенства и монастырей. Вообще, если онъ и возлагалъ большія надежды на просвѣщенный деспотизмъ и революцію сверху, то главнымъ образомъ только въ виду религіозной терпимости и свободы мысли. Конечно, это было бы завоеваніе огромное, и преимущественно по тѣмъ послѣдствіямъ, которыя бы оно неизбѣжно имѣло. Но едва-ли Вольтеръ достаточно ясно видѣлъ и достаточно высоко цѣнилъ эти послѣдствія, потому что онъ ставилъ очень опредѣленныя границы тому «просвѣщенію», дѣлу котораго посвятилъ всю свою жизнь. «Мы—пишетъ онъ д'Аламберу—должны быть довольны тѣмъ презрительнымъ положеніемъ, которое l'infame занимаетъ теперь въ глазахъ всѣхъ порядочныхъ людей въ Европѣ. Больше ничего не требовалось. Мы не имѣли претензіи просвѣщать сапожниковъ и кухарокъ». Или въ 1769 году: «Скоро у насъ будетъ новое небо и новая земля. Я разумѣю порядочныхъ людей (honnêtes gens), потому что сволочи (canaille) нужны именно глупѣйшее небо и глупѣйшая земля». Или въ 1768 году: «Народъ будетъ всегда глупъ и грубъ; это быки, которымъ нужны ярмо, погонщикъ и кормъ» (Штраусъ, стр. 321, 323). Въ 1767 онъ пишетъ Дамилавилю: «Я думаю, что относительно народа мы не понимаемъ другъ друга; я понимаю подъ народомъ populace, чернь,

http://rcin.org.pl

у которой есть только руки, чтобы жить. Я опасаюсь, что этотъ разрядъ людей никогда не будетъ имѣть времени и способности научиться; мнѣ кажется даже необходимымъ, чтобы существовали невѣжды. Еслибы вамъ пришлось воздѣлывать землю, какъ имъ, вы, конечно, согласились бы со мной; quand la populace se mêle de raisonner, tout est perdu» (Геттнеръ, стр. 163). Правда, мѣстами Вольтеръ высказываетъ мнѣнія совершенно противоположныя. Такъ, напримѣръ, въ повѣсти «Вавилонская принцесса» отчасти вѣроятно чтобы польстить нѣкоторымъ изъ своихъ царственныхъ покровителей, онъ говоритъ: «Словомъ сказать, въ этихъ обширныхъ государствахъ люди осмѣлились сдѣлаться разумными, между тѣмъ, какъ вездѣ еще думали, что только до тѣхъ поръ можно управлять народомъ, пока онъ глупъ» (Романы и повѣсти, стр. 401). Такъ въ «Похвальномъ словѣ Разуму» онъ замѣчаетъ, говоря о польскихъ порядкахъ: «Вотъ что значитъ постоянно подавлять самую полезную часть человѣческаго рода и обращаться съ земледѣльцами хуже, чѣмъ они обращаются съ рабочими животными» (Романы и повѣсти, стр. 513). Но обыкновенный тонъ его не оставляетъ никакихъ сомнѣній въ томъ, что для него лежитъ вѣчно непроходимая пропасть между «порядочными людьми» и «сволочью»,—пропасть, неуничтожимая даже союзомъ государей и философовъ. Достаточно замѣтить, что «Вавилонская принцесса», въ которой объясняется, что «сѣверные принцы» отбросили мнѣніе, что «только до тѣхъ поръ можно управлять народомъ, пока онъ глупъ», написана въ томъ же году, какъ и вышеприведенное мнѣніе о необходимости существованія невѣждъ. Разница только въ томъ, что первое мнѣніе высказано во всеуслышаніе передъ лицомъ всей читающей Европы, со включеніемъ «сѣверныхъ принцевъ», тогда какъ второе выражено въ частномъ дружескомъ письмѣ. Не трудно догадаться, въ которомъ случаѣ Вольтеръ былъ искреннѣе. Любопытна также обстановка втораго изъ приведенныхъ нами заявленій либеральнаго свойства. Выразивъ свое негодованіе противъ дурного обращенія съ земледѣльцами, путешествующая Истина говоритъ своему отцу, Разуму: «Я жалѣю добродѣ-

http://rcin.org.pl

тельнаго, умнаго и человѣколюбиваго монарха (Станислава-Августа); и я смѣю надѣяться, что онъ будетъ счастливъ, потому что другіе короли начинаютъ быть счастливыми и потому что свѣтъ вашъ распространяется все болѣе и болѣе» (Романы и повѣсти, стр. 513).

Какъ одинъ изъ «порядочныхъ людей», Вольтеръ ненавидѣлъ l'infame; современные ему государи, несомнѣнно принадлежавшіе къ «порядочнымъ людямъ», должны были съ ней также бороться всѣми силами. Объ этомъ союзѣ Вольтеръ хлопоталъ постоянно; эту задачу правительствъ онъ никогда не упускалъ изъ виду. Но затѣмъ судьбы «сволочи» (canaille, populace) отступали, смотря по обстоятельствамъ, на второй, на третій планъ, а то такъ и совсѣмъ исчезали со сцены. Не будучи такимъ образомъ въ состояніи охватить всю сферу правительственной дѣятельности и оцѣнить по достоинству творческую половину роли монархическаго принципа; не видя съ другой стороны, опять-таки ослѣпленный своею спеціальною задачею, нѣкоторыхъ слабыхъ сторонъ просвѣщеннаго деспотизма XVIII вѣка, именно его поверхностности и непрочности — что́ хорошо видѣли многіе изъ его современниковъ — Вольтеръ естественно долженъ былъ придать невѣрное освѣщеніе монархическому принципу и видѣть въ немъ не средство для достиженія извѣстныхъ цѣлей, а самую цѣль. Правда, онъ нигдѣ не формулировалъ такимъ образомъ своихъ политическихъ воззрѣній, но, какъ уже сказано, онъ сравнительно мало занимался политическими вопросами, и его политическія убѣжденія слагались изъ довольно противорѣчивыхъ и слабо продуманныхъ элементовъ. Но что таковы именно были воззрѣнія Вольтера, это очевидно. И очевидно, между прочимъ, изъ его отношенія къ Людовику XIV, этому монарху изъ монарховъ, блистательно совершившему свою отрицательную работу—съ этой стороны онъ прямой предшественникъ революціи, — но затѣмъ совершенно отклонившемуся отъ своей творческой миссіи. Для Вольтера Людовикъ XIV главнымъ образомъ блестящій покровитель наукъ и искусствъ. Для него это солнце не безъ пятенъ, конечно, но пятна Воль-

http://rcin.org.pl

теръ намѣчиваетъ очень мягко, а если гдѣ и кладетъ густой слой мрачной краски, то только въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣятельность Людовика враждебно сталкивается съ спеціальною задачей жизни самаго Вольтера. Вольтеръ прощаетъ многое, даже слишкомъ многое Людовику, не видитъ слишкомъ многихъ темныхъ сторонъ его царствованія, но онъ не можетъ не видѣть, не можетъ простить драгоннадъ и отмѣны нантскаго эдикта.

Изъ всего этого видно, что Вольтеръ далеко не былъ ни политическимъ радикаломъ, ни республиканцемъ, ни революціонеромъ, ни даже мирнымъ демократомъ; словомъ, ничѣмъ такимъ, что̀ состояло бы въ какой нибудь связи не только съ ужасами революціи, но даже съ тѣмъ неопредѣленнымъ пугаломъ, которому время отъ времени мѣняютъ клички и которое въ свое время входило и въ составъ «вольтерьянства». Многіе изъ знаменитыхъ современниковъ Вольтера далеко оставили его за собой въ этомъ отношеніи, и однако и ихъ нѣтъ никакой логической возможности притянуть къ террору. Геттнеръ пытается объяснить слишкомъ уже либеральныя воззрѣнія Вольтера на «сволочь» тѣмъ, что онъ, «какъ значительный и опытный землевладѣлецъ, слишкомъ близокъ былъ къ суровой почвѣ дѣйствительности, чтобы безотчетно отдаваться тѣмъ сантиментальнымъ мечтаніямъ о настоящемъ положеніи народнаго образованія и народнаго характера, какимъ могли подчиняться его друзья въ парижской салонной жизни» (162). Но это значитъ до несправедливости мягко относиться къ человѣку не безспильному, къ человѣку, который можетъ постоять за себя. Отношенія къ народу и въ XVIII вѣкѣ не исчерпывались дилеммой: либо иллюзіи, либо презрѣніе. Здѣсь мы встрѣчаемся съ первымъ враждебнымъ столкновеніемъ нравственнаго уродства Вольтера съ его умственной мощью. Штраусъ говоритъ: «Въ посланіи Іуды говорится, что архангелъ Михаилъ и дьяволъ вели изъ-за души Моисея споръ, который скоро окончился въ пользу перваго; еслибы подобный споръ возникъ изъ-за души Вольтера, то онъ можетъ быть тянулся бы и до сихъ поръ» (339). Трудно поддерживать или опровергать подобную гипотезу. Несомнѣнно конечно, что и ар-

http://rcin.org.pl

хангелу Михаилу было бы за что ухватиться въ душѣ Вольтера. Но вѣрно и то, что нравственный уровень царя мысли былъ очень и очень невысокъ. Его нравственное уродство, въ соединеніи съ нервозностью его натуры, вовлекало его въ жизни во множество самыхъ грязныхъ исторій. Мы не будемъ ихъ касаться, но что для насъ здѣсь важно, такъ это то, что низменность его нравственнаго уровня слишкомъ часто давала, употребляя школьное выраженіе, подножку его логикѣ. Именно эта низменность и не позволила ему гармонизировать и расширить задачу жизни и допустила его только сквозь туманъ и мимоходомъ взглядывать на явленія, лежавшія за предѣлами infame.

Чрезвычайно интересенъ узкій, но тѣмъ не менѣе очевидный мостъ, связывающій воззрѣнія Вольтера на нѣкоторыя явленія общественной жизни съ его теологическими воззрѣніями. Это такъ-называемое (и очень неудачно называемое) нравственное доказательство бытія божія. Въ числѣ обвиненій противъ Вольтера и аттрибутовъ вольтерьянства очень часто фигурируютъ атеизмъ и матеріализмъ. Нѣтъ ничего несправедливѣе этихъ обвиненій, представляющихъ одинъ изъ безчисленныхъ примѣровъ возвышенія мнѣній противника въ квадратъ. Враждебно относясь къ существующимъ религіямъ, Вольтеръ тѣмъ не менѣе былъ всю жизнь страстнымъ защитникомъ внѣміровой божіей личности и никогда не былъ послѣдовательнымъ матеріалистомъ. Недаромъ на построенной имъ въ Фернеѣ церкви онъ сдѣлалъ гордую надпись: Deo erexit Voltaire; недаромъ на памятникѣ его значится, что онъ combattit les athées et les fanatiques. Между двумя или тремя доказательствами бытія божія, выставляемыми Вольтеромъ, онъ придавалъ особенную цѣну нравственному или вѣрнѣе практическому доказательству, и къ тому же доказательству прибѣгалъ онъ иногда и относительно вопроса о безсмертіи души, который рѣшалъ впрочемъ въ различное время различно. Ланге (Geschichte des Materialismus, 164) очень мѣтко говоритъ, что Вольтеръ *не хотѣлъ* быть матеріалистомъ, и точно также можно сказать, что онъ *не хотѣлъ* быть и атеистомъ. Онъ полагалъ именно, что вѣра въ Бога, помимо своей истинно-

http://rcin.org.pl

сти, *нужна* для поддержанія порядка въ обществѣ. Нѣкоторыя его выраженія въ этомъ смыслѣ сдѣлались классическими, какъ напримѣръ: »Si Dieu n'existait pas, il faudrait l'inventer», то-есть, еслибы Бога и не было, такъ надо бы было его изобрѣсти. Извѣстно также возраженіе Вольтера противъ предполагаемой Бейлемъ возможности существованія цѣлаго государства атеистовъ. Вольтеръ никакъ не рѣшался допустить такую возможность нравственности при атеизмѣ. Онъ допускалъ ее, правда, но только для философовъ, для «порядочныхъ людей», но масса народа, «сволочь», должна, по его мнѣнію, быть всегда сдерживаема вѣрою въ Бога. Онъ насмѣшливо говорилъ, что еслибы Бейлю пришлось управлять нѣсколькими сотнями крестьянъ (какъ приходилось это самому Вольтеру), то онъ незамедлилъ бы приняться за распространеніе идеи наказывающаго и награждающаго Бога. Такимъ образомъ пропасть между «сволочью» и «порядочными людьми» даетъ себя знать и въ теологіи и существеннымъ образомъ вліяетъ на образъ мыслей Вольтера. Онъ часто развивалъ этотъ практическій доводъ и прямо говорилъ, что бытіе божіе должно быть утверждаемо не столько на метафизическихъ основаніяхъ, сколько на этомъ практическомъ доказательствѣ. Не имѣя сочиненій Вольтера, мы удовольствуемся слѣдующей цитатой изъ повѣсти «Исторія Женни или атеистъ и мудрецъ». Тенденція разсказа достаточно указывается уже этимъ противоположеніемъ атеиста и мудреца. Мудрецъ Фрейндъ ведетъ, въ присутствіи многочисленнаго общества, поучительную бесѣду съ атеистомъ Биртономъ. Фрейндъ очень краснорѣчивъ и дѣлаетъ нѣкоторымъ образомъ чудеса, обращая въ нѣсколько часовъ заблудшихъ людей на путь истины. Биртонъ играетъ роль болвана въ преферансѣ: карты его открыты и Фрейндъ выбираетъ изъ нихъ то, что ему нужно. Фрейндъ высказываетъ задушевныя мысли самаго Вольтера и разбиваетъ Биртона, которому впрочемъ позволяется также до извѣстной степени представлять собою Вольтера; рядомъ съ атеистическими воззрѣніями, побѣдоносно опровергаемыми Фрейндомъ, Биртонъ высказываетъ нѣсколько намековъ противъ infame, о которыхъ разсказчикъ

http://rcin.org.pl

говоритъ: «Мы не мѣшали ему высказывать эти грубыя шутки, въ которыхъ можетъ быть и была часть истины, но недоставало ни аттической соли, ни римской вѣжливости». Перебравъ аргументы болѣе слабые и немогущіе окончательно убѣдить и поразить слушателей и въ особенности атеиста Биртона, мудрецъ Фрейндъ говоритъ наконецъ: «И неужели же изъ-за этихъ вѣроятностей (атеистической доктрины) мы должны были бы отдаться на волю нашихъ пагубныхъ страстей, жить какъ живутъ дикія животныя, вмѣсто всякихъ законовъ признавать одни только свои желанія и сдерживать ихъ только изъ боязни другихъ людей, которые изъ-за этой боязни должны сдѣлаться вѣчными врагами другъ друга, такъ-какъ мы всегда желаемъ гибели тѣхъ, кого боимся?... Предположимъ, что вся Англія приняла атеистическіе принципы, отъ чего, впрочемъ, избави насъ Господи; тогда, я понимаю, конечно, нашлось бы не мало гражданъ, *съ спокойнымъ и кроткимъ характеромъ, довольно богатыхъ, чтобы имѣть выгоду въ несправедливости, руководимыхъ, однако, чувствомъ чести и, слѣдовательно, слѣдящихъ за своими поступками; они могли бы ужиться другъ съ другомъ;* занимаясь искусствами, которыя смягчаютъ нравы, они могли бы наслаждаться миромъ и невинными забавами честныхъ людей; *но буйный и бѣдный атеистъ, увѣренный въ безнаказанности, былъ бы глупцомъ, еслибы онъ не убилъ васъ, чтобы украсть у васъ деньги.* Тогда прервались бы всѣ общественныя связи, тайныя преступленія наводнили бы міръ, подобно саранчѣ, едва замѣтной въ началѣ, но потомъ опустошающей наши поля: чернь превратилась бы въ шайку разбойниковъ, въ родѣ нашихъ воровъ, десятую часть которыхъ приговаривали къ висѣлицѣ на нашихъ сессіяхъ. Они проводили бы свою несчастную жизнь въ тавернахъ съ погибшими женщинами. Колотя ихъ и дерясь между собою, они засыпали бы пьяные посреди свинцовыхъ кружекъ, которыми подчасъ разбивали бы другъ другу головы, и, просыпаясь только для грабежа и убійства, каждый день снова предавались бы своимъ скотскимъ страстямъ. Кто удержалъ бы тогда сильныхъ міра сего и царей въ ихъ мести, въ ихъ часто-

http://rcin.org.pl

любій, и чего бы только не принесли они тогда имъ въ жертву? Король-атеистъ опаснѣе фанатика Равальяка. Въ XV вѣкѣ исторія кишѣла атеистами; что же изъ этого вышло? Отравить кого нибудь было тогда такимъ же обыкновеннымъ дѣломъ, какъ и угостить кого нибудь ужиномъ, и также охотно закалывали своихъ друзей, какъ и обнимали ихъ.... Стало быть, нѣтъ ничего полезнѣе людямъ, какъ вѣра въ Бога, который награждаетъ за добрыя дѣла, наказываетъ за злыя и прощаетъ легкіе проступки; только онъ удерживаетъ сильныхъ міра сего отъ совершенія офиціальныхъ преступленій; только онъ удерживаетъ маленькихъ людей отъ тайныхъ преступленій. Я вамъ не совѣтую, любезные друзья, примѣшивать къ этой необходимой вѣрѣ суевѣріе, которое ее унижаетъ и даже дѣлаетъ пагубной; атеистъ—это чудовище, пожирающее все для утоленія своего голода; суевѣръ — то же чудовище, но терзающее людей по чувству долга».

Эта рѣчь доканала Биртона и другихъ слушателей. Будучи только атеистомъ, а не мудрецомъ, Биртонъ бросился къ ногамъ Фрейнда и воскликнулъ: «Да, я вѣрю и въ Бога и въ васъ». Человѣкъ, исполняющій роль болвана въ преферансѣ (кстати, Вольтеръ очень часто прибѣгаетъ къ такой игрѣ съ болваномъ), безъ всякаго сомнѣнія такъ именно и долженъ былъ кончить. Но не надо быть большимъ мудрецомъ, чтобы видѣть, до какой степени слабы и несостоятельны доводы мудреца Фрейнда. Въ избѣжаніе какихъ либо перетолкованій и возвышенія нашихъ мнѣній въ квадратъ, мы заявляемъ, что смотримъ на атеизмъ, какъ на систему совершенно нефилософскую. Всѣ подобныя вторженія въ область, недоступную для человѣческаго разума, по нашему искреннему и глубокому убѣжденію, не выдерживаютъ критики. Но это не мѣшаетъ намъ стараться по достоинству оцѣнить и тѣ доказательства и положенія, которыя выставляются противъ атеизма, и въ частности находить, что вышеприведенныя возраженія Вольтера не имѣютъ никакой цѣны. Для насъ они драгоцѣнны, но только какъ указаніе — до какой степени Вольтеромъ управляютъ иногда соображенія, совершенно

http://rcin.org.pl

постороннія предмету разсужденія, и до какой степени пагубное вліяніе на его умъ имѣетъ спеціализація задачи жизни, связанная съ непривлекательными чертами его нравственнаго характера. Просимъ читателя обратить вниманіе на подчеркнутыя нами въ тирадѣ мудреца Фрейнда фразы. Дѣло идетъ о томъ, чтобы доказать, что атеистъ не можетъ быть нравственнымъ человѣкомъ. Вольтеръ рѣшаетъ задачу такимъ образомъ, что *богатый и кроткій* атеистъ можетъ вести нравственную жизнь, а атеистъ *бѣдный и буйный* будетъ непремѣнно воромъ и преступникомъ. Ясно, что Фрейнду, болвану Биртону и другимъ слушателямъ только кажется, что они рѣшаютъ задачу объ атеизмѣ; ясно, что x и y рѣшаемой задачи вовсе не атеизмъ, а богатство и кротость съ одной стороны и бѣдность и буйство съ другой. Еслибы Биртонъ не исполнялъ назначенной ему роли болвана, онъ могъ бы сказать Фрейнду: «Мудрецъ, вы сворачиваете въ сторону. Вы, подобно страусу, прячете голову, воображая, что вы такимъ образомъ спасены, тогда-какъ даете мнѣ въ руки новое оружіе. Вы мнѣ не доказали, что атеистъ непремѣнно человѣкъ безнравственный; напротивъ, вы поддержали Бейля, вы доказали, что вполнѣ нравственное общежитіе совершенно возможно для атеистовъ, если только они не бѣдны и не буйны. Такъ-какъ атеистъ можетъ быть *добродѣтельнымъ*, если онъ, сохраняя свой атеизмъ, богатъ и притомъ руководится чувствомъ чести и слѣдитъ за своими поступками (т.-е. если онъ *добродѣтеленъ?*); такъ-какъ съ другой стороны атеистъ непремѣнно преступникъ, если только онъ бѣденъ и имѣетъ дурной характеръ,—то мнѣ кажется, что атеизмъ тутъ совсѣмъ не причемъ. Сокращая обѣ части уравненія на одну и ту же величину атеизма, я съ полнымъ нравомъ вывожу его изъ круга нашихъ разсужденій и вижу, что человѣкъ, по вашему мнѣнію, добродѣтеленъ, если онъ добродѣтеленъ и богатъ, и безнравственъ, если онъ безнравственъ и бѣденъ. Я вычеркиваю плеоназмы, и у меня остается положеніе: человѣкъ добродѣтеленъ, если онъ богатъ, и преступенъ, если онъ бѣденъ. Это, разумѣется, несправедливо, но здѣсь есть доля истины, и меня удивляетъ, что вы,

http://rcin.org.pl

имѣя титулъ мудреца, проглядѣли эту долю истины и замаскировали ее для самаго себя такой кучей ненужныхъ и слабыхъ укрѣпленій. Мудрецъ, меня удивляетъ ваша логика. Вы утверждаете, что еслибы въ Англіи утвердились атеистическіе принципы, то буйные люди стали бы проводить время въ тавернахъ съ погибшими женщинами и разбивать другъ другу головы оловянными кружками. Но, скажите, о, мудрецъ, развѣ всѣ оловянныя кружки въ нашей теперешней богоспасаемой Англіи совершенно невинны? развѣ и теперь буйные люди не проводятъ время въ тавернахъ? Не значитъ ли это придавать атеизму слишкомъ много значенія, когда вы въ немъ одномъ ищете причину преступленій, совершенныхъ въ Италіи въ XV столѣтіи? Французскій философъ XVIII вѣка, Вольтеръ, остроумный авторъ нашего съ вами разговора вѣрилъ въ Бога и вмѣстѣ съ тѣмъ надувалъ, клеветалъ, поддѣлывалъ векселя. Что вы скажете, если я буду на этомъ основаніи утверждать, что г. Вольтеръ продѣлывалъ все это именно потому, что вѣрилъ въ Бога? Вы конечно не назовете меня мудрецомъ, а г. Вольтеръ даетъ вамъ этотъ титулъ за подобную же аргументацію и даже заставляетъ меня бросаться къ вашимъ ногамъ, тогда-какъ изъ дѣла видно, что вы именно, метафорически говоря, бросались къ моимъ ногамъ и просили пощады, хотя г. Вольтеръ обставилъ васъ гораздо лучше, чѣмъ меня. Припомните, что вы окончили свою бесѣду восклицаніемъ: «Пусть господинъ Биртонъ и его друзья отвѣтятъ мнѣ, какой вредъ можетъ имъ принести поклоненіе Богу и честная жизнь?»—Это уже значитъ просить пардону, хотя вы еще продолжаете коварно отождествлять поклоненіе Богу съ честною жизнью, тогда-какъ ихъ взаимныя отношенія и составляютъ нашъ вопросъ, предметъ нашихъ дебатовъ».

Такъ долженъ бы былъ отвѣтить мудрецу Фрейнду Биртонъ, еслибы Вольтеръ не игралъ съ болваномъ. Очевидно, Вольтеръ дѣйствительно *не хотѣлъ* быть атеистомъ, если онъ считаетъ дѣло деизма достаточно защищеннымъ подобными бьющими совсѣмъ мимо цѣли выстрѣлами. Не то, чтобы онъ при этомъ совершалъ надъ собой какое нибудь насиліе, заставлялъ себя убѣж-

http://rcin.org.pl

даться доказательствами мудраго Фрейнда. Нѣтъ, это насиліе надъ собой никогда вѣроятно не обрисовывалось вполнѣ отчетливо въ душѣ Вольтера. Это *нежеланіе* быть атеистомъ и матеріалистомъ, ради соображеній совершенно посторонних, никогда не принимало, такъ сказать, остраго характера, но обратилось въ хроническую болѣзнь, сдѣлалось подкладкой всей философіи Вольтера, очень рѣдко однако выступая наружу въ отдѣльныхъ случаяхъ. Сосредоточивъ всѣ свои силы на одномъ пунктѣ, Вольтеръ велъ войну слишкомъ односторонне. Его аттака противъ infame была до такой степени горяча и стремительна; его жажда побѣды на этомъ пунктѣ была до такой степени сильна, что для нея онъ готовъ былъ пожертвовать всѣмъ. Онъ поступалъ такъ, какъ поступили бы теперь нѣмцы, еслибы, имѣя въ виду только побѣду на Рейнѣ, не замѣтили высадки французовъ съ моря и взятія Берлина и продолжали трубить побѣду, тогда-какъ въ сущности происходило отступленіе. Понятное дѣло, что это произошло потому, что Вольтеръ слишкомъ мало дорожилъ Берлиномъ, а это объясняется опять-таки недостаточною высотою его нравственнаго уровня. Вторженіе этого элемента въ развитіе приведеннаго практическаго аргумента очевидно до послѣдней степени. Какой нравственно развитой человѣкъ не то что рѣшится сказать, а какъ онъ сумѣетъ сказать, какъ это говорилъ Вольтеръ:

...Wird redlicher dein Pachter?
Glaubt er an keinen Gott, zahlt er gewiss dich schlechter.

Это переводъ Штрауса (225), и порусски значитъ: «если твой арендаторъ не вѣритъ въ Бога, такъ будетъ тебѣ плохо платить арендныя деньги». А Вольтеръ видѣлъ въ этомъ серьезный аргументъ. Какой нравственно развитый человѣкъ, говоря о томъ, что есть люди, достаточно хорошо обставленные для того, чтобы не нуждаться въ несправедливости, будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ валить вину преступленій на атеизмъ? Здѣсь низменность нравственнаго уровня Вольтера до такой степени отуманиваетъ его свѣтлую голову, что заставляетъ его говорить вещи не только

http://rcin.org.pl

отвратительныя, а и просто безсмысленныя. Никогда благородный Дидро не напиралъ на подобные аргументы въ періодъ своего увлеченія деизмомъ. Никогда Руссо не поднялъ бы такого жалкаго оружія противъ ненавистнаго ему, не менѣе чѣмъ Вольтеру, атеизма. Въ этомъ отношеніи самъ Вольтеръ отчасти приготовилъ тѣ безсмысленныя огульныя обвиненія, тотъ нелѣпый фантастическій клубокъ, о которомъ мы говорили выше и который захватилъ и Вольтера.

Читатель не могъ не замѣтить, что Вольтеръ очень охотно допускаетъ возможность нравственной жизни, при атеизмѣ, для «философовъ», для «порядочныхъ людей» и напираетъ преимущественно на то, что на «сволочь» должна быть налагаема вѣра въ Бога въ видѣ узды. Самъ собою является вопросъ: насколько самъ Вольтеръ довѣрялъ своимъ доказательствамъ бытія божія и не былъ ли его деизмъ только экзотерическимъ ученіемъ, которое онъ отнюдь не признавалъ для своей личности обязательнымъ? Однако такое подозрѣніе неосновательно. Многочисленные факты изъ окружающей его среды показывали ему, что атеизмъ и высоко нравственная жизнь не несовмѣстимы. Онъ не могъ и не хотѣлъ это наблюденіе надъ жизнью «порядочныхъ людей» распространить на жизнь «буйныхъ и бѣдныхъ» атеистовъ, не могъ по складу своей натуры и потому, что симпатіи его лежали совершенно въ сторонѣ отъ этой жизни. Но самъ онъ никогда не былъ атеистомъ. Онъ искренно вѣрилъ въ бытіе божіе, которое поддерживалось для него не только практическимъ доводомъ, а и другими доказательствами. Объ нихъ ниже, Геттнеръ прекрасно характеризуетъ сантиментализмъ Руссо и раціонализмъ Вольтера, говоря, что для перваго бытіе божіе есть потребность чувства, а для втораго—потребность разума. Наше время, реагируя противъ стараго идеализма и ношеной, вывороченной, перекрашенной, аппретированной, всѣмъ надоѣвшей сантиментальности, слишкомъ пугливо сторонится всякаго вмѣшательства чувства въ вопросы науки и философіи и охотнѣе склоняется къ раціонализму, при чемъ поднимается на пьедесталъ фигура Вольтера. Но эта реакція, надо надѣяться, скоро займетъ

http://rcin.org.pl

должныя границы, и мы убѣдимся, что голый сантиментализмъ Руссо одностороненъ въ такой же степени, какъ и голый раціонализмъ Вольтера; что здравое міросозерцаніе требуетъ гармоническаго отправленія всѣхъ функцій человѣка и взаимнаго ихъ контроля — что и въ XVIII вѣкѣ было отчасти достигнуто, и именно Дидро. Въ Руссо чувство играло активную роль и иногда слишкомъ перевѣшивало дѣятельность умственнаго элемента. Въ Вольтерѣ мы имѣемъ обратное явленіе, но не слѣдуетъ думать, чтобы его раціонализмъ былъ чистъ отъ всякой примѣси элемента сантиментальнаго. Отнюдь нѣтъ, но, не давая этому элементу свободнаго развитія, то кастрируя его, то вытягивая его за волосы, Вольтеръ не могъ усмотрѣть той роли, которую онъ дѣйствительно, не на словахъ игралъ въ его міросозерцаніи. А онъ несомнѣнно игралъ роль важную и, совершенно безъ вѣдома Вольтера, рвался на волю, рвался неправильно, вкривь и вкось, и при этомъ сбивалъ съ логическаго пути и умственный элементъ. Вольтеръ сплошь и рядомъ убѣждается доводомъ не потому, чтобы онъ былъ дѣйствительно убѣдителенъ, а просто потому, что въ глубинѣ души его ему подсказываетъ какой-то невѣдомый для него голосъ: убѣдись, повѣрь. Еслибы Вольтеръ могъ доискаться, что это за голосъ, откуда онъ идетъ и куда зоветъ, словомъ, еслибы онъ привелъ себя себѣ въ ясность, онъ безъ сомнѣнія строже относился бы и къ своимъ силлогизмамъ, которые теперь слишкомъ часто оказываются совершенно прозрачными софизмами. Кромѣ того, руководясь въ своихъ изслѣдованіяхъ всегда какою-нибудь заднею мыслью, но не подвергая ее анализу и иногда даже вовсе не замѣчая ее, Вольтеръ часто путается и впадаетъ въ противорѣчія, потому что не обращаетъ вниманія на то, что пружины не приведены въ систему.

Богъ непостижимъ, по мнѣнію Вольтера, за исключеніемъ одной стороны, именно правосудія. Богъ награждаетъ и наказываетъ людей за ихъ добрыя и злыя дѣла, — въ этомъ Вольтеръ не сомнѣвается ни на минуту. И это совершенно понятно, потому что сомнѣніе въ правосудіи Бога подкапываетъ самое основаніе практическаго доказательства бытія божія. Но изъ этой

http://rcin.org.pl

неизбѣжности признанія божія правосудія возникаютъ для Вольтера безчисленныя затрудненія, изъ которыхъ онъ не всегда удачно выпутывается. Быть можетъ, Богъ награждаетъ и наказываетъ людей уже здѣсь, на землѣ? Этотъ вопросъ тѣсно примыкаетъ къ весьма занимавшему Вольтера вопросу о существованіи и причинахъ зла на землѣ, а этотъ въ свою очередь вяжется съ телеологическомъ доказательствомъ бытія божія и воззрѣніями Вольтера на природу, какъ на искусство, которыя мы разсмотримъ ниже. Здѣсь замѣтимъ только, что Вольтеръ постоянно очень путался и, какъ говорится, вилялъ въ рѣшеніи этихъ вопросовъ. Такъ въ цитированной уже нами игрѣ Фрейнда—Вольтера съ болваномъ Биртономъ есть, напримѣръ, слѣдующій ходъ:

«Биртонъ.—...Если Богъ снизошолъ до созданія, или до устройства вселенной, то это только съ тою цѣлью, чтобы создать счастливыхъ людей. Предоставляю вамъ разсудить, выполнилъ ли онъ свое намѣреніе, единственное намѣреніе, достойное его божественной натуры?

«Фрейндъ.—Да, безъ сомнѣнія, это намѣреніе удалось Ему относительно всѣхъ честныхъ душъ: онѣ будутъ когда-нибудь счастливы, если и несчастливы теперь.

«Биртонъ.—Счастливы! Какая мечта! Это дѣтскія сказки! *Гдѣ? Когда? Какъ? Кто это вамъ сказалъ?*

«Фрейндъ.—*Его справедливость.*

«Биртонъ.—Не собираетесь ли вы мнѣ повторять вслѣдъ за безчисленными витіями, что мы будемъ жить вѣчно послѣ нашей смерти, что мы обладаемъ безсмертною душой или лучше—что она обладаетъ нами, повторять послѣ того, какъ вы признались, что сами евреи, преемниками которыхъ вы себя считаете, никогда даже и не подозрѣвали до времени Ирода, что душа безсмертна?.. и т. д... Этотъ интеллектуальный могущественный принципъ, одушевляющій всю природу, какъ и вы, я назову Богомъ; но доступенъ ли онъ нашему пониманію?

«Фрейндъ.—Да, мы Его познаемъ въ Его дѣйствіяхъ.

. . . . . .

http://rcin.org.pl

«Фрейндъ.—...Все, что я вамъ могу сказать, это то, что если вы совершили преступленіе, злоупотребивъ своей свободой, то вы не можете доказать мнѣ, что Богъ не можетъ наказать васъ. Попробуйте докажите!

«Биртонъ.—Постойте; вы думаете, я не могу вамъ доказать, что Высшее Существо не въ силахъ наказать меня! Ей-Богу, вы правы; я изъ всѣхъ силъ старался убѣдить себя въ противномъ, но это мнѣ никогда не удавалось. Признаюсь, я часто злоупотреблялъ своей свободой и Богъ можетъ наказать меня, но, чортъ возьми, когда я умру, то ему нечего будетъ наказывать!

«Фрейндъ.—Всего лучше было бы для васъ, еслибы вы сдѣлались честнымъ человѣкомъ, пока вы еще живы». (Романы и новѣсти, 564).

Здѣсь Вольтеръ безпощадно эксплуатируетъ избранную имъ для изложенія своихъ воззрѣній діалогическую форму. Биртонъ спрашиваетъ: гдѣ? когда? и какъ? будутъ счастливы честные люди. Эти вопросы поставили бы Фрейнда-Вольтера въ немалое затрудненіе, и потому Биртону предписывается прибавить еще вопросъ: кто вамъ это сказалъ? На него Фрейндъ-Вольтеръ и отвѣчаетъ: его справедливость, пропуская мимо ушей предъидущіе и гораздо болѣе важные вопросы. Однако, и этотъ отвѣтъ Фрейнда не особенно удовлетворителенъ, опять-таки потому, что Вольтеръ забѣгаетъ впередъ и выставляетъ тезисъ, подлежащій обсужденію, уже какъ рѣшенный. Да и весь приведенный разговоръ совершенно ясно свидѣтельствуетъ, что воззрѣнія Вольтера на награды и наказанія въ земной жизни не отличаются отчетливостью. Впослѣдствіи, мы убѣдимся въ этомъ окончательно.

Что на землѣ далеко не всегда порокъ наказывается, а добродѣтель торжествуетъ — это фактъ слишкомъ осязательный, чтобы его можно было отрицать. Различными діалектическими тонкостями можно только напустить туману на это явленіе, но дѣйствительно перетолковать его нѣтъ возможности. Поэтому не только откровенная христіанская религія, а и большинство су-

http://rcin.org.pl

ществующихъ на земномъ шарѣ религій принимали и принимаютъ загробную жизнь, гдѣ добрыя и злыя дѣла должны получать свой разсчетъ, а для этого требуется признаніе безсмертія души. Для Вольтера здѣсь возникаетъ новое затрудненіе.

Вольтеръ въ психологіи прямой ученикъ Локка. Еще въ своихъ «Англійскихъ письмахъ» онъ возсталъ противъ господствовавшаго на материкѣ психологическаго ученія Декарта и вызвалъ цѣлую бурю своею критикою врожденныхъ идей и признаніемъ чувственнаго опыта, какъ источника нашихъ познаній. Въ «Микромегасѣ» онъ такимъ образомъ сопоставляетъ различныя психологическія доктрины. Микромегасъ, житель Сиріуса, соединившись съ однимъ жителемъ Сатурна, отправляется путешествовать и попадаетъ, между прочимъ, на землю, гдѣ заводитъ разговоръ съ людьми о разныхъ предметахъ и наконецъ спрашиваетъ у нихъ, что такое, по ихъ мнѣнію, душа и какъ слагаются ихъ идеи. «Философы, какъ и прежде, заговорили всѣ разомъ, но высказали мнѣнія самыя разнообразныя. Самый старый цитировалъ Аристотеля, другой произносилъ имя Декарта, третій — Мальбранша, четвертый — Лейбница, пятый — Локка». (Романы и повѣсти, 118). Перипатетикъ выразился такъ: «Душа есть энтелехія и та причина, по которой она можетъ быть такою, какова есть на самомъ дѣлѣ. Это именно говоритъ Аристотель, на 633-й страницѣ Луврскаго изданія». Онъ привелъ цитату. «Я не слишкомъ-то хорошо понимаю греческій языкъ», сказалъ великанъ. «Я точно также», отвѣчалъ клещъ-философъ. «Зачѣмъ же вы — возразилъ обитатель Сиріуса — цитируете вашего Аристотеля погречески?» «Затѣмъ, что то, чего не знаешь вовсе, всегда надо цитировать на томъ языкѣ, который знаешь всего хуже». Картезіанецъ сказалъ: «Душа есть чистый духъ, который получилъ еще во чревѣ матери всѣ метафизическія идеи и, по рожденіи, отправился въ школу учиться тому, что онъ зналъ уже такъ хорошо и чего ему не суждено болѣе знать». «Такъ вашей душѣ—отвѣчало животное въ 8 лье— не стоило труда быть такой ученой во чревѣ матери, чтобы стать невѣждой, когда выростетъ борода. Но, что вы разумѣете

http://rcin.org.pl

подъ словомъ духъ?» «Что вы меня объ этомъ спрашиваете?— сказалъ резонеръ:—я не имѣю о немъ никакого понятія; говорятъ, что это не вещество». Послѣдователь Мальбранша на вопросъ Микромегаса, что такое душа и въ чемъ проявляется ея дѣятельность, отвѣчалъ: «Да ни въ чемъ; за меня все дѣлаетъ Богъ, я все вижу и все дѣлаю черезъ него, самъ же ни во что не мѣшаюсь». «Это все равно, что не существовать», возразилъ мудрецъ съ Сиріуса. Четвертый философъ, ученикъ Лейбница, опредѣлилъ душу, какъ «стрѣлку, указывающую часы въ то время, какъ мое тѣло бьетъ ихъ, или, если хотите, она бьетъ часы въ то время, какъ мое тѣло ихъ указываетъ, или иначе, моя душа — зеркало вселенной, а мое тѣло — рамка этого зеркала: все это очень ясно». Наконецъ послѣдній философъ, сторонникъ Локка, сказалъ: «я не знаю, какъ я мыслю, но знаю, что мыслю не иначе, какъ вслѣдствіе моихъ ощущеній; я не сомнѣваюсь въ томъ, что есть существа невещественныя и разумныя, но я сильно сомнѣваюсь въ томъ, чтобы Богу невозможно было вложить мысль въ вещество. Я почитаю Вѣчное Всемогущество, не смѣю его ограничивать, ничего не утверждаю и довольствуюсь тѣмъ убѣжденіемъ, что на свѣтѣ гораздо болѣе возможныхъ вещей, нежели объ этомъ думаютъ». Оба гостя съ далекихъ планетъ были въ восторгѣ отъ разсужденія локкіанца. Но незамѣченный до тѣхъ поръ человѣкъ «въ четыреугольной шапочкѣ» внезапно объявилъ, что рѣшенія обсуждаемыхъ вопросовъ слѣдуетъ искать въ «сокращенномъ изданіи сочиненій св. Ѳомы», и затѣмъ пояснилъ что все, со включеніемъ великановъ гостей, ихъ планетъ, ихъ горъ и проч., сотворено для человѣка. Жители Сиріуса и Сатурна расхохотались во все горло.

Въ «Исторіи о памяти» разсказывается о негодованіи музъ, когда Нонсобра (анаграмма Сорбонны; nonsobra—нетрезвая, невоздержная), лойолисты (іезуиты) и сеянисты (янсенисты) возстали противъ положенія Локка о происхожденіи нашихъ идей опытнымъ путемъ и несуществованіи врожденныхъ идей. Музы въ наказаніе людямъ отняли у нихъ память. Въ одинъ прекрасный день люди проснулись безъ памяти. Произошелъ рядъ

http://rcin.org.pl

забавныхъ и скандальныхъ qui pro quo, никто не понималъ другъ друга, появился голодъ, такъ, что музы наконецъ сжалились надъ людьми и возвратили имъ память. Мнемозина, богиня памяти, сказала: «Безумные, я васъ прощаю; но помните, что безъ чувствъ нѣтъ памяти, а безъ памяти нѣтъ ума».

Словомъ, какъ изъ лежащихъ передъ нами повѣстей и романовъ, такъ и изъ множества другихъ сочиненій Вольтера совершенно ясно, что относительно вопроса о происхожденіи нашихъ знаній и понятій онъ сильно приближается къ матеріалистическому образу мыслей. Здѣсь у него нѣтъ колебаній. Они начинаются только тогда, когда дѣло идетъ о самой душѣ, о духовномъ началѣ человѣка. Правда, онъ и здѣсь въ общемъ близокъ къ матеріализму, и его деизмъ нисколько не препятствуетъ такому приближенію. Онъ очень охотно и часто пользовался извѣстнымъ аргументомъ Локка: Богъ, какъ существо всемогущее, могъ одарить мыслительною способностью и матерію. Вольтеръ ухитрялся даже повернуть это оружіе противъ нападающихъ дуалистовъ, признававшихъ два начала человѣка—тѣлесное и духовное; онъ говорилъ именно, что надо быть совершеннымъ безбожникомъ, чтобы до такой степени отрицать всемогущество божіе и не вѣрить въ возможность для Бога вложить мысль въ матерію. Аргументъ этотъ однако очевидно несостоятеленъ, потому что рѣчь не о томъ идетъ, *могъ* ли Богъ одарить матерію мыслительною способностью, а о томъ, одарена ли она этою способностью дѣйствительно, или же, рядомъ съ матеріею, надо признать въ человѣкѣ еще иное, отличное отъ матеріальнаго, начало. Противники Локка и Вольтера могли бы возразить имъ: Богъ могъ сдѣлать это, но могъ сдѣлать и иное. Какъ бы то ни было, но Вольтеръ, добросовѣстно доискиваясь истины, не считалъ себя вправѣ признать душу особою субстанціей. Такъ въ разговорѣ доктора Гудмана съ анатомомъ Содракомъ (въ повѣсти «Уши графа Честерфильда и капелланъ Гудманъ») читаемъ, между прочимъ: «Я чувствую и знаю, что Богъ далъ мнѣ способность мыслить и говорить, но я не чувствую и не знаю, далъ ли онъ мнѣ то, что называютъ душою... Такъ-какъ

http://rcin.org.pl

никто не видалъ этого дыханія, этого духа, то изъ него сдѣлали существо, котораго никто не можетъ ни видѣть, ни осязать; говорили, что оно пребываетъ въ нашемъ тѣлѣ, не занимая мѣста, двигаетъ нашими органами, не достигая ихъ: чего только не говорили?.. Каждый сознаетъ, что имѣетъ умъ, что онъ воспринимаетъ идеи, собираетъ и разбираетъ; но никто не сознаетъ, чтобы въ немъ было другое существо, которое доставляло бы ему движеніе, ощущенія и мысли. Въ сущности смѣшно произносить слова, которыхъ никто не понимаетъ, и признавать существа, о которыхъ нельзя имѣть ни малѣйшаго понятія». Далѣе Содракъ, въ качествѣ медика, «препарировавшаго мозги и видѣвшаго зародыши», объясняетъ, что при этихъ операціяхъ онъ не находилъ никакихъ признаковъ души и что онъ «никакъ не могъ понять, какимъ образомъ невещественное и безсмертное существо можетъ впродолженіе девяти мѣсяцевъ безполезно оставаться скрытымъ. Мнѣ трудно было постигнуть, чтобы эта мнимая душа могла существовать до образованія своего тѣла, потому что къ чему служила бы она нѣсколько вѣковъ, не будучи человѣческою душою? И затѣмъ какъ представить себѣ простое, метафизическое бытіе, которое цѣлую вѣчность ожидаетъ минуты оживить матерію на такое короткое время? Что дѣлается съ этимъ неизвѣстнымъ существомъ, если зародышъ, который оно должно оживить, умираетъ въ животѣ матери? Но, что всего хуже, такъ это то, что говорятъ, будто Богъ вызываетъ изъ ничтожества эти безсмертныя души, чтобы подвергнуть ихъ вѣчнымъ и невѣроятнымъ мученіямъ. Какъ! сжигать простыя существа, которыя не имѣютъ ничего сгараемаго! Какимъ образомъ могли бы мы сжечь звукъ голоса или пронесшійся мимо насъ вѣтеръ? Еще этотъ звукъ, этотъ вѣтеръ были вещественны во время ихъ прохожденія; но чистый духъ, мысль, сомнѣніе? тутъ я теряюсь. Куда ни повернусь, встрѣчаю только тьму противорѣчія, невозможности мечты»... (Романы и повѣсти, 578).

Такимъ образомъ, логическимъ теченіемъ мысли, Вольтеръ принужденъ перейти отъ отрицанія особаго духовнаго начала

http://rcin.org.pl

въ человѣкѣ къ отрицанію безсмертія души. Но разъ душа не безсмертна, разъ вмѣстѣ со смертью человѣкъ кончается весь безъ остатка и слѣдовательно по ту сторону гроба нѣтъ для него ни наказанія, ни награды, — приходится для сохраненія такъ дорогаго Вольтеру практическаго доказательства бытія божія и божественнаго правосудія признать, что награды и наказанія раздаются уже на землѣ. Иногда Вольтеръ и принималъ это положеніе, но иногда, отчаиваясь въ солидности тезиса «добродѣтель торжествуетъ, а порокъ наказанъ», готовъ былъ принять идею безсмертія души; ту самую идею, которая стояла въ прямомъ противорѣчіи съ основными началами его психологическаго ученія и которая въ приведенномъ разговорѣ Содрака съ Гудманомъ и во множествѣ другихъ мѣстъ осыпается градомъ самыхъ злыхъ насмѣшекъ. Вольтеръ всю жизнь свою лавировалъ между этими подводными камнями, надъ которыми для него стояла только одна спасительная вѣра: практическое доказательство бытія божія и идея правосуднаго Бога. Только бы «бѣдные и буйные» атеисты были убѣждены, что ихъ непремѣнно ждетъ наказаніе не мытьемъ, такъ катаньемъ, не на томъ, такъ на этомъ свѣтѣ; только бы нравственность была обезпечена, и ради этого обезпеченія Вольтеръ готовъ уступить все. Конечно, обезпеченіе нравственности есть дѣло великое, но и Александръ Македонскій былъ великій герой, изъ чего, однако, не слѣдуетъ, чтобы нужно было стулья ломать. Обезпеченіе нравственныхъ отношеній между людьми есть нетолько великое, а прямо величайшее дѣло, какое только можетъ представиться человѣческому уму. Но Вольтеръ хлопоталъ вовсе не о нравственности, онъ совершенно упускалъ изъ виду ея дѣйствительныя гарантіи и если ему и случалось иногда мелькомъ взглянуть на нихъ, то онъ никогда не останавливался на нихъ достаточно долго. Ему, напримѣръ, очень хотѣлось, чтобы арендаторы исправно платили деньги «значительнымъ и опытнымъ землевладѣльцамъ», чтобы «бѣдные и буйные» люди не разбивали другъ другу головъ оловянными кружками, чтобы Александры Шестые не убивали и не отравляли людей. Но ему не

http://rcin.org.pl

приходитъ въ голову, что для исполненія этихъ желаній требуется измѣненіе условій существованія—матеріальнаго и духовнаго—арендаторовъ, бѣдныхъ и буйныхъ людей, Александровъ Шестыхъ. Онъ ихъ оставляетъ въ томъ же положеніи, въ какомъ и засталъ, и полагаетъ, что дѣло сдѣлано, если арендаторамъ, бѣднымъ и буйнымъ людямъ и Александрамъ Шестымъ будетъ внушено, что такъ или иначе, а отъ возмездія имъ не уйти. Это не значитъ искать гарантій нравственности, это значитъ подпирать ее гнилыми подпорками. И у Вольтера была въ запасѣ еще одна. Онъ сдѣлалъ одно довольно важное измѣненіе въ психологической теоріи своего учителя Локка. Будучи съ нимъ совершенно согласенъ относительно происхожденія нашихъ идей и знаній, онъ допускалъ, однако, существованіе врожденной нравственности, врожденныхъ нравственныхъ идей. Когда человѣкъ столько и такъ хлопочетъ о нравственности, такъ дрожитъ надъ ней, не видя вмѣстѣ съ тѣмъ ея дѣйствительныхъ условій—такому человѣку не слѣдуетъ класть пальца въ ротъ. Карты открыты, жизнь Вольтера извѣстна, но, кажется, можно бы и безъ того было сказать, что́ онъ былъ за человѣкъ, на основаніи его сочиненій. Мы здѣсь опять встрѣчаемся съ вторженіемъ нравственнаго элемента въ чисто теоретическую область. Очевидно, что именно этотъ элементъ обрѣзывалъ крылья Вольтеру, заставлялъ его впадать въ противорѣчія и дѣлать совершенно нелогическіе выводы, до такой степени нелогическіе, что трудно себѣ представить, что присутствуешь при умственной работѣ «царя мысли».

Можно съ большой вѣроятностью предположить,—хотя мы, къ сожалѣнію, не можемъ провѣрить это предположеніе хронологическими данными,—что шансы идеи безсмертія души поднимались именно въ тѣ времена, когда опускались шансы возмездія на землѣ, и наоборотъ; словомъ, что здѣсь происходило постоянное балансированіе. Понятно, что это балансированіе должно было оказывать воздѣйствіе и на психологическое ученіе: если душа безсмертна, то надо признать существованіе особой, самостоятельной нематеріальной субстанціи въ чело-

http://rcin.org.pl

вѣкѣ. Вольтеру приходилось дѣлать и эту уступку. Такъ онъ говорилъ, напримѣръ, что «мы не знаемъ, что именно въ насъ мыслитъ, а потому не знаемъ и того—не переживаетъ ли это неизвѣстное существо наше тѣло; физически возможно, что въ насъ есть неразрушимая монада, скрытое пламя, частица божественнаго огня, вѣчно живущая подъ разными видами» (Штраусъ, 241). Или: «Вѣдь мысль не есть что-либо матеріальное; почему же нельзя думать, что Богъ вложилъ въ тебя нѣкоторое божественное начало, которое, будучи неразрушимымъ, безсмертно? Осмѣлишься ли ты сказать, что невозможно, чтобы ты имѣлъ душу? Конечно, нѣтъ. Но если это возможно, то слѣдовательно очень вѣроятно. Можешь ли ты отринуть систему, столь прекрасную и *столь полезную человѣчеству?*» (Штраусъ, 242).

Что колебанія эти происходятъ единственно изъ-за дурно понятыхъ практическихъ требованій, это очевидно изъ общаго характера сочиненій Вольтера и изъ нѣкоторыхъ его нисколько недвусмысленныхъ показаній. Въ одномъ изъ діалоговъ представитель Вольтера говоритъ: «Долгое время я, подобно тебѣ, боялся опасныхъ выводовъ и потому удерживался отъ открытаго изложенія своихъ воззрѣній; но я думаю, что изъ этого лабиринта нетрудно выбраться» (Штраусъ, 243). Этотъ выходъ изъ лабиринта состоитъ въ томъ, что дурныя дѣла и на землѣ получаютъ воздаяніе въ угрызеніяхъ совѣсти и въ мщеніи со стороны обиженныхъ. Изъ этого можно даже заключить, что Вольтеръ дѣйствительно кривилъ душой въ вопросахъ о нравственности. И такое предположеніе будетъ настолько же вѣроятно, насколько невѣроятно, чтобы его деизмъ былъ только экзотерическимъ ученіемъ. Существованіе Бога доказывалось для Вольтера, какъ увидимъ, не одними практическими соображеніями; соображенія телеологическія играли здѣсь весьма важную роль, и потому онъ дѣйствительно вѣрилъ въ то, что говорилъ. Притомъ же въ деизмѣ телеологическія требованія шли почти въ унисонъ съ требованіями практическими и сталкивались съ ними враждебно только на одномъ пунктѣ — на фактѣ существованія зла на землѣ. И здѣсь мы опять встрѣтимъ колебанія, сбивчи-

http://rcin.org.pl

вость, противорѣчія и искапіе боковыхъ выходовъ изъ лабиринта. Не то съ практическими требованіями, введенными Вольтеромъ въ свое психологическое ученіе. Здѣсь практическія и теоретическія требованія отрицали другъ друга не на одномъ какомъ-нибудь пунктѣ, а на всемъ своемъ протяженіи.

Но Вольтеромъ иногда управляли соображенія еще болѣе побочныя и отдаленныя. Въ этомъ отношеніи любопытно слѣдующее остроумное и вполнѣ вѣроятное предположеніе Штрауса. Въ программѣ борьбы съ infame очень видное мѣсто занималъ Ветхій Завѣтъ. Въ Библіи нигдѣ не говорится о безсмертіи души, и догматъ этотъ былъ, повидимому, совершенно неизвѣстенъ древнимъ евреямъ, тогда какъ существовалъ у индусовъ, халдеевъ, египтянъ, грековъ. Штраусъ полагаетъ, что Вольтеръ могъ быть иногда побуждаемъ къ принятію идеи безсмертія души и вѣчности личности желаніемъ унизить евреевъ и противопоставить имъ другіе народы и другія религіи, какъ болѣе древніе и болѣе высокіе. И дѣйствительно, читатель можетъ и въ романахъ и повѣстяхъ Вольтера очень часто встрѣтить указанія на то обстоятельство, что «варварская орда, невѣжественные евреи» не знали безсмертія души, тогда какъ въ него вѣрили почти всѣ ихъ современники.

II.

Человѣкъ не можетъ не любить прекрасное, доброе, справедливое, такъ-какъ онъ называетъ справедливымъ, добрымъ, прекраснымъ именно то, что производитъ на него пріятное впечатлѣніе, что вызываетъ въ немъ сочувствіе или одобреніе, словомъ то, что ему нравится, что онъ любитъ. Но въ пониманіи хорошаго, заслуживающаго одобренія или сочувствія, люди расходятся, потому что понятія справедливаго, добраго, прекраснаго, относительны и чисто субъективны. Одинъ предъявляетъ такія-то требованія, другой мирится на гораздо меньшемъ, требованія третьяго еще незначительнѣе и т. д. Изъ этихъ требо-

http://rcin.org.pl

ваній слагается то, что называется идеаломъ, который, собственно говоря, есть для каждой личности ничто иное, какъ отвѣтъ на вопросъ: при какихъ условіяхъ я могу чувствовать себя наилучше? какая комбинація впечатлѣній удовлетворитъ меня съ эстетической стороны, съ экономической, съ политической и т. д.? Надо идти очень далеко въ глубь исторіи, чтобы найдти полное отсутствіе столкновенія требованій личности съ окружающей средою, въ которой личность встрѣчаетъ и различаетъ хорошее и дурное, правильное и неправильное, доброе и злое, прекрасное и уродливое, справедливое и несправедливое. А разъ это столкновеніе произошло, требованія личности стремятся придти въ равновѣсіе съ окружающей средой, и уравновѣшеніе это происходитъ двояко. Либо человѣкъ поднимаетъ или по крайней мѣрѣ стремится поднять окружающую среду до уровня своихъ требованій, словомъ, приспособляетъ среду къ себѣ, либо напротивъ самъ приспособляется къ ней, совершенно удовлетворяется дѣйствительностью и находитъ, что все окружающее прекрасно и добро есть.

Въ первомъ случаѣ мы имѣемъ бойцовъ, которые могутъ побѣдить или быть разбиты, но которые во всякомъ случаѣ представляютъ активный элементъ. Второй сортъ людей забитъ дѣйствительностью, забитъ фактомъ. Ихъ требованія стоятъ въ уровень съ дѣйствительностью и потому они всю жизнь обрѣтаются въ радужномъ, имянинномъ настроеніи духа, вѣчно празднуютъ, по выраженію Манилова, имянины сердца. Одинъ нѣмецкій натуралистъ замѣчаетъ, что птицы и рыбы, животныя, окончательно приспособившіяся къ своей средѣ, суть вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе веселые звѣри, на сколько по крайней мѣрѣ можно судить по внѣшности. Это настоящіе имянинники между звѣрями. Имянинники-люди тоже народъ безпардонно веселый и беззаботный; и того требуетъ самый принципъ забитости, самый фактъ приспособленія къ средѣ. Дана извѣстная фактическая обстановка. Въ ней есть свѣтъ и тѣнь, есть небесная лазурь, забрызганная кровью, лавровые вѣнки, измятые лошадиными копытами, пурпуровыя мантіи, закапанныя слезами, апельсиновыя рощи, въ ко-

http://rcin.org.pl

торыхъ бродятъ стада свиней. Люди перваго сорта прямо, вплотную подходятъ къ этой картинѣ. Они разбиты, если пускаютъ въ ходъ невѣрныя средства, если предлагаемыми ими мѣрами не стираются кровяныя пятна съ небесной лазури и не изгоняются стада свиней изъ апельсиновыхъ рощъ; быть можетъ, даже средства ихъ таковы, что могутъ только новыя пятна наплодить и новыхъ свиней, но не въ томъ пока дѣло. Во всякомъ случаѣ, требованія бойцовъ, неудовлетворяемыя данною комбинаціею фактовъ, стремятся поднять ее до своего уровня. Если для бойцовъ невозможно прямое вмѣшательство въ ходъ событій, то они по крайней мѣрѣ не прописываютъ людямъ сонныхъ порошковъ, не закрываютъ себѣ и другимъ глазъ передъ больными сторонами окружающей среды. И оттого, не имѣя возможности и не желая приспособиться къ данной средѣ, какъ приспособилась къ водѣ рыба, они не могутъ обладать и рыбьей беззаботной игривостью. Совсѣмъ иное дѣло съ забитыми. Ихъ даже трудно себѣ представить безъ имяннаго бокала въ рукѣ, безъ лакированной физіономіи и безъ заздравнаго тоста на устахъ. Вамъ, вѣроятно, знакома извѣстная литографія, на которой, если смотрѣть на нее вблизи, видны молодой человѣкъ и молодая дѣвушка въ самомъ веселомъ настроеніи духа; они любовно посматриваютъ другъ на друга и пьютъ вино. Если вы отойдете отъ картины на нѣкоторое разстояніе, то сводъ, подъ которымъ сидитъ веселая пара, превратится въ черепъ; головы молодыхъ людей изобразятъ собою пустыя глазныя впадины, а бутылки, рюмки и стаканы — провалившійся носъ и оскаленные зубы черепа. Забитые имянинники всегда норовятъ смотрѣть на подобныя картины съ такого разстоянія, съ котораго видны только любовь, счастіе, радость. Они никогда не рѣшатся на столько оторваться отъ среды, въ которой сами фигурируютъ въ качествѣ дѣйствующихъ лицъ, чтобы увидѣть въ ней отвратительный провалившійся носъ и оскаленные зубы. И потому имъ только и остается дѣлать, что провозглашать тосты, пѣть побѣдныя пѣсни, словомъ, праздновать имянины сердца. Если вы захотите справиться насчетъ идеала имянинниковъ и спросите ихъ, при ка-

http://rcin.org.pl

кихъ условіяхъ они полагаютъ себя счастливыми, — они хоромъ отвѣтятъ вамъ, съ лакированными физіономіями поднимая заздравный бокалъ: при сегодняшнихъ! Да здравствуетъ сегодня, да здравствуетъ минута, та безпрестанно передвигающаяся математическая точка во времени, которая лежитъ на границѣ необъятнаго прошедшаго и необъятнаго будущаго. Минута прошла,—да здравствуетъ слѣдующая! Le roi est mort—vive le roi! Въ именинникѣ есть всегда нѣчто приторное, слащавое, расплывающееся. Слушая его, вы испытываете ощущеніе въ родѣ того, какъ-будто сосете лакрицу или смотрите на тающій въ водѣ сахаръ. Яко таетъ воскъ отъ лица огня, такъ таетъ и именинникъ отъ умиленія сердца, имянины котораго онъ празднуетъ.

Надо замѣтить, что именинники всѣхъ странъ и народовъ и всѣхъ отраслей человѣческаго вѣдѣнія и невѣдѣнія поднимаютъ заздравный бокалъ только одной рукой, а другую устремляютъ въ пространство, указывая, при помощи ея, властямъ и обществу на тѣхъ, кто не находитъ возможнымъ праздновать имянины сердца. За это послѣдніе подвергаются отъ именинниковъ цѣлому каскаду эпитетовъ въ родѣ: злонамѣренный, измѣнникъ, предатель и т. д. А между тѣмъ, настоящими предателями, конечно, не злонамѣренными, на дѣлѣ оказываются всегда именно именинники, а не кто-либо другой.

Въ политикѣ и въ исторіи именинный принципъ требуетъ, чтобы родная среда была увита лаврами и розами, лаврами и розами, и чтобы розы эти были безъ шиповъ. Не то, чтобы этого нужно было добиваться, нѣтъ, именинники утверждаютъ, что лавры и розы безъ шиповъ цвѣтутъ на родной почвѣ въ каждую данную минуту. Наши историческіе и политическіе именинники провозглашали передъ крымскою кампаніею тостъ: ура! шапками закидаемъ! ура! велика и обильна земля русская и порядокъ въ ней есть! — Насъ побили. Но именинники народъ нераскаянный: le roi est mort—vive le roi! Послѣ войны именинники запѣли: ахъ, вы сѣни, мои сѣни, сѣни новыя и т. д.

Въ политической экономіи именинный принципъ требуетъ вѣры въ такъ-называемую гармонію интересовъ и поклоненія

http://rcin.org.pl

теоріи laisser faire. Все идетъ къ лучшему въ семъ наилучшемъ изъ міровъ, говорятъ имѣющіе-экономисты. Машина болѣе чѣмъ удовлетворительна, она превосходна, предоставьте ее только самой себѣ, не нарушайте поразительной правильности ея хода. А машина между тѣмъ пожираетъ сотни тысячъ людей въ качествѣ топлива и предоставляетъ имъ только право горѣть въ своей утробѣ, горѣть безъ мысли и безъ устали, чтобы не остановился поразительно правильный ходъ машины... Это ли не предательство?

Экономическія имѣнія разростаются до имѣній философскихъ, когда имѣніе начанаютъ говорить о благахъ цѣляхъ благой природы, противъ которой прати и невозможно и грѣшно.

Само собою разумѣется, что трудно быть имѣніемъ всестороннимъ, т.-е. праздноватъ и философскія, и историческія, и юридическія, и политическія, и экономическія, и всякія другія имѣнія сердца. Весьма часто случается, что боецъ и имѣніе сочетаются въ одной и той же личности. Блистательный примѣръ такого сочетанія далъ міру Сервантесъ въ образѣ Донъ-Кихота. Требованія храбраго ламанчскаго рыцаря не удовлетворяются дѣйствительностью, онъ не приспособляется къ средѣ; съ энергіей, вполнѣ достойной избраннаго имъ дѣла, онъ стремится напротивъ приспособить среду къ себѣ, поднять ее на высоту своего идеала. Донъ-Кихотъ боецъ, но онъ разбитъ, разбитъ жизнью. Донъ-Кихотъ, мечтавшій внести въ міръ счастіе и любовь, миръ и справедливость, оплеванъ, и вотъ уже три вѣка его худая, блѣдная, битая фигура служитъ посмѣшищемъ для старыхъ и малыхъ. Донъ-Кихотъ разбитъ не потому, чтобы требованія его были чрезмѣрны и неисполнимы, а потому, что рыцарь избралъ невѣрные пути для достиженія своего идеала и затѣмъ принялъ средство за цѣль. Въ одномъ мѣстѣ онъ очень опредѣленно и ясно развиваетъ программу своей дѣятельности. Онъ говоритъ именно, что нѣкогда на землѣ царили любовь, довольство, счастіе, справедливость, но съ теченіемъ времени міръ развратился, явились сильные и слабые, сильные стали да-

http://rcin.org.pl

вить слабывъ, понадобились судьи, судьи обратились во взяточниковъ и т. д. Наконецъ для прекращенія всѣхъ этихъ дѣлъ явилось странствующее рыцарство, «къ которому и я имѣю честь принадлежать», заключаетъ Донъ-Кихотъ. Въ этой программѣ очевидны двѣ ошибки: вопервыхъ, увѣренность въ томъ, что исторія человѣчества уже прошла фазисъ идеальнаго развитія, и вовторыхъ, вѣра въ странствующее рыцарство, какъ въ орудіе обновленія міра. Но Донъ-Кихотъ не только крѣпко вѣруетъ въ это орудіе, но, увлекаясь обстановкой рыцарства, мало по малу возвышаетъ его со ступени орудія, средства, на ступень самостоятельной цѣли. Первичная цѣль—обновленіе міра часто становится на второй планъ и даже совершенно стушевывается, уступая мѣсто преданіямъ и обстановкѣ странствующаго рыцарства. Такъ ламанчскій герой избираетъ себѣ «даму сердца» единственно потому, что того требуютъ рыцарскіе уставы, а между тѣмъ служеніе Дульцинеѣ поглощаетъ значительную долю его силъ и энергіи. Между Донъ-Кихотомъ и его первичною цѣлью выростаетъ цѣлая стѣна, первоначальное назначеніе которой было только помочь достиженію цѣли; но увлеченный самымъ процессомъ постройки стѣны, Донъ-Кихотъ поднимаетъ ее такъ высоко, что изъ-за нея первичная цѣль только чуть-чуть видна. И въ тѣ минуты, когда дѣло идетъ объ оцѣнкѣ явленій, имѣющихъ спеціальную связь съ его idée fixe—съ странствующимъ рыцарствомъ, смѣлый боецъ Донъ Кихотъ оказывается чистокровнымъ имяннникомъ. Такъ избитый, онъ находитъ въ себѣ достаточно рыбьей игривости, чтобы утверждать, что побои, нанесенные дубинами и другими не рыцарскими инструментами, не суть даже собственно побои. Такъ избавивъ мальчика отъ побоевъ пастуха-хозяина, Донъ-Кихотъ гордо отъѣзжаетъ прочь въ полной увѣренности, что исполнилъ свою задачу странствующаго рыцаря и что испуганный пастухъ не посмѣетъ повторить свое насиліе. А между тѣмъ едва Донъ-Кихотъ успѣлъ отъѣхать, произнося имянинный тостъ въ честь рыцарства, какъ пастухъ опять привязываетъ мальчика къ дереву и бьетъ его до полусмерти. «Такимъ образомъ Донъ-Ки-

http://rcin.org.pl

хотъ пресѣкъ уже одно зло на землѣ», тонко замѣчаетъ Сервантесъ. Вотъ въ чемъ лежитъ тайна вѣчной жизни образа Донъ-Кихота, вотъ въ чемъ заключается глубокій трагизмъ его комической фигуры, и вотъ чего, между прочимъ, не понималъ Вольтеръ, когда говорилъ: если вамъ грустно, прочтите Донъ-Кихота и смѣйтесь.

Намъ пора бы уже обратиться къ Вольтеру, но передо мной встаютъ еще два поэтическіе образа, достойные составить кадриль съ Донъ-Кихотомъ и Санчо-Пансо. Они здѣсь не помѣшаютъ. Я говорю о мастерскихъ фигурахъ Фауста и Вагнера. Оба они горятъ одной и той же жаждой знанія, оба хотятъ знать «все». Но какая разница въ пониманіи этого «всего». Фаустъ, изучившій, по его словамъ, и философію, и медицину, и юриспруденцію, и теологію, остается съ горечью сознанія, что онъ ничего не знаетъ. Вагнеръ съ самодовольствомъ замѣчаетъ: Zwar weiss ich viel, doch möcht'ich alles wissen. Вагнеръ—эмпирикъ-буквоѣдъ. Онъ не знаетъ высшаго наслажденія, какъ переходить von Buch zu Buch, von Blatt zu Blatt. Всѣ его силы и способности замерли, въ немъ говоритъ только жажда знанія, и притомъ знанія буквеннаго, эмпирическаго, исключительно фактическаго. Онъ совершенно счастливъ, потому что имѣетъ возможность пріобрѣтать знанія, а до осмысленія фактическаго матеріала ему нѣтъ никакого дѣла. До какой степени Вагнеръ далекъ отъ жизни, отъ человѣка, лучше всего видно изъ превосходной, высоко комической сцены приготовленія Гомункула. Вагнеръ съ жаромъ объясняетъ Мефистофелю, что если изъ нѣсколькихъ сотъ веществъ

Durch Mischung—denn auf Mischung kommt es an—
Den Menschenstoff gemächlich componiren,
In einen Kolben verlutiren
Und ihn gehörig cohobiren,—

то получится человѣкъ. Вагнеръ твердо увѣренъ, что этотъ научный способъ приготовленія человѣка совершенно вытѣснитъ способъ вульгарный. Звѣри, говоритъ онъ, конечно, не от-

http://rcin.org.pl

станутъ отъ первобытнаго способа дѣлать дѣтей и будутъ попрежнему искать въ немъ наслажденія, но человѣкъ будетъ на будущее время имѣть болѣе чистое и высокое происхожденіе. Такъ празднуетъ имянины сердца человѣкъ науки для науки. Съ этимъ комическимъ образомъ не можетъ идти въ сравненіе и знаменитый докторъ Акакія, предлагавшій, напримѣръ, построить латинскій городъ для облегченія изученія латинскаго языка. Но если Вагнеръ празднуетъ имянины сердца по поводу открытія научнаго способа приготовленія людей, то онъ тутъ же выростаетъ до положенія бойца, потому что отнынѣ уже не удовлетворяется дѣйствительностью, по крайней мѣрѣ на пунктѣ фабрикаціи людей. Конечно, ему предстоитъ быть разбитымъ, какъ предстоитъ пораженіе проповѣдникамъ моральнаго воздержанія. Тѣ расходятся съ дѣйствительностью на томъ же самомъ пунктѣ. Имянинники-натуралисты, люди науки для науки, братски протягиваютъ руки имянинникамъ-экономистамъ, людямъ богатства для богатства. Знаменательное совпаденіе: и тѣ и другіе готовы принести въ жертву своимъ идоламъ именно то, чего люди никогда не отдадутъ и не могутъ отдать, пока не перестанутъ быть людьми и не превратятся въ машины.

Вагнеръ забитъ, потому что оставляетъ въ своемъ существованіи множество пустыхъ пространствъ, не имѣя чѣмъ ихъ наполнить. Фаустъ, напротивъ, разбитъ, потому что рвется изъ границъ человѣческаго бытія и ставитъ дѣйствительности требованія невозможныя. Подъ знаніемъ «всего» онъ разумѣетъ не безцѣльное и безсвязное вагнеровское знаніе безчисленныхъ формъ бытія, но и не знаніе законовъ явленій—единственной доступной человѣку области знанія. Фаустъ хочетъ знать сущность вещей и приходитъ въ отчаяніе, видя, что этого рода знаніе ему не дается. Онъ обращается къ магіи, но и то неудачно. Тогда онъ рѣшается на самоубійство. Это глубоко вѣрная черта, оправданная исторически и психологически. Вотъ какъ описываетъ свое состояніе человѣкъ, на себѣ испытавшій taedium vitae: «Я былъ молодъ, жилъ умѣренно, но душа моя была какъ будто скована тоской. Тяжелыя думы, — я не знаю, откуда онѣ

http://rcin.org.pl

взялись — занимали мой умъ: что будетъ со мною по смерти? буду я нѣчто или ничто? атомъ безъ воспоминанія о прошедшей жизни? Быть можетъ, я буду существовать, не существуя, не зная тѣхъ, кто существуетъ, и не будучи самъ имъ извѣстенъ? Буду ли я тѣмъ же, чѣмъ былъ до рожденія? Былъ ли сотворенъ міръ? Что было до его сотворенія? Если онъ вѣченъ въ прошедшемъ, онъ вѣченъ и въ будущемъ. Если онъ имѣлъ начало, онъ долженъ имѣть и конецъ. Но что будетъ послѣ его разрушенія? Тишина, забвенье или что-нибудь такое, чего мысль человѣческая не въ состояніи себѣ представить?» (См. Brierre de Boismont: Du suicide et de la folie suicide, 246). На всѣ подобные вопросы для человѣка нѣтъ отвѣта. Человѣкъ разбитъ, если онъ, задавая ихъ природѣ, настолько смѣлъ, добросовѣстенъ и уменъ, чтобы убѣдиться, какъ убѣдился Фаустъ, въ своемъ безсиліи, но не можетъ разъ навсегда порѣшить съ этою областью непознаваемаго. Человѣкъ забитъ, если онъ полагаетъ, что рѣшилъ эти вопросы и съ лакированной физіономіей поднимаетъ заздравный бокалъ въ честь той или другой метафизической системы. Эти страшные вопросительные знаки поднимаются въ тѣ моменты исторической жизни народовъ и жизни отдѣльныхъ недѣлимыхъ, когда прославленный принципъ раздѣленія труда, отрѣзавъ уже умственную дѣятельность отъ физическаго труда, дробитъ и самую умственную дѣятельность, возстановляетъ другъ противъ друга опытъ и размышленіе. Въ такіе моменты разбитый Фаустъ имѣетъ полное право называть забитаго Вагнера «жалчайшимъ изъ смертныхъ», который

Mit gier'ger Hand nach Schätzen gräbt,
Und froh ist, wenn er Regenwürmer findet!

Но Фаустъ не останавливается на этомъ презрѣніи къ неосмысленному эмпиризму. Онъ идетъ дальше и распространяетъ свое презрѣніе на опытъ и наблюденіе, недающіе ему того, чего онъ совершенно незаконно требуетъ. Но физическая сторона человѣка жестоко мститъ за себя. Фаустъ—живой человѣкъ; онъ не мо-

http://rcin.org.pl

жетъ, напримѣръ, отказаться отъ вульгарнаго способа продолженія рода человѣческаго. Физическая сторона въ немъ не атрофирована, а только, такъ-сказать, отрѣзана отъ стороны духовной. Онъ самъ очень рельефно выражаетъ это, говоря:

Zwei Seelen wohnen, ach! in meiner Brust,
Die eine will sich von der andern trennen;
Die eine halt, in derber Liebeslust,
Sich an die Welt, mit klammernden Organen;
Die andre hebt gewaltsam sich von Duft
Zu den Gefilden hoher Ahnen.

И вотъ физическая сторона, недопущенная къ участію въ высшихъ задачахъ жизни Фауста, прорывается въ похожденіяхъ съ Маргаритой, Еленой рядомъ грубо чувственныхъ наслажденій и даже преступленій. И разбитый, раздвоенный человѣкъ глубоко несчастливъ и дѣлаетъ несчастными и окружающихъ. Гёте рѣшаетъ наконецъ во второй части задачу такимъ образомъ, что заставляетъ Фауста отказаться отъ погони за безусловнымъ и безконечнымъ, и примириться съ дѣйствительностью на почвѣ непосредственной практической пользы, именно осушенія морскаго берега и проч. Если это рѣшеніе есть, какъ и вся вторая часть Фауста, рѣшеніе символическое и подъ осушеніемъ морскаго берега слѣдуетъ разумѣть борьбу съ природой вообще, причемъ знаніе естественно должно занять мѣсто только средства, а не цѣли,—то это рѣшеніе прекрасное. Но аллегорія слишкомъ туманна, и главный вопросъ все-таки остается нерѣшеннымъ: исчерпывается ли теоретическая область разбитой метафизикой несчастнаго Фауста и забитымъ эмпиризмомъ имянинника Вагнера? Всякій знаетъ, что быть полезнымъ хорошо. Но критерій пользы такъ же неудовлетворителенъ и двусмысленъ, какъ и другіе спеціальные критеріи—красоты, справедливости и т. д. Критерій совершенства человѣческихъ дѣлъ есть цѣлостность, гармонія отправленій въ человѣкѣ и гармонія средствъ въ дѣятельности. Добытые такою дѣятельностью ре-

http://rcin.org.pl

зультаты будутъ не только удовлетворять критерію истинности, которому могутъ удовлетворять и безсмысленныя работы Вагнера; они будутъ не только полезны, какъ полезно шить сапоги и осушать болота; они будутъ гуманны, человѣчны, дадутъ счастіе и самому дѣятелю и окружающимъ людямъ. Человѣкъ науки можетъ, и не осушая морскаго берега, бороться съ природой на теоретической почвѣ. Но для того, чтобы дѣйствительно съ успѣхомъ бороться съ природой, не быть ею ни разбитымъ, ни забитымъ,—надо вырывать у нея тайны не на манеръ Фауста и не на манеръ Вагнера. Гёте и самъ понималъ неудовлетворительность конца Фауста. Онъ писалъ по поводу его одному пріятелю. «Не ждите рѣшенія: каждая рѣшенная задача заключаетъ въ себѣ нерѣшенную».

Любопытно, что такими же словами сомнѣнія Вольтеръ заключаетъ свой маленькій «Разсказъ о добромъ браминѣ», разрабатывающій почти ту же тему, что и Фаустъ.

Жилъ былъ добрый, умный, богатый брамінъ. Но, несмотря на, повидимому, счастливую обстановку, онъ былъ несчастливъ. «Вотъ уже цѣлыхъ сорокъ лѣтъ,—говоритъ онъ лицу, отъ имени котораго ведется разсказъ,—какъ я учусь, и въ эти сорокъ лѣтъ я ровно ничего не сдѣлалъ; уча другихъ, я ничего не знаю и самъ. Все это возбуждаетъ во мнѣ такое глубокое чувство униженія и такое отвращеніе ко всему окружающему, что самая жизнь дѣлается для меня невыносимою (Фаустъ: «Habe nun, ach! Philosophie, Juristerei und Medicin, und Leider! auch Theologie durchaus studirt, mit heissem Bemühen. Da steh' ich nun, ich armer Thor! und bin so klug, als wie zuvor; heisse Magister, heisse Doctor gar, und ziehe schon an die zehne Jahr, herauf, herab und quer und krumm, meine Schüler an der Nase herum und sehe, dass wir nichts wissen können! Das will mir schier das Herz verbrennen). Я родился и живу во времени, а между тѣмъ не знаю, что такое время; я нахожусь въ одной точкѣ между двумя вѣчностями, какъ говорятъ мудрецы, и въ то же время не имѣю никакого понятія о вѣчности; я состою изъ вещества,

http://rcin.org.pl

я мыслю, и не былъ въ состояніи выяснить себѣ, какимъ путемъ образуется мысль: я не знаю, представляетъ ли во мнѣ разумъ простую способность въ родѣ способности ходить и переваривать пищу, и точно такъ же ли я мыслю головою, какъ беру что нибудь руками. Мнѣ не только неизвѣстно начало моей мысли, но отъ меня точно такъ же скрыта причина моихъ движеній; я не знаю даже, зачѣмъ я существую. Еще того хуже, когда меня спрашиваютъ, былъ ли Брама сотворенъ Вишну, или же они оба вѣчны. «Ахъ! преподобный отецъ,—говорятъ мнѣ,—скажите намъ, какимъ образомъ зло распространяется между людьми?». Я нахожусь въ такомъ же точно затрудненіи, какъ и тѣ, которые задаютъ мнѣ этотъ вопросъ; иногда я имъ говорю, что все на свѣтѣ прекрасно устроено; но нищіе и калѣки такъ же мало этому вѣрятъ, какъ и самъ я. Я отправляюсь домой, мучась любопытствомъ и сознавая свое невѣжество. Читаю ли я наши древнія книги, онѣ только еще болѣе сбиваютъ меня съ толку».— Неподалеку отъ добраго, богатаго, умнаго брамина жила бѣдная и глупая старуха, которую разсказчикъ, заинтересованный состояніемъ духа брамина, спросилъ однажды: «не печалило ли ее когда-нибудь то, что она не знаетъ, какъ сотворена ея душа? Она даже не поняла моего вопроса: во всю ея жизнь ей ни разу не пришлось задуматься надъ тѣми вопросами, которые мучили брамина; отъ искренняго сердца вѣря превращеніямъ Вишну, она считала себя счастливѣйшею изъ женщинъ, если могла порой достать себѣ воды изъ Ганга для омовеній». Разсказчикъ сообщилъ объ этомъ несчастному брамину; тотъ отвѣтилъ, что онъ очень хорошо знаетъ, что еслибы онъ, браминъ, былъ такъ же глупъ, какъ его сосѣдка, то былъ бы счастливъ, и однако онъ не взялъ бы такого счастія, не промѣнялъ бы своего несчастія на счастіе глупой старухи. Всѣ слышавшіе эту исторію сходились на томъ, что лучше бы вовсе не имѣть ума, чѣмъ имѣть его и быть несчастнымъ, и однако не нашлось никого, кто захотѣлъ бы промѣнять свой умъ на счастіе. «Но если разсудить хорошенько, — заключаетъ Вольтеръ, — то не безумно ли предпочитать разумъ счастію. Какъ же объяснить

http://rcin.org.pl

это противорѣчіе? Какъ и всѣ другія: тутъ есть о чемъ поговорить» (Романы и повѣсти, 213—215).

Но это очевидно не объясненіе, а уклоненіе отъ объясненія. «Самоѣденіе», какъ называетъ, кажется, Гамлетъ Щигровскаго уѣзда метафизическія Grübeleine, имѣетъ свою прелесть. Оно втягиваетъ человѣка, какъ втягиваетъ васъ, напримѣръ, процессъ чесанія: если у васъ чешется рука, что ли, и вы начинаете ее чесать, то вамъ трудно отстать, хотя вы чувствуете, что раздраженіе, сначала пріятное, переходитъ въ явно болѣзненное. Кто-то замѣтилъ, что для того, чтобы отдѣлаться отъ самоѣденія, надо не любить его. Это замѣчаніе вѣрно въ томъ смыслѣ, что констатируетъ фактъ пріятности, хотя и болѣзненной, самоѣденія. Но легко сказать: не любить того-то или того-то. Подобные рецепты безсильны, пока силамъ, направленнымъ на самоѣденіе, нѣтъ другого исхода. Іоаннъ Златоустъ вѣрно понималъ, въ чемъ дѣло, когда совѣтовалъ одному молодому человѣку, одержимому метафизическими Grübeleine, обзавестись женой и дѣтьми. И разбитость брамина, и забитость его сосѣдки имѣютъ одинъ и тотъ же корень: оба они не люди, а органы общественнаго организма. Человѣкъ ли Вагнеръ? Нѣтъ, ему чуждо все человѣческое. Это поршень, водокачальная машина, и въ общественномъ организмѣ онъ представляетъ собою не цѣлое, а часть, самъ онъ не недѣлимое, а органъ, и именно органъ добыванія фактическаго знанія. Ни къ какой другой функціи онъ неспособенъ и оттого презираетъ или игнорируетъ всякія другія отправленія и не можетъ понять чужихъ потребностей, чужихъ радостей и горестей. На народномъ гуляньѣ онъ съ презрѣніемъ сторонится отъ веселыхъ людей, «точно одержимыхъ бѣсомъ», и рѣшительно не понимаетъ, органически не можетъ понять, чего этотъ людъ веселится. У себя дома онъ рѣшительно не можетъ понять, почему бы людямъ — разъ открытъ научный способъ производства людей —не завести женамъ вмѣсто мужей, а мужьямъ вмѣсто женъ химическія лабораторіи. Конечно, это не человѣкъ. Не человѣкъ и старуха — сосѣдка брамина. Она принадлежитъ къ «сволочи», «у которой есть

http://rcin.org.pl

только руки, чтобы жать». Ея роль въ общественномъ организмѣ рѣзко обозначена: «работай, работай, работай». Это органъ производства богатствъ, и ея мыслительныя способности замерли. Въ Фаустѣ и въ добромъ брамннѣ онѣ не замерли, но это все-таки не люди; Діогенъ не потушилъ бы передъ ними своего фонаря. Это все-таки только органы общественнаго организма, но органы больные; ихъ болѣзнь состоитъ въ гипертрофіи, въ чрезмѣрномъ усиленіи однѣхъ функцій насчетъ другихъ. Чтобы быть гуманнымъ, человѣчнымъ въ наукѣ, надо помнить границы человѣка и не оставлять въ этихъ границахъ пустотъ, какъ Вагнеръ, но и не рваться изъ нихъ, какъ рвутся Фаустъ и браминъ. Чтобы быть гуманнымъ, человѣчнымъ въ практической жизни, надо умѣть переживать чужую жизнь, умѣть становиться въ чужое положеніе, что опять-таки возможно только тогда, когда границы человѣческаго бытія выполнены совершенно, но содержимое не пытается перелиться черезъ край. У Фауста и брамина оно переливается, и хотя Фаустъ и говоритъ, что хотѣлъ бы одинъ пережить все то, что переживаетъ человѣчество, но это для него невозможно, онъ для этого слишкомъ занятъ тѣмъ, что человѣчеству недоступно. Это не случайное совпаденіе, что Контъ, старательно отдѣляющій область непознаваемаго отъ познаваемаго, указывающій человѣку обязательныя границы его теоретической дѣятельности, противопоставилъ свой альтрюизмъ узкому эгоизму; что Фейербахъ, совѣтующій «довольствоваться даннымъ міромъ», утверждаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что я — ничто, если оно стоитъ отдѣльно отъ *ты*. Гуманность въ теоріи и гуманность практическая, какъ мы ихъ опредѣлили, состоятъ въ тѣснѣйшей зависимости между собой и другъ другу помогаютъ: гдѣ нѣтъ одной, тамъ нѣтъ и другой; гдѣ явится одна, туда послѣдуетъ за ней и другая. Раздвиньте существованіе Фауста и добраго брамина, дайте имъ возможность и силу переживать чужую жизнь, разбудите въ нихъ контовскій альтрюизмъ, фейербаховскій тупизмъ, смитовскую симпатію, — и они выздоровѣютъ, ихъ будутъ мучить совсѣмъ иные вопросы, а эта мука можетъ повести ихъ не къ пораженію, а къ побѣдѣ. Фаустъ и Вагнеръ,

http://rcin.org.pl

брамин и старуха, существующіе рядомъ и другъ друга незнающіе и почти незамѣчающіе,—это взаимно восполняющіяся противоположности, разныя стороны одной и той же эксцентрической медали.

Вольтеръ сказалъ однажды прекрасное и глубокое слово. Именно когда его спросили, почему онъ такъ интересуется Каласомъ, онъ отвѣтилъ: потому что я человѣкъ. Великое это слово *человѣкъ*, и какъ немногіе имѣютъ право на этотъ титулъ; Вольтеръ конечно не былъ изъ числа этихъ немногихъ. Онъ принялъ такъ близко къ сердцу дѣло Каласа не потому, чтобы онъ былъ человѣкъ, а потому, что Каласъ былъ жертва фанатизма, а Вольтеръ всѣми силами своей души ненавидѣлъ фанатизмъ. Борьба съ фанатизмомъ составляетъ великую заслугу Вольтера. Однако, нисколько не умаляя этой заслуги Вольтера, можно сказать, что и передъ нимъ, такъ рѣзко противопоставлявшимъ «порядочныхъ людей» «сволочи», такъ часто и грубо грѣшившимъ въ жизни,—Діогенъ не имѣлъ бы возможности потушить фонаря. И мы видимъ, что ему часто приходилось быть и разбитымъ, и забитымъ. Мало того, если мы оставимъ безъ вниманія нѣкоторыя побочныя и почти случайныя стороны дѣятельности Вольтера, то увидимъ, что онъ былъ не забитымъ и не разбитымъ, а бойцомъ-побѣдителемъ исключительно только въ одной борьбѣ съ суевѣріемъ и фанатизмомъ. Во всемъ остальномъ неудержимо рвется наружу недостатокъ гуманности (въ вышеразъясненномъ смыслѣ), теоретической и практической.

Въ новѣсти «Кандидъ или оптимизмъ» Вольтеръ жестоко осмѣиваетъ забитыхъ имманиниковъ. Фигуры Кандида и въ особенности доктора Панглосса сдѣлались притчею во языцѣхъ. Въ Вестфаліи существуетъ баронъ Тундеръ-Тенъ-Тронкъ. У него есть замокъ, баронесса-жена, баронъ-сынъ, баронесса-дочь и учитель Панглоссъ, да кромѣ того—въ замкѣ живетъ прекрасный молодой человѣкъ Кандидъ. Панглоссъ преподавалъ «метафизико-теолого-космолого-нигилеологію». Онъ доказывалъ, что «все есть такъ, какъ есть, и ничего иначе быть не можетъ, чѣмъ

http://rcin.org.pl

оно есть, ибо все создано для извѣстной цѣли, и слѣдовательно для самой лучшей цѣли. Такъ носы созданы для того, чтобы носить очки, и вотъ почему мы носимъ очки; ноги очевидно существуютъ для штановъ, и дѣйствительно мы носимъ штаны. Камни созданы для тесанія и постройки замковъ, и вотъ у вашества прекрасный замокъ; оно и понятно — знатнѣйшему барону приличествуетъ лучшее помѣщеніе; а вотъ свиньи, такъ тѣ сотворены для того, чтобы ихъ ѣли, и мы круглый годъ ѣдимъ буженину. Значитъ, глупо говорятъ, будто все хорошо: надо говорить, что все превосходно». Кандидъ былъ прилежнымъ и почтительнымъ ученикомъ Панглосса и притомъ втайнѣ любилъ баронессу Кунигунду, дочь барона Тундеръ-Тенъ-Тронка. Поэтому онъ полагалъ, что на землѣ нѣтъ ничего выше, какъ быть барономъ Тундеръ-Тенъ-Тронкомъ; второе счастье — быть Кунигундой, третье—видѣть ее каждый день, а четвертое—слушать доктора Панглосса, «величайшаго философа всей провинціи и слѣдовательно всей вселенной». За невозможностью быть барономъ или Кунигундой, Кандидъ былъ вполнѣ счастливъ, созерцая Кунигунду и слушая Панглосса. Но однажды онъ осмѣлился поцаловать Кунигунду и за это былъ выгнанъ пинками изъ замка. Онъ встрѣтился съ вербовщиками болгарскаго короля, пораженными его высокимъ ростомъ. Они предлагаютъ ему обѣдъ и деньги, объясняя, что «люди созданы, чтобы помогать другъ другу». «Вы правы,—отвѣчалъ Кандидъ,—господинъ Панглоссъ всегда говорилъ мнѣ это, и я вижу, что дѣйствительно все къ лучшему». Кандидъ попадаетъ въ солдаты, его учатъ маршировать, стрѣлять, бьютъ, и такъ-какъ это ему не совсѣмъ нравилось, то онъ бѣжалъ. Его поймали и предложили на выборъ: прогуляться тридцать-шесть разъ сквозь строй всего полка, или разомъ получить двѣнадцать пуль въ лобъ. «Тщетно увѣрялъ онъ, что воля свободна, что онъ не желаетъ ни того, ни другаго; въ концѣ концовъ пришлось сдѣлать выборъ во имя божьяго дара, называемаго *свободой*». Далѣе Кандиду пришлось участвовать въ сраженіи между болгарскою и аварскою арміями. «Сначала пушки перебили тысячъ по шести человѣкъ съ каж-

http://rcin.org.pl

дой стороны, затѣмъ стрѣльба избавила лучшій изъ міровъ отъ девяти или десяти тысячъ портившихъ его негодяевъ. Штыки оказались удовлетворяющимъ доводомъ смерти нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ» Кандидъ удралъ съ поля сраженія и пробрался въ Голландію, проспалъ тамъ милостыни, за что ему пригрозили исправительнымъ домомъ. Наконецъ онъ обратился къ человѣку, который только что цѣлый часъ говорилъ въ большомъ собраніи о милосердіи. Ораторъ покосился на него и спросилъ: «чего вамъ? вы за правое дѣло?» «Всякое дѣло право, потому что все имѣетъ свои причины и всякая причина имѣетъ свои слѣдствія,—скромно отвѣчалъ Кандидъ,—все связано между собою и все устроено къ лучшему. Видно нужно было, чтобы меня выгнали отъ Кунигунды, прогнали сквозь строй, а теперь мнѣ нужно просить милостыни, пока не научусь, все это не могло быть иначе». Но метафизико-теолого-космолого-нигилеологія Панглосса вовсе не интересовала оратора, и когда онъ узналъ, что Кандида вовсе не волнуетъ вопросъ о томъ—не есть ли папа антихристъ, онъ выругалъ его и выгналъ. Жена оратора, «выглянувъ изъ окна и услыхавъ, что человѣкъ сомнѣвается, что папа антихристъ, вылила ему на голову полный..... О небо! до какихъ крайностей доходитъ у дамъ рвеніе къ религіи!» Одинъ присутствовавшій при этой сценѣ добрый анабаптистъ пожалѣлъ Кандида, накормилъ его, далъ денегъ и хотѣлъ выучить работать на своей фабрикѣ. Кандидъ былъ въ восторгѣ. «Учитель Панглоссъ—воскликнулъ онъ—говорилъ правду, что все къ лучшему въ этомъ мірѣ, потому что меня несравненно больше трогаетъ ваше великодушіе, чѣмъ черствость сердца этого господина въ черномъ плащѣ и его супруги». На слѣдующій день Кандидъ пошелъ прогуляться и встрѣтилъ жалкаго нищаго съ проваливщимся носомъ, гнилыми зубами, съ лицомъ, покрытымъ язвами. Оказалось, что это ученый докторъ Панглоссъ, нѣсколько испорченный сифилисомъ, полученнымъ имъ отъ хорошенькой горничной лучшей изъ баронессъ. Несмотря на свои страданія, Панглоссъ объяснялъ, что сифилисъ есть «необходимое снадобье въ лучшемъ изъ міровъ; ибо, не схвати Колумбъ на одномъ

http://rcin.org.pl

изъ американскихъ острововъ этой болѣзни, которая отравляетъ источникъ произрожденія, часто даже совершенно уничтожаетъ его и очевидно противится великой цѣли природы, — мы не имѣли бы ни шоколаду, ни кошенили». Панглоссъ разсказывалъ еще, что болгары напали на за́мокъ Тундеръ-Тенъ-Тронкъ и перебили всѣхъ его обитателей, не исключая и прекрасной Кунигунды. Добрый анабаптистъ пріютилъ у себя и Панглосса и даже вылечилъ его, на сколько это было возможно. Черезъ два мѣсяца анабаптистъ отправился по торговымъ дѣламъ въ Лиссабонъ, захвативъ съ собой обоихъ нашихъ философовъ. Дорогой Панглоссъ объяснялъ, что все такъ хорошо на свѣтѣ, что лучше и нельзя. Анабаптистъ приводилъ въ опроверженіе этого тезиса различныя очевидныя бѣдствія и страданія на землѣ, но Панглоссъ не унимался. «Все это необходимо,—говорилъ онъ,—изъ частныхъ несчастій составляется общее благо, такъ что, чѣмъ болѣе частныхъ несчастій, тѣмъ выше общее благоденствіе». Между тѣмъ на морѣ, уже въ виду лиссабонской пристани, поднялась страшная буря, корабль трещалъ, мачты ломались, люди кричали, молились, плакали. Одинъ матросъ толкнулъ анабаптиста, вмѣшивавшагося въ управленіе кораблемъ; анабаптистъ упалъ на палубу, но и матросъ отъ сильнаго удара потерялъ равновѣсіе и полетѣлъ въ море внизъ головой, но зацѣпился за изломанную мачту. Анабаптистъ помогъ ему взобраться; но отъ усилія самъ упалъ въ море и матросъ и не подумалъ его спасти. Кандидъ бросился-было за нимъ въ море, но Панглоссъ остановилъ его, доказывая, что «лиссабонскій рейдъ для того и существуетъ, чтобы этотъ анабаптистъ утонулъ въ немъ». Корабль, наконецъ, пошелъ ко дну, и на берегъ выплыли только Панглоссъ, Кандидъ и негодяй матросъ. Едва вошли они въ городъ, какъ началось землетрясеніе. «Любопытно однако знать,— замѣтилъ Панглоссъ,—какой такой удовлетворяющій доводъ можетъ имѣть это странное явленіе». Лиссабонъ разрушенъ, тридцать тысячъ человѣкъ погибло подъ его развалинами, но Панглоссъ не уставалъ праздновать имянины сердца; «ибо — говорилъ онъ—ничего не можетъ быть лучше того, что есть; ибо

http://rcin.org.pl

если подъ Лиссабономъ есть вулканъ, слѣдовательно онъ не могъ быть въ другомъ мѣстѣ, ибо вещи не могутъ быть иными, чѣмъ онѣ суть, ибо все прекрасно». За эти слова къ Панглоссу придирается чиновникъ инквизиціи, уличая философа въ томъ, что онъ не вѣритъ въ грѣхопаденіе. Панглоссъ пробуетъ увернуться, утверждая, что «грѣхопаденіе человѣка и его проклятіе были необходимы въ лучшемъ изъ міровъ», но тѣмъ не менѣе попадаетъ въ лапы инквизиціи. И т. д., и т. д.; оказывается, что Кунигунда и братъ ея живы, что Панглоссъ также какимъ-то чудомъ вырывается живъ и здоровъ отъ инквизиціи. Послѣ цѣлаго ряда самыхъ невѣроятныхъ, большею частью несчастныхъ приключеній въ различныхъ частяхъ свѣта, маленькое общество, состоящее изъ Кандида, Кунигунды, Панглосса и еще двухъ-трехъ лицъ, прихваченныхъ Кандидомъ во время своихъ странствованій, поселяется въ Турціи, заводитъ ферму, огородъ и работаетъ... «Панглоссъ сознавался, что всегда страшно страдалъ, но, разъ сказавъ, что все идетъ прекрасно, продолжалъ утверждать это, самъ себѣ не вѣря». Однако старыя дрожжи все еще бродили, и общество отправилось однажды за разрѣшеніемъ своихъ сомнѣній къ одному знаменитому турецкому философу. «Учитель, — заговорилъ Панглоссъ, — мы пришли просить васъ объяснить намъ, зачѣмъ создано такое странное животное, какъ человѣкъ?»—«А тебѣ что?—отвѣчалъ дервишъ,—развѣ это твое дѣло?»—«Однако, преподобный отецъ,—возразилъ Кандидъ,—на свѣтѣ ужасно много зла».—«Такъ что же,—сказалъ дервишъ,—много-ли, мало ли зла или добра, не все ли равно? Когда его величество султанъ посылаетъ въ Египетъ корабль, развѣ онъ справляется, хорошо ли будетъ живущимъ на кораблѣ мышамъ?» — «Что же дѣлать?» сказалъ Панглоссъ. — «Молчать», отвѣчалъ дервишъ.—«А я было собирался поговорить съ вами о причинахъ и слѣдствіяхъ, о лучшемъ изъ міровъ, о началѣ зла, о сущности души, о предвѣчной гармоніи»... При этихъ словахъ дервишъ захлопнулъ у нихъ подъ носомъ дверь. Съ этихъ поръ общимъ совѣтомъ рѣшено было, что надо работать, чтобы сдѣлать жизнь сносною, и что человѣкъ рожденъ не для

http://rcin.org.pl

бездѣйствія. Панглоссъ говорилъ еще иногда: «Все тѣсно связано въ этомъ лучшемъ изъ міровъ; еслибы васъ не выгнали изъ прекраснаго замка пинками за любовь Кунигунды, еслибы васъ не арестовала инквизиція, еслибы вы не побродили пѣшкомъ по Америкѣ, не ранили шпагой барона, не потеряли вашихъ барановъ изъ прекраснаго Эльдорадо, то теперь не ѣли бы цукатовъ и фисташекъ». «Это все прекрасно, — отвѣчалъ Кандидъ,—но пойдемъ-ка работать въ огородъ».

Этотъ утилитарный пошибъ напоминаетъ конецъ Фауста. И какъ тамъ, такъ и здѣсь главный вопросъ остается нерѣшеннымъ: какъ же относиться къ существованію зла на землѣ? Вѣдь совсѣмъ объ немъ не думать нельзя, когда оно напоминаетъ о себѣ на каждомъ шагу. Для этого надо бы было превратиться въ глупую сосѣдку добраго брамина, и до этого легко можетъ довести одно обработываніе огорода, если человѣкъ при этомъ совсѣмъ отказывается отъ мысли.

Вольтеръ не всегда былъ такимъ злымъ гонителемъ имянинъ сердца по поводу прекраснаго устройства вселенной. Напротивъ, онъ былъ самъ сильно грѣшенъ этимъ грѣхомъ и до конца жизни не могъ отдѣлаться отъ него окончательно. Мы уже имѣли случай въ другомъ мѣстѣ говорить объ отношеніи Вольтера къ телеологіи. Мы упоминали, что, будучи совершенно непричастенъ той нелѣпѣйшей формѣ имянинъ сердца въ философіи, которая считаетъ человѣка центромъ вселенной, Вольтеръ однако очень усердно праздновалъ имянины сердца по поводу цѣлесообразности и совершенства явленій природы.

Кромѣ практическаго доказательства, о которомъ мы говорили выше, бытіе божіе опиралось для Вольтера еще на двухъ основаніяхъ. Одно состоитъ въ такъ-называемомъ космологическомъ доказательствѣ. Мы видимъ, что одно явленіе производитъ другое и само производится третьимъ, это послѣднее производится четвертымъ и т. д. А отсюда Вольтеръ заключаетъ, что долженъ же быть конецъ у этой цѣпи, и этотъ конецъ или вѣрнѣе начало и есть Богъ.

Для насъ гораздо любопытнѣе третье, именно телеологиче-

http://rcin.org.pl

ское доказательство бытія божія. Вольтеръ считалъ очевидными правильность и цѣлесообразность устройства вселенной вообще и отдѣльныхъ явленій природы въ частности, а отсюда заключалъ, что міръ обязанъ своимъ происхожденіемъ нѣкоторой высшей разумной личности, стоящей внѣ міра. Какъ при взглядѣ на всякое произведеніе рукъ человѣческихъ въ насъ поднимается представленіе о мастерѣ, работникѣ, художникѣ, такъ и любое произведеніе природы напоминаетъ намъ своею цѣлесообразностью о «Вѣчномъ мастерѣ», «Вѣчномъ художникѣ», «Вѣчномъ разумѣ», «Вѣчномъ геометрѣ». Къ этой параллели Вольтеръ прибѣгалъ очень часто, точно такъ же, какъ къ доказательству, что природа есть вовсе не природа, а искусство. Это одна изъ любимѣйшихъ мыслей Вольтера. Такъ одно изъ дѣйствующихъ лицъ разсказа «Уши графа Честерфильда» говоритъ: «Надъ нами смѣются, нѣтъ никакой природы, все—одно искусство; съ какимъ чуднымъ искусствомъ отплясываютъ всѣ планеты вокругъ солнца, между тѣмъ какъ солнце вертится вокругъ самого себя; надо обладать ученостью лондонскаго королевскаго общества, чтобы устроить такъ, чтобы квадраты обращеній планеты относились между собой, какъ кубическіе корни ихъ разстояній отъ солнца» и т. д. (Ром. и пов., 573). Въ «Исторіи Женни» мудрецъ Фрейндъ говоритъ: «Природы вовсе нѣтъ; около насъ, въ насъ самихъ и на 100,000 милліоновъ отъ насъ—ничто иное, какъ одно только искусство. Почти никто не замѣчаетъ этого, но это истина. Скажу вамъ опять: откройте глаза и вы увидите Бога и станете ему поклоняться. Подумайте только, что всѣ эти громадные міры, вращающіеся по своимъ громаднымъ небеснымъ путямъ, слѣдуютъ глубокимъ математическимъ законамъ; есть же, слѣдовательно, глубокій математикъ, котораго Платонъ называлъ вѣчнымъ геометромъ... Посмотрите на самихъ себя, посмотрите, съ какимъ удивительнымъ искусствомъ, которое мы никогда не постигнемъ вполнѣ, всѣ ваши наружныя и внутреннія части приспособлены къ вашимъ потребностямъ. Я вовсе не хочу читать вамъ теперь лекцію анатоміи, но вы очень хорошо знаете и безъ меня, что нѣтъ ни одного

http://rcin.org.pl

органа, который былъ бы для васъ лишнимъ и которому не помогали бы въ случаѣ нужды сосѣдніе органы... вездѣ—искусство, вездѣ—подготовка, средства и цѣль. Ну, какъ же послѣ этого не чувствовать негодованія противъ тѣхъ, кто отрицаетъ конечныя причины и кто настолько глупъ или недобросовѣстенъ, чтобы утверждать, что ротъ не устроенъ для того, чтобы ѣсть и говорить, глаза не приспособлены удивительнѣйшимъ образомъ для зрѣнія и половые органы для размноженія! Подобная дерзость такъ нелѣпа, что ее трудно понять».

Мы не намѣрены трактовать здѣсь о несостоятельности телеологическаго воззрѣнія на природу. Вѣру въ цѣлесообразность явленій природы можно считать совершенно ниспровергнутою новѣйшею наукою. Но она и во времена Вольтера не была неуязвима, и многіе изъ его современниковъ, даже низшаго калибра, чѣмъ онъ, не раздѣляли на этотъ счетъ его заблужденій и смотрѣли на природу не съ имманентной точки зрѣнія. Что и здѣсь мысль Вольтера соскакивала съ рельсовъ, по крайней мѣрѣ отчасти, вслѣдствіе столкновенія съ изгибами его нравственнаго характера—въ этомъ для насъ нѣтъ никакого сомнѣнія, хотя доказать это трудно. Трудно въ особенности потому, что пріемы психологической критики еще совершенно невыработаны, хотя въ будущемъ ей несомнѣнно предстоитъ важная роль. И даже на самыя основанія психологической критики, на зависимость умственной дѣятельности отъ нравственнаго характера, существуютъ вообще воззрѣнія очень слабыя и сбивчивыя. Такъ, напримѣръ, Милль признаетъ, что «склонность заставляетъ пугаться досадливаго труда строгаго наведенія, когда родилось опасеніе, что результатъ будетъ непріятенъ, а въ предпринятомъ изслѣдованіи заставляетъ направлять не надлежащимъ образомъ то, что въ нѣкоторой степени произвольно, именно вниманіе, удѣляя большую долю его доказательству, которое, повидимому, благопріятно желаемому заключенію, и меньшую долю — доказательству, которое, повидимому, неблагопріятно. Склонность дѣйствуетъ также, заставляя человѣка ревностно искать доводовъ или мнимыхъ доводовъ въ подтвержденіе мнѣ-

http://rcin.org.pl

ній, сообразныхъ его выгодамъ или чувствамъ, и противиться неблагопріятнымъ». Тѣмъ не менѣе Милль считаетъ возможнымъ поставить умственную дисциплину въ совершенную независимость отъ дисциплины чувствъ и склонностей. Онъ находитъ, что «кто остерегался всякаго рода неосновательныхъ доказательствъ, которыя могутъ быть приняты за убѣдительныя, тотъ не подвергается опасности быть вовлеченнымъ въ ошибку и самою сильною склонностью» (Логика, II, 291). Съ другой стороны мы видимъ часто слишкомъ поспѣшныя заключенія отъ отдѣльныхъ психологическихъ фактовъ изъ жизни того или другого писателя или мыслителя къ характеру его умственной дѣятельности. Этого рода заключенія отличаются обыкновенно крайнею топорностью. Такъ Куно-Фишеръ, напримѣръ, усматриваетъ прямую, непосредственную связь между взяточничествомъ и предательствомъ Бекона съ одной стороны и его философіей—съ другой, и утверждаетъ почти, что еслибы знаменитый лордъ не былъ взяточникомъ, то не сдѣлалъ бы для индуктивнаго метода того, что сдѣлалъ. Мы держимся того утѣшительнаго мнѣнія, что нравственное уродство можетъ только парализировать дѣятельность мысли и никогда не вяжется, какъ причина со слѣдствіемъ, съ умственною мощью. Мы держимся этого мнѣнія не потому, что оно утѣшительно, а на основаніи вышеприведенныхъ соображеній о границахъ человѣка. Мы не касались и не будемъ касаться такихъ крупныхъ грѣховъ Вольтера, какъ его ненасытная алчность или знаменитая исторія съ евреемъ Гиршемъ, потому что не въ нихъ совсѣмъ дѣло. Подобные случаи могутъ, правда, служить нѣкоторыми указаніями, но важны не они, а общій тонъ нравственнаго характера, степень альтрюизма, туизма, симпатіи—дѣло не въ названіи—словомъ, степень легкости, съ какою человѣкъ можетъ слить свое *я* съ *ты*, и обширность круга возможнаго для него сочувствія. Только эта, такъ-сказать, подставка нравственнаго характера и можетъ оказать положительное или отрицательное вліяніе на направленіе, принимаемое мыслью. Только за этимъ вліяніемъ у Вольтера

http://rcin.org.pl

мы и слѣдимъ. Мы отнюдь не имѣемъ въ виду разсказывать его жизнь и представить полную оцѣнку его дѣятельности. Претензіи наши не идутъ дальше желанія дать руководящую нить читателямъ повѣстей и романовъ, переведенныхъ г. Дмитріевымъ, противорѣчивость которыхъ какъ между собою, такъ и съ ходячими мнѣніями о Вольтерѣ можетъ произвести путаницу. Затѣмъ, явилась необходимость опредѣлить пункты столкновенія нравственныхъ элементовъ Вольтера съ его логикою. Дидро сравнивалъ скептицизмъ съ Буридановымъ осломъ, который голодаетъ, потому что не рѣшается выбрать между положенными передъ нимъ связками сѣна. Скептицизмъ Вольтера совершенно иного сорта. Онъ, напротивъ, то признаетъ безсмертіе души, то отрицаетъ его, то признаетъ существованіе зла на землѣ, то не признаетъ и т. д. И всѣ эти колебанія, очевидныя и въ повѣстяхъ, изданныхъ нынѣ порусски, не могутъ быть объяснены иначе, какъ принимая въ соображеніе вторженіе нравственнаго элемента. Само собою разумѣется, что при этомъ мы не можемъ читать похвальной рѣчи Вольтеру и, по самому плану статьи, принуждены оставить въ тѣни дѣйствительныя заслуги Вольтера. Надѣемся, что это намъ не поставится въ вину, потому что заслугъ этихъ мы и не думаемъ отрицать.

Г. Страховъ вѣритъ въ конечныя причины и цѣлесообразность явленій природы. Я этому не удивляюсь, потому что, когда я читалъ статью г. Страхова о глупости (подъ заглавіемъ «Женскій вопросъ»)... впрочемъ, я вѣжливъ и потому не скажу, что я думалъ о глупости, читая статью г. Страхова. Во всякомъ случаѣ, очевидно, что если человѣкъ мыслящій находитъ возможнымъ праздновать имянины сердца по поводу всего того, что онъ видитъ и слышитъ, то это должно быть приписано либо слабости мысли, либо спеціализаціи ея, либо недостатку нравственнаго развитія. Вольтеръ человѣкъ настолько сильный умственно, а его доводы въ пользу цѣлесообразности явленій природы въ цѣломъ и въ частностяхъ до такой степени бѣдны, что нѣтъ возможности выйти изъ этого кажущагося противорѣ-

http://rcin.org.pl

чія, если мы не поищемъ въ другомъ мѣстѣ причинъ имянинnаго міросозерцанія Вольтера. Цѣлесообразность движенія и расположенія небесныхъ свѣтилъ и устройства человѣческаго организма—два пункта, на которые Вольтеръ напиралъ особенно часто и съ особенною энергіею—могли еще въ XVIII вѣкѣ быть защищаемы. Въ виду недостатка фактическихъ знаній не трудно было бы увлечься пресловутою гармоніею между органами и ихъ отправленіями, если имѣть въ виду только одну группу фактовъ. И нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что узкіе спеціалисты, будучи даже людьми замѣчательно-умными, отстаивали и отстаиваютъ присутствіе конечныхъ цѣлей въ небольшомъ кругѣ изучаемыхъ ими явленій. Но Вольтеръ былъ человѣкъ многосторонній, онъ жилъ полною жизнью и не могъ не видѣть, что если и допустить, что нѣтъ безполезныхъ или вредныхъ органовъ, органовъ нефункціонирующихъ или функціонирующихъ во вредъ организму, то все-таки есть на свѣтѣ необозримая масса фактовъ, неоспоримо свидѣтельствующихъ, что не все на землѣ хорошо. Онъ не могъ не видѣть важности замѣчанія болвана Биртона насчетъ «пауковъ, созданныхъ для того, чтобы они высасывали мухъ». Вольтеръ видѣлъ, что зло на землѣ есть; фактъ этотъ не можетъ подлежать сомнѣнію, потому что, помимо всего прочаго, онъ записанъ въ исторіи человѣческими слезами, потомъ и кровью. Но значеніе этого факта сильно ослаблялось для Вольтера его невысокимъ нравственнымъ уровнемъ. Недостатокъ сочувственнаго элемента въ его гибкой, увертливой натурѣ позволилъ ему смотрѣть на потоки крови и слезъ сквозь пальцы. «Они, конечно, существуютъ, разсуждалъ Вольтеръ, но это не мѣшаетъ праздновать имянины сердца». «Зачѣмъ дѣлать изъ нашего существованія цѣпь горя и бѣдствій?» часто говорилъ онъ, прекрасно обрисовывая этой фразой суть имянинnаго міросозерцанія. Имянинникъ, пожалуй, согласенъ, что есть на данномъ предметѣ кое-какія пятна и прорѣхи, но не только не думаетъ о возможности затереть эти пятна и починить эти прорѣхи, а напротивъ, старательно отгоняетъ отъ

http://rcin.org.pl

себя всякую мысль о нихъ, дабы тѣмъ не нарушить имянинъ сердца, а потому утверждаетъ, что пятенъ и прорѣхъ нѣтъ, что все прекрасно. И это имянинники называютъ на своемъ языкѣ патріотизмомъ, благонамѣренностью, любовью къ людямъ, восторгомъ передъ природой и т. д. Смайльсъ приводитъ въ своей извѣстной книгѣ чье-то, помнится, довольно обширное и очень плоское развитіе той имянинной идеи, что всякій трудъ есть наслажденіе. Это, по крайней мѣрѣ, весело. Но если вы осмѣлитесь выразить мнѣніе, что всякій трудъ долженъ быть наслажденіемъ—послушайте только, какой гвалтъ поднимутъ имянинники, обвиняя васъ въ утопическихъ мечтаніяхъ или даже въ прямомъ подрываніи приснопамятныхъ «основъ».

Но возвратимся къ Вольтеру. Вопросъ о существованіи зла на землѣ всегда интересовалъ его, но до 1755 года онъ, вмѣстѣ съ англійскими деистами, рѣшалъ его такимъ образомъ: если зло и существуетъ, то въ общемъ результатѣ оно влечетъ за собою благо, то-есть, собственно говоря, зла на землѣ нѣтъ и все идетъ къ лучшему въ семъ наилучшемъ изъ міровъ. Изъ повѣстей, затрогивающихъ вопросъ о существованіи зла, къ этому періоду относится, напримѣръ, «Свѣтъ, какъ онъ есть. Видѣніе Бабука, описанное имъ самимъ» (написано въ 1746 году). Скиѳъ Бабукъ получаетъ отъ Итуріеля, духа-властителя Верхней Азіи, приказаніе отправиться въ Персеполь (Парижъ) и убѣдиться, насколько грѣшны его обитатели, такъ-какъ собраніе духовъ рѣшило или наказать ихъ или совсѣмъ разрушить Персеполь. Бабукъ видитъ то добродѣтели, то преступленія, переходитъ отъ негодованія къ восторгу и обратно, но въ концѣ концовъ мирится со всѣмъ и находитъ, напримѣръ, что продажа и покупка судебныхъ должностей имѣетъ свои прекрасныя стороны; впрочемъ, примиреніе происходитъ даже и не такъ, а просто Бабукъ убѣждается, что судьямъ, купившимъ себѣ «право судить», «ничто не мѣшаетъ» быть хорошими судьями. Въ концѣ концовъ Бабукъ представилъ свой отчетъ Итуріелю такимъ образомъ: заказалъ статую изъ разныхъ, благородныхъ и не-

http://rcin.org.pl

благородныхъ металловъ и драгоцѣнныхъ и никуда негодныхъ камней и подалъ ее духу, сказавъ: «Разобьешь ли ты эту *хорошенькую* статую, потому что не все въ ней золото и алмазы». Итуріель понялъ загадку и рѣшился «даже не исправлять Персеполя и оставить свѣтъ, какъ онъ есть; потому что, сказалъ онъ, если не все хорошо, то все сносно».

Та же идея развивается довольно скабрёзнымъ и легкомысленнымъ манеромъ въ разсказѣ «Cosi Sancta». Одинъ священникъ предсказалъ молодой дѣвушкѣ, что ея добродѣтель причинитъ ей много несчастій, но что современемъ она будетъ причтена къ лику святыхъ за троекратную измѣну мужу. Все сбывается, какъ по писаному. Cosi Sancta не хочетъ обманывать мужа, и потому тотъ велѣлъ до полусмерти избить молодого человѣка, ухаживавшаго за его женой; за это мужа приговорили къ висѣлицѣ. Все это надѣлала добродѣтель Cosi Sancta. Но, затѣмъ, она троекратно измѣняетъ мужу: въ первый разъ, чтобы избавить его самого отъ висѣлицы, во второй — чтобы спасти жизнь брата, и въ третій, чтобы спасти жизнь сына. За это ее причислили послѣ смерти къ лику святыхъ и вырѣзали на гробницѣ ея надпись: «Маленькое зло ради большаго блага».

Въ повѣсти «Задигъ или судьба» (1747 года), Задигъ послѣ разныхъ приключеній и долгихъ странствованій встрѣчаетъ, наконецъ, мудраго отшельника, обѣщающаго ему исцѣлить его больную душу, если Задигъ поклянется не отставать впродолженіе нѣсколькихъ дней отъ него, отшельника, какъ бы поведеніе послѣдняго ни казалось страннымъ. Задигъ поклялся,—и они отправились вмѣстѣ. Вечеромъ они подошли къ великолѣпному замку и попросили гостепріимства. Привратникъ впустилъ ихъ съ видомъ снисходительнаго презрѣнія, передалъ дворецкому, который, показавъ путешественникамъ замокъ, повелъ ихъ ужинать. Ихъ посадили въ конецъ стола, и хозяинъ даже не взглянулъ на нихъ, но имъ прислуживали съ почтеніемъ, подали послѣ ужина для умыванія золотой тазъ, украшенный

http://rcin.org.pl

драгоцѣнными камнями, отвели для ночлега въ прекрасную комнату, а на другой день дали по золотой монетѣ и отпустили съ миромъ. Задигъ былъ очень доволенъ этимъ гостепріимствомъ и съ негодованіемъ увидѣлъ оттопыренный карманъ отшельника, откуда торчалъ край золотаго таза, но не посмѣлъ выразить отшельнику своего удивленія. Пошли дальше, и въ полдень постучались въ дверь небольшаго дома, въ которомъ жилъ богатый скряга. Ихъ помѣстили въ конюшнѣ, дали гнилыхъ оливокъ и прокислаго пива и, вдобавокъ, все время смотрѣли, какъ бы они чего-нибудь не украли. Несмотря на то, отшельникъ отдалъ брюзгливому слугѣ обѣ полученныя ими утромъ золотыя монеты, а скупцу-хозяину подарилъ въ благодарность за «благородное гостепріимство» украденный у вельможи золотой тазъ. Задигъ попросилъ отшельника объяснить свое непонятное поведеніе. «Сынъ мой — отвѣчалъ старикъ — этотъ богачъ, принимающій странниковъ изъ тщеславія и желанія похвастать своими богатствами, станетъ благоразумнѣе, а скряга научится оказывать гостепріимство. Не удивляйтесь ничему и слѣдуйте за мной». Вечеромъ наши странники добрались до дому одного благороднаго и умнаго философа. Здѣсь все дышало привѣтливостью, простотой, изяществомъ. За ужиномъ зашла, между прочимъ, рѣчь о томъ, что «ходъ событій въ этомъ мірѣ не всегда согласуется съ желаніями мудрѣйшихъ людей. Отшельникъ утверждалъ, однако, что никто не знаетъ путей Провидѣнія и что люди неправы, когда судятъ о цѣломъ по какимъ-нибудь ничтожнымъ частичкамъ, доступнымъ ихъ наблюденію». Потомъ заговорили о страстяхъ, и Задигъ выразилъ мнѣніе, что онѣ пагубны. Отшельникъ возразилъ: «Страсти— вѣтры, раздувающіе паруса корабля; иногда онѣ причиняютъ его погибель, но безъ нихъ онъ не могъ бы плыть. Желчь дѣлаетъ человѣка раздражительнымъ и больнымъ, но безъ желчи человѣкъ не могъ бы жить. Все на свѣтѣ опасно и, все вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо». Время провели очень пріятно, но надо было, наконецъ, разстаться. Передъ уходомъ отшельникъ въ «доказательство своего уваженія и любви» къ благородному

http://rcin.org.pl

хозяину, поджегъ его домъ и радовался, глядя на пожаръ. Задигъ былъ въ ужасѣ, но не могъ освободиться отъ вліянія отшельника и пошелъ съ нимъ дальше. Однако, негодованіе его достигло, наконецъ, послѣднихъ предѣловъ, когда на слѣдующей стоянкѣ отшельникъ утопилъ четырнадцатилѣтняго племянника и единственную надежду пріютившей ихъ у себя добродѣтельной вдовы. Тогда отшельникъ объяснилъ, наконецъ, тайну своего поведенія. Онъ сообщилъ Задигу, что подъ развалинами дома, сгорѣвшаго «по волѣ Провидѣнія», благородный хозяинъ нашелъ несмѣтныя богатства, а «юноша — прибавилъ отшельникъ — который погибъ по волѣ того же Провидѣнія, черезъ годъ убилъ бы свою тетку». Это объясненіе не удовлетворило бы, однако, возмущеннаго Задига, еслибы онъ не увидѣлъ, что старикъ-отшельникъ превратился вмѣстѣ съ тѣмъ въ прекраснаго, свѣтоноснаго, крылатаго ангела Іезрода. Задигъ попросилъ его объяснить ему одно сомнѣніе: «не лучше ли было бы исправить это дитя и сдѣлать его добродѣтельнымъ, вмѣсто того, чтобы его топить?» Іезродъ возразилъ: «Еслибы онъ былъ добродѣтеленъ и остался жить, то судьба опредѣлила ему быть убитымъ вмѣстѣ съ женой, на которой онъ бы женился, и съ ребенкомъ, который бы родился отъ нея». «Что же это такое — сказалъ Задигъ — развѣ необходимо, чтобы въ мірѣ существовали несчастія и преступленія и *чтобы первыя составляли удѣлъ лучшихъ людей?*» — «*Злые* — отвѣчалъ Іезродъ — *всегда несчастливы*, они существуютъ для испытанія тѣхъ немногихъ справедливыхъ людей, которые разсѣяны по землѣ, и нѣтъ такого зла, которое не дѣлало бы добра». (Замѣтимъ, между прочимъ, что въ подчеркнутыхъ нами словахъ Іезродъ не только не отвѣчаетъ на вопросъ Задига, а выворачиваетъ его на изнанку: одинъ спрашиваетъ, почему хорошіе люди несчастливы, а другой, вмѣсто отвѣта, говоритъ: злые всегда несчастны; это опять уже отмѣченная нами безцеремонная эксплуатація разговорной формы). «Но — сказалъ Задигъ—еслибы совсѣмъ не было зла и было одно только благо?» — «Тогда этотъ міръ былъ бы другимъ міромъ, событія происхо-

http://rcin.org.pl

дили бы въ другомъ премудромъ порядкѣ, который былъ бы совершенъ. Но такой совершенный порядокъ можетъ существовать только въ жилищѣ высшаго существа, къ которому зло не можетъ приблизиться. Оно создало милiоны мiровъ, изъ которыхъ ни одинъ не можетъ походить на другой. Это безконечное разнообразiе составляетъ свойство его неизмѣримаго могущества. Люди думаютъ, что это дитя упало случайно, что случайно также сгорѣлъ тотъ домъ, но случая не существуетъ — *все на этомъ свѣтѣ или испытанiе, или наказанiе, или награда, или предусмотрѣнiе.* Слабый смертный, перестань бороться противъ того, предъ чѣмъ ты долженъ благоговѣть!»

Здѣсь проскакиваетъ даже тотъ объективно-антропоцентрическiй пошибъ, тотъ догматъ центральности положенiя человѣка, надъ которымъ Вольтеръ такъ много и часто смѣялся. Вѣдь нельзя же допустить, что науки существуютъ для испытанiя или наказанiя мухъ; очевидно, что эти испытанiя, наказанiя, награды и предусмотрѣнiя имѣютъ въ виду исключительно человѣка. Но поразительнѣе всего въ «Задигѣ» его рѣшительно фаталистическiй тонъ, такъ гармонирующiй съ восточнымъ колоритомъ повѣсти. Выраженныя тутъ Вольтеромъ мысли нисколько не отстаютъ отъ осмѣиваемыхъ имъ одно время ученiй Лейбница о судьбѣ и предуставленной гармонiи. Имянины праздную̀тся самымъ роскошнымъ образомъ, и въ «метафизико-космолого-теолого-нигилеологической» формулѣ Панглосса: все идетъ къ лучшему въ семъ наилучшемъ изъ мiровъ — Вольтеръ дѣлаетъ только одну поправку, правда, очень важную: нашъ мiръ не лучшiй, но въ немъ все устроено наилучше. И здѣсь опять вѣетъ Лейбницемъ. Лейбницъ поддерживалъ гипотезу существованiя множества мiровъ, расположенныхъ во вселенной въ порядкѣ ихъ относительнаго совершенства. Для Вольтера эта мысль была настоящей находкой и читатель можетъ встрѣтить развитiе ея съ разныхъ сторонъ въ повѣстяхъ «Мемнонъ или человѣческая мудрость», «Микромегасъ», «Сонъ Платона». Послѣднiй разсказъ, впрочемъ, относится къ 1756 году, то-есть къ тому времени, когда въ воззрѣнiяхъ Вольтера на происхож-

http://rcin.org.pl

деніе и распространеніе зла на землѣ произошелъ важный переворотъ, и здѣсь скептическая улыбка уже явно кривитъ насмѣшливыя губы Вольтера.

Платону снился такой сонъ. «Вѣчный геометръ» Деміургъ роздалъ подначальнымъ ему геніямъ по куску вещества, приказавъ каждому построить изъ него міръ. На долю Демогоргона досталось устроить землю. Онъ сдѣлалъ свое дѣло, какъ ему казалось, превосходно, но товарищи его были иного мнѣнія. Они осыпали его насмѣшками, указывая на различныя несовершенства устроенной имъ планеты, на неудачное расположеніе морей и материковъ, на полярный холодъ и тропическій зной, на ядовитыя растенія, болѣзни, вѣчныя ссоры и битвы между жителями земли и т. д. Демогоргонъ нѣсколько сконфузился, но при ближайшемъ разсмотрѣніи оказалось, что устройство и Марса, и Сатурна, и Юпитера и проч. дѣлаетъ мало чести ихъ творцамъ. Поднялись ссоры и распри между геніями, пока, наконецъ, Деміургъ не велѣлъ имъ всѣмъ молчать и не произнесъ слѣдующаго: «Вы создали много хорошаго и дурнаго, потому что вы очень разумны, но не совершенны; произведенія ваши будутъ существовать только нѣсколько сотъ милліоновъ лѣтъ, послѣ чего вы, узнавши больше, сдѣлаете лучше; все же совершенное и безсмертное создать могу только я одинъ». Такъ разсказывалъ Платонъ ученикамъ свой сонъ. Когда онъ кончилъ, одинъ изъ учениковъ спросилъ: *И затѣмъ вы проснулись?* На этомъ разсказъ обрывается, и Вольтеръ подчеркиваетъ это многозначительное: и затѣмъ вы проснулись?

Вольтеръ и самъ проснулся только за годъ до «Сна Платона». Его разбудилъ, какъ мы уже упоминали, громъ лиссабонскаго землетрясенія, и въ 1759 г. появился Кандитъ. Вольтеръ могъ находить, что если Cosi Sancta троекратно измѣняетъ мужу, то это еще небольшое зло; онъ могъ не особенно близко принимать къ сердцу то мелкое зло, за которое Итуріель хотѣлъ разрушить Персеполь; онъ могъ не тревожить своего нимяннаго настроенія духа по поводу утопленія невиннаго мальчика или пожара и быть увѣреннымъ, что эти бѣдствія иску-

http://rcin.org.pl

паются непремѣнно какими-нибудь благами. Но разрушеніе города, надъ которымъ цѣлые вѣка работали рядъ поколѣній, тридцать тысячъ смертей въ нѣсколько минутъ — это уже не Cosi Sancta. Фигура Панглосса, любопытствующаго знать, какой «удовлетворяющій доводъ» (или достаточное основаніе—терминъ Лейбница) можетъ имѣть «это любопытное явленіе», т.-е. лиссабонское землетрясеніе, изображаетъ самого Вольтера. Дѣйствительно, Вольтеръ, утверждавшій устами Іезрода, что нѣтъ такого зла, результатомъ котораго не было бы добро, долженъ былъ стать въ тупикъ передъ грознымъ явленіемъ природы. Какой удовлетворяющій доводъ можетъ оно имѣть? Какое благо можетъ проистечь изъ этого зла? Развѣ только одно то, что люди, обогативъ свою натуру такимъ крупнымъ сочувственнымъ опытомъ, умѣрятъ—какъ это и случилось съ Вольтеромъ—свой имманинный энтузіазмъ и убѣдятся, что не все на свѣтѣ либо награда, либо наказаніе, либо испытаніе, либо предусмотрѣніе; что присутствіе цѣлей въ природѣ есть миѳъ, которымъ люди тѣшатъ свой эгоизмъ.

Но лиссабонское землетрясеніе поражаетъ главнымъ образомъ своею громадностью; въ немъ нѣтъ какихъ-нибудь особенныхъ элементовъ, которые не встрѣчались бы на каждомъ шагу. И если эта громадность должна была раздавить своею тяжестью оптимизмъ Вольтера, то представляется вопросъ: какова же должна быть чуткость къ чужимъ страданіямъ у человѣка, котораго могло потрясти только такое скопленіе смертей и бѣдствій? До шестидесяти лѣтъ Вольтеръ, человѣкъ мыслящій и видавшій на своемъ вѣку всякіе виды, упорно отрицалъ существованіе зла. У него хватало имманинной забитости и легкомыслія, хватало безнравственности, — это выраженіе здѣсь совершенно умѣстно, — утверждать, что все идетъ къ лучшему и что слабые смертные должны перестать бороться съ тѣмъ, передъ чѣмъ они должны благоговѣть. И это впродолженіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ бурной и разнообразной жизни, а не замкнутаго сидѣнья въ кабинетѣ, изъ оконъ котораго видѣнъ

http://rcin.org.pl

такой малый уголокъ міра, что забитость спеціалистовъ объясняется очень легко. Но Вольтеръ исколесилъ всю Европу, имѣлъ сношенія съ людьми самыхъ разнообразныхъ сортовъ, жилъ наканунѣ великаго общественнаго переворота, которымъ уже пахло въ воздухѣ, не оставилъ незатронутою почти ни одной области знанія. При такихъ условіяхъ нужна была именно глубокая безнравственность Вольтера, чтобы утверждать, что все въ природѣ отъ роста былинки до человѣческой исторіи говоритъ о присутствіи разума и цѣлей въ природѣ, и не видѣть, что напротивъ все въ природѣ, даже камни вопіютъ объ отсутствіи конечныхъ цѣлей. Допустимъ, что отсутствіе предуставленной гармоніи въ человѣческомъ и всякомъ другомъ организмѣ не могло быть доказано современною Вольтеру наукою; допустимъ, что вообще прочно установленные факты науки о природѣ были не противъ, а за конечныя цѣли,—мы уступаемъ слишкомъ много, потому что факты существованія ядовъ, болѣзней достаточно элементарны, но положимъ, что этого рода факты допускали различныя объясненія. Но каждая страница исторіи человѣчества безповоротно рѣшаетъ вопросъ о томъ, существуетъ ли зло на землѣ, а Вольтеръ былъ исторіографъ Франціи, что не особенно важно, и положилъ основаніе своимъ Essai sur les moeurs новѣйшему историческому методу, что очень важно. Были, конечно, у Вольтера свѣтлыя минуты и въ этомъ отношеніи. Когда передъ нимъ вставала Варѳоломеевская ночь, когда онъ выбивался изъ силъ, хлопоча по дѣламъ Каласа или Сирвена, онъ долженъ былъ понимать, что Іезродъ несетъ такую же нигилеологію, какъ и Панглоссъ. Но эти свѣтлыя минуты порождались спеціальной враждой съ суевѣріемъ и фанатизмомъ, и вся энергія мысли Вольтера направлялась въ такихъ случаяхъ на борьбу съ этими врагами; ей некогда было идти впередъ по строго логическому пути и побѣдоносно войти черезъ случайно проломанную брешь въ укрѣпленныя мѣста оптимизма.

Съ 1755 года Вольтеръ перестаетъ набрасывать на міръ праздничное освѣщеніе. И все-таки переворотъ этотъ не столь радикаленъ, какъ можно бы было ожидать. Повидимому, прак-

http://rcin.org.pl

тическія соображенія Вольтера должны были бы разсыпаться прахомъ, и у человѣка, болѣе чуткаго нравственно, они разсыпались бы непремѣнно. Но Вольтеръ, по недовѣрію къ «сволочи» и къ «буйнымъ и бѣднымъ атеистамъ», слишкомъ дорожилъ этими соображеніями и потому ухитрился сохранить въ значительной степени и свою телеологію. Лиссабонское землетрясеніе съ ужасающею ясностью показало ему, что не все на землѣ идетъ къ лучшему. Онъ убѣдился, что зло на землѣ существуетъ и что нѣтъ возможности прикрыть этотъ фактъ какими бы то ни было заздравными бокалами. Но вмѣсто того, чтобы вывести изъ этого факта цѣлую цѣпь слѣдствій, діаметрально противоположныхъ тому, что проповѣдовалъ Вольтеръ цѣлую жизнь, мысль его, скованная различными побочными соображеніями, ограничивалась оправданіемъ существующаго зла. И какимъ оправданіемъ! Это жалкіе, сшитые на скорую руку силлогизмы, холодные, напыщенные, натянутые, въ которыхъ бѣлыя нитки очевидны всякому. И это совершенно понятно, потому что Вольтеръ желалъ удержать свое прежнее міросозерцаніе, хотя и былъ вынужденъ признать, что главная опора его—отсутствіе зла—не существуетъ. Мы видѣли, что космологическій дуализмъ Вольтера не мѣшалъ ему быть послѣдовательнымъ матеріалистомъ въ психологіи, благодаря аргументу Локка: всемогущій Богъ могъ и матерію одарить мыслительною способностью, и потому нѣтъ надобности признавать существованіе особой духовной субстанціи. Но, разъ зло существуетъ, Вольтеръ выбитъ и изъ этой позиціи. Онъ вынужденъ признать, что «матеріальная сторона каждаго преступнаго дѣла представляетъ слѣдствіе вѣчныхъ законовъ, которымъ Богъ подчинилъ матерію; духовная же сторона его представляетъ слѣдствіе свободы, которою человѣкъ злоупотребилъ» (Романы и повѣсти, 562). Это уже открытый дуализмъ. Но онъ былъ необходимъ Вольтеру, чтобы вывести идею благого провидѣнія. Идя по этому пути далѣе, Вольтеръ раздѣляетъ бѣдствія на два рода. Въ однихъ *люди* виноваты сами, потому что неразумно пользуются дарованною имъ свободою; другія отъ нихъ дѣйствительно не-

http://rcin.org.pl

зависимы, но Вольтеръ всѣми силами старается сократить ихъ число и значеніе. Становится положительно жалко Вольтера, когда начинаешь прислушиваться къ скудной логикѣ мудреца Фрейнда въ «Исторіи Женни»: «Я, милостивые государи, откровенно признаюсь вамъ, что въ мірѣ встрѣчается много физическаго зла, и я вовсе не думаю скрывать его существованіе. Но г. Биртонъ слишкомъ преувеличиваетъ. Я ссылаюсь на васъ, любезный Паруба. Вашъ климатъ созданъ для васъ, и онъ вовсе не такъ дуренъ, потому что ни вы, ни ваши соотечественники никогда не желали перемѣнить его. Эскимосы, исландцы, лапландцы, остяки, самоѣды никогда не имѣли желанія покинуть свою родину. Сѣверные олени, которыхъ Богъ далъ имъ для ихъ пищи, одежды и ѣзды, умираютъ, когда ихъ перевозятъ въ другой поясъ. Даже лапландцы умираютъ въ болѣе умѣренныхъ странахъ: климатъ Сибири уже слишкомъ теплъ для нихъ. Они задохлись бы отъ жару въ той странѣ, гдѣ мы съ вами находимся. Ясно, что Богъ создалъ отдѣльные роды животныхъ и растеній для тѣхъ мѣстностей, въ которыхъ они размножаются... Обратимся къ бѣдствіямъ, причиняемымъ намъ наводненіями, вулканами и землетрясеніями. Если вы будете обращать вниманіе только на эти бѣдствія, если вы будете заниматься только однимъ ужаснымъ перечнемъ всѣхъ случаевъ, которые причиняютъ вредъ нѣсколькимъ колесамъ міровой машины, то Богъ представится вамъ тираномъ; но если вы обратите вниманіе на его безчисленныя благодѣянія, то увидите въ немъ отца... Истина состоитъ въ томъ, что изъ ста тысячъ селеній каждое столѣтіе всего какое-нибудь одно селеніе погибаетъ отъ огня, необходимаго для производительности этой планеты.» (Ром. и пов., 555). «Исторія Женни» написана въ 1775 году, и въ двадцать лѣтъ впечатлѣніе, произведенное на Вольтера лиссабонскимъ землетрясеніемъ, очевидно, сильно поистерлось. Въ «Кандидѣ» онъ набрасывается на Панглосса съ яростью ренегата, которая всегда тѣмъ сильнѣе, что ренегатъ въ лицѣ своихъ новыхъ противниковъ бичуетъ самого себя, свое прошлое. Однако, и здѣсь смѣлость не идетъ дальше отрицаній ни-

http://rcin.org.pl

тилеологіи; когда отъ отрицаній приходится перейти къ положительному рѣшенію задачи жизни, Вольтеръ, еще неуспѣвшій осмотрѣться въ своемъ новомъ положеніи, смиряется, притихаетъ и трусливо указываетъ одною рукой на огородъ, какъ на якорь спасенія, а между тѣмъ другой рукой этотъ же огородъ казнится въ лицѣ глупой сосѣдки добраго брамина (Разсказъ о добромъ браминѣ написанъ въ томъ же году, какъ и Кандидъ). Проходитъ нѣсколько времени, и въ силу правила «толцыте и отверзется», Вольтеру удается кое-какъ собрать остатки своей разбитой арміи и придать ей нѣкоторый видъ единства и цѣлостности. Но какою цѣною покупается этотъ *видъ*, какія жертвы приноситъ для него Вольтеръ! Вся логика мудреца Фрейнда состоитъ въ томъ, что онъ на каждомъ шагу проситъ, умоляетъ болвана-Биртона уступить ему хоть полъземлетрясенія: «на свѣтѣ много ужасныхъ золъ, не будемъ же увеличивать ихъ количества»; «если земля производитъ яды, точно такъ же, какъ и здоровую пищу, то неужели вы хотите питаться однимъ ядомъ?» и т. п. Вся діалектическая тактика Фрейнда основывается на томъ, что онъ старается отвлечь вниманіе Биртона отъ несчастій, бѣдствій, болѣзней, преступленій и показать, что есть на свѣтѣ и счастіе, и здоровье, и добродѣтель, какъ будто въ этомъ кто нибудь сомнѣвался, и какъ будто это подвигаетъ насъ къ рѣшенію вопроса. Фрейндъ, повторяемъ, не мудрецъ, а просто страусъ, воображающій, что онъ силенъ, если онъ не видитъ бѣды. Весь разговоръ Фрейнда съ Биртономъ былъ бы не только не поучителенъ, а просто комиченъ, еслибы въ немъ не сквозило безсиліе замѣчательнаго ума, безсиліе, причины котораго мы, какъ могли, старались разъяснить выше. Безсиліе это заводитъ Вольтера, проповѣдника терпимости и свободы мысли, во всѣ закоулки имманнной теоріи и практики. Онъ не избѣжалъ даже того закона, по которому имманнники, поднимая одною рукою заздравный бокалъ, другую принуждены устремлять въ пространство для инсинуацій. Онъ устраиваетъ дуэль между Фрейндомъ и Биртономъ, но при этомъ нетолько не старается уравновѣсить

http://rcin.org.pl

шансы обоихъ противниковъ, а напротивъ навязываетъ Фрейнду всякое благородство, а Биртона присуждаетъ къ отрицанію нравственности и къ участію въ разныхъ гадостяхъ и преступленіяхъ, давая тѣмъ понять, что теоріи, исповѣдуемыя Биртономъ, необходимо влекутъ за собою преступную практику. Этотъ суздальскій пріемъ не разъ уже обрушивался на память самого Вольтера и еще недавно подъ покровомъ такого суздальства была совершена французскими клерикалами, со знаменитымъ Вейльо во главѣ, самая недостойная вылазка противъ остроумнаго и непримиримаго врага infame. Франко-прусская война была уже въ полномъ разгарѣ, когда наступило время давно уже задуманнаго открытія памятника Вольтеру. Клерикалы не постыдились затронуть народныя страсти, напирая на дружескія отношенія француза-Вольтера съ прусскимъ королемъ Фридрихомъ-Великимъ. Это мерзость. Но и самъ Вольтеръ чуть не окунулся въ нее, влекомый имманентною идеей.

Истощивъ всевозможныя уловки, наигравшись словами, Вольтеръ хватается, наконецъ, какъ утопающій за соломенку, за идею безсмертія души и загробной жизни, гдѣ, за недостаткомъ наградъ и наказаній на землѣ, добрые и злые получатъ должное по дѣламъ своимъ. «Зачѣмъ же вы хотите, — говоритъ Фрейндъ—чтобы Богъ уничтожилъ то начало, которое заставляетъ насъ дѣйствовать и мыслить? Избави меня Богъ создавать какую-нибудь теорію, но все-таки въ насъ есть что-то такое, что мыслитъ и желаетъ; это нѣчто, называвшееся прежде монадой, неосязаемо. Богъ далъ намъ его или вѣрнѣе Богъ отдалъ насъ ему. Можете ли вы быть увѣрены, что онъ не можетъ сохранить его?».

Въ качествѣ христіанъ, всѣ мы вѣруемъ въ безсмертіе души и загробную жизнь, и добрые христіане должны радоваться такой перемѣнѣ въ воззрѣніяхъ Вольтера. Но дѣло въ томъ, что эта и другія подобныя перемѣны и колебанія въ воззрѣніяхъ Вольтера коренятся въ причинахъ отдаленныхъ и совершенно побочныхъ. Указать и разъяснить ихъ читателямъ «Романовъ и повѣстей» Вольтера было нашею задачей.

http://rcin.org.pl

Мы не претендуемъ на полный очеркъ дѣятельности Вольтера, но и изъ того, что мы привели, достаточно, кажется, ясно, до какой степени несостоятельны ходячія мнѣнія объ этомъ замѣчательномъ человѣкѣ. Очевидно, что онъ отнюдь не можетъ служить представителемъ ни политическаго, ни философскаго, ни религіознаго радикализма XVIII вѣка. Онъ былъ человѣкомъ золотой середины и оказывается радикаломъ только въ борьбѣ съ infame. Этого слишкомъ мало, чтобы служить особенною, преимущественною мишенью для обвиненій въ «вольтерьянствѣ», и точно также мало для того, чтобы стоять выше всѣхъ современниковъ. Было бы чрезвычайно любопытоо сравнить міросозерцаніе Вольтера съ воззрѣніями наиболѣе выдающихся его современниковъ, каковы Дидро и Руссо, или даже второстепенныхъ въ родѣ Ла-Меттри, Гельвеція, Гольбаха. Но мы не отважимся на такія параллели, которыя завели бы насъ слишкомъ далеко. Въ замѣнъ того, мы представимъ, по Штраусу, очеркъ идей одного, во всякомъ случаѣ замѣчательнаго и у насъ совершенно непзвѣстнаго человѣка. Мы и тутъ воздержимся отъ подробныхъ сравненій между этимъ человѣкомъ и Вольтеромъ, но крайности и рѣзкости перваго оттѣняютъ сами собой золотую середину Вольтера. Еслибы можно было выразить міросозерцанія различныхъ писателей XVIII вѣка графически, то кривая, выражающая міросозерцаніе человѣка, о которомъ мы говорпмъ, оказалась бы наиболѣе простою и почти прямою линіею, вслѣдствіе чего она можетъ лучше всякой другой показать, какъ нелѣпо видѣть въ Вольтерѣ какого-то Аримана XVIII вѣка, воплощеніе его разрушительныхъ стремленій.

Около 1664 года у ткача Мелье, въ деревнѣ Мацерни, въ Шампаньи, родился сынъ Жанъ. Сосѣдній священникъ принялъ почему-то участіе въ ребенкѣ, взялся его учить, послѣ чего онъ былъ отправленъ въ семинарію, въ Шалонъ-на-Марнѣ. Тамъ Жанъ Мелье, наряду съ своими богословскими занятіями, особенно усердно изучалъ картезіанскую философію. Въ 1690 году онъ былъ назначенъ священникомъ въ мѣстечко Этрепиньи, находившееся во владѣніи нѣкоего господина де-Клери. Жанъ

http://rcin.org.pl

Мелье велъ очень строгій образъ жизни, мало бывалъ въ обществѣ, отличался безкорыстіемъ и благотворительностью. Большую часть времени онъ проводилъ въ библіотекѣ, состоявшей изъ отцовъ церкви, опытовъ Монтеня и нѣкоторыхъ сочиненій Фенелона и Мальбранша. Однажды Клери какъ-то обидѣлъ крестьянъ, и Мелье въ ближайшее воскресенье обличилъ его публично въ церкви. Клери пожаловался архіепископу Реймскому, и тотъ принялъ свои мѣры. Въ отвѣтъ на это, Мелье опять-таки публично сталъ молиться о томъ, чтобы Богъ просвѣтилъ помѣщика и научилъ его не обижать бѣдныхъ и сиротъ. Такая молитва не удовлетворила, разумѣется, ни архіепископа, ни Клери, и среди борьбы съ ними Мелье умеръ около 1729 года.

Мелье оставилъ рукопись подъ заглавіемъ «Мое завѣщаніе» въ трехъ экземплярахъ, въ 366 листовъ каждый, тщательно переписанныхъ его рукой, изъ которыхъ одинъ онъ еще при жизни отдалъ на сохраненіе въ одно правительственное учрежденіе. Списки этой рукописи ходили по рукамъ, возбуждая всеобщее удивленіе, но окончательно остановилъ на «Завѣщаніи» Мелье общественное вниманіе Вольтеръ. Другъ его, Тьеріо, сообщилъ ему въ 1735 году свѣдѣнія объ этомъ завѣщаніи и живо заинтересовалъ Вольтера. Фернейскій патріархъ писалъ къ Тьеріо изъ Сирея: «Кто же этотъ деревенскій священникъ, о которомъ вы пишете? Какъ! Священникъ и французъ—и философствуетъ, какъ Локкъ!? Не можете ли вы прислать мнѣ рукопись?» Неизвѣстно, почему затянулось это дѣло и какъ шли дальнѣйшіе переговоры, но только въ 1762 году издалъ Вольтеръ извлеченіе изъ «Завѣщанія» Жана Мелье подъ заглавіемъ «Sentiments du curé Meslier». Вскорѣ послѣ того онъ выпустилъ новое изданіе въ количествѣ 5,000 экземпляровъ и распространялъ ихъ съ необыкновеннымъ усердіемъ. Вольтеръ придавалъ огромное значеніе этому «Завѣщанію», и оно несомнѣнно имѣло большое вліяніе на него самаго. Штраусъ справедливо замѣчаетъ, что хотя Вольтеръ не почерпнулъ у Мелье ничего такого, чего бы онъ уже не зналъ изъ Бейля и англійскихъ деистовъ, но Мелье послужилъ для него сильнымъ возбудительнымъ средствомъ. И

http://rcin.org.pl

дѣйствительно, было нѣчто поразительное въ этомъ явленіи, нѣчто способное заставить призадуматься людей, наиболѣе вѣрующихъ, а тѣмъ болѣе подлить масла въ огонь людямъ въ родѣ Вольтера. Сельскій священникъ, безупречной нравственности, ни на шагъ не отступающій отъ обязанностей своего званія, умираетъ и оставляетъ завѣщаніе, въ которомъ съ необыкновенною страстностью и горечью выкладываетъ свою наболѣвшую душу, возстаетъ противъ перкви, христіанства, современныхъ ему общественныхъ и политическихъ учрежденій и высказываетъ самыя крайнія мнѣнія по всѣмъ важнѣйшимъ вопросамъ жизни и мысли,—мнѣнія до такой степени крайнія, что ни одинъ изъ самыхъ смѣлыхъ писателей XVIII вѣка не высказывалъ ничего подобнаго, по крайней мѣрѣ, въ цѣломъ. «Я не осмѣлился говорить при жизни — писалъ Мелье — но пусть люди прочтутъ истину послѣ моей смерти». Вольтеръ справедливо придавалъ важное значеніе именно посмертности этого произведенія темнаго священника. Сравнивая въ письмѣ къ д'Аламберу «Завѣщаніе» Мелье съ «Исповѣданіемъ вѣры савойскаго викарія» Руссо, Вольтеръ пишетъ: «Мелье говоритъ въ минуту смерти, въ такую минуту, когда и лжецы говорятъ правду; это сильнѣйшее изъ его доказательствъ. Жанъ Мелье обратитъ міръ на путь истины». Въ письмѣ къ Дамилавилю Вольтеръ говоритъ, что «Завѣщаніе» Мелье слишкомъ многословно, обширно и тяжело и что въ сдѣланномъ имъ, Вольтеромъ, извлеченіи находится все дѣйствительно достойное вниманія. Извлеченіе это, однако, отнюдь не давало полнаго понятія о характерѣ «Завѣщанія», потому что Вольтеръ извлекъ исключительно только антихристіанскія сужденія Мелье и совершенно умолчалъ о несимпатичныхъ ему атеистическихъ, матеріалистическихъ и революціонныхъ взглядахъ священника. Десять лѣтъ спустя Гольбахъ, авторъ «Système de la nature», выпустилъ болѣе полное извлеченіе, подъ заглавіемъ «Bon sens du curé Meslier». Въ 1793 году Анахарсисъ Клотцъ внесъ въ конвентъ предложеніе — поставить памятникъ Мелье, какъ первому священнику, возставшему противъ «религіозныхъ заблужденій», однако, дѣло это не состоялось. Затѣмъ,

http://rcin.org.pl

время отъ времени появлялись новыя извлеченія изъ «Завѣщанія» Жана Мелье, пока, наконецъ, оно не было издано въ 1864 году цѣликомъ. (Le testament de Jean Meslier, curé d'Etrépigny et de But en Champagne etc. Ouvrage inédit précédé d'une préface, d'une étude biographique, etc. par Rudolf Charles. Amsterdam, à la librairie étrangère. 1864. III Tom.).

Какъ уже сказано, Вольтеръ сдѣлалъ очень одностороннее извлеченіе изъ завѣщанія Мелье: выбралъ только противохристіанскія мнѣнія несчастнаго священника и глухо говорилъ, что все остальное не заслуживаетъ вниманія. Дѣло въ томъ, что остальныя воззрѣнія, смущавшія тихую жизнь Мелье, діаметрально расходились съ воззрѣніями Вольтера, и вражда съ догматами положительной, откровенной, христіанской религіи и съ ветхозавѣтнымъ іудаизмомъ составляетъ одинъ изъ очень немногихъ пунктовъ, общихъ и фернейскому патріарху и деревенскому священнику. Однако, самая эта вражда получаетъ у того и другого, вслѣдствіе индивидуальныхъ особенностей, имѣющихъ, однако, важное значеніе, совершенно различный характеръ. Относительно положительныхъ религій Вольтеръ является дерзкимъ насмѣшникомъ, тонкимъ, ловкимъ, увертливымъ, остроумнымъ. Дерзость его, повидимому, не знаетъ границъ, но онъ и въ этомъ отсталъ отъ Мелье. Въ завѣщаніи нѣтъ ироніи Вольтера, нѣтъ его полемической увертливости; Мелье рубитъ какъ топоромъ, страстно и вмѣстѣ мрачно, и не останавливается ни на минуту и ни надъ чѣмъ въ страшномъ потокѣ своей хулы. Вольтеръ, отрицая божественный характеръ Іисуса Христа, тѣмъ не менѣе относится съ почтеніемъ къ его человѣческой личности. Мелье не знаетъ и этой простой справедливости; онъ осыпаетъ личность Христа жестокою бранью и не признаетъ за нею никакихъ достоинствъ. Мы, разумѣется, не посмѣемъ выписывать эту брань, которая возмутительна и будетъ казаться еще возмутительнѣе, если мы не подойдемъ къ факту ближе. Простимъ Мелье, какъ ученики Учившаго прощать, и оцѣнимъ его положеніе, какъ разумные люди. Штраусъ справедливо замѣчаетъ, что несчастному священнику приходилось выносить страш-

http://rcin.org.pl

ную муку: разъ усомнившись въ божественной природѣ Іисуса Христа, онъ долженъ былъ, однако, каждый день насиловать себя и публично, по обязанности, приносить молитвы Богу, въ котораго не вѣрилъ. Конечно, онъ несъ наказаніе за свое невѣріе. Положеніе Вольтера совершенно иное: онъ въ большинствѣ случаевъ шутилъ, а не мучился. Въ качествѣ богатаго помѣщика и знатнаго барина, онъ, несмотря на свою вражду къ infame, заботился совершенно добровольно о доходахъ и благосостояніи построеннаго имъ въ своемъ имѣніи храма, охотно оказывалъ гостепріимство захожимъ монахамъ и даже двѣнадцать лѣтъ держалъ при себѣ одного іезуита, надъ которымъ, разумѣется, трунилъ жестоко, тѣмъ болѣе, что іезуита звали Адамомъ.

Этою разницею въ положеніяхъ Вольтера и Мелье опредѣляется и разница ихъ всѣхъ остальныхъ воззрѣній. Вольтеръ могъ любоваться Людовикомъ XIV, но Мелье смотрѣлъ на это блестящее царствованіе съ точки раззореннаго имъ и близко знакомаго Мелье народа, а не съ точки зрѣнія придворнаго поэта. Вольтеръ, стоявшій чуть не рядомъ съ коронованными головами, могъ дѣлить людей на «порядочныхъ» и «сволочь». У Мелье мы встрѣчаемъ совершенно другое дѣленіе, и дѣйствительно, какъ замѣчаетъ Штраусъ, крестьянскими войнами со всѣми ихъ ужасами вѣетъ, напримѣръ, отъ слѣдующей тирады мирнаго попа: «Вамъ, мои друзья, толкуютъ о дьяволѣ, васъ пугаютъ именемъ дьявола, заставляя видѣть въ немъ не только врага вашего счастья, а и отвратительнѣйшее созданіе, какое только можно себѣ представить. Но художники ошибаются, когда изображаютъ на своихъ картинахъ дьявола въ видѣ безобразнаго чудовища. Они заблуждаются и вводятъ въ заблужденіе и васъ, точно также, какъ и священники, когда одни въ картинахъ, а другіе въ проповѣдяхъ рисуютъ чертей отвратительными уродами. Они должны бы были изображать ихъ въ видѣ прекрасныхъ господъ-дворянъ и ихъ дамъ, разодѣтыхъ, завитыхъ, напудренныхъ, благоухающихъ и блистающихъ золотомъ, серебромъ и драгоцѣнными камнями. Черти живописцевъ

http://rcin.org.pl

и священниковъ суть черти воображаемые, которыми пугаютъ дѣтей и незнающихъ, и тѣмъ, кто этихъ безобразныхъ чертей боится, они могутъ принести только воображаемый вредъ. Тѣ же черти и чертовки, тѣ кавалеры и дамы, о которыхъ я говорю, дѣйствительно существуютъ, точно также, какъ и зло, наносимое ими бѣднымъ народамъ, зло слишкомъ дѣйствительное и осязательное».

Вотъ языкъ террора. Вольтеръ не зналъ этого языка.

Вольтеръ находилъ, что государи и философы суть естественные союзники въ борьбѣ съ духовенствомъ. Мелье, напротивъ, говоритъ, что государи и духовенство другъ другу помогаютъ и другъ на друга опираются.

Затѣмъ, Вольтеръ и Мелье на мгновеніе сходятся на аргументѣ, поставленномъ еще Бейлемъ: оба они изъ факта множественности религій, изъ которыхъ каждая приписываетъ себѣ божественное происхожденіе, заключаютъ о ихъ земномъ, человѣческомъ началѣ. Вольтеръ весьма часто говорилъ, что догматическая сторона всѣхъ религій и культъ суть дѣло рукъ человѣческихъ, и только мораль, которая одна и та же у всѣхъ народовъ и во всѣ времена (въ этомъ онъ расходится съ Локкомъ), имѣетъ происхожденіе божественное. Но фернейскій патріархъ и деревенскій священникъ сходятся только для того, чтобы немедленно же разойтись въ противоположныя стороны. Мелье былъ далекъ отъ деистическаго образа мыслей Вольтера и строго критикуетъ космологическія и телеологическія положенія деистовъ. Относительно такъ-называемаго космологическаго аргумента любопытны слѣдующія соображенія Мелье. Если, разсуждаетъ онъ, матерія получила движеніе извнѣ, то это нѣчто, давшее первый толчокъ, должно быть существомъ нематеріальнымъ, потому что, въ противномъ случаѣ, матерія значитъ получила движеніе отъ самой себя, а не извнѣ. Но нематеріальное не можетъ дать движеніе матеріи, ибо оно само не имѣетъ движенія: движеніе предполагаетъ протяженность, тѣлесность, точно также, какъ толчокъ—твердость, непроницаемость, а это все аттрибуты матеріи. Прежде всего очевидно должны бы были

http://rcin.org.pl

быть созданы время, пространство и матерія. Но время не можетъ быть создано, потому что существо, создавшее время, должно бы было ему предшествовать, а это предшествованіе все-таки требуетъ времени. Точно также не можетъ быть создано и пространство. Не менѣе рѣшительно отрицаетъ Мелье и телеологическій аргументъ и рѣзко расходится съ Вольтеромъ, не отождествляя, а противополагая другъ другу произведенія искусства и произведенія природы. Равнымъ образомъ, въ противоположность Вольтеру, онъ въ вопросѣ о добрѣ и злѣ утверждаетъ, что и ложка дегтю портитъ кадку меду. Онъ не старается скрыть зло, а, напротивъ, сознательно выставляетъ его напоказъ.

Въ психологіи Мелье оказывается отъявленнымъ и послѣдовательнымъ матеріалистомъ, безъ колебаній Вольтера, и потому рѣшительно отрицаетъ будущую жизнь. Духовенство, говоритъ онъ, «подъ предлогомъ введенія васъ на небо для достиженія тамъ вѣчнаго блаженства, мѣшаетъ вамъ пользоваться дѣйствительнымъ счастьемъ на землѣ». И, затѣмъ, идетъ страстное воззваніе къ насильственному низверженію духовныхъ и свѣтскихъ властей.

Завѣщаніе Мелье оканчивается отрицаніемъ частной собственности и нерасторжимости брака.

Пора и намъ кончить.

---

http://rcin.org.pl

http://rcin.org.pl

Естественный ходъ вещей *).

Я рабъ, я царь, я червь, я богъ.
Державинъ.

I.

Послѣдняя книга Дарвина «О выраженіи ощущеній у человѣка и животныхъ», переведенная уже на русскій языкъ, по всей вѣроятности обманула ожиданія многихъ. Въ ней нѣтъ ни новизны идей, которою отмѣчено первое сочиненіе Дарвина «О происхожденіи видовъ», ни блестящихъ обобщеній и гипотезъ, какова теорія пангенезиса въ «Прирученныхъ животныхъ и воздѣланныхъ растеніяхъ», ни того спеціальнаго интереса, который представляетъ «Половой подборъ и происхожденіе человѣка». Это просто груда наблюденій надъ выраженіями ощущеній, тщательно и трудолюбиво собиравшихся въ теченіе почти сорока лѣтъ (съ 1833 года), наблюденій, иногда очень интересныхъ, иногда въ высшей степени мелочныхъ. Въ смыслѣ дарвиновой теоріи весь интересъ книги исчерпывается нѣсколькими положеніями, значеніе которыхъ, въ виду прежнихъ трудовъ Дарвина, нельзя цѣнить особенно высоко. Нѣкоторыя движенія тѣла и личныхъ мускуловъ остались у насъ по наслѣдству отъ тѣхъ

*) 1873, февраль.

http://rcin.org.pl

временъ, когда мы еще не были людьми; движенія эти были въ свое время полезны или необходимы, но нынѣ утилитарное значеніе ихъ исчезло, и они играютъ роль просто памятниковъ давно минувшаго. Вотъ одно изъ главнѣйшихъ положеній, если не главнѣйшее, новаго сочиненія Дарвина. Будь этотъ тезисъ развитъ лѣтъ десять тому назадъ, онъ бы имѣлъ громадное значеніе. Но что онъ значитъ теперь, когда самъ Дарвинъ, Геккель и другіе обстоятельно и подробно прослѣдили генеалогію человѣка даже до безпозвоночныхъ? Новая книга Дарвина есть не болѣе какъ легкая пристройка къ широкой и смѣлой теоріи; пристройка, конечно, любопытная, но любопытная, главнымъ образомъ, сама по себѣ, а не по отношенію къ теоріи, имѣющей гораздо болѣе солидныя основы. Самъ Дарвинъ говоритъ, что его новое сочиненіе только «нѣкоторымъ образомъ» подтверждаетъ теорію, и прибавляетъ, что едвали такое подтвержденіе даже и нужно. Затѣмъ остается просто трактатъ объ интересномъ предметѣ. Это, конечно, очень хорошо, но не того въ правѣ общество ожидать отъ Дарвина. Онъ бросилъ въ общество важную идею, которая разработывается, развивается, истолковывается одними такъ, другими иначе. Что же дѣлаетъ въ это время учитель? Сообщаетъ въ новомъ сочиненіи, что ему извѣстенъ одинъ случай, когда кроликъ откусилъ у другого кролика полхвоста, или что во всѣхъ извѣстныхъ ему случаяхъ кошка, находящаяся въ пріятномъ расположеніи духа, держитъ хвостъ коломъ вверхъ, загибая конецъ влѣво. Конечно, мы намѣренно привели наблюденія, наиболѣе мелкія, и Дарвинъ и въ новой своей книгѣ сообщаетъ многое, несравненно болѣе цѣнное. Но во всякомъ случаѣ, давъ многообемлющую теорію, онъ громоздитъ фактъ на фактъ, не возвращаясь уже къ основамъ теоріи. А если и возвращается, то не отдаетъ въ томъ никакого отчета обществу. Онъ одинаково безстрастно цитируетъ, напримѣръ, Уоллеса и полусумасшедшаго нѣмца Браубаха. Онъ говоритъ, напримѣръ, въ книгѣ о происхожденіи человѣка: «Профессоръ Браубахъ утверждаетъ, что собака смотритъ на хозяина какъ на Бога» (переводъ Сѣченова, I, 71); «Браубахъ замѣчаетъ, что собаки не

http://rcin.org.pl

позволяютъ себѣ украсть что-либо съѣстное въ отсутствіи хозяина» (Id. 83). Или: Каждому охотнику извѣстно, замѣчаетъ д-ръ Егеръ, какъ трудно приблизиться къ животнымъ въ стадѣ или кучкѣ» (Id. 78). Каждый согласится, что приведенныя мнѣнія и наблюденія профессора Браубаха и доктора Егера далеко не столь драгоцѣнны, чтобы на нихъ стоило ссылаться; тѣмъ болѣе, что рядомъ съ этою щепетильностью и отчетливостью, Дарвинъ ни единымъ словомъ не проговаривается о гораздо болѣе интересныхъ вещахъ, содержащихся въ трудахъ профессора Браубаха и доктора Егера. Одинъ изъ нихъ разсуждаетъ о мистическомъ значеніи числа 3 и о новомъ видѣ, который онъ предлагаетъ назвать «ангеломъ»; другой проповѣдуетъ подъ покровомъ теоріи Дарвина самыя возмутительныя доктрины. И однако Дарвину не приходитъ въ голову очистить свою теорію отъ этой коросты. Ни одного изъ своихъ безчисленныхъ толкователей и комментаторовъ, какъ бы ни были глупы и позорны ихъ толкованія и комментаріи, Дарвинъ не считаетъ нужнымъ остановить и цитируетъ ихъ, какъ своихъ сторонниковъ.

Недавно вышелъ, сначала поанглійски, а потомъ и понѣмецки, памфлетъ, подъ заглавіемъ «Homo versus Darvin». Ему дана такая форма: Homo, оскорбленный изслѣдованіями Дарвина, призываетъ его къ суду; лордъ С, «одинъ изъ лучшихъ англійскихъ юристовъ», производитъ допросъ и произноситъ рѣшеніе. Памфлетъ наполненъ инсинуаціями, уличеніями въ несогласимости дарвинизма съ христіанствомъ и т. п. и для памфлета слишкомъ длиненъ. Но есть въ немъ замѣчанія довольно мѣткія. Между прочимъ, Homo утверждаетъ, что «въ первомъ изданіи сочиненія «О происхожденіи человѣка» Дарвинъ говоритъ: «Въ Сѣверной Америкѣ, по наблюденіямъ Гирна, черный медвѣдь иногда цѣлыми часами плаваетъ съ широко раскрытою пастью, ловя насѣкомыхъ, какъ китъ. Даже въ такомъ исключительномъ случаѣ я не вижу ничего невозможнаго въ томъ, что, еслибы насѣкомыхъ было постоянно вдоволь и еслибы въ той же странѣ не находилось уже лучше приспособленныхъ соискателей, отдѣльная порода медвѣдей могла бы сдѣлатися, черезъ

http://rcin.org.pl

естественный подборъ, все болѣе и болѣе водною, ихъ пасть все болѣе и болѣе увеличиваться, пока не сложилось бы существо такое же уродливое, какъ китъ» *).

Лордъ С. Я никогда не слыхалъ, чтобы китъ ловилъ въ водѣ насѣкомыхъ, не слыхалъ этого и объ медвѣдѣ. Какія это насѣкомыя?

Ното. Милордъ, м-ръ Дарвинъ этого не объясняетъ. Во всякомъ случаѣ, нужно громадное количество насѣкомыхъ, какихъ мы по крайней мѣрѣ знаемъ, чтобы откормить медвѣдя въ кита.

Дарвинъ. Милордъ, Ното долженъ бы былъ пояснить, что прочитанное имъ мѣсто въ послѣдующихъ изданіяхъ выпущено.

Ното. Я знаю, что оно выпущено, но знаю, что это исчезновеніе ничѣмъ не мотивировано. М-ръ Дарвинъ не говоритъ потому ли онъ его выпустилъ, что его взгляды на естественный подборъ измѣнились, или потому, что кто-нибудь изъ его товарищей-натуралистовъ ужаснулся приведенной идеѣ и настоялъ на ея устраненіи».

Въ этихъ словахъ Ното достоинъ вниманія укоръ не столько въ томъ, что Дарвинъ хватилъ черезъ край, — какой изъ основателей новыхъ доктринъ не увлекался, — сколько въ томъ, что онъ недостаточно откровененъ съ обществомъ. Не то, чтобы онъ «страха ради іудейска» но доводилъ своей теоріи до ея логическихъ концовъ, — мнѣніе, которое было довольно распространено до выхода книги о происхожденіи человѣка и которое должно быть признано теперь неосновательнымъ. Но во всякомъ случаѣ, Дарвинъ слишкомъ скупо подаетъ свой голосъ въ преніяхъ, возбужденныхъ его идеями, и относительно весьма многихъ возраженій, дополненій, примѣненій, часто весьма существенныхъ, нельзя рѣшить какъ смотритъ на нихъ учитель. А между тѣмъ понятно, что болѣе дѣятельное участіе его было бы здѣсь въ высшей степени желательно.

---

*) Ното здѣсь, повидимому, обмолвился. Приведенныя слова Дарвина находятся не въ „Происхожденіи человѣка“, а въ „Происхожденіи видовъ“. Мы приводимъ ихъ въ переводѣ Рачинскаго (149).

http://rcin.org.pl

Между прочими вопросами, относительно которыхъ было бы желательно выслушать мнѣніе Дарвина, любопытенъ вопросъ о будущемъ развитіи органической жизни. Дарвинъ и дарвинисты нарисовали весьма подробную картину жизни на землѣ въ прошедшемъ. Благодаря Ляйеллю и другимъ геологамъ, картина эта дополнена не менѣе обстоятельными подробностями изъ міра неорганическаго. Астрономія давно уже сдѣлала свое дѣло въ этомъ направленіи. Антропологія и исторія подхватили человѣка съ той минуты, какъ онъ сталъ человѣкомъ, и знакомятъ насъ со всѣмъ тѣмъ путемъ, крайнія точки котораго суть дикари съ одной стороны и Тьеръ, Пій IX и проч. съ другой. Словомъ, прошедшее намъ извѣстно, и заслуга теоріи Дарвина въ этомъ отношеніи занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ. Совсѣмъ другое относительно будущаго. Надо замѣтить, что и вообще будущее менѣе интересуетъ современную мысль, чѣмъ прошедшее. Хиліасты и милленаріи исчезли, соціалисты утопій не строятъ, объ страшномъ судѣ напомнила только прошлогодняя комета, теоріи прогресса сочиняются болѣе для объясненія прошедшаго и настоящаго, дарвинисты молчатъ или почти молчатъ. Нѣкоторые глухо говорятъ, что будетъ, дескать, хорошо. Это конечно хорошо. Но не всѣ такъ смотрятъ. Современники сравнительно весьма и весьма рѣдко заглядываютъ въ будущее, но когда заглядываютъ, то видятъ большею частью вещи непріятныя. Гартманъ доказываетъ, что скорби и горести людскія будутъ все возрастать и возрастать, доколѣ, такъ-сказать, не исчерпаютъ самихъ себя и доколѣ мы не начнемъ упиваться наслажденіемъ небытія. Съ другой стороны, физики и астрономы указываютъ на замедленіе вращенія земли, на истощеніе запасовъ солнечной теплоты и т. п., какъ на предвѣстниковъ конца земли, съ которымъ связанъ и конецъ органической жизни. Этотъ непріятный конецъ наступитъ долженъ, ибо все, имѣющее начало, имѣетъ и конецъ. Нѣтъ такого скучнаго романа, который наконецъ не кончился бы; нѣтъ такого залежавшагося человѣка, который бы наконецъ не скончался. Это, пожалуй, даже и не худо. Но между началомъ

http://rcin.org.pl

и концомъ есть середина. Къ концу надо подойти. А дарвинисты говорятъ, что жизнь безостановочно прогрессируетъ, выкидываетъ, путемъ борьбы за существованіе и подбора, все высшія и высшія формы. Какъ согласить этотъ пріятный процессъ съ непріятнымъ концомъ, основательно ожидаемымъ физиками и астрономами? Это вопросъ не праздный, потому вопервыхъ, что онъ можетъ до извѣстной степени служить пробнымъ камнемъ для оцѣнки дарвинизма; потому вовторыхъ, что съ нимъ связаны наши надежды и идеалы. Онъ ставитъ подъ сомнѣніе даже самую ихъ законность. Близокъ или далекъ непріятный конецъ, но мы идемъ къ нему. Возможны ли на этомъ пути надежды и идеалы? Надежды и идеалы, вѣдь это нѣчто лучшее дѣйствительности, настоящей исторической минуты, а возможно ли въ будущемъ нѣчто лучшее, если мы завѣдомо снускаемся подъ гору? Вотъ вопросъ, гораздо болѣе страшный, чѣмъ вопросъ о нашемъ происхожденіи. Даже г. Страховъ говоритъ, что ему все равно—изъ глины мы произошли или отъ обезьяны. Да и конечно все равно, это пройденная ступень. Если нѣкоторые и оскорбляются недостаточно аристократическимъ происхожденіемъ, приписываемымъ человѣку Дарвиномъ, то они не замедлятъ, конечно, утѣшиться тою дѣйствительно утѣшительною мыслью, что мы, такъ-сказать, дослужились до человѣка и недаромъ получили свой теперешній чинъ. За эту мысль трезвый человѣкъ съ удовольствіемъ отдастъ всѣхъ героевъ и полубоговъ, происхожденіемъ отъ которыхъ такъ долго тѣшилось людское тщеславіе. Но мы и теперь льстимъ себя надеждою,— и Дарвинъ значительно насъ къ тому поощряетъ, — что дѣти дѣтей нашихъ, по-крайней-мѣрѣ, будутъ героями и полубогами. Отъ этой надежды отказаться гораздо труднѣе. Съ исчезновеніемъ ея будетъ поражено уже не тщеславіе наше, а совершенно законная гордость прошедшими и настоящими трудами. А между тѣмъ фатальное: «конецъ такой-то и послѣдней части» будетъ непремѣнно подписано подъ длиннымъ романомъ земли. Какъ же быть съ нашимъ прогрессомъ въ виду этого печальнаго происшествія? Наши отечественные соціологи, надо имъ

http://rcin.org.pl

отдать справедливость, подходили къ этому вопросу. Но г. Жуковскій, по обыкновенію, скрылся въ собственномъ туманѣ; г. П. Л. («Мысли о соціальной наукѣ будущаго»), съ свойственною ему скромностью, заявилъ, что онъ очень уважаетъ Гартмана; г. Стронинъ, съ свойственною ему ясностью и рѣшительностью, объявилъ, что, въ виду послѣдней части романа, необходимо какъ можно скорѣе завоевать Европу. Не отрицая остроумія всѣхъ трехъ отвѣтовъ, надо однако признаться, что они невполнѣ удовлетворительны. Къ Дарвину мы совершенно тщетно обратились бы съ нашими сомнѣніями и затрудненіями. Онъ сказалъ бы: «То обстоятельство, что человѣкъ поднялся на высшую ступень органической лѣстницы, вмѣсто того, чтобы быть поставленнымъ здѣсь съ самаго начала, можетъ внушать ему надежду на еще болѣе высокую участь въ отдаленномъ будущемъ» («Происхожденіе человѣка», II, 452). Но и то онъ поторопился бы прибавить: «Мы не занимаемся здѣсь надеждами или опасеніями, а ищемъ только правды, насколько она доступна нашему уму» (Ibid.). Да, но вѣдь надежды и опасенія не исключаютъ правды; мало того, это только особыя формы погони за правдой. Интересы правды не пострадали бы, а, напротивъ, выиграли бы, еслибы Дарвинъ или кто другой предпринялъ указать роль прогрессирующаго міра въ послѣдней части романа.

Одинъ нѣмецъ сдѣлалъ недавно попытку такого указанія, съ которою мы и хотимъ познакомить читателя. Мы предупреждаемъ его, что онъ встрѣтитъ массу несообразностей, противорѣчій, наконецъ просто смѣху достойныхъ вещей, но тѣмъ не менѣе мы просимъ его дочитать до конца. Несмотря на всѣ несообразности, книжка, о которой мы говоримъ, какъ увидитъ читатель ниже, не лишена не только интереса, а и поучительности. Называется она: Ueber die Auflösung der Arten durch natürliche Zuchtwahl. Oder die Zukunft des organischen Reiches mit Rücksicht auf die Culturgeschichte. Von einem Ungenannten (Hannover, 1872).

http://rcin.org.pl

II.

Авторъ признаетъ всѣ основныя черты ученія Дарвина: безграничную измѣнчивость организаціи, наслѣдственность, приспособленіе, борьбу за существованіе, естественный подборъ родичей. Но онъ рѣзко расходится съ Дарвиномъ и дарвинистами въ оцѣнкѣ результатовъ дѣйствія этихъ факторовъ. По Дарвину законъ развитія органической жизни состоитъ главнымъ образомъ въ прогрессирующемъ дифференцированіи формъ, причемъ изъ немногихъ первичныхъ формъ развилось все разнообразіе теперешней органической жизни. Рядомъ съ этимъ стоитъ, по Дарвину, законъ постепеннаго усовершенствованія организаціи, въ силу котораго изъ простѣйшихъ организмовъ постоянно развиваются болѣе сложные и совершенные. Дарвинъ имѣетъ въ виду исключительно прошедшее; будущаго же развитія органической жизни на землѣ онъ не касается. Нашъ авторъ задается противоположной задачей. Онъ прежде всего желаетъ опредѣлить будущее. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ приходитъ къ такимъ заключеніямъ относительно общаго направленія развитія органической жизни, которыя діаметрально противоположны заключеніямъ Дарвина. Авторъ начинаетъ свое изслѣдованіе съ опроверженія двухъ лежащихъ, по его мнѣнію, въ заключеніяхъ Дарвина ошибокъ, которыя однако ни мало не касаются основныхъ тезисовъ дарвинизма.

Представимъ себѣ три разновидности. Дарвинисты полагаютъ, что наиболѣе выгодно положеніе тѣхъ изъ нихъ, которыя сильно уклоняются вправо или влѣво, и что выгодность эта обусловливается именно односторонностью ихъ развитія; третья же форма, приближающаяся къ среднему положенію, имѣетъ наименѣе шансовъ жизни и распространенія. По мнѣнію автора дѣло имѣетъ совершенно другой видъ. Напротивъ, средняя форма, въ силу того, что она имѣетъ возможность болѣе многосторонняго приспособленія къ условіямъ существованія, очевидно имѣетъ и болѣе шансовъ въ жизни. Другая ошибка дарвинистовъ состоитъ

http://rcin.org.pl

въ слѣдующемъ. Они предполагаютъ, что высшее, т.-е. сложнѣе организованное существо тѣмъ самымъ имѣетъ въ борьбѣ за существованіе преимущество надъ организмами низшими, простѣйшими. Это несправедливо. Простѣйшіе организмы, напротивъ, будучи сравнительно менѣе зависимы отъ окружающихъ условій, чѣмъ организмы сложные и, такъ сказать, требовательные, болѣе способны къ созданію себѣ прочнаго существованія и возможности распространенія. И мы видимъ, что въ дѣйствительности низшіе организмы болѣе распространены на землѣ, чѣмъ высшіе, сложнѣйшіе, которымъ природа отводитъ обыкновенно сравнительно небольшую географическую полосу.

Теперь представимъ себѣ, что въ извѣстномъ водномъ пространствѣ, между прочимъ, живутъ два вида животныхъ, изъ которыхъ одинъ питается исключительно растительной, а другой исключительно животной пищей. Предположимъ далѣе, что въ теченіе поколѣній въ средѣ того и другаго вида образуются разновидности, организованныя для обоихъ сортовъ пищи. Съ этою особенностью сопряжены безъ сомнѣнія извѣстныя измѣненія и внѣшняго вида животныхъ, такъ что двѣ наши разновидности представятъ собою промежуточныя формы между обѣими крайними. Эти промежуточныя формы, имѣя за собой то важное преимущество, что они могутъ питаться и животной и растительной пищей, вытѣснятъ наконецъ своихъ односторонникъ родичей. Но такъ-какъ этотъ процессъ уравненія, подъ дальнѣйшимъ давленіемъ измѣнчивости и подбора, долженъ продолжаться, то въ концѣ концовъ уцѣлѣвшія среднія формы сольются въ одинъ видъ.—Или представимъ себѣ какой нибудь растительный видъ. Въ числѣ возможныхъ уклоненій въ силу индивидуальной измѣнчивости, будетъ, между прочимъ, и нѣкоторое географическое завоеваніе; т.-е. извѣстная разновидность получитъ возможность жить нѣсколько южнѣе или сѣвернѣе обыкновенныхъ предѣловъ распространенія вида. Такъ-какъ эта разновидность окажется менѣе другихъ зависимою отъ температуры, то она наконецъ одолѣетъ всѣ остальныя. Точно также исключительно водное или исключительно земное растеніе мо-

http://rcin.org.pl

жетъ приспособиться къ жизни въ обѣихъ стихіяхъ, вслѣдствіе чего вытѣснитъ своихъ односторонніихъ родичей.—Далѣе растеніе можетъ видоизмѣниться въ томъ направленіи, что оплодотвореніе его станетъ возможнымъ при помощи такихъ насѣкомыхъ, для которыхъ оно прежде было недоступно. И опять-таки эта разносторонняя разновидность должна постепенно замѣнить формы первоначальныя, болѣе спеціализированныя, доступныя меньшему числу видовъ насѣкомыхъ.—Ясно. что въ результатѣ всѣхъ этихъ измѣненій нѣтъ разнообразія видовъ. Напротивъ, идя такимъ образомъ далѣе, можно себѣ представить въ концѣ процесса одинъ видъ растеній, универсальное растеніе, способное жить при всѣхъ возможныхъ условіяхъ. Это космополитическое растеніе должно будетъ вытѣснить всѣ другіе виды, потому что если въ нѣкоторыхъ единичныхъ случаяхъ односторонность развитія можетъ оказаться выгодною, то выгода эта съ избыткомъ уравновѣшивается способностью космополита примѣняться къ самымъ разнообразнымъ условіямъ существованія.

Словомъ, авторъ, исходя изъ принциповъ Дарвина, тѣмъ не менѣе видитъ въ развитіи органической жизни процессъ не дифференцированія, не дивергенціи, не расхожденія признаковъ, а напротивъ процессъ сглаживанія различій, уравненія признаковъ. Дарвинъ принимаетъ въ началѣ развитія органической жизни существованіе нѣсколькихъ простыхъ формъ, быть можетъ, даже одной, изъ которой получился весь нынѣшній органическій міръ. Авторъ полагаетъ напротивъ, что теперешнее разнообразіе формъ органической жизни должно съ теченіемъ времени уступить мѣсто нѣсколькимъ или даже одной простой формѣ. Точно также, вмѣсто принимаемаго дарвинистами процесса усложненія организаціи, онъ видитъ въ жизни обратный процессъ упрощенія, не прогрессъ, а регрессъ. По его мнѣнію, формы, приспособленныя къ различнымъ условіямъ существованія, тѣмъ самымъ становятся отъ нихъ менѣе зависимыми и болѣе распространенными, а и то, и другое суть признаки относительно несложныхъ организмовъ. Регрессъ выражается прежде всего уменьшеніемъ размѣровъ. Извѣстно, что такъ-назы-

http://rcin.org.pl

ваемыя допотопныя животныя вообще больше нынѣшнихъ. Въ растительномъ мірѣ происходитъ то же самое, такъ-какъ древесныя растенія постепенно уступаютъ мѣсто кустарнымъ. Но дѣло не въ размѣрахъ только. Идея прогрессивнаго развитія встрѣчаетъ на своемъ пути важное затрудненіе въ лицѣ такъ-называемыхъ рудиментарныхъ или зачаточныхъ органовъ. Идея прогресса была бы оправдана только въ такомъ случаѣ, еслибы эти органы могли быть разсматриваемы какъ зачатки будущаго развитія. Но этого нѣтъ, и прогрессисты принуждены признать, что въ большинствѣ случаевъ эти органы суть остатки прежняго богатства организаціи. Законъ экономіи, въ силу котораго образованія, становящіяся въ тягость организму, исчезаютъ, и законъ дѣйствія неупотребленія органовъ представляютъ орудія противъ идеи прогресса и за идею регресса. Что касается до вполнѣ образованныхъ и дѣйствующихъ органовъ, то возникновеніе ихъ съ точки зрѣнія естественнаго подбора весьма трудно объяснимо. Выгода, получаемая организмомъ въ борьбѣ за существованіе, благодаря тому или другому органу, уже *предполагаетъ* такую степень развитія его, которая даетъ ему возможность функціонировать. Поэтому, съ Дарвиновой точки зрѣнія также трудно объяснить возникновеніе органа, какъ легко объяснить его исчезновеніе. Это опять-таки доводъ въ пользу регрессивной исторіи органическаго міра.

Возьмемъ частный случай, напримѣръ, исторію цвѣточнаго вѣнчика. Авторъ принимаетъ вмѣстѣ съ Дарвиномъ, что большой размѣръ и яркая окраска вѣнчика имѣютъ цѣлью привлекать насѣкомыхъ, при помощи которыхъ совершается оплодотвореніе цвѣтка. Но Дарвинъ объясняетъ возникновеніе расцвѣченныхъ вѣнчиковъ путемъ естественнаго подбора, а нашъ авторъ беретъ напротивъ доказать, что именно этимъ путемъ должно происходить исчезновеніе цвѣтныхъ вѣнчиковъ. Допустимъ, говоритъ онъ, самое простое, самое законное явленіе: сильное размноженіе насѣкомыхъ, при помощи которыхъ совершается оплодотвореніе даннаго вида. Возможность такого явленія не подлежитъ сомнѣнію, а большая часть предположеній

http://rcin.org.pl

Дарвина также основывается единственно на возможности. При возникающей такимъ образомъ сильной конкуренціи, насѣкомымъ придется не брезгать и плохими цвѣтками, т.-е. цвѣтками съ сравнительно малымъ и блѣднымъ вѣнчикомъ. И эта особенность по необходимости передастся наслѣдственно. Но этого мало. Такъ-какъ развитіе вѣнчика и развитіе половыхъ органовъ находятся во взаимномъ антагонизмѣ, то блѣдные и малые цвѣтки, будучи лучшими производителями, будутъ вытѣснять своихъ красавцовъ родичей и въ концѣ концовъ борьба рѣшится въ ихъ пользу. Къ этому же результату можно подойдти и еще съ одной стороны. Извѣстно, что цвѣтки устроены такъ, что самооплодотвореніе, въ большинствѣ случаевъ, невозможно. Устройство это довольно сложно, такъ что на выработку его подробностей тратится много силы и матеріала. Поэтому, если явится такое уклоненіе въ устройствѣ главнымъ образомъ вѣнчика, что самооплодотвореніе станетъ возможнымъ,—а это мыслимо, какъ потому, что Дарвинъ принимаетъ безграничную измѣнчивость во всѣ стороны, такъ и потому, что и нынѣ уже существуютъ подобныя растенія, — то обладатели этой особенности будутъ имѣть лишніе шансы въ борьбѣ за существованіе. А вмѣстѣ съ тѣмъ должна сократиться роль вѣнчика, состоящая главнымъ образомъ въ привлеченіи насѣкомыхъ. Такимъ образомъ общая тенденція измѣненій клонится къ устраненію всѣхъ частей цвѣтка за исключеніемъ половыхъ органовъ. И слѣдовательно, мы вправѣ предполагать въ будущемъ господство если не одного растительнаго вида, то видовъ, которые по крайней мѣрѣ устройствомъ цвѣтка другъ отъ друга отличаться не будутъ: вмѣсто перспективы дальнѣйшаго расхожденія признаковъ, передъ нами разстилается перспектива ихъ сглаживанія, уравненія.

Слѣдующимъ актомъ естественнаго подбора будетъ устраненіе и половыхъ органовъ. Извѣстно, что собственно растительная жизнь находится въ антагонизмѣ съ половою дѣятельностью: чѣмъ напряженнѣе одна, тѣмъ слабѣе другая. Такъ, препятствуя цвѣтенію, мы можемъ продолжить жизнь даже однолѣт-

http://rcin.org.pl

няго растенія. Цвѣтъ и плодъ могутъ быть разсматриваемы какъ своего рода могучій паразитъ, живущій на счетъ жизненной силы недѣлимаго. Поэтому совершенное устраненіе цвѣтка будетъ весьма благопріятно для недѣлимыхъ, а слѣдовательно и для вида, если, разумѣется, размноженіе будетъ обезпечено инымъ путемъ. А такое обезпеченіе существуетъ. И нынѣ многія растенія размножаются безполовымъ путемъ—клубнями, побѣгами, наконецъ простымъ отдѣленіемъ клѣточекъ, какъ мхи. Этотъ-то способъ размноженія, какъ наиболѣе экономный, выгодный, и долженъ наконецъ восторжествовать, въ силу законовъ естественнаго подбора.

Доказано, преимущественно Негели, что ползучій типъ растеній есть результатъ дѣйствія естественнаго подбора. Устройство это, устраняя надобность въ огромной массѣ древеснаго матеріала для механической поддержки стебля, даетъ возможность удѣлить больше силы и матеріала для существенныхъ цѣлей. Эти мотивы и это направленіе дѣйствія естественнаго подбора очевидно не связаны съ какими нибудь специфическими особенностями того или другаго растенія, тѣмъ болѣе, что бо́льшую или меньшую наклонность къ ползучему типу мы встрѣчаемъ въ растеніяхъ, вообще весьма между собою несходныхъ. Изъ этого слѣдуетъ заключить, что таковъ будетъ съ теченіемъ времени общій ходъ развитія; что всѣ болѣе или менѣе высокія растенія, и въ особенности древесныя, обратятся въ ползучія. Кромѣ того, тѣ же законы естественнаго подбора обусловятъ укороченіе стебля.

Но, продолжая послѣдовательно идти въ этомъ направленіи, мы придемъ къ математической задачѣ. Наиболѣе выгодная по отношенію къ затратѣ матеріала форма должна пользоваться особеннымъ, такъ сказать, покровительствомъ естественнаго подбора и слѣдовательно стать типическою формою будущаго развитія. Такая форма есть шарообразная. Въ будущемъ сначала всѣ органы растеній примутъ круго́ и шарообразную форму, а затѣмъ всѣ вѣтви и листья втянутся, и само растеніе обратится въ шаръ. Физіологическое значеніе листьевъ состоитъ въ пре-

http://rcin.org.pl

доставленіи дѣйствію свѣта, воздуха и влажности какъ можно большей поверхности. Но очевидно, что роль эта не хуже и даже лучше исполнится всею поверхностью шара. Цѣль эта будетъ достигаться еще вѣрнѣе постепеннымъ изолированіемъ клѣточекъ. Такъ что въ концѣ процесса мы будемъ имѣть, вмѣсто всей нынѣшней роскоши растительнаго міра, массу самостоятельныхъ, однородныхъ клѣточекъ, каковы нынѣ низшіе представители органической жизни.

Авторъ не считаетъ нужнымъ слѣдить за параллельнымъ процессомъ въ животномъ царствѣ. Онъ говоритъ только, что сдѣлать это было бы весьма нетрудно, и затѣмъ обращается къ самому принципу подбора. Теорія Дарвина, говоритъ онъ, принадлежитъ къ числу плодотворнѣйшихъ обобщеній, такъ-какъ она разсѣяла оптимистическія представленія о существующей будто бы въ природѣ гармоніи интересовъ. Оказывается, что вмѣсто гармоніи и мира мы имѣемъ безпощадную войну всѣхъ противъ всѣхъ во всѣхъ уголкахъ земнаго шара. Признавая этотъ фактъ, авторъ находитъ однако, что описанный имъ процессъ будущаго развитія органической жизни долженъ водворить миръ на землѣ. Причины борьбы за существованіе суть слѣдующія: 1) недостатокъ приспособленія къ условіямъ жизни; 2) чрезмѣрное размноженіе по отношенію къ данному пространству, количеству пищи и т. д.; 3) зависимость одного существа отъ другого, принадлежащаго къ другому виду и составляющаго его пищу. Всѣ эти три причины должны съ теченіемъ времени исчезнуть. Если, какъ было говорено выше, естественный подборъ стремится приспособить всѣ организмы ко всѣмъ степенямъ температуры и влажности и ко всякаго рода пищѣ, то на извѣстной степени развитія органической жизни первая причина борьбы сама собой перестаетъ дѣйствовать. Далѣе, принимая въ соображеніе антагонизмъ между плодовитостью и энергіей растительной, т.-е. личной, индивидуальной жизни, принимая въ соображеніе выгоды послѣдней, слѣдуетъ допустить, что измѣненія будутъ часто направляться въ ея сторону; а вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ ослабляться сила размноженія и слѣ-

http://rcin.org.pl

довательно суживаться поле борьбы. Если мы приложимъ это начало, напримѣръ, къ травоядным животнымъ, то увидимъ, что хищнымъ придется отказаться отъ своего образа жизни. Въ самомъ дѣлѣ, разъ въ силу вышеизложеннаго размноженіе травоядныхъ сократится, хищникамъ уже труднѣе будетъ питаться животной пищей, и между ними будутъ, по законамъ естественнаго подбора, усиливаться индивидуальныя уклоненія въ сторону растительной пищи. Такимъ путемъ плотоядныя постепенно обратятся въ травоядныхъ, а затѣмъ и для животныхъ вообще, по мѣрѣ упрощенія ихъ организаціи, выгоднѣе станетъ получать пищу непосредственно изъ неорганической природы, подобно растеніямъ. Такимъ образомъ, водворится на землѣ миръ, и «мысль эта, прибавляетъ нѣмецъ, должна насъ утѣшать въ исчезновеніи роскоши природы, которая нынѣ дается разбоемъ и борьбой».

Дарвинъ полагаетъ, что разъясненные имъ факторы дѣйствуютъ во всѣхъ направленіяхъ, т.-е. безъ всякаго опредѣленнаго направленія, такъ что совершенствованіе организмовъ, на которое часто напираютъ дарвинисты, является у нихъ случайнымъ и побочнымъ продуктомъ. Негели и нѣкоторые другіе полагаютъ напротивъ, что существуетъ особый законъ природы, въ силу котораго организмы измѣняются въ опредѣленномъ направленіи, именно въ направленіи къ усложненію, къ усовершенствованію. Нашъ авторъ не согласенъ ни съ тѣмъ, ни съ другимъ мнѣніемъ. Дарвинистамъ онъ говоритъ, что существуетъ опредѣленное направленіе измѣненій, а Негели, — что это направленіе клонится не къ усовершенствованію, а къ упрощенію. Дарвинисты изображаютъ обыкновенно генеалогію органическаго міра въ видѣ дерева, корни котораго представляютъ начатки жизни, а верхнія развѣтвленія нынѣ существующіе виды. Авторъ находитъ, что это изображеніе очень вѣрно... если его повернуть вверхъ ногами. Но лучше прибѣгнуть къ образу рѣчной системы, истоки которой представятъ нынѣшніе виды, а устье — будущность органическаго міра, протоплазматическое море (Protoplasma-Meer), т.-е. безформенную органическую массу.

http://rcin.org.pl

Но разложеніе должно идти дальше, безформенная органическая масса должна распасться на химическіе элементы, — кислородъ, углеродъ, водородъ, азотъ. Такое распаденіе мы видимъ въ каждомъ случаѣ разложенія мертваго организма, слѣдовательно оно не представляетъ ничего невѣроятнаго и подлежитъ наблюденію даже теперь. Нѣтъ надобности придумывать какія нибудь гипотетическія обстоятельства, при которыхъ означенное явленіе только и можетъ имѣть мѣсто. Между тѣмъ теорія, отправляющаяся отъ идеи сложенія химическихъ элементовъ въ органическія соединенія и въ организмы въ началѣ вещей, должна путаться въ гипотезахъ и не имѣетъ опытно наблюдательной опоры. Во всякомъ случаѣ сила, соединяющая элементы для образованія организмовъ, дѣйствовала только разъ при нѣкоторыхъ особенныхъ обстоятельствахъ; сила разлагающая дѣйствуетъ всегда и при всѣхъ обстоятельствахъ. Наконецъ идея распаденія органическаго міра на химическіе элементы совпадаетъ съ теоріями новѣйшихъ физиковъ, которые, какъ напримѣръ Клаузіусъ, доказываютъ, что міровые процессы клонятся къ извѣстному предѣлу, именно къ превращенію всѣхъ химическихъ и механическихъ силъ въ равномѣрно по всей вселенной распредѣленную теплоту. «Вотъ, говоритъ авторъ, будущность органическаго міра, логически вытекающая изъ принциповъ Дарвина, а не стремленіе къ безконечному дифференцированію и совершенствованію».

Мы совсѣмъ обойдемъ тѣ параграфы, которые озаглавлены: «Затрудненія теоріи» и «Философское основаніе». Здѣсь авторъ остроумно доказываетъ правильность своей исходной точки, — построенія будущности органическаго міра вмѣсто изысканія его прошедшаго. Еще остроумнѣе прячется онъ за спину Дарвина, доказывая, что возраженія, могущія быть выставленными противъ его теоріи, съ такимъ же правомъ могутъ быть предъявлены и Дарвину; что, слѣдовательно, поскольку они опровергнуты дарвинистами, постольку оправданъ и онъ. Мы перейдемъ къ вопросу о генеалогическомъ отношеніи между человѣкомъ и обезьяной.

http://rcin.org.pl

Авторъ начинаетъ рѣшительнымъ утвержденіемъ существованія этой генеалогіи, этого родства. Подобно дарвинистамъ, онъ смѣется надъ мыслью объ особенномъ положеніи человѣка въ природѣ, сравниваетъ ее съ геоцентрическою теоріей древнихъ и т. д. Но этимъ и оканчивается его сходство съ дарвинистами. Логически развивая вышеизложенный взглядъ на исторію развитія органической жизни, онъ утверждаетъ, что различія между человѣкомъ и звѣремъ должны постепенно ослабѣвать, что человѣкъ будетъ все болѣе и болѣе приближаться къ высшимъ млекопитающимъ; что послѣдніе не отстали отъ человѣка въ процессѣ развитія, а напротивъ оставили его назади. Авторъ вполнѣ готовъ признать новѣйшія генеалогическія изслѣдованія, напримѣръ, Геккеля. Но рядомъ съ этимъ онъ ставитъ вопросъ: человѣкъ-ли произошелъ отъ обезьяны или обезьяна отъ человѣка? «Дарвинъ, говоритъ онъ, стоитъ за первое рѣшеніе, но это совершенно произвольный выводъ, лишенный всякаго основанія». Нетрудно представить себѣ аргументацію автора. Онъ доказываетъ, что при ограниченности или односторонности умственной дѣятельности большинства человѣческаго рода, мозгъ человѣка долженъ, подъ вліяніемъ неупотребленія, постепенно уменьшаться и наконецъ снизойти до размѣровъ и степени развитія мозга обезьяны. Далѣе, въ виду выгодности замѣны ногъ руками, существованія хвоста и покрытой шерстью кожи, естественный подборъ упрочитъ за человѣкомъ всѣ эти особенности, въ зачаточномъ состояніи имѣющіяся уже и теперь.

Авторъ не скрываетъ отъ себя неблагопріятнаго пріема, который должна встрѣтить его теорія. Если, говоритъ онъ, теоріи Дарвина пришлось выдерживать сильный натискъ предразсудковъ о происхожденіи человѣка, то тѣмъ паче неблагопріятно должно быть встрѣчено отрицаніе прогресса, съ идеей котораго люди такъ свыклись. Но наука обязана игнорировать эти предразсудки и, разъ идея прогресса уступаетъ передъ лицомъ науки мѣсто идеѣ регресса, наукѣ нечего церемониться. Къ вышеизложеннымъ естественно-научнымъ соображеніямъ въ пользу того,

http://rcin.org.pl

что міръ не прогрессируетъ, а регрессируетъ, надлежитъ прибавить еще соображенія культурно-историческія.

Признавая измѣнчивость человѣческихъ расъ, признавая, что нынѣ существующія расы связаны между собою родствомъ и представляютъ цѣпь переходныхъ формъ, мы еще не рѣшаемъ вопроса о направленіи этой цѣпи. Представитель кавказской расы и австралійскій негръ связаны родственно и представляютъ двѣ отдаленныя ступени развитія. Но которая изъ нихъ выше, дальше ушла въ процессѣ развитія? Представлять въ пользу кавказской расы физіологическіе резоны нельзя, ибо вопросъ объ усложненіи организаціи вообще и мозга въ частности есть именно подсудимый. Физіологически европеецъ выше дикаря, это несомнѣнно, но намъ нужно знать, кто изъ нихъ выше исторически. Съ этой точки зрѣнія защитники теоріи прогресса могутъ представить только одинъ важный фактъ: вытѣсненіе дикихъ народовъ европейскими колонистами. Извѣстно однако, что съ другой стороны высшіе народы нерѣдко насуютъ передъ низшими. Во всякомъ случаѣ доступное намъ историческое время слишкомъ коротко, чтобы мы имѣли право строить законъ прогресса на его одиночныхъ явленіяхъ. Притомъ же самое важное рѣшить прогрессируютъ или регрессируютъ сами цивилизованные народы. Скажутъ, можетъ быть, что наши свѣдѣнія о низкомъ уровнѣ развитія нашихъ предковъ каменнаго періода не оставляютъ на этотъ счетъ никакихъ сомнѣній. Но кто далъ намъ право считать эти существа своими прямыми предками? Изъ того, что они жили тамъ же, гдѣ мы живемъ теперь, еще ровно ничего не слѣдуетъ, точно также, какъ и изъ ихъ древности. Мы можемъ предположить, что это представители родственной намъ вѣтви общаго родословнаго дерева; что въ то время какъ наша вѣтвь остановилась на извѣстной ступени развитія, они быстро регрессировали и либо исчезли совсѣмъ, либо стали родоначальниками высшихъ млекопитающихъ. Для провѣрки теорій прогресса и регресса мы должны прослѣдить исторію одного какого нибудь народа, существующаго и по сіе время. Возьмемъ же культурные народы древности, каковы китайцы, индусы,

http://rcin.org.pl

египтяне, евреи, греки, римляне. Какого бы мы ни были мнѣнія о теперешнемъ состояніи этихъ народовъ, но никто конечно не скажетъ, чтобы они въ прежнее время были ближе, чѣмъ теперь, къ моменту выдѣленія человѣка изъ животнаго міра.

Нельзя конечно отрицать, что въ цѣломъ цивилизованные народы сдѣлали въ теченіе тысячелѣтій огромные успѣхи въ наукѣ, искусствѣ, техникѣ и что факторовъ этихъ успѣховъ слѣдуетъ искать въ Дарвиновой борьбѣ за существованіе. Но замѣтимъ, что если длинный рядъ поколѣній работаетъ надъ какимъ нибудь дѣломъ, то высота достигнутаго ими совершенства ни въ какомъ случаѣ не можетъ служить мѣриломъ качественнаго усовершенствованія человѣческаго рода. Мы просто работники, стоящіе на вершинѣ постройки, надъ которой работали многія поколѣнія. Но отъ этого мы отнюдь не совершеннѣе первыхъ работниковъ. Напротивъ они гораздо выше насъ. Присматриваясь къ характеру цивилизаціи, легко увидѣть, что человѣкъ улучшаетъ свое положеніе въ мірѣ, но ни на волосъ не улучшается самъ въ смыслѣ усовершенствованія. Искусное пользованіе силами природы, организація общества, пріисканіе средствъ для удовлетворенія потребностей,—всѣ эти улучшенія внѣшнихъ жизненныхъ отношеній доступны и низшимъ животнымъ, напримѣръ, многимъ насѣкомымъ. Если же мы возьмемъ спеціально человѣческія особенности: разумъ, языкъ, силу воли, нравственное достоинство, то еще вопросъ — прогрессируемъ ли мы въ этомъ отношеніи. Современные мыслители, напримѣръ, обладаютъ сравнительно громадною массою знаній, но какой изъ нихъ можетъ сравниться по силѣ мысли, по совершенству способностей съ древними философами? Или какое изъ современныхъ открытій и изобрѣтеній можетъ быть поставлено рядомъ съ изобрѣтеніемъ письма?

Выше было говорено о вѣрованіи въ особенное, исключительное положеніе человѣка въ природѣ, какъ о предразсудкѣ. И конечно, съ современной точки зрѣнія это предразсудокъ. Наука доказала, что въ человѣкѣ нѣтъ никакой особой, нематеріальной субстанціи, что между нимъ и другими животными нѣтъ никакой

http://rcin.org.pl

пропасти. Но имѣемъ ли мы право называть отринутыя нынѣ воззрѣнія предразсудками въ устахъ Сократа, Платона, Аристотеля, или Лейбница, Декарта? Воззрѣнія эти до того тѣсно связаны со всѣми другими сторонами ихъ ученій, имѣвшимъ міровое значеніе, что пришлось бы всю ихъ философію называть просто глупостью. О недостаточномъ знакомствѣ съ фактами здѣсь говорить нельзя, потому что явленія, которыхъ совершенно достаточно для нашего убѣжденія, были вполнѣ извѣстны еще Аристотелю. И однако онъ не убѣждался, онъ все-таки признавалъ человѣческую душу чѣмъ то существенно отличнымъ отъ остальнаго міра. Мы выйдемъ изъ этого затрудненія очень просто, если примемъ, что обѣ стороны правы, что выхода слѣдуетъ искать въ измѣненіи не субъективныхъ мнѣній, а объективныхъ фактовъ. Въ нашемъ сознаніи потому исчезла пропасть между человѣкомъ и звѣремъ, что ослабѣло различіе между ними въ дѣйствительности: человѣкъ приблизился къ звѣрю. Смотря на вещи иначе, древніе ни мало не заблуждались, потому что въ ихъ время специфически человѣческія черты были выражены ярче, и пропасть между человѣкотъ и звѣремъ дѣйствительно существовала.

Одно изъ наиболѣе характерныхъ отличій человѣка отъ животныхъ есть религіозное чувство. Хотя Дарвинъ и доказываетъ, что оно въ зачаточномъ состояніи существуетъ и у животныхъ, но это показываетъ только, что различіе и здѣсь не абсолютно, а относительно. Тѣмъ не менѣе различіе есть, и мы должны признать религіозность, чувство зависимости отъ нѣкотораго высшаго духовнаго существа, специфическою особенностью человѣка. Вмѣстѣ съ тѣмъ никто конечно не станетъ отрицать постепеннаго упадка религіознаго чувства въ людяхъ. Сравните теократіи древности и полутеократіи среднихъ вѣковъ съ теперешними чисто свѣтскими конституціями государствъ; сравните древнее искусство, такъ часто направлявшееся къ исключительно религіознымъ цѣлямъ, съ теперешнимъ его эмансипированнымъ состояніемъ; сравните крестовые походы съ нынѣшними національными войнами. Прослѣдите далѣе внутреннюю исторію религіоз-

http://rcin.org.pl

ности, и паденіе ея станетъ очевиднымъ. Отъ наивныхъ вѣрованій въ откровеніе мы идемъ къ атеизму. Мы, говоритъ авторъ, далеки отъ мысли признавать исключительное достоинство за которою нибудь изъ этихъ стадій развитія мысли. «Нельзя смотрѣть на одинъ какой нибудь органическій типъ,—на рыбу, на млекопитающее, на инфузорію,—какъ на истинное животное, а на всѣ остальные, какъ на выродки». Ступени развитія мысли также хороши на своемъ мѣстѣ и также связаны между собою началами сосуществованія и послѣдовательности, какъ и органическіе типы. Не отдавая ни одной изъ нихъ преимущества, мы только слѣдимъ за порядкомъ ихъ смѣны. Въ нашемъ случаѣ порядокъ этотъ, какъ мы видѣли, опредѣляется формулою: отъ откровенія къ атеизму. Принимая въ соображеніе вышеизложенное о религіозномъ чувствѣ, какъ о специфически человѣческой чертѣ, мы должны связать эту формулу съ болѣе общею: отъ человѣка къ звѣрю. А разъ мы имѣемъ двѣ такія ясно опредѣленныя точки линіи движенія, для насъ ясно и направленіе самаго движенія: мы регрессируемъ.

Скажутъ, можетъ быть, что религіозное чувство, исчезая, не оставляетъ за собою пустаго пространства, что оно съ избыткомъ замѣняется разумомъ, который также принадлежитъ къ числу специфически человѣческихъ чертъ. Но это возраженіе далеко не существенно. Инстинктъ животныхъ есть ничто иное, какъ усовершенствованный, упроченный разумъ. По Дарвину, пчелы въ своихъ постройкахъ рѣшаютъ такія задачи, которыя не подъ силу человѣческимъ математическимъ способностямъ. По Вундту, бобры, независимо даже отъ инстинкта, обнаруживаютъ механическія и гидростатическія познанія. «По Геккелю, есть собаки, лошади и слоны, стоящіе въ умственномъ отношеніи рѣшительно выше многихъ ученыхъ». А открытое презрѣніе «образованнаго» общества къ логикѣ всѣмъ извѣстно.

Точно также не замѣщается религіозное чувство и нравственными началами. Стоитъ только припомнить, что необходимое условіе, субстратъ всякаго нравственнаго принципа — «свобода воли» — есть для насъ, благодаря успѣхамъ науки, пройденная

http://rcin.org.pl

ступень иллюзіи. Что же касается до мотивовъ и мѣрила нравственности, то на этомъ пунктѣ стоитъ остановиться подольше. Дѣйствіями человѣка управляютъ два противоположные мотива: вопервыхъ, личный интересъ, вовторыхъ, совѣсть, чувство долга, которое, какъ бы мы ни смотрѣли на его происхожденіе, сводится къ пожертвованію личнаго интереса для блага ближняго или для общаго блага. Второй изъ этихъ мотивовъ всегда признавался этическимъ по преимуществу, ему отдавалось предпочтеніе, по крайней мѣрѣ, въ принципѣ, если не фактически. Но съ теченіемъ времени, значеніе его все болѣе и болѣе стушевывается. Постепенно уменьшается число людей, руководящихся въ своихъ дѣйствіяхъ нравственными принципами, и понятія добраго и злого, справедливаго и несправедливаго отступаютъ передъ понятіемъ болѣе или менѣе цѣлесообразнаго. Ошибочно было бы выводить изъ этого явленія какія-нибудь пессимистическія заключенія, скорбѣть о ходѣ вещей и т. п. Ходъ вещей устраиваетъ все совершенно естественно и законно: tempora mutantur et nos mutamur in illis. Измѣненіе этическаго принципа правомѣрно совершается подъ давленіемъ разъясненнаго Дарвиномъ закона сохраненія привиллегированныхъ недѣлимыхъ. Въ исторіи человѣчества, какъ и въ исторіи всего мірозданія, царитъ законъ самосохраненія, и право силы есть верховное право и тамъ и здѣсь. «Если мы допустимъ для человѣка еще какой-нибудь этическій принципъ, стоящій въ противорѣчіи съ первымъ, то во имя послѣдовательности мы должны ввести дуализмъ и въ остальную природу, принять отличный отъ матеріальныхъ силъ принципъ развитія, именно принципъ творенія». «Опытъ свидѣтельствуетъ, что наилучше выдерживаютъ борьбу за существованіе тѣ, кто рѣшительнѣе преслѣдуетъ свои личные интересы, кто неразборчивѣе въ своихъ средствахъ. Напротивъ, отщепенцы, налагающіе на себя цѣпи совѣсти или самопожертвованія, отодвигаются въ сторону или размозжаются колесомъ времени». Напрасно называютъ инстинктъ самосохраненія неодобрительнымъ именемъ эгоизма. Это нравственный принципъ будущаго, точно такъ же, какъ принципъ самопожертвованія есть принципъ

http://rcin.org.pl

прошедшаго, когда борьба за существованіе еще не велась съ такою напряженностью. Справедливо говорятъ, что общее благо наилучше достигается, когда отдѣльныя личности совершенно свободно преслѣдуютъ свое личное благо. Извѣстно, что, прогоняя нищаго, мы болѣе содѣйствуемъ и его собственному благу и благу общества, чѣмъ посредствомъ порывовъ мягкосердія. Итакъ, наши правила нравственности измѣняются въ направленіи отъ благороднаго самопожертвованія къ эгоизму. Но это есть вмѣстѣ съ тѣмъ движеніе по направленію отъ человѣка къ звѣрю, который руководствуется въ своихъ дѣйствіяхъ, вообще говоря, исключительно эгоизмомъ. И здѣсь, слѣдовательно, мы видимъ струю, направленную прямо внизъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, сглаживающую различія между человѣкомъ и другими животными. Тотъ же процессъ уравненія признаковъ, а не расхожденія ихъ, какъ утверждаетъ Дарвинъ, можно наблюдать и въ средѣ человѣческаго общества.

Сюда относится, вопервыхъ, давно замѣченное исчезновеніе рѣзко опредѣленныхъ духовныхъ физіономій, оригинальныхъ характеровъ. Сюда же слѣдуетъ отнести и постепенное уравненіе личныхъ мнѣній, покоряемыхъ общими вѣрованіями. Но очевиднѣе всего этотъ процессъ въ соціально-политической области. Мы видимъ, что люди раздѣлены на расы, національности, государства, сословія, корпораціи, раздѣлены по языкамъ, вѣрованіямъ, обычаямъ и проч. Суть большинства этихъ обособленій состоитъ въ томъ, что самостоятельность и свобода отдѣльныхъ недѣлимыхъ приносится въ жертву интересамъ нѣкотораго высшаго цѣлаго или нѣкоторыхъ привиллегированныхъ личностей. Но вглядываясь въ исторію развитія этихъ обособленій, не трудно замѣтить, что они въ прежнее время были гораздо рѣзче и что они все болѣе и болѣе сглаживаются. Междусословныя стѣны такъ или иначе рушатся; желѣзныя дороги, наука, литература перебрасываютъ мосты отъ одной національности къ другой; національные костюмы отступаютъ передъ всенивеллирующей модой; дѣятельность таможенъ сокращается; цехи исчезли или исчезаютъ; мелкія государства вливаются въ большія и т. д.

http://rcin.org.pl

Это направленіе, столь ясное и характеристичное, есть ничто иное, какъ частное повтореніе міроваго процесса, отъ сложнаго къ простому, отъ большаго къ малому, отъ разнообразія къ однообразію.

И такъ, міровой процессъ, по изслѣдованію нашего автора, діаметрально-противоположенъ изображаемому Дарвиномъ. Дарвинъ прекрасно объяснилъ ходъ вещей отъ зарожденія органической жизни на землѣ до настоящаго момента. Но онъ рѣшительно не въ силахъ освѣтить съ своей точки зрѣнія будущее. Нашъ авторъ, съ другой стороны, сознаетъ, что, разъяснивъ будущее, онъ не знаетъ, какъ пристроить свою точку зрѣнія къ отдаленному прошедшему. Какъ тутъ быть? Авторъ рѣшаетъ вопросъ просто. Правъ Дарвинъ, говоритъ онъ, правъ и я. Онъ правъ для прошедшаго, я — для будущаго. Если вы бросите камень, то до извѣстной точки онъ будетъ летѣть вверхъ, но затѣмъ сила тяжести перевѣситъ силу толчка, и камень упалетъ на землю Такъ и съ органической жизнью. Первоначально тенденція ея была въ сторону дивергенціи, расхожденія признаковъ. Но на извѣстной точкѣ должна начаться конвергенція, уравненіе признаковъ. Мы находимся на точкѣ перелома. Мы стоимъ какъ бы на высокой горѣ, оба склона которой представляются нашимъ взорамъ съ одинаковою ясностью.

III.

Мы предупредили читателя, что ему придется выслушать много вздора, несообразностей, противорѣчій и проч. Тѣмъ не менѣе, мы привели содержаніе книжки неизвѣстнаго автора отнюдь не для того только, чтобы посмѣшить читателя. Это прежде всего діалектическій фокусъ, мѣстами дубоватый, мѣстами довольно ловкій и остроумный. Иногда просто кажется, что это пародія на дарвинизмъ, которой, если она по замыслу автора дѣйствительно пародія, нельзя отказать въ нѣкоторой удачѣ.

http://rcin.org.pl

Но тонъ автора до такой степени серьезенъ, нѣкоторыя соображенія его въ такой мѣрѣ лишены шутовскаго характера. что на мысли о пародіи установиться трудно, какъ ни тянетъ къ этому хоть бы, напримѣръ, серьезность ссылки на бутаду Геккеля: нѣкоторые слоны, лошади и собаки въ умственномъ отношеніи стоятъ гораздо выше многихъ ученыхъ. Порѣшивъ на томъ, что нѣмцы бываютъ всякіе, возьмемъ книжку какъ она есть, безотносительно къ тайнымъ замысламъ автора, если таковые и были. Балаганитъ авторъ или нѣтъ, но онъ ставитъ интересную задачу, до сихъ поръ мало кому приходившую въ голову. Балаганно онъ ее разрѣшаетъ или нѣтъ, но указанный имъ пунктъ, дѣйствительно, можетъ служить отчасти пробою для дарвинизма и, вмѣстѣ съ тѣмъ, глубоко затрогиваетъ кровные интересы людей. Балаганитъ авторъ или нѣтъ, но принятый имъ тонъ изслѣдованія можетъ быть названъ въ нѣкоторомъ отношеніи типическимъ тономъ современной мысли.

Часто говорятъ о естественной нравственности, о естественномъ правѣ, о естественномъ хозяйствѣ, о естественномъ ходѣ вещей, какъ регуляторѣ человѣческихъ дѣлъ и проч. При этомъ прилагательному «естественный» придается нѣкоторое, если не магическое, то во всякомъ случаѣ санктирующее значеніе. Предполагается, что такъ-называемая естественная мораль, экономія и т. д. необходимо выше всякой другой морали и экономіи, что если предоставить дѣла ихъ естественному теченію, то результаты будутъ лучше, чѣмъ если бы мы старались измѣнить его. Словомъ, «естественный» значитъ «нормальный». Прилагательное «естественный» получило это санктирующее значеніе въ прошломъ столѣтіи. Тогда всѣ оттѣнки политической мысли, Руссо, Бриссо, энциклопедисты, физіократы, экономисты, были болѣе или менѣе проникнуты этою идеей. Въ каждомъ частномъ случаѣ это обращеніе къ «естественности», какъ къ панацеѣ, обусловливалось комбинаціей частныхъ причинъ. Но въ общемъ это былъ протестъ противъ «неестественности» средневѣковаго общественнаго строя, приписывавшаго себѣ «сверхъестественное» происхожденіе. Нѣкоторыя изъ выработанныхъ подъ влія-

http://rcin.org.pl

ніемъ такого настроенія доктринъ давно уже утратили свое первоначальное содержаніе. Такъ, напримѣръ, основаніе естественнаго права въ прошломъ столѣтіи составляла идея равенства. Нынѣ собственно естественное право вышло изъ моды, но тамъ, гдѣ оно имѣетъ мало-мальски оригинальное содержаніе, оно отправляется отъ естественнаго неравенства людей. Но общій тезисъ, подсказанный требованіями минуты, уцѣлѣлъ и по сіе время, благодаря школьной политической экономіи и отчасти нѣмецкой философіи. Въ особенности первая, развивая девизъ, данный ей еще физіократомъ Мерсье де-ла-Ривьеромъ: laissez aller, laissez passer, le monde va de lui même,—способствовала идеализаціи «естественности». Въ новѣйшее время возвеличеніе этой идеи взялъ на себя дарвинизмъ. Нѣкоторыхъ дарвинизмъ нрельстилъ заключающейся будто бы въ немъ идеей естественнаго братства. Къ числу такихъ, впрочемъ, очень немногихъ, сантиментальныхъ людей принадлежитъ, напримѣръ, старый Мишле. Въ своемъ послѣднемъ трудѣ, «Histoire du XIX siècle», онъ съ восторгомъ говоритъ о Ламаркѣ, какъ объ апостолѣ идеи естественнаго братства между всѣми живыми существами. Онъ прибавляетъ, что идея эта въ наше время подтверждена, между прочимъ, Дарвиномъ. Онъ забываетъ при этомъ, что доктрина Ламарка существенно отличается отъ теоріи Дарвина въ томъ отношеніи, что первый призналъ всѣ живыя существа братьями, а второй добавилъ, что эти братья относятся и должны относиться другъ къ другу, какъ Каинъ и Авель. Тутъ, пожалуй, и нечѣмъ восторгаться. Но дѣло не въ этомъ. Какъ уже сказано, этою стороною дарвинизма любуются немногіе. Несравненно большею популярностью пользуется дарвинизмъ за идею прогресса, какъ результата естественной борьбы за существованіе. Благодушный утопистъ Мальтусъ, трудъ котораго Дарвинъ называетъ «незабвеннымъ», предлагалъ людямъ умѣреннѣе размножаться въ виду печальныхъ послѣдствій жизненной конкуренціи. Дарвинизмъ требуетъ, напротивъ, усиленнаго размноженія, усиленной жизненной конкуренціи, благодаря нестѣсняемой, «естественной» дѣятельности которой, выработываются

http://rcin.org.pl

все высшія и высшія формы. Эти высшія, привиллегированныя формы (favoured races) *) суть вмѣстѣ съ тѣмъ носители основанія естественнаго права — права сильнаго. При этомъ передъ нами развертывается необъятная перспектива прошедшаго, изъ которой видно, что естественный ходъ вещей былъ въ высшей степени благодѣтеленъ, велъ органическую жизнь все вверхъ — къ красотѣ, уму и нравственности современнаго человѣка. Да здравствуетъ естественный ходъ вещей!

Но нашъ веселый нѣмецъ напоминаетъ о вещи самой простой и естественной,—о неизбѣжномъ концѣ вмѣстилища всяческаго прогресса — земли. Мысль о смерти вообще непріятная вещь. Но мы все-таки совершенно свыклись съ мыслью о собственной смерти; какъ потому, что люди умираютъ каждый день, такъ и потому, что мы живемъ не только настоящимъ, а и будущимъ. Самый простой смертный видитъ въ дѣтяхъ своихъ какъ бы нѣкоторое продолженіе самого себя. А тѣ, на долю которыхъ выпала высокая честь и обязанность служить словомъ или дѣломъ обществу, почерпаютъ изъ этого служенія еще болѣе значительное утѣшеніе, такъ какъ съ ними не умираютъ ихъ дѣла и слова. Гораздо уже труднѣе переварить смерть общества, скажемъ народа или государства, потому что явленіе это весьма рѣдкое и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе или менѣе уничтожающее результаты нашей дѣятельности. Наконецъ, земля имѣетъ покончить свое бытіе только однажды. Это ужь совсѣмъ неутѣшительно. Конечно, конецъ этотъ такъ далекъ, что мы не только можемъ не принимать, но даже не можемъ принимать его въ соображеніе. Самъ по себѣ онъ, можно сказать, для насъ не существуетъ. Но опять-таки къ нему надо подойти. И слѣдовательно тотъ самый естественный ходъ вещей, которому мы шлемъ столько благодарностей за прошедшее и на который возлагаемъ столько надеждъ въ будущемъ, — ведетъ насъ внизъ.

*) Любопытно, что въ первыхъ изданіяхъ нѣмецкаго перевода это выраженіе переведено «vervollkommnete Rassen» (усовершенствованныя породы), а въ двухъ послѣднихъ—«begünstigte» (покровительствуемыя, привиллегированныя).

http://rcin.org.pl

Вотъ мысль, рѣзко противопоставленная нашимъ веселымъ нѣмцемъ оптимизму дарвинистовъ. И благодаря рѣзкости постановки вопроса, невольно должны придти въ голову сомнѣнія насчетъ прелестей естественнаго хода вещей.

Правда, для самаго автора не существуетъ даже вопросъ о значеніи естественнаго хода вещей для человѣка. Нашъ веселый нѣмецъ не отъ міра сего. И въ этомъ состоитъ вторая любопытная черта его произведенія, черта, весьма характеристическая.

Огромное большинство людей вѣритъ въ исключительное положеніе человѣка въ природѣ, въ то, что для него писаны совершенно особые законы и не писаны законы, дѣйствующіе въ остальной природѣ. Значительное большинство людей науки и образованныхъ людей вообще давно уже эманципировалось отъ этого дуализма. Но при этомъ произошло маленькое недоразумѣніе. Какое, — мы увидимъ ниже. А теперь передъ нами на лицо результатъ этого недоразумѣнія—размышленія нашего веселаго нѣмца, не столько впрочемъ размышленія, сколько его точка зрѣнія. Несмотря на массу содержащихся въ его трактатѣ противорѣчій, трудно быть послѣдовательнѣе его въ отрицаніи дуализма, въ отрицаніи противоположности человѣка и природы. Онъ не только утверждаетъ, вмѣстѣ съ современною наукой, что между человѣкомъ и представителями остальной природы нѣтъ качественныхъ различій. Онъ идетъ гораздо дальше. Онъ говоритъ, что эгоизмъ и право силы, царящіе во всей природѣ, должны быть признаны руководящими началами и для человѣка, ибо въ противномъ случаѣ мы, послѣдовательности ради, должны будемъ ввести дуализмъ и въ остальную природу. Онъ смотритъ на различныя ступени развитія человѣческой мысли съ полною объективностью. Онъ не рѣшается признать ни за одною изъ нихъ, ни за вчерашнею, ни за сегодняшнею, ни за завтрашнею, никакихъ преимуществъ. Всѣ эти ступени суть для него не моменты приближенія къ его какому-нибудь субъективному идеалу, а такіе же продукты природы, какъ ступени развитія органическаго міра. Самъ онъ не волнуется ни-

http://rcin.org.pl

какими идеалами, надеждами, опасеніями и тому подобными слабостями. Зная, что человѣкъ и природа едино суть, онъ смотритъ, напримѣръ, на волнующую людей идею равенства и на практическое ея осуществленіе, какъ на приближеніе къ обезьянѣ, и перспектива обезьяньяго потомства его ни малѣйше не смущаетъ: такъ написано въ законахъ природы, которымъ подчиненъ и человѣкъ, tempora mutantur et nos mutamur in illis. При изслѣдованіи прогресса онъ устраняетъ всѣ выработанныя человѣкомъ понятія о худшемъ и лучшемъ, о благѣ и страданіи, о совершенствѣ и слабости. Онъ ищетъ только отвѣта на вопросъ: что послѣ чего? и съ невозмутимымъ спокойствіемъ говоритъ: прогрессъ есть регрессъ. Многіе должны позавидовать этой непоколебимой объективности веселаго нѣмца. Не въ первый уже разъ видимъ мы попытку опредѣлить пути человѣческаго прогресса безотносительно къ человѣку, къ его надеждамъ и стремленіямъ, наслажденіямъ и страданіямъ. Но дѣло въ томъ, что позитивисты, напримѣръ, провидятъ въ дальнѣйшей исторіи человѣчества только развитіе положительнаго знанія, значитъ, для нихъ въ будущемъ есть нѣчто хорошее и хорошо гарантированное. Поэтому имъ не особенно трудно прикидываться совершенно безстрастными наблюдателями естественнаго хода вещей. Или, напримѣръ, экономисты. Въ ихъ спокойствіи, въ ихъ объективности, въ ихъ довѣріи къ естественному ходу вещей нѣтъ ничего удивительнаго, такъ какъ они увѣрены, что тамъ, впереди находится гармонія интересовъ. Нашъ нѣмецъ находится въ совсѣмъ иномъ положеніи. Онъ впереди обезьяну видитъ и тѣмъ не менѣе ни мало не смущается. Повидимому, эта непреклонная объективность должна бы была сообщить автору прочную точку опоры, гарантировать отъ противорѣчій и дать ему возможность безошибочно отвѣтить на обнаженный отъ всякихъ посторонныхъ примѣсей вопросъ: что послѣ чего? Между тѣмъ никакой точки опоры авторъ очевидно не имѣетъ, потому что въ концѣ концовъ даже враждебный ему дуализмъ онъ готовъ признать законнымъ и соотвѣтствующимъ истинѣ въ прошедшемъ. Противорѣчій въ

http://rcin.org.pl

его веселомъ произведеніи такая бездна, что нѣтъ почти возможности, да нѣтъ и надобности, за ними слѣдить. Наконецъ даже оголенный вопросъ: что послѣ чего? получаетъ отвѣтъ совершенно неправильный.

При этомъ мы имѣемъ въ виду не общій смыслъ его теоріи, которая при всей своей несообразности заключаетъ въ себѣ однако нѣкоторое зерно истины. А также не практикуемое имъ пришиваніе своей теоріи бѣлыми нитками съ одной стороны къ теоріи Дарвина, а съ другой къ теоріи Клаузіуса. Здѣсь онъ является просто модянымъ современнымъ фокусникомъ, съ беззаботностью мотылька порхающимъ по вопросамъ жизни и съ рѣшительностью Александра Македонскаго разрубающимъ Гордіевы узлы. Гораздо поучительнѣе слѣдующій промахъ веселаго нѣмца. Стремясь обнажить вопросъ о прогрессѣ отъ всякихъ субъективныхъ примѣсей, желая смотрѣть на міръ «ковыряя въ носу», какъ сказалъ бы Гоголь, или объективно, какъ говорятъ другіе, веселый нѣмецъ упускаетъ изъ виду то, что находится у него подъ носомъ,—результаты борьбы человѣка съ природой. Въ его картинѣ недостаетъ такой простой и очевидной черты, какъ вѣроятное для очень близкаго будущаго исчезновеніе по крайней мѣрѣ въ цивилизованныхъ странахъ дикихъ звѣрей и вытѣсненіе культурными растеніями дикорастущихъ. За то онъ вводитъ въ свою картину такія ни съ чѣмъ несообразныя фантазіи, какъ обростаніе человѣка шерстью, появленіе у него хвоста, превращеніе ногъ въ руки. Ясно, что отъ этихъ именно измѣненій человѣкъ безусловно гарантированъ. И гарантированъ благодаря именно тому обстоятельству, которымъ обусловливается исчезновеніе вредныхъ для человѣка животныхъ и безполезныхъ для него растеній. Обстоятельство это есть ни болѣе ни менѣе, какъ самъ человѣкъ, его цѣлесообразная дѣятельность. Разъ человѣкъ надѣлъ одежду, — его кожа гарантирована отъ важныхъ измѣненій; онъ будетъ носить, сообразно внѣшнимъ условіямъ, то мѣхъ, то выдѣланную шерсть, то полотно и тѣмъ самымъ обезпечитъ неприкосновенность своей кожи. Разъ человѣкъ изобрѣлъ болѣе или менѣе сложныя механиче-

http://rcin.org.pl

скія орудія,—конечности его опять-таки не подлежатъ сколько-нибудь значительнымъ видоизмѣненіямъ; онъ будетъ приспособлять къ внѣшнимъ условіямъ не руки свои, а изобрѣтенныя имъ механическія орудія. Силою своего разума человѣкъ ставитъ между *собою* и силами природы извѣстныхъ посредниковъ, на которыхъ и отзывается непосредственная его борьба за существованіе. Онъ уже не столько приспособляется къ стихійнымъ, природою даннымъ условіямъ существованія, сколько ихъ приспособляетъ къ себѣ. Допустимъ, что разсужденія нашего веселаго нѣмца, напримѣръ, о неизбѣжности ползучаго типа для растеній въ абстрактѣ совершенно справедливы, что таковъ именно ходъ вещей. Но еще вопросъ допуститъ ли человѣкъ осуществиться этой наклонности растеній. А очевидно онъ допуститъ это только въ такомъ случаѣ, если это окажется для него выгоднымъ. Конечно, и человѣческая дѣятельность имѣетъ предѣлы, но тѣмъ не менѣе искусственный подборъ стремится замѣнить собою подборъ естественный и замѣняетъ его все въ большей и большей мѣрѣ. Веселый нѣмецъ слона-то и не примѣтилъ. А это дѣйствительно слонъ. Достигнувъ извѣстной ступени историческаго развитія, человѣкъ уподобляется Іисусу Навину, который говоритъ солнцу: стой! — и солнце стоитъ. Разница однако въ томъ, что Іисусъ Навинъ совершилъ, по библейскому сказанію, чудо, нѣчто сверхъестественное, а человѣкъ, измѣняя окружающій міръ, не думаетъ выбиваться изъ круга общихъ законовъ природы. Онъ не дѣлаетъ и не можетъ дѣлать ничего неестественнаго, потому что неестественное значитъ именно невозможное. Но тѣмъ не менѣе дѣятельность его рѣзко отличается отъ другихъ естественныхъ процессовъ по отношенію къ нему самому, творцу этой дѣятельности. Посмотримъ же въ чемъ ближайшимъ образомъ состоитъ дѣятельность человѣка на землѣ, каково отношеніе ея къ другимъ процессамъ природы и каковы результаты столкновенія этихъ двухъ теченій.

Цитируемый Дарвиномъ Сомервиль говоритъ о нѣкоторыхъ искусныхъ скотоводахъ: «словно они начертили на стѣнѣ идеально совершенную форму овцы и придали ей жизнь». Вотъ

http://rcin.org.pl

простѣйшій образецъ человѣческой дѣятельности. Побуждаемый своими надобностями, человѣкъ строитъ нѣкоторый идеалъ и, руководимый знаніями, достигаетъ его, то-есть получаетъ удовлетворяющую его комбинацію впечатлѣній и ощущеній. Взятый нами примѣръ крайне простъ, идеалъ достигается съ легкостію и увѣренностью, какія характеризуютъ преимущественно привычную механическую дѣятельность человѣка. Въ другихъ случаяхъ идеалы не только труднѣе достижимы, но и несравненно менѣе ясны, такъ что на отысканіе идеала и опредѣленіе его подробностей тратится человѣкомъ вообще не меньше силъ, чѣмъ на его осуществленіе. Какъ бы то ни было, но изъ нашего примѣра видно все-таки отношеніе человѣческой дѣятельности къ другимъ естественнымъ процессамъ. Овца, какою она вышла изъ рукъ слѣпыхъ силъ природы и предшествующихъ поколѣній людей, не удовлетворяетъ человѣка. Онъ передѣлываетъ ее въ виду своихъ собственныхъ интересовъ, отнюдь не давая простора ни естественному подбору, ни какимъ бы то ни было интересамъ самой овцы. Весьма вѣроятно, что та форма овцы, которая даетъ наибольше шерсти и жиру, крайне невыгодна для нея самой. Весьма вѣроятно, что эта идеальная форма связана съ какими-нибудь болѣзнями, недолговѣчностью овцы и т. п. Во всякомъ случаѣ естественный подборъ только въ видѣ частнаго, исключительнаго случая могъ бы произвести такую, только для человѣка (и даже только для скотовода, потому что эстетикъ легко можетъ ею не удовлетвориться) идеально совершенную форму овцы Представимъ себѣ всю область человѣческой дѣятельности въ дѣлѣ искусственнаго подбора животныхъ и растеній, и намъ станетъ ясно какъ нелѣпо было бы игнорировать роль человѣческой дѣятельности въ дальнѣйшей исторіи жизни на землѣ и какъ эта дальнѣйшая исторія должна отличаться по своему характеру отъ предъидущей. Ясно, напримѣръ, что хищныя животныя, если даже имъ такъ написано на роду, не успѣютъ обратиться въ травоядныхъ, потому что будутъ истреблены человѣкомъ или приручены. До развитія человѣческой дѣятельности, до вліянія на жизнь его идеаловъ,

http://rcin.org.pl

слѣпыя силы природы измѣняли организмы безъ всякаго опредѣленнаго направленія и давали побѣду «привиллегированнымъ», которые можно назвать такъ только именно потому, что они одержали побѣду, и ничто не мѣшало имъ быть во многихъ отношеніяхъ ниже побѣжденныхъ. По мѣрѣ развитія человѣческой дѣятельности, этотъ порядокъ вещей измѣняется. Измѣненія организмовъ происходятъ въ одномъ направленіи, — въ направленіи интересовъ человѣка, а не въ интересахъ нѣкоторыхъ счастливцевъ каждаго вида. Конечно, всегда могутъ остаться нѣкоторыя заповѣдныя, недоступныя для человѣка области дѣйствія естественнаго подбора. Но мы говоримъ объ общемъ характерѣ и направленіи процесса.

Что же въ это время дѣлается съ человѣкомъ? Представимъ себѣ нашего отдаленнаго предка, который всковырялъ извѣстное пространство земли какимъ-нибудь подобіемъ скребка или лопаты, разсыпалъ нѣсколько зеренъ и дождался плодовъ своего нехитраго труда. Разъ онъ это совершилъ, измѣненіе его переднихъ конечностей, въ предѣлахъ взятаго нами примѣра, уже не требуется обстоятельствами его жизни (оно безъ сомнѣнія не требовалось уже гораздо раньше, нашъ примѣръ годится только для наглядности). Требуется измѣненіе скребка, каковое можетъ совершиться, не принимая въ соображеніе какихъ-нибудь счастливыхъ случайностей, только благодаря усиленной умственной дѣятельности. Надо выдумать что-нибудь лучше скребка. Сознается необходимость глубже взрывать почву. Вырабатывается идеалъ пригоднаго орудія и обработки поля. И вотъ скребокъ замѣняется лопатой, лопата сохой, соха плугомъ, человѣческая сила силой домашнихъ животныхъ, эта послѣдняя силой вѣтра, теченія воды, пара Идеалы ростутъ, подмываемые съ одной стороны увеличивающеюся трудностью обработки, а съ другой собственной инициативой человѣка. И каждый изъ этихъ шаговъ впередъ вопервыхъ все болѣе и болѣе обезпечиваетъ физическую (въ грубомъ смыслѣ слова) неприкосновенность человѣческаго типа, и вовторыхъ вызываетъ извѣстныя измѣненія умственной природы человѣка. Въ числѣ орудій

http://rcin.org.pl

приспособленія одно изъ важнѣйшихъ мѣстъ занимаетъ кооперація, которая вызываетъ рядъ измѣненій собственно нравственнаго характера. И здѣсь человѣкъ ставитъ передъ собой извѣстные идеалы и стремится выработать удовлетворительную комбинацію ощущеній и впечатлѣній. Намъ незачѣмъ слѣдить здѣсь за ходомъ всѣхъ этихъ измѣненій. Намъ нужно только опредѣлить ихъ общее направленіе, а оно очевидно: исторія жизни на землѣ стремится обратиться въ исторію человѣческихъ идеаловъ. Ростъ и паденіе идеаловъ, ихъ смѣна, способы достиженія ихъ, матеріалы, идущіе на ихъ теоретическую постройку и практическое осуществленіе, — вотъ элементы дальнѣйшей исторіи жизни на землѣ. Конкретнымъ образомъ они выразятся слѣдующими чертами: измѣненіе органическихъ формъ въ интересахъ человѣка, сохраненіе физическаго типа человѣка въ общихъ чертахъ, измѣненіе его умственнаго и нравственнаго склада. (См. объ этомъ у Спенсера и Уоллеса). Идеалы могутъ враждебно сталкиваться. Человѣкъ можетъ, напримѣръ, задуматься: обработать ли ему красивую дикую мѣстность и тѣмъ удовлетворить нѣкоторому сельско-хозяйственному идеалу, или оставить ее, какъ она есть, въ видахъ эстетическихъ. Но и въ послѣднемъ случаѣ мѣстность остается неприкосновенною только въ качествѣ человѣческаго идеала, въ качествѣ явленія, удовлетворяющаго эстетическимъ вкусамъ человѣка.

Но, спрашивается, какъ связать это будущее съ послѣднею частью романа земли? Очевидно, веселый нѣмецъ ничего такого не сдѣлалъ, онъ просто механически приставилъ свою теорію къ теоріи Клаузіуса. Если читатель спроситъ о нашемъ мнѣніи на этотъ счетъ, то мы ему отвѣтимъ: не знаемъ. И прибавимъ въ утѣшеніе, что этого и никто не знаетъ. Относительно самой послѣдней части романа существуетъ много предположеній и теорій, другъ друга исключающихъ. Существуетъ даже мнѣніе, и притомъ поддерживаемое людьми науки въ настоящемъ смыслѣ слова, что романъ земли безконеченъ. Однако эта гипотеза мало вѣроятна. Но намъ собственно говоря до этого нѣтъ дѣла, не только потому, что конецъ

http://rcin.org.pl

романа слишкомъ далекъ отъ насъ для того, чтобы мы могли принимать его въ соображеніе практически. Но и потому, что, каковъ бы онъ ни былъ, мы будемъ поневолѣ бороться до конца. Выработка идеаловъ, погоня за удовлетворяющей комбинаціей ощущеній прекратиться не можетъ. Идеалъ не только не отступаетъ передъ трудностями, но напротивъ питается ими. Прудонъ въ своей книгѣ объ искусствѣ задавалъ себѣ роковой вопросъ и отвѣтилъ на него такъ: «Я не вѣрю, чтобы всемірный человѣкъ Паскаля, вѣчно учащійся, вѣчно развивающійся, накопляющій богатства и безсмертный, могъ дряхлѣть и приходить въ упадокъ. Онъ можетъ мучиться, колебаться, временно падать и подыматься, но мнѣ кажется совершенно невозможнымъ, даже противорѣчивымъ, чтобы нравственное его паденіе могло быть постояннымъ, продолжительнымъ. Человѣчество когда-нибудь кончится, говорятъ нѣкоторые, земля, служившая ему колыбелью, сдѣлается для него гробницей. Я могу допустить, что планета наша можетъ состарѣться,—хотя я этого и не знаю, я допускаю это, потому что планета не духъ, не совѣсть и не свобода; но въ такомъ случаѣ человѣчество, постоянно уменьшаясь въ своей массѣ, вслѣдствіе неблагопріятныхъ условій почвы, уничтожится, такъ-сказать, добровольно, не истощившись, а перейдя въ высшую духовность. Достигнувъ совершенства, человѣкъ кончится. Достигнувъ высшей степени сознанія, пониманія свободы и своего достоинства, въ виду истощенной, дряхлой природы, ставшей ниже его, одухотворенный человѣкъ, безъ сожалѣнія къ своей неудавшейся судьбѣ, долженъ будетъ согласиться съ необходимостью и завѣщать свою душу болѣе юному міру». Такъ или иначе, но мы можемъ руководствоваться только воображеніемъ, говоря о конечныхъ формахъ великой борьбы человѣка съ природой за существованіе. Можно придумать много различныхъ комбинацій, но всѣ они будутъ построены на пескѣ. Отъ этой мысли, какъ и вообще отъ постройки *конечнаго* идеала, мы должны отказаться. Милль говоритъ въ своемъ трактатѣ политической экономіи о «неподвижномъ состояніи общества» въ экономическомъ отношеніи, какъ

http://rcin.org.pl

о возможномъ и желательномъ будущемъ. И [illegible] этомъ можно разсуждать, къ этому идеалу можно стремиться. Но экономическая неподвижность не исключаетъ собою дальнѣйшихъ идеаловъ нравственныхъ, умственныхъ, эстетическихъ. И слѣдовательно конечнаго идеала, достаточно ярко обозначеннаго, мы не имѣемъ. Для насъ важны не эти, облеченные въ плоть и кровь послѣдніе образы, а направленіе нашей дѣятельности. Ринутся ли послѣдніе люди въ битву съ тѣмъ отчаяніемъ, съ которымъ горсть удальцовъ бросается въ сраженіи на вѣрную смерть; угаснетъ ли человѣчество тихо и постепенно, сокращаясь въ числѣ; нанесетъ ли оно послѣдніе удары само себѣ,—во всякомъ случаѣ пути природы и человѣка разные. И возникающая отсюда борьба за существованіе, проявляясь въ иныхъ формахъ, чѣмъ между другими дѣятелями природы, тѣмъ не менѣе безпощадно обязательна. Идеалъ и стремленіе къ его осуществленію возникаютъ также фатально, какъ самыя пассивныя приспособленія низшихъ существъ. Простыя физіологическія нужды и высшіе нравственные идеалы гонятъ насъ все впередъ и впередъ, на вѣчную фатальную борьбу съ безсмысленной природой, борьбу, въ которой мы остановиться не можемъ. Конечный идеалъ для насъ теменъ, мы побуждаемся къ дѣйствію только ближайшими идеалами, и конецъ романа земли практически важенъ для насъ только какъ указаніе на безсмысленность и *негуманность*, безчеловѣчность естественнаго хода вещей. Но мы люди и можемъ руководствоваться только *гуманностью*, въ широкомъ смыслѣ слова, только человѣчностью. И одно это уже фатально обязываетъ насъ на борьбу съ природой, каковы бы ни были ея конечные результаты.

Спрашивается, какого мнѣнія должны мы держаться въ виду всего этого относительно естественной морали, естественнаго права, естественной экономіи, естественнаго хода вещей, какъ регулятора человѣческихъ дѣлъ? Каково ихъ отношеніе къ нашимъ идеаламъ? Очевидно, что люди, толкующіе о естественномъ ходѣ вещей, какъ о благодѣтельномъ регуляторѣ человѣческихъ дѣлъ, находятся во власти нѣкотораго недоразумѣнія.

http://rcin.org.pl

Кусокъ хлѣба, являющійся голодному нищему; красавица, о которой мечтаетъ юноша; форма овцы, которой добивается скотоводъ; общественный строй, представляющійся мыслителю осуществленіемъ справедливости; механическое приспособленіе, задуманное техникомъ,—вотъ идеалы или вѣрнѣе элементы идеаловъ. Но развѣ не естественный ходъ вещей породилъ сонъ нищаго, мечту юноши, идеалъ овцы, думу мыслителя, работу техника? Развѣ не естественный ходъ вещей побудитъ нищаго, возставъ отъ сна, протянуть руку за подаяніемъ, наняться въ работники или ограбить прохожаго? Развѣ не естественный ходъ вещей побудитъ человѣка стремиться тѣми ли, другими ли путями къ осуществленію его идеала справедливости? Развѣ дѣйствіе механическаго приспособленія, изобрѣтеннаго техникомъ, будетъ менѣе естественно, чѣмъ ростъ растенія, дыханіе человѣка, притяженіе земли, соединеніе химическихъ элементовъ и проч.? Вообще, развѣ возможенъ какой нибудь неестественный ходъ вещей? Развѣ неестественна, собственно говоря, самая безумная мечта? Единственный смыслъ, который можетъ быть навязанъ выраженію «естественный ходъ вещей», состоитъ въ невмѣшательствѣ человѣка. Дано извѣстное сочетаніе силъ; если мы не будемъ вмѣшиваться въ дальнѣйшее развитіе этой комбинаціи, то это будетъ естественный ходъ вещей. Но въ такомъ случаѣ надо признать, что естественный ходъ вещей существуетъ только тогда и тамъ, когда и гдѣ нѣтъ человѣка, потому что человѣкъ каждымъ своимъ шагомъ, простѣйшими жизненными актами измѣняетъ такъ или иначе данную комбинацію силъ. Мы согласны пожалуй принять это толкованіе, единственно впрочемъ потому, что не возлагаемъ большихъ надеждъ на естественный ходъ вещей. Но это толкованіе не только крайне обидно для человѣка, но и ведетъ къ тому самому дуализму, который желаютъ изгнать сторонники естественнаго хода вещей. Въ самомъ дѣлѣ, рельефъ земнаго шара, напримѣръ, созданъ извѣстными сочетаніями космическихъ силъ. Въ созданіи его принимали участіе, между прочимъ, такія индивидуализированныя единицы, какъ и человѣкъ. И мы говоримъ, что рельефъ

http://rcin.org.pl

земнаго шара опредѣлился естественнымъ ходомъ вещей. Является человѣкъ и передѣлываетъ рельефъ земли сообразно своимъ идеаламъ: здѣсь пробиваетъ туннель, тамъ строитъ плотину, тамъ отводитъ русло рѣки, здѣсь тревожитъ залежи каменнаго угля,—и намъ приходится признать, что это неестественный ходъ вещей. За что же мы выгоняемъ такимъ образомъ человѣка изъ области естества? и куда? Мы не придираемся, не говоримъ о тѣхъ непроизвольныхъ измѣненіяхъ данной среды, которыя совершаются простѣйшими физіологическими отправленіями, актами дыханія, пищеваренія и проч. Мы говоримъ только о сознательной дѣятельности человѣка. И ее-то очевидно все-таки не представляется называть неестественною, въ какомъ бы направленіи и какими бы средствами она ни измѣняла данную среду.

Мы имѣемъ здѣсь любопытный образчикъ того, какъ иногда слова переживаютъ сами себя. Въ свое время выраженіе «естественный ходъ вещей» имѣло очень ясный и совершенно спеціальный смыслъ. Оно выражало требованіе ослабленія узъ, наложенныхъ на личность феодализмомъ. Но оно осталось въ обиходѣ рѣчи и послѣ упраздненія феодализма, получило гораздо болѣе общій и гораздо менѣе опредѣленный смыслъ, а затѣмъ, осложнилось еще дурно понятымъ реализмомъ.

Будемъ, однако, разумѣть подъ естественнымъ ходомъ вещей все, что только подъ нимъ можно разумѣть, т. е. всѣ процессы природы, за исключеніемъ сознательной дѣятельности человѣка. И надо замѣтить, что если мы устранимъ двусмысленность выраженія «естественный ходъ вещей» и ту смутную точку зрѣнія, благодаря которой установилась эта двусмысленность, то выдѣленіе сознательной дѣятельности человѣка изъ совокупности естественныхъ процессовъ окажется вполнѣ раціональнымъ. Оно ни малѣйше не колеблетъ общности происхожденія и свойствъ обоихъ разрядовъ явленій. Оно устанавливаетъ только извѣстную классификацію, не устраняющую полезности и необходимости другихъ классификацій. Разумъ, воля и чувство человѣка, стремящіеся стать верховными активными дѣятелями природы по-

http://rcin.org.pl

добно всѣмъ другимъ сложнымъ факторамъ, представляютъ собою просто извѣстное сочетаніе основныхъ силъ природы. Это сочетаніе развивалось постепенно, начиная съ низшихъ ступеней органической лѣстницы. Представители каждой изъ этихъ ступеней боролись съ остальной природой, по необходимости противопоставляли себя ей, но или падали въ этой борьбѣ, или распространяли свое вліяніе въ болѣе или менѣе узкихъ предѣлахъ. Только съ развитіемъ цѣлесообразной дѣятельности человѣка остальная природа встрѣтила врага достаточно могучаго, чтобы побѣдить и время, и пространство, и климатъ, и естественный ходъ вещей. Когда говорятъ, что земля постепенно естественнымъ ходомъ вещей приготовилась къ существованію человѣка, то это справедливо въ томъ условномъ смыслѣ, что человѣкъ могъ явиться только послѣ многовѣковыхъ измѣненій земной поверхности и органической жизни. Но тѣмъ не менѣе, земля оказалась скорѣе мачихой, чѣмъ заботливой матерью человѣка. Вообще говоря, человѣкъ весьма рѣдко удовлетворяется комбинаціей ощущеній и впечатлѣній, получаемыхъ имъ отъ процессовъ и результатовъ естественнаго хода вещей. Онъ раздѣляетъ то, что природа соединяетъ, и наоборотъ; онъ перебрасываетъ мосты черезъ рѣки и прорываетъ каналы; перевозитъ естественныя произведенія одной страны въ другую, гдѣ они, пожалуй, неестественны; объединяетъ естественныя группы—народы общими вѣрованіями и раздѣляетъ народъ на классы; проводитъ воду туда, гдѣ, по естественнымъ условіямъ, она скопиться не могла, и осушаетъ болота; развиваетъ въ животныхъ и растеніяхъ такія формы и особенности, которыя противны естественному ходу вещей и т. д. и т. д. Это даетъ уже намъ нѣкоторое право думать, что нѣчто прогрессивное въ смыслѣ естественнаго хода вещей можетъ оказаться регрессивнымъ въ человѣческомъ смыслѣ, и наоборотъ. Человѣкъ приноситъ съ собою въ міръ новую силу, которая, какъ и всѣ другія сложныя силы, представляетъ извѣстное сочетаніе основныхъ силъ природы и, подобно всѣмъ другимъ силамъ, стремится охватить всю природу. Сила размноженія, какъ извѣстно, такова, что каждый видъ покрывалъ бы

http://rcin.org.pl

въ короткое время землю своимъ потомствомъ, еслибы не встрѣчались столкновенія съ другими силами природы. Изъ этого, однако, не слѣдуетъ, чтобы напряженность силы размноженія вообще и въ каждомъ частномъ случаѣ была несстественна. Точно также цѣлесообразная дѣятельность человѣка стремится овладѣть природой, вовсе не переставая быть естественной. Но понятно, что для человѣка, его разумная дѣятельность рѣзко выступаетъ изъ среды другихъ дѣятелей природы и имѣетъ совершенно особое, спеціальное значеніе. Она имѣетъ таковое уже потому, что она *наша* дѣятельность. Ни малѣйше не сомнѣваясь въ естественности мотивовъ, цѣлей и средствъ человѣческой дѣятельности, нельзя, однако, не признать, что она въ нашихъ глазахъ пользуется и должна пользоваться нѣкоторою преміей по сравненію съ другими, столь же естественными процессами. А это уже обязываетъ насъ къ нѣкоторому дуализму, хотя и не къ тому, который признаетъ человѣка существомъ, стоящимъ внѣ законовъ природы. Такъ что веселый нѣмецъ можетъ быть и не правъ, говоря: «если мы допустимъ для человѣка еще какой-либо этическій принципъ, стоящій въ противорѣчіи съ правомъ силы и эгоизмомъ, то во имя послѣдовательности, мы должны ввести дуализмъ и въ остальную природу, принять отличный отъ матеріальныхъ силъ принципъ развитія».

Удивительное мы съ вами время переживаемъ, читатель. Приходится доказывать, что чувства и воззрѣнія, противоположныя эгоизму и праву силы, не неестественны! А между тѣмъ, кажется, чего проще: эти чувства и воззрѣнія существовали испоконъ вѣку, участвовали въ историческомъ процессѣ, хотя далеко не всегда побѣждали, и кристализировались въ исторіи, существуютъ наконецъ и по сіе время. Существовали, существуютъ—значитъ, кажется, по малой мѣрѣ естественны. Приходится доказывать, что изъ того, что человѣкъ—животное, еще вовсе не слѣдуетъ, чтобы для него обязательно было быть скотомъ. Тѣни великихъ служителей человѣчества, вы всѣ, для насъ мыслившіе и страдавшіе и пролившіе кровь и молившіеся, заблуждавшіеся и находившіе истину,—посмотрите на насъ; посмо-

http://rcin.org.pl

трите, что спекли мы изъ вашей крови и мысли: съ одной стороны пропись—будь добродѣтеленъ, ибо добродѣтель торжествуетъ, а порокъ наказуется; съ другой стороны нѣчто, не имѣющее имени—добродѣтель есть порокъ, порокъ же есть добродѣтель или, по крайней мѣрѣ, добродѣтель неестественна. И особенно достойно вниманія, что и эти прописи и это нѣчто, не имѣющее имени, существуютъ совмѣстно и ни малѣйше другъ друга не стѣсняютъ. Даже нашъ веселый нѣмецъ не чуждъ прописи. Онъ, подобно Мишле, радуется естественному братству всѣхъ земныхъ тварей и пропстекающимъ отсюда высокимъ, гуманнымъ чувствамъ!

Читатель отнюдь не долженъ смущаться тѣмъ, что веселый нѣмецъ не то сумасшедшій, не то клоунъ, не то серьезный и остроумный человѣкъ. Имя ему легіонъ, хотя мысли, высказываемыя имъ, высказываются другими не въ столь парадоксальной формѣ. Но форма, конечно, ничего не значитъ, и мы нѣмца веселаго взяли только потому, что онъ по своей неустрашимости особенно удобенъ для наблюденій.

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ТОМА.

http://rcin.org.pl

INSTYTUT
BADAŃ LITERACKICH PAN
BIBLIOTEKA
00-330 Warszawa, ul. Nowy Świat 72
Tel. 26-68-68

http://rcin.org.pl

http://rcin.org.pl

http://rcin.org.pl

http://rcin.org.pl

F
24.150/1

http://rcin.org.pl